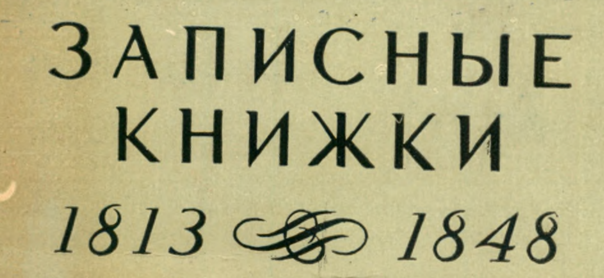
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

1813 — 1848

П.А.ВЯЗЕМСКИЙ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

(1813–1848)

П. А. Вяземский.
Акварель работы С. Дица, 1838

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

(1813–1848)

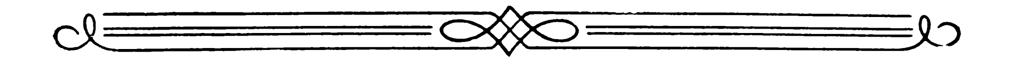

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА
В. С. НЕЧАЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1963

Ответственный редактор
К. В. ПИГАРЕВ

«Будет другой век, когда протухлый наш век сгниет; вопли моего сердца, быть может, не заглушатся под усилиями невежества, и я отзовусь у добрых и счастливейших людей. Я мало означил шагов на пути своего незначительного бытия, но шаг-другой останется впечатленным».

(Из письма П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 3 сентября 1820 г.)

КНИЖКА ПЕРВАЯ[1]
(1813—1823)

Милостивый государь,

Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь ролю в области словесности и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессоницы, и начиная засыпать мерещились мне мысли. Я кидался с постели, в просонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои и опять оставался с прежним недостатком. В унынии я уже прощался с надеждою сказать о себе некогда хотя пару слов типографиям, прощался с надеждою получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: Журналы! Вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородною страстию напоминать о себе вселенной! Наконец, последняя книжка «Вестника Европы» под № 22-м оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарею надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на олтаре журналов; ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которым, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял необоримому желанию чернить белую бумагу. Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет

вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ. Кто-то сказал, что, когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в своем Вестнике, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека*[2].

ПРИКАЗ СЕМЕНУ ГАВРИЛОВУ[3]

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее и что ты начинаешь знать, где ставится ѣ и *е*. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее пред миром, и который с удивительным своим дарованием погрешает всегда против сих букв. Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилов! Это стоит ѣ. Пекись о нем, но пекись и о доходах, помни мое наставление: соединяй полезное с приятным. Притом же буква ѣ гораздо на глаза милее в доходе, чем в расходе. Еще одно слово: твой слог всегда шероховат, а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная, спеша не спотыкнулась,
И с гласною другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от сияния злых как можно убегай[4].

И всякой раз, что возмешь перо в пальцы, прочитывай три раза сии прекрасные стихи, находящиеся в «Науке о Стихотворце», сочиненную Буало Депрео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести с французского. Впрочем, я здоров, но только немного простудился на днях в «Беседе»; надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаюсь вам снять с вас оброк на два месяца, и если напишется много, то и на три. Молитесь богу о том; вы верно неусердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год, как я сбираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды и жду помощи от бога: сенатор Захаров до старости не писывал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть. Высылай скорее денег: я должен книгопродавцу 200 рублей, и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев: страшись моей к ним любви[5].

ПОСВЯЩЕНИЕ [1*]
ПРИ СЛЕДУЮЩИХ БАСНЯХ

Непринужденный баснослов,
Люблю я твой язык скотов,
Он прост, щеголеват и сладок.
Парнаса нашего ты приподнял упадок,
И с Елисейских нив
К тебе, наш Лафонтен, твой мастер,
Друг Сумароков Муз кричит: «не будь ленив,
От ран словесности ты будь надежный пластырь.
Очисти вкус,
Скажи невеждам ты и школьникам Парнаса,
Что тыква, что арбуз,
И чтоб за нектар нам не выдавали кваса».
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я в трубу,
Не посажен я Музой в славной шайке,
И так бренчу
На балалайке,
И сам себе я только по плечу.
Но ты, мой Меценат, взгляни на эти притчи,
В них, может быть, найдешь ты много дичи,
Но на себя пеняй, я б их не написал,
Когда тебя бы не читал [7].

БАСНИ

1

В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть и крыса,
Она, как баба Василиса,
Все веселилася, не думая о том,
Что, может быть, придет ей встретиться с котом.
А кот, зверок известный,
И с рыла и с хвоста премилой, препрелестной,
А попадись ему, так будет тесно.
Мяучит кот,
А мышь пищит и, прыгая, идет
К коту навстречу.
Кот мышку цап
И в миг царап.

[1*] Мои подражания Хвостову [6].— *Прим. Вяземского.*

Смысл басенки моей я вам, друзья, замечу:
Мы здесь живем,
К бедам плывем.
Рок—кот, мужчина — крыса,
А баба всякая — такая ж Василиса [8].

2

В одном лесу гулял охотник,
Тут был и плотник
Иль, если правильней сказать, то дровосек.
Но нет беды! Ведь он такой же человек.
Читатели простят. Я не грамматик,
А просто баснослов-лунатик.
К тому ж, с кем Муза здесь дружна,
Тот знает, что подчас нам рифма солона,
Горька, как редька.
Поэт, коль рассудить, бессчастный, право, Федька.
Но ба, ба! Имянной указ:
Такого-то числа и году,
От Феба Пиндскому народу,
Нам делать не велит отводу,
А просто продолжать начатый раз
Рассказ.
Сей час!
Мой милостивой Феб, прости! вперед не буду
И твой приказ
Я не забуду.
Воротимся ж в свой лес,
Где встретим мы своих повес.
Один из них, в овчинной бурке,
Был с топором,
Другой, в зеленой куртке,
С ружьем.
Один пилит себе покойно елку,
Другой, на ней завидя перепелку,
Кричит: «постой!
Негодник злой,
Ты видишь, я здесь забавляюсь
И сам стрелять на елку попускаюсь.
Дороже топора ружье».
И тот мужик хоть неучтивый,
Но смыслом справедливый,
Сказал ему: «вранье.

Я здесь дрова рублю к отцу на новоселье.
Я дело делаю, а ты безделье».

Читатели мои!
Как чванство гордое, ни хмурься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи [9].

3

Осел мясистой, вислоухой,
Тащася по полю, раз повстречался с мухой.
«Здорово, брат!»
«Сеструшичка, здорово!»
На наш живут и звери лад:
Поклон, привет, на случай все готово.
Но замешайся тут не то,
Ни братом, ни сестрой не назовет никто.
Но далее пойти, и смысл нам будет ясен:
В толк быль возьмем, а быль под рожей басен!
Идут,
Ползут;
Но мухе —
Ей все ведь в труд.
Соскучилось — и вдруг взлетела и на ухе
У осла,
Как королева прилегла.
Осел ей говорит: «послушай ты, воструха,
Но, вон с уха,
Я не носилки для тебя».
А муха говорит: «не слушаюся я!»
И впрямь, что сделаем с бедою неминучей,
Хоть тяжело. Сердись, так будет круче.
Ты лучше потерпи. И мой осел,
Поосердяся,
Пораскричася,
Но муху на ночлег легохонько привел [10].

4

Лисица съела петуха,
Иль попросту дала дурашке треуха.
Лисицу господин чиновник,
Лесной полковник,

Зубастой волк,
Ногою толк,
Тут свиснул в ухо,
А там, безмолвствуя, к себе запрятал в брюхо.
Лисице сухо.
Наш волк, насытившись, гордится в попыхах.
Но из лесу медведь — и волк наш в дураках!
Медведю волк наш приглянулся,
И он еще и не очнулся,
А в рот уж чебурах!
И мой бедняк лежит в медведиными кишках.

У сильных слабые в тисках [11].

ИЗ ТОГО СВЕТА [1*]

Так как у нас календари не в употреблении, то не означаю ни числа, ни года.

От Великого Князя Георгия Владимировича первопрестольные столицы Градоначальнику, графу Александру Петровичу Тормасову

Грамота.

До меня дошло известие, что благополучно царствующий ныне потомок наш тебе вверил управление любезного сердцу моему города. Поздравляю и тебя с честию начальствовать в городе, освященном знаменитыми происшествиями, искупившем несколько раз погибающее отечество и жителей его, которыми предводительствует Вождь, поседевший под знаменами победы. Построивши на берегах Москвы и Неглинной несколько деревянных лачуг, не думал я, что городок мой возрастет до вышней степени величия, на котором красуется теперь Москва, и станет на ряду с богатейшими столицами света: так слава Российского оружия, осветивши при начале своем соседственные края, в счастливые дни вашего столетия озарила отдаленнейшие земли и горит в глазах света незаходимым солнцем. С радостию услышали мы, что ревностное усердие твое восстановить город, на который обрушился жестокий и сильный неприятель, венчается успехом и что уже едва приметны следы пламенной войны.

Спасибо тебе за это! Москву надобно поддерживать и обогащать. Свое худо хвалить; но на зло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он может быть и раскаивается, что затеял

[1*] Мое письмо к Тормасову, на маскараде, данном Праск[овьей] Юрьев[ной] Кологривовой, в Москве.— *Прим. Вяземского.*

золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мною. Дело сделано. Дай бог цвести в красоте и славе Петрограду! (Воля ваша, мы здесь, старые русаки, не можем приучиться русской город называть немецким именем). Но дай бог здоровье и матушке Москве!

Признаюсь тебе в малодушии своем: охотно бы оставил я на некоторое время блаженное спокойствие, которым мы наслаждаемся, чтобы прийти поглядеть на свой городок, который, вероятно, не признал бы меня, так как и я узнал бы его по одним догадкам или предчувствиям родительского сердца. Охотно бы согласился, платя дань времени, нарядиться в кургузое ваше платье, хотя бы и не пришло оно ко мне к лицу и, переменяя ночь в день, на маслянице поглядеть на ваши игрища и полюбоваться красавицами и уважением, которым награждаются твои достоинства. Сплетники нашего мира, потому что они и здесь завелись от вас, сказывали нам, что звание Московского начальника недолговечное и что место это шаткое; но мы надеемся, что ты опровергнешь своим примером дурное обыкновение и увековечишь себя на этой степени так, что и после тебя будут прозывать хорошего начальника Москвы: *другим Тормасовым*. Бью челом и желаю тебе здоровья и хорошего продолжения хорошего начала[12].

И. Й. ДМИТРИЕВУ [1*]

Именем Лафонтена и всей шайки избранных писателей, отпущенных на упокой, делаю вам строгие укоризны за то, что вы покинули наше ремесло, которое поддерживалось вами в России. Когда важнейшие занятия оспоривали право на ваше время и отечество требовало от вас иных услуг — мы молчали. Но теперь, когда отдых заменил деятельную и полезную жизнь, с горем и негодованием видим в вас неверного брата. Удовлетворите скорее справедливому требованию нашему и примите жезл владычества, похищенный в междуцарствии лжецарями.

По старшинству лет ваш учитель, а по старшинству дарований ученик

Хемницер.

Поля Елисейские[13].

СОБАКА [2*]

Лягавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: ну, если б был здесь мост,
Я прямо пробежала
И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,

[1*] Тоже мое на этом маскараде.— *Прим. Вяземского.*
[2*] Следующие мои. — *Прим. Вяземского.*

Не грызли б мне лягушки хвост.
Хоть у собаки ум и прост,
Но в этом случае не так-то глупо судит.
Вдруг издали плывет бревно.
Одно
Оно
Надежду на душе лягавой будит.
Великой аргумент: авось.
И говорит себе лягавая: не бось.
Приближилась к бревну и вот уж поравнялась,
Собака кое-как вдруг на него взобралась
И села попросту верхом.
Потом
Собака сделалась гребцом:
Гребет, гребет не веслами, ногами,
И не поет, как вечерами
Поют матросы на Неве
Иль матушке Москве,
А просто лает,
Но к берегу, однак, счастливо приплывает.

Учитель лучший нам нужда.
Приди беда —
И всякая собака —
Не хуже Телемака [14].

СТОЛ И РЕПА

Кичлива репища сидела на столе,
Как будто сосна на земле,
И осклабляя рыло,
И, возвеличившись, столу так говорила:
«Послушай, стол,
По милости моей ты стал теперь престол,
Сойду, так будешь пешкой».
А стол ей отвечал с усмешкой:
«В тебе от гордости дух сперт,
Пожалуйста, ты не бочись, как Ферт,
Как скушают тебя, так подадут дессерт».

Так думает гордец надутый,
Что общества он честь и витязь пресловутый [15].

КЕНЬГА, САПОГ И НОГА

Однажды кеньга
Приходит к сапогу
И говорит ему: «ты гнешь меня в дугу,
А право за меня заплачена и деньга!
Чем я тебе не брат,
Не кум, не сват?»
Сапог молчит,
Но ножке говорит:
«Послушай,
Меня хоть скушай,
А я тебе скажу,
Иль, если в слух боюсь, то скрыпом прожужжу.
Зачем меня ты давишь
И так в грязи бесславишь?»
Нога на то ответа не дарит,
А только что бежит.
Тут барин подоспел домой из булевара,
Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек.
А ножку? — нет ее он поберег
И высушил, согрев водой из самовара.

Мы любим то, что не любить нельзя.
Такие, я видал, и на роду друзья [16].

ПРОСВИРНЯ И ШОРНИК

В каком-то городе французском,
А может быть, и прусском,
До географии ведь в баснях дела нет,
С соседкой жил сосед,
Как брат с сестрою, мирно.
Он шорник был, она была просвирной;
Да, кажется, и как им доходить до при,
Или до ссоры?
Один работал шоры,
Другая просвиры.
Вдруг, вышед из домов до утренней зари,
На улице они нашли копейку.
А в свете сплошь
Цари ведут войну за грош.
Вот бросились они на медную злодейку.

Просвирня вдруг кричит:
«Копейка мне принадлежит!»
А шорник —
Ерник
Кричит: «нет, мне!»
Дошло до драки,
Дерутся, как собаки,
Как турки на войне.
Тут бутошник, услыша крики
И вопли дики,
Пришел,
Взял деньги,
И в съезжую моих соседов он повез,
Его без сапогов, ее без кеньги.

Отец Зевес,
Чтоб люди не дремали
И иногда себя щипали,
Пустил на землю интерес [17].

На сивой лошади из-за Москвы мужик
В октябрьски дни вез сено;
Русак ходить привык,
Не гнется под ногой колено,
Не станет он в тупик.
На голове хоть не парик,
А шапка из овчинки,
Величиною, правда, с крынки,
Но все ходить ему легко,
Хоть на ноге и не трико,
Не плис, не нанка,
А байка, да и та едва ли не изнанка.
А Буцефал,
Иль попросту сказать российская ослица.
Сперва орал,
Его отечество не Лондонска столица
И жеребцу,
Не молодцу,
Идет на лакомство лишь отрубей частица,
Да из пруда водица.
Мужик идет пешком,
Лошадку бьет кнутом,
И вдруг навстречу

Альпийская гора;
А грязь спора,
Мужик с лошадкою не входит в сечу,
Не бьет, не рвет, кричит: ура!
Гора крута, дорога вся из теста.
Пришлось, хоть и ни с места!
Но русской конь,
Его не тронь,
Ему труды — игрушка,
А смерть полушка.
Взобралась клячь
Без дальних сдач.
Тут вместе ехал князь,
На англинской кобылке.
Мужик уже взошел на вышнюю степень,
А князь мой в пень,
И на горе торчит, как гусь на вилке.

Не по хорошу мил, а по милу хорош.
Дукатов поверней подчас российской грош [18].

«Кой чорт,—
Ворчит сапожник,
Работая ботфорт,—
Счастливее меня, я чаю, и пирожник.
Точу,
Стучу,
А есть таки хочу,
Как ни верчу».
Тут Меньшикова шло с лотком потомство.
О, вероломство!
Он в лужу шарк.
В лотке ведь нет проворства барк.
Не поплывет он по пучине грязной,
Как исполин морской развязной,
И в луже пирожки,
Творения пирожничьей руки,
По волюшке судьбинушки проказной
Попадали в грязи;
А в пирожках ведь нет большой связи,
Щелкни тузом лишь их, развалятся на части.
Размокли разны вкусны сласти,
И моего сразил пирожника Перун!

А что же делает сапожник наш горюн?
На это глядя,
Сказал ему его почтенный дядя:
«Стыдись, стыдись дурак,
Безмозглой плакса!
Пирожник пятится из лужи сей, как рак,
Товар его прощай, хоть в нем бывал и смак,
А сапогу в беде помочь возможет вакса».

Чем приведу свою я басеньку к концу,
У каждого лица, ко каждому лицу
Своя бывает такса.
Аякс в Гектора прет, а Гектор прет в Аякса [19].

ТАНЦЫ

Один Гишпанец
Охотник был до танец,
И день, и ночь
Кувыркается, пляшет,
Глазами, головой, рукою, брюхом машет
И с полу не отходит прочь,—
Во всю трясется мочь.
Народ глядит и говорит: «бесовщик!»
— Неправда, он простой танцовщик.
Ты говоришь ему о братьях, о куме,
О римских чудесах, о Вавилонском саде,
А у него фанданго на уме.
Народ глядит и говорит: «в разладе
Гишпанской ум!»
Напрасен шум!
Гишпанец не дурак, Гишпанец не безбожник,
Он на свой вкус художник.
О люди, люди! Вы
Гишпанцы все, увы!
Мы все, коль рассудить, живем без головы,
Гишпанцу танцы,
Заводчику фаянсы,
Скупцу рубли,
Завоевателю клочек земли,
Любовнику приятны глазки —
Не те же ли гишпански пляски [20].

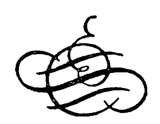
ПИСЬМО [1*]
(ПРИ ПОСЫЛКЕ БАСЕН) [21]

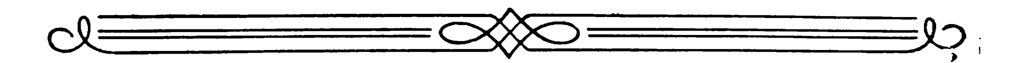
Покойный батюшка, учитель в здешней народной школе, писал стихи, но не отдавал их в печать потому, что, несмотря на благодетельные следы отечественного просвещения, из российских городов не более десяти пользуются типографиями, а наш принадлежит к тому числу, которое довольствуется читать еще по рукописям. Не худо, мне кажется, было бы выслать к нам из столиц отчаяннейших мучителей печати; пускай бы они здесь посидели на рукописном прокормлении, авось отстали бы от охоты прибирать слова к словам. Но дело не о том; любимый род батюшки был притчи. Он часто говаривал, кто что ни сказывай, а скотов легче заставить говорить, чем людей. По крайней мере не взыщут, если за них проврешься. Притчи его, переписанные за несколько дней до кончины, были приумножены посвящением, но к кому не знаю. Признаюсь в своем невежестве, я не батюшкин сынок: он смотрел всегда в книги или на бумагу, матушка за учениками, которые были поболее ростом, а я за гусями, которыми город наш гораздо богатее, чем людьми. Оттого родитель мой мне никогда и не сказывал о своих упражнениях, и я никогда и не спрашивал о них. Однако же в завещании родительском нашел его желание, чтобы все бумаги были пересланы в Петербург. Один проезжающий сказывал мне на днях, что недавно учрежден Комитет опекунства о Арзамасских гусях, на подобие того, который учрежден о жидах [22]. Сему радостному известию обязан я сыновним удовольствием исполнить последнюю волю покойного родителя и просить вас принять под свое покровительство притчи, единоплеменные гусям, с которыми совокупно повергаясь к ногам вашим с истинным высокопочитанием пребуду навсегда

ваш нижайший слуга *Ефрем Гусин.*

Арзамас,
1-го апреля 1817 г. [23]

[1*] Мое.— *Прим. Вяземского.*

КНИЖКА ВТОРАЯ[1]
(1813—1855)

Остафьево, 5-го августа 1813-го года.

Херасков сохранил до глубокой старости холодность, заметную в первых стихах его юности[2].

Княжнин и Фон-Визин хотя и уважали друг друга, позволяли себе однако же шутить иногда один на счет другого. «Когда же выростет твой Росслав?— спросил Фон-Визин однажды.— Он все говорит *я росс*, *я росс*, а все-таки он очень мал».— Мой Росслав выростет,— отвечал Княжнин,— когда вашего Бригадира пожалуют в генералы[3].

Trublet, l'archidiacre Trublet, dit dans son essai sur la poésie et les poètes que «la rime est à la raison ce que le zéro est aux autres chiffres, il ajoute à leur valeur et seul il n'en a aucune. Il faut que la raison précède la rime, comme les chiffres précèdent le zéro. Tel poème entier n'est qu'une suite de zéros». Cela n'est pas mal dit pour un archidiacre: mais voulez vous voir l'archidiacre dans tout son beau, lisez ce qui suit: «Le Télémaque est encore plus lu que la Henriade (vous en avez menti, Monsieur l'archidiacre), non qu'il vaille mieux, mais il est en prose (vous êtes un âne, Monsieur l'archidiacre). La Henriade en est plus belle, plus admirable, plus étonnante (ah! que cela sent l'archidiacre) d'être en vers; le Télémaque en est plus agréable d'être en prose! (pour vous, peut-être, Monsieur l'archidiacre, mais Dieu merci, nous ne sommes pas tous des archidiacres). Je voudrais que M-r de Voltaire eût composé la Henriade en prose!» (Ah, mon ami, pour le coup personne ne vous dira comme au Seigneur: que ta volonté soit faite). N'est il pas vrai que cet archidiacre est un archi-sot et un archifiacre? et que Voltaire a bien eu raison en disant:

L'archidiacre Trublet prétend que je l'ennuie.

La représaille est juste!

Ce dernier hémistiche vaut à lui seul cent ouvrages de cent archidiacres.

Et puis encore les vers du pauvre diable? Mon pauvre archidiacre, quel diable vous poussait-il d'attaquer Voltaire?

«Il en est des vers comme de l'accent gascon, qui fait souvent tout le sel des mots gascons» (C'est encore de l'ami Trublet, mais cependant, cela n'en est pas plus mauvais pour cela) [4].

[*Перевод*]

Трюбле, архидиакон Трюбле, в своем очерке о поэзии и о поэтах говорит, что «рифма по отношению к разуму является тем, чем является нуль по отношению к другим цифрам, он прибавляет им значение, а сам по себе значения не имеет. Следует, чтобы разум предшествовал рифме, как цифры предшествуют нулю. Случается, что вся поэма целиком представляет собой лишь подбор нулей». Неплохо сказано для архидиакона, но если вы хотите видеть архидиакона во всей красоте, прочтите следующее: «Телемака читают больше, нежели Генриаду (вы солгали, господин архидиакон), не потому, что он стоит лучшего, но он написан прозой (вы осел, господин архидиакон). Генриада тем более прекрасна, замечательна, удивительна (ах, как это отдает архидиаконом), что она в стихах; Телемак тем более приятен, что он написан прозой! (Для вас, быть может, господин архидиакон, но слава богу, мы не все архидиаконы). Я хотел бы, чтобы господин Вольтер сочинил Генриаду в прозе!» (Ах, друг мой, на этот раз никто не скажет вам, как господу богу: да будет воля твоя). Разве не правда что этот архидиакон является архидураком и архиизвозчиком и что Вольтер был совершенно прав, говоря:

Архидиакон Трюбле уверяет, что я ему наскучил.

Возмездие справедливо!

Это последнее полустишие само по себе стоит сотни трудов сотни архидиаконов. А к тому же еще стихи бедного малого?

Мой бедный архидиакон, какой чорт толкнул вас напасть на Вольтера?

«Со стихами бывает то же, что и с гасконским акцентом, который часто составляет всю соль гасконских слов» (Это опять изрек друг Трюбле, но, однако, изречение от этого не стало хуже)[4] (*фр.*).

Многие не признают в Вольтере лирического дарования, но ода его на смерть императора Карла VI служит, мне кажется, убедительным опровержением сего несправедливого мнения.

Il tombe pour jamais, ce cèdre, dont la tête
Défia si longtemps les vents et la tempête,
Et dont les grands rameaux ombrageaient tant d'états
. . . .
La mort a déchiré ces trente diadêmes,
D'un front chargé d'ennuis dangereux ornement.
O, race auguste et fière!
Un reste de poussière
Est ton seul monument![1*]

[1*] Он пал навсегда, этот кедр, глава которого
Так долго противостояла ветрам и буре
И чьи большие ветви бросали тень на столько государств,
Смерть сорвала с утомленного чела
Опасное украшение — его тридцать диадем.

И выражение, и самый механизм стихов означают лирика. По мне в сей оде гораздо более лирической поэзии, чем в оде Руссо к Фортуне и всех торжественных одах Ломоносова.

Херасков в одном примечании к поэме «Пилигримы» говорит: *Брут, дерзкая трагедия Вольтерова*. Его трагедии не имели этой дерзости[5].

Озеров за первые свои успехи на театре должен был заплатить терпением и твердостью. Эдип, Фингал, Димитрий навлекали ему постепенно новых врагов. Поликсена вооружила всю сволочь на него, и он был принужден укрыться в Казань от своих бешеных зоилов. Он может сказать с Вольтером: Si je fais encore une tragédie, où fuirai-je?[1*] [6]

— Знаете ли вы Вяземского?— спросил кто-то у графа Головина.— «Знаю! Он одевается странно».— Поди после, гонись за славой! Будь питомцем Карамзина, другом Жуковского и других ему подобных, пиши стихи, из которых некоторые, по словам Жуковского, могут назваться образцовыми, а тебя будут знать в обществе по какому-нибудь пестрому жилету или широким панталонам!— Но это Головин, скажете вы!— Хорошо! но, по несчастью, общество кипит Головиными[2*] [7].

Я не люблю людей, которых *душою* бывает *ум*: я хочу, чтобы *умом* человека была *душа*. Первые способны только блистать в обществе и занимать ваши скучные досуги своим остроумным лепетанием: последний близок вам во всякое время и тогда, когда плодовитые речи первых возбуждают ваше внимание, и только пока ударяют в ваш слух, часто одно слово последнего врезывается навсегда в вашу память и в ваше сердце. Вовенарг сказал: les grandes idées viennent du coeur[3*]. Можно прибавить, что и принимаются в сердце[8].

Язык нашей Библии есть Сербской диалект 9-го века. У них и до сей поры говорится: *хлад*, *град*, *глад*.

У нас прежде говорилось: *воевать неприятеля*, *воевать землю*, *воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне выражение двоесмысленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке. Сколько еще подобных выражений, слов значительных, живописных, оторванных

О, царственная, гордая раса!
Горстка праха —
Единственный памятник тебе! (*фр.*).

[1*] Если я напишу еще трагедию, куда мне бежать? (*фр.*).

[2*] К *этой записи сделана следующая приписка*: «Я памятник и пр., и пр., и пр.» (Приписка Батюшкова).— *Прим. Вяземского.*

[3*] Великие мысли исходят из сердца (*фр.*).

от нашего языка неприхотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена. Не всякой имеет средство рыться в летописях, единственном хранилище богатства нашего языка, не всякой и одарен потребным терпением и сметливостию, чтобы отыскать в них то, что могло бы точно дополнить и украсить наш язык. Богатство языка не состоит в одном богатстве слов: Шихматов, употребив несколько дюжин или вовсе новых, или не употребляемых слов в своей лирической поэме, не обогатил нимало *казны* нашего языка. Бедняк нуждается хлебом, а скупец отдает ему лед, оставшийся у него в погребе. Мне кажется, что Нцколай Михайлович, познакомивший нас со славою предков, должен был бы, оставя на время блестящее свое поприще для поприща тернистого и скучного, но не мене полезного согражданам, утвердить наш язык на незыблемых столбах не одним практическим упражнением, но теоретическим занятием. Критически исследовав деяния предков, исследовал бы он критически и язык их. Светильник истории осветил бы ему и мрак словесности и, озаряя нас двойным сиянием, рассеял бы он ночь невежества, в которой бродим мы по отечественной земле, нам незнакомой[9].

В женщинах мы видим торжество *силы слабостей*. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают. Они напоминают ваяние, представляющее амура верхом на льве. Дитя обуздывает царя зверей[10].

Un excellent critique, dit Voltaire, serait un artiste qui aurait beaucoup de science et de goût, sans préjugés et san senvie. Cela est difficile à trouver[1*]. О критике такого человека нельзя бы сказать:

La critique est aisée et l'art est difficile[2*11].

Английской министр при дворе Екатерины, присутствующий ее похоронам, сказал: On enterre la Russie[3*].

Недвижима лежит, кем двигалась Вселенна!— сказал о ней же Петров в одном своем стихотворении[12].

Война 1812 года была так обильна спасителями Москвы, Петербурга, России, что истинному спасителю пришлось сказать: Parmi tant de sauveurs, je n'ose me nommer[4*13].

[1*] Прекрасный критик,— говорит Вольтер,— должен был бы быть художником, обладающим большими знаниями и вкусом, без предрассудков и без зависти. Такого критика трудпо найти (*фр.*).

[2*] Критика легка — искусство трудно (*фр.*).

[3*] Хоронят Россию (*фр.*).

[4*] Я не осмеливаюсь присоединить имя свое к такому количеству спасителей (*фр.*).

Лафонтен, как иные полагают, создал слово *fabuliste* [баснописец]; сам же был причиною создания слова fablier, qui porte des fables, comme un pommier des pommes[1*]. Основываясь на этом примере, можно сказать о Крылове, что он *басення* от *яблоня*, а Хвостов — *баснина* от *осина*[14].

Туманский, издатель «Зеркала света» и «Лекарства от скуки и забот», с товарищем своим Богдановичем[2*] — Et lui frère inconnu d'un si glorieux frère![3*] заспорили однажды в ученом припадке о слове *починить*, т. е. исправить. Туманский говорил, что надобно писать *подчинить*. Богданович осмеливался уверять его, что пишется *починить*. Прибегнули к третьему лицу, решившему их ученое прение. Этот Туманский был после цензором и входил в доносы на Карамзина[15].

Дмитриев, жалуясь на Пименова (переводчика La Rochefoucault [Ларошфуко] и последнего питомца к[нязя] Б. Голицына), который посещает его довольно усердно, сидит два часа и ни слова не промолвит, говорит, что он приходит держать его под караулом. Le Brun [Лебрэн] о парижских Пименовых сказал:

O! la maudite compagnie
Que celle de certains facheux
Dont la nullité vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux [4*] [16].

Тончи, сей живописец-поэт, соединивший замысловатую игривость итальянского воображения с смелостию и откровенностию гения древних, хотел изобразить Ахилла невредимым, но однако же без всех принадлежностей его. Он на охоте: Харон толкует ему свойства разных трав; Ахилл слушает его, опершись локтем на острие стрелы. Острый конец стрелы дотрогивается его руки, но не уязвляет, не входит в тело[17].

За что многие не любят тебя? спрашивал кто-то у Ф. И. Киселева. За что же всем любить меня, отвечал он: ведь я не империал[18].

Критик Болтин был пасынок *Кроткова*, который по шалостям и от долгов объявил себя мертвым и выехал из Петербурга в Симбирск в гробе.

[1*] Сборник басен (басенник), плодоносящий баснями, как яблоня яблоками (*фр.*).

[2*] (Ошибка! он ему не брат и даже не сродни).— *Прим. Вяземского в тексте.* Ошибка! Богданович этот не был дядя «Душеньки» и вовсе не родня поэту.— *Прим. Вяземского внизу страницы.*

[3*] И он — неизвестный брат такого прославленного брата (*фр.*).

[4*] О, будь проклято общество
Неких несносных людей,
Ничтожество которых вам досаждает:
Вы не в одиночестве, но вы и не вдвоем (*фр.*).

Молодой Болтин поехал с ним и попечительным о воспитании его вотчимом был употребляем в хорах, составленных из кучеров и лакеев, которыми Кротков утешал свой слух на веселых и приятельских попойках. Природные склонности боролись в молодом Болтине с силой развратных примеров и победили ее. Он урывал от пьяных бесед и предавался *трезвому пьянству* Муз, перевел два полные тома Энциклопедии. Наконец, возвратясь в Петербург, посвятил он себя любимой науке Истории и едва ли не первый и не последний у нас вносил светильник критики в мрак невежества и предрассудков пристрастия[1*] [19].

Говоря о блестящих счастливцах, ныне окружающих государя, я сказал: от них несет ничтожеством[20].

Баснописец Измайлов — пьяный Крылов[21].

Головы военной молодежи ошалели и в волнении. Это волнение: хмель от шампанского, выпитого на месте в 814-м годе. Европейцы возвратились из Америки со славою и болезнию заразительною: едва ли не то же случилось с нашею армиею? Не принесла ли она домой из Франции болезнь нравственную, поистине *Французскую болезнь*. Эти будущие преобразователи образуются утром в манеже, а вечером на бале[22].

Апраксина называет нынешних генерал-адъютантов военными камергерами, а флигель-адъютантов — военными камер-юнкерами царского двора.

Волконской — Перекусихина нашего времени: он пробует годных в флигель-адъютанты[23].

N. N. говорит пословицами, а действует виньетками[24].

Желтый Карла может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нем тайнам государственных наук. Это «Кормчая книга» наших будущих преобразователей[25].

Куракина собиралась за границы. Как она не во время начинает путешествие,— сказал Ростопчин.— Отчего же?— Европа теперь так изнурена[2*] [26].

Смоленский входит победителем в Вильну: поляки бросаются к нему, цалуют его колени. Levez-vous, Messieurs,— говорит он им,— n'oubliez

---

[1*] Слышал от Дмитриева.— *Прим. Вяземского.*

[2*] Истощена.— *Позднейшая приписка Вяземского.*

donc pas, que vous êtes de nouveau des Russes[1*]. Какое богатое слово! Колкая обида, благородная гордость и намек о том, что снова пришла пора русского владычества: все тут есть![27]

Карамзин говорит, что в наше время промышляют текстами из Священного Писания. Он же говорил, что те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и в лимфе.

(Les idées libérales) Свободные мысли бывают у многих последним усилием и последним промыслом рабства и лести. Смотри «Северную Почту»[28].

Дмитриев переводит стих Вольтера:

Nous avons les remparts, nous avons Ramponeau[2*] следующим:

У нас есть вал тверской, у нас есть и Валуев[29].

Кажется, Полетика сказал: В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение[30].

Как странна наша участь. Русской силился сделать из нас немцев: Немка хотела переделать нас в русских[31].

Общее и разница между Москвою и Петербургом в следующем: здесь умничает глупость, там ум вынужден иногда дурачиться — подстать другим.

Фома Корнелий терял от брата Петра: от его имени ожидали совершенно великого. Глинка — русской офицер обязан брату, «Русскому вестнику»: от его имени ожидали совершенно пошлого и ожидание не вовсе оправдано[32].

Алкивиад отрубил хвост у своей собаки, чтобы дать пищу толкам черни и отвлечь ее внимание от настоящих его занятий. Поступки и слова Суворова, которые он пускал по городу, были его собака без хвоста. Нет ли более хвастовства, чем ума в этой поддельной жизни некоторых умных людей? К чему уловки хитрости Геркулесу, вооруженному палицею? Постоянная мысль — все побеждающая палица умственного силача.

Суворов говаривал: тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитр.

[1*] Встаньте, господа,— говорит он им,— не забудьте же, что вы вновь стали русскими (*фр.*).

[2*] У нас есть крепостные стены, у нас есть Рампоно (*фр.*).

Тот, который из тщеславия выказывает свою хитрость, похож на человека, искусно замаскированного, но из хвастовства показавшего себя без маски и опять ее надевающего с надеждою обманывать.

В свете часто скрытность называют хитростию. Разве можно назвать молчаливого лжецом, потому только что он правды не говорит?

Дмитриев говорит, что с той поры, как у нас духовные писатели стараются подражать светским, светские просятся в духовные.

Кажется, Шамфор говорил Рюльеру: дай срок, и мы ни одного слова невинным в языке не оставим. У нас Попов говорит князю Голицыну: дайте срок, ваше сиятельство, и мы ни одного текста живым не оставим[33].

Не довольно иметь хорошее ружье, порох и свинец. Нужно еще искусство стрелять и метко попадать в цель. Не довольно автору иметь ум, мысли и сведения, нужно еще искусство писать. Писатель без слога — стрелок, не попадающий в цель. Сколько умных людей, которых ум вместе с пером притупляется. Живой ум на бумаге становится иногда вялым; веселый — скучным; едкой —⟨беззубым⟩ приторным[34].

Успех комедии «Мизантроп»— торжество развратного века. Молиер хотел угодить современникам и одурачил ⟨добродетель⟩ честного.

Молиер писал портреты мастерскою кистью: о целых картинах его нельзя того сказать[35].

Шишков говорит в своем предуведомлении о Тассовых бдениях: «Впрочем, сохранил ли я достоинство оных и умел ли погрузить в них ту высокоумную горячку, тот великолепный бред, какими преисполнен подлинник, о том не мне судить, но просвещенному читателю».— Унижение паче гордости, г-н переводчик! Будьте покойны! и горячка и бред — все найдешь у вас с избытком[36].

Шаховской, когда кусает, только что замуслит[37].

Хитрость — ум мелких умов. Лев сокрушает; лисица хитрит.

Линде полагает весьма вероятную причину единству сходства, заметному во всех именах дней недели на всех языках Славянского племени, и, напротив, разнообразию и смешению в именах месяцев. Первые не зависят от климата и могли остаться как были. Вторые по рассеянию славянских народов должны были сообразиться у каждого из них с климатом той ⟨земли⟩ страны, на которой они поселились[38].

Слова — условленные знаки мыслей. Иные из них имеют в глазах наших существенную цену, приданную им временем и употреблением; другие вводятся насильственно и цена их условная. Государство не имеет довольно звонкой монеты; оно прибегает к ассигнациям. Язык не имеет довольно коренных слов; он прибегает к составным или мнимым словам. Возьмите слово *добродетель*; оно — мнимый знак той мысли, которую обязан выразить. *Добродетель* должно бы иметь равное значение со словом *благодетель*. Одно время определяет почитать ли слово фальшивою ассигнациею или государственною. Разумеется, что есть люди, предопределяющие определение времени. Пример их прав для современников и закон для потомства. Для монет есть монетный двор; для слов есть у нас академия, но, к сожалению, на ней выбивается одна фальшивая монета, не выдерживающая надлежащей пробы в горниле вкуса. Когда годится ассигнация? Тогда, как пустивший ее в ход за нее отвечает, и силою ли, убеждением ли или другим средством принуждает прочих почесть ее тем, чем он хочет, чтобы ее почитали. Или возьмем общество друг другу равных людей: они для облегчения своих торговых, договорных или иных сношений с общего согласия уговорились завести *представительные знаки* вещей. *Представительный знак* никакого знаменования не имеет вне общества, но внутри общества он имеет твердое и несомненное. Отчего же бы по этому примеру нельзя какому-нибудь народу дополнить свой язык звуками, преобразованными в слова, долженствующие в свою очередь образовать глазам и ушам такую-то мысль, коей выражение сделалось ей нужно. В финансах скудность представительных знаков в соразмерности с представляемыми вещами заменяют удвоением, утроением знаменования представительного знака: рубль делается двумя рублями и т. д. В языке того нельзя делать или по крайней мере не должно. Сохрани боже, когда одному слову дают двойной, тройной смысл. Но как же помочь? Иностранных слов брать не велят: от сего займа терпит народная спесь. (Заметим, однако же, что голландские червонцы у нас в ходу). Неужели лучше отказаться от выражения такого-то понятия потому только, что предкам нашим не приходило оно в голову и чуждо было их веку? Еще одно сравнение: каждая планета имеет свое имя. Хорошо! Но положим, что вздумается творцу явить нам еще несколько планет: астрономы, вероятно, не ограбят других планет, а придумают новые, которые были бы непонятны для прежних астрономов или для тех, которые будут обучаться по прежним наукам. В дипломатике употребляют же цифры вместо букв; она не заботится о том, что никакая азбука, никакая грамматика, никакой словарь не дал ее знакам права гражданства: дело ей в том, чтобы народ ее дипломатический понимал друг друга этим средством. Какое же вывести заключение из всего сказанного мною? То, чтобы в случае недостатка слов для выражения мыслей и понятий, свойственных нам, изобрели какие

хотят звуки и без прочих околичностей внесли их в общий словарь русского языка. Выведенное заключение меня самого пугает. Оно отзывается «Беседою» или желтым домом. Я это вижу: но какое же найти другое средство?[39]

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о Женевских возмущениях: да перестаньте,— сказал он,— говорить о буре в стакане воды.— Павел мерил на свой аршин[40].

Иные люди хороши на *одно время*, как календарь на такой-то год: переживши свой срок, переживают они и свое назначение. К ним можно после заглядывать для справок; но если вы будете руководствоваться ими, то вам придется праздновать Пасху в страстную пятницу.

По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело лекарей решить: как истребить его? Свести ли медленными, но беспрестанно действующими средствами? Срезать ли его разом? Созовите совет лекарей: пусть перетолкуют они о способах, взвесят последствия и тогда решитесь на что-нибудь. Теперь, что вы делаете? Вы сознаетесь, что это нарост, пальцем указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лечить[41].

Законодатель французского Парнаса, и следственно, почти всего европейского сказал:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème[1*].

Теперь и в школах уже не пишут сонетов. Слава их пала вместе с французскими кафтанами. Условная красота имеет только временную цену. Хороший стих в сонете перейдет и к потомству хорошим стихом; но сонет, как ни будь правилен, оставлен без уважения. Сколько в людях встречаешь *сонетов*! Острое слово, сказанное остряком, не состарилось, но сам остряк пережил себя и не имеет уже почетного места в обществе[42].

Увядшая красавица перед цветущею не так смешна, как старый остряк перед новым. Мне сказывали, что в Берлине, во время эмиграции, Ривароль так заметал в обществе старика Буфлера, что тот слова не мог высказать при нем. Батюшков говорит о Хвостове Александре: он пятьдесят лет тому назад сочинил книгу ума своего и все еще по ней читает[43].

Ne soyez pas envieux du temps[2*], сказал Неккер в речи своей при открытии des états généraux[3*][44].

[1*] Безупречный сонет стоит целой поэмы (*фр.*).
[2*] Не завидуйте времени (*фр.*).
[3*] генеральных штатов (*фр.*).

Вот доказательство истине замечания моего на слово *добродетель*. Сын Константина Павловича в чтениях своих сбивается в его смысле и всегда принимает в значении *доброго человека*, потому что слова *благодетель*, *содетель*, *свидетель* ему, вероятно, прежде стали известны [45].

Татищев в своем словаре 1816 года говорит: Cartésianisme: Картезианизм — учение *Картезия*, его философия. Зачем не Декарта?

Тут же folliculaire: издатель периодических сочинений, журналов, газет; *страждущий желчью*. Откуда он это взял? Разве с Каченовского [46].

Везде обнаруживается *какая-то* филантропия, говорит Карамзин в статье: О верном способе и пр. Если хотеть бы с умыслом сказать на смех, то лучше нельзя.— Теперь везде обнаруживается *какая-то* набожность и *какая-то* свободномысленность [47].

Мы видим много книг: *нового издания, исправленного и дополненного*. Увидим ли когда-нибудь *издание исправленное и убавленное*. Такое объявление книгопродавцев было бы вывескою успехов просвещения читателей. Галиани пишет: «чем более стареюсь, тем более нахожу, что убавить в книге, а не что прибавить. Книгопродавцам расчет этот не выгоден; они требуют изданий дополненных, и глупцы (потому что одни глупцы на перехват раскупают книги) того же требуют».

Вы говорите о падении государств? Что это значит? Государств не бывает ни на верху, ни на низу и не падают: они меняются в лице ⟨образе⟩ (ils changent de phisionomie) [1*]; но толкуют о падениях, о разрушениях, и сии слова и заключают всю игру обманчивости и заблуждений. Сказать фазы государств (изменения) было бы справедливее. Человеческий род вечен как луна, но показывает иногда нам то одну сторону, то другую, потому что мы не так стоим, чтобы видеть его в полноте. Есть государства, которые красивы в ущербе, как французское государство; есть, которые будут хороши только в истлении, как турецкое; есть, которые сияют только в первой четверти, как езуитское. Одно государство папское и было прекрасно в свое полнолуние (Галиани. Письмо к г-же д'Эпине).

О достоинстве человека его век один имеет право судить; но один век имеет право судить другой век. Если Вольтер судил человека Корнелья, то он нелепо завистлив; если он судил век Корнелья и степень тогдашнего драматического искусства, то мог он; и наш век имеет право рассмотреть вкус предыдущих веков. Я никогда не читал примечаний Вольтера на Корнелья, хотя они на парижских каминах торчали у меня

[1*] Они меняют лицо (*фр.*).

в глазах, когда вышли. Но мне раза два приходилось, в забывчивости, раскрыть книгу, и каждый раз бросал я ее с негодованием, потому что попадал на грамматические примечания, уведомляющие меня, что такое-то слово или выражение Корнелья не по-французски. Также глупо было бы уверять меня, что Цицерон и Виргилий, хотя италианцы, не так чисто писали по-италиански, как Боккачио и Ариост. Какое дурачество! Каждый век и каждая земля имеют свой живой язык и все равно хороши. Каждый пишет на своем. Мы не знаем, что поделается с французским, когда он будет мертвым; но легко случиться может, что потомство вздумает писать по-французски слогом Монтанья и Корнелья, а не слогом Вольтера. Мудреного бы тут ничего не было. По-латыни пишут по слогу Плавта, Теренция, Лукреция, а не по слогу Пруденция, Сидония, Апполинария и проч., хотя, без сомнения, римляне были в 4-ом веке более сведущи в науках, астрономии, геометрии, медицине, литературе, чем во времена Теренция и Лукреция. Это зависит от вкуса; а мы не можем предвидеть вкусы потомства, если при том будет у нас потомство и не вмешается всеобщий потоп (Галиани к г-же д'Эпине).

В Париже философы растут на открытом воздухе; в Стокгольме, в Петербурге в теплицах; а в Неаполе взращивают их под навозом: климат им неблагоприятен (Галиани к г-же д'Эпине)[48].

С поляками должно иметь мягкость в приемах и твердость в исполнении. Давайте поляку руку ⟨учтиво⟩ вежливо, но с ласкою руку его пожимая, прижмите ее так, чтобы он догадывался о силе вашей.— Они не умеют быть благодарными, а только энтузиастами. Главное ⟨дело⟩: их заговорить. Не благотворите им на деле, а витийствуйте им о благотворении. Вот что с ними делал Наполеон: он не думал возвратить им независимости, а проповедывал им независимость и успевал. Они так дорожат честию слыть благородными и доблестными, что от одних слов о доблести, мужестве полезут на стену. В театре всякое пышное изречение, похожее на героическое чувство, приветствуется рукоплесканиями: и добродетели-то их все театральные! Оно не порок и показывает по крайней мере если не твердые правила, то хорошее направление. Робость, которая платит дань почтения мужеству, порок, который признает достоинство добродетели, не в совершенном упадке.— Наполеон надоел иным французам: как они ни легкомысленны, но часы рассудка приходят на них: в Польше Наполеон пролил бы до последней капли польской крови. Не оттого что они в клятвах своих вернее французов, но Наполеон совершенно по них. Они всегда променяют солнце на фейерверк. Речь, читанная государем на Сейме, дороже им всех его благодеяний. Бей их дома, как хочешь, только при гостях будь с ними учтив. Нельзя сказать, что они *славолюбивы*, а *успехолюбивы*. Им не в том, чтобы дома

быть счастливыми, а в том, чтобы блеснуть пред Европою. Политические Дон-Кишоты. Мне один поляк говорил, что Бонапарте безрассудно вверился великодушию англичан. Одни мы устояли бы его.— И точно Польша дала бы себя разрубить на куски, но не изменила бы несчастью[49].

Величайшим лирическим поэтом и лучшим полководцем у греков были беоциане, а, однако же, обвиняли этот народ в глупости! Оттого ли, что не умели оценить сих двух великих мужей? (Müller. Histoire Universelle) [Мюллер. Всеобщая история][50].

Пугливые невежды — счастливое выражение Ломоносова (Петр Великий).

Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды [51].

En donnant les places, on consultait moins l'intérêt de l'état, que les besoins du postulant[1*]. Можно подумать, что Миллер не о персидской монархии говорит, а об нас. Сколько у нас мест для людей, и как мало людей на месте.

Было волнение, но не было беспорядка, и обычайное брожение свидетельствовало только о жизни политического тела (Müller в статье о констит[уции] римской республики).

Quiris: дротик сабинов, употребляемый после римлянами и доставивший им название *квиритов* (Müller)[52].

Не употребляйте никогда нового слова, если нет в нем сих трех свойств: быть нужным, понятным и звучным. Новые понятия, особливо же в физике, требуют новых выражений. Но заместить слово обычайное другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить (Вольтер).

Излишнее подражание гасит гений (Вольтер).

Иные думают, что кардинал Мазарин умер, другие, что он жив, а я ни тому, ни другому не верю.

Вместо того, чтобы уничтожать страсти, стоикам надлежало бы управлять ими. Преподавая учение слишком недоступное для людей обыкновенных, стоическая нравственность образовала лицемеров и возбудила сомнения в возможности достичь до столь высокой добродетели. Мета-

---

[1*] Раздавая места, они меньше учитывали интересы государства, нежели потребности просителя (*фр.*).

физика сих философов была слишком холодна, они разливали большой свет на нравственные истины, но не умели запалить тот чистый пламень, который пожирает зародыш пороков. Учение стоиков, оковывая страсти молчанием, без сомнения, утверждало владычество рассудка; но оно не могло приверженцам своим внушить силу души, которая приводит в действие и гибкость, приучающую подаваться обстоятельствам; и варвары, завоевавшие Италию, нашли в ней людей, или ослабленных крайностию безнравственности, или граждан честных, но бессильных и несмелых (Müller).

Юлий Кесарь говорил о неприятеле своем Цицероне, что расширить пределы человеческого ума славнее, чем расширить пределы владения тленного.

«Будь счастлив, как Август, и добродетелен, как Траян»— было в продолжение двух веков обыкновенное императорам приветствие от Сената [53].

Государь поступил точно по-русски, жалуя всемилостивейше в свои генерал-адъютанты Красинского, избравши его в предводители Сейма. Наши предводители будут всегда рабами правительства, а не защитниками дворянских прав, пока не отменят пагубного обыкновения награждать их крестами и чинами. *Милости* должны бы быть в руке царя, *награждения* — в руке сограждан [54].

И овцы целы и волки сыты — было в первый раз сказано лукавым волком или подлою овцою. Пословицы, как говорят, мудрость народов: тут нет мудрости, а или насмешка, или низость. Счастливо то стадо, вокруг коего волки околевают с голода [55].

Один умный человек говорил, что в России честному человеку жить не можно, пока не уничтожат следующих приговорок: *без вины виноват, казенное на воде не тонет, а в огне не горит, все божие да государево.*

Необходимость в представительном правительстве и в уставе положительных законов заключается в следующей пословице: *до бога высоко, до царя далеко.*

Близ царя, близ смерти. Честь царю, если сия пословица родилась на войне! Горе, если в мирное время!

Ум любит простор,— а не цензуру [56].

Сколько книг, которые прочитаешь один раз для очистки совести, чтобы при случае сказать: я читал эту книгу! Как делаешь иные годовые

посещения, чтобы визитная твоя карточка была внесена в список приворотника. Не все книги, не все знакомства по-сердцу. Как в тех, так и в других имеем много шляпочных знакомств. Лишнее знакомство вредит истинным связям и похищает время у дружбы; лишнее чтение не обогащает ни памяти, ни рассудка, а только забирает место в той и другом, а иногда и выживает действительную пользу. Теперь много занимаются *экономическими* (*compactes*) *изданиями* старых книг; но эта экономия относится только к сбережению бумаги: хорошо если бы нашли средство выжать сок истинных познаний и таким способом сберечь время чтецов, которое дороже бумаги.— Как досаден гость не в пору, которому отказать нельзя; как досадно появление книги, которую должно непременно прочесть, когда внимание ваше занято другим чтением или занятием, не имеющим никакой связи с нею![57]

О девице *N. N.* говорят на всякий случай, что она замужем.

Какие трудности представились Екатерине II при вступлении ее на престол по крутой кончине Петра III! Как она долго колыхалась! Малейшее дуновение с раза могло ее повалить. Она искренно и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бессильны. Ее престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддержать, должен был быть неколебим и независим. Вот что княгиня Дашкова, ее приятельница, довольно забавно называла: обрезать помочи настоящим ножом (couper ses lisières avec le vrai couteau). «La Minerve française» [«Ла Минерв Франсез»][58].

Август, будучи в Египте, велел раскрыть гробницу Александра. Его спросили: не хочет ли он раскрыть и гробницы Птоломеев. «Нет!— отвечал он,—я хотел видеть царя, а не мертвецов!»[59]

Сытый Сганарель думал, что вся его семья пообедала[60].

Феопомпий, Спартанский царь, первый присоединил эфоров к отправлению государствования; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. «Нет!— отвечал он,— я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее!»[61]

Цари не злее других людей. Доказательство тому, что обыкновенно обижают они тех, которых не видят, чтобы угодить тем, которых видят. Несчастье в том, что ими видимые составляют малое количество, а невидимые — толпу. Перенесите положение, и последствие будет иное. Царь посреди своего двора: он благодетельствует двору в ущерб народу. По-

ставьте его посреди народа, он будет покровительствовать народу на зло двора («Minerve Française». Benj. Constant [«Минерв Франсез». Бенж. Констан.]) [62].

Нелединский говорит, что при дворе *завтра* не есть последствием *сегодня*. Он же в 1812-м годе после Бородинского сражения отвечал в Ярославле Екатерине Павловне в разговоре о преданности и любви русских к государю: «Любовь народа к царю родится от доверенности, а доверенность от успехов» [63].

Беклешов толковал таким образом происхождение слова *таможни, там можно*.

О некоторых государственных образователях говорил он забавно: «они лунатики! Посмотреть на них, так диво: один ходит по крышке, другой по крутому берегу, но назови любого по имени, очнется и упадет» [64].

Французская острота шутит словами и блещет удачным прибором слов, русская — удачным приведением противуречащих положений. Французы шутят для уха — русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах. Русский народ решительно насмешлив: подслушайте разговор передней, сеней, всегда есть один балагур, который цыганит других. При разъезде в каком-нибудь собрании горе тому, коего название подается на какое-нибудь применение: ⟨сто⟩ десять голосов в запуски перекрестят его по-своему. Прислушайтесь в ареопаге важных наших сенаторов и бригадиров: они говорят о бостоне или о летах и всегда достается несколько шуток на ⟨часть⟩ долю старшего или проигравшего; шуток не весьма ценных, но доказывающих по крайней мере, что шутка — ходячая монета у этих постных лиц, кажется, совсем не поместительных для улыбки веселости. Острословие крестьян иногда изумляет. Менее и хуже всех шутят наши комики.

Разговорные прения в гостиных, за круглым столом, в толпе слушателей нетерпеливых не выслушать, а перебить вас, *сказать свое мнение*, где часто поборник ваш не только вас не слушает, но и не слышит, несмотря на то можно назвать полезным словесным движением. Вы пускаетесь не так, как в дорогу, чтобы от одного места дойти до другого, но как в прогулку. Дело не в том, чтобы дойти до назначенного места, а в том, чтобы ходить, дышать свежим воздухом, срывать мимоходом цветы. На бумаге ставишь межевые столбы, они свидетельствуют о том, что вы тут уже были, и ведут далее. В разговоре иль по прихоти, или с запальчивости переставляешь с места на место и от того часто по долгом движении очутишься в двух шагах от точки, с коей пошел, а иногда и в ста шагах за точкою [65].

Бенжамена укоряли в непостоянстве ⟨правил⟩ политического поведения. Он оправдывался. Наконец, сказали ему о 19 и 20-м [июне?]. Правда, отвечал он подумавши: я слишком круто поворотил. J'ai tourné trop court. Впрочем, можно, изменяя людям и правительствам, почитая их за орудия, не изменять своим правилам. Если все государственные люди шли бы по следам Катона, то во многих случаях общественные дела сделались бы добычею одних бездельников. «С бóльшею гибкостию, говорит Миллер, он был бы отечеству полезнее, но хартиям истории не доставало бы характера Катона». Мы должны служить не тому и не другому, но той нравственной силе, коей тот или другой представителем. Я меняю кафтан, а не лицо. И если Benjamin переносил свои мнения от двора Наполеона ко двору Людовика и обратно, то может избежать он осуждения; но дело в том, чтобы переносил мнения, а не слова. Передаваться частно из видов собственной корысти есть признак[1*] [66].

Крестьяне Мостовского, министра внутренних дел в Польше, говорят о его хозяйстве: мы сеем траву, а покупаем хлеб [67].

Г-жа Сталь, говоря о поляках, сказала: в них есть блеск, но ничего нет основательного. Я их скоро докончиваю. Мне нужно по крайней мере двух или трех поляков на неделю (Je les achève vite; il m'en faut au moins deux ou trois par semaine) [68].

Свечина говорила, что она на Варшаву смотрит, как на представление «Лодоиски». В самом деле, все даже до бытия народа кажется здесь обманчивым [69].

Главный порок в «Душеньке» однообразие: надобно было написать рассказ игривыми намеками и вставить два, три эпизода. Остроумные, то есть сатирические или философические, вымыслы украсили бы описания, которые все наведены одною краскою. Строгая разборчивость осудит также смешение греческой мифологии с русским народным баснословием. Я предпочел бы во всей сказке русский покрой. Главное достоинство — легкость стихосложения. Видно, что перо Богдановича точно бегало по бумаге: нет красоты искусства, но зато есть красивость небрежности. В этом отношении можно его сравнить с Хемницером. Жаль, что с шуток падает он иногда в шутовство. «Душенька» цветок красивый, но без запаха [70].

Кажется, Державин внимал только наличным вдохновениям. В стихах его Петру Великому нет ни одного стиха, достойного ни героя, ни поэта. Павел был счастливее, но зато Державин несчастливее. Похвала недостойному отражается пятном на хвалителе.

[1*] *В записи недостает конца, так как следующий лист отсутствует.*

Эти два стиха Державина стоят хвостовских красот:

Иль в лодке, вдоль реки, по брегу пеш, верхом
Качусь на дрожках я соседей с вереницей.

Brave Crillon! pends toi [1*]

Многие из второстепенных произведений Державина, если не по слогу, силе и живописи выражений, то по крайней мере по мыслям в них заключенным должны быть в памяти читателей. В числе их стихи Храповицкому. Три последние строфы отличаются благородным чистосердечием, а два стиха:

Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить —

одни стоят ста звучных стихов. Сюда же могут идти: «К Скопину», «Мужество», «Ко второму соседу» и несколько других. По ним Державин не был бы первым нашим лириком, но всегда был бы мыслящим поэтом и поэтом философом. Его стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза.

Зная Оленина, нельзя без смеха прочесть стих его к нему:

Нам тесен всех других покрой.

Державин бога нарядил в митру (Гром) [71].

Государь послал с[2*] приказанием: тот переврал. «И я дурак,— сказал государь,— что послал тебя».

Долгоруков русский Державин так, как Державин русский Гораций. Измайлов русский Крылов, как Крылов русский Лафонтен [72].

Как герой «Полубарских затей» имел своих арапов, так Польша имеет своих великих мужей. Поляки создали себе свою феогонию и жертвуют кумирам своих рук. Кстати сказать, здесь: Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer [3*]. Не [1 слово не разобр.] бога нужно, а служение ему. Народу должно иметь своих героев: на них основывается любовь к отечеству. Последним их краеугольным камнем [был] князь Понятовский, великий человек доморощенный.

Лубинский, отставной генерал, рассудительнейший из поляков, либерал по-сердцу, но умеренный по рассудку, говорит, что не надобно

[1*] Храбрый Крильон! Повесься! (*фр.*)
[2*] *Оставлено свободное место для имени.*
[3*] Если бы бог не существовал, его следовало бы выдумать (*фр.*).

забывать, что царь конституционной в Польше есть император деспотический в России, и в борьбе свободы с властию иметь всегда сию истину перед глазами.

Любопытно видеть заключение двух ролей, играемых государем: одна коренная, другая благоприобретенная. Конституция польская умягчит ли русский деспотизм или русский деспотизм сожмет в когти конституцию польскую? Были бы головы в Польше, и конституция подержится. Мудрено быть уступчивым, когда выгоды основаны на власти. Но здесь какие выгоды ожидают государя? Он почти может, как скупой, щедро в зиму раздавать бедным лед, оставшийся у него в погребе.

Власть по самому существу своему имеет главным свойством упругость. Будь оно уступчиво, оно перестанет быть властию. Как же требовать, чтобы те, кои так сказать срослись с властию, легко подавались на изменения? Их или им самим себя должно переломить, чтобы ⟨выпустить им⟩ выдать что-нибудь [73].

Каким должен быть поучительным зрителем для Павла, в час венчания его на царство, гость его, развенчанный Станислав [74].

Мне всегда смешно слышать, как издатели или панегиристы сатириков очищают божбами совести их от подозрения злости: не все ли равно распинаться за хирургов в том, что они не кровожадные душегубцы. Клеветник — убийца; сатирик — оператор, ножом своим срезывающий наросты и впускающий щуп в заразительные раны.

К тому же не часто ли мы видим, что писатель совсем другой человек изустно. Забавнейший комик на сцене может в домашнем быту смотреть сентябрем и мрачнейший трагик быть весельчаком. Ум — вольный казак и часто не покоряется дисциплине души. Душа всегда одна: ум разнообразен как Протей. Дидерот говорит: pourquoi chercher l'auteur dans ses personnages? qu'a de commun Racine avec Athalie, Molière avec le Tartuffe? [1*][75]

Ломоносов сказал: мокрый амур. Большая часть наших элегий и любовных песен вдохнуты были мокрым амуром. Мокрый амур, мокрая крыса, poule mouillée [2*][76].

Я представляю себе Хераскова за стихами в виде старой бабы за чулком: руки ее сами собою идут, а она дремлет, но чулок между тем вяжется. Как можно наяву написать:

Не робкими нам быть, но храбрыми полезно [77].

[1*] Зачем искать автора в его персонажах? Что общего у Расина с Гофолией у Мольера с Тартюфом? (*фр.*).

[2*] Мокрая курица (*фр.*).

Наполеон говорил князю Понятовскому, приехавшему в Париж в 1811 году: «Наше дело впрок не пойдет. Я рад всеми силами поддерживать вас, но вы от меня слишком далеки, а от России слишком близки. Что ни делай, а она тем кончит, что вас завоюет. Мало того, завоюет всю Европу!»— К[нязь] Понятовский возвратившись рассказывал это некоторым, и тогда же Грабовский записал это в своей памятной книжке. Платѐр, который мне это рассказывал, говорит: «Иногда кажется каким-то непостижимым образом судьба говорит нашими устами!»—И в самом деле, как истолковать такое признание Наполеона в то время, когда он готовился на войну 1812 года и подымал Польшу силою надежд.

К[нязь] Понятовский долго не поддавался прельщениям Наполеона и еще в 1806 году выезжал к нему на встречу, на страх восставить против себя общее мнение, уже Нап[оленом] покоренное, в прусском ордене [78].

Я читал в рукописных записках короля польского, ⟨писанных⟩ составленном им в Петербурге ежедневном журнале: «Граф Кобенцель накануне отъезда своего был так снисходителен, что согласился еще раз позабавить общество, маскировавшись курицею, которая защищает цыплят своих от нападений, угрожающих ее невинной семье».

Признаться, теперь не найдешь запаса такой веселости ни в министре, ни в царе развенчанном! События остепенили умы: правителям ⟨скучнее⟩ труднее, но народам легче.

Монтескье говорит: le peuple est admirable pour choisir ceux à qui il doit confier quelque partie de son autorité.

Tous les coups portèrent sur les tyrans, aucun sur la tyrannie. Montes-[quieu] [1*].

Душа республиканского правления: добродетель; монархического: честь; деспотического: страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься [79].

После ночи св. Варфоломея Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов; виконт *Дорт*, командующий в Байоне, отвечал королю: «Государь, я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача; и так они и я просим ваше величество употребить руки и жизни наши на дела возможные».

[1*] Народ замечателен, чтобы избрать тех, кому он должен доверить некоторую часть своей власти. Все удары падают на тиранов, ни один — на тиранию. Монтескье (*фр.*).

Криллион отказался зарезать герцога Гизского, но предлагал Генриху III драться против него[80].

О Петрове можно сказать почти то же, что Квинтилиан говорил о Лукане: Magis oratoribus quam poetis enumerandus[1*].

Боссюэт в первых своих проповедях был далек от Боссюэта в словах надгробных. В одном месте он говорит: Да здравствует Вечный! (Vive l'Eternel!). Детей называет постоянным рекрутским набором человеческого рода (la recrue continuelle du genre humain)[81].

Если бы мнение, что басня есть *уловка рабства*, еще не существовало, то у нас должно бы оно родиться. Недаром сочнейшая отрасль нашей словесности: басни. Ум прокрадывается в них мимо ценсуры: Хемницер, Дмитриев и Крылов часто кололи истиною не в бровь[82].

Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорогу французов? Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шакеспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам. Как судьба любит уполномочивать первенцов во всех родах: не только пример их увлекает современников, но и самое потомство долго еще опомниться не может и следует за ними слепо.

Смелые путешественники сперва открывают землю, а после наблюдательные географы по их открытиям издают о ней географические карты и положительные описания. Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: по вас придут грамматики и соберут путевые записки и правила для указания будущим путешественникам, странствующим уже по земле знакомой и образованной.

Людовик 18 может сказать, как Valois [Валуа] в Генриаде: Et quiconque me venge est français à mes yeux[2*][83].

Montmorin, gouverneur d'Auvergne [Монморен, губернатор Оверни], писал Карлу IX: «Государь, я получил за печатью вашего величества повеление умертвить всех протестантов, в области моей находящихся. Я слишком почитаю ваше величество, чтобы не подумать, что письма сии подделаны; и если, от чего боже сохрани, повеление точно вами предписано, то я также слишком вас почитаю, чтобы вам повиноваться»[84].

[1*] Более оратор, нежели первоклассный поэт (*лат.*).

[2*] Всяк, мстящий за меня, в душе моей француз. Перевод И. Сирякова. Спб., 1822.

Les Français ont pour eux la clarté, l'exactitude, l'élégance (De diff[érents] goûts des peuples. Es[sai] sur la P[oésie] ép[ique]. Voltaire)[1*].

Когда я начинал учиться английскому языку, говорит Вольтер, я не понимал, как народ столь просвещенный мог уважать автора столь сумасбродного; но едва познакомился я короче с языком, я уверился, что англичане правы и что невозможно целому народу в чувстве ошибаться и не знать, за что он любит[85].

Какой несчастный дар природы ум, восклицает Вольтер, говоря о исполинских красотах Гомера, если он препятствовал Ламоту их постигнуть и если от него сей ⟨рассудительный⟩ остроумный академик почел, что несколько антитез, оборотов искусных могут заменить сии великие черты красноречия. Ламот исправил Гомера от многих пороков, но не уберег ни одной его красоты: он претворил в маленький скелет тело непомерное и чересчур дородное.

В Паскале, говорит Вольтер, находишь мнение, что нет поэтической красоты и что за неимением ее изобрели пышные слова, как: бедственный лавр (fatal laurier), прекрасное светило (bel astre) и что их-то и называют поэтическою красотою. Что заключить из такого мнения, как то, что автор говорил о том, чего не понимал. Чтобы судить о поэтах, нужно уметь чувствовать, нужно родиться с несколькими искрами того пламени, который согревает тех, кого мы знать хотим; равно как и для того, чтобы судить о музыке, не только мало того, но и вовсе недостаточно уметь математиком рассчитывать соразмерность тонов, если при том не имеешь ни уха, ни души.

Вольтер говорит о *Трисине*: он идет, опираясь на Гомера, и падает, следуя за ним, срывает цветы греческого поэта, но они увядают в руках подражателя[86].

De toutes les nations polies la nôtre est la moins *poétique*[2*]. Вольтеру можно поверить, если и без него убеждение внутреннее не сказало того же всем тем, кои знакомы немного с свойствами поэзии, понятными чувству, но не поддающимися истолкованию правил и пиитики.

Сии примеры (то есть Депрео и Расин), говорит Вольтер, отчасти приучили французскую поэзию к ходу чересчур однообразному; дух геометрический, завладевший в наши дни изящною словесностию, сделался еще новою уздою для поэзии. Наш народ, порицаемый за ветренность

[1*] Французы отличаются ясностью, точностью, изяществом (О различных вкусах народов. «Очерк эпической поэзии». Вольтер) (*фр.*).
[2*] Среди всех цивилизованных наций наша — менее всего поэтична (*фр.*).

иностранцами, судящими нас по нашим щеголям, есть рассудительнейший изо всех с пером в руке. Метода — отличительнейшее свойство наших писателей[87].

Музыка искусство ⟨независимое⟩ непосредственное: живопись подражательное. Последняя говорит душе посредством глаз: первая только по условию покорилась известным пяти чувствам. Можно вообразить музыку без нот, без инструментов. В живописи все вещественно: отнимите карандаш, кисть и живопись не существует. Что есть живого в ней, то обман. В музыке обман то, что в ней есть мертвого, ноты, одним словом вся математика музыки: живое в ней не осязается никаким чувством. Прелесть живописи и сродство ее с нами, несмотря на то, неоспоримо: мы часто спускаем взоры с подлинной картины природы, чтобы любоваться изображением ее в зеркале воды, отражающем ее слабо, но с оттенками привлекательными. Живопись сперва была искусством, а после сделалась уже творением. Музыка — творение при рождении своем — только из удовлетворения прихотям ума человеческого преобразовалась в искусство. Шум ветров, ропот волн, треск громов, стоны соловья, изгибы человеческого голоса, вот музыка природы, довременная всем инструментам.

Живопись — наука и только, отберите от нее первейшие правила и что останется? Музыка существует сама собою. *Искусство говорить* — наука; но *дар слова* — природное свойство человека. Не будь грамматики, не будь слов, не менее того был бы язык человеческий, звуки неопределенные, сбивчивые, но, без сомнения, более или менее понятные для употребляющих; не будь нот, генерального баса, а все была бы музыка.

Что еще более придает сродности музыке это ее *преходчивость*. Без сомнения, долгое время играли уже на инструментах и даже сочиняли голоса до изобретения системы нот. В живописи видны уже расчет рассудка, цель, намерение установить преходящее, воскресить минувшее или будущему передать настоящее. Лучше определить свойств музыки и живописи не могу, как сказавши: одна — чувство, другая — понятие. В одной чувство родило понятие, в другой от понятия родилось чувство.

Я часто слыхал, что живопись предпочитается, как упражнение более постоянное, более независимое: тут уж идет дело о пользе, а я и о наслаждении думать не хочу; я говорю о потребности. Горе музыканту или поэту, принимающемуся за лиру от скуки. Оставим это рукодельщикам. Несчастный, убитый в душе, как бы ни был страстен к живописи, возьмется ли за кисть в первую минуту страдания; разве, когда опомнится и покорится рассудку, предписывающему рассеяние. Музыкант и поэт, ни тот ни другой, если живо поражены, конечно, не станут считать стопы или сводить тоны, но ни в какое время не будет их душа музыкальнее или поэтичнее.

Определив таким образом, и по тайному моему убеждению, образом непобедимым преимущество музыки над живописью, я готов почти применить сказанное мною о живописи к поэзии против музыки, признавая, однакож, в ней много свойств живописи вовсе чуждых, а поэзии с музыкою сродных. Что ни делай, а таинственность — вот прелесть всех наслаждений души: мы прибегаем к изящным искусствам, когда житейское, земное уже слишком опостылело нам. Мы ищем нового мира, и вожатые, далее водящие по сей тайной области, любимейшие душою нашею [88].

Мистицизм духовный нимало не похож на мистицизм поэтический. Тем сильнее полюблю я бога, чем яснее истолкуют мне его: тем далее я от поэзии, чем далее подвигаюсь я в ее истолковании. В духовном не только прозы требую, но математики; докажите мне, что бог есть, как дважды два четыре, и я набожнейший из людей. На кого более надеяться можно, на ослепленного энтузиаста или ⟨убежденного⟩ благодарного, осязающего благодеяние [89].

Если родился бы я царем, я желал бы иметь сверхъестественное средство сделать всякое преступление в царствовании моем невозможным. Что за жестокий и мелкий был бы расчет, имея это средство, дать каждому подданному волю, чтобы после, в день суда, отличить неповинных от виновных [90].

Как растолкуете вы мне, что бог, создавший истину и позволивший нам постигнуть ее, не захотел в ней явить себя нам? [91]

Я уверен, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При таком свидетеле мудрено пуститься на преступление. Зачем же над нами царствует вечно пасмурный день? Я хотел бы, чтобы бог присутствовал нам и, как эти деревянные головы в Краковском судилище, кричавшие царю: «Будь справедлив!», внятным голосом управлял бы нашими поступками [92].

И доброго ответа на страшном судище Христове просим. Зачем *страшном*? Царь мог бы назвать судище страшным, когда бы намеревался он судить одних преступников, но избравши день для общего суда народа своего, где всякому должно будет воздать по делам, доброму награду, а злому казнь, назвал ли бы он такой суд *страшным*? Разве если бы он царствовал над одними разбойниками. Французское *последнее судище* не имеет сего жестокого смысла [93].

Зачем облекаем мы всегда бога человеческими понятиями? Зачем называть его *отцом*? Что за отец, который о детях не печется и дал им волю

проказничать, как хотят, чтобы иметь жестокое удовольствие наказать тех, которые от него отшатнулись. Отец еще в колыбели выставил меня на большую дорогу, приложил какое-то наставление, часто непонятное, и требует, чтобы я всегда его помнил, любил и благодарил. За что и как буду любить его? Отец настоящий тот, который на детей налагает благодарность не как обязанность, но как расчет, пользу очевидную, необходимость неминуемую. Тогда дети, может быть, будут недовольны и захотят иными жертвами показать ему, что они и без благодеяний бы умели любить его. Что дороже доброму отцу? Повиновение или одна слеза сына, в коей пролилась бы вся душа его!

Вот отчего бога не надобно бы никогда живописать, а воспевать, но не словами: не придавать бы ему ни бороды, ни человеческих добродетелей: не хвалить его, потому что мы никаких свойств его не знаем; в одной музыке души могли бы мы найти выражение языка, общего для нас с ним. Обыкновенно все гимны, воспеваемые в честь бога, наполнены похвалами, которые были бы в пору какому-нибудь фокус-покуснику [94].

Напрасно Шлегель говорит: «Если Расин в самом деле сказал, что он отличается от Прадона единственно тем, что умеет писать, то жестоко был к себе несправедлив». Конечно, должно дополнить это мнение, но Расин сказал это во Франции, а слог, который у французов первою необходимостию, у немцев, уже по другой крайности,— последним условием, если не вовсе ничтожным. В искусствах должно ценить отделку: немцы все покупают на вес. Потому и 〈замечания〉 суждения Шлегеля о французском театре 〈вообще〉 отчасти несправедливы: он судил о нем не как знаток или охотник, а как заимодавец под вещи. Французы выше всего ставят ясность и опрятность слога; Корнелий на театре их забыт: грубый стих, дикое выражение, в глазах их грех неискупимый и переживает, то есть хоронит целую поэму. Вообще иностранцу можно, как наблюдателю, говорить о словесности чуждого народа, но никогда не должно позволять себе решать о ней судейским приговором, который всегда более или менее ошибочен и пристрастен [95].

Если не признавать цены отделки, как постигнуть уважение древности к Анакреону? О нашем уважении уже не говорю: оно присвоено нами по преданию. Переводить сухою прозою Анакреона то же, что переложить на русские нравы Биевриану; а Гораций все жив еще во французском переводе, как ни душит его прозаик Батте [96].

Мумия одного из потомков Сезостриса уже несколько веков содержалась во внутренней зале большой пирамиды; она была облачена всеми царскими достоинствами и занимала место на престоле, где сидели его

предки. Когда Мемфисские жрецы захотели явить ее народу на поклонение, она в прах рассыпалась; она уже не была в отношении с атмосферою и теплотою солнца. ([не разобр. 1 сл.] de l'Île d'Elbe: des Bourbons en 1815 [1*]).[17]

Чтобы подтвердить мнение, что иностранцу редко можно судить безошибочно об отделке писателя, признаюсь, что я не догадался бы о несравненном превосходстве Лафонтена, когда не прокричали бы мне уши о том. Я крепко верю, что он для французов *неподражаем*, потому что все французы твердят то в один голос, а кому же знать о том, как не им? Но и без единодушного определения понял бы я достоинство лирика Руссо, ясность, рассудительность, точность Депрео, пленительную сладость Расина, мужество Корнелия, остроту Пирона. Дайте Державина имеющему только книжное познание в русском языке, и он не поймет, отчего мы красоты его почитаем неподражаемыми.

Не дай бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты. В обществе встречаешь пошлые лица, которые все на одно лицо. Образ гения может иметь черты сходные с другим, но выражение их открывает прозорливому взору физиогномию совсем отменную.

C'est l'audace qui sert de passeport au vrai lyrique [2*], говорит Le Brun [Лебрэн].

La raison dit Virgile et la rime Quinault [3*].

Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков:
Державин на уме, а под пером Херасков [98].

Молчу, но не молчит Европа и весь свет (Сумароков).

Языка своего и разума борец (Сумар[оков]).
Заблужденники (Сум[ароков]).

Сумароков единствен в своем самохвальстве: мало того, что он напечатал для сравнения свои и Ломоносова строфы и, отдадим справедливость его праводушию, лучшие строфы Ломоносова, в статье своей «О путешествиях», где он вызывается за 12 000 рублей, сверх его жалования, объездить Европу и выдать свое путешествие, которое, по мнению его,

---

1* Об острове Эльбе: о Бурбонах в 1815 г. (*фр.*).
2* Истинному лирику пропуском служит отвага (*фр.*).
3* Разум говорит — Виргилий, а рифма — [требует, подсказывает] — Кино (*фр.*).

заплатит казне с излишком, ибо считая, что продастся его шесть тысяч экземпляров, по три рубля каждый, составится 18 000 рублей, он продолжает: «Ежели бы таким пером, каково мое, описана была вся Европа, недорого бы стоило России, ежели бы она и триста тысяч рублев на это безвозвратно употребила».

Стихов его перечитывать не можно, но отрывки его прозаические имеют какой-то отпечаток странности и при всем безобразии своем некоторую живость и игривость ума, всегда заманивающие, если не всегда удовлетворяющие любопытство [99].

«Витийство лишнее природе злейший враг»

— сказал в ответе своем на оду Майкова Сумароков, у коего вырывались иногда стихи правильные и полные смысла [100].

Я желал бы уместить все бытие свое в одно чувство, а это чувство издержать в одном ощущении [101].

Если издатели «Образцовых сочинений» с умыслом переменили стих Сумарокова:

Их тесто никогда в сатиру не закиснет,

в стих:

Их место никогда в сатире не закиснет,

то двойною виною провинились они против истины и поэзии. Выражение Сумарокова некрасиво, но забавно.

Но чем уверишь нас о прабабках своих,
Что не было утех сторонних и у них. (Сумар[оков])

Утех сторонних: счастливое выражение. Лучшие стихи Сумарокова в его сатирах:

Один рассказывал, другой заметит тож;
Все мелет мельница; но что молола? Ложь.
(Сум[ароков]. «О злословии»)
Пред низкими людьми свирепствуй ты, как чорт,
Простой народ и чтит того, который горд.
(Сум[ароков]. «Настав[ление] сыну»)
Мой предок дворянин, а я неблагороден.
(Сум[ароков]. «О благород[стве]»)
Ах! должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? может бык людей быку продать?
(«О благород[стве]») [102].

4-го августа 1819.

Иные мгновенные впечатления не только живее, но и полнее долговременных размышлений. Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки: сей одинокий, неосвещенный замок, сие опустение в резкой картине явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа. Я часто размышлял о участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости: тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! и готов был воскликнуть: Государь, восставь Польшу! Ты поступишь в смысле природы, если душа твоя встревожена была ощущением подобным моему! Но если слепое самолюбие ставит тебя на степень восстановителя народа, оставь это дело: ты не свершишь его во благо. Человеческое несовершенство проглянет в сем подвиге божественном, и ты вынесешь с поприща своего негодование России и открытый лист на осуждение потомства [103].

Я думаю, мое дело не действие, а ощущение: меня надобно держать как комнатный термометр: он не может ни нагреть, ни освежить покоя, но никто скорее и вернее его не почувствует настоящей температуры [104].

Слог одного из древних, сильный и плотный, но отрывистый и преломленный, сравнивали с щитом Минервы, обломанном на куски.

В одном письме к г-же Неккер Томас говорил о строгом суждении парижан о царе Леаре, трагедии Дюсиса: «Деспотические приговоры сих преподавателей вкуса сходствуют не мало с государственными постановлениями некоторых государей, кои, чтобы покровительствовать скудным заведениям отечественным, преграждают привоз изделий богатых мануфактур чуждого народа. Негодующие бедняки издают законы против богатств, коих у них нет, и гордятся потом экономическою своею нищетою. Иные говорят, что такие трагедии хороши только для народа. Мне кажется, что никогда гордость так унижена не была, как сим различием: ибо, с одной стороны, ставят нравственность и чувство, с другой — критику и вкус, и сим последним отдается преимущество. Ничто, может быть, так хорошо не доказывает, что у просвещенных народов некоторый вкус усовершенствовался почти всегда в ⟨убыток⟩ ущерб нравственности. Может быть, чем народ развращеннее, тем вкус его чище» [105].

О, Небо! Небо! Зачем при склонностях мирных дало ты мне порывы мятежные? Зачем не могу вкусов своих согласовать с страстями своими? Тихое забвение, убежище одинокое, тень двух-трех дерев, светлый бег ручья! при вас мысль моя отдыхает, вами ограничилось бы честолюбие

моих желаний, но страсти, пагубные страсти на крыльях бури уносят меня далеко от вас! В волнении тоски беспредельной я вздыхаю по вас: на вашем безмятежном лоне порываюсь на движение новое, и в всегдашней борьбе с самим собою я почерпаю жизнь в потрясении и стыке наклонностей друг другу противных. Но мне ли пенять за то? Не из сего ли тайного и глухого ⟨кипения⟩ волнения родится вечно биющий источник поэзии, который один утолить может жажду души, чуждой земным благам,— души, иссохнувшей бы на пошве, где, по преданиям толпы, растет ⟨земное⟩ человеческое счастие и расцветают житейские выгоды.

И яркою струей прорезать мглу веков[106].

Бирон был большой охотник до лошадей. Граф Остейн, Венский министр при Петерб[ургском] дворе, сказал о нем: он о лошадях говорит, как человек, но о людях или с людьми, как лошадь[107].

Генерал Рожнецки рассказывал мне, что около Гжатска в 12-м году пойман был крестьянин и допрашиваем о какой-то дороге. *Не знаю*—было единственным его ответом, несмотря на угрозы ему делаемые, несмотря на побои. Вот герой в своем быту. Сие упорство и твердость весьма поразили Наполеона и окружающих его; но Наполеон не хотел показать неприятного впечатления и ругал допрашивающих, уверяя, что они верно изъясняются с ним не по-русски[108].

Невежество не столь далеко от истины, как предрассудок (Д и д е р о т. Письмо о глухих и немых)[109].

Я заметил, что человек, коего нельзя было бы фразы исправить, не переделывая их вовсе, такой человек, коего голову преобразовать иначе не можно, как замещая ее другою (тут же).

Je jette mes idées sur le papier, et elles deviennent ce qu'elles peuvent[1*] (тут же)[110].

Я никак не понимаю начало 3-ей песни Россияды, из чего, однако же, заключать не должно, что берусь понимать начала и содержания других песней:

Уже блюстители Казанские измены
Восходят высоко Свияжски горды стены!
Сумбеке город сей был тучей громовой,
Висящей над ее престолом и главой,
И Волга, зря его, свои помчала волны,
Российской славою, татарским страхом полны;
Ужасну весть ордам о граде принесла; и пр.

[1*] Кидаю мысли свои на бумагу, и справляйся они, как умеют (*фр.*). (*Перевод Вяземского*).

Что значат *стены*, которые блюстители *Казанские измены? Город*, который *громовая туча*, и следственно, город, который висит над ее престолом и главой. Где тут ясность? О поэзии Хераскова, как о смутном сновидении, никакого отчета себе дать не можно. Какая нить критики проведет по этому лабиринту слов, картин? [1*] [111]

Я в Хераскове люблю ловить хорошие стихи:

Ты властен все творить, тебе вещает лесть,
Ты раб отечества, вещают долг и честь.

Из речи князя Александра спящему Иоанну в первой песни. С каким простодушием взывает он:

И есть ли в те часы гонитель не трепещет,
Когда земля дрожит и небо громы мещет:
Что пользы, что стихи в улику им пишу? (4-ая песня).

Думали ли когда Грации, Венера, Амур царствовать в рощах Казанских над сердцами смуглых татаров? Херасков в своих картинах не заботился совсем о местной краске; но не будем упрекать его в этом забвении, вспомня, что и Тассу делают тот же упрек. Побережем память Тасса!

Поэтам дано право быть самохвалами: но надобно, чтобы благородство языка выкупало перед судиями погрешность самохвальства.

Никто, без сомнения, не дерзнул бы зажать рот Горацию, когда он в поэтическом исступлении поет свою апотеозу. Восторг — открытый лист поэта, но где восторг в стихах Хераскова, когда он заставляет пустынника Вассиана рассказывать на небе Иоанну, упоминая о Трубецком:

Сей род со временем с тем родом съединится,
От коего певец Казанских дел родится;
Увидеть свет ему судьбина повелит,
Где Польшу бурный Днепр с Россиею делит.
Прости, коль он тебя достойно не прославит,
Любовь к отечеству писать его заставит.

И мысли и слог прокормежного листа. К какой стати Вассиану извинять Хераскова перед Иоанном и ходатайствовать за него.

[1*] Несправедливые придирки. Стихи не хороши, но не бессмысленны. 1836 18 декабря. — *Прим. Вяземского.*

В другом месте еще языком непростительнейшим говорит он о себе:

Вложите плач и стон в сказание мое,
Дабы царицы сей вещал я о судьбине,
Как бедства, страхи, брань умел вещать доныне.
От браней ко любви я с лирой прелетал,
Недоверщенный труд моим друзьям читал.
О! Если истину друзья мои вещали,
Мои составленны их песни восхищали
И муз любители у невских берегов
Сих часто слушали внимательно стихов и пр.

Мои составленные песни. И в самом деле *составленные*: вдохновение нигде не показывается. И «Вестник Европы» составляется Каченовским [112].

Italia! Italia! o tu cui feo la sorte
Dono infelice di belezza, ond'hai
Funesta dote d'infiniti guai
Che in fronte scritti per gran doglia porta [1*] и пр.

Сонет Filicaia [Филикайа]. Поэт 17-го века написал 6 сонетов и одну canzone (канцону) на бедствия отечества. Байрон подражал или лучше сказать перевел этот сонет в своем Пилигриме [113].

Вольтер говорит о Гольдони, что явление его на театре может назваться именем поэмы Триссина: Италия, освобожденная от Готфов [114].

Какое главное действие Иоанна в Россиаде? *Взглянуть на щит*, данный ему старцем, которого он довольно неучтиво и вольнодумно отправил, сказавши:

Иное быть царем, иное жить в пустыне;
Не делай нам препятств и не кажись отныне.

Хотя ⟨прежде⟩ и признавал в нем мудрость свыше дарованную, когда говорил ему:

Но ты премудростью исполненный небесной,
О старче, о делах предбудущих известной.

Но что же отвратило Иоанна от послушания советов старца? Дева, вбежавшая и вопиющая к монарху:

[1*] Италия! Италия! О, ты,
Что красоты владеешь страшным даром!
В нем — вековых страданий тяготы!
Твой светлый лик клеймя проклятьем ярым.
(*Перевод с итал. В. Фишера*).

Неси, о, государь! к Казани огнь и меч,
Вели ты воды вкруг, вели их землю жечь,
Да воздух пламенем ордынцам обратится;
Но что уж мой супруг ко мне не возвратится!
И смертью многих орд не возвращу его
И жертва лучшая конец мой для него.

В самом беспамятстве своем она приходит к рассуждению, которое, однако же, Иоанна не трогает и ⟨он⟩

Царь, в сердце горести носящий остро жало,
Ко старцу обратясь, вещал: еще ли мало!
Еще ли мало нам причин спешить на брань
И Тартару сия страшна была бы дань.
Простительно ли нам судьбину видя люту,
Отсрочивать войну хотя одну минуту? и пр.

Какая нетерпеливость и решительность, а все для того, что бедная дева с той поры, что:

поругана в чалме
По камням бегает при солнце, при луне.

Безбожие: Серпом луна видна среди чела его.

Обещает Иоанну державы на Востоке с тем, чтобы он отказался от России и христианства. Какое сумасбродство! Но Иоанн однакоже едва ли не колеблется и уже

Хотел главу склонить, но вдруг на щит взглянул,
Померкнул щит, и царь о старце вспомянул[115].

Rabaud de St. Etienne [Рабо де Сент-Этьен].

Как жестоки быть не могут войны, которые последуют за объявлением прав, но объявление сие провозгласившие должны избежать упреков: прежде надлежало бы жаловаться тому, что печатание было изобретено. Поток мнений только от того становится широким и стремительным, что он накоплен многими ручьями и пробивался через поколения.

Христиане долго таили свой Евангелий и тогда только его обнародовали, когда оказались в силе. Евангелий объявления прав вверен был народу нескромному и легкомысленному, который все говорит, что знает. Вот все, на что можно жаловаться рассудительно: но объявление прав настигло, как комета исчезнувшая показывается в свое время: астрономы ее предсказали.

Невыгода народов заключается в их невежестве, рассеянии, в разнообразности языков, обычаев, законов и нравов и в нелепости народных

ненавистей. Цари пользуются войсками, золотом народов и навыком власти: они все говорят одним языком; имеют послов, лазутчиков, переписки и договоры, быстроту хотения, согласия и исполнения, а к тому же все знают, что они и братья двоюродные.

Вообще истине новой нужно не менее тридцати лет, чтобы укорениться в народе многочисленном, когда он спокоен и бесстрастен. Пока не отозвалась она несколько раз во всех ушах, пробудила ленивых, поразила беспечных, обратила упрямых и суеверных, что одно и то же, и разоблачила ханжей, поколение миновалось. Но во времена необычайные и когда два мнения сшибаются, то, которое истинно, провозглашается с такою живостью, что успехи его неимоверны: оно подкрепляется противоречием и разносится страстями — год войны тогда более столетия в иное время.

А так как истина никогда одна не бывает, но ведет за собою множество следствий, то противоречие, которое, как известно, высекает искры новые, вызывает из недра мраков истины, о коих еще не так скоро бы вздумали; таким образом, противники истины поражены бывают толпою союзников, которые совершенно их обезоруживают.

Мнения начальные, правила, как вода, всегда уравнивается: ее задерживают, противуставляют ей плотины, спускают ее; но всегда стекается она где-нибудь.

Вся политика Франции заключается отныне в распространении просвещения и свободе печатания. Букварь будет учителем грядущего поколения и начальные училища Франции училищами рода человеческого[116].

В той же комнате английского трактира в Варшаве, в коей Наполеон после бедствий русского похода давал свою достопамятную аудиенцию Прадту и некоторым полякам, труп Моро спустя несколько месяцев лежал во время перевоза бренных останков его в Петербург[117].

La faux du tribunal assassin semblait s'être égarée en tombant sur une tête coupable[1*],— говорит Лакретель о казни Филиппа Орлеанского.

«La convention décrète que la guerre de la Vendée sera finie le 20 Octobre»[2*]. Генерал Этель командовал тогда армиею[118].

[1*] Коса разбойничьего трибунала как бы заблудилась, упав на голову виновного (*фр.*).

[2*] Конвенция декретирует, что Вандейская война окончится 20 октября (*фр.*).

[3*] Как! Этот Фульциний, сенаторский подмастерье Спускается по привычке в ряды доносчиков.

«Тиберий», трагедия Шенье (*фр*).

Quoi? ce Fulcinius, apprenti sénateur
Déscend par habitude au rang de délateur.
Tibère. Trag. de Chénier [3*].

(Пав. Ив. Кутузов)[119].

Отныне не будет уже войн за народы, а только за царей. В 812-м году существовал точно — *священный союз*: провозглашенный, его не стало (февраль 820)[120].

«Тело врага умершего всегда хорошо пахнет»,— говорил Вителлий. Карл IX.

Сенека сказал о боге: Scripsit fata sed sequitur, semel jussit, semper paret [1*] [121].

Все счастие народа, сказал Монтескье, состоит в мнении, которое он имеет о кроткости правительства. Министр недогадливый хочет всегда ⟨напомнить⟩ показать вам ⟨о том⟩, что вы невольники; хотя и было бы так, долг его то утаивать[122].

В народе рабском все понижается. Надобно стремиться выговором и движением, чтобы отнять у истины ее вес и обиду, колкость. Тогда поэты то же, что шуты при царских дворах: презрение, которое к ним имеют, развязывает ум, язык. Или, если хотите, они походят на тех преступников, кои, представленные к суду, избегают наказания только тем, что притворяются сумасшедшими. (Diderot. De la poésie dramatique) [2*] [123].

Я всегда люблю в многолюдном обществе мысленно допрашивать спины предстоящих: ⟨сколько⟩ которые из них подались бы на палки? И всегда пугаюсь числом моих изысканий. Я не говорю уже о спинах битых с рождения, а только о тех, кои торговались бы с палками и выдавали бы себя на некоторых условиях: иные щекотливые согласились бы на с глазу на глаз: другие менее, на при двух или трех свидетелях. Вот испытание, которое я, будучи царем, предлагал бы при выборах людей.— Как трудно с девственною спиною ужиться в обществе! Как собаки обнюхивают и бегут прочь, когда ошибутся, так и битые тотчас, встречаясь с вами, обнюхиваются вашу спину и, удостоверившись, пристают к вам, или от вас отходят. Нет сомнения, что общежитие более или менее уничтожает души. Сколько людей, которые сквозь строй пробежали к честям и достоинствам. Как мало дошли до них недотронутые.

[1*] Он предначертал судьбы, сам следует им, приказав однажды, постоянно повинуется (*лат.*).

[2*] Дидро. О драматической поэзии (*фр.*).

Не надобно уверять себя в *излишней* честности или твердости, но хорошо твердить себе: ты честен, ты тверд. Кончишь тем, что не захочешь прослыть лгуном в своих глазах.— Не говори трусу, что он излишне храбр, он тотчас тягу даст из осторожности: но уверяй его под пулями, что он стоит с благородным хладнокровием, он, вероятно, устоит на месте или по крайней мере получасом позже навострит лыжи и то при удобном случае.

Я ничего не знаю величественнее благородства души и твердости в правилах. Вот зрелище, достойное небес: человек, идущий шагами верными и без оглядки против мелких заговоров зависти, разрывающий одною силою своею сети коварства. Быть безмятежным под ударами рока есть дело благоразумия: какие могут быть переговоры с врагом незримым и неодолимым? Но презреть врага, коего можно смешать хитростью, подкупить пожертвованиями, вот дело великодушия[124].

Спрашивали, какое каждый задал бы Судьбе желание, если взялась бы одно по одному исполнить. «Спасти отечество», сказал [Потворовский?]. Vous' aurier cela de commun avec les oies du Capitole,— отвечала ему [Zaiquen?][1*]

In dolore paries (genèse). Tu engendreras dans la douleur, dit Dieu à la femme prévaricatrice. Et que lui ont fait les femelles des animaux, qui engendrent aussi dans la douleur? (Diderot)[2*].

Le Dieu qui fait mourir Dieu pour appaiser Dieu, est un mot en allant du Baron de la Hontan[3*] (Diderot).

Зачем наказывать виновного, когда уже никакой пользы от наказания его извлечь не можно?

Наказывающему для одного себя должно быть весьма жестоким и злым.

Какой добрый отец хотел бы походить на нашего небесного отца?[4*]

Какая соразмерность между обидчиком и обиженным? Какая соразмерность между обиженным и наказанием? Смесь нелепостей и ужасов! И за что так ⟨гневается⟩ раздражен этот бог? Не подумаешь ли, что я могу учинить что-нибудь в пользу или вопреки его славы, в пользу или вопреки его спокойствия, в пользу или вопреки его благополучия.

Хотят, чтобы бог жег злого, против него бессильного, в пламени бесконечном и едва позволили бы отцу осудить на смерть преходящую сына, восставшего против его жизни, чести и благосостояния!

[1*] В этом у Вас было бы нечто общее с гусями Капитолия *(фр.)*.

[2*] В муках будешь рождать (*лат.*) (Бытие). Ты будешь рождать в муках, сказал бог согрешившей женщине. А что ему сделали самки животных, которые тоже рождают в муках? (Дидро) (*фр.*).

[3*] Бог, заставляющий умирать бога, чтобы умилостивить бога — это острота барона де ла Онтан (Дидро). (*фр.*) (*Запись тщательно зачеркнута карандашом*).

[4*] *Запись тщательно зачеркнута карандашом.*

О, христиане! Итак, у вас два различных понятия о благости и злобе, истине и лжи. Вы, следственно, нелепейшие из догматистов или запальчивейшие ⟨неограничнейшие⟩ из пирронистов? (Diderot [Дидро])[125].

Запоздалые в ругательствах, коими обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худого в этой революции? Доктора указали антонов огонь. Больной отдан в руки неискусному оператору. Чем виноват доктор? Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводительствует. Требуйте ответ от творца: зачем добро постигается здесь часто страданиями творения? А теперь, когда кровь унята и рана затягивается, осмелитесь сказать, что революция не принесла никакой пользы. Народы дремали в безнравственном расслаблении. Цари были покойнее, но достоинство человечества не было ли посрамлено? Как ни говорите, цель всякой революции есть на деле или в словах уравнение состояний, обезоружение сильных притеснителей, ограждение безопасности притесненных: предприятие в начале своем всегда священное, в исполнении трудное, но не невозможное до некоторой степени[126].

Шамфор людей дурачит, Ларош-Фуко их унижает, Вольтер исправляет их[127].

Жуковский похитил творческий пламень, но творение не свидетельствует еще земле о похищении с небес. Мы, посвященные, ⟨видим⟩ чувствуем в руке его творческую силу: толпа чувствует глазами и ⟨уверяется⟩ убеждается осязанием. Для нее надобно поставить на ноги и пустить в ход исполина, тогда она поклоняется. К тому же искра ⟨воспламеняется⟩ в действии выносится обширным пламенем до небес и освещает окрестности. Праздная, она тот же огонь, но светится только для некоторых и гаснет ⟨забытая⟩ без них.

Я не понимаю, как можно в нем не признавать величайшего поэтического дарования или мерить его у нас клейменым аршином. Ни форма его понятий и чувствований и самого языка не отлиты по другим нашим образцам. Пожалуй, говори, что он дурен, но не сравнивай же его с другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзия: ты сбиваешься, ты слыхал об одном стихотворстве. Ты ⟨стихи⟩ поэзию разделяешь на шестистопные, пятистопные и так далее. Я тебе не мешаю: пожалуй, можно ценить стихи и на вес. Только сделай милость при мне не говори — поэзия, а стихотворство.

Дидерот гремел в гостиной Екатерины против льстецов и в жару витийства отсылал их всех в ад. Екатерина переменила разговор. Спустя полчаса спрашивает она у него: что говорят в Париже о последней русской революции? Дидерот запинается, отделывается общими отговорка-

ми, отвечает, что в Париже называют ее государственною необходимостью, полезным злом и пр. «Берегитесь, г-н Дидерот, прерывает Екатерина, вы по крайней мере на дороге чистилища».

Екатерина долго говорила о достоинстве Сюлли, о счастии государя, имеющего такого министра. «Дайте нам Генриха, сказал Панин, и сыщется Сюлли»[128].

Старик Стакельберг говорил Маркову (разве Сольдерн): «Vous êtes un fat d'orgueil et de méchanceté[1*][129].

Марков говорил в Москве о Ростопчине и Обольянинове: Voici des monuments ambulants du règne de la terreur[2*][130].

⟨Павел⟩ Панкратий Сумароков, счастливый подражатель Богдановича в карикатурах, коренной принадлежности русского ума. Где француз улыбнется, русский хохочет. Француз сделает смешную рожу: русский весь исковеркается. Французская эпиграмма стрела, только задевающая. Русская рубит топором. Французские глаза любят цвета бледные, но с искусством переливающиеся; русские поражаются красками, хотя и грубыми, но яркими. Смотрите наши комедии: тут уму нечего догадываться, зрителю дополнять: все выставлено, все сказано. То же гишпанцы, англичане, немцы.

Жулкевский, один из лучших комических актеров Варшавского театра, на обвинение ему делаемое, что он слишком плотно шутит, отвечал: «Вы, живописцы образованные, не знающие искусства театральных маляров; я зрителей своих знаю, мои декорации, грубо расписанные вблизи, издали только что в пору для них»[131].

О похвалах наших тоже сказать можно: русский панегирист или лопнет или задушит своего героя. Князь Мещерский в стихах к Кутайсову без стыда для совести своей, человека и поэта, ограбивший Нелединского, сказал о Павле:

И коль не он сей бог, то бога я не знаю.

«Это божественно!»— Что вы говорите? Мало того, это — — — прервал и поневоле замолчал один безграничный хвалитель. Наши лирики с первого стиха жалуют героя в божество, а там в продолжении поневоле

[1*] Вы фат от гордости и злости (*фр.*).
[2*] Вот странствующие памятники царствования террора (*фр.*).

должны мало по малу разжаловать его и тем кончится, что божество останется болван болваном, а поэт кисою, лижущей позолоту.

Я никогда не позволил бы себе сыну своему сказать: «Угождай ближнему», а твердил бы: «Угождай совести!» Любовь к ближнему должна быть запечатлена в сердце; благоговейное уважение к совести — в правилах[132].

«К чорту ближнего! Нет ближнего!»— сказал Галиани, шутя с приятелем. Но и в самом деле, что такое ближний? Если есть ближние, то есть и дальные? как решить, которому из них надобно помогать? Всем, но разве частные выгоды могут слиться в общую выгоду? Иногда так, но не всегда. Я не скажу: делай добро ближнему, а просто: делай добро, оставь провидению раздать его по рукам ближним или дальным, как за благо рассудит.

Чтобы твердо выучиться людям, не подслушивать их надобно, а подмечать. Одни новички проговориваются, но и у самых искусных сердце проскакивает на лице или в движениях[133].

Добрый Херасков о *чудесном* рассказывает всегда, как дети сны свои, при каждом слово *будто*, *кажется*:

И будто трубный глас восстал в пещерах мрачных,
И будто возгремел без молний гром в дали,
Но будто бурная, свирепствуя, вода,
От солнечных лучей как будто от огня, и пр.

Будто это поэзия![134]

Посади меня на Хераскова одного на две недели, меня от стихов будет тошнить. Он не худой стихотворец, а хуже. «Чистите, чистите, чистите ваши стихи»,— говорил он молодым людям, приходившим к нему на советывание. И свои так он чистил, что все счищал с них — и блеск, и живость, и краску.

Петров также иногда тяжел и всегда неправилен, но зато каждый стих его так и трещит. У Петрова стих трещит, у Хераскова д...т[135].

Херасков говорит:

Коль можно малу вещь великой уподобить.

Известно, что в уподоблениях только *восходить* можно: но поэт сказал, однакоже, о месяце:

Ядро казалось раскаленно,

и на ту минуту был живописцем[136].

Я хотел бы славы, но для того, чтобы осветить ею могилу отца и колыбель моего сына [137].

Суворов писал к адмиралу Рибасу:
«Invincibile Doria,
E tempo per vostra eccelenza da far prigioniere l'successor del Barbarossa,
devotissimo schiavo
Al. Souvarow» [1*].

Он писал 30 ноября 1790 г. князю Потемкину: «Истинная слава не может быть довольно *оценена*: она есть следствие пожертвования самим собою пользе общего блага».

Он писал к человеку, которого подозревал в том, что он худо о нем говорил и обманывал его дружбу: «Я не знаю ваших несовершенств, но знаю ваши хорошие качества: сущность сношений, истина приличий, вот дружба («Réalité de rapports, vérité de convenance, c'est l'amitié»).

Он писал об одном генерале: «Он человек честный. Я воображаю, что он хорошо знает свое ремесло, и потому надеюсь, что когда-нибудь да вспомнит, что есть конница в его армии». (Из: Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Le marquis Gabriel de Castelnau, 1820) [2*] [138].

Что такое за страсть, если она не страдание? Недаром говорят по-французски: la passion de notre Seigneur [3*], а по-русски: страдания господни. Любовь должна пить в источнике бурном: в чистом она становится усыпительным напитком сердца. Счастье тот же сон [139].

Веревкин, сочинитель комедии «Так и должно», сделался известным Елисавете Петровне таким образом: перед обедом прочла она какую-то немецкую молитву, которая ей очень понравилась, и явила желание, чтобы она переведена была на русской. «У меня есть на примете,— сказал Шувалов,— такой человек, который доставит вам перевод до конца обеда»,— и тотчас послал молитву к Веревкину. Так и сделано! За обедом приносят перевод. Императрица так им была довольна, что тотчас же за этим или вскоре после наградила его 20 000 рублей.—Он гадал в карты. Воронцова или кто-то другой из общества Петра III сказали ему о мастерстве Веревкина; за ним послали. Взявши колоду карт в руки выбросил он искусно на пол четыре короля. «Что это значит?»— спросил Петр III.—«Фальшивые короли падают перед истинным царем»,— отве-

[1*] Непобедимый Дориа, для вашего превосходительства настало время взять в плен преемника Барбароссы, преданнейший слуга Ал. Суворов (*ит.*).
[2*] Опыт древней и современной истории новой России. Маркиз Габриэль де Кастельно, 1820 (*фр.*).
[3*] Страсть нашего Господа (*фр.*).

чал он. Шутка не весьма замысловатая, но по следствиям удачная. Он столько Петру III в картах наговорил, что тот и опомниться долго не мог; Воронцова воспользовалась хорошим его расположением, чтобы сделать добро Веревкину, и сказала, что жаль видеть человека с такими дарованиями в бедственном положении: он обременен долгами! Да кому же он должен? Да вам самим, император, должен он 40000 рублей. И долг тут же ему был ⟨прощен⟩ подарен и еще с избытком. Государь сказал о мастерстве Веревкина Екатерине и требовал, чтобы она когда-нибудь его испытала. Веревкин приходит к ней с колодою карт в руке. «Я слышала, что вы человек умный,— сказала императрица,— неужели веруете в такие нелепости!» — Ни мало,— отвечал Веревкин. «Я очень рада, ступайте, и я скажу императору, что вы мне в карты чудеса наговорили».— Он великий был краснобай, и племянник его г. Веревкин, от которого слышаны эти подробности, сказывал, что часто, едучи на обед говорить, спрашивал у него: как хочешь, чтобы сегодня плакали или смеялись. Сперва плакали, а потом бы смеялись. И в самом деле рассказами несчастных приключений сперва разжалобит он слушателей, а потом разными шутками морит всех со смеха. Он много живал в деревне, но когда приезживал в Петербург, то с пяти часов утра прихожая его наполнялась присланными к нему с приглашениями. Это походит на парижских говорунов старого века. Он знал много языков и перевел Алькоран. Многие из трудов его напечатаны без имени, а только с подписью его деревни [1*]. Он когда-то написал шутку на Суворова, где осмеивал его странные обычаи, и Суворов знал об этом. Был в военной службе, а после действ[ительным] ⟨стат⟩советником. Женат и имеет сыновей, как-то в родстве с Болтиным. Был в связи с Фон-Визиным [140].

Прочтите комедию Крылова *Проказники* и скажите, случаются ли такие чудеса в наше время. Как так переродиться? Лакейские шутки, срам и поношение. Вот где Княжнин глядит исполином: в Росс[ийском] феатре [141].

Арагонцы прислали королю, говорили: «Мы, которые столько же, как и ты, именуем тебя своим государем, чтобы защищать наши права и преимущества; *если нет, нет*!»

Les peuples sont las quelque temps avant que de s'apercevoir qu'ils le sont (Retz) [2*].

Стакельберг говорил: si l'on trouvait quelque canaille qui digérerait pour vous! [3*]

[1*] *Оставлено место для вписания названия деревни.*

[2*] Народы чувствуют утомление еще некоторое время до того, как замечают это (Рец.) (*фр.*).

[3*] Если бы найти какого-нибудь каналью, который переваривал бы за вас! (*фр.*).

Он же говорил, что улица Варшавы — неразрывная цепь желтых домов.

Мостовски говорил мне: l'Autriche pourra avaler l'Italie, mais la digérer c'est autre chose[1*].

Ник[олай] Николаевич имеет два письма собственноручные на французском языке от принца регента нынешнего короля: одно о Гановере, другое, где он требует от него испросить для него позволения приехать на твердую землю воевать против Наполеона с государем. Также есть и письмо Пита. Он нашел эти письма в старой забытой шкатулке, вместе с забытыми ассигнациями на две тысячи рублей. Это черта характеристическая[142].

N. N. можно назвать заваленным колодцем многих достопамятностей исторических[143].

Г[раф] Ростопчин имел письмо от Павла I-го, в коем говорил: «Ты никогда не верил (о имп[ератрице] Елис[авете] Ал[ексеевне]), вот тебе доказательство». Долго N. N. почитал Ростопчина первым виновником слухов оскорбительных для — — —. Наконец, тот для оправдания, когда был уже призван государем в Петербург, сказал ему: «прежде я не хотел и оправдываться, боясь, чтобы оправдание мое не было причтено в искательство; вот теперь могу объясниться»,— и сказал ему о письме, которое потом и отдал N. N. для сожжения[144].

Niemcewiez [Немцевич] застал раз Лагарпа за переводом Камоэнса. «Как,— спросил он,— при стольких различных познаниях в науках и языках, вы еще нашли время и гишпанскому научиться».—«Видно, что вы молоды,— отвечал он; — как будто нужно знать язык, чтобы с него переводить. Хороший лексикон и ум, вот и все!»

«Высокомерие, сей нищий, который столько же громко взывает, как и нужда!»— говорит Франклин[145].

Все уже высказано, если верить людям, которым нечего сказывать. По счастию, заблуждение очевидно. В каком бы то роде ни было, искусство подобно природе, своему образцу: ⟨оно имеет⟩ ему предписаны правила, как природе законы; ему нет границ, ибо природа не ограничена (Ш е н ь е: Обозрение историческое состояния и успехов словесности французской с 1789 года)[146].

[1*] Австрия сможет проглотить Италию; иное дело — ее переварить (*фр.*).

Глупые и умные взапуски осмеивают мнение Румянцова о простодушии (bonhomie) Наполеона. И, конечно, в поре силы нечего было ему лукавить; одним лукавством не совершил бы он геркулесских подвигов, тут нужны были страсти, а страсти всегда откровенны[147].

Ник[олай] Ник[олаевич] рассказывал, что раз за столом у государя Румянцов, по возвращении своем из Парижа, в подтверждение своего мнения приводил, что однажды, разговаривая с Наполеоном, сказал он ему: «Как, государь, вам, творцу такого величия, не подумать, что сколько вы ни всемогущи, но закон природы падет и на вас: избрали ли вы достойного наследника, преемника такой славы... —Поверите ли вы, граф,— отвечал Наполеон, ударяя себя по лбу,— что мне это и в мысль не приходило. Благодарю, вы меня надоумили».— Оставляю на произвол решить, кто из них трех солгал[148].

Курута говорил рыжему Голицыну, просившемуся в отставку по неудовольствию от в[еликого] к[нязя]: «Mon cher! C'est un grand prince, c'est le frère de l'Empereur. Il faut être magnanime avec les grands et savoir se survaincre»[1*][149].

Vincent Krasinski [Винцент Красинский], когда пьян, все готов сказать. У Рожнецкого лупилась кожа на лице, и он говорил о том при многолюдном обществе. «Vous pourrez dire,— сказал Красинский,— que vous avez changé de peau sous le nouveau régime»[2*].

Умная женщина говаривала: «люблю старшего своего племянника за то, что он умен, меньшого люблю за то, что глуп»[150].

Старик Чарторижский распустил по городу слух, что приехал искусный гадатель, который на Праге от такого-то до такого-то часа будет допускать к себе любопытных и разрешать их запросы о будущем. В означенные часы ходил в известное место; весь город сходился к нему; сведения, которые он имел о всех гласных сношениях, положении и прошлом каждого, способствовали ему узнать и многие тайны настоящего. И жена его попалась в сеть и высказала ему многое, вероятно и много лишнего.— Хороший сюжет для оперы[151].

Опытность не дочь времени, как говорится ложно, но событий (П р а d t, de la Belgique)[3*].

[1*] Мой милый! Великий князь — великая особа, брат императора. Надо быть великодушным с великими особами и уметь себя преодолевать (*фр.*) (*Перевод Вяземского*).

[2*] Вы можете сказать, что вы сменили кожу при новом режиме (*фр.*).

[3*] П р а д т — «О Бельгии» (*фр.*).

Ривароль говорил о союзниках во время революционной войны: Они всегда отстают *одною мыслию*, *одним годом и одною армиею* (тут же)[152].

Нет хуже этих либералов прошлого века, которые либеральничали, когда власть еще не тронута была: теперь, отставши от тех, которые власть обрезали, они видят в нынешнем образе мыслей мятеж и безначалие[153].

13 марта 1821 г.[154]

В наше время воины признают одну силу рассудка, а государственники одну силу штыков. Войска преподают народам и правительствам формы существования надежного. Конгрессы заряжают пушки. Фоксы и B. Constant [Б. Констан] — оракулы военных ставок; Платовы — союзники Министров и те новейшие Пуфендорфы, по коим цари учатся праву народному и решению задач политических.— Естественно ли такое состояние? Нет! И в тех и других есть *преступление*, но на чьей стороне чистота побуждений и благородство цели? Революция Гишпанская пример соблазнительный и, может быть, легко бедственный, но какая совесть, *тройным булатом* самодержавия *вооруженная*, не признает, что в сей революции является зрелище высокое и для человечества почетное, а в условиях криводушия, воцарившегося на Совете Лайбахском, зрелище униженное и наполняющее душу унынием, если не воспаляющее отчаяние[155].

Неужели должен я считать порочным тот голос, который отзывается у меня в глубине души на вопрос: пожелаю ли успеха нашим войскам, если бедствие, с высоты престола увлекающее Россию в бездну, устремит их на Италию для довершения народоубийственных предприятий?— Будь я русский воин, ни на минуту не задумался бы я и отказался от похода. Никогда Наполеон не предпринимал такой несправедливой, личной войны. Посылая французов на убиение в Гишпанию для охранения брата на престоле, мог он всегда прикрыть свое побуждение пользою Франции, ибо без сомнения польза тогдашней Франции была сопряжена с пользою фамилии Наполеоновой, занявшей значительную часть Европейских престолов. Но здесь, чем соблазнишь русских, ополчая их на защиту *мнения*, от коего они сами погибают и против коего вооружились бы сами не хуже других, буде правительство их не следовало системе *помрачения* (в противность *просвещению*), отучившей рассуждать и мыслить большую часть народа? Какою ⟨одеревянелою⟩ медною рукою напишется *Божиею Милостию* перед манифестом, объявляющем народу о начале сей войны? Кто не видит, что одно обсчитавшееся честолюбие человека, взявшего на себя звание примирителя европейского, вызывает войска с берегов Невы к брегам Средиземного моря, потрясает Россию до основания для решения прений, в глазах России совершенно отвле-

ченных, и грозит зажечь Европу из края в край? И кто по совести не признается, что сие звание примирителя дорого и по-сердцу ему для того, что дает средство при первой искре, вылетающей из трубы, где бы то ни было, сесть в коляску и ускакать от России, которая дома, как неугомонный заимодавец, не дает ему покоя ни днем, ни ночью, требуя уплаты векселей, давно протестованных перед судом людей и небес?

Цари не только ответствуют за личное зло и непосредственно действующее на подлежащих им, но и за те преступления, в которые они впоследствии времени вовлекают народы. Конечно, *диктаторство штыков* дело пагубное не от того, чтобы воины были непросвещеннее и безнравственнее других, но от того, что опасно видеть *вооруженную силу*, присвояющую себе и *силу управляющую*. В современных революциях такое злоупотребление, так сказать, не было во зло употреблено, а напротив в пользу народов, но кто может поручиться, что другие армии, следуя данным примерам, но не к одной цели следуя, не поднимут знамени мятежа в пользу безначалия воинского или какого-нибудь атамана, непосредственного преемника всякого безначалия? А теперь, когда нет *малолетних* ни в каком звании, ни в какой земле, когда всякий и все хочет постигать *причину вещей*, не слишком ли опасно делать, так сказать, вызовы непокорности, посылая войска на войну, противную совести. Может ли государь убежден быть в Лайбахе и Россию знающий по своей дорожной карте, что не найдется в тех полках, кои он в поход посылает[156], несколько людей, отказывающихся от послушности и могущих увлечь в непослушность целые баталионы. Знала ли Главная Императорская квартира накануне, что в Петербурге есть гвардейский полк, который даст пример, невидимый в армейских летописях России, а по твердости, благоразумию и порядку, сохраненным в самом бунте, едва ли где и в иных летописях встречаемый?[157] В тихую погоду легко погасить пламень: при сильном ветре малейшая искра разносит пожар. В наше время поднялся ветр в Европе. Плывите по нем, государственные кормщики, или буря сорвет вас и кинет в бездну. Об вас жалеть много нечего; святое место пусто не будет, но беда в том, что от вашего упрямства и ослепления и корабли, провидением вверенные вам, могут подвергнуться вашему крушению. Поступая против пользы народной, даете вы право народам стакнуться и поступать против вашей пользы.

Теперь прошло уже время врожденной, предвечной покорности. Люди хотят покориться не прихотям, а пользе, и для того все, что рассуждает, признает необходимостию царствование законов и свержение царствования воли и все, что питает в душе благородную отвагу, стремится восстановить сие царствование. Цари, если хотят удержаться на престоле, должны многое принести из движимого имущества своего на олтарь отечества. Пускай также, раздирая крепостную запись на армию, посвят⟨ят⟩ит⟨они⟩ ⟨ее⟩ расходы [?] государ[ственные?] служению народа

и говор⟨ят⟩ит, применяя к себе слова собаки в «Воспитании льва»,

Сынов отечеству даю,
А сам теряю куклы [158].

Что значит безгласная покорность войска? Ничего нет беспредельного.— Байонский комендант отвечал Карлу IX: «Государь! я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача!» —И сей ответ отзывается во всех благородных душах и перейдет из века в век.— Разве *священный союз* не есть Варфоломейская ночь политическая. «Будь католик, или зарежу!» «Будь раб самодержавия, или сокрушу». Вот существенность того и другого разбоя.— Неужели в русской армии не найдется ни одного Дорта? А если найдется, какая цепь последствий может потянуться за таким действием, хотя и будь оно одиноким[159].

Les constitutions doivent venir d'en haut [1*], говорят в мистическом слоге. И конечно! И мы то же говорим, хотя и другими словами. Долг должен платиться должниками! Но если они беспечны или криводушны, то долг этот *взыскивается* заимодавцами. Скажите, глядя на явления современные: les constitutions devraient venir d'en haut [2*], и вы будете совершенно правы и растолкуете сей по видимому и по установленным правилам неестественный ход, но по законам неминуемым необходимости весьма естественный ход вещей. В городе царствует голод: правление видит возрастающее движение черни, но *хлебных запасов* своих не отворяет: чернь разбивает их и похищает насильственно то, что приняла бы с благодарностию. В Европе также царствует голод законного устройства: в Виртемберге, Баварии и других землях цари вняли сему воплю голодному, и если у них не роскошествует совершенное благоденствие, то по крайней мере не поражает взоров и сердца вашего зрелище печальное нищеты политической, непременной предтечи отчаяния!

18-го марта.

Запоздалые с улыбкою холопского удовольствия при разбежавшемся слухе о успехах австрийцев над неаполитанцами говорят: «Да и можно ли было чего другого ожидать?»—Да кто же, дурачье, противуречил вам? Одно благородное участие, принимаемое всегда людьми возвышенными в стороне правой, одно пламенное желание ей удачного окончания могло заводить легковерные надежды тех, которые уповали, что самое небо отразит покушение неслыханного насильства. Но вы что же тут торжествуете? Гораздо легче сокрушить миллион войска, чем переломить одно

[1*] Конституции должны прийти сверху (*фр.*).
[2*] Конституции должны бы прийти сверху (*фр.*).

мнение. Если бы совет царей в Лайбахе переговорами своими уговорил неаполитанцев отступиться от своего дела и вверить им свою судьбу, то в таком случае, правда, могли бы вы воспеть *тебе бога хвалим* на поле победы самодержавия и сказать, что рассудок и нравственная сила на вашей стороне. Мы никогда не оспоривали у вас *убеждения силы*, которое совсем иное, чем *сила убеждения*. Всякое господствующее мнение окупило свое господство кровью своих мучеников. Не забывайте, что Христос *обоготворился* на распятии и что христианство от его крови возросло и далеко раскинуло свои отрасли. И ваше торжество может быть торжеством Пилата и вы, как и он, слепые орудия Провидения, может быть, скрепляете руками вашими то, что безумные руки ваши порываются истребить.

Народ еще не созрел для конституции!— говорят вам здесь и там. Басненная лиса говорила: виноград зелен! Лисы исторические говорят, что мы зелены для винограда.

Народ может быть *переспелым* для конституции, так, но никогда — *недозрелым*. Чем понятия первобытнее, чем отношения, связи, побуждения (intérêts) простее и естественнее, тем их представительство легче и удобнее. Отчего французская конституция шатко и валко идет? Не оттого ли, что столетие образованности или, лучше сказать, утонченности, а потом 30 лет ошибок и смятений омногосложили и переплели побуждения правительства и побуждения частные? Конституция должна быть более *содержанием* (régime) тела народного, предохраняющим его от болезней и укрепляющим его сложение, чем лечением, когда болезни уже в теле свирепствуют[160].

Деспотизм зло; а зло может ли быть приготовлением добра? В действиях физических так, но не в нравственных. Деспотизм с каждым днем удаляет народ от возможности быть достойным свободы здравой. Исступление свободы смежно с деспотизмом; но *употребление* далеко от него отстоит и тогда какая надежда есть, чтобы народ созрел для свободы под руководством деспотизма совершенно ей противуродного? Прошу покорно, России созревать для конституции под солнцем Аракчеевых, Гурьевых и прочих! Если бы ждать по-вашему поры зрелости, то в самом деле пришлось бы России оправдать слово, сказанное о ней Дидеротом: «C'est un fruit pourri, avant que d'être mûr» [1*].

Солнце Аракчеевых и Гурьевых может воспалить мозг и зажечь бешенство в народе, но не быть ему никогда Фебом, богом света и здравия! И если безгласной статуе России определено некогда, ударяемой лучами его, отозваться, то, без сомнения, не стройными звуками, как Мемновой статуе, а разве дикими воплями отчаяния отзовется она[161].

[1*] Это плод, сгнивший до того, как созрел (*фр.*).

Уж так и быть, оставить бы *нищим духом* царство небесное, но зачем же отдавать им и царства земные? [162]

Я хотел бы спросить у этих Лайбахских господ: что благоразумнее и благодетельнее, одерживать частные и одновременные победы над мнением напирающим или руководствовать им? Поток ярый падает с высоты: вы, которые только помощи в физической силе и ищете, ставите с великими издержками камни, путь ему преграждающие, между тем как гидростатика предлагает вам свои уроки для полезного направления стремящихся вод, а опыт готов научить вас, как дать этому наводнению влияние благодетельное и плодотворительное на окрестные нивы. Вместо того, чтобы созывать конгрессы, которые над народами скопляются, как грозные тучи, носительницы громов и бурей, конгрессы, в коих цари выходят на бои рукопашные с мнениями народов, созовите конгресс не царский, а народный: изведайте на нем положение умов, дослушайте требования общие и определите правила, по коим должны поступать правительства и коим должны покориться народы. Труд ваш облегчится и выгоды, коих домогаетесь разными пронырствами и насильствами, сами собой выдут к вам навстречу. Но как подозрительным народам не терять терпения, когда вы поминутно сходитесь в угол, перешептываетесь, киваете головою на народы и, стакнувшись, являетесь на их позор, с ног до головы вооруженные единодушием побуждений и действий. Ибо в старые года народы могли еще питать надежду изредка поживиться на счет ваших личных ссор: теперь заключили вы между собою полное перемирие, чтобы все свои средства сосредоточить против общего врага: против народов.

Выходцы самые горячие и непреклонные приверженцы преимуществ. Тут есть человеческая причина. Мы всегда более дорожим приобретен⟨ным⟩ ною, чем родов⟨ым⟩ою ⟨имением⟩ собственностию. Как не сердиться этим *выходцам*, когда они видят, что законные откупщики сих преимуществ готовы сложить их в пользу рядовых, в то самое время когда они, ценою многих трудностей, пробились из рядов на лавки откупные, предмет их вкоренившейся зависти и цель всех их поступков и упований. Никому не весело быть в дураках и тем более дуракам. Я понимаю досаду выходцев.— Кто более будет чваниться цветом волос своих: Адонис белокурый с природы или черноволосый Адонис в белокуром парике? Конечно, последний, ибо он сделался белокурым на перелом природе, и следовательно, по выбору, с издержками, с пожертвованиями, с усилиями.— На польском театре дается комедия: Szkoda Wezsow [Жаль усов]. Старопольского обывателя уговорили обрить усы свои и переменить свой жупан на парижский фрак под страхом отказаться от невесты, которую родители не согласятся отдать приверженцу старых обычаев.

П. А. Вяземский.

Портрет работы И. Зонтаг. Итал. карандаш, сепия, 1821

Простачок подается на советы и покоряется требуемому превращению. Что же выходит? Хитрый соперник советовал ему на зло и жениху преобразованному именно и отказывают, потому что родители дочь свою благословят на брак не иначе, как со старополяком. Судьба на современной сцене европейской играет ролю, подобную роли соперника, и вводит впросак наших легковерных *выходцев* [163].

Несправедливо называем *холопами* царедворцев. В своих холопах найдете мало льстецов и суеверных обожателей господской власти. Напротив, таковых, если найдутся, приличнее называть *царедворцами*. Вообще в служителях домашних встречаешь какую-то врожденную независимость и недоброжелательство, которые могут быть очень неприятны для службы, но утешительны в отношении человечества, которое только с помощию противуестественных установлений научилось искусству: рабствовать добровольно. В доказательство, что порабощение не есть природное состояние человека, можно заметить, что каждый при случае умеет повелевать, но не каждый может повиноваться. Дух господства внушен человеку самою природою, данницею его различных требований. *Духом повиновения* заразился он в обществе, которого польза побуждает ослаблять его силы и умерять напряжение. Одно: польза общества, другое: польза лица частного. Тайна правления в том и состоит, чтобы согласовывать как можно более ту и другую, и в случаях необходимости пожертвований *части* в пользу *целого* призывать эту часть для общего соображения, как выдать нужную жертву с меньшим ущербом жертвоприносителя и большею выгодою жертвовзымателя. Тут и есть тайна *представительства*, которое, как сфинкс, пожрет всех Лайбахских тупоумцев, не умеющих разгадать его, и поднесет венцы Эдипам, постигнувшим его откровение [164].

Не довольно размышляют о том, что цари не могли наравне с народами подвигаться к просвещению соразмерно. Без сомнения, Людовик 18 немногим образованнее Людовика 14, а Петр I, конечно, не уступил бы в познаниях Александру I.— Но подданные первых двух царствований далеко отстают от современных, если не в художествах и изящной литературе, то во всем том, что составляет существенность гражданских сведений. Вот чего цари и спесивые их подмастерьи никак понять не могут или не хотят и в чем, быть может, заключается главнейшая причина разладицы, господствующей в нынешних событиях.— Писатели современные, пожалуй, и не превзошли предшественников, но читатели нынешние рассудительнее и многочисленнее. И тогда все еще наш век превосходнее прошлых веков.

Живописна картина нескольких ветвистых гигантов, разбросанных по голой степи; но расчетливый хозяин дорожит более рощею ровною, но дружно усаженною деревьями сочными и матеровыми [165].

Остафьево, 13 июня 1823.

В сочинениях Мармонтеля находишь: «Discours en faveur des paysans du Nord» [1*], писанный в 1757 году, для решения задачи, предложенной Обществом Экономическим в Петербурге, о том, «est-il avantageux pour un état que le paysan possède en propre du terrain, ou qu'il ait seulement des biens meubles? Et jusqu'où le droit du paysan, sur cette propriété devrait-il s'étendre pour l'avantage de l'état»[2*]. Речь писана вообще с жаром, но в ней более риторства и философических видов, чем государственных. Мало применений к местности, мало дела. Рассуждая об опасении, чтобы крестьяне, освобожденные и приобретшие право владения, не нашли в чиновниках тиранов алчнейших, бесчеловечнейших и более надежных на безнаказанность, он говорит: «Во всех монархиях, где хотели оградить свободу, собственность, спокойствие, благоденствие народов, как в римской, китайской и у инков, следовали всегда одному и тому же средству. Везде видели, что судии и приставы поселенные (постоянные) ⟨могли быть легко соблазненными⟩ были податливы на подкуп и что участвующие в притеснении они вскоре делались их сообщниками. Тогда учредили суда подвижные и временных надсмотрщиков (у римлян назывались они Curiosi, у перуанцев — Cucuiricoe, всевидящие, у французов — Missi dominici), кои везде чужие, не заводили никогда ни связей, ни привычек, и в поручении своем нечаянном и быстром не давали времени соблазну преклонить их строгость. Полагая, что задача о ⟨праве⟩ собственности решена в пользу поселян, спрашивают как далеко ⟨можно допустить⟩ должно простираться сие право собственности для пользы государства. На это отвечаю: столь далеко, сколь способность приобретать.

Увы! Какие другие пределы ставить благосостоянию того, который едиными трудами может обогатиться? Дай боже, чтобы он надеялся вознестись до степени гражданина зажиточного и могущего! Приобретать в округе[3*], в коем он родился, есть единое исключение, позволительное в законе. Всякая ⟨преграда⟩ граница, предпоставленная соревнованию людей, сжимает их душу и опечаливает; в особенности же для надежды темница обширнейшая есть все же темница [4*][166].

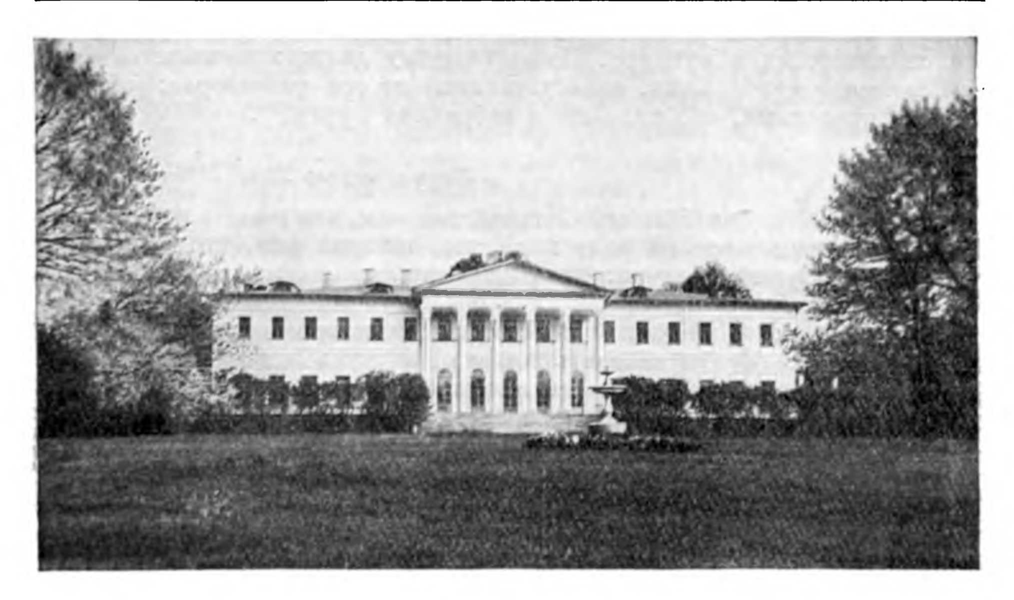
[1*] «Речь в защиту северных крестьян» (*фр.*).

[2*] Выгодно ли для государства, чтобы крестьянин обладал собственным земельным участком или только движимым имуществом? До какой степени может простираться право крестьянина на эту собственность, так, чтобы это было выгодно государству? (*фр.*).

[3*] Выше в предложениях своих Мармонтель говорит, что на первый случай можно будет ограничить для поселянина право приобретения границами округа, где он родился.— *Прим. Вяземского.*

[4*] Это напоминает мне два стиха, гораздо до прочтения писанные:

И светлых нив простор, приют свободы мирной,
Не будет для него темницею обширной. — *Прим. Вяземского.*

Дом в имении Вяземских в Остафьеве. Фото конца XIX в.

Державин сделал без умысла забавную эпиграмму на Хераскова в своей пиесе *Ключ*:

> Творца бессмертной Россиады
> Поил водой ты стихотворства!

И какая вода![167]

Дмитриев в записках своих нарисовал портреты некоторых из своих современников по министерству и по Совету и между прочими регента Салтыкова, который был ему недоброжелателен и вероятною, главною причиною, что Дмитр[иев] просился в отставку в то время, когда министры перестали докладывать лично. На страстной неделе, в которую он говел, попалась ему на глаза страница, означенная резкими чертами регента, и он, раскаявшись, вымарал главнейшие из своей тетради — и из книги потомства! Движение благородное или, лучше сказать, добродушное! Уважаю движение, но не одобряю. Писатель, как судия, должен быть бесстрастен и бессострадателен. И что же останется нам в отраду, если ⟨по крайней мере⟩ не будут произносить у нас, хотя над трупами славных, окончательного Египетского суда.— Записки Дмит[риева] содержат много любопытного и на неурожае нашем питательны; но жаль,

что он пишет их в мундире. По-настоящему должно приложить бы к ним *словесные прибавления*, заимствованные из его разговоров, обыкновенно откровенных, особливо же в избранном кругу [168].

Москва, апреля 12-го 1825-го года.

Статфорд-Каннинг (Statford Canning) замечая, что у нас в противность Англии полиция везде на виду и гласна, говорил мне, что «некоторые предметы требуют оболочки: природа сокрыла от глаз наших кожею течение крови».

Он сказывал, что читал письмо Байрона, в котором он писал к своему книгопродавцу: «Чтобы наказать Англию, я учусь италианскому языку и надеюсь быть через несколько лет в состоянии писать на нем: на италианском языке напишу лучшее свое произведение, и тогда Англия узнает кого она во мне лишилась».— Он думает, что Байрон не мог бы играть важной роли в Греции и овладеть в ней событиями: по словам его, он был великой души, но слабых нервов и слишком доступен к потрясению сильных впечатлений. Статфорд-Каннинг спрашивал у него однажды, когда явится в свет путешествие по Греции приятеля его Гоб-Гоза (Hobhouse); «Он подвержен беременности слоновой,— отвечал Байрон,— ему потребно двенадцать лет для разрешения».

В прогулке с ним по качелям говорили мы о великане, показывавшемся в прежние годы, и я повторил слышанное мною замечание, что великан этот умрет, когда перестанет расти. За обедóм разговорились мы о Наполеоне и вспомнили, что он не умел довольствоваться самым нельзя [?] Фридерика, который говорил que le plus beau rêve du monde était d'être Roi de France [1*]. Каннинг заметил, что завоевания были ему, может быть, необходимы для поддержания себя во Франции. Я применил к нему замечание, сказанное мною о великане: сравнение мое с Наполеоном приходило и ему в голову, когда мы говорили о великане.

О немецких переводах с древних языков гекзаметрами, говорит он, что как они ни верны, а без жизни. «Предпочитаю,— продолжал он,— видеть поэта в младенчестве, чем знать его черты по одному бюсту».

Вообще разговор Каннинга степенен, но приятен и разнообразен. Он похож на самое лицо его: при первом впечатлении холодное, но ясное, простодушное и замечательное. Впрочем, мы его не видели наголо; любопытнейшие и благороднейшие члены его были прикрыты политическою драпировкою. Слушая его, не мог я без трепета не обратиться мысленно к нашим государственным вельможам.

Еще до напечатания книги своей о посольстве в Варшаву, Прадт изустно ⟨повторял⟩ упоминал о восклицании, влагаемом им в уста Наполеона: Одним человеком менее, и я еще был бы властелином Вселенной!

[1*] Что самой прекрасной мечтой на свете была мечта быть королем Франции (*фр.*).

При первом свидании своем с Веллингтоном после приветствий лестных касательно действий его в Гишпании ⟨сказал⟩ повторил он ему слова эти в кружку около них собравшемся. Веллингтон смиренно опустил голову, но тот, не давши времени ему распрямиться, продолжал с жаром: и этот человек я! «Посудите о театральной неожиданности в лицах Веллингтона и других слушателей» (Каннинг).

Каннинг много уважает Поццо-ди-Борго: он знал его в Константинополе; в самую пору могущества Наполеона не отчаивался он в низвержении его.— Впрочем, и Петр Степанович Валуев носил во чреве свое пророческое убеждение, что Наполеону не сдобровать. «Знаешь ли, что меня беспокоит, — говорил он однажды Алексею Мих[айловичу] Пушкину несколько времени после рождения Римского королька, — не могу придумать, что сделают с мальчишкою?— Какой мальчишка? — Наполеонов сын!— Кажется, пристроить его нетрудно будет, он наследует французский престол.— Какой вздор! Наполеон заживо погибнет и все приведется на старый лад».— Подите дивитесь после, что жрецы древности читали грядущее в утробе животных[169].

На блестящих похоронах Уварова, которому государь воздал все возможные почести, Аракчеев сказал: «Славно провожает его один благодетель, каково-то встретит его другой?»— Портретное слово![170]

«Для вас Россия мундир ваш, а для меня моя кожа»,— сказал Остерман Паулучи в войну 12-го года[171].

Филипп писал Аристотелю: «Не столько за рождение сына благодарю богов, как за то, что он родился в твое время». Многие классики не столько радуются творениями своими, как тем, что они созданы по образцу и подобию Аристотеля[172].

В какой-то торжественный день при дворе Анны Тредьяковский должен был заготовить оду. Волынский второпях требует ее: тот извиняется, что не успел сочинить, и Волынский заносит палку на придворного поэта. Во время суда Волынского Тредьяковский не забыл обиды и донес на него в оскорблении. Сия жалоба была внесена судиями в число обвинительных пунктов[173].

Одно из любимых чтений Кострова было роман «Вертер». Пьяный он заставлял себе читать его и заливался слезами. Однажды в подобном положении после чтения любимого продиктовал он Дмитриеву любовное письмо во вкусе Вертеровом к любовнице, которую он знал. Трезвый — он не любил стихов Петрова: пьяный — всегда слушал их с удовольствием. Дмитриев говорит, что он входил всегда в комнату в шляпе

трехугольной, снимет ее для поклона и опять наденет на глаза, сядет в угол и молчит. Только когда услышит от разговаривающих речь любопытную и забавную, то приподымет ее, взглянет на сказавшего и опять насунет. Он в Петерб[урге] часто живал у[1*] и так был нравами невинен, что комната была отведена ему возле девичьей. Однажды Дмитриев входит к нему: он сидит на креслах, возле него девка, перед ним стол с Гомером в пергаменте, а сам сшивает он разные лоскутки «Что это вы делаете, Ермил Иванович?»— «А вот девчата надавали лоскутья, так сшиваю их, чтобы они не пропали».— Он сказывал о себе, что он сын дьячка, а на первой оде его напечатанной выставлено, что сочинена она крестьянином казенной волости[174].

О Фон-Визине. Перевод Тацита и намерение издавать журнал, на что не согласилась императ[рица] Екатерина, недовольная им, вероятно, за бумагу, известную под названием: «О необходимости законов» (названием, данным ей не Фон-Визиным, а гораздо уже после, вероятно, Никитою Муравьевым, который сократил ее). Кажется, бумагу сию написал Фон-Визин по предложению Панина для в. кн. Павла Петр[овича][175].

Довольно одного следующего параграфа, чтобы правительству нашему не разрешить выпуска «Истории Наполеона» В. Скотта:

Les esprits médiocres ne manquent jamais de donner à la routine autant d'importance qu'aux choses essentielles, et de juger une négligence dans la tenue aussi sévèrement qu'une mauvaise manœuvre. Les généraux français se montrèrent hommes de génie en triomphant au moment du danger, de tous les préjugés d'une profession qui a sa *pédanterie* comme toutes les autres, et en modifiant la discipline selon le caractère de leurs recrues, et l'urgence des circonstances[2*].

Наши педанты, несмотря на победы республиканских генералов, посадили бы их под арест за каждое отступление. Что мне в храбрости ваших солдатов, если они не умеют маршировать? Вот ответ, или смысл ответа наших педантов[176].

В Павле были царские движения, то есть великодушные движения могущества. Они пленяли приближенных к нему и современников, искупая порывы исступления. Я видел слезы отца моего и Нелединского, оплакивающие Павла. Слезы таких людей свидетельства похвальные.

[1*] *Оставлено место для вписания фамилии.*

[2*] Посредственные умы всегда придают рутине такое же значение, как и основным вещам; они судят о небрежности во внешнем облике так же сурово, как о дурном поступке. Французские генералы проявили свою гениальность в том, что восторжествовали в момент опасности над всеми предрассудками профессии, обладающей такой же педантичностью, как и все другие; они умеряли дисциплину согласно характерам их подчиненных и срочности обстоятельств (*фр.*).

Celui-ci aura beau faire, il ne sera jamais qu'un parvenu sur le trône et vous verrez qu'il en aura toutes les allures [1*][177].

Nouvelles de Jean Boccace. Traduction libre par Mirabeau. Paris[2*]. 1802. 8 томов.

Вероятно, перевод не Мирабо, по крайней мере о нем не упоминается в «Biographies des Contemporains»[3*], в статье Мирабо, в числе произведений, оставшихся от него. Есть перевод Тибула, напечатанный под именем Мирабо, но и тот, по удостоверению биографии, составлен вместе с совоспитанником его Poisson de Lachabeaussière [Пуассон де Лашабосьер], сыном наставника Мирабо. По этому переводу Боккачио нельзя судить о подлиннике. Французы, по крайней мере давнишние, несносны своими офранцуженными, облагороженными переводами. Бог весть откуда нападут на них тогда целомудренные опасения, совестливость: вместо того нужнее было бы поболее смиренномудрия. Или не переводи автора, или, переводя, покорись ему и спрячь свой ум, свои мнения. Впрочем, все-таки трудно понять славу Боккачио, основанную на его Декамероне. Кажется, теперь не так была бы она дешева. Италианцы восхищаются прозою Боккачио, писателя XIV века: он был для италианской прозы то, что был для поэзии Петрарка, с которым жил он в тесной дружбе. В Декамероне славится описание флорентийской чумы, но французский переводчик был, кажется, Еропкиным этой чумы: ослабил ее и если не совсем прекратил, то сократил. В Декамероне находится сказка о трех кольцах, приведенная Лессингом в его Нафане Мудреце. Боккачио был весьма ученый человек и один из водворителей в Италии любви к познаниям и греческому языку. Он был и поэт, но посредственный: оставил две поэмы греческие: «Фезеиду» и «Филострато». Он был изобретателем италианской октавы, присвоенной после всеми эпопеями итал[ьянскими], гишпан[скими] и португальскими. «Фезеида» была переведена отцом английской поэзии *Chaucer* [Чосером]. *Драйден* переделал его после. Латинские сочинения Боккачио многотомны, между прочими «О генеалогии богов» и другое: «О горах, лесах и реках». На конце жизни посвятил он себя духовному званию. Странно и поучительно видеть эти противоречия в знаменитых людях средней древности. В наше время одного характера станет на жизнь человека, не говорю о политических превращениях. Боккачио соблазнительный сказочник, вместе с тем и глубокий ученый, часто поверенный в важных делах и посольствах, возложенных на него правительством, друг целомудренного Петрарки и под конец жизни духовная особа. Известны еще романы его: «la Fiammetta»

[1*] Этот же, как бы он ни старался, будет всегда лишь выскочкой на троне, и вы увидите, что он покажет нам соответственные замашки (*фр.*). *Запись зачеркнута.*

[2*] Новеллы Жана Боккачио. Свободный перевод Мирабо. Париж (*фр.*).

[3*] «Биографии современников» (*фр.*).

[«Фьяметта»], «Filocopo» [«Филокопо»]. В «Fiammetta» изображена принцесса Мария, незаконная дочь короля Роберта, предмет любви Боккачио. В Сисмонди «Littérature du midi de l'Europe» [«Литература южной Европы»] хорошо изложена противоположность бедственной эпохи, в которую Боккачио переносит свой рассказ, с игривым вымыслом самих сказок. «Граф Нулин»—сказка Боккачио XIX века. А, пожалуй, наши классики станут искать и тут романтизм, байронизм, когда тут просто приапизм воображения.— Во французском издании приложены и подражания Лафонтена. Рассказ холодный, растянутый, кое-где искры веселости, но редко. Вот в них нет никакого приачизма [178].

Мирабо-бочка сказал однажды в законодательном собрании: «Я в этом рассуждении употреблю всю логику легкого, не менее нужную в собрании, каково ваше, логики рассудка». Он был человек нетрезвый. Старший брат упрекал его однажды за эту слабость: «на что жалуетесь вы,— отвечал ему он смеясь,— изо всех пороков семейства нашего один этот оставили вы мне на долю».—«В другой семье,— говорил о нем брат, — он был бы повесою и гением, в нашей он глупец и честный человек» [179].

Во французском переводе Боккачио есть персидская сказка: *Hhatem Thai*. Старику явилась женщина красоты чудесной в наготе: он взял ее за руку, и она исчезла. С той поры он помешался и твердил беспрестанно: J'ai vu jadis et je voudrais revoir encore.

Я видел некогда, хотел бы видеть вновь [180].

Старший Мирабо сказал: «Je suis fier par le sentiment de mon courage, de ma force, de ma droiture, des injustices mêmes qui m'ont été faites et je suis peu humilié par mes innombrables fautes et défauts, parce qu'ils n'entachent en rien mon honneur» [1*].

«Han d'Islande» [«Ган Исландец»], роман Victor Hugo [Виктора Гюго], 4 тома, род Мельмота, но менее глубокой истины. Те же пороки в прозе его, что и в стихах, но те же и красоты. Нельзя не сознаться, что бред горячки, но горячка поэта. Есть много явлений сильных, живописных, лица хорошо означенные, например, палача, сторожа трупов, Spiagudry [Спиагюдри], дочери Шумакера.— Есть и политический интерес: бунт рудокопов, их поход, встреча с королевским войском, живо и верно.— Тут говорится о русском палаче [181].

[1*] Я горжусь чувством моего мужества, моей силы, моей прямоты, даже причиненными мне несправедливостями; меня мало смущают мои бесчисленные ошибки и недостатки, потому что они ни в чем не затрагивают моей чести (*фр.*).

Relation d'un voyage de Calcutta à Bombay; par feu Réginald Héber, évêque de Calcutta. Londres, 1828 (Le Globe, № 4, 14 Janv. 1829)[1*].

Гебер был в России и описывал Крым: доктор Кларк воспользовался этим описанием. *S'asseoir dhurna*, ce qui signifie s'asseoir pour pleurer, sans changer de position, sans prendre aucune nourriture, exposé à toute l'inclémence de l'atmosphère, jusqu'à ce que l'autorité ou la personne, contre qui le *dhurna* est employé, ait obtempéré à la demande, qui lui est faite. Cette pratique est souvent mise en usage d'individu pour forcer le payement d'une dette, ou pour obliger le créancier de la remettre. L'effet est d'autant plus grand, que ceux, à la porte desquels a lieu le *dhurna*, ne croyent pas pouvoir se livrer à aucune occupation, ni prendre de nourriture pendant la durée. Les Indiens sont convaincus que l'esprit de ceux qui meurent ainsi en *dhurna*, revient tourmenter leurs inflexibles ennemis[2*].

Английское правление наложило пошлину на дома в Бенаресе. Вдруг жители провозгласили у себя и во всем околодке *дюрну*; на третий день, прежде чем английские чиновники узнали о том, собралось более трехсот тысяч народа в равнине близ города; они покинули жен, жилища, лавки, работы. Огни были погашены, потому что они не позволяли себе даже и пищу варить. Они сидели неподвижные, сложив руки, поникнув головою, в глубоком молчании. Англичане не поддались их требованию, но мерами осторожными и человеколюбивыми положили конец сему затруднительному положению[182].

Examen critique des dictionnaires de la langue française, par Charles Nodier (le Globe). — Mémoires, correspondance et opuscules inédites de Paul Louis Courrier[3*].

Picard avait coutume d'écrire, sous forme de roman et comme préparation, l'histoire des principaux personnages de ses pièces. Il les prenait à leur naissance et les conduisait jusqu'au moment où il devait les mettre en

---

[1*] Описание путешествия из Калькутты в Бомбей; соч. покойного Режинальда Гебера, епископа Калькуттского. Лондон, 1828 ([журнал] «Глоб» [«Глобус»] № 4, 14 янв. 1829) (*фр.*).

[2*] Сесть дюрна [dhurna] означает сесть, чтобы плакать, не меняя положения, не принимая пищи, подвергаясь всем превратностям атмосферы, до тех пор пока представитель власти или человек, против которого дюрна направлена, удовлетворит просьбу, с которой к нему обратились. Эта практика часто приводится в исполнение частными лицами, чтобы побудить (должника) к уплате долга или заставить кредитора его отсрочить. Эффект (этой меры) настолько велик, что лица, у дверей которых она происходит, не считают возможным взяться за какое-либо занятие или принимать пищу в течение всего времени, как она длится. Индийцы убеждены, что дух умерших во время дюрны возвращается, чтобы мучить непреклонных врагов (*фр.*).

[3*] Критическое исследование словарей французского языка, [сделанное] Шарлем Нодье ([журн.] «Глоб»).— Мемуары, переписка и неизданные сочинения Поля-Луи Курье (*фр.*).

scène.— Combien de fois ne l'a-t-on pas entendu faire l'histoire de tous les personnages du «Misanthrope» ou du «Tartuffe». «Dorine, par exemple, était,— disait-il,— une vieille domestique, qui avait rendu à son maître, pendant la fronde, de très grands services, que lui, M. Picard connaissait. Il racontait comment, par son bon sens, elle l'avait tiré de plusieurs mauvais pas; c'était elle, qui sans aucun doute avait élevé la petite Marianne. Aussi n'avait-elle aucune crainte d'être renvoyée de la maison: de là son franc parler, qui sans cela eût été de l'impertinence».— Tieck dans son analyse d'Hamlet, a suivi une sorte de procédé critique tout semblable.— Picard travaillait douze ou quatorze heures par jour (Le Globe) [1*] [183].

Профессор *Росси* говорил, кажется, о Швейцарии: в ней поступают с истинами, как с людьми: у них спрашивают, который вам год? И если они не успели еще состариться, то им отказывают в праве заседать в сенате [184].

Сисмонди в одной статье, напечатанной в Revue Encyclopèdique [«Ревю Энсиклопедик»], говоря о пользе и приятности истории, замечает: Между тем мало привлекательности для человека в изучении того, что могло бы быть благотворным для человечества или для его нации, если он убежден, что и по узнании истины не будет в его воле привести ее в исполнение и что ни он, ни все ему равные не имеют никакого влияния на судьбу народов, а что те, кои правят ими, не их пользу предназначают целью себе. Он тогда предпочитает оставаться в слепоте, чем глазами открытыми видеть, как ведут его к бездне. Поэтому народы, не пользующиеся свободою и не уповающие на нее, никогда не имеют истинной наклонности к истории, иные даже не сохраняют памяти событий минувших, как турки и австрийцы; другие, как арабы и испанцы, ищут в ней одну суетную пищу воображению, чудесные битвы, великолепные празднества, приключения изумительные; прочие еще, и эти многочисленнее, вместо истории народной имеют просто историю царскую. Для царей, а не для народа трудились ученые; для них собрали они все, что может льстить их гордости; они покорили им прошедшее, потому что владычество настоящим было для них еще недостаточно.— *Собрание народных хроник фран-*

[1*] Пикар имел обычай писать в форме романа и как бы в виде подготовительного плана историю основных действующих лиц своих пьес. Он начинал описание их с момента рождения и доводил их до того времени, когда он должен был выпустить их на сцену. Сколько раз приходилось слышать его рассказы обо всех действующих лицах в «Мизантропе» и в «Тартюфе». «Дорина,— говорил он к примеру,— была старой служанкой, оказавшей своему хозяину во времена Фронды большие услуги, хорошо известные г-ну Пикару. Он рассказывал, как она, благодаря своему здравому смыслу, удержала его от многих ошибок; она же, без всякого сомнения, воспитала маленькую Марианну. Поэтому она могла не бояться, что ее выгонят из дому: отсюда — ее прямая речь, которая без этого могла бы показаться дерзостью». Тик, в своем анализе Гамлета, придерживался подобного критического метода. Пикар работал по двенадцати или четырнадцати часов в день («Глоб») (*фр.*).

цузских: Гизо собрал летописи, предшествующие 13 веку; *Бюшон* — летописи 13-го, 14-го и 15-го столетий; *Фуко* — записки, объемлющие пространство времени от 15-го века до 18-го; *Бервиль и Барвер* — записки эпохи революции.

Ж. Б. Сей говорит: можно представить себе народ не ведающий истин, доказываемых экономиею политическою, в образе населения, принужденного жить в обширном подземелии, в коем равно заключаются все предметы, потребные для существования. Мрак один не дозволяет их находить. Каждый, подстрекаемый нуждою, ищет что ему потребно, проходит мимо предмета, который он наиболее желает или, не замечая, попирает его ногами. Друг друга ищут, окликают и не могут сойтись. Не удается условиться в вещах, которые каждый иметь хочет; вырывают их из рук, раздирают их, даже раздирают друг друга. Все беспорядок, сумятица, насильство, разорение... Пока нечаянно светозарный луч проникает в ограду: краснеешь за вред, взаимно нанесенный; усматриваешь, что каждый может добыть то, чего желаешь. Узнаешь, что сии блага плодятся по мере взаимного содействия. Тысячу побуждений любить друг друга; тысячу средств к честным выгодам являются отовсюду, один луч света был всему виною. Таков образ народа, погруженного в варварство: таков народ, когда он просветится, таковы будем мы, когда успехи отныне неизбежимые совершатся.

В 1829 г. вышла «Poésies inédites de Parny» [«Неизданные стихотворения Парни»].

«O'Reill, or the Rebel» [«O'Рейль, или Мятежник»], поэма в трех песнях, сочин. Edw. Lytton Bulwer [Эдв. Литтон Бульвер][185].

«Le Corsaire Rouge» [«Красный корсар»], роман Фенимора Купера. Купер — романист пустынь влажной и сухой, по крайней мере в двух его романах, мною читанных: «La prairie» [«Прерия»] и сей последний. Они и отзываются немного однообразием пустыни, но зато есть что-то беспредельное, свежее, необыкновенное в чтении его. Никто лучше, кажется, его не одарен чутьем пустыни и моря. Он тут дома и внедряет читателя в свою ⟨пустыню⟩ стихию. В. Скотт вводит вас в шум и бой страстей, человеческих побуждений — Купер приводит вас смотреть на те же страсти, на того же человека, но вне очерка, обведенного вокруг нас общежитием, городами и проч. С ним как-то просторнее, атмосфера его свободнее, очищеннее; всякое впечатление легкое, которое в сфере В. Скотта и не было бы чувствительно, тут действует на вас живее, раздражительнее. Чувства читателя изощряются от стихии, куда автор его переносит. В нем более эпического, в том более драматического, хотя и в том

и в другом оттенки сливаются по временам. Предпочитаю «Prairie» [«Прерию»] «Красному Корсару», особливо же конец как-то тянется и стынет. В характере «Корсара» нет ничего преступного и потому в ужасе, который имя его вселяет, в наказании ему готовимом, мало нравственного побуждения. Это более дело морской полиции и только. Не знаем, что он прежде был, но в романе он только ослушник закона. Но зато море, что за раздолье у Купера: так в нем и купаешься. Корабль, морские принадлежности, вся адмиралтейская часть у него в совершенстве. Петр I-й осыпал бы золотом Купера: он так и вербует морю.— В романах В. Скотта в толпе людской не скоро разглядишь человека и не будь особенных побуждений, с действующими лицами по большей части заводишь одно шляпочное знакомство: все внимание глаз обращено на вышины, как и в житейском быту. На пустом и обширном горизонте Купера всякое существо рисуется отдельно и цело, всякое возбуждает внимание и следишь его, пока оно не сокроется. Общежитель скажет: должно жить в мире В. Скотта и заглядывать в мир Купера. Нелюдим (не то что человеконенавистник) скажет: должно жить (т. е. любо жить) в мире Купера, но можно для развлечения заглядывать и в мир В. Скотта[186].

В осаду Турина графом д'Аркуром город страдал от голода. Испанцы под предводительством маркиза Леганезе старались всячески, но тщетно продраться сквозь французские линии и принести помощь осажденным. По приказанию маркиза начиняли бомбы мукою и пускали их в город через французский стан: осажденные разбирали их прилежно. Между прочими нашли одну с жирными перепелками и запискою, которые испанец из армии Леганезе отправил к любовнице своей в Турин.— Граф Вилла-Медина был влюблен в Мадриде в Елисавету, фран[цузскую] княжну замужем за Филиппом IV. Желая видеть ее в своем доме, он дал блестящий праздник, на который был приглашен и двор. Праздник и пожар были приготовлены им вместе: во время пышного зрелища, занимавшего всех, дом загорается — в одну минуту все объято пламенем, все сокровища, картины, украшения. Улучив время, в которое каждый бежал занятый своею опасностью, Медина, следующий за каждым движением королевы, схватывает ее из толпы в свои объятия и уносит сквозь пламень, покупая таким образом ценою фортуны своей счастье прижать на минуту королеву к груди своей.— Когда назначали маршалу *д'Юксель* голубую ленту, он говорил, что отказывается от сей блестящей почести, если она должна лишить его права ходить в кабак. Дюк де ла Ферте, под начальством маршала Катине, воевал в Савое; армия имела скверное вино, но, несмотря на то, дюк де ла Ферте употреблял его всегда через меру. Спросили его однажды, как может он пить такое вино и особливо же в таком количестве? «Что делать,— отвечал он,— должно уметь любить друзей своих и с их погрешностями».— (Essai sur les mœurs et les

usages du 17 siècle. Barrière[1*], введение к запискам графа де Бриенна. Любопытная смесь безобразий, гадостей, бесчинств хваленого века).

Mémoires inédits de Louis-Henri de Loménie comte de Brienne, secrétaire d'état sous Louis 14. 2 vol. 1828. Seconde édition. Barrière-éditeur[2*].

В этих записках менее всего и всех на виду писавший оные. С высоты почестей, успехов при дворе и в обществах, Бриенн кончает жизнь в темнице св. Лазаря после 19-тилетнего заточения; и ничто в записках его не объясняет причин крутого переворота в судьбе его. Впрочем записки его занимательны живостью и верностью рассказа, хотя в уме Бриенна не оказывается большой глубокости в наблюдении. Государственного также не видно в нем.— Много любопытного о Мазарине: кончина его, драматическая сцена, ярко раскрашенная. Бриенн волочился за девицею Лавальер, не примечая, что Людовик XIV отбивает его место. Страх его, когда он догадывается об истине. Объяснение с Людовиком XIV. Бриенн разнежился и расплакался, то есть просто струсил. Людовик принял слезы эти за доказательство его любви к общей их прелестнице. Но Бриенн признается, что он заплакал потому, что *j'ai les yeux et le cerveau fort humides*[3*] [187].

Это напоминает мне анекдот, рассказанный г[рафом] Ростопчиным. В Твери за столом у в. княгини Екат[ерины] Пав[ловны] в бытность государя разговорились о Екатерине Великой. Г[раф] Алек[сей] Ив[анович] Пушкин тут случившийся прослезился: разговор пресекся. После обеда г[раф] Пушкин с растревоженным лицом подходит к г[рафу] Ростопчину и говорит: «Кажется мне, я сегодня за обедом не кстати заплакал».— Соперничество Бриенна с Людовиком 14 напоминает мне другой анекдот о Павле. Павел, во время волокитства своего за княжною Лопухиною, встречает в коридоре, ведущем к ее покоям, Каблукова рябого, который шел не знаю откуда, но не от княжны и не к княжне: ноздри раздулись и сиповатый голос взывает к Каблукову: «одному из нас ходить по этому коридору: вам или мне».— Тут рыцарство, а вот императорство: едва Каблуков приезжает домой, его схватывают и отвозят в крепость.— Падение *Фуке* хорошо описано у Бриенна: Людовик 14-ый вел это дело с тайною непонятною и с такою осторожностью как будто дело шло о похищении неприятельского царя посреди его столицы.—Кольбер тут не совершенно чистым показывается. Все эти записки тем хороши, что показывают нам героев истории au naturel [в естественном виде]. И Людовик великий также в свою чреду мал, как и другие[188].

[1*] Опыт о нравах и обычаях 17-го века. Барьер (*фр.*).

[2*] Неизданные мемуары Луи-Анри де Ломени, графа де Бриенна, государственного секретаря при Людовике XIV. 2 тома 1828 г. Второе издание. Издатель — Барьер (*фр.*).

[3*] У меня глаза и мозг на мокром месте (*фр.*).

«История о князе Якове Федоровиче Долгорукове». Москва. 1807—1808. Две части. Сочинение *Евдокима Тыртова*. Русская компиляция, начиненная сравнениями, номенклатурою всех древних и новейших великих мужей: все историческое почти целиком извлечено из Голикова. Например: напечатаны тут письма Петра к Долгорукову, *полученные издателем от неизвестной особы*. Ждешь нового и только заранее сетуешь, что историческая недоверчивость смутится признанием, что письма доставлены от неизвестного. Успокойтесь: издатель объявляет далее, что большая часть из оных уже издана Голиковым, и, следовательно, можно было бы сослаться только на «Деяния Петра Великого», но *зная обязанность за доставление, он с чувствительною и покорнейшею благодарностию исполняет желание неизвестной особы*. Разговор Людовика XIV с Долгоруковым — экзамен профессора прав студенту.— Говоря о путешествиях Петра, сочинитель в порыве красноречия восклицает: «Какая прекрасная патриотическая мысль готова прославить кисть наших Рубенсонов». О ком идет тут речь, о *Рубенсе* или о *Робинсоне*? Изобразив Петра в Сардаме, продолжает он: «Я воображаю себе целую коллекцию таких картин и представляю при них того из китайцев»... и пр. (в выноске *Конфуция*). Тут влагает он в китайские уста русскую речь изделия Евдокима Тыртова и заключает: «Так бы говорил беспристрастный китайский философ и кто бы этого не сказал?» Показав риторическую сторону нашего автора, покажем его логическую в следующей выписке: «Ревностная признательность наша к герою князю Я. Ф. Долгорукову не должна казаться неблагодарностию в рассуждении его славных дел». Анекдот о разодрании указа рассказывается тут в нескольких местах и каждый раз с другими оттенками. А между тем какое биографическое лицо Долгорукой! Воин, дипломат, 11 лет пленник в Швеции, освобождающий себя и товарищей своих овладением шведского фрегата, на коем перевозили их из Стокгольма в Готтенбург; противник Меньшикову, образованный по-тогдашнему и по-нынешнему с отменным успехом, латинист, писатель, в плену шведском писал он замечания на многие из шведских узаконений. Сочинитель его истории видел тетрадку, исписанную собственною рукою Долгорукого, и сличал ее с письмами его собственноручными к родным. Как не напечатать эту рукопись и где она теперь находится? — В конце второй части напечатано несколько писем Екатерины к Долгорукову-Крымскому. В одном письме пишет она о Семенове, присланном от князя курьером и пожалованном артил[лерийским] капит[аном]: «И как его неприятельская батарея привела в конфузию по вашей реляции, то ему дан крест». Евд[оким] Тыртов известен еще в книжном мире анекдотами Павла I и похвальным словом Шереметеву. Его «История Долгорук[ова]» перепечатана во второй раз. Есть еще начертание жизни Долгорукого Бороздина [189].

«Картина жизни и военных деяний Российско-импер. Генералиссима князя Алек[сандра] Данил[овича] Меньшикова, Фаворита Пет[ра] Велик[ого]». Три части. 1803. Есть и другое издание в 4-х частях 1809 г. Так же как и предыдущая книга, историческая компиляция без критики, без нравственной мысли, но по крайней мере с некоторым порядком составленная и писанная слогом сносным. По мнению некоторых, Меньшиков — сын шляхтича литовского и в дипломе, данном ему на княжество Ижерское, сказано: князь Александр Дан. Меньш[иков] происходит из благородной фамилии литовской, который как за верную службу отца его в гвардии нашей и пр.— Меньшиков — Мазарин русский: голова государственная, сердце корыстолюбивое и жадное власти до неутолимости. Как Anne d'Autriche [Анна Австрийская] благоволила к тому, так Екатерина к этому: те же в том и другом замашки сочетать свою кровь с царскою кровью. Петра нельзя укорять в слабости к любимцу своему, столь часто во зло употреблявшему его доверенность и запятнавшему себя многими чертами личной корысти и беззаконными поступками. Петр не утаивал от суда преступлений любимца своего, что мог бы он очень легко исполнить, но он миловал его, хотя и заставлял всегда расплачиваться и вознаграждать ущербы казны или частные. Петру I-му для его геркулесовских подвигов нужны были под-Геркулесы и в этом отношении он должен был дорожить Меньшиковым и жертвовать иногда государственною нравственностию пользе того же государства. К тому же он знал, что дубина его распрямит в свое время кривизны безнравственности и не даст ей волю. Злоупотребления любимцев Екатерины, Александра были всегда прикрыты неприкосновенностью самодержавия: у Петра нет. Закон делал свое дело: осуждал. Петр пользовался своим правом помилования. И в чью пользу применял он это право? В пользу того, которого имел он всегда сподвижником во всех своих предприятиях и в виду для будущих предприятий. Ему можно было позволить лицеприятие: в руках его оно не было противонародным орудием[190].

(Histoire Tatare du prince Kouchimen[1*] *История Петра, изданная в Венеции. История Меньшикова, напечатанная в Зеркале света).*

Историк разбираемой книги говорит: «Государь ни одного из иностранцев во всю жизнь свою не возвел в первые достоинства военачальников, и сколь бы кто из них ни славился хорошим полководцем, но он не мог полагаться столько на наемников». Вероятно, в Петре было еще и другое побуждение: он был слишком царь в душе, чтобы не иметь чутья достоинства государственного; он мог и должен был пользоваться чужестранцами, но не угощал их Россиею, как ныне делают. Можно решительно сказать, что России не нужны и победы, купленные ценою стыда, видеть какого-нибудь Дибича начальствующим русским войском на почве,

---

[1*] История Татарии князя Кушимена (*фр.*).

прославленной русскими именами Румянцева, Суворова и других. При этой мысли вся русская кровь стынет на сердце, зная, что кипеть ей не к чему. Что сказали бы Державины, Петровы, если воинственной лире их пришлось звучать готическими именами: Дибича, Толя? На этих людей ни один Русский стих не встанет.— Подозревали Екатерину I-ую в нежном расположении сердца к Меньшикову, или побуждаюсь я к этому предположению с тем, чтобы натянуть еще более сравнение мое Меньшикова с Мазарином, который вселил к себе платоническую нежность в Анне Австрийской? — Кстати о Екатерине: известный Пуколов уверял при мне Карамзина, что по каким-то историческим доказательствам видно, что Алекс[ей] Петров[ич] был в связи с Екатериною, что Петр застал их однажды в несомнительном положении и что гибель царевича имеет свое начало в этом обстоятельстве[191].

История по-настоящему не что иное, как собрание испытаний, над человеческим родом совершенных честолюбцами, завоевателями, законодателями и всеми людьми, коих влияние сильно напечатлелось на их ближних. Последствия сих испытаний оказываются часто по большим промежуткам и не иначе можно оценить их, как умея наблюдать до какой степени подействовали они на средства, коими народы существуют (Revue Encyclopédique [«Ревю Энциклопедик»], июнь 1828. Analyse du cours complet d'économie politique pratique, par Say)[1*].

«Хроники Канонгетские». Дремота В. Скотта и даже дремота постыдная. Такие книги пишутся только из денег в уверении, что за подписью имени уже прославленного сойдет с рук и посредственность. Первый том составлен из болтовни; три следующие из трех повестей. Первая хороша. Во второй рассказывается ⟨смертный⟩ поединок двух погонщиков скота и смертоубийство одного из них. Третья — цепь приключений, на живую нитку связанных: нет ни вероятия, ни естественности, ни поразительных сверхъестественностей. Хроники Канонгетские хуже самой истории Наполеона.— Предисловие довольно замысловатое[192].

Смерть папы напоминает мне забавное слово В. Апраксина. В Варшаве пронесся было слух о смерти папы: разыскивали, кто будет его преемником. Апраксин, свидетель разговора, пресек его выходкою: «Уж верно назначат нового папу из военных». Это слово, сказанное русским флигель-адъютантом в Варшаве, в столице солдатства, удивительно метко и остро. Апраксин какою-то *внутреннею прозорливостью* умел кидать верный и тонкий взгляд на предметы даже чуждые его понятиям и образованию, весьма ограниченному.— Польский генерал *Гелгут* носит стеклянный глаз. К приезду госуд[аря] в Варшаву общий разговор всегда был обращен на милости, награждения, коими г[осударь] означал свое пребы-

---

[1*] Анализ полного курса практической политической экономии, сделанный Сэем (*фр.*).

вание. И в самом деле неимоверно, что роздано чинов и крестов в Варшаве. Эти разговоры были торжеством изобретательности Апраксина, и, между прочим, он говорил однажды, что Гелгуту дастся глаз с вензеловым именем им[ператрицы] Марии Федоровны. — Алекс[андр] Павл[ович] не любил Апраксина и, вероятно, потому, что будучи его флиг[ель]-адъютантом, он перешел к в[еликому] к[нязю]. Апраксин просил однажды объяснения, не зная, чем он подвергнул себя царской немилости. Государь сказал, что он видел, как Апраксин за столом смеялся над ним и передразнивал его, в чем, между прочим, Апрак[син] не сознавался. Его мучило, что он еще не произведен в генералы. Однажды преследовал он Волконского своими жалобами. Тот, чтобы отделаться, сказал ему: «Да подожди, вот будет случай к награждениям, когда родит великая княгиня (Алек[сандра] Фед[оровна])». «А как выкинет?» — подхватил Апраксин. — Апраксин был русское лицо во многих отношениях. Ум открытый, живость, понятливость, острота; недостаток образованности, учения самого первоначального, он не мог правильно подписать свое имя, решительно; при этом способности разнообразные и гибкие: живопись, или рисование и музыка были для него точно природными способностями. Карикатуры его превосходны; с уха разыгрывал он на клавикордах и певал целые оперы. Чтобы дать понятие о его легкоумии, должно заметить, что он во все пребывание свое в Варшаве, когда всю судьбу свою, так сказать, поработил в[еликому] к[нязю], он писал его карикатуры одну смелее другой, по двадцати в день. Он так набил руку на карикатуру в[еликого] к[нязя], что писал их машинально пером или карандашом, где ни попало, на летучих листах, на книгах, на конвертах. Кроме двух страстей, музыки и рисования, имел он еще две: духи и ордена. У него была точно лавка склянок духов, орденных лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что по его смерти нашли у него несколько экземпляров и в разных форматах звезды Станислава второй степени, на которую давно глядел он с страстным вожделением. Он несколько раз и был представлен к ней, но по сказанным причинам не получил ее от государя. К довершению русских примет был он сердца доброго, но правил весьма легких и уступчивых. В характере его и поведении не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но нельзя было уважать. При другом общежитии, при другом воспитании он без сомнения получил бы высшее направление, более соответственное дарам, коими отличила его природа. В качествах своих благих и порочных был он коренное и образцовое дитя русской природы и русского общежития. Часто посреди самого живого разговора опускал он вниз глаза свои на кресты, развешанные у него в щегольской симметрии, с нежностью ⟨чадолюбивой⟩ робенка, любующегося своими игрушками или с пугливым беспокойством робенка, который смотрит, тут ли они?[193]

«Araucana» [«Араукана»], испанская поэма дона Алонзо де Ерцилла, который воспел в ней завоевания области *Арауко* в Хихине. Вольтер предпочитает ее в некоторых местах Илиаде[194].

«Les Fiancés» [«Обрученные»], роман Александра Манзони, 5 томов *печатью мелкою не убитых*, а оживленных. Я не читал романа полнее этого в создании своем. Главное основание свадьба, двух обрученных бедной италианской деревни в 17-м веке, свадьба отсроченная разными препятствиями. И что же эти препятствия? Замечательнейшие исторические события, которые примыкают ⟨непроизвольно⟩ к этой свадьбе или к которым примыкает она беспрерывно и без всякого насильственного напряжения от романиста. Тут живая картина безначальства Италии во времена самого деспотического чуждого владычества испанцев, картина утеснений, чинимых помещиками, из коих многие безнаказанно и гласно были атаманами шайки разбойников, так называемых Bravi [брави], всегда готовых по движению руки, по слову патрона своего на всякое злодейство; картина голода, господствовавшего в Миланезской области, и чумы, которая вскоре за ним последовала. Приключения крестьянки Луции и крестьянина Лоренцо протекают среди сих величественных явлений и внимание читателя, сильно возбуждаемое их глубокими впечатлениями, ни на минуту не остывает в участии к смиренным лицам, которые, казалось, должны бы теряться, как малые точки в обширном круге. Искусство автора в соглашении сих трудностей превосходно. По справедливому замечанию французского переводчика: «*В. Скотт сквозь историю пробивается к роману: Манзони сквозь роман пробивается к истории*». Итальянский романист не имеет порыва драматических движений шотландского: для италианца он имеет мало мимики. Он довольно хладнокровный повествователь, но зато повествование его, хотя и довольно плавно, зато светло, живо. У него мало драматических выходок, которые одною чертою изображают вам действующее лицо; но зато каждая строка дополняет изображение. Как коротко, хотя и нескоро знакомишься с *Fra Christophoro* [Фра Кристофоро], с Луциею, с Лоренцо, с пастором Аббондио, с Агнезою, с дон-Родригом и его кровожадными сателлитами, с Ненареченным (Innominato), с кардиналом Федериго Боромео. Как эти лица отражаются в памяти вашей, в сердце. Как хорош этот добряк Лоренцио, который вдруг нечаянно падает, как с неба, в возмущение миланское по случаю голода, силою обстоятельств, так сказать, физически теснимый толпою, выбивается невольно на вид, едва не в предводители возмущения, которое ему совершенно чуждо; и недаром правительство и почитает его одним из главных зачинщиков бунта, и простяк Лоренцио принужден сделаться политическим беглецом, о котором державы входят в переговоры. И все это как верно, как естественно: нигде не видать следов иглы автора, который сшил события на живую нитку, зная, что увлечен-

ный читатель не разберет работы. Нет, тут везде видна твердая, никогда даром не двигающая рука судьбы. Оно так, потому что не могло быть иначе. А описание чумы: читая его, воображение так обладаемо, что минутами хочешь бросить книгу от страха заразиться, а минутами так связываешься участием с бедными жертвами, что жалеешь, что не можешь идти в лазарет, набитый 16 000 больными, на помощь неутомимого Fra Christophoro [Фра Кристофоро] разделить с ним христианские заботы.— Одно, мне кажется, противоречит истине: скорое обращение на путь благочестия страшного *Ненареченного*, Измайлова Милонезского. Но зато, как умилительно это обращение и что за человек Боромео: образец христианской добродетели и не идеальной, не мистической, а самой практической и возвышенной вместе[195].

«Молодый ирландец» «The wild Irish boy», роман *Maturin* [Мэтьюрина], автора Мельмота. Матюрин, или как англичане его зовут, кажется, *Мефрин*, удивительный поэт в подробностях: он не отдает ни себе, ни читателю отчета в своих созданиях или отдает неудовлетворительный, но зато выходки, целые явления его поразительно хороши. Этот роман далеко отстоит от Мельмота, но есть места удивительно грациозные, портреты свежие, яркие. Эпизод Марии, которая как облачная тень, является в прелести неосязательной, неизъяснимой, скользит мимо вас на минуту, и в эту минуту так любит и так страдает, что впечатление ее глубоко врезывается в душу и, промелькнув, *падает в могилу, как моряк в океан*, все это очаровательно. Автор, кажется, мало знает общество, хотя как умный человек и означает его резкими чертами, но, кажется, слишком резкими. Впрочем английское общество имеет свою статистику; может быть, его наблюдения и сходны с истиною, хотя часто и противоречат общей истине или правдоподобию. Тут вводится Мур, Сутей и какой-то английский романист, но, вероятно, не В. Скотт, которого автор судит довольно строго, особливо же в отношении употребления дарований. Этот классический упрек странен в авторе Мельмота и Молодого Ирландца 〈который〉: он сам весь фантастический и не знаешь, что после чтения его остается в душе: впечатления подобные впечатлениям вечерней зари, грозы великолепной, музыки таинственной[196].

Напрасно думают, что желание разрешения нескольких прав гражданских и политических, принадлежащих человеку, члену образованного общества, есть признак неприязни к властям, возмутительного беспокойствия: ни мало, мы желаем свободы умственных способностей своих, как желаем свободы телесных способностей, рук, ног, глаз, ушей, подвергаясь взысканию закона, если во зло употребим или через меру эту свободу. Рука — орудие верно пагубное для ближних, когда она висит с плеча разбойника, но правительство не велит связывать руки всем, потому что

в числе прочих будут руки и убийственные. В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член оного общества, я связан. Читая газеты, видя, что во Франции, в Англии человек пользуется полнотою бытия своего нравственного и умственного, видя там, что каждая мысль, каждое чувство имеет свой исток и применяется к общей пользе, я не могу смотреть на себя иначе, как на затворника в ⟨остроге⟩ тюрьме, которому оставили употребление одних неотъемлемых способностей и то с ограничениями; а свобода его в том заключается, что он для службы острога ходит, бренча цепями, по улице за водою, метет улицы и проч. или собирает милостиню для содержания тюрьмы. В таком насильственном положении страсти должны быть раздражаемы. Вероятно, если ⟨развязать руки⟩ человеку, просидевшему долго с узами на руках, удастся их расторгнуть, то первым движением его будет не перекреститься или подать милостиню, а разве ударить того и тех, которые связали ему руки и дразнили его на свободе, когда он был связан[197].

«Cinq Mars» [«Сен-Мар»]. Исторический роман, соч[инение] графа Альфреда де Виньи.

Французская литература много успела в последние годы в роде, как назвать? — романтическом или просто естественном, в противоположность роду классическому, который весь искусственный. Les soirées de Neuillys [«Вечера в Нейи»], les Barricades [«Баррикады»], этот роман — все ознаменовано какою-то трезвостью истины, которая имеет свою живость и свою свежесть, как вода, которая бьет из родника и питает на месте, а не приторная вода, увядшая и согретая в буфете. В Альфреде де Виньи нет глубокости В. Скотта, но есть тонкость, верность в живописи[198].

18 мая 1829, Мещерское.

Третьего дня или четвертого дня имел я во сне разговор с каким-то иностранцем о России. Между прочим, говорили мы с ним о 14 декабря. Он удивлялся, что мятежники полагали возмутить народ именем царевича. Я отвечал ему: «Nous ne pouvons pas avoir de révolution pour une idée, nous ne pouvons en avoir que pour un nom» [1*]. Я готов подтвердить на яву сказанное во сне: история тому свидетельница[199].

Августа 5-го.

Mémoires d'un apothicaire sur l'époque pendant les guerres de 1808—1813. 2 vol., 1828 [2**].

[1*] У нас не может быть революции ради идеи; они могут быть у нас лишь во имя определенного лица (*фр.*).

[2*] Мемуары аптекаря о эпохе войн 1808—1813. 2т., 1828 (*фр.*).

Кажется, автор этой книги фамилии Castile-Blaze [Кастиль-Блаз]. Довольно легкая и складная французская болтовня. По этой книге можно судить, что автор в течение пяти лет ни раза не размышлял и жил поверхностно. В наблюдениях нет ничего глубокого, ни острого. Автор—наблюдатель силы Анседо, в своих «Шести месяцах в России». Впрочем, если он правдив, то можно из его книги собрать несколько испанских сведений, уличных, площадных, трактирных, будуарных, волокитных, но и тут вымыслы часто сотканы на живую и грубую нитку, и если нельзя сказать об авторе, qu'il fasse des comptes d'apothicaire, то скажешь, qu'il fait des contes d'apothicaire[1*]. Я дочитал его книгу, как допиваешь в ресторации бутылку взятого вина, чтобы деньги не пропали даром[200].

Histoire de l'assemblée constituante, par M. Alex. de Lameth, lieutenant, général membre de la chambre des députés. 1828[2*]. Имя Ламета с именами Лафаета и некоторых других внесены с честью в список ветеранов свободы конституционной: служат они под знаменами ее с американской войны. Алек. Ламет был одно из самых действующих лиц в собрании, коего ныне он является историком. Можно было ожидать от него много нового, но в намерении писателя было не представление новой пищи любопытству читателя, а более обозрение трудов собрания. В предуведомлении своем он хорошо дает отчет в правилах, коими руководствовался, составляя свою книгу. Он не вводит нас за кулисы, а только старается показывать в ясном и истинном свете на самой сцене действия и действующих лиц своей занимательной драмы. В этом отношении он совершенно и добросовестно исполнил свое предназначение. Жаль только, что везде виден докладчик, а редко-редко где выказывается свидетель. Оттого повествование немного холодно и вообще заключается в одних сокращениях речей и декретов, связанных между собою изложением хода действий, немногими замечаниями и исповедью в собственных мнениях. Кажется, и всякий беспристрастный наблюдатель мог бы написать подобную историю этой эпохи. Книга хороша сама по себе, но относительно автора своего она, может быть, не совсем удовлетворительна (C'est peut-être un tort)[3*].

В малом числе анекдотов замечателен следующий: «В свидании между первенствующими лицами собрания, назначенном для примирения и сближения умов у г-жи д'Арагон, сестры Мирабо, Мирабо рассказал происшествие, которым было ознаменовано избрание его в Провансе. Он не утаил ничего из мер, предпринятых им для достижения успеха; даже

[1*] ... что он пишет аптекарские счета, то скажешь, что он сочиняет аптекарские сказки (*фр.*). Игра слов: comptes — счета; contes — сказки.

[2*] История учредительного собрания, соч. г-на Александра де Ламет, генерал-лейтенанта, члена палаты депутатов. 1828 (*фр.*).

[3*] (Это, быть может, ошибка) (*фр.*).

вверил он нам, что имея в руках своих народного оратора, казавшегося ему преданным, но в котором, однако же, не мог он быть беспредельно уверен, он поставил при нем человека, который не должен был отходить от него и заколоть, если как-нибудь изменил бы он своим обязательствам. Мирабо удивился ужасу, произведенному над нами подобным признанием, и на вопрос: «Как, и тот убил бы его? — Да, убил бы, как убивают.— Но это было бы ужасное злодейство! — О! в революциях,— возразил Мирабо,— *мелочная нравственность убивает большую, la petite morale tue la grande*».

Между суждениями автора, заслуживающими внимания, отличается следующее, которым он опровергает мнение тех, которые приписывают начало революции открытию генеральных штатов: «В самом деле, кто приучил народ к возмутительным сходкам (attroupements) и к сопротивлению? Парламенты. Кто в провинциях оказал более неприязненности против королевской власти? Дворянство. Кто с большею упорностью отказался от вспоможения казне? Духовенство. Таким образом, по-настоящему одни парламенты, дворянство и духовенство объявили войну правительству и подали знак к возмущению. Народ тут был одним *помощником*, вспомогателем (anniliaire); и раздражение, оказавшееся в нижних классах, было единственно следствием кровавых явлений, в которых значительное число граждан пало под ударами солдатов. С другой стороны, войска выказали, что неохотно стреляют они в народ, и нужно было только еще одно подобное покушение, чтобы уничтожить в воинах догмат покорности бесстрастной и выставить совсем наголо бессилие правительства. Наконец, с самой сей эпохи все стихии древней монархии не приведены ли были в ⟨совершенное⟩ истление? Не беспорядки ли, не совершенный ли недостаток в деньгих, одним словом, не крайнее ли расстройство политического тела вынудили к созванию генерал[ьных] штат[ов]»[201].

Всемилостивейшие манифесты: конечно, право помилования есть одна из неотъемлемых и драгоценнейших принадлежностей власти державной, но применение права сего посредством *всемил[остивейших] маниф[естов]* отвечает ли своему благодетельному началу? Ни мало. В этом случае благотворительная мера падает обыкновенно на негодяев и не касается тех, которые точно, может быть, заслуживали бы снисхождения правительства? И какое имеет право правительство на своей радости простить вора, который украл у меня мою собственность, и выпущенный безнаказанно снова вкрадется в мой дом и обкрадет его; или простить судию. который противузаконно и бессовестно оскорбил меня в правах моих помещика или гражданина? Пускай правительство, т. е. двор, прощает своих врагов. Это так [называемых] политических преступников, своих должников, снимает на год с народа тягостную повинность не с тем, чтобы на другой год воротить упущенное двойным побором, но добросовестно и не

наружно, а на самом деле, тут будет истинная милость и манифест не наполнит, как то обыкновенно бывает, тюрьмы новыми преступниками и управы благочиния новыми следственными делами. Ныне эпохи *всемил. манифес.* — эпохи обратно действующих сатурнал для воришек, негодяев и только. В этом ⟨отношении⟩ случае право помилования теряет все высокое достоинство свое, становится безнравственным и не производит никакой общей народной радости, ибо народ не сочувственник бездельникам, которые сидят под судом за кражу или лихоимство. Народ всегда порадуется прощению так называемых политических преступников, ибо, что ни говори, а он вражды к ним не имеет и почитает их не своими врагами, а врагами правительства[202].

«*У нас нет правительства*»,—отвечал Шишков, государственный секретарь в комитете министров на вопрос Дмитриева, от чьего лица будет обнародовано известие о взятии Москвы, читанное предварительно в Комитете по приказанию государя. Дмитриев, слушая это нелепое сочинение, в котором кто-то на конце падает на колени и молится богу, спросил, в каком виде будет оно напечатано, просто ли журнальною статьею или объявлением правительства. На это и грянул свой ответ Шишков[203].

Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения. В этой любви патриот может сказать с Жуковским:

В любви я знал одни мученья.

Какая же тут любовь, спросят, когда не за что любить? Спросите разрешения загадки этой у строителя сердца человеческого. За что любим мы с нежностию, с пристрастием брата недостойного, сына, за которого часто краснеем? Собственность—свойство не только в физическом, но и в нравственном, не только в положительном, но и в отвлеченном отношении действует над нами какою-то талисманною силою[204].

Остерман, кажется, в военном совете в кампании 12-го года сказал, кажется, Паулучи: «Для вас Россия рубашка, а для меня она моя кожа»[205].

Какой-то англичанин спросил в Италии у Алек[сандра] Булгакова: «Есть ли у вас дураки между русскими?» Удивленный таким вопросом, он отвечал: «Вероятно, найдется, как и между вами, французами и всеми народами». «Не о том дело,— продолжал англичанин,— не понимаю только, почему, имея русских дураков, правительство ваше употребляет чужестранных, н[а]п[ример], Мочениго»[206].

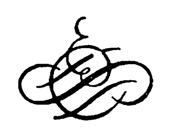
Г[рафиня] Строганова С. В. в сокровенном и дружеском разговоре с и[мператором] А[лександром] спросила его: «Что за человек ваш братец К[онстантин]? Зол ли он, безумен ли?» — «Ни то, ни другое,— отвечал он — Son éducation, ainsi que la mienne, a été mal emmanchée»[1*] (рассказывал мне О.)[207].

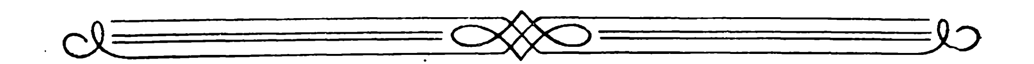
О Ростопчине и Пестеле, Ростопчине и Августине, дуэт Ростопчина и Павла I, Кутайсов, царская кровь (что-то такое рассказывает Ж[ан] Жак в своей «Исповеди». Следоват[ельно], Ростоп[чин] выдумал).

Можно сказать о старике Кутайсове, что он вышел в люди с *легкой руки своей*[208].

Журналы наши так грязны, что нельзя читать их иначе, как в перчатках[209].

[1*] Его воспитание так же, как и мое, было плохо поставлено (*фр.*).

КНИЖКА ТРЕТЬЯ[1]
(1818—1828)

[2—3 августа 1818 г.][2]

От Варшавы до *Nowemiasto* [Нового мяста)[1*], принадлежавшее графу Малаховскому, дорога довольна приятна. По сторонам раскинуты селения и леса, и Польша теряет свою однообразность. Положение *Nowemiasto* живописно, то есть дома и сада графского: на высокой горе, внизу река, луга, покрытые необыкновенно свежею зеленью, и леса.

От *Nowemiasto до Końskie* [Коньске] едешь лесами и песками. Końskie принадлежат другому Малаховскому: много каменных строений.

Radoszyce [Радошице], отданный по смерть третьему Малаховскому. Здесь станция славится лошадьми: до него едешь ужасным песком и скучным сосновым лесом. Здесь железные заводы: ⟨триста⟩ около 270 дымов, из коих только двадцать два жидовских. Воеводства Сандомирского.

Lopuszno [Лопушно]. Деревня, принадлежащая какому-то святого Станислава кавалеру, отданная им в аренду жиду. Почтовая смотрительница ласкова и говорлива. Я съел славного цыпленка.

Małogorszcz [Малогоршч]. Дорога к нему песчана и гориста. Иные горы каменисты и вышины покрыты соснами: напоминает некоторые места по Ярославской дороге и Костромской. Городок около 150 дымов, и ни одного жидовского. Жители все в желтых домах.

[4 августа] 3 часа, воскресенье по полуночи.

Zarnowiec [Зарновец], местечко: прошлого года сгорело в нем 52 дома, а всего было не более 150: лучшие дома сгорели. На реке Пильце.

Дамон услужливый в душе
В комедии своей из трех два акта сбавил;
Конечно, он и зритель в барыше,
Но как-то все он лишний акт оставил.

[1*] *Здесь и далее наименования лиц и местностей на польском языке.*

Ты говоришь, что мучусь над стихом,
Что не пишу его, а сочиняю,
И впрямь я стих *раз двадцать поломаю*,
В твоих стихах труда не примечаю,
Но их зато читаю я с трудом [3].

[4 августа] Воскресенье. Краков [4].

Я приехал в Краков около двенадцатого часа; съездил в баню; лучше русских, хуже варшавских. Пришел ко мне консул-резидент импер[аторский], позвал меня к себе обедать. Письма наместника видно писаны обязательным для меня образом. Жена и дочь добрые люди, кажется, на немецкий лад, как и все. Город вольной, а республиканцы все по чинам (*Zazzęcki* [Зазецкий]). Пришел к нему комиссар Рос[сийского] Императора *Mączynski* [Мёнчинский] от меня. И к нему было письмо от наместника. Мне смешно видеть себя в людях. Позвал на другой день обедать, а уже Zazzęcki [Зазецкий] было позвал, но уступил день. Приехали *Kochanowska* [Кохановская] Варшавская с двумя дочерьми. Меньшая дочь белокурая, хороша собою, другая постарее. На улице поймал меня кто-то, позвал ехать в *Krzeszowice* [Кшецовице]: воды в 3 милях от Кракова, на бал. Сперва хотелось, но после испугался: тем кончил, что поехал. Сел с нами в коляску и горбатый; долго ехали, уже совсем смерклось, по проселочной дороге. Коляска десять раз едва не ложилась на бок; горбатый страшно боялся. Я думал себе: напрасно! Нам бояться — ему страха нет; авось еще от удара сравняется. Зала большая: людей мало. Пошли ужинать: ужас! В Польше образованность на каждом шаге сталкивается с безобразностию. Место, дома, все на ноге европейской: утка и горох, пиво и Венгерское такое, что в Клину или в Грачовицах таких не найдешь. Возвратились наверх: людей поболее — человек 40. Танцуют: долго смотрел, стало разбирать, пошел говорить. Мало: пошел танцевать и танцевал до упада мазурку. Одна из дам мне говорит: «Vous dansez comme tout à fait la nation polonaise»[1*]. *Садовска* лечится на водах: миловидна и разговорчива. Муж ее похож на Свечина, Белевского Мольера. Сестра *Пашковска*: будто хороша. *Скотницка* была бы на своем месте везде. Вдова, не первой молодости. Поставила мужу, умершему в Италии, памятник мраморный, в Италии работанный, в Катедр[альном] соборе. Краковская Свечина. Жена какого-то *voyta* [войта] с сестрою. Пошли за коляскою. Остались до утра в корчме; я проспал в коляске. Возвратились к одиннад[цати] часам утра. Дорога живописная: обставлена горами. От Кракова по левой стороне есть длинная стена гор, поросшая частым лесом и громадными каменьями: внизу как бы усажена ря-

[1*] Вы танцуете совсем как польская нация (*фр.*).

дом отделяющимся плачущих берез. Здесь есть природа, не так, как в царстве Польском. Обедал у комисара: добродушный старик; не свободно, но умно изъясняется по-французски; разговора веселого: ласков до крайности. Московское гостеприимство: обедало несколько сенаторов и отставной полковник: умен, но кобенится. (Нет!). Во время обеда приехал президент Сената: *Wodzicki* [Водицкий] умный, уваженный человек, по-французски говорит очень хорошо. Только что я ему представился, позвал он меня на другой день обедать и консул меня опять уступил, а сам отложил свой обед до середы. Пошли по городу. Замок, укрепленный на высоте: есть что-то Кремлевское. Австрийцы все изуродовали; мрамор выштукатурили или выбелили, золотые украшения ободрали; выделанную в камне работу заделали; окна большой величины и каменные рамы заделали, а пробили маленькие окошки. Думают, что зависть и злоба внушили им варварство. Одна зала похожа на Грановитую палату, но менее. Другая — Судилище: потолок деревянный, четвереугольниками, в кои вставлены были головы: в Академии в Ягеллонской зале есть такой же, в замке голов уже нет. Рассказывают, что во время одного суда одна голова закричала королю: «Будь справедлив». Если правда, то должно бы у всех царей поделать такие потолки. Из одной комнаты виды во все стороны Кракова. Церковь Святого Станислава, в которой был разрублен епископ рукою Болеслава Смелого, которому он упрекал всенародно долгое его пребывание в Киеве и отсутствие из отечества. Могила Крака: курган. Курган Ванды. Величка. Карпатские горы. ⟨В ясный день видны из обсерва[тории]⟩.

Храм Богоматери. Все украшения из мрамора. Построен епископом *Ivo* [Ива] в 1226, на рынке. Колокольня высшая: обширный вид.

Храм святыя Анны: крестом, в италианском вкусе. Одно из священнических одеяний сделано из платья, в котором гильотинировали французскую королеву. Лепная работа и живопись. Десятая часть храма св. Петра.

В Академии: библиотеки, 2 500 рукописей, 25 000 печатных книг. Папская булла о святом Иоанне Конти. Он стоил Кракову 100 000 экю. Егарт упрекал Академии, что у нее нет ни одного святого, а у них много. За словом дело: поставили и своего святого. Внизу Академии, на правой руке от ворот, видна комната, в которой он жил, а напротив его придел. Из старинных печатных книг в Кракове славится Иоанна Дамаскина.— Книга записная: записалась в ней жена ⟨первая⟩ Дмитрия Самозванца.[5] *Бантке* библиотекарь. Ученый человек. Соч⟨инитель⟩ Поль⟨ской⟩ Ист⟨ории⟩ в 8 томах. Кабинет физический не богат. Кабинет натуральной истории богатее. Аббат Солтык одарил его драгоценнейшими предметами. Есть янтарь, в котором вода: камни, найденные в Италии: в них сушеные рыбы. *Марковски* профессор химии: жил долго в Париже. Был доктором Жозефины. *Бурсы*: несколько домов, в коих содержатся бедные дети

⟨воспит⟩, обучавшиеся в Академии: теперь в гимназии и академии около 1000 учеников и 40 профессоров.

Сукенница: большое строение. Своды: тут в старину, вероятно, работали сукна, или [неразбор. 1 сл]. Теперь лавки и собрания бывают [6].

Австрийцы ненавидимы. Австрийский император в проезд свой через Галицию с высоты смотрел на Краков, но не въезжал. У президента Сената спросил он, подписана ли уже конституция, которую он вместе с другими покровителями подписал. У комиссара: начала ли образовательная комиссия свои действия, после уже шестимесячных ее занятий, о коей получал он, между прочим, донесения.

Свобода Кракову разорение. Он не довольно богат, чтобы жить сам собою: отпустили на волю старика. Государь здесь считается единственным покровителем, а другие по имени, а на деле притеснители. Говорят, что австрийс[кий] двор хотел взять за собою Краков, а государь, чтобы спасти его, предложил объявить его свободным: в несчастии своем тем он себя утешает [7].

Wieliczka [Величка] давала около миллиона червонцев. Можно сказать, что у Кракова отняли хлеб с солью.

Дом Епископа. Одна комната посвящена Польской истории: колонны, потолок расписан предметами, взятыми из истории; другая Варшавскими видами, третья Краковскими. Праздник, где крестьяне скачут через огонь; на другой стене — торжество искуснейшего стрелка: шестеро сбираются и стреляют в цель, искуснейший выигрывает награждение. Австрийцы уничтожили обыкновение. Без вкуса: краски грубые.

Ботанический сад и обсерватории. Профессор *Кенский*: хороший живописец. Профес[сор] астрономии. В ясный день видны с обсерватории снежные вершины Карпатские.

Сад Крыжановского: городское гулянье, чисто содержан.

Сад Кескевичева рядом с Ботаническим: бывший банкир, отец Скотницкой.

В Кракове жителей 25 000, из коих 5[000] жидов. Город правильно выстроен. Из лучших улиц *Градская*. Дома высокие вроде Варшавских, но более древних. Стою в трактире у *Шидловского* под вывескою *à la Providence* [1*] в комнате, где отдыхал государь после Аустерлица и Иероним в 18 [2*] году. На стене аллегорическая картина, представляющая государя: написана после его проезда.

Miączynski [Мёнчинский] говорит, что он один раз думал, как перевести настоящим польским словом третий титул Кракова et strictement *neutre* [3*] — *niejakiego miasta* [некоего города]. Город объявлен свободным, не спросивши у жителей, хотят ли свободы. На город наложили свобо-

[1*] Под покровительством провидения (*фр.*).
[2*] *В тексте чернильное пятно.*
[3*] Строго нейтральный (*фр.*).

ду. Жиды в городе Казимира. Из Краковской республики можно плюнуть на Австрию. *Подгурже* за Вислою. В правление герцогства было оно в роде Краковского предместья. Многие крышки домов заслонены стеною. Есть один дом в два окна в ширину.

Wieliczka [Величка]. Выехали из Кракова в середу [7 августа] в 7 часов утра. Час дороги: шоссе. Директор; дает билет: показать. Спустились: тесемочные сиделки: около двух минут. В первом этаже нет работы; работа простая: соль ломают как камни. Значительнейшие впечатления, как спускаешься и подымаешься и при виде озера. Своды: род башен безобразных. Зала, в которой пол вымощен Суворовым-сыном. Тут были и императоры: памятник австрийскому императору. Церковь; олтарь; святые; против кафедра.

Ломки в надежде: где еще нет соли: грунт смешанный оставляют; ломают только чистую соль. Около 1 200 работников в четырех этажах. Работники нагие, не все. Две трети работают днем; одна ночью. В иных переходах мокро от воздуха внешнего. Холодно. 5 градусов тепла. Выходя из преисподней, чувствуешь в воздухе теплоту жизни. Работникам платится по числу кусков определенной меры. Плата малая; за переломанные куски не платится. Падающий песок сбирается в бочки. Подымают и спускают посредством вертящихся колес, движущихся запряженными лошадьми. Лошади тут остаются.

Светильни в сале. Надевают белые халаты. Найден был морской рак. Собирают около ⟨10⟩ миллиона и более quintant[1*]. Австрийцы продают теперь по 13 — *четырнадцати* злотых quintant. В правление герцогства делили барыш пополам.

Воздух чистый. (Продавали прежде по десяти).— Иные громады отрывают порохом. (Иные переходы заваливают). Ходили три часа и обходили главные места. Спускаешься только в первый этаж: в остальные сходишь по лестнице и всходишь также. Иные сходы выделаны в самом грунте. В других местах есть и деревянные. Святая Кюнегонда уронила кольцо в колодезь; стали искать и доискались соли: предание. Около *lieue*[2*] пространства. Переходов множество.

Над озером, как высокая башня. По лестнице вбежал работник и кидал с верха зажженную бумагу. Под паромом шумели подземельные воды. За десять саженей *toises*[3*] в глубину находится уже соль. Колодезь, из которого почерпают воду, чтобы осушать, 142 сажени глубины. Первый этаж: 31 саж. глубины: тут спускаешься. Уже 550 лет, как добывают соль, вероятно, и прежде.

Человеческая рука расширила владение свое в тайниках природы. Сперва отверстие было без сомнения малое: теперь в нем теряешься.

[1*] Квинтанто (мера веса) (*лат.*).
[2*] Лье (мера длины = французской миле) (*фр.*).
[3*] Туаз (мера длины = примерно сажени) (*фр.*).

Mickatowice [Мицкатовице] большой свод. От поверхности земли до второго этажа 52 сажени. Свод императора Франца: тут наиболее добывается соли. [Неразбор. на немецком языке четыре слова — названия] глубина 116 саженей.— *Woda Przikoy* [Вода Пшикои]: довольно большое озеро: глубина его около 6 или 7 саж. Ширина должна быть не более 15 саж. Зала Лаудона (кажется, не так). Церковь Антония. Есть места, называемые именем Александра. Есть ключ с чистою сладкою водою. Означенные замечания записаны были на месте варшавским профессором ботаники Шубертом, который ездил со мною в Wieliczka [Величка]. Кто-то раз упал в озеро: вода так и подняла его [8].

Четверг 8 августа.

Lobzów. Лобзув. Менее пол-мили: развалины замка, построенного Казимиром, но, вероятно, перестроенного одним из Сигизмундов: ⟨шведский⟩ герб Barba [Барба]. Следы красивого зодчества. Вид на Краков. Могила Эсфиры, жидовки, любовницы Казимира. Она ночью раз пришла к нему, но королева поймала и велела выбросить ее в окно. При Станиславе рыли могилу, но ничего не нашли. Из любви к Эсфире Казимир покровительствовал жидам и построил им город Казимир. Купил Красинский Vincent [Винцент] и обязался возобновить. Австрийцы и тут все переломали.— Недалеко *Vola* [Воля], принадлежащее *Въеловийской.*

Из Кракова ездили в театр в Галинию [?]: в третий город от Кракова: *в Подгурже.* Немцы. *Граф Бениевски.* Примета образованности. Город под пару Подольскому [9]; но есть театр и есть зрители: добрые немцы и жиды. Актриса в сажень: величайшая актриса.

Вал вокруг городского укрепления: вроде вала Ярославского; вороты вроде Ярославских и Кремлевских.

Дешевизна города: таможенных пошлин нет: можно все выписывать. В трактирах обедают за два злотых. Содержание лошадей дешево. Съестные припасы хороши: артишоки славные. Плоды вкусные.

Обедал у Wodzicki [Водзицкого] аббата, дяди президента, 75 лет. Заговаривается, но ласков, добродушен; жил долго в Париже и был аббатом сердечкиным: об нем говорит Жанлис. Какой-то русский офицер стоял у него в деревне: он жаловался на тяжкие требования. Который год вам, спросил он у него.— 70. Как же, проживши так долго на свете, не знаете вы, что человеку надобно есть и пить.— Хорошее старое Венгерское.— Картофельное вино. Сладко: знатоки принимают за Венг[ерское].

Пятница [9 августа].

Собор в замке: при Мечиславе. Придел Сигизмундов. Прекрасная работа в камне. Мраморные статуи двух Сигизмундов из Шведского мрамора. Библиотека. Архив. Сокровища: голова епископа Станислава:

гвоздь с креста распятия и ланца[1*] подарены императором Отоном. В подземных сводах: гробницы Казимира — Понятовского и Косцюшки: последние две еще не сделаны. В замке богадельня на триста бедных, содержанная человеколюбивым обществом. Комнаты просторны. По 10 грошей на день. Дети обучаются читать и писать. В городе по улицам нищих нет. Ко мне приходил просить милостыню в сертуке: после увидел я его в мундире городской стражи. Я сказал это без умысла: на другой день президент Сената сказал при мне, что он подписал отставку унтер-офицеру, приходившему просить милостыню. Вот как составляются путешествия: я узнал, что он не по моему случаю был отставлен, а за прежние. Не объяснись это, я остался бы в уверении.

Smocza jama [Драконова яма]. Кракус отравил жившего тут дракона и пожирающего скот и людей. Дали ему теленка, начиненного серою. Под горою замки.

Zavrecki [Заврецкий] пишет историю города Кракова.

Доходы Кракова 1 200 000 злотых. Войска около трехсот человек. Академия сто́ит около 400 000. Гвардия городская в медвежьих шапках, пугающих австрийского резидента.

После обеда.

Брониславa. Пустынь на высокой горе, на берегу Вислы: менее полмили; чудеснейший и обширнейший вид во все четыре стороны. Даль с противной стороны от Кракова обставлена лесистыми горами. ⟨День был⟩ Небо было облачно. В ясный день, говорят, вид еще отдаленнее. Маленькая церковь; пустынник: отставной солдат, раненный под Смоленском. День догорал. На башнях города разливалось алое сияние.

Липка, ближе к Кракову. Пригорок на берегу Вислы, несколько деревьев; две семьи лип. Графиня Замойска туда часто езжала. У подошвы лип мраморные доски с надписями в стихах. Живет семейство поселян, содержанное графинею. Изрядный дом. Каменный забор. Простокваша.

Pieskowa skała. Собачья скала.— Суббота. [*10 августа*].

Выехали в шесть часов утра. Зележки: на Prądnik (Прондник), речке. Большая деревня; много ив; на конце деревни скалы; пещера. На дороге везде по сторонам каменные титаны. Въезжаешь в лес. Высокая гора, поросшая лесом. В лесу открывается скала отдельная. Геркулесова палица. На ужасной крутизне огромный замок укрепленный с башнями. Построен на скалах. Скалы ему фундаментом. Принадлежит Вьелькопольским. На стенах герб Любомирских. С высоты скалы под домом прорыт колодезь. Воду выливают с шумом и по долгом молчании падает.

Большие покои. Противулежащая стена гор так высока, что с высоты башни замка, через, в даль не видно. Новая для меня природа. Корчма: обедали. Miączynski (Мёнчинский), Басновичь, [неразобр.] — Тереза, дочь хозяйки. Поехали долиною *до Ойцова* на длинной крестьянской телеге. Швейцарское путешествие. По сторонам скалы, леса, речка Prądnik [Прондник], частые мельницы. Дорога извивается: картина ежеминутно меняется. Высочайшая скала: на ней торчит церковь. Тут жила святая Соломе. *Ойцов* замок укрепленный, менее того. В лесу *crevka jama* [Черная Яма]: пещера ужасной глубины, в роде *Велички.* Из пистолета стреляли: ужасный грохот. Несли перед нами зажженный смольный светоч: кидал багровое сияние на черные своды. Тут был Станислав. Давали ему праздник. С вершины скалы виден Краков. Напротив две скалы образуют ворота. Каждая скала имеет свой особенный образ: то замок, то укрепление. Я хотел бы видеть мелкого подлеца на этих скалах величественных: верно ему было бы неловко. *Pieskowa skała* [Собачья скала] три мили от Кракова, *crevka jama* [Черная яма] — две. Обе в царстве Польском. Есть еще в стороне *Королевская пещера.* Говорят, более этой. Поместье государственное. Гром разразил многие места в Пьесковском замке. Он тут по соседству.

Воскресенье. [*11 августа*].

Могила Кракуса. Высокой насыпной курган на высокой горе по ту сторону Вислы за *Подгоржем.* Тут, по преданию, лежит Кракус. Город на ладони: обширные виды во все стороны. В Галинии [?] *могила Ванды* около мили от города.

Тюрьма. Около трехсот заключенных: половина, принадлежащая царству. Краковское воеводство еще здесь до приведения в действие образовательных уставов, учреждаемых образовательною комиссиею. Отделения просторны. Воздух чистый. *Богуславский* — новый Картуш: из дворян Виленских, служил в Смоленском полку подпрапорщиком; начальник шайки; сам никогда не смертоубийствовал и раздавал подаяния. Руки и ноги скованные: несколько раз бежал. Каждому из работающих, и не по смерть осужденных невольников, откладывается каждый день часть платы, которую им выдают при отпуске. Прекрасное обыкновение! Предохранительное и благодетельное. Выпускаемый невольник без собственности, оглашенный преступником, где найдет себе пристанище, освобожденный от цепей? Общество его чуждается и отвергает самые труды его. Отчаяние должно снова кинуть его на дорогу прежнюю. — Президент Сената имеет многие здравые и человеколюбивые мысли на счет содержания преступников. Со временем мысли его, приведенные в исполнение, подадут поучительный пример. Республиканское правление основано на нравственности и имеет нужду в людях. Монархическое самовластное не заботится об этом. Одно печется возвратить обществу за-

терявшихся его членов, другое — удивить чужестранцев великолепием тюремного здания. Богуславский, бежавший из тюрьмы, говорил мне, что он *эмигрировал*. Несколько матерей-детоубийц.

Косцельники — (деревня г. Joseph Wodzicki [Юзеф Водзицкий]: в двух милях. Жена из дома Яблоновских. Дочь Каролина, красавица, в роде Олсуфьевой, но лучше. Государь останавливался у них. Хорошие виды. В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами. Прекрасный бык, достойный кисти Потера.

Miączyński [Мёнчинский], трудолюбивый и знающий. Писал о *Moratorium*[1*], о пчеловодстве и книга его сделалась учебною, о *dimes*[2*]: царский декрет был основан на его образе мыслей. В немецких газетах отзывались о книге с большою похвалою; теперь занимается он сочинением о постановлении жидов. Важное дело в Польше! Это наше рабство. Думать да думать[10].

Жаль, что городская площадь завалена деревянными лавками, лачугами; но приносит более 30 000 злотых.

Русские любимы, может более оттого, что австрийцы и пруссаки ненавидимы. Здесь все знают Воронцова, Суворова, Ермолова, Эссена и Полторацкого: последний прославился своими праздниками.

Понедельник. [12 августа].

Монастырь сестер милосердия. При нем заведение. Около 115 кроватей для больных обоего пола. Довольно тесно. Иные кровати под самым окном. Детей около пятидесяти: хорошо содержаны. Из грудных большая часть умирает. Доходов около 100 000 злотых: заведение в долгу. Правительство хочет взять его под опеку, как в Варшаве.

Дом безумных. Ужас! Многие лежат на соломе в темной комнате, без присмотра. За деревянною решеткою колодезь. Нечистота и вонь.

Обедал у декана катедрального Skorkowski [Скорковский].

(За Krzecowice [Кшецовице]) есть *jaworzno* [платановый лес] Угольн [не разобрано одно слово] (только что открывается) *источник теплой воды железной* contenant carbonate de fer, sulfate ou qip [?] de chaux et muriate de chaux[3*] 32 градуса в поверхности.— Exploitation du zinc, manufacture d'alum,— — — Inspecteur de ces mines Skórowski (de la part du professeur Markowski)[4*].

Jerowski [Жеровский] в Кельцах.

[1*] Мораториум (*лат.*).

[2*] Десятины (налог) (*фр.*).

[3*] Содержащий железистую, углекислую соль, серу или известь и соляную кислоту (*фр.*).

[4*] Разработки цинка, производство квасцов,— — — Инспектор этих рудников Скуровский (от профессора Марковского) (*фр.*).

Вторник. [*13 августа*].

Беляны монастырь. За Брониславою на берегу Вислы, на высокой горе. Вокруг лес, по большей части береза. В лесу просеки. Веселый вид, обширный. 4 монаха. Церковь хороша. В ясный день видна снежная вершина Карпатских гор. С тех пор, что я здесь, небосклон не был ясен.

Обедал у аббата Быстроновского. Добрейший человек: что-то Нелединского в лице, то есть в чертах, а не в выражении. Деревенский Нелединский.

После обеда поехал в Krzecowice [Кшецовице]. Приехали к ночи. *Сегодня в середу* на крестьянской подводе поехали в Czerka [Черка]. Около мили монастырь Кармелитский. На высокой горе к лесу. Обгорожен с леса каменною стеною. Из каменных ворот по правую сторону монастыря хороший вид. Колодезь на горе. Отменная вода. Монастырь построен около 200 лет тому назад. Zierbiowa [Зербева] (кажется так) ⟨и до⟩фами[лии?] Lubomirskich [Любомирских]. Sous-prieur[1*] из Белоруссии Lyko [Лыко]. Был в польской службе в Гишпании. Повел нас в...[2*]

Dębnik [Дембник]. Мраморная ломня, принадлежащая монастырю. Большие горы, но мало работают. Какой-то италиянец платит за них монастырю в год 2 000 злотых. Работают человек триддать. Тут черный мрамор, далее есть белый и других цветов. Делают для Пулавы памятник Понятовскому из черного мрамора. Один кусок в шесть локтей (платят работнику по два злотых в день).

После поехал в *Tenczycek* [Тенчицек]. Замок около мили от Krzecowice [Кшецовице], также принадлежащий Артюру Потоцкому. Замок виден издалека. Вблизи теряется в лесу. На высокой горе. Развалины. Картина Рюиздаля. Господствует над обширною далью. Под ногами, с одной стороны, зеленое море сосновое, с другой — окрестность взъерошена горами. На одной развалившейся стене высокой висит рябина с красными своими ягодами. Может быть, одна из живописнейших прогулок в окрестностях Кракова. Czerka (Черка) более славится. Может быть, я не все разглядел: я все видел бегом.

Bracka [Брацка] (Брака). Управляющий Krzecowice [Кшецовице]. Жена, приятная женщина, не первой молодости, толста, глаза прекрасные.

Вечером возвратился в Краков. Был у Скотницкой. Умна и ласкова до крайности. Мать добрая старушка, любит русских. Между Варшавою и Краковом отношения Петербурга с Москвою.

В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов.

1* Помощник приора (настоятеля) (*фр.*).
2* *Не кончено.*

Четверг. [15 августа].

Выехал я из Кракова. На дороге в сторону был я в деревне президента *Wodzicki* [Водзицкий], около 3 миль от города.

Niedzwiedz [Недзведз]. Хороший каменный дом. Сад шестилетний, но уже взрослый и с тенью. Большой ботанический сад. Много сибирских деревьев и растений; но всего лучше в деревне добрая душа хозяина. Не худо и вино. На дороге к нему видна в полу-мили от Niedzwiedz деревня Гаржецкого. Обе уже в царстве. Тут уж нет и следов Краковской природы. Она величественна в краю свободы. Поездка в Краков мне по сердцу: видел прекрасные места и добрых людей. Чего же еще требовать? [11]

Краков 7/19-го августа 1818.

Я зрел сей Петроград чудесный величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ!
Везде я зрел следы великия державы
И русской славою след каждый озарен.
Се Петр еще живой в меди красноречивой!
Под ним полтавский конь, предтеча горделивый —
Победе искони сопутственных знамен!
Он царствует еще над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой.
Народной чести страж и злобе страж немой!
Пусть гордый враг дерзнет вооруженный адом
Вонзить [1*] на берег твой кровавый меч войны,
Ты кинуться готов с отважной крутизны.
Герой! [2*] Ты завещал свой дух сынам [?] побед
И устрашенный враг зрел частые Полтавы!
Воскормленный тобой, орел наш [3*] двоеглавый
На поприще твоем расширил свой полет.
Рымникский пламенный и Задунайский твердый
Вас здесь согражданин почтет с улыбкой гордой [4*].
Но да предупредит признательность отчизны
Потомков строгий суд и глас их укоризны!

Варианты:
[1*] Нести
[2*] Так Петр!
[3*] Питомец твой, громов метатель
[4*] Далее набросок стихов:

И может[?] Кульнев здесь постигнув ваш привет
Вариант: еще во цвете лет
На славу жизнь обрек и меч на честь отчизны.

Да новый памятник восстанет среди нас:
Еще свежа в сердцах Кутузова утрата,
Они прославили, а он Россию спас,
И славная чета ждет славного собрата.

Искусство Греции и Рима чудеса
Зрят с дивом над собой полночны небеса.
Чертоги Кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды,
Чья смелая рука совокупила вас?
Чей повелительный на зло природе глас
Созвал громады скал из северной [?] пустыни,
Чтоб обложить твой брег в красивую твердыню,
Великолепная и светлая Нева,
Краса Петровских стен, рек северных глава!
Кто с юга, запада, востока и полночи .
Крылат — — — — — — — — —
И с древним Каспием Бельт новый сочетал.
— — — — — — — — — — —дань
Могущий дух [1*] Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало:
Художество жезлом мятеж стихий смиряло
И мысль — — — — — —— — —
Козловский, Мартос здесь, с небес похитив пламень,
Вливали чувства в медь, вдыхали душу в камень
И зодчество— — — — — — —— — —
На юге меркнул день, а здесь он рассветал
Там — — — — — — — — —
А здесь— — — — — руки устройства [2*].
Взращало мирт наук и гордый лавр геройства.
Екатеринин двор Европу изумлял,
С успехом равным он по свету рассылал
Угрозу Мустафе, уставы самоедам,
Приветствия в Ферней или маршрут победам.
Полсветом правила она с брегов Невы
И утомляла глас стоустые молвы.
Здесь друг Шувалова воспел Елисавету,

Варианты:
[1*] Дух творчества.
[2*] ⟨Геройства⟩.

Дары ее щедрот и Невских Муз рассвет,
Державин, счастливый как русский и поэт,
Екатерины век поведал свету

Счастливый Вождь тобой счастливых россиян,
В душах их раздалась души великой клятва.
Уж зреет пред тобой бессмертной славы жатва,
Петр создал подданных: ты образуй граждан.
Пусть просвещенная и мудрая свобода,
Обетованный брег великого народа,
Нас примет на свои священные поля.
С благоговеньем ждет, о, царь, твоя земля
Плода высоких дум: могущества и счастья.
Реши: пусть будет скиптр[1*] свинцовый самовластья
В златой [2*] закона жезл тобою претворен.
Пусть Александров век светилом незакатным
Торжественно взойдет на русский небосклон,
Приветствуя как друг сияньем благодатным
Грядущего еще непробужденный сон [12].

Сюда поэзии жрецы!
Сюда существенности жертвы!
Кумиры ваши здесь не мертвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья,
И здесь, где моря вал шумит,
Святыни тайное предверье [13].

Так! время в свой черед ⟨существенность⟩ пригонит:
⟨Утратами⟩ означат жизни путь
Обман друзей, надежд — — — — — —
И за любовью в ком — — — — — —
И в след любви в ком искру ни заронит
Иль грудь остылую иль выжженную грудь
Любовь [найдет?] где искру ни заронит
Оставит сердце в [нас?]
Иль просиявши в [ней?] иль выжженной оставит
Иль сердце хладное
друг клятве изменит: надежда светлым снам [14] ⟨Друзья⟩

Варианты:
[1*] ⟨Жезл⟩.
[2*] ⟨Святой⟩.

В деревне время кое-как
Мне коротать велит судьбина,
Я никогда ей не был враг,
Дубрава, холм, ручей, долина —
Все это мило, спору нет;
Все это, знаете вы сами,
Когда-то славил я стихами,
Но право, в прежние года
Не знал я многих сельских таин,
И словом, милый князь, тогда
Я был поэт, теперь хозяин.
На все взглянувши потрезвей,
Заметил я, что мир полей
Во время пашни беспокоен;
Что свет — прекрасный для зевак —
Не слишком выгодно никак
Для бедных пахарей устроен!
С котомкой лычною своей
Под светлым небом голод бродит,
Когда в дубраве соловей
Песнь оживленную заводит,
Он хлеба молит у дверей[15].

Воспоминания о Державине, переданные Дмитриевым.

Солдатские жены, жившие с Державиным-солдатом, заметили, что он всегда занимался чтением, и потому стали просить его как грамотея писать за них письма к родственникам. Державин и писал их. После захотел он употребить в пользу свою писарскую должность и писал (Бакунин говорит за деньги, за 5 и 10 коп. письмо) письма с тем, чтобы мужья отправляли за него ротную службу, то есть ездили за мукою, очищали снег около съезжей и проч. Далее перекладывал он в стихи полковые поговорки, переписывал Баркова сочинения. Отпущен он был в Москву, где просрочил более $1^1/_2$ года, промотался, проигрался и написал в негодовании стихи на Москву, которую сравнивал с развратным Вавилоном. Он сказывал эти стихи Дмитриеву, уже бывши статс-секретарем. Дмит[риев] помнит, что были поэтические обращения к Кремлю.

О Долгорукове Ив[ане] Михайлов[иче] Дмитриев говорит, что он в молодости был *резов* до безумия. Бывало придешь к нему, он скачет по стульям, по столам, уйдешь от него не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить. Как скоро заведутся деньги, то задает обеды и говорит: люблю сладко поесть. Странно одевался, ходил по улицам

в одежде полуполковой и полуактерской из платья игранных им ролей.— Надобно непременно из слов Дмитриева написать несколько костюмов старинных[16].

Поездка в Москву. 1818 года[17].

Я выехал из Варшавы 14/26 декабря, в десять часов утром с похмелья: лучше пьяным выезжать. Догнал Николая Николаевича только в Бресте сегодня 15/27. Что за царство? По всей дороге нет и тени вида. Равнина, перерезанная болотами, песками и сосновыми лесами. По мерзлой земле дорога славная. Брест Литовский — вертеп таможенников. На прошлой ярмарке пошлин за провозимые товары заплачено было около 460 000 рублей. На нынешней думают собрать около 400 000, но зато товаров менее. Брест имел одну из древнейших типографий. Буг здесь узок. Ник[олай] Ник[олаевич] получил эстафету от Волконского, уведомляющего, что государь назначает ему [встречу] с ним в Минске: он, однако же, дождется его здесь. Один Пономарев заплатил около 90 000 пошлин за провоз товаров на 300 000 рублей. С сукна берут пять рублей с аршина. Здешние таможенные фокуспокусничат с повозками: придет нагруженная бричка, оглянешься — ее уж нет. У Ланга из под носа так их и скрадывают. Здесь есть и присланный ревизор из Пет[ербурга] от Гурьева. Ланг у них, как собака в киях.— Стоял у жидовки Раген-Мейер.

16[-го] Не дождавшись государя поехали мы с Ник[олаем] Ник[олаевичем] в Слоним в карете. Приехали ночью, то есть к утру 17-го числа. Здесь жил Огинский, Слонимский, Позняков. Театр, каскады, сады. Было прекрасно, теперь в развалинах. *Огинский канал*, сделанный под присмотром *Фалькони*. Польских губерний города́ — те же Рим. Все прах, все воспоминания; но только не так красноречивы. Послушать от них нечего, разве поучения, что народ без характера и правительство без уложения, что идет всегда руку в руку, не может надеяться на жизнь. Это какая-то подложная жизнь. Такие государства ходят сгоряча. Пощупайте их пульс. Он уже не бьется или бьется последними судорожными биениями. В Литве ужасно страждут крестьяне. Ник[олай] Ник[олаевич] может дать прекрасный пример, как держать казенные аренды[18]: на них смотрят, как на лимон, который попался к вам на минуту в руки: всякой старается выжать из него весь сок. Честным арендатором был около 20 лет маршал Пусловский, отменный лимоножатель. Он кровью крестьян нажил миллионы... Маршал поветовый *Бронски*: себе на уме, должен быть тонок, потому что этого не видать. *Грабовски* — губернский Гродненский маршал. Живой Брониц.— В Литве задумывают установить состояние крестьян. Грабовский подавал просьбу о том государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьян не была уловкою рабства панов. Увидим, как приступят к делу. Хотят собрать по одному депутату с уезда и решить эту задачу. Дай Бог! Крестьяне литовские ужасно угнетены:

здесь не знают ни брата на брата, ни других постановлений наших. *Паньщизна.* Крестьянин должен с двумя волами работать три дни в неделе на пана: редкий имеет и одного вола. Чтобы наверстать, паны заставляют одним волом работать шесть дней[19].— Стояли в доме часового мастера Либера. Государя ожидали 17-го к вечеру. Он приехал 18-го к 12-ти часам утра. Артиллерийская рота простояла на ногах почти сутки. Государь думает, что он, проезжая губернию, ничего с места не трогает, потому что запрещает встречи, приемы. Каждый проезд его новый налог. Все в движении: губернаторы и вице-губернаторы невидимо следуют за ним или провожают, как Сбогары. Он не тронут, но по сторонам все режут и давят. Крестьянам за взятых лошадей не платится. Мы спросили у одного хлопа, который с нами ехал: получит ли он за то деньги, которые мы заплатили.— A ja panie wiem[1*]. Точно как будто не его дело. Он не привык и думать об этом. Государь приехал в открытых санях с Волконским. Свеж, как будто с постели.

Мы поехали из Слонима в Минск в четыре часа после обеда, 18-го числа на санях. На последней станции перед Минском ожидали государя около 30 просителей и просительниц. Посмотреть, точно комическая сцена; подумать, так не так-то смешно. Всякий тут со своими надеждами, расчетами; друг другу рассказывают. Ужасно положение; 40 мил. народа, который везде, выбившись из сил, ждет суда от одного человека. Это положение едва ли не есть отчаяние. Приехали в Минск в 12 часов утра. Остановились у Влодека. Город, то есть что может назваться городом, на одной площади.— Считают в обывателях одного христианина на десять жидов: все у них в руках. Никакой ремесленник из христиан не может удержаться при них: они тотчас спустят цену, тот принужден отойти, они снова цену возвысят по-прежнему.— Около 11 000 жителей. Государь приехал в 8 часов вечера. В городе есть театр: Kasino [Казино]. Покои изрядные: бывают иногда до 150 человек. Вечером был тут бал, приготовлен был для государя. Не принят, оттого что пост. *Черняева. Любайска.* Ее мать татарский [2 слова неразобр.]

Дороги в Литве делают 60 сажен ширины. Прогонов скота нет: у нас никогда ни в чем нет меры.

В Вильне *Шубравцы*: что-то издают не на живот, а на смерть[20]. Ник[олай] Ник[олаевич] поехал с государем работать на два часа[21].

Нижний-Новгород, 3-го августа 1822[22].

Мы приехали вечером 21-го [июля]. Город обширный — верхний казался почти совсем пуст, по мере как спускались вниз, движение возрастало. Первое впечатление, делаемое ярмонкою, которую видишь с го-

[1*] А я, пан, знаю. (*польск.*).

ры, не отвечает той мысли, которую имеешь о ярмонке по рассказам. Она более походит на большой базар не азиатской, а деревенской. Вместе с тем удивляешься богатству, сокровенному под такою смиренною наружностию. Гостиный двор, то есть именно лавки, очень некрасивы и что-то похожи более на конюшни: кирпич и черные кровли дают вид пасмурный. Тут нужны бы краски яркие: товар лицом продается. Церковь прекрасная. Главный дом, где вмещается губернатор, ресторации, где много зал для собрания, хорош, обширен: лестница извивистая и опирающаяся только на четырех столбах, легка, но слишком узка и сжата. Говорят, что губернатор препятствовал в ином исполнению предполагаемого плана для сохранения удобностей в покоях, ему назначенных. Столбы чугунные в лавках, выкрашенные белою краскою, тонки, длинны и безобразны.— Вопрос о выгоде перемещения ярмонки из Макарьева в Нижний еще не совершенно, кажется, решен. Впрочем, отлагая в сторону личные и частные выгоды и ущербы, которые должны молчать перед общественною пользою, кажется, решительно можно сказать, что ярмонке приличнее быть достоянием губернского города, каков Нижний, нежели Макарьевского монастыря, который один обогащался ею, тогда как город нимало не богател и не украшался. Реман в записках о Макарьевской ярмонке (на которую впрочем, кажется, смотрел он слишком поэтическим глазом) замечает, что в Макарьеве не видишь и следов выгод, которые ярмонка должна бы доставить городу. При том должно вспомнить, что на первые годы, пока казна не выручит наемом лавок деньги, употребленные ею на сооружение гостинного двора (а и по выручке может быть захочет она сократить этот доход), то высокая цена лавок весьма ощутительна для купцов, особливо же тех, которые приезжают с товаром не на миллионы, а на несколько тысячей рублей. Вообще, кажется, здание слишком огромно[23]. Потребность ярмонки должна ослабевать в государстве, по мере как распространится образованность, а с нею и промышленность и выгоды общежития. Не нужно тогда будет ехать за несколько сот верст запасаться тем, что для общей выгоды и покупщиков и продавцов будет у каждого под рукою. Число приезжих дворян от году в год убавляется. Многие купцы еще по старой привычке приезжают на ярмонку, но неудача ежегодная отучит их от нее. Разумеется, говорю здесь о торговле мелочной, а главная отрасль здешней торговли, как-то: железа, чаев и рыбы, никогда не ослабнет, потому что ей нужно иметь средоточие, из коего распространится она по России (и это средоточие самою природою назначено в Нижнем).— Вина продавалось до вчерашнего дни около тысячи ведер: это немного, полагая, что стечение народа возвышается до 200 000 и что в обыкновенное время продается в Нижнем от 200 до 300 ведер. Впрочем, возрастание винной продажи во время ярмонки не ограничивается одним городом, а отдается и во всей губернии вместе с движением и беспрестанным приливом и отливом народа.

Недостаток методы и гласности везде колет глаза в России. Приезжему невозможно обнять одним взором и поверхностного положения ярмонки. Ничего не печатается, нет торговых ведомостей, извещающих о приезде купцов, о количестве товаров, о состоянии курса. Все это делается как ни попало и как бог велит. Конечно, Русский бог велик и то, что делается у нас впотьмах и наобум, то иным при свете и расчетах не удастся делать. При нашем несчастии нас балует какое-то счастие. Провидение смотрит за детьми и за пьяными и за русскими, прибавить должно.— Вероятно, показания купцов были бы неверны, ибо недоверчивость к правительству есть вывеска нашего политического быта, но все от большей гласности и большого европеизма в формах, были бы какие-нибудь средства получить понятие о действиях ярмонки и основать на том свои соображения, выгодные не для одного любопытства, но и для самой общественной пользы. Теперь и самые купцы и правительство не имеют положительного познания о действиях и средствах ярмонки. Здесь каждый знает о себе, как в сражении офицер о действиях своей команды,— но нет главнокомандующего, известного о действии целого, и нет политика, основывающего свои планы на последствии действий.— Ярмонка не представляет никаких или весьма мало увеселений, приманок для любопытных праздношатающихся: новое доказательство, что главный характер ее не европейский и образованный. Приезжие иностранные купцы здесь как бы случайно, и нет сомнения, что они со временем перестанут ездить; а для наших бородачей прихоти общежития не нужны. Я уверен, что ярмонка в Макарьеве была своеобразнее и живописнее: здесь хотели китайскую картину вместить в европейскую раму, азиатский кинжал в европейскую оправу, и нет единства. Торговля здешней ярмонки до́ма в балаганах: в лавках она в гостях и ей неловко.

Зябловский в «*Новейшем землеоп*[*исании*] *Рос*[*сийской*] *Имп*[*ерии*]», второе издание 1818-го, говорит, что *количество привозимого на сие годовое торжище товаров простирается ежегодно до 5 миллионов рублей*[24]. Ошибка ли это от незнания, или не позволено правительством было сказать истину?

10 августа.

9 августа мы поехали с прокурором. Теперешняя городская тюрьма деревянная и ветхая. Затворников около ста: пересылочных далее не тут содержат. Нашли тут мальчика лет 12-ти. Он учился в семинарии, узнал, что у одного знакомого крестьянина, отъезжающего в их деревню, есть деньги, рублей 30, уговорил его отвезти с собою к отцу своему, дорогою напоил его на свои деньги и, как тот крестьянин заснул крепким сном, два раза ударил его топором по голове, шапка спасла крестьянина от смерти. Помещение дурное. Новый тюремный замок каменный еще не достроен: ассигновано на него 218 000, но, кажется, еще потребно будет

около ста тысяч. Должно и половины не стоить. Строят его исподволь, уже третий год. Из комнат, назначенных для смотрителя, вид на город хорош. Отделения нижние, назначенные для важных преступников, будут, без сомнения, сыры и темны. Все делается из одного тщеславия и для одной наружности. О истинной пользе и в помине нет. Оттуда полем поехали в Девичий монастырь; город на правой руке, виды на него хороши: Нижний, который на высокой горе, с дороги казался в долине. Девичий монастырь красив, опрятен, большая церковь еще не достроена; в ограде дорожки посыпаны песком, цветники. Дорофея Михайловна Новикова игуменья, приветливая, умная, говорят, красноречивая. Сказывают, что она переделала на русский лад Историю Элоизы [25]. Взаимная любовь связывала ее с Пензенским дворянином. Согласились они поступить в монашеское звание.— Долго уже после того, как она сделалась игуменьею, а он архимандритом Израилом, все у нее в монастыре делалось по его советам, он живал у ней,— но под конец рассорились они.— Из монастыря поехали на место *Гребешек*. Вид чудесный в три стороны. Гостинный двор ярмонки как на блюдечке, но и мал, как сахарный.— На горе часовня Алексея Митрополита. Повыше монастырь, им заложенный. Алексей, недовольный первым приемом жителей, сказал, что здесь *горы каменные, а сердца железные*. Не понимаю, как избы ветхие торчат по горе и как не сносит их весною. Здесь гипербола Пушкина:

Домишка, как тростник, от ветра колыхаясь [26]

становится правдоподобною.

Кирпичи, которых тысяча продавалась по 10 рублей до строения гостинного двора, взошли до 20 *экономическими мерами* Бетанкура: вольные кирпичники последовали казенной цене [27].

[*Поездка в Мещерское и Пензу в декабре 1827 — январе 1828*].

Дорога от Москвы в Пензу 696 верст (по подорожной 695), по 5 копеек, кроме первой станции.— Издержано всего дорогою 146 руб. От Пензы в Мещерское 85 верст на Елань [28].— Скрыпицыно.— Проезжаешь имения трех Бекетовых. У Аполлона дом каменный с аркою на дороге, которая когда-нибудь сядет на голову проезжающего.— Выехал я из Москвы 12-го числа, в семь часов вечера. В полдень на другой день был в Владимире, ночью в Муроме, на другое утро поехал я на Выксу к Шепелеву, верст тридцать от Мурома. Едешь Окою,— от него ночью вывезли меня на вторую станцию от Мурома. В Арзамасе видел я *общину*. Церковь прекрасная. Позолота работы затворниц — искусные золотошвейки,— около пятисот затворниц. Община учреждена во время упразднения многих монастырей. Кажется, в доме господствуют большой порядок, чистота.

Настоятельница женщина или девица пожилая, умная, хорошо говорит по-русски, из Костромы, купеческого звания. Тут живала юродивая дворянка, которая пользовалась большой известностью, пророчествовала и, говорят, часто сквернословила. В ее келье, после ее смерти, читается неугасимый Псалтырь, стоит плащеница с деревянными или картонными статуями. Монастырь не имеет никаких определенных доходов. Заведение благодетельное и которое было бы еще благодетельнее, если при святом назначении его было бы и мирское просвещенное: например, школа для бедных детей, больница для бедных и тому подобное. В Арзамасе есть школа живописи, заведенная дворянином — академиком. Картины этой школы развешаны и продаются в трактире [29]. Все это зародыши образованности: просвещение выживает дичь.— Не доезжая Пензы, от станции в деревне графини Лаваль знаменитая *Рудзаевка* поэта Струйского. После него остались вдова и два сына, живущие в околодке [30]. От станции в 15-ти верстах в другой деревне Лаваль застрелился молодой Лаваль.— Дорогою деревня Полуектова, кажется, Шатки. В Пензу приехал я в 10 часов вечера 16-го [декабря]. В Мещерское 17-го после обеда.— В Владимире, Венедиктов, председатель палаты, бывал в чужих краях.

Из Мещерского писал я: к к[нязю] Василию Гагарину 2 письма — к Полторацкому — к Карамзиным — к Дмитриеву с стихами «1828-й год» для журнала Калайдовича [31]—к Софии Чернышевой — к Васильевой — к Шимановской — к Оболенским — к Голицыной в Саратов.

Мещерские соседи: Миленин, Свиридов (муж слепой, жена усастая, сын ни рыба, ни мясо, жена его хорошее белое мясо), *Таушев*, Чистилины, Сольден, бывшая Мерлина, бывшая Есипова.— У Миленина какой-то восточный уроженец, о котором говорит Броневский в «Записках морского офицера»: был в плену и в плену геройствовал. По словам его, в рассказе Броневского о нем есть и правда и неправда [32]— Сердобский уезд полон еще молвою и преданиями о житье-бытье Куракина Александ[ра] Бор[исовича] в селе его Надежине во время опалы. Река *Хапер*. Губернаторство Сперанского в Пензе не оставило никаких прочных следов: доказательство, что в нем нет благонамеренности и патриотической совести. Он оставил по себе одну память человека общежительного [33].

Сомов, вице-губернатор Саратовский, пользуется репутациею честного и бескорыстного человека. Теперь вышел в отставку.

Белорукова, Пензенская дворянка, засекла девочку 8-ми лет. Исполнительницею приказания ее была няня, которая после заперла несчастную в холодном месте, где она и умерла.

Сын Струйского, сосланный в Сибирь также за жестокосердие [34].

Степанов, Сердобский предводитель. Дочь довольно милая.

Мы выехали 5 января из Мещерского в Пензу в осьмом часу утра. Погода казалась тихая и теплая, мы думали, что часов в пять после обеда будем в городе. Вместо того настал мороз ужасный, вьюга ледяная и в

пятом часу приехали мы только в Елань: кучера и люди перемерзли, форейтор отморозил себе нос и колено. Видя это, Еланские ямщики нас никак везти далее не хотели до утра, несмотря на просьбы, увещания, обещания дать двойные прогоны, должны мы были решиться провести на месте часть дня и ночь. Мороз был красноречивее нас и денег. На беду нашу напали мы на сочельник: печь была худо натоплена и ничего в печи не было, а мы, полагая, что будем несколько часов в езде, не взяли с собою запаса. Вот что значит ездить по степям. Здешние жители, пускаясь и на малую дорогу, берут с собою не только провиант, но и дрова на всякий случай. Застигнет их ночь и мятель, они приютятся к стогу сена, разложат огонь и бивакируют. Мы были взяты врасплох, как Наполеон русскою зимою. Проведши около 15-ти часов в избе холодной, но дымной, в сообществе телят, куриц (не говоря уже о мелкопоместных тараканах), родильницы, лежащей на печи с трехдневным младенцем, пустились мы на другое утро в Пензу. Мороз не слабел, но погода была тише. В девятом или десятом часу приехали в Пензу, остановились на въезде города у Сушковой. Я отправился в собор. Теплая церковь, темная, как пещера. Верхняя, летняя, говорят, хороша. Оттуда на Иордань.— Архиерей Ириней: отец его серб, мать — молдаванка, воспитан был в Киеве. Прекрасной наружности и что-то восточное в черных глазах, и волосах, и в белых зубах, и в самых ухватках. Выговором и самыми выражениями напомнил он мне В. Ф. Тимковского, с которым он учился и коротко знаком. Он был в Яссах и в Кишеневе: скоро вышел в архиереи. Обращения приятного. В разговоре предавал проклятию В. Скотта, в особенности за роман Крестовых Походов.— Вечером было собрание немноголюдное. Зала довольно велика и хороша.— *Загоскина* вдова, сестра Васильковской; *Блохина*, сестра Чирковой. *Всеволожская*, урожденная Клушина, племянница автора (Умовение ног); *муж ее* сын Всеволожской-Огаревой. *Очкина*, жена купца, бывшая девица *Приоре*, воспитанная у генеральши Сольден. *Девицы Болдыревы*, *Золотарева* (*Пензенская Офросимова*) с двумя дочерьми.— *Вдова Бекетова*, сестры ее Араповы, сестры Пимена *Арапова*, *Евреиновы*. *Ховрина* была в деревне. Новое удостоверение, что Ансело прав и что женский пол наш лучше нашего. Братья *Ранцовы*, жена одного Вельяшева, сестра Алек. Пет. *Губернатор Фед*[*ор*] *Петр*[*ович*] *Лубяновский*; *вице-губерн*[*атор*] *Антонский*, племянник Московского. *Полицмейстер Путята* дает дому сгореть, как свече: недавно сгорел таким образом дом предводителя губернского Тишенского, женатого на Араповой. На полицию очень жалуются. Старушка *Вигель*, мать нашего, больная в постели, женщина, кажется, умная и в городе уваженная. Один сын ее женат на Чемизевой, упоминаемой в скандалезной хронике Пензенской; дочь за Юматовым. Говорят, прокуратница; другая дочь блаженствует в старых девах. Внук, служивший в гвардии. Губернатор не любим, идет молва, что потакает ворам и не из простоты.

Человек умный, хотя, вероятно, ума не открытого и не возвышенного. В старые годы перевел «Телемака» и напечатал его: несколько лет тому принялся за исправление перевода, но за делами службы не успевает кончить труда. Дела у него идут поспешно и все собственноручно. Перевел также несколько мистических книг; выдал свое путешествие, которое если не именным указом, то министерским приказом (Кочубея) было раскуплено начальствами и в губерниях, так что он собрал довольно значительную сумму в то время, когда авторы лучшие писали у нас только *из чести*[35]. *Пензенский театр*. Директор *Гладков*, *Буянов*, *провонявший чесноком и водкой*. Артисты крепостные, к которым при случае присоединяются семинаристы и приказные. Театр, как тростник от ветра, колыхаясь, ветхий и холодный, род землянки. В ложи сходишь по лестнице крючковатой. Освещение сальными свечами, кажется, поголовное по числу зрителей. На каждого зрителя по свече. В мое время горело, или, лучше сказать, тускнело свеч 13. Я призвал в ложу мальчика, которого нашел при дверях, и назначил его историографом и биографом театра и артистов и содержателя. «Кто эта актриса? — Саша, любовница барина. Он на днях ее так рассек, что она долго не могла ни ходить, ни сидеть, ни лежать.— Кто эти? — Буфетчик и жена его. Этот? — Семинарист, который выгнан был из семинарии за буянство. А этот? — Бурдаев, приказный, лучший актер! А этот бывший приказный, который просидел год в монастыре, на покаянии. Он застрелил нечаянно на охоте друга своего Монахтина, также приказного». По несчастию Гладков имеет три охоты, которые вредят себе взаимно: охоту Транжирина, пьянства и собачью. Собаки его не лучше актеров: после несчастной травли он вымещает на актерах и бьет их не на живот, а на смерть. После несчастного представления он вымещает на собаках и велит их убивать. Вторая охота его, постоянная, служит подкреплением каждой в особенности и совокупно. Впрочем, *Саша* не дурна собою и не многим, а, может быть, и ничем не хуже наших императорских. Актер[1*] также недурен. Давали *Необитаемый остров*, *Козачий офицер* и дивертисемент с русскими плясками и песнью: *За морем синичка не пышно жила*. Вообще мало карикатурного и, должно сказать правду, на Московском театре, в сравнении столицы с Пензою и прозванием императорским с Гладковским, более нелепого на сцене, чем здесь[36]. Больнее всего, что пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они дурно играли или не понравились помещику. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабстве, *puisque рабство y a*[2*], можно допустить право помещика взыскивать с крепостных своих подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственными их назначению и включенными в круг действия им сродного, и наказывать за

[1*] *Оставлено место, но имя не вписано.*
[2*] Так как рабство налицо (*фр.*).

неисполнение таковых законных обязанностей. Но обеспечить законною властью и сумасбродные прихоти помещика, который хочет, чтобы его рабы плясали, пели, ломали комедь без дарования, без охоты, есть уродство гражданское и оно должно бы прекращаемо начальством, предводителями, как злоупотребление власти. И после таких примеров находятся еще у нас заступники крепостного состояния! *Лубяновский* рассказывал мне о возмущении крестьян Апраксина и Голицыной в Орловской губернии числом 20 000 душ, когда по восшествии Павла приказал он и от крестьян брать присягу на верноподданничество. Крестьяне, присягнув государю, почитали себя изъятыми из владения помещичьего. Непокорность их долгое время продолжалась и Репнин ходил на них с войском. Лубяновский был тогда адъютантом при князе. У крестьян были свои укрепления и пушки. Присланного к ним для усмирения держали они под арестом. Репнина, подъехавшего к селению их с словами убеждения и мира, прогнали они от себя, ругали его. Репнин велел пустить на них несколько холостых выстрелов. Сия ложная угроза пуще их ободрила: они бросились вперед. Наконец, несколько картечных выстрелов привели возмущенных к покорству. Происшествие, похожее на происшествие 14 декабря, только последствия были человеколюбивее. Зачинщиков не нашли и не искали. Репнин велел похоронить убитых картечью и поставил какую-то доску с надписью над ними. Дело это казалось так важно, что Павел писал Репнину: «Если мой приезд к вам, может быть, нужен, скажите, я тотчас поеду»[37].— Возмущения нынешние в деревнях приписываются проделкам либералов: кто из либералов тогда действовал на крестьян? Рабство, состояние насильственное, которое должно по временам оказывать признаки брожения и, наконец, разорвать обручи недостаточные.

Пенза полна пребыванием Голицына, флигель-адъютанта, сына Кулина. Он всех привел в трепет и тем более нравился обществу, что сказывают, осадил губернатора, которого не любят. Приезжает он к Васильеву, советнику, известному знанием в делах и взяткобрательством: увещевает его, как не стыдно ему, при его способностях для службы, бесчестить себя корыстием. Тот уверяет в своей чистоте.— «Как же вчера взяли вы с того-то триста рублей?» Васильев, пораженный всеведением архангела с мечом и пламенем, клянется на образе, что вперед брать не будет. Принесут ли пользу эти архангелы, носящиеся по велению владыки из конца в конец земли? Невероятно! Как буря они подымут с земли сор и пыль, но сор и пыль после них опять сядут. Буря не чистит земли, а только волнует[38]. Могут ли Голицыны и все эти флигель-архангелы способствовать к благодетельному преобразованию? Непосредственнейшее и неминуемое действие их явления должно быть ослабление повиновения и доверенности управляемых к правящим. На что же генерал-губернаторы, губернаторы, предводители, прокуроры, если нельзя на них положиться? На что Сенат

Правительствующий и блюстительный, если не ему поверять надзор за исполнением законов? Скорее же из Сената отделять ежегодно ревизоров по всем губерниям? Должно употреблять орудия, посвященные на каждое дело, а не прибегать к перочинным ножичкам, потому только, что они ближе и под рукою. Вы оказываете недоверчивость к генерал-губернатору, а облекаете доверенностью гвардейского офицера, который созрел для государственных понятий в манежах или петерб[ургских] гостинных. Не пошлете же вы советника губернского правления произвести военное следствие? В детской привязанности вашей к эполетам вы думаете, что в них сокрыта тайна всеведения и что ваши товарищи в солдатские куклы должны по этому самому быть на все способны? [39]

Пенза город довольно хорошо выстроенный и летом должен быть живописен.— Модная лавка M-me Chopin [Г-жи Шопен], мать переводчика [40].

Avec toutes les séductions terrestres faites pour la rendre une femme accomplie sous tous les rapports, elle porte une auréole, qui fait palir tous les charmes terrestres et au moment, où vous vous sentez prêt à lui faire les yeux doux, vous êtes entrainé involontairement à faire le signe de la croix et vos velléités de galanterie se convertissent en une contemplation purement ascétique. Son regard a quelque chose d'indéfinissable: c'est la conversion du paganisme en christianisme. Je la compare à une statue que le statuaire destinait en premier lieu à représenter ⟨quelques unes⟩ des divinités riantes de la terre, mais au moment d'achever son travail une sainte inspiration a donné une nouvelle direction à sa pensée et son ouvrage a pris le caractère sublime et austère de cette religion, qui vous dit avec son fondateur: mon Royaume n'est pas de ce monde [1*] [41].

Фон-Визин живописец карикатурный — он не был живописцем общества своего, Петерб[ургского] двора. В «Бригадире», в «Недоросле» другие нравы — некоторые сцены не драматические: это род разговора в царстве мертвых на заданные темы — Потемкин хотел переманить его от Панина — Подражание Лабрюеру — дикий американец. Карамзин мне говорил об этом.— Живого автора должно печатать с хорошей стороны: мертвого со всех.— После смерти нет лжи: а утаить что-нибудь из написанного автором, то есть из умственной жизни его есть ложь.

[1*] При всех земных соблазнах, созданных для того, чтобы сделать из нее женщину, совершенную во всех отношениях, она увенчана ореолом, заставляющим бледнеть все земные очарования, и в тот момент, когда вы чувствуете, что готовы сделать ей глазки, вас невольно тянет к крестному знамени и ваши галантные поползновения превращаются в чисто аскетическое созерцание. Ее взгляд выражает нечто непостижимое: это превращение язычества в христианство. Я сравниваю ее со статуей, ваятель которой первоначально предназначал ее для изображения (некоторых из) смеющихся земных богинь. Но в момент окончания работы святое вдохновение дало новое направление его мысли, и труд его принял суровый и возвышенный характер той религии, которая говорит вам вместе с ее создателем: царство мое не от мира сего (*фр.*).

В. Ф. Вяземская.

Рисунок карандашом работы В. Бинемана, 20-е годы XIX в.

Я хочу знать не только автора, но и человека: вот от чего чтение записок занимательно и назидательно. О Фон-Визине не говорят современные записки французов: невыгода быть русским.— Действие французской литературы на умы 18-го века: ум был достоинство, держава; цари искали союза с ним.— Литература Фон-В[изина], как и вообще русских писателей, не была главным делом их жизни: как музыка, живопись, она была побочное искусство: потому у нас мало творений... Даламберт: Фон-В[изин] оклеветал его. Искательства его и других энциклопедистов были не подлость, а политические домогательства: им нужен был союз дворов и вельмож, чтобы утвердить свое положение: тем более, что во Франции они угрожаемы бывали правительством. Даламберту верно были нужны не деньги.

Сравнение комедий Ф[он]-В[изина] и *«Горе от ума»*. О Грибоедове. — Не имел ли Ф[он]-В[изин] в «Недоросле» *мысли* унизить неслужащих? Но где же у нас дворянство неслужащее и в независимости ли можно упрекать нас. Митрофанушка не только *недоросль* по службе, но и неуч.— *Правдин*: *Пошел-ка служить*, говорит Митрофанушке.— Хорош подарок службе. —

Евгений говорит, что перев[од] Гольберг[овых] басен напечатан в 1763—в 1768 г. Греч говорит о *чистоте*, *ясности* и *силе* прозы его в важных переводах, н[а]п[ример] в похваль[ном] сл[ове] Мар[ку] Аврел[ию].— Спросить у Кристина, нет ли в бумагах Маркова писем Фон-Визина также у г[рафа] Панина? У Греча и в новой биогр[афии] ошибочно сказано, что жизнь Сифа перев[едена] с француз[ского]:— с немецкого сказано в исповеди — *Ф[он]-В[изин] гов[орит], что и в перев[оде] Альзиры встречаются хорошие стихи*.

Успех «Бригадира»: с обеда на обед зовут его первые вельможи.

Евгений называет Ник[иту] Пет[ровича] Панина упомянутым кабинет-министром: по исповеди видно что нет.— Ф[он]-В[изин] хотел переводить Тацита: не позволили: при Алек[сандре] вышло два перевода. Глаза Ф[он]-Визина. Так ярки, что нельзя смотреть было.

Письма Разумовского, Бориса Салтыкова — Etienne сказал: «La comédie est l'histoire de peuple» [1*42].

L'éloge d'un écrivain est dans ses ouvrages: on pourrait dire que l'éloge de Molière est dans ceux des écrivains, qui l'ont précédé et qui l'ont suivi, tant les uns et les autres sont loin de lui. Des hommes de beaucoup d'esprit et de talent ont travaillé après lui, sans pouvoir ⟨l'atteindre⟩ ni lui ressembler, ni l'atteindre. Quelques uns ont eu de la gaîté; d'autres ont su faire des vers; plusieurs même ont peint des mœurs. Mais la peinture de l'esprit

---

[1*] Этьен сказал: «Комедия — это история народа» (*фр.*).

humain a été l'art de Molière; c'est la carrière qu'il a ouverte et qu'il a fermée: il n'y a rien en ce genre, ni avant lui, ni après (La Harpe)[1*][43].

«Письма Рус[ского] Пут[ешественника]» хотя и писаны вовсе без педантства и догматической важности, может быть, содержат более истин о французах и о Париже, чем письма Ф[он]-Визина. В одном только Карамзин и Ф[он]-Визин согласны: во мнении о нечистоте Парижа[44].

[1*] Похвала писателю заключается в его трудах: можно было бы сказать, что похвала Мольеру заключается в трудах писателей ему предшествовавших и последовавших за ним — так далеки от него и те и другие. Люди большого ума и таланта работали после него, но не могли ни походить на него, ни сравняться с ним. Одни из них обладали юмором; другие научились писать стихи; многие даже занимались описанием нравов. Но живописание человеческого ума было искусством Мольера. Это поприще было им открыто и им же закрыто: в этом роде не было ничего ни до, ни после него (Лагарп) (*фр.*).

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ[1]
(1820—1830)

[Эта книжка не содержит оригинальных записей П. А. Вяземского и заполнена копиями исторических и литературных документов. Они внесены в книжку частично П. А. и В. Ф. Вяземскими и частично рукою писца. Исторические материалы отражают эпоху Екатерины и Александра I. Некоторые из них касаются истории Польши. Ряд материалов свидетельствует об интересе к декабристам и их агитационной литературе.

Литературные материалы связаны с именами Фонвизина («Друг честных людей, или Стародум»), Карамзина («Записки о Москве»), Пушкина («Вадим»), Дельвига («Петербургским цензорам»), Олина («Стансы к Элизе») и Баратынского («Череп» — автограф). К ряду копий Вяземским сделаны собственноручные объяснительные примечания. Подробнее см. стр. 364—365 и 410—414, где помещены перечень и характеристика переписанных материалов и воспроизведены примечания Вяземского].

КНИЖКА ПЯТАЯ[1]
(1825—1831)

Ревель *Екатеринен-таль, 16-го июня 1825*[2].

НАРВСКИЙ ВОДОПАД

Несись с неукротимым гневом[1*],
Мятежной [2*] влаги властелин,
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Огромной, дикой, величавой [3*],
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет с *беспрерывной* [4*] сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный столп прозрачно зыбкий[5*]
Вдали ⟨твой⟩ им предъявляет бой!

Все разъяренней, все угрюмей
Летишь, как гений непогод,
И мыслью погружаюсь в шуме
Твоих междоусобных [6*] вод.

Варианты на полях:
[1*] Несись с рассечен[ных] разорван[ных] вершин.
[2*] *Сердитой*.
[3*] *Сердитый*, *мятежный*.
[4*] От упорной.
[5*] И влажный дым, как облак зыбкий.
[6*] Междоусобно бурных.

Но как вокруг все безмятежно
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно,
Любуясь сельской красотой [1*];

Твой *мирный* [2*] берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты ⟨питомец⟩ созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало их лазури
Вотще блестящей с вышины.

Под грозным знаменьем свободы
Несешь залогом бытия
Зародыш вечной непогоды
И *вечно бьющего огня.*

Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь злобный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно ⟨разгорится⟩ разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе [3].

---

4 августа.

En soupirant j'ai vu naître l'aurore [3*].

Не для меня дышала утра сладость,
Гляжу с тоской на позднюю зарю,
Не радует меня природы радость,
Что в солнце мне, когда ее не зрю?

Я без надежд, без страха, без волненья
На бег часов медлительных смотрю:

Варианты на полях:
[1*] Тишиной.
[2*] Ясный.
[3*] Вздыхая, я видел как рождается заря (*фр.*).

Все чуждо мне, все, кроме сожаленья,
Что в этот день ее я не узрю.

Спеши с небес, о завтра золотое,
Звезда любви зажги любви зарю!
Счастливый день! Нас завтра будет двое,
И солнце вновь и вновь ее узрю [4].

Волны

Как стаи гордых лебедей
Плывут по зыбкому зерцалу.

Облака, как дым воздушного сраженья,— на небосклоне рисуются воздушною крепостию, объятою пламенем.
Корабль — плывущий мир.

Стихия Байрона! о море! [5]

Le gouvernement, par une expérience hasardeuse, forme, dans ses colonies militaires, une classe, qui aura les droits avec la force de la faire valoir.

Mais si l'affranchissement graduel du peuple s'opère, le moment ne sera plus éloigné où l'administration civile, militaire et judiciaire de la Russie cessera d'être la plus vénale de l'univers.

(Revue de progrès des peuples dans les 25 dernières années. Замечательная статья! «Revue encyclopédique», Janvier 1825).

Collection des Constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Amériques: par MM. P. A. Dudan, Duvergier et Guadet, avocats à la Cour royale de Paris. 1821—1823, Bechot, 6 vol.— Article de Taillandier [1*]. (Тут же).

Le réveil de la Grèce. Poème lyrique en 3 parties par *A. F.D.* Paris, 1825 [2*].

Il a soif des combats; il rêve l'incendie;
Des opresseurs de sa patrie
Vers l'horison lointain il a vu les vaisseaux.

[1*] Правительство, путем дерзских опытов, создает в своих военных колониях класс, который получит права вместе с силой, чтобы этот класс отстаивать.

Но если произойдет постепенное освобождение народа, то недалеко время, когда гражданская, военная и юридическая администрация России перестанет быть самой продажной во вселенной.

(Обозрение прогресса народов за последние 25 лет.) «Ревю энциклопедик», январь, 1825. Собрание конституций, хартий и основных законов народов Европы и обеих Америк. Составлено г. г. П. А. Дюдан, Дювержье и Гаде, адвокатами при королевском суде в Париже. 1821—1823, Бешо. 6 т. — Статья Тайландье (*фр.*).

[2*] Пробуждение Греции. Лирическая поэма в 3 частях; сочинение *А. Ф. Д.* Париж, 1825 (*фр.*).

Il s'écrie... il s'agite... et sur la mer absente
Il embrase, en espoir, la flotte manaçante.
(Le délire de Canaris malade) [1*].

В той же книжке Revue статьи о Journal of the conversations of lord Byron. Осуждают появление книги, но автор продолжает: je dirai qu'il est curieux amusant quoique trop décousu.—Plusieurs de ses discours semblent authentiques; d'autres paraissent n'être que des oui-dire, rajeunis par M. Medwin. Une remarque qui nous confirme dans cette opinion, c'est qu'il donne pour un impromptu fait par L. Byron, à la suite d'un souper, une chanson de table composée et publiée en 1807 ou 1809[2*6].

(Child Harold) *7 августа.*

Could I embody and unbosom now
That which is most within me,— could I wreak
My thoughts upon expression, and thus throw
Soul, heart, mind, passions, feelings, strong or weak
All that I would have sought, and all I seek,
Bear, know, feel, and yet breake — into *one* word,
And that one word were lightning, I would speak;
But as it is, I live and die unheard,
With a most voiceless thought, skeathing it as a sword [3*7].

[1*] Он жаждет сражений; он мечтает о пожарах;
У далекого горизонта он видит
Суда угнетателей своей родины.
Он кричит... он волнуется... и на отсутствующем море
Он, в мечтах, зажигает грозный флот. (Бред больного Канариса) (*фр.*).

[2*] В той же книжке обозрения (ревю) статьи о «Дневнике бесед лорда Байрона». Я сказал бы, что он (дневник) любопытен и занимателен, хотя слишком несвязный. Некоторые из его речей кажутся подлинными, другие производят впечатление слухов, подправленных рукою г. Медвена. Нас укрепляет в этом мнении заметка, выдающая за экспромт л[орда] Байрона, созданный после одного ужина, застольную песню, сочиненную и изданную в 1807 или 1809 году (*фр.*).

[3*] (*Чайльд Гарольд*)
О, если б все, что мощно иль ничтожно,
Что есть во мне: дух с сердцем и умом,
Страсть, чувство, все, чем я томлюсь тревожно
И все же существую,— если б можно
Их было в слове выразить одном
И молнией звалось такое слово —
Я мысль мою всю выразил бы в нем
Теперь — умру, не сняв с нее покрова.
Как меч — в его ножнах, скрывая мысль сурово.
(Перевод с англ. П. Козлова)

ОЛЬ[ГЕ] СЕРГ[ЕЕВНЕ] ПУШКИНОЙ В ДЕНЬ ОТЪЕЗДА ЕЕ ИЗ РЕВЕЛЯ

Нас случай свел, но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой,
Поэта друг, сестра и гений милой,
По сердцу ты и мне давно родня!

Так! в памяти сердечной без заката
Мечта о нем горит теперь живей;
Я полюбил в тебе сначала брата:
Брат по сестре еще мне стал милей.

Удел его: блеск славы *горделивой*,
Сияющей из лона бурных туч,
И от нее падет блестящий луч
На жребий твой смиренной, но счастливой.

Но ты ему *еще полезней* будь [1*],
Свети ему звездою безмятежной,
И в бурной мгле участьем дружбы нежной
Вливай покой в растерзанную грудь [2*] [8].

16-го авгус[*та*].

К МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЕ

Мне грустно, на тебя смотря,
Твоя не верится мне радость,
И розами [3*] твоя увенчанная младость
Как дня холодного блестящая заря.

Нет прозаического счастья
Для поэтической души:
Поэзией любви дни наши хороши,
А ты чужда ее святого сладострастья!
    Нет! нет! он не любим тобой,
    Нет, нет! любить его не можешь;
В стихии спорные одно стремленье вложишь,
Два звука розные сольешь в согласный строй
Насильственной игрой могущего искусства —
Творит *стесненная природа* чудеса,
    Но не позволят небеса,
  Чтоб предрассудков власть уравнивала чувства [9].

Варианты на полях:

1* Но для него ты благотворной будь спасительнее.

2* Томящуюся, тоскующую.

3* *Прелестьми.*

[*Июнь 1826 г.*]

Накануне Иванова дня в ночи 23-е на 24-е зажигают огни, бочки с смолою и с дегтем на высотах около Ревеля. В нынешнем году кое-где пылали они, но в старину, говорят, было гораздо более огней. Везде падают народные обычаи и поверья. Народы как-будто стыдятся держаться привычек детства, достигнув зрелости и вступив в возраст образованности. Хорошо у других; но зачем нам отставать от поэзии бабушкиных сказок, нам, все-таки еще чуждым прозы просвещения? Право, нам поребячиться еще не грешно. Мы с своею степенностию и нагою рассудительностию смешны, как дети, которые важничают в маскарадах, навьюченные париком с буклями, французским кафтаном и шпагою. Крайности смежны. Истинное, коренное просвещение возвращает умы к некоторым дедовским обычаям. Старость падает в ребячество, говорит пословица; так и с народами; но только они заимствуют из своего ребячества то, что было в нем поэтического. Это не малодушие, а какая-то благодарность. Старик с умилительным чувством, с нежным благоговением смотрит на дерево, на которое он лазил в младенчестве, на луг, на котором он резвился: в возрасте мужества, в возрасте какого-то степенного хладнокровия, он смотрел на них глазами сухими и в сердце безмолвном не отвечал на голос старины, который давали ему ее красноречивые свидетели. Старость ясная, полная, лебединая песнь жизни, совершенной во благо, имеет много соответствия с юностью изящною; поэзия одной сливается с поэзией другой, как вечерняя заря с пламенным рассветом. Возраст зрелости есть душный, сухой полдень; благотворный, ибо в нем сосредоточивается зиждительное действие солнца, но менее богатый оттенками, более единообразный, вовсе не поэтический. Литературы, сии выражения веков и народов, подтверждают мое наблюдение. Литература, обошедши казенный круг общих мыслей и занятий, кидается в источники первобытных вдохновений. Смотрите на литературу английскую, германскую. Шекспир: утро. Поп: полдень. Вальтер Скотт: вечер [10].

Ив. Ив. Дмитриев бранит меня за выражение *казенный*. Чувствую и сам, что оно не авторское. Но как же выразить *d'office, de rigueur obligé*? [1*] Трюбле говорит, что достоинство иных стихов заключается, как достоинство многих острых слов гасконских (reparties gasconnes), в особенном выговоре, так и мысль иная требует особенного выражения, чтобы тотчас подстрекнуть внимание. В слоге нужны вставочные слова, *яркие заплаты*, по выражению, кажется, Пушкина, но в каком смысле не помню. Эти *яркие заплаты* доказывают бедность употребившего их и не имевшего

[1*] Официальный, безусловно обязательный (*фр.*).

способов или умения сшить все платье из цельного куска, но они привлекают взоры проходящих, а это-то и нужно для нашей братии[11].

27-го [июня].

Я сегодня читал указ о Шервуде[12]. Правительство превозносит его подвиг и придает ⟨ему⟩ его имени в вечное и потомственное владение прозвание *верный*. Не одобряю этого. Правительство может и должно вознаграждать *такие политические добродетели* деньгами, но не похвалами, подобающими одним нравственным деяниям. По рассудку оно обязано признательностию за такую услугу; но по совести не может уважать услужника. Зачем же ханжить и выдавать перед светом черное за белое, доносчика за спасителя отечества. Если Шервуд и спас его, то он не более как *подкупленный гусь*. Таких спасителей можно подкупать за сто рублей. Легко найти человека, который из корысти выдаст вам тайну вашего противника. Дают ли гласные государственные знаки отличия лазутчикам, переметчикам в военное время? Их отличают одними червонцами. Таково и положение Шервуда. В его деле нет нисколько великодушия, ибо он предавал слабых сильным; нельзя и назвать его подвига *верностию*, ибо достойное уважения соблюдение *верности* должно быть сопряжено с пожертвованиями, с опасностию. Здесь нет ни того, ни другого. Не сужу лично Шервуда, ибо не знаю его, но каждый благоразумный подлец поступил бы как он, рассчитав, что, во всяком случае, он по крайней мере меняет неверное на верное. Не от того ли он и *верный*, что сыграл *на верное*? Успех заговорщиков был сомнителен: его успех, выдавая их правительству, был математической очевидности. Довольно и того, что выгоды правительства часто основаны на нравственных непристойностях, чтобы не сказать хуже, но, по крайней мере, пользуйтесь ими во мраке тайной полиции, а не выводите их с наглостию на белый свет и помните, что можно любить измену, но должно презирать всегда изменников. ⟨Если⟩ Шервуд вошел ли в заговор добросовестно, или как тать, чтобы наложить на них руку, равно играл он ролю, которую честный человек не хотел бы добровольно принять на себя. Как же правительству объявить всенародно добродетельным подвигом то, чем стал бы гнушаться честный человек. Пожалуй скажут, что это верх добродетели, род геройского самоотвержения, но в таком случае не переходят в гвардию. Если самоубийство терпимо и понятно, то разве в таком случае, когда долг чести и голос совести принуждает вас совершить поступок бесчестный и бессовестный. Такое двусмысленное положение должно непременно разрешить ознаменованием беспрекословного бескорыстия. Правительству не должно слишком явно ругаться простосердечием нашим; довольно и того, что его и, следовательно, наша польза не дозволяет ему отплатить презрением и опозорить гласным образом услугу Шервуда. Мы тут видим одну из политических необходимостей, от коих сердце ноет, но перед коими разум молчит. Но не

жалуйте его в герои, а то негодование и частное убеждение совести каждого заглушат голос политической необходимости и падут на вас неотразимою укорою. Двух нравственностей быть не может: частной и народной. Она все одна: могут быть две пользы, два образа суждения относительно истин частных и народных или государственных,— это дело другое! На то у вас и деньги, чтобы кормить государственную нравственность. Но берегитесь жаловать гражданственными венцами и цицеронскими отличиями предателей товарищества, шпионов, доносчиков. Они навоз общества политического: им пользуешься при случае, но все держишь на заднем дворе и затыкаешь себе нос, когда мимо проходишь. Что скажете вы, если страстно благодарный агроном, в память хорошего урожая, доставленного ему навозом, станет держать его в гостиной, а на почетном месте, в богатом хрустальном сосуде и станет заставлять гостей своих прикладываться к нему?

По вашей совести *Шервуд верный*, а по нашей того мало: должно еще придать две буквы и разрешить на этот раз ошибку правописания [13].

29-го [*июня*].

Maximes et pensées de M-r Joseph de Willèle député à l'usage de la chambre élective. Brochure in 8. Prix 2 fr. 50 c. chez Rosier, rue de Grenche-St. Honoré, N 10 [1*].

Об этой книге объявлено в Journal des Débats [«Журналь де Деба»] 18-го июня 1826. Надобно ее выписать! Это забавная насмешка. Наши не боятся подобных очных ставок с самим собою. Semper idem [2*] — их девиз; ибо ничтожество всегда одно и то же [14].

Вот что пишу сегодня к Николаю Муханову о смерти г[рафа] Григ[ория] Влад[имировича] Орлова. «В нем была европейская благонамеренность в уме и обращении. Пожалуй, говори, что не он писал свои книги: спасибо ему и за то, что русский граф и русский барин нескольких тысячей душ искал он отличия авторского и, следовательно, признавал его в душе. А большая часть наших баричей презирает ум и чванится презрением своим. Лучше же быть Чупятовым в каталоге, чем в списке государственных вельможей и кавалеров. Иной подлостию покупает звание министра или андреевского кавалера: Орлов за деньги покупал звание автора. Право честнее быть в его коже, чем в другой. Кто-то сказал que l'hypocrisie était l'hommage que le vice payait à la vertu. L'hypocrisie du comte Orloff était un hommage qu'une vanité bien entendue payait

---

[1*] Правила и мысли г-на Жозефа де Виллеля, депутата при выборной палате. Брошюра в 8°. Цена 2 франка 50 сантимов. У Розье, ул. Гранш-Сент-Оноре. № 10 (*фр.*).
[2*] Всегда тот же (*лат.*).

à l'esprit[1*]. Впрочем, перевод басней Крылова есть его творение. В этом предприятии есть ум и чувство, и патриотизм, и европейская замашка»[15].

Меттерних сказал об Виллеле qu'il parle russe et pense anglais[2*].

Некоторые члены представительной палаты Нидерландии Stassart [Стассарт], Surmont de Volsberg [Сюрмон де Фольсберг], Van Uttenhove [Ван Уттенхов], Reyphini d'Otrenge [Рейфини д'Отранже] (один из красноречивейших ораторов), Fabrihongré [Фабрихонгре], Beelaerts [Белартс], van de Karteel, van Alpken [ван де Картеэль, ван Альпкен].

L'Empereur Alexandre a été entrainé d'enthousiasme en enthousiasme et de culte en culte. De 1803 à 1807 il a eu le culte de Catherine et de son système abandonné sous Paul I; de 1807 à 1811 il a eu le culte de Napoléon, de sa gloire et de ses idées conquérantes; de 1812 à 1815 il a eu avec les Cortès d'Espagne, les étudiants d'Allemagne, les diètes de Pologne et les constitutionnels de France, le culte des principes libéraux, ainsi que l'attestent ses proclamations aux peuples; de 1815 à 1825 il a eu le culte du pouvoir et de la sainte alliance (le Courier Français, 25 Décembre 1825)[3*]. С некоторыми исправлениями и прибавлениями сие разделение было бы довольно верно. В этой же статье приписывают энтузиастическое расположение Александра родовому расположению в отрасли Голстейн-Готторпской[16].

В «Morning-Post» [«Морнинг Пост»] уверяют, что Александр умер насильственной смертию, и к этой сказке припутывают и цесаревича, и прогулку по Азовскому морю, и проч. и проч.—

В «Morning Chronicle» [«Морнинг Кроникл»] сказано: «Мы слышали, несколько времени тому, что рассудок Имп[ератора] Алекса[ндра] был поврежден, но не могли удостовериться в истине этого слуха».

9-го [*июля*].

Смешно читать глупости, коими французские ведомости, современные смерти госуд[аря], междуцарствию[17]

[1*] Что лицемерие было данью, которую порок платил добродетели. Лицемерие графа Орлова было данью, которую тщеславие, знающее себе цену, платило уму (*фр.*).

[2*] Что он говорит по-русски и думает по-английски (*фр.*).

[3*] Император Александр переходил от увлечения к увлечению и от культа к культу. С 1803 по 1807 у него был культ Екатерины и ее образа правления, отвергнутого Павлом I; с 1807 по 1811 у него был культ Наполеона, его славы, его завоевательных идей; с 1812 по 1815 у него, совместно с испанскими кортесами, немецкими студентами, польскими сеймами и французскими конституционалистами, был культ либеральных принципов, как это подтверждают его прокламации к народам; с 1815 по 1825 у него был культ власти и Священного союза («Курье франсе», 25 декабря 1825) (*фр.*).

10-го [*июля*].

Я сегодня писал А. Тургеневу о его печали: «Такое несчастие—ассигнация. Оно имеет ход дома, но за границами теряет всю свою цену и делается белою бумагою.— — — Жизнь может принести вам еще несколько вкусных плодов. Плодов волшебных ждать уже нечего. Драконы существенности поели все гесперидские яблоки нашей старины, и мы остаемся при одном яблоке, початом Евою и которого по сию пору не переварил еще желудок человеческого рода. ⟨Кто из нас не⟩. Мы все изгнанники и на родине. Кто из нас более или менее не пария? А лучше же быть парией под солнцем, чем под дождем и снегом! — — —» [18]

13-го [*июля*].

Sully говорил: «Le labour et le pâturage sont les deux mamelles de l'Etat» [1*].

В царствование Людовика XI святой François de Paule [Франсуа де Поль] вывез из Италии новый род груши, которую король из уважения к святости его назвал именем: *bon chrétien* [2*].

Генрих IV ревностно покровительствовал успехи земледелия и садоводства. Как наш Петр, он имел на все время. Мы не только покоимся под сению славы, им насажденной в России, но и под тению дерев, насажденных им. Новая, то есть настоящая Россия, есть точно творение его мысли всеобъявшей. Царствование Екатерины споспешествовало созрению. Другие царствования ничего не насадили, а разве только простригли чащу: иное очистили, но зато и многое погубили и извели самые соки. Теперь во многом нужен новый Петр, то есть новый зиждитель. После Екатерины след был еще горячий: теперь остыл.

Генрих, желая основать благоденствие земледелия, предписывал Сюлли оказывать небрежение к дворянам, приезжавшим в Париж, чтобы величаться своею роскошью. Он хотел, чтобы они жили по своим поместьям и занимались ими: «Счастлив,— говаривал он,— кто имеет 10 000 ливров годового дохода и никогда не видал короля!» [19].

Traité des arbres fruitiers par Duhamel du Monceau. Его сочинение издано снова с прибавлениями под названием: De l'agriculture en France et du nouveau traîté des arbres fruitiers par M. M. Poiteau et Turpin. Так именуется статья Journal des Débats, 20 Juin [3*] 1826 и 2-ая статья 3 июля.

[1*] Сюлли говорил: «Пашня и пастбище — это два сосца государства» (*фр.*).

[2*] Добрый христианин (*фр.*).

[3*] Трактат о фруктовых деревьях. Сочинение Дюамель дю Монсо.... О земледелии во Франции и о новом трактате о фруктовых деревьях. Сочинение гг. Пуато и Тюрпена... «Журналь де деба», 20 июня (*фр.*).

Ньютон родился в самый год кончины Галилея, достойный наместник вакантного места! Не родится ли и у нас тот, который в мире литературном заместит Галилея нашей словесности и истории? [20]

В «Journal des Débats» [«Журналь де деба»] 25 июня есть манифест государя о смертной казни в княжестве Финляндском. В переводе он очень не ясен.— Сыскать его в подлиннике.— Существо его в том, что смертная казнь, видно расточаемая уголовным уложением Финляндским, будет в случаях, не касающихся до преступлений государственных, оскорблений величества, *entaché de lèse-majesté*, пременяема в ссылку в Сибирь на каторжные работы, но редакция очень многоречиста и запутана. Во французс[ком] переводе сказано: *«Aussitôt qu'un criminel du genre masculin»* [1*]. Что это за грамматический преступник? Опечатка ли это, вместо du sexe masculin [2*] или просто глупость? Вообще у нас все официальные бумаги и акты худо переводятся, зато, правда, почти все и худо пишутся! — Ссылка в Сибирь не нарушает ли прав финляндцев ? В польской конституции именно отъемлется навсегда кара высылки, de l'exportation, и верно тут подразумевалась Сибирь. Если ссылка в Сибирь не нарушение политических прав Финляндского княжества, то к чему и манифест? И без него знают, что государь имеет право помилования и облегчения, если, впрочем, вечная каторга в Сибири похожа на облегчение? Может быть, это предисловие к последствиям Верховного суда и род повещения, что государь не почитает себя в праве миловать тех, которых преступление «serait assez grave pour tendre à troubler la tranquillité de l'Etat(et la sûreté), compromettre l'ordre public, la stabilité du trône, et être entaché de lèse-majesté» [3*] [21].

19-го [*июля*].

Не знаю, справедлива ли догадка моя, изъявленная выше, но по крайней мере 13-ое число жестоко оправдало мое предчувствие! [22] Для меня этот день ужаснее 14-го.— По совести нахожу, что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оного. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные. Правительство должно обеспечить государственную безопасность от исполнения подобных покушений, но права его не идут да-

1* Как только преступник мужского рода (*фр.*).
2* Мужского пола (*фр.*).
3* Было бы настолько серьезно, что могло бы нарушить спокойствие (и безопасность) государства, компрометировать общественный порядок, прочность трона и наносило бы оскорбление его величеству (*фр.*).

лее. Я защищаю жизнь против убийцы, уже подъявшего на меня нож, и защищаю ее, отъемля жизнь у противника, но если по одному сознанию намерений его спешу обеспечить свою жизнь от опасности еще только возможной, лишением жизни его самого, то выходит, что уже убийца настоящий не он, а я. Личная безопасность, государственная безопасность, слова многозначительные, и потому не нужно придавать им смысл еще обширнейший и безграничный, а не то безопасность одного члена или целого общества будет опасностию каждого и всех. Правительство имело право и обязанность очистить, по крайней мере на время, общество от врагов его настоящего устройства, и обширная Сибирь предлагала ему свои безопасные заточения. Других должно было выслать за границу, и Европа и Америка не устрашились бы наводнения наших революционистов. Не подобными им людьми совершаются революции не только в чуже, но и дома. Пример казней, как необходимый страх для обуздания последователей, есть старый припев, ничего не доказывающий. Когда кровавые фазы Французской революции, видевшей поочередную гибель и жертв, и притеснителей, и мучеников, и мучителей, не служат достаточными возвещениями об угрожающих последствиях, то какую пользу принесет лишняя виселица? Когда страх казни не удерживает руки преступника закоренелого, не пугает алчного и низкого корыстолюбия, то испугает ли он страсть, возвышаемую благородными побуждениями и упоенную всеми возможными чарами славы, страсть, ослепленную бедственными заблуждениями,— положим и так,— но все вдыхающую в душу необыкновенный пламень и силу, чуждые душе мрачного разбойника, посягающего на вашу жизнь изо ста рублей. Плаха грозит и ему также, как и государственному преступнику, но ему она является во всем ужасе позора, а последнему в полном блеске апофеоза мученичества. Когда страх не действителен на порок, всегда малодушный в существе своем, то подействует ли он на фанатизм, который в самом начале своем есть уже *исступление* или *выступление* из границ обыкновенного. Одни безумцы могут затеять революцию на свое иждивение и для своих барышей. Рассудок, опыт должны им сказать, что первые затейщики бывают первыми жертвами, но они безумцы,— в них нет слуха для внимания голосу рассудка и опыта! Следовательно, и казнь их будет бесплодною для других последователей, равно безумных. А для того, который замышляет революцию в твердом и добросовестном убеждении, что он делает должное, личный успех затмевается в ложном или истинном свете того, что он почитает истиною!

Кровь требует крови. Кровь, пролитая именем закона или побуждением страсти, равно вопит о мести, ибо человек не может иметь право на жизнь ближнего. Закон может лишить свободы, ибо он ее и даровать может; но жизнь изъемлется из его ведомства. Смерть таинство: никто из смертных не разгадал ее. Как же располагать тем чего мы не знаем? Может быть,

смерть есть величайшее благо, а мы в святотатственной слепоте ругаемся сею святынею! Может быть, сие таинство есть звено цепи нам неприступной и незримой, и что мы, расторгая его, потрясаем всю цепь и расстроиваем весь порядок мира, запредельного нашему. Сии предположения могут быть приняты в уважение и не одним суеверием. Конечно, они сбиваются на мечтательность, но чем доказать их неосновательность, какими положительными опровержениями их низринуть? Человек, закон не могут по произволу даровать жизнь, следовательно, не властны они даровать и смерть, которая есть ее естественное и непосредственное последствие.

20-го [*июля*].

Если смертная казнь и в возвышенном отношении есть мера противуестественная и нам не подлежащая, то увидим далее, что как наказание не согласна она с целию своею. Может ли смерть, неминуемая участь каждого, быть почитаема за верховное наказание, которое в существе своем должно быть чем-то отменным, изъятым из общего положения? Может ли мысль о смерти остановить того, который не уверен ни в одном часе бытия своего? Сколько людей хладнокровно разыгрывают жизнь свою в разных опасных испытаниях, в поединках, в предприятиях дерзновенных? Если страх насильственной смерти был бы так действителен над человеком, то из кого вербовались бы армии? В войне смерть поражает не каждого, но разве и заговорщик не предвидит удачи? Остается одно поношение смерти позорной, но сказано справедливо:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud! [1*]

Если воспаленное воображение, если совесть не говорят, что я посягаю на дело преступное, то мысль, что светлейший Лопухин почтет оное за преступление, не остановит меня [23]. Говорю здесь об одних политических преступниках, коих единственное преступление в *мнении*, доведенном до *страсти*. У других преступников и другие страсти: но во всяком случае мысль о смерти никого испугать не может. Человек, рассуждающий хладнокровно, скажет: «Я могу только ускорить час свой, но все пробить ему должно! Сколько раз висела у меня жизнь на волоске от неосторожности моей, от прихоти. Кто уверит меня, что завтра не постигнет меня смертельная болезнь, которая повлечет меня к гробу томительною и страдальческою кончиною, или что сегодня не обрушится на меня смерть нечаянная?» — Человеку в жару страсти, или страстей своих порочных или возвышенных, все равно, не нужно ободрять себя и рассуждениями: он в слепом отчаянии ничего не видит, кроме цели своей, и бешено рвется к ней сквозь все преграды и мимо всех опасностей. Страх смерти может господствовать в душе ясной, покойной, любующейся настоящим, но не

1* Преступление постыдно, а не эшафот! (*фр.*).

такова душа заговорщика. Она волнуема и рвется из берегов. Мысль о смерти теряется в буре замыслов, надежд, страстей, ее терзающих. Карамзин говорил гораздо прежде происшествий 14-го и не применяя слов своих к России: «*честному человеку не должно подвергать себя виселице!*» Это аксиома прекрасной, ясной души, исполненной веры к Провидению: но как согласите вы с нею самоотречение мучеников веры или политических мнений? В какой разряд поставите вы тогда Вильгельма Теля, Шарлоту Корде и других им подобных? Дело в том, чтобы определить теперь меру того, что *можно* и чего не должно *терпеть*. Но можно ли составить из того положительные правила? Хладнокровный вытерпит более, пламенный энтузиаст гораздо менее. Как ни говорите, как ни вертите, а политические преступления *дело мнения*.

22-го [*июля*].

Сам Карамзин сказал же в 1797 годе:

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно [24].

Какой смысл этого стиха? На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению народному. Был ли же Карамзин преступен, обнародывая свою мысль, и не совершенно ли она противоречит апофегме, приведенной выше? Вот что делает разность мнений! Несчастный Пущин в словах письма своего (Донесение следственной комиссии, 47 стр.): «*Нас по справедливости назвали бы подлецами, если б мы пропустили нынешний единственный случай*» [25] дает знать прямодушно, что, по его мнению, мера долготерпения в России преисполнена и что без подлости нельзя не воспользоваться пробившим часом. Человек ранен в руку; лекаря сходятся. Иным кажется, что антонов огонь уже тут и что отсечение члена единственный способ спасения; другие полагают, что еще можно помирволить с увечием и залечить рану без операции. Одни последствия покажут, которая сторона была права; но различность мнений может существовать в ⟨людях⟩ лекарях равно сведущих, но более или менее сметливых и более или менее надежных на вспомогательство времени и природы. Разумеется, есть мера и здесь: лекарь, который из оцарапки на пальце поспешит отсечь руку по плечу, опасный невежда и преступный палач: революционеры Англии и Франции (если они существуют), которые, раздраженные частными злоупотреблениями, затеивают пожары у себя, также нелепо односторонни в уме или преступно себялюбивы в душе, как и эгоист, который зажигает дом ближнего, чтобы спечь яйцо себе [26].

Теперь вопрос: достигла ли Россия до степени уже несносного долготерпения и крики мятежа были ли частными выражениями безумцев или преступников, совершенно по образу мыслей своих отделившихся от общего мнения, или отголоском renforcé[1*] общего ропота, стенаний и жалоб? Этот вопрос по совести и по убеждению разума могла разрешить бы одна Россия, а не правительство и казенный причет его, которые в таком деле должны быть слишком пристрастны. Правительство и наемная сволочь его по существу своему должны походить на Сганареля, который думал, что семейство его сыто, когда он отобедает[27]. Поставьте судиями врагов настоящего положения, не тех, которые держатся и кормятся злоупотреблениями его, которых все существование есть, так сказать, уродливый нарост, образованный и упитанный гнилью, от коей именно и хотели очистить тело государства (законными или беззаконными мерами — с сей точки зрения — все равно, по крайней мере условно, conditionnellement); нет, призовите присяжных из всех состояний общества, из всех концов государства и спросите у них: не преступны ли те, которые посягали на перемену вашего положения? Не враги ли они ваши? Спросите у них по совести: не ваши ли общие стенания, не ваш ли повсеместный ропот вооружил руки мстителей, хотя и не уполномоченных вами на деле, но действовавших тайно в вашем смысле, тайно от вас самих, но по вашему невыраженному внушению? Ответ их один мог бы приговорить или спасти призванных к суду. Но решение ваше посмеятельное. Правительство спрашивает у своих сообщников: не преступны ли те, которые меня хотели ограничить, а вас обратить в ничтожество, на которое вас определила природа и из коего вывела моя слепая прихоть и моя польза, худо мной самим постигнутая? Ибо вот вся сущность суда: вольно же вам после говорить: «*таким образом, дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено*» (М[анифест] 13-го июля). В этих словах замечательное двоесмыслие. И конечно, дело это было делом всей России, ибо вся Россия страданиями, ропотом участвовала делом или помышлением, волею или неволею в заговоре, который был ничто иное, как вспышка общего неудовольствия. Там огонь тлел безмолвно, за недостатком горючих веществ, здесь искры упали на порох и они разразились. Но огонь был все тот же! Но вы не то хотели сказать, и ваша фраза есть ошибка и против логики языка и против логики совести. Дело, задевающее за живое Россию, должно быть и поручено рассмотрению и суду России: но в Совете и Сенате нет России, нет ее и в Ланжероне и Комаровском! А если и есть она, то эта Россия самозванец и трудно убедить в истине, что сохранение этой России стоит крови несколько русских и бедствий многих. Ниспровержение этой мнимой России и было целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразо-

[1*] Усиленным (*фр.*).

вание ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан; но правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностию своих желаний, зреющих в ожидании, прибегают в отчаянии к посредству *молитв вооруженных*.

Вот стихи Батюшкова, подражание Байрону, писанные им в чужих краях, и едва ли не последние:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа мать,
Ты сердцу моему дороже;
С тобой, владычица, я властен забывать
И то что был, когда я был моложе,
И то что ныне стал под холодом годов.
С тобой я в чувствах оживаю;
Их выразить язык не знает стройных слов
И как молчать о них не знаю!

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран;
Но море, чем себе присвоит?
Трудися; созидай громады кораблей...

Не сказано ли у него

И то что был, как был моложе,

а то стих не равен с прочими.

Кажется, также легко было бы исправить и рифму в прекрасной строфе прекрасного перевода из Касти:

Сердце наше кладезь *мрачный*,
Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись ко дну, *ужасный*
Крокодил на нем лежит.

Вставить бы *темный и огромный*. Неисправная рифма, как разноцветная заплатка, рябит в глазах. Рифма и так уже вставка; так, по крайней мере, подберите оттенку к оттенке[28].

Мы видим счастья тень в мечтах земного света;
Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.

Карамзин [29].

Умел же и осмелился же Верховный уголовный суд предписывать закон государю, говоря в докладе: «И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов; но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общей безопасностию государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны». Тут, где закон говорит, что значат ваши умствования и ваши предположения? Когда дело идет о пролитии крови, то тогда умеете вы дать вес голосу своему и придать ему государственную значительность! О подлые тигры! и вас-то называют всею Россиею и в ваших кровожадных когтях хранится урна ее жребия! — А в докладе следственной комиссии не хотели и побоялись оставить вопль жалости, коим редактор хотел окончить его, чтобы обратить сострадание государя на многие жертвы, обреченные всей лютости закона буквального, но которые должны быть бы изъяты из списка ему представленного, по многим и многим уважениям.—

Как нелеп и жесток доклад суда! Какое утонченное раздробление в многосложности разрядов и какое однообразие в наказаниях! Разрядов преступлений одиннадцать, а казней по настоящему три: смертная, каторжная работа и ссылка на поселение. Все прочие подразделения мнимые или так сливаются оттенками, что не разглядишь их! А какая постепенность в существе преступлений! Потом, какое самовластное распределение преступников по разрядам. Капитан Пущин в *десятом разряде осужден к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги*, а преступление его в том: что «знал о приготовлении к мятежу, но не донес»! А в одиннадцатом разделе осуждаемых к *лишению токмо чинов, с написанием в солдаты с выслугою*, есть *принадлежавший к тайному обществу и лично действовавший в мятеже* [30].

Тургенев, осужденный к смертной казни отсечением головы в первом разряде, Тургенев, не изобличенный в умысле на цареубийство,— и в шестом разряде осуждаемых к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение *участвовавший в умысле цареубийства*.

Еще вопрос: что значит *участвовать в умысле* цареубийства, когда переменою в образе мыслей я уже отстал от *мысленного участия*? И может ли *мысль* быть почитаема за *дело*? Можно ли наказывать, как вора, человека, который лет десять тому помышлял, что не худо было бы ему украсть у соседа сто рублей, и потом во все продолжение этих десяти лет бывал ежедневно в доме соседа, имел тысячу случаев совершить покражу и не вынес из дома ни полушки [31].

Помышление о перемене в нашем политическом быту роковою волною прибивало к бедственной необходимости цареубийства и с такою же силою отбивало, а доказательство тому: цареубийство не было совершено. Все оставалось на словах и на бумаге, потому что в заговоре не было ни одного цареубийцы. Я не вижу их и на Сенатской площади 14 декабря, точно так же, как не вижу героя в каждом воине на поле сражения. Может быть, он еще струсит и убежит от огня. Вы не даете Георгиевских крестов за одно намерение и в надежде будущих подвигов: зачем же казните преждевременно и *убийственную болтовню* (bavardage atroce, как назвал я, прочитавши все сказанное о них в докладе комиссии) ставите вы на одних весах с убийством уже совершенным.— Что за Верховный суд, который как Немезида, хотя и поздно, но вырывает из глубины души тайные и давно отложенные помышления и карает их как преступление налицо! Неужели не должно здесь существовать право давности? Например, несчастный Шаховской! Что могло быть общего с тем, что он был некогда, и тем, что был после. И один ли Шаховской? Зачем так злодейски осуществлять слова? Мало ли что каждый сказал на своем веку? Неужели несколько лет жизни покойной, семейной, не значительнее нескольких слов, сказанных в чаду молодости, на ветер.

30 июля.

Вышло осьмое издание *Истории Наполеона*, писанной Сегюром.

Mémoires du comte de Falkenskiold [Мемуары графа Фалкенскиолда], датчанина, замешанного в деле королевы датской Каролины-Матильды, которая в 1772 годе была разведена, отрешена от престола и изгнана, и Брандта, королевского любимца, казненного вместе с графом Струэнзе, как соучастника в неверности, которою обвинили королеву. Фалкенскиолд в течение 50-тилетнего заточения, или ссылки, хранил молчание, возложенное на него приговором, но собрал все факты тяжбы и поручил издать их Г-ну Secrétau Chef de la Justice du Canton de Vaud[1*]. В сих записках оправдание королевы, Струэнзе и самого автора и обвинение судей, многие сведения о Дании и сношении ее с другими державами и в особенности касательно России: он сам участвовал в ее войнах, в походах на Прут и Дунай и проч. и проч. (Из «Journal des Debats» [Журналь де деба»] 14 июня 1826).

Les deux apprentis. Roman de M. Merville. 4 vol.—[2*]

Histoire générale physique et civile de l'Europe depuis les dernières années du 5-ième siècle jusque vers le milieu du 18-ième, par M. le comte de Lacepède[3*]. Сие творение заключается в 18-ти томах в 8-ю долю листа по 7-ми франков том.—

[1*] Г-ну Секрето, начальнику юстиции в кантоне Во (*фр.*).

[2*] «Два подмастерья». Роман г-на Мервиля. 4 т. — (*фр.*).

[3*] «Всеобщая физическая и гражданская история Европы начиная с последних лет 5-го века до середины 18-го». Соч. г-на графа де Ласепеда (*фр.*).

«Le Catholique» [«Католик»], род журнала книжками, содержания, кажется, весьма разнообразного.

Анакреон, собрание рисунков Жироде с прибавлением од им же переведенных в прозе: в манускрипте нашел и стихотворные опыты перевода. Говорит, что он прежде готовил рисунки для издания Анакреона, переведенного St. Victor [Сен-Виктором]

«Histoire d'Alexandre I-er Empereur, par Alphonse Rabbé», автора du Résumé de l'Histoire de Russie[1*] и состязателя Толстого.— 2 тома 8°.

«M-me la Comtesse de Genlis en miniature, ou abrégé critique des ses mémoires», par M. A. de Sevelinge, 1 vol. in 8[2*]. Его же новый перевод Вертера.

Скончался в Париже Millié [Милье], уваженный переводчик Лузиад[32].

Wichterpall [Вихтерпаль]. Я поехал туда 27 и возвратился в Ревель 28-го. Дорога каменная, там, где кончается городская земля, или правильнее городской песок. В Вихтерпале есть шведские селения: шведы, говорят, живут чище туземцев и лучше строят свои избы,— окна более. Шведки отличаются от чухны уборкою волос, которые прибраны и заплетены на маковке полосатыми лентами. В Вихтерпале каждый крестьянин работает два дни в неделю. Кноринг очень доволен новым распоряжением, освободившим крестьян. Деревню свою ценит он в сто тыс. руб. серебром, а дает она ему дохода тыс. 20[33]. В Padis Kloster [Падис Клостер] крестьяне также в хорошем состоянии.— Нравы вообще непорочные. Девочку проступившуюся наряжают в женский головной убор: строгость в таких случаях опасна, но между тем детоубийство редко, потому что и самая вина очень редка.

Я прочел здесь L'Italien [Итальянца], роман Радклифф — Les années d'apprentissage de Wilhelm Meister [Годы учения Вильгельма Мейстера] — La fiancée de Lamermoor [Ламермурскую невесту][34].

4-го августа.

То, что я принял вчера и описал в письме к жене за облако особенного вида и свойства, была настоящая тромба (по словам морских офицеров), тифон. Она поднялась на море близ гавани, сорвала *лайбу* (чухонское судно с дровами), крепко укрепленную, и повалила ее, вскинула и раскидала купальные будки у Вита, мужские, а женские вблизи остались невредимы, сорвала дорогою шляпу с едущего кучера и закинула ее в Катеринентальский сад и там, переломав и вырвав с корней несколько старых деревьев, укротилась. Сказывают также, что мимоходом досталось и коро-

[1*] «История императора Александра I-го, сочинение Альфонса Раббе», автора Краткого изложения истории России (*фр.*).

[2*] «Г-жа графиня де Жанлис в миниатюре или критическое сокращение ее мемуаров». Соч. г-на А. де Севеленжа. 1 т. в 8° (*фр.*).

ве, которую подняло с земли и далеко швырнуло. На море тромбы разбиваются ядрами, единственным спасением, а не то не может судно устоять против нее. Мне сказывали моряки, что однажды у них пустили с корабля до 40 ядер и совершенно разбили. — Счастливо, что вчера никто не купался в этот час, около двух часов — [35].

6-го [*августа*].

Я писал сегодня Жуковскому: «Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления: не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. Странное сличение, но для меня истинное и неизысканное! При каждой из трех смертей у меня как будто что-то отпало от нравственного бытия моего и как-то пустее стало в жизни. Разумеется, говорю здесь, как человек, член общего семейства человеческого, не применяя к последней потере частных чувств своих. Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей» —[36].

8-го [*августа*].

Вчера ездили мы с Карамзиными в Tischer [Тишер], по-эстляндски Tisker, любимое место мое в окрестностях Ревельских [37]. За Тишером мыза какого-то Будберга. Сей (прости мне, боже, прегрешение) полусумасшедший и полупьяный барин принял нас очень ласково и даже трогательно: узнав, что с нами были дети Карамзина, заплакал он и с чувством подходил к ним, говоря, что никогда не забудет удовольствия, принесенного ему чтением его сочинений.—Он пленился моею зрительной трубкою и просил меня, чтобы я по смерти своей завещал ему ее, хотя между прочим он и теперь лет шестидесяти. Вот и предсказание мне на раннюю смерть! Вино и безумие внушают дар истины и пророчества! Как бы то ни было прошу наследников моих исполнить данное мною обещание и по смерти моей отослать зрительную трубку, оправленную в перломут, к Будбергу, живущему за Тишером.— Тишерская скала в руках богатого человека была бы местом замечательным, т. е. со стороны искусства, потому что теперь, обязанная одним рукам природы, она уже местоположение прекрасное. Начать бы с того, что устроить хорошую дорогу от города: пробить несколько дорожек по скале с верха до низа, построить несколько красивых домиков, чтобы населить жизнию пустыню.—

Громады камней по скале образуют разные виды: здесь высовываются они карнизами, тут впадинами в роде niche [ниши], здесь поросли частым лесом — живописною рябиною, орешником.— Русский Вальтер Скотт мог бы избрать окрестности Ревеля сценою своих рассказов.

Материалы для описания пребывания в Ревеле короткими словами[38].

12 [*августа*].

Вчера ездили мы на *Бумажное озеро*. Влево от него род башни, в которой по преданию были заложены монах и монахиня, убежавшие из монастырей своих и пойманные на том месте. Основанием башни, или столба, огромный дикий камень. Посередине в башне в рост человеческий два камня дикие с изображением на каждом грубо вырезанного креста.— Не доходя до этого места, близ озера нашли мы нечаянно эхо удивительной звучности и верности: я закричал к коляске отставшей доехать до нас. Слова мои с такою ясностию и твердостию были повторены, что Катенька, которая была в нескольких шагах от меня, думала, что она не расслышала ответа кучера. На стих:

Je ne m'attendais pas, jeune et belle Zaïre[1*][39],

эхо без малейшего изменения отвечало последнее полустишие. Барышни перекликались с ним тонкими голосами и эхо точно передразнивало их. Все выражения, все ударения, переливы голоса передаются им в неимоверной точности. Вот романтические материалы: озеро, закладенная любовь монаха и монахини и эхо самое предательское[40].

В полсутки с небольшим проглотил я четыре тома: «Le siège de Vienne» de Madame Pichler, traduit par M-dame de Montolieu[2*]. Не стоит Вальтер Скотта, хотя и есть желание подражать ему. Характеры Зрини, Людмилы, сестры ее Катерины, Сандора Шкатинского хорошо обрисованы; в особенности же два первые. История искусно, без натяжки, сливается с романом: описание осады Вены живо. Сцены цыганская, прений в кабинете Леопольда, борений Зрини с самим собою, плавание Людмилы, свидание ее с мужем заточенным и безумным — живописно начертаны. Вообще есть какой-то холод, чувство задето, а не проникнуто. Не бьет эта лихорадка любопытства, тоски, жадности, увлекательности, которая обдает читателя Вальтер Скотта, единственного умеющего сливать в своих романах историю поэтическую и поэзию историческую эпопеи, деятельность драмы то трагической, то комической, наблюдательность нравоучителя, орлиный взгляд в сердце человеческое со всеми очарованиями романического вымысла. Может быть, Вальтер Скотт — превосходнейший писатель всех народов и всех веков. Карамзин говаривал, что если заживет когда-

---

[1*] Я не ожидал, юная и прекрасная Заира (*фр.*).
[2*] «Осада Вены» г-жи Пихлер, перевод г-жи де Монтолье (*фр.*).

Дом Вяземского в Москве в Чернышевском переулке (ныне ул. Станкевича, 9).

нибудь домом, то поставит в саде своем благодарный памятник Вальтеру Скотту за удовольствие, вкушенное им в чтении его романов [41].

Москва, 3-го ноября.

La représentation de son mariage de Figaro est une époque remarquable dans le prologue de notre révolution.

(Ségur, Mémoires [1*], 2 том)

[1*] Представление его «Женитьбы Фигаро» является замечательной эпохой в прологе нашей революции (Сегюр. Мемуары) (*фр.*).

Повод к изобретению Монгольфиера: Montgolfier, dans sa manufacture de papeterie, faisait un jour, en 1783, bouillir de l'eau dans une cafetière que couvrait un papier ployé en forme de sphère: ce papier se gonfle et s'élève. (Ségur).

A cette époque le Français avait l'air de jouir avec ivresse du bonheur auquel l'Anglais rêvait avec mélancolie. (Ségur) 1*.

Le comte Aranda [Граф Аранда] имел привычку почти при каждой фразе говорить: «Entendez-vous? Comprenez-vous?» 2*

На странице 98 2-го тома Mémoires de Ségur [Мемуаров Сегюра] замысловатое руководство к политическому познанию Европы.

La P-ce Potemkin nommait plaisamment les juifs: la navigation de la Pologne 3*.

Выписка из письма. Дрезден 20-го августа (с. ст.). 1827.

Пробежал сегодня акафист Ив[анчина] Писарева нашему историографу. И за намерение отдать справедливость спасибо. Но долго ли нам умничать и в словах и полумыслями. Жаль, что не могу сообщить несколько строк сравнения Кар[амзина] с историей В. Скотта и изъяснение преимуществ первого пред последним. Они перевесили бы многословие оратора. Но спасибо издателю за золотые строки Карамзина о дружбе, а Ив[ану] Ив[ановичу] за выдачу письма его. Я как будто слышу его, вижу его говорящего. «Чтобы чувствовать всю сладость жизни и *проч.*» Одно чувство и нами исключительно владеет: нетерпение смерти. Кажется, только у могилы Сережиной может умериться это нетерпение, этот беспрестанный порыв к нему. Ожидать и ожидать одному, в разлуке с другим, тяжело и почти нестерпимо. Ищу рассеяния, на минуту нахожу его, но тщета всего беспрерывно от всего отводит, ко всему делает равнодушным, Одно желание смерти, т. е. свидания, все поглощает. Вижу то же и в письмах другого, но еще сильнее, безотраднее. Приглашение Кат[ерины] Анд[реевны] возвратиться огорчило, почти оскорбило меня. Или вы меня не знаете, или вы ничего не знаете.

И отдаленный вас о том же просит (сохранить портрет Сер[гея] Ив[ановича]). Теперь у него только часы его. Он смотрит на них и ждет. Недавно он писал, что больно будет расстаться с ними, умирая. Вот слова его мне из письма его в Париж сообщенные (к графине Разумовской): «C'est ma douleur, c'est mon découragement qui vous ont fait prendre la résoluti-

---

1* Однажды, в 1783 году, Монгольфье на своей бумажной фабрике стал кипятить воду в кофейнике, покрытом бумагой, сложенной в форме шара; эта бумага стала надуваться и поднялась кверху (С е г ю р).

В ту эпоху француз имел вид человека, с опьянением наслаждающегося счастьем о котором англичанин мечтал с меланхолией (С е г ю р). (*фр.*).

2* Вы слышите? Вы понимаете? (*фр.*).

3* Княгиня Потемкина шутя называла евреев: навигация Польши (*фр.*).

on de venir. Eh bien! avez-vous vu quelquefois dans les petites maisons de ces gens qui, ayant l'esprit dérangé, sont accablés de mélancolie, restent toujours seuls, ne veulent voir personne, ne veulent parler à personne. Les médecins pour les guérir, font-ils venir leurs parents, leur amis? Non, on les laisse comme ils sont, seuls avec leurs maladies»[1*]. Это не удержало, а решило ее ехать к нему[42].

(*Vers de Serge Mouravieff*)
Je passerai sur cette terre
Toujours triste et solitaire
Sans que personne m'ait connu,
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
L'on saura ce qu'on a perdu[2*] [43].

Назначение в[еликого] к[нязя] председателем След[ственной] ком[иссии] было бы большою политической несообразностью, если существовало бы у нас политическое соображение, политическое приличие[44]. Дело это не могло подлежать ведомству его суда, ибо он был по званию своему, по родству пристрастное лицо. Движение 14-го декабря было устремлено столько же против него, сколько и против брата. В[еликий] к[нязь] все же человек: мог ли он отречься от всякой личности в деле столь для него личном и надписанном прямо на лицо его и на их лица? Императору] можно было в этом случае применить стих Василия Львовича о Сергее Львовиче:

Душами сходствуем: он — точно я другой[45].

Одно могло бы оправдать это назначение: намерение утушить это дело и кончить всепрощением, за исключением некоторых лиц. Тогда бы ответственность милосердия падала на брата, как на сокровенного исполнителя царских мыслей. Какая нужда в[еликому] к[нязю] добровольно идти в заготовщики палача, когда и без него найдется их довольно.

[1*] Мое горе, мое отчаяние заставили вас принять решение приехать. Ну что же! Видели ли вы когда-нибудь в доме для умалишенных людей с расстроенным умом, погруженных в меланхолию, находящихся всегда в одиночестве, никого не желающих видеть и с кем-либо разговаривать. Разве врачи вызывают для их лечения их родственников и друзей? Нет, их оставляют в том же положении, наедине с их болезнями (*фр.*).

[2*] (Стихи Сергея Муравьева)
Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем;
Лишь перед концом моим,
Внезапно озаренным,
Познает мир,
Кого лишился он (*фр.*).

Политический рассудок предписывал оставаться в стороне, умывая руки свои чистые от участия. Деятельное участие его в последнем деле Раевского еще более неловко: говорю уже в смысле политическом, ибо смыслу нравственному или просто человеческому [1*]. Как не найдется приближенного человека, который решился бы сказать истину этим молокососным кровопийцам? (смотри указ о двух братьях Раевских, Таушеве) [46].

Si la pervenche solitaire
Se rencontrait sur son chemin,
Il disait: ô fleur de mon père!
Et la prenait contre son sein.

(Millevoye) [2*].

Остафьево, 12-го июля 1831.

«A celà il y a injustice, je dis mieux, il y a ingratitude: j'ai voulu en vain dévorer le mot, il m'oppressait; en le lançant dans la discussion, j'ai soulagé ma conscience d'un poids énorme (plaidoierie de M-r Janvier (Eugène) en faveur de Lamennais, procès de l'Avenir).— Autant que qui que ce soit, j'aime l'égalité. Cependant il est des salutaires privilèges qu'on tolère, et bien plus, qu'on honore, dès qu'ils retournent à d'avantage et à la gloire de la société. Ceux du génie me semblent de cette nature; le génie, c'est le soleil qui n'éclaire qu'à la condition de brûler quelquefois (idem).

Qui n'a tourné les yeux dans ces moments, où la patrie fatigue, vers la république de Washington? Qui ne s'est uni dans la pensée à l'ombre des forêts et des bois de l'Amérique? Mais je ne voulais pas quitter la France sans approcher sa personne (Lamennais) de plus près, sans lui demander sa bénédiction pour un jeune homme navré par instinct et des mêmes douleurs, qui consumaient son génie invincible (l'abbé Lacordaire, procès de l'Avenir). Nos oppresseurs! Ce mot vous a fait peine. Vous m'en demandez compte; vous avez regardé mes mains pour voir si elles étaient meurtries par l'empreinte des fers. Mes mains sont libres, M-r l'avocat-général; mais aussi mes mains ce n'est pas moi. Moi, ce qui est moi, c'est ma pensée, c'est ma parole, et pour que vous le sachiez, je le trouve opprimé dans ma patrie, ce mot divin, ce moi de l'homme. Cette pensée, cette parole, moi enfin! (idem). Il n'y a que deux choses qui donnent du génie, Dieu et un cachot (idem)» [47].

[1*] *Оставлено свободное место для одного-двух слов и поставлена точка.*

[2*] Если на своем пути
Он встречал одинокий подснежник,
Он говорил: О, цветок моего отца!
И прижимал его к груди.
(Мильвуа) (*фр.*).

[*Перевод*]

«В этом есть несправедливость, скажу больше, неблагодарность: тщетно хотел я пропустить это слово, оно давило меня; оглашая его в выступлении, я облегчил свою совесть от огромной тяжести (защитительная речь г-на Жанвье (Эжена) в пользу Ламенэ, процесс [журнала] «Авенир»).— Столь же, сколь кто бы то ни было, я люблю равенство. Между тем существуют спасительные привилегии, которые терпят и более того почитают, как только они поворачиваются на пользу и к славе общества. Привилегия гения кажется мне той же природы; гений это солнце, которое освещает лишь при условии, что оно иногда обжигает (там же).

Кто не обращал взоров в те времена, когда родина становится в тягость, к республике Вашингтона? Кто не укрывался в мыслях своих в тень лесов и дубрав Америки? Но я не хотел покидать Франции, не приблизившись к нему (Ламенэ), не испросив у него благословения для молодого человека, надорванного теми же печалями, которые изнуряют и его непоколебимый дух (аббат Лакордер, процесс [журнала] «Авенир»). Наши притеснители! Это слово вас огорчило. Вы призываете меня к ответу за него; вы посмотрели на мои руки, чтобы увидеть, помертвели ли они от железных оков. Мои руки свободны, г-н генеральный адвокат; но руки мои — это не я. Я, то что является мною, это — моя мысль, это — мое слово, и, да будет вам известно, я нахожу угнетенным на моей родине это божественное «я» человека. Эта мысль, эта речь, я наконец! (там же). Есть лишь две вещи, которые поднимают дух — бог и тюрьма (там же)» (*фр.*).

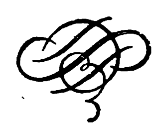
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РОМАНА [48]

Видя его, нельзя было не чувствовать, что пронзительные взоры его читают в глубине сердца; но он похож был на древних жрецов, которые читали во внутренности жертвы, растерзав ее прежде.

Я жил в обществе, терся ⟨межд⟩ около людей; но, общество и я, мы два вещества разнородные: соединенные случайностью, мы не смешиваемся, и потому ни я никогда не мог действовать на общество, ни оно на меня. Меня люди не знают и я знаю их по какому-то инстинкту внутреннему: сердце мое при встрече с некоторыми сжимается, наподобие антипатического чувства иных зверей при встрече с зверями враждебными. Лошадь вернее всякого натуралиста угадает в отдалении волка.

Часы повешены на стене, стрелка наведена на такой-то час: указание свидания.

В первые дни весны небеса и земля улыбаются: любуешься зеленью цветами, лазурью, блеском воды, но вдали на горах и в лощинах белеется еще суровый снег, и когда ветерок с той стороны подует, то навевает на вас холод. Так и в нем: за очерком веселости его летит холод; улыбаясь с ним, невольно чувствуешь, проникая далее, что улыбка его не из глубины сердца, что на ней лед, и радость им возбужденная, внезапно им же и остывала.

КНИЖКА ШЕСТАЯ[1]
(1828—1829)

[ПЕРЕЧЕНЬ СТИХОТВОРЕНИЙ П. А. ВЯЗЕМСКОГО][2]

Послание к Жуковскому
К Батюшкову
К Межакову
К Остолопову
К Милонову
К Самариной
Отход Вздыхалова
К Жуковскому («Напрасно, брат»)
К Княжнину
К Батюшкову (Ответ на послание из Пен. [?])
К Жуковскому («Итак, мой друг, увидимся мы вновь»)
К Жуковскому («Давно ли ты среди грозы военной»)

К моим друзьям
Буря
К Элизе в день ее рождения
Моленье Элизы
Молодой Эпикур
Песня («Поверь, жестокая» и проч.)
К Софье («В небе страшнее»)
Песни: «Я жду тебя»
«O toi que j'adore», перевод

Безделка
Признание
К Эльмине
К Нисе

Песни:

Вечор, предавшися покою
В час утра золотого
Плач араба
Хотите ль быть любви в плену
Вакхическая песня
К Перовскому

В альбомы:

Ответ на вызов написать стихи
При возвращении альбома долго задержанного
К Колычевой
К Остолоповой
С французского: «Dans le miroir de sa mère»
Оправдание Вольтера
К Эльвире
Софии Юрьевне Нелединской
Из граций младшею или самою Венерой
Прощание («День, два и властным роком»)
К Межакову («Счастлив, кто в молодые лета»)
Софии Пушкиной на Новый год

История человека
К портрету Меньшикова
К Вальберховой
Объяснение
К портрету Бибриса
Быль в преисподней
О Княжнине

Эпиграммы:

Тирсис в стихах
Ага, плутовка мышь
Картузов другом просвещенья
Как Андромахи перевод
Я век тебя хвалю
Невзоров!

Тоска по милой
Жалобы любовника
Оно кажется безделицей, но право ничего не значит, или Торжество благодарности [3].

Мои мысли лежат перемешанные, как старое наследство, которое нужно было бы привести к порядок. Но я до них уже не дотронусь; возвращу свою жизнь небесному отцу; скажу ему: «Прости мне, о боже, если я не умел воспользоваться ею, дай мне мир, который не мог я найти на земле. Отец! Ты, единая благость! Ты прольешь на меня одну каплю сей чистой и божественной радости».

Un ancien Grec avait une lyre admirable; il y rompit une corde; au lieu d'en remettre une de boyau il en voulut une d'argent; et la lyre avec sa corde d'argent perdit son harmonie[1*].

— Андреевский кавалер в ученом обществе — серебряная струна [4].

Положение Польши. Наличность благ есть: применение этих благ ответствует ли наличности? Одно коренное зло: излишнее число войск. Что такое Польское войско? Польше, отдельно взятой, войска не надобно. Войско, ограда независимости: Польская независимость опирается на Россию. Избыток Польского войска утопает в громаде русского. От несоразмерности армии и средств государства проистекает расстройство финансов, единственная наружная рана Польши. Тело однако же поражено недугом: искать язву внутри. Где она кроется? [5]

Мещерское, 28 фев. 1829 [6].

Занятия

Письма *Тургеневу*, *Бестужеву в Нижний*. Бартеневу, Костр[ома], Баратынскому, Плетневу о собрании моих сочинений — *Неелову об* [неразбор. 1 слово] (Бобринской о русских книгах).

Литературные.

О переводе сонетов. Перевод Адольфа. Прочитать Китайский роман, рукопись. *Путешествие Толстого, рукопись.* Перебрать бумаги Чернышева. О театре Княжнина.— Кончить Sta viator [Остановись, путник], Облака, Ярмарку, Встречу колясок.

Чтение.

Историю Карамзина.—Тит Ливий и Мюллера. Сумарокова для извлечения двух томов.— «*Revue Encyclopédique*» [«Ревю Энсиклопедик»], 1828. «*La Contemporaine*» [«Современница»], «*Les chroniques de Canongete*» [«Канонгетские хроники»], «*Le Corsaire Rouge*» [«Красный корсар»], «*Les Fiancés*» [«Обрученные»], «*Mémoires de Brienne*» [«Мемуары де Бриенна»].

[1*] Один древний грек имел превосходную лиру; он порвал на ней одну струну; вместо того, чтобы восстановить ее струной, сделанной из кишки, он захотел иметь серебряную; и лира со струной из серебра потеряла свою гармоничность.

3 марта.

Отправлено: к Жихареву записку к Жаксону и письмо к Тургеневу с стих. *Смерть* Бар[атынского] и моим *За что служу я*[7].

Гумбольдту[1*].

Monsieur,

Persévérant dans mon indiscrétion, je prends la liberté de revenier à la charge en vous priant de vouloir bien honorer mon livre des souvenirs d'un mot de votre main. Mon livre est encore tout blanc et les souvenirs ne sont pour le moment que des espérances: si vous daignez la réaliser le début à gage précieux de votre indulgence me sera le garant d'un bel avenir. Le livre est aujourd'hui l'image des *Steppes*, qui *ainsi que l'Océan remplissent l'esprit du sentiment de l'infini*, *c'est le désert qui dans le votre étendue ne presente que le silence et la mort*, comme l'a dit avec éloquence le grand peintre des steppes: Sous vos auspices les steppes prendront *l'aspect de l'océan embelli par le perpétuel roulement des vagues.*

La pensée de l'homme est aussi une vague majestueuse, ne vous refusez pas, monsieur le baron, à opérer le phénomène que je réclame de votre bonté. Donnez l'impulsion de la vie à cette morne solitude et veuillez y déposer votre souvenir: celui que votre présence parmi nous a fait naître se rattache à jamais aux plus nobles et aux plus intimes trésors de ma mémoire, à la quelle viendra se joindre la reconnaissance qui est *la mémoire du coeur*[8].

[*Перевод*]

Милостивый государь,

Упорствуя в моей нескромности, я вновь осмелился просить Вас удостоить мою памятную книгу несколькими словами, написанными вашей рукой. Моя книга еще совершенно чиста, и записи «на память» пока еще только ожидаются: если вы соблаговолите, как драгоценный залог вашей снисходительности, положить им начало, это обеспечит ей прекрасное будущее. В настоящее время книга является образом «степей, которые также, как океан, наполняют душу чувством бесконечного, это пустыня, которая, в вашем исследовании, выражает лишь молчание и смерть»; как это красноречиво говорит великий художник степей: согласно вашим предсказаниям, степи уподобятся «океану, украшаемому непрерывно катящимися волнами».

Человеческая мысль — эта также величественная волна; не откажите господин барон совершить феномен, который я прошу у Вас, зная о вашей доброте. Дайте жизненный толчок этой угрюмой пустыне и соблаговолите поставить на ней свой памятный знак; знак же, порожденный вашим пребыванием среди нас, навеки присоединится к наиболее благородным и интимным сокровищам моей памяти, которой присовокупится также признательность, являющаяся памятью сердца (*фр*).

[1*] Письмо мое к нему в Москву.— *Позднейшее прим. Вяземского.*

КНИЖКА СЕДЬМАЯ [1]
(1828—1833)

ЗАПИСКА [1*] О КНЯЗЕ ВЯЗЕМСКОМ, ИМ САМИМ СОСТАВЛЕННАЯ [2]

Обращая внимание на мое положение в обществе, вижу, что оно в некотором отношении может показаться неприязненно в виду правительства: допрашивая себя, испытывая свою совесть и свои дела, вижу, что настоящее мое положение не естественное, мало мне сродное, что оно более насильственное, что меня, так сказать, втеснили в него современные события, частные обстоятельства, посторонние лица и, наконец, само правительство, которое, приписав мне неприязненные чувства к себе, одним предположением уже облекло в сущность и дело то, что, может быть, никогда не существовало. Как бы то ни было нынешнее мое невыгодное положение есть более следствие того, что некогда было, нежели непосредственное следствие того, что есть и быть не переставало. Отдав отчет в некоторых эпохах жизни моей, в некоторых свойствах моего характера, исповедовав откровенно образ мыслей и чувств моих, я, может быть, успею разуверить тех, которые судят более меня по предубеждениям, данным обо мне недоброжелательством, ⟨доставленным⟩ [2*] нежели по собственным моим делам. В сей надежде решил я составить о себе записку и предаю ее беспристрастию моих судей.

До 1816-го года был я не замечен правительством, темная служба моя, пребывание в Москве, хранили меня в неизвестности. В то время не

[1*] *Примечание П. А. Вяземского*: Следующая записка была чрез Жуковского доставлена гр. Бенкендорфу, им доложена государю, который приказал препроводить ее в Варшаву к в[еликому] к[нязю] Константину Павловичу.

В письме к к[нязю] Голицыну с именами Греча и Булгарина упоминаю и Воейкова. Не очень стою за честность его, но обдумавши дело, прихожу к заключению, что несправедливо назвал его. Тут, вероятно, действовал один Булгарин, а Греч разве только что потакал.

[2*] *Зачеркнуто карандашом.*

было еще хода на слово *либерал*, и потому мои тогдашние шутки, эпиграммы пропадали так же невинно, как и невинно были распускаемы. Приезд в Москву Николая Николаевича Новосильцева переменил мою судьбу. По некоторым благородным преданиям о прежней службе его, я уважал Новосильцева. Между тем мне всегда казалось, что мне нельзя служить с удовольствием иначе, как под начальством человека просвещенно образованного, лично мною уважаемого, и потому, остававшись в долгом бездействии, я стал искать случая служить при нем. В этой взыскательности, в этом, так сказать, романическом своенравии, заключается, вероятно, одна из главных причин моих неудовольствий. Не видя на поприще властей человека, которому мог бы я предаться совестью и умом, после ошибки своей и разрыва с службою под начальством Новосильцева пребывал я всегда в нерешимости и не вступал в службу, хотя многие обстоятельства и благоприятствовали моему вступлению. Я был определен к Новосильцеву и приехал в Варшаву вскоре после государя императора. Открылся сейм. На меня был возложен [1*] перевод речи, произнесенной государем. Государь, ⟨увидевшись со мною⟩ увидя [2*] меня на обеде у Новосильцева, благодарил меня за перевод. С того времени государь при многих случаях изъявлял мне лично признаки своего благоволения. Вступление мое, так сказать, в новую сферу, новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцева, лестные успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, все вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы и началам конституционного монаршического правления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов. Вслед за этим был поручен мне перевод на русский язык Польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени, поручено было Новосильцеву государем императором составить проект конституции для России. Под его руководством занялся этим делом бывший при нем французский юрист Deschamps [Дешан]: переложение французской редакции на русскую было возложено на меня. Когда дело подходило к концу, Новосильцев объявил мне, что пошлет меня с оконченною работою к государю императору в Петербург и представит меня как одного из участников в редакции, дабы государь император мог в случае нужды потребовать от меня объяснения на проект и вместе с тем передать мне свои высочайшие замечания для сообщения ему, Новосильцеву. Намерение послать меня с таким важным поручением огласилось в нашей канцелярии; в ней имел я недоброжелателей, открылись происки:

[1*] Не вполне. За краткостью времени речь была передана по клочкам чиновникам канцелярии.— *Позднейшее прим. Вяземского карандашом.*

[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

старались охолодить Новосильцева к возложенному на него делу, ко мне, к отправлению меня в Петербург. Дело, которое сначала кипело, стало остывать. Немало смеялись над Прадтом, сказавшим, что Наполеон однажды вскричал: «Un homme de moins et j'étais encore le maître du monde — et cet homme c'est moi» [1*], — прибавляет Прадт. Пускай посмеются и надо мною: но едва ли не в праве сказать: Не будь я в канцелярии Новосильцева, и Россия имела бы конституцию [2*].

Не помню, когда проект, у нас составленный, был поднесен государю. В приезд мой в Петербург 1819-го года имел я счастие быть у государя в кабинете его на Каменном Острове. Велено мне было приехать в четыре часа после обеда за письмом к Новосильцеву. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго перед тем ездил; оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней, говоря, что меры, принятые императрицею Екатериною при завоевании Польских областей, были бы теперь несогласны с духом времени; от политического образования, данного им Польше, перешел он к преобразованию политическому, которое готовит он России. Сказал, что знает участие мое в редакции проекта Русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет его с собою в Варшаву и сообщит критические замечания свои Новосильцеву, что он надеется непременно привести это дело к желаемому окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысли для него священной; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения и легкомыслие приписывают сим политическим правилам [3*] многие бедственные события современные, когда, при беспристрастнейшем исследовании, люди сии легко могли бы убедиться, что беспорядки оные проистекают от причин совершенно посторонних. Предоставляю судить, какими семенами должны были подобные слова оплодотворить сердце, уже раскрытое к политическим надеждам, которые с того времени освятились для меня самою державною властию. Здесь должно прибавить еще, что в самый тот приезд мой в Петербург я был соучастником и подписчиком в записке, поданной государю, по предварительному его на то соизволению, от имени графа Воронцова, князя Меньшикова и других, в которой всеподданнейше просили мы его о позволении приступить к теорическому рассмотрению

[1*] Одним человеком меньше, и я еще был бы властелином мира, и этот человек — я (*фр.*).

[2*] Канцелярская зависть ко мне затормозила дело. То есть не канцелярская, а одного Байкова. — *Позднейшая вставка Вяземского.*

[3*] *Примечание.* Désordres qui leur seraient comme inhérents tandis que etc., etc. [Беспорядки, которые им были как бы присущи, в то время как... и т. д. и т. д.] Говорил он по-французски. В этих последних словах был, вероятно, намек на противоположные мнения Карамзина.— *Прим. Вяземского.*

и к практическому решению важного государственного вопроса об освобождении крестьян от крепостного состояния. Государь, говоря после с Карамзиным о том, что желание освобождения крестьян разделяется многими благомыслящими русскими помещиками, назвал ему в числе других и меня. Тут Карамзин и узнал о поданной нами бумаге и о участии моем в ней, потому что мы обязались держать попытку нашу в тайне, пока не последует на нее решительное высочайшее согласие. Генерал-адъютант Васильчиков, сперва подписавший эту бумагу, а на другой день отказавшийся от своей подписи, вероятно, был главнейшею причиною неудачи в деле, которое началось под счастливым знамением [1*].

Сим кончается пора моих блестящих упований. Вскоре после того политические события, омрачая горизонт Европы, набросили косвенно тень и на мой ограниченный горизонт. Государь приехал в Варшаву. Открылся второй Сейм. Он уже не был празднеством для Польши, ни торжеством для государя. Разными мерами, не расчетливою государственною пользою внушенными, привели польские умы в некоторое раздражение, поселили в государе недоверчивость. Поляками управлять легко, а особливо же русскому царю. Они чувствуют свое бессилие. С поляками должно иметь мягкость в приемах и твердость в исполнении. Они народ нервический и щекотливо-раздражительный. Наполеон доказал, что легко их заговаривать. В благодарность за несколько политических мадригалов, коими ласкал он ее самохвальное кокетство, Польша кидалась для него в огонь и в воду. Благомыслящие из польских либералов говорили мне, что поляки должны всегда иметь на виду, что царь конституционный в Польских преддвериях, император самодержавный дома в России. Эта истина была слишком очевидна и служит обеспечением. Но видно посредники между государем и Польшею поступали ошибочно: верно ни государь не хотел размолвки с нею, ни еще того вернее, она с ним, но между тем в речи государя при закрытии второго сейма размолвка огласилась и разнеслась с высоты трона по Европе, которая всегда радуется домашним ссорам в России, как завистливые мелкопоместные дворяне радуются расстройству в хозяйстве богатого и могущего соседа. Я был любим поляками, в числе немногих русских был принимаем в их дома на приятельской ноге. Но ласки отличнейших из них покупал я не потворством и не отриновением национальной гордости, напротив, в вопросах, где отделялась русская польза от польской, я всегда крепко стоял за первую и вынес не один жаркий спор по предмету восстановления старой Польши и отсечения от России областей, запечатленных за нами кровью наших

[1*] *Примечание.* Посредником и, так сказать, докладчиком между нами и государем был Мих[аил] Сем[енович] Воронцов. Илар[ион] Вас[ильевич] Васильчиков объяснял свое отступление особенно тем, что он не отделенный сын при отце и потому не считает себя в праве вмешиваться в вопрос помещико-крестьянский. Записку нашу писал, вероятно, Николай Тургенев[3].— *Прим. Вяземского.*

отцов. Дело то, что, живя в Польше, не ржавел я в запоздалых воспоминаниях о поляках в Кремле или русских в Праге, а посреди современников и соплеменных я был с умом и душою, открытыми к впечатлениям настоящей эпохи. Должно еще признаться, что мое короткое сношение с поляками казалось тем более на виду, что я был из числа весьма немногих русских в Варшаве, с которыми образованные из поляков могли иметь какое-нибудь сближение. Я всегда удивлялся равнодушию нашего правительства в выборе людей на показ перед чужими. Без сомнения, надежнейшая порука наша есть дубина Петра Великого, которая выглядывает из-за голов наших у европейских политиков: могущество может обойтись без дальнейшего мудрствования, но нравственное достоинство народа оскорбляется сим отречением от народной гордости. Самая палица Алкида была принадлежность полубога. Русская колония в Варшаве не была представительницею пословицы, что должно товар лицом продавать. В числе русских чиновников мало было лиц обольстительных, и потому польское общество не могло обрусеть. Частные лица не содействовали мерам правительства и общежитие не довершало дела, начатого политикою. Эта разноголосица должна была иметь пагубные следствия. Не знаю, от сей ли связи моей с Польшею или от других причин, но судьба моя потускнела в одно время с судьбою Польши. Государь в это пребывание в Варшаве не удостоил меня ни раза своего личного внимания, хотя и был я награжден чином. На другой день отъезда его призвал меня к себе Новосильцев и рассказал мне следующее: «Вчера Государь, прощаясь со мною, спросил у меня: ,,Не знаешь ли, что Вяземский имеет против меня? он во все время пребывания моего здесь бегал от меня, так что не удалось мне сказать ему ни слова‘‘». Не знаю, что отвечал ему Новосильцев, но я из отзыва государя заключил, что я был обнесен государю и что он, и не желая показать, что не дорожит мнением, которое ему обо мне внушили, и вместе с тем, не желая и меня оскорбить, может быть, напрасно, искал благоприятной уловки для соглашения двух противоречий. Государь поехал на Тропавский конгресс. И тут, если бы не канцелярские происки, то, вероятно, судьба моя впоследствии не поворотилась бы так круто. Служба моя в Варшаве начинала быть очень не по мне. Поверив опытом предание, которому я прежде поработился суеверно, увидел я, что ни ум, ни совесть мои не могут подчиниться начальнику, избранному мною. Граф Каподистрия был ко мне хорошо расположен. Я стал просить его взять меня к себе из канцелярии Новосильцева, хотя на время Конгресса. Он, понимая мое положение, охотно согласился содействовать моим желаниям: говорил обо мне Новос[ильцеву] но ходатайство осталось без успеха, вероятно, по прежним канцелярским проискам. С Тропавского конгресса решительно начинается новая эра в уме императора Александра и в политике Европы. Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я (хотя это

местоимение тут и очень неуместно, но должно же употребить его, когда идет дело обо мне) остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, но опального. Не вхожу в исследование, полезно ли было сие обращение или превращение господствующих мнений, но, кажется, нельзя обвинить меня, что я по совести своей не пристал к новому политическому шизму. Нельзя не подчинить дела свои и поступки законной власти. Но мнения могут вопреки всех усилий оставаться неприкосновенными. Русская пословица говорит: у каждого свой царь в голове. Эта пословица не либеральная, а просто человеческая. Как бы то ни было, но положение мое становилось со дня на день затруднительнее. Из рядов правительства очутился я невольно и не тронувшись с места в ряду ⟨противников его⟩ будто оппозиции [1*]. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону. В таком положении все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием. Эта частная несообразность, несозвучность была большинством выдаваема за мятежничество. С одной стороны, обнаруживалась нетерпимость и ⟨гонение⟩ преследование [2*] нового обращения; с моей, признаюсь охотно, обнаруживался, может быть, излишний фанатизм страдальчества за гонимое исповедание. Письма мои, сии верные, а часто и предательские зерцала моей внутренней жизни, отражали сгоряча впечатления, коими раздражала меня моя внешняя жизнь. Письма мои с того времени находились под надзором: я узнал после, что некоторые места из оных были превратно, если не злоумышленно, перетолкованы. Часто многое из них оставалось и недоступно понятию тех, которым поручено было их читать. Нет сомнения, что его высочеству великому князю не было досужно читать все мои письма, а из канцелярии его как военной, так и гражданской, решительно не было ни одного человека, который мог бы понимать своенравный слог писем, написанных шутливо и бегло [3*]. Но о свойстве моих писем и вообще о степени ответственности, которую можно определить частной переписке, буду говорить после. Письма в жизни других — эпизоды, у меня — они история моей жизни. Я поехал в Москву, и тогда, как узнал после, был, по предписанию из Варшавы, предан особому и тайному [4*] надзору полиции. Тут вскоре поехал я в Петербург обратным путем в Варшаву, где хотел, устроив свои денежные дела, подать просьбу в отставку. Перед самым отъездом получил я письмо официальное или полуофициальное на французском языке и собственноручное от Новосильцева, в котором объявляет мне гнев государя императора. На меня пало два обвинения.

[1*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

[3*] *Примечание:* Мне после говорили, что в[еликий] к[нязь], прочитав эти слова, сказал: «Хорошо Вяземский отделал канцелярию мою».— *Прим. Вяземского*

[4*] *Позднейшая вставка Вяземского.*

Первое, что до сведения государя императора, в проезд его чрез Варшаву, доведено было, что в разговорах моих я горячо защищал мнения, произносимые в Палате [4] французских депутатов теми из членов, коим приписываются все бедствия, постигшие Францию. Второе, что, выезжая из Варшавы, не явился я ⟨за приказаниями⟩ откланяться [1*] к великому князю. В заключение сказано было, что государь, желая чтоб мнение чиновника, употребленного правительством, не было в разногласии с видами его и чтобы, с другой стороны, не подавал он примера неуважительности к особе его августейшего брата, запрещает мне въезд в Варшаву [5]. В этих двух обвинениях оправдываюсь тем, что Франция не была тогда еще раздираема бедствиями революции, что обе партии, разделявшие и разделяющие и поныне палату депутатов и самые умы Франции, входили неизбежно в сущность стихии правления, существующего в ней, что сие тем доказывается, что часто король из среды нынешних противников министерства, и следовательно правительства, избирает своих завтрашних министров. Поэтому бескорыстным пристрастием к талантам той или другой стороны, в тяжбе французских мнений я никак не мог видеть русское преступление; впрочем, и самые разговоры мои о таких предметах не могли иметь никакой политической важности: они возникали и умирали в приятельских беседах. Не знаю, какою таинственною силою воскресили их из мертвых и поставили их против меня обвинительными привидениями. Что же касается до другого обвинения, то клянусь совестью, что никак не полагал обязанностью явиться к великому князю перед отъездом моим и не знал, что это в числе установленных обыкновений. Напротив, полагая, что все мои сношения с великим князем существуют только в силу его милостивого благорасположения ко мне, то, уже лишенный оного и чуждый ему по роду службы своей, я даже и не имел права, так сказать, насильственно поддерживать сии сношения, для него тогда уже неугодные. Письмо Новосильцева взволновало меня, хотя, отдам ему справедливость, и было ⟨умерено⟩ оно приправлено [2*] выражениями его сожаления, что он лишается во мне чиновника, которого всегда уважал. Выше сказал я, что думал и прежде оставить Варшавскую службу, но мне казалось, что могли поступить со мной иначе. Неприятный великому князю я, конечно, не мог быть оставлен в Варшаве, а государь император не мог колебаться в чувствах и выборе. Я должен был быть удален, но не изгнан позорно, когда дети мои и дела мои требовали присутствия моего, и весь дом мой еще был в Варшаве. Дождавшись возвращения моего, Новосильцев изъявил бы мне о воле государя, чтоб я переменил службу и местопребывание [6], и все бы обошлось без огласки. ⟨Сие⟩ Подобное [3*] снисхождение ко мне тем было бы естественнее, что по самому письму

[1*] *Позднейшее исправление Вяземского.*
[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*
[3*] *Позднейшие исправления Вяземского.*

Новосильцева видно, что не имели достаточного обвинения против меня, или имели такие, в которых не хотели сознаться. В первую минуту волнения написал я прошение на высочайшее имя об отставке моей из звания камер-юнкера. Сей крутой и необыкновенный разрыв со службою запечатлел в глазах многих мое политическое своеволие. Карамзин был тогда в Царском Селе, и император также. Я уведомил Карамзина о случившемся со мною, когда уже подано было мое прошение, и заклинал его об одном, не ходатайствовать за меня при государе. С свойственным ему благородством и нежным участием в судьбе близких его сердцу он просил у государя не помилования мне, но объяснения в неприятности, постигнувшей меня. Письмо Новосильцева не казалось ему достаточным, и он подозревал меня в утаении от него вины более положительной. Государь подтвердил с некоторыми развитиями то, что сказано было в письме, и прибавил, что, несмотря на то, я могу снова вступить в службу и просить, за исключением Варшавы, любого места, соответственно моему чину. Я упорствовал в своем намерении, вопреки советам и убеждениям Карамзина. Сим кончилось мое служебное поприще и началось мое опальное. Вот во всей истине мое варшавское приключение, которое и ныне еще упоминается мне в укоризну и придает какую-то бедственную известность моему имени, когда друзья мои говорят в мою пользу сановникам, знающим меня по одному слуху. Говорю только о сущности и официальности моего приключения, а впрочем до сей поры не знаю его прикладных подробностей; а в подобных делах тексты маловажны; вся важность в тайных пояснительных комментариях. Могу по крайней мере сказать решительно, что в поведении моем в Варшаве не было ни одного поступка предосудительного; в связях моих ничего враждебного и возмутительного против правительства и начальства. Я поддержал там с честью имя Русского, и, прибавлю без самохвальства, общее уважение ко мне и сожаление, что меня удалили из Варшавы, показывают, что я не был достоин своей участи и что строгая мера, меня постигшая, была несправедливостью частною и ошибкою политическою. Могу сослаться на письмо ко мне князя Заиончека, которого нельзя подозревать в невоздержанном либерализме. Я писал ему из Москвы по делу постороннему; он, отвечая на письмо мое, отзывался о моем пребывании в Варшаве и о сожалении, от своего имени и всех сограждан, что меня уже там нет, в выражениях самых лестных. С того времени я более жил в Москве и предался занятиям литературным. Эпиграммы мои, звание критика навлекли на меня недоброжелателей. Имя мое, оглашенное у правительства, показалось доступною поживкою людям, кои служат правительству, стараясь уверить его, что у него много противников. В новое доказательство тому, упомяну о следующем. Несколько дней после отставки моей государь, по обыкновению своему гуляя с Николаем Михайловичем Карамзиным в Царскосельском саду, сказал ему однажды: вот вы заступаетесь за князя Вяземского и ручались,

что в нем нет никакой злобы, он на днях написал ругательные стихи на правительство. Карамзин, пораженный сим известием, сказал, что спорить не смеет, но, зная меня и мой характер, не может поверить, чтобы я именно в минуту оскорбления и огласки стал изливать свое неудовольствие в пасквилях. Государь обещал принести на другой день письменное доказательство и в самом деле показал Карамзину тщательно и красиво переписанные стихи, ему неизвестные, где выведено было сатирическое сравнение Петербурга с Москвою[7]. По счастию, между прочими стихами, Карамзин встретил такие, которые отдельно давно были ему известны. Он сказал о том государю. Что же вышло? Государю представили за новые стихи, написанные мною лет за десять перед тем, и, следовательно, шалость моей первой молодости. Карамзин сказал тут государю, что в тот же день дело объяснится, что он меня ждет из Петербурга к обеду, чтобы отпраздновать вместе день моего рождения, и спросит меня о стихах. Государь, по редкой черте добродушия и тонкой вежливости, просил Карамзина оставить это дело и не расстроивать радости семейного свидания неприятными впечатлениями. Промышляющие моими политическими мнениями начали промышлять и моею частною жизнью. Я знаю, что государь отзывался людям, которые ему говорили обо мне, с благонамеренностью, как о человеке не строгого и не трезвого жития [1*]. Я никогда не любил ни ханжить, ни шарлатанить своими мнениями и нравами. Не почитаю себя в праве оспоривать у кого бы то ни было награды целомудрия, но решительно и гласно говорю, что и в самые молодые лета мои не бывал я никогда распутным и развратным. Любя заниматься по утрам, любил я всегда поздно обедать; ранние желудки некоторых московских бригадиров, знавши, что я иногда встаю со стола в седьмом часу вечера, люблю продолжать застольные разговоры за рюмкою вина, в кругу близких приятелей, не могли переварить моих поздних обедов и, вероятно, почли их попойками. Впрочем, после я также имел случай увериться, что государь был ко мне расположен благосклоннее. Убежден людьми мне близкими, просил я наконец у государя чрез Карамзина в случае вакансии вице-губернаторское место в Ревеле, который мне полюбился после лета, проведенного мною для морских купаний. Государь ⟨мне обещал⟩ приказал обещать мне [2*] это место, когда оно упразднится. Если же государь и продолжал до конца быть ⟨худого⟩ не совсем хорошего [3*] мнения обо мне, то и это понимается. Последние годы царствования его были годами недоверчивости и опасений. Глухое роптание предвещало, что волнение зрело: подозрения его не были определительны и могли падать

[1*] *Примечание.* Кн. Зенеида Волконская, жившая тогда в Москве и с которою был я в приятельских сношениях, говорила государю с участием о моем московском житье-бытье.— *Прим. Вяземского.*

[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

[3*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

на меня наравне с многими другими, в особенности же после моей варшавской огласки. Но и в таком случае должен я признаться с благодарным уважением к его памяти, что и подозрение его было незлобно. С ходатайства Карамзина дал он сейчас высочайшее соизволение свое на покупку имения моего в казенное ведомство, когда он узнал, что я прошу о том для устройства дел своих, пришедших в упадок. Как бы то ни было и на каком замечании я у правительства ни находился, но я не был тревожим в последние годы царствования покойного императора. 19-ое ноября 1825 года отозвалось грозно в смутах 14-го декабря. Сей бедственный для России день и эпоха кровавая, за ним следующая, были страшным судом для дел, мнений и помышлений настоящих и давно прошедших. Мое имя не вписалось на его роковые скрижали. Сколь ни прискорбно мне было, как русскому и человеку, торжество невинности моей, купленное ценою несчастия многих сограждан и в числе их некоторых приятелей моих, падших жертвами сей эпохи, но по крайней мере я мог, когда отвращал внимание от участи ближних, поздравить себя с личным очищением, совершенным самыми событиями. Мне казалось, что я в глазах правительства отъявленный крамольник, бывший в приятельской связи с некоторыми из обвиненных и оказавшийся совершенно чуждый соумышления с ними, выиграл решительно свою тяжбу. Скажу без уничижения и без гордости: имя мое, характер мой и способности мои могли придать некоторую цену завербованию моему в ряды недовольных, и отсутствие мое между ими не могло быть делом случайным и от меня независимым. Это должно было переменить мнение обо мне [8]. По странному противоречию, предубеждение против меня не ослабло и при очевидности истины. Мне известно следующее заключение обо мне: отсутствие имени его в этом деле доказывает только, что он был умнее и осторожнее других [1*]. Благодарю за высокое мнение о уме моем; но не хочу променять на него мое сердце и мою честь. В таких словах отзывается или неумышленность неведения, или

[1*] *Примечание.* Это сказал Блудову император Николай. Некоторые попытки, разумеется, весьма неопределенные и загадочные были пущены на меня, но нашли во мне твердое отражение. Я всегда говорил, что честному человеку не следует входить ни в какое тайное общество, ne fut ce que pour ne pas risquer de se trouver en mauvaise compagnie. [Хотя бы для того, чтобы не очутиться в дурном обществе (*фр.*).]. Всякая принадлежность тайному обществу есть уже порабощение личной воли своей тайной воле вожаков. Хорошо приготовление к свободе, которое начинается закабалением себя. Une grande partie des sociétés secrètes se composent de beaucoup de niais, et de quelques ambitieux et malintentionnés. [Большая часть тайных обществ состоит из множества глупцов и из нескольких честолюбцев и злонамеренных (*фр.*)]. Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев и заключили, что от меня проку ожидать нечего.— Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня ощупать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих lieux communs [общих мест], которые в ходу у нас — *Прим. Вяземского.*

эхо замысловатой клеветы. Нет, те, которые меня знают, скажут, что ни сердце, ни ум мой не свойства расчетливого и промышленного. Если я был бы хоть и ⟨сокрытым⟩ неизвестным [1*] содействующим лицом в бедственном предприятии, то верно был бы налицо сотоварищей в несчастии. Ни в каком случае меня не пощадили бы: ни подсудимые, потому что они не пощадили никого, ни судии, потому что, еще того вернее, я не имел в них ни одного доброжелателя. Кстати о характерических отзывах, обо мне распускаемых, припомню еще одно. Мне известно, что до правительства было доведено в последний мой приезд в Петербург слово, будто сказанное Александром Пушкиным обо мне: *вот приехал мой Демон*! Этого не сказал Пушкин или сказал да не так. Он не мог придать этим словам ни политический, ни нравственный смысл, а разве просто шуточный и арзамасский [2*], если только и произнес их. (В Арзамасе прозвище мое Асмодей) [3*]. Они ни в духе Пушкина, ни в моем. По сердцу своему, он ни в каком случае не скажет предательского слова, по уму, если и мог бы он быть под чьим влиянием, то не хотел бы в том сознаться, а я ни чьим, а еще менее пушкинским соблазнителем быть не могу. Я был неосторожен, в мнениях своих заносчив, за себя, но везде, где только имел случай, умерял всегда невоздержность других. Ссылаюсь на письма мои, которые столько раз бывали в руках правительства. Сюда также идет опровержение донесения, или просто лживого доноса, представленного нынешнему правительству о каком-то тайном, злонамеренном участии, или более направлении в издании *Телеграфа*. Не стану входить в исследование: может ли быть что-нибудь тайное, злоумышленное в литературном действии, когда существует цензура, мнительная, строгая и щекотливая, какова наша; скажу просто: я печатал сочинения свои стихами и прозою в Телеграфе, потому что по условию, заключенному на один год с его издателем, я хотел получить несколько тысяч рублей и таким оборотом заменить недоимки в оброке с крестьян наложением добровольной подати на публику. В этих несправедливых притязаниях, как и в последнем доносе на меня, также по поводу журнала мне неизвестного, который будто готовлюсь издавать под чужим именем, вижу одно гнусное беспокойство некоторых журналистов, позорящих деятельностью своею русскую литературу и русское общество... Они помнят мои прежние эпиграммы, боятся новых, боятся независимости моего прямодушия, когда предстоит мне случай вывесть на свежую воду их глупость или криводушие, боятся некоторых прав моих на внимание читающей публики, боятся совместничества моего для них опасного, и в бессилии своем состязаться со мною при свете дня, на литературном поприще, они подкопываются под меня во мраке, свойственном их природным дарованиям и насущному ремеслу.

[1*] *Позднейшее исправление Вяземского.*
[2*] И арзамасский — *позднейшая вставка Вяземского.*
[3*] *Слова в скобках — позднейшая вставка Вяземского.*

Вот, однако же, тайные пружины, которые, так сказать, без ведома власти, настроивают гнев ее против гражданина, несмотря на преданность сих мнимых прислужников ее, конечно, более их достойного снисходительности и внимания правительства[1*]. Не знаю, их ли злоба или злоба других, но направление ее в ударе, нанесенном мне в последнее время, достигло до вышней степени. В сообщении по высочайшей воле, доставленном от графа Толстого к князю Голицыну в Москву, по поводу журнала, о котором я не имел понятия, нанесены чести моей живейшие оскорбления. *Никто без суда да не накажется*, а разве ⟨обесчещение⟩ обесчестить человека[2*] не есть наказание, и тем тягостнее, когда оно не гласно. Гласная несправедливость носит в себе предохранительное и удовлетворительное ⟨возмездие⟩ противоядие, ⟨которым прикрывает⟩ которое спасает[3*] жертву ей подпавшую; но полугласность, как удар незримого врага, неизбежим и неотразим. Поносительное для меня отношение графа Толстого известно во многих канцеляриях[9]. Разве такая оскорбительная полугласность не есть лютейшее наказание для человека, дорожащего своим именем? Судебным порядком я не мог подлежать наказанию. Следовательно, я был наказан без суда и без справедливости. И все это последствие отступлений от правосудия из какого источника истекает? Из корыстолюбия каких-нибудь подлых газетчиков, которые боятся, что новый газетчик отобьет у них подписчиков. Правительство в таком случае поступает и вопреки благонамеренным видам, нарушением общей справедливости, лицеприятными исключениями, и вопреки пользе просвещения, стесняя деятельность и совместничество умов[4*]. Злоупотреблением имени моего наказан и издатель газеты предполагаемой, которому запретили ее издавать, думая, что он находится в каких-то сношениях со мною, когда я ни лица, ни имени его не знаю. В этом отношении еще замечу, что правительство, стесняя мои занятия литературные, лишает меня таким образом общего права пользоваться моею собственностью на законном основании. Такое нарушение справедливости не входит, без сомнения, в намерения правительства, но не менее того истекает из мер, им принимаемых. Что же касается до приговора, мне изреченного, не знаю, до какой степени имеют право позорить имя человека за поступки, не входящие в число ни гражданских, ни политических преступлений: заблуждения, в которых можно каяться духовному отцу, не подлежат расправе светской власти. Но как бы то ни было могу сказать решительно, что ни в каком отношении не заслуживаю выражений, употребляемых обо мне. *Развратная жизнь*,

---

[1*] *Слова*: «*сих мнимых... правительства*» — *вписаны рукою Вяземского в период переписки* «*Исповеди*» *В. Ф. Вяземской в оставленное ею свободное место.*

[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

[3*] *Позднейшие исправления Вяземского.*

[4*] *Слова*: «И все это последствие... и совместничество умов» — *написаны на нижнем поле как вставка в текст во время копирования документа.*

недостойная образованного человека, предосудительность поведения, которое может служить к соблазну других молодых людей и вовлечь их в пороки, суть обвинения такого рода, что примененные ко мне, они, без сомнения, возбудят негодование каждого честного человека, меня знающего, и сожаление, что правительство слишком легковерное к выдумкам клеветы основывает мнения свои о людях на подобных показаниях. Удивляюсь, что граф Толстой, хотя и был бы он в этом случае одним безусловным исполнителем, мог без всякой оговорки, без малейшей попытки объяснения[10] подписать свое имя под таким поносительным приговором. Или нет в нем памяти, или должен он знать меня таким, каким знал в долгом пребывании своем в Москве. Он знал мои связи, смею сказать уважение, которым пользуюсь в обществе и которым обязан своему характеру, именно поведению своему, ныне его же рукой опятненному, а не блеску почестей или богатства, часто заменяющих в глазах света недостаток в качествах не столь случайных. Правительство лучше моего знает, кто мои недоброжелатели и тайные враги: пускай велит оно исследовать, кого могу назвать в числе людей ко мне благорасположенных и в числе друзей своих и ⟨сею⟩ этою поверкою оно, надеюсь, убедится, что имею полное право равно гордиться и неприязнью одних и дружбою других[1*], которую умел я заслужить. Повторяю сказанное мною в письме к князю Голицыну в ответ на сообщенную мне бумагу графа Толстого. Я должен просить строжайшего исследования поведению моему. Повергаю жизнь мою на благорассмотрение государя императора, готов ответствовать в каждом часе последнего пребывания моего в Петербурге, столь неожиданно оклеветанного!

Ныне слышу уже, что обвинение меня в *развратной жизни* устранено, а говорят о каком-то письме моем или сочинениях моих, попавшихся в руки императора и коих содержание должно мне повредить. Обвинение обвинению ⟨различно⟩ рознь[2*]. На обвинение в предосудительности нравов моих и поведения моего в Петербурге прошу и суда и ограждения меня вперед от подобной клеветы наказанием клеветников. Если обвинение падает на какое-нибудь мое сочинение, прошу объяснений и потребовать меня к ответу; если на мои письма, прошу выслушать мое оправдание[11]. Возмутительных сочинений у меня на совести нет. В двух так называемых либеральных стихотворениях моих: «*Петербург*» и «*Негодование*» отзывается везде желание законной свободы монархической и нигде нет оскорбления державной власти. Первое кончалось воззванием к императору Александру: писано оно было в Варшаве, вскоре после первого сейма. Тогда гласным образом ходило оно по Петербургу. Второе менее известно: я узнал после, что правительству донесено было о нем,

---

1* Одних, других — *позднейшая вставка Вяземского.*

2* *Позднейшее исправление Вяземского.*

но не знаю, было ли оному доставлено, но если ничего к нему не прибавили *добровольные издатели или предатели* (не editori a traditori), то не боюсь заключений, которым оно даст повод. Писано оно было в Варшаве: в самую эпоху борьбы или перелома мнений, и, разумеется, должно носить оно живой отпечаток мнений, которым я оставался предан и после их падения. В разные времена писал я эпиграммы, сатирические куплеты на лица, удостоенные доверенности правительства, но в них ничего не было мятежного, а просто светские насмешки. Такие произведения не могут быть почитаемы за выражение целой жизни и служить вывеской человека; они беглые выражения минуты, внезапного впечатления, и отпечатление их на умы также есть минутное. Соглашаюсь, что в глазах правительства они должны казаться предосудительными и некоторым образом нарушают согласие, которое для общего благоденствия господствовать должно между правительством и управляемыми. Но в этом отношении прямодушное исследование обязано разборчиво отделить *проступок* от *преступления*, шалость ума от злоумышления сердца и не столько держаться *буквы*, сколько *духу*. Теперь приступаю к письмам моим, единственному обвинительному факту в тяжбе моей, который не могу опровергнуть и в котором должен прямодушно оправдываться. Письма мои должны разделиться на два разряда, согласно с двумя эпохами жизни моей: службы и отставки. Невоздержность письменных моих мнений во время службы непростительна. Такого свойства оппозиция у нас, где нет законной оппозиции, есть и несообразность и даже род предательства. Это походит на действие сатира, который в одно время дует холодом и теплом. Гласно служить правительству, и следовательно, ⟨даешься⟩ предать себя орудием в его руки, а под рукою, хотя и без злоумышления, ⟨действуешь⟩ [1*] действовать против него во всяком случае не благовидно [2*]. В случаях противоречия кровным мнениям своим и задушевным чувствам с званием, с обязанностями, на себя принятыми, должно по возможности принести покорное сознание правительству или оставить службу. Следовательно, в этом отношении я был виноват: правительство какими способами бы то ни было поймало меня en flagrant-délit [на месте преступления], и я должен нести наказание вины моей. Это не сомнительно в глазах холодного и строгого суда, но есть справедливость, которая выше правосудия. Теперь для нравственного исследования предосудительности моих писем должно бы подвергнуть их сполна не одностороннему рассмотрению, взвесить на весах беспристрастия те мнения и выражения, которые могут быть ходатаями за меня, судить о всей переписке моей, как будут судить о всей жизни человека на страшном суде, а не так как судит инквизиция по отдельным поступкам, по отрывкам жизни, составляющим

[1*] *Два позднейших исправления Вяземского.*
[2*] *Последние пять слов позднейшая вставка Вяземского.*

в насильственной совокупности уголовное дело, тогда как в целом порочность сих отрывков умеряется предыдущими и последующими. Должно бы обратить внимание на время, в которое писаны были сии письма, и может быть волнение, в них отзывающееся, отголосок тогдашней эпохи, отпечаток тогдашнего перелома и раздражения оправдается самою сущностью событий. В другом отделении моей переписки, кажется, предстоит мне более способов к оправданию. Со времени моей отставки, не принадлежащий уже к числу исполнителей правительственных мер, я полагал, что могу свободнее судить о них. К тому же, что есть частное письмо? Беседа с глазу на глаз, род тайной исповеди, сокровенных излияний того, что тяготит ум или сердце. Когда исповедь ⟨становится⟩ может становиться[1*] делом? Тогда, когда открывает она умысел, готовый к исполнению. Но если исповедь ограничивается одними мнениями, одними впечатлениями преходящими, как и самые события, то можно ли искать поводов к ответственности в сей исповеди, так сказать, не облеченной в существенность! Должно еще смотреть на лица, к кому письма написаны? Если они выказывают намерение действовать на эти лица или чрез них на другие и на общее мнение, если они в некотором отношении род поучений, разглашений, то предосудительность оных размеряется целью, на которую они метят. Но если письма, хотя и содержания неумеренного, надписаны к людям, коих лета, мнения, положение в обществе уже ограждают их от постороннего влияния, если они писаны к близким родственникам, к жене, то всякое злонамерение в написании оных не устраняется ли самою очевидностью? Одно нарушение тайны писем, писанных не для гласности, составляет их вину и определяет меру их ответственности; но нарушение оным совершается против воли писавшего: как же может он за них ответствовать? В таком случае если допустить нарушение тайны, то должно добросовестно судить о перехваченных письмах, и в таком случае могут служить признанием прямодушной, хотя неуместной откровенности, должно видеть в них иногда игру ума, склонного к насмешке, иногда игру желчи или раздражения нервов, невинный свербеж руки. Не заключить ли о них, о благородстве того, кто их пишет, и не признать ли их залогами его добросовестности и доверенности, которую заслуживает его характер? [12] Я знал, что правительство имеет в руках своих частные письма, знаю, что мои чаще других попадаются ему, что я от них пострадал, а между тем продолжаю подавать орудие на себя. Что же это доказывает? Что я по совести своей убежден, что в письмах, каковы мои, нет преступления, что, чистый в побуждениях своих, я не забочусь о истолкованиях и превратных заключениях, к которым сии письма могут подать повод. Это неосторожно, но не преступно. Главная предосудительность сего поступка заключается в том, что кажусь своевольным

[1*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

и будто с намерением вызывающим на себя неудовольствие правительства, что не щажу лиц, к которым пишу и вообще своих приятелей, на коих может падать некоторая ответственность за связи со мною. Такие соображения должны внушить невыгодное мнение о неосновательности моей, легкомыслии и вообще повредить достоинству характера, которое каждый человек обязан соблюдать ненарушимо и свято. Сознание в сем отступлении от обязанностей своих может послужить залогом, что впредь не буду преступать их. Затворю к себе окно, из которого выглядывала невоздержность слов моих в наготе на соблазн прохожих. Что нет собственно порочной невоздержности в побуждениях и намерениях моих, кажется, достаточно доказано всею исповедью моею, приносимою ныне в виде покаяния и оправдания. В свою защиту прибавлю еще одно замечание, в изустной речи более непосредственного действия на внимание и круг действия обширнее: нет сомнения, что нашлось бы против меня столько же, если не более обличительных ушей, сколько нашлось обличительных глаз; но, сколько мне известно, речи мои не бывали обращаемы орудием на меня. Следовательно, я не искал никогда славы быть проповедником, провозгласителем своих мнений, хотя и знаю, что каждое слово изустное имеет тысячу эхов и между тем неуловимо, тогда как письменное слово действует одновременно на одно лицо и воплощается только тогда, когда предательскою силою может погубить вас. Признаюсь, однако же иногда в письмах своих дозволял себе и умышленную неосторожность. В припадках патриотической желчи, при мерах правительства не согласных, по моему мнению, ни с государственною пользою, ни с достоинством русской нации[13], при назначении на важные места людей, которые не могли поддерживать ⟨возвышенное бремя⟩ высокого и тяжкого бремени, на них ⟨возложенное⟩ возложенного[1*], я часто нарочно передавал сгоряча письмам моим животрепещущее соболезнование моего сердца: я писал часто в надежде, что правительство наше, лишенное независимых органов общественного мнения, узнает, перехватывая мои письма, что есть, однако же, мнение в России, что посреди глубокого молчания, господствующего на равнине нашего общежития, есть голос бескорыстный, укорительный представитель мнения общего. Признаюсь, мне казалось, что сей голос не должен пропасть, а может возбудить чуткое внимание правительства. Пускай смеются над ⟨сим⟩ моим[2*] самоотвержением бесплодным для общей пользы, над сим добровольным мученичеством донкихотского патриотизма, но пускай также согласятся, что если оно не признак расчетливого ума, то по крайней мере оно несомненное выражение чистой совести и прямодушного благородства. Могу утвердительно сказать, что все мнения мои, самые резкие, были отголосками общего мнения, то есть в

[1*] *Позднейшее исправление Вяземского.*
[2*] *Позднейшее исправление Вяземского.*

известной честной среде[1*] они имели невыраженный, но не менее того в существе своем гласный отголосок в общем мнении[2*]. Никогда, никакое чувство злобное, никакая мысль предательская, не омрачала моей нравственной жизни. В минуты досады, грустного разуверения в своих надеждах, я мог, по *авторской своей раздражительности*, выходить из границ должного благоразумия и должного хладнокровия. Легко судить меня по письмам: но чем же я виноват что бог назначил меня быть грамотным, что потребность сообщать и выдавать себя посредством дара слова, или, правильнее, дара письменного, пала мне на удел в числе немногих из русских. Не мудрено, что те, к которым пристал стих Пушкина (а у нас их много): нигде *ни пятнышка чернил*, не замарали совести своей чернильными пятнами и что мои тем более на виду. Верю, что отблески мыслей должны казаться кометами в общем затмении русской переписки, в общем оцепенении умственной деятельности. Но неужели равнодушие есть добродетель, неужели гробовое бесстрастие к России может быть для правительства надежным союзником? А где есть живое участие, где есть любовь, там должны быть и увлечение[3*] и раздражительность? Мелкие прислужники правительства, промышляющие ловлею в мутной воде, могут, подтрушивая, ему передавать сплетни и отравлять их ехидною примесью от себя. Но правительство довольно сильно и должно быть довольно великодушно, чтоб сносить с благодарностию даже несправедливые укоризны, если они внушены прямодушием.

Кажется, сим может ограничиться моя исповедь: я выказал себя всего. Теперь правительство пускай ищет меня здесь, а не в неверных и отрывчатых изображениях, доныне ему известных. Если я хотел бы написать просто оправдание, адвокатную защиту себе, то, без сомнения, мог бы написать ее в ином виде, с большим искусством, с единым направлением к цели: оправдать себя. Чувствую, что и здесь многое из сказанного мною может подать повод к подтверждению заключения обо мне уже состоящего. Но я сказал выше, я всегда имел отвращение от шарлатанства и ханжества. Не хотел даже невинно притворствовать в этом случае. Говоря о том, что было, изъясняя себя, я должен был переноситься в мысли, которые мне тогда были свойственными, а не искать в риторических уловках противоречия самому себе, когда совесть моя не нуждалась в этом притворстве. Мне хотелось написать эту записку, как пишу свои письма, с умом на просторе, с сердцем наголо. В ней, так сказать, зеркало моей жизни, моих мнений, моей переписки, но зеркало не разбитое, не искривленное злонамеренностию. Надеюсь на беспристрастие моих судей, прошу их благоприятно или нет, но судить обо мне по этому изображению.

Еще одно слово. Мое устранение от службы, бездействие в прииска-

---

1* *Шесть последних слов — позднейшая вставка Вяземского.*

2* *Слова* «они имели.... общем мнении» *отмечены Вяземским карандашом.*

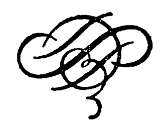
3* и увлечение — *позднейшая вставка Вяземского.*

Конец «Записки о кн. Вяземском...» (1829) — позднейшая приписка П. А. Вяземского. Книжка седьмая

нии случая быть принятым в оную, после попытки моей, сделанной в Петербурге, и лестного отзыва[14], сообщенного мне генералом Бенкендорфом от имени государя, может навести подозрение на искренность желания моего быть совершенно очищенным во мнении правительства. Ссылаюсь на письмо мое к генералу Бенкендорфу, прося тогда быть употребленным при Главной квартире действующей армии или по какой-нибудь части отдельной, входящей в состав предстоящих дел, я был побуждаем не одним честолюбивым умыслом: нет, но лета, семейные обстоятельства, ограниченность моего состояния препятствуют мне в свободном избрании службы. Штатные места у нас доставляют малое жалованье, а служба, требующая постоянного пребывания в городе, неминуемо вовлекает в новые расходы: служба по одному из министерств вынудила бы меня переселиться со всем семейством в Петербург, и тут также встречаю упомянутое неудобство. В мои лета, с непривычкою к службе практической тяжело было бы привыкать к ней, уединясь в каком-нибудь губернском городе: такая школа могла бы скорее отучить от службы, чем приохотить к ней.

Зная, на что я гожусь и на что неспособен, мог бы я по совести принять какое-нибудь место доверенное, где употреблен бы я был для редакции, где было бы более пищи для умственной деятельности, чем для чисто административной или судебной. Я когда-то сказал о себе: «я думаю, мое дело не действие, а ощущение. Меня должно держать как комнатный термометр, который не может ни нагреть, ни освежить покоя, но никто скорее и вернее его не почувствует настоящей температуры». Могу применить это наблюдение о себе и к службе моей: я не хотел бы по крайней мере на первый раз быть действующим лицом, в какой бы то ограниченной части ни было, а просто лицом советовательным и указательным, одним словом, хотел бы я быть при человеке истинно государственном служебным термометром, которым мог бы и ощущать и сообщать. Могу отвечать за подвижность моей ртути, она не знала бы застоя. Беда вся в том, что у меня ее слишком много и что мой термометр не привилегированный. Впрочем, для устранения всякого подозрения обо мне, для изъявления готовности моей совершенно себя очистить во мнении я готов принять всякое назначение по службе, которым правительство меня удостоит[1*] [15].

[1*] Эта записка по приказанию императора Николая была препровождена к цесаревичу в Варшаву. В Петербурге она, кажется, не произвела никакого действия на тех, для которых она писана. В Варшаве, вероятно, было другое. Вполне ли прочитана она была великим князем или нет, неизвестно. Но дело в том, что вскоре после того кн. Александр Федорович Голицын, приехавший из Варшавы в Москву и мало мне тогда знакомый, начал разными обиняками говорить мне, что ему известно, как желал бы цесаревич иметь письмо от меня, дабы мог он содействовать возвращению моему на службу. При всей заносчивости в[еликого] к[нязя] он имел много прямоты и благородства. Ознакомившись несколько с моею запискою, он мог убедиться, что я не так *черен*, каковым кажусь некоторым господам. Легко статься, что он почувствовал, что слишком порывисто подействовал на судьбу мою. Как бы то ни было возобновлению сношений моих с ним и письму его к государю обо мне обязан я поступлением моим снова на службу.— *Прим. Вяземского.*

КНИЖКА ВОСЬМАЯ[1]
(1829—1837)

Саратов, 31-го августа 1829 г.

(Выписки из дела о *зарезавшихся* 35-ти человеках[1*] (о *зарезанных*, потому что действительного самоубийства по делу не видно) Аткарского уезда села *Копен* графини Гурьевой) [2].

Крестьянка Петрова на 1-ое число марта 1829 ночью, пришед к крестьянину Ментову, объявила, что семейство ее ушло из дома неизвестно куда, а Ментов о сем в то же время дал знать сотскому села Копен. По розысканию сотского вместе со старостою и жителями села Копен семейство Петровой, как-то: свекор, крестьянин Карпов, с сыновьями, невестками, внуками и другими посторонними людьми найдены в овинной яме Петрова зарезанными, равно в доме крестьянина Васильева Ильина также найдено все семейство зарезанными (всего навсего 35 человек, имевших от 70 лет до полугода). — Причина смерти сих людей есть *самоубийство* (то есть в побуждении, но не в исполнении, ибо никто не налагал на себя руки), на которое решились они вследствие содержания ими в тайне некоей старообрядческой секты (*спасовщина* или *нетовщина*), по которой отцы их, за 25 лет перед сим, уже покушались на собственную жизнь, укрываясь целыми семействами в числе 82 человек в пещере, которую намеревались предать огню. (Вот это было бы самоубийство). — В числе убитых оказалось 35 челов[ек] обоего пола, совершеннолетних 17-ть: из них 19-ть челов[ек] найдено в овинной яме, прочие в домах : 10— крестьян. *Летюшова*, 2 — вдовы Васильевой и 4 — крестьян. Юшкова. У 7 челов[ек] горлы перерезаны, а у прочих шеи перерублены и сверх того у некоторых другие члены как-то ухо, щеки, плечи перерублены, а у иных ноги и пальцы на руках вовсе отрублены.

Причем в яме, где лежали 19-ть человек, усмотрены топор, у которого

[1*] Не зарезались, а предавались смерти.— *Позднейшее прим. Вяземского.*

топорище обагрено кровью, деревянный отрубок, или чурбан, также обагренный кровью, на котором видны были знаки острого орудия и человеческие волоса, и в ковше запекшаяся кровь. Из числа трех человек, анатомированных доктором, у одного в желудке найдено несколько крови в пище. Сверх того в доме Карпова найдены две книги старообрядческие: «Житие Василья Нового» и Псалтырь; а в доме крестьян[ина] Юшкова копии с высоч[айшего] повеления 1801 г. ноября 27 и с отношения бывшего Г. прок[урора] Беклешева, относительно людей отклонившихся от правоверия.

Бурмистр села Копен, Крайнов, между прочим, донес, что отец Ивана Алексеева Юшков в 1802 году завел 82 человека в пещеру для покушения на собственную жизнь, и из числа их Егор Афанасьев убил малолетнего сына, за что были сосланы Юшков на Остров Эзель, а Афанасьев в монастырь; по возвращении же в жительство Афанасьев за подобное совращение сослан в Сибирь на поселение. Юшков был потом возвращен на свою родину и вскоре потом зарыл себя заживо в землю с почталионшею, которую он вывез с собою, хотя и имел жену. По открытии нового происшествия, показаниями жителей и других людей, знавших тогда о сем, но державших оное в тайне, отыскали место, где они были погребены и скелеты их.

Слова св. Евангелия: «аще кто душу свою спасти хочет, тот погубит ю, аще кто душу свою погубит мене ради, той спасет ю»,— были поводом к основанию сего учения.— Упоминается также о какой-то книге, заключающей в себе проповедь о принятом намерении к лишению жизни.— По делу видно много прикосновенных лиц, из коих иные, зная о намерении оном, не противились, другие опровергали его: бывали совещания по сему предмету, прения, сношения с некоторыми саратовскими раскольниками.

Юшков приговорен уголов[ным] Саратовским Судом к 10-ти ударам кнута и каторжной работе. Я видел его в Саратовском остроге, где он уже содержится третий год вместе с прочими преступниками: лицо его кроткое, полное выражения, на вопросы о происшествии отвечает он тихо и спокойно, avec résignation [со смирением]; кажется, без малейшего раскаяния и как покорный и за прошедшее и на будущее *воле божией*. Он жалуется на тяжесть оков своих. Говорят, что два раза покушался он на жизнь свою в остроге, а третий раз уговаривал других колодников зажечь острог и бежать.

Вот психологическая трагедия![3]

(*Metternich*)

Grands ou petits, et sous des apparences plus ou moins diverses, les cabinets de l'Allemagne et du Nord n'ont guère offert, jusqu'à ces derniers

temps, que l'ombre de son attitude, l'écho de sa voix. Partout présent et actif, il était le méphistophèle de cette alliance dont l'empereur Alexandre était le saint.

La providence a brusquement sommé Nicolas de résoudre tous les problèmes qu'Alexandre ajournait d'année en année avec tant d'effort. Peut on s'étonner que sa politique soit vague, douteuse, sans couleur et sans direction? Cette incertitude n'est nulle part plus évidente que dans la composition du cabinet de Pétersburg: les ombres de M. de Metternich, les appuis du *status quo* universel, M. de Nesselrode, par exemple, y sont restés; des hommes écartés, proscrits même par Alexandre, et qui passent pour favorables aux réformes libérales, M. de Speranski, entre autres y sont été appelés. (Speranski y était, l'emp[ereur] Nicolas ne l'a pas appelé, et si Speranski a l'esprit plus ouvert que les autres, il a l'âme tout aussi étroite et bouchée que tout le reste. Il n'y a rien en lui de libéral, tant que le libéralisme n'est pas à l'ordre du jour).

Parmi les hommes jeunes et qui débutent, quelques uns comme M. de Matussewiez [?], ne manquent dit-on, ni de capacités, ni de lumière,— — on dirait un gouvernement novice, forcé d'agir avant d'avoir pensé, et qui agit pour s'aquitter de sa tâche, pour suffire au moment, sans que son action révèle en lui une pensée, ou une volonté. (De l'état des cabinets Européens. Revue franç.)[4].

[*Перевод*]

(Меттерних).

До последнего времени ни большие, ни малые кабинеты Германии и Севера не отражали ничего похожего на его манеру держаться: они представляли собой как бы его тень, давали лишь отзвук его голоса. Участвуя во всем и присутствуя повсюду. он был как бы мефистофелем союза, в котором император Александр олицетворял святого

Провидение внезапно побудило Николая разрешить те задачи, которые Александр откладывал из года в год с таким старанием. Можно ли удивляться сомнительности и неясности его политики, не имеющей ни окраски, ни руководства? Эта неуверенность стала особенно очевидной при формировании петербургского кабинета: тени г. Меттерниха, поддержка всеобщего status quo (положения вещей) г. Нессельродл, например, в нем остались среди других. Туда же вошли люди, отвергнутые, даже изгнанные Александром и почитаемые склонными к либеральным реформам, как например, г. Сперанский (Сперанский там был, имп[ератор] Николай не привлекал его. Сперанский, правда, обладает умом, более открытым, нежели другие, но его душа также узка и замкнута, как и у других. В нем нет ничего либерального, постольку поскольку либерализм не стоит в повестке дня).

Среди людей молодых и начинающих, некоторые, как например, г-н де Матусевич, не лишены, как говорят, ни способностей, ни просвещения, можно сказать, что это правительство, состоящее из новичков, вынужденное действовать не подумав и выполняющее свои обязанности, чтобы удовлетворить требования минуты, причем его действия не раскрывают ни его мысли, ни его воли. (О состоянии европейских кабинетов. «Ревю Франс[ез]» [Французское Обозрение]) (*фр.*).

25 мая 1830. Петербург [5].

Писал с Василием Александровичем Пенским к Ланскому, Бартеневу, Протасьеву. Получил ответ от цесаревича. Обедал у Молчанова: после обеда на гулянии в Екатер[ингофе?] с Дельвигом. Вечером до 12-го часа у Булгакова [6]. Булгаков однажды наехал на шум в Ямбурге: допрашивается. Смотритель отвечает, что приезжий бил его по щекам и прибавляет: конечно, одна пощечина ничего не составляет, но во множестве это делает маленькую перемену.— В постели читал 4 № Le Temps [Ле Тан].

27-го [мая].

Трехдневное письмо к жене с Габбе. Вчера обедал я у Сер[гея] Льв[овича] Пушкина: Александру 31 год [7]. После обеда в Летнем саду, вечером у Фикельмонт: большое толкование слову [оставлено пустое место]: род кокетства, волокитства, но без последствия. Написал стихи графине Людольф. Сегодня писал к Кривцову с Габбе.— Дал переписчику 6 тетр[адей].— С Рейнгардтом писал в Париж Тургеневу и Jullien [Жюльену]. В письме Jullien [Жюльену] сказал глупость. Был в департаменте у Дружинина, потом у Бибикова [8]. Обедал у преемника Андрие, как бишь его.

28-го [мая].

Письмо к Карамзиным и к Потемкиной с *Deedes* [Дидс]. *29-го [мая].*

Обедал у Булгаковых. В 7 часов в заседании советов о Закавказской торговле — о кожах соленых и сушеных. Вечер у Фикельмонта.

30-го [мая].

Письмо к жене по почте.

31-го [мая].

Ездили с Багреевыми в Рyболово Всеволожского, в omnibus [омнибусе]: M-me Medem, Arendt [Г-жа Медем, Арндт], Поливанова, вдова фамилии Болугьянских (так ли? Я не знаю отчего, но мне всего стыдно криво написать фамилью: это кривописание кажется мне неловкостью). Местоположение хорошее, есть природа, или природица, движение в земле, или дергание, озера. Устройство хорошее. Едешь мимо порохового завода, Приютина: мы в Приютине остановились, вспомнил я Пушкина, горелки, комары. Впрочем, комаров воспоминать было нечего, они сами о себе дьявольски напоминали. Не понимаю как можно жить в этом комарном царстве, все равно, что в муравейной яме. Возвратились часу во втором. Дома нашел письма от Тургенева из Парижа. Ездил в Царское Село, обедал у Жуковского. Вечером у Donna Sol [Донны Соль]. Царское Село — мир воспоминаний. Китайские домики: развалины [9].

[3 июня]. Вторник.

Я сбился с числами. Вчера утром в департаменте читал проекты положения маклерам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу, куда показался бы я себе смешным и жалким. Но это называется служба, быть порядочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподданным.— Почему же нет.— Обедал у, чорт знает, как называют этого преемника Andrieux [Андриё], Andrieux вторым что ли? Нашел тут Серг[ея] Льв[овича]. Был день имянин Александра и чадолюбивый отец разделил человек на семь свою радость и свою бутылку шампанского. Вечером был у Закревского, а кончил у Фикельмонт. Написал к Карамзиным с дилижансом.— Сегодня утром тот же департамент, те же маклера. Отправил письмо к жене с почтою, обедал у Багреевой, был у Бибикова, пил чай у Багреевой. Мадам Медем.— Возвратился вечером домой и сажусь написать несколько писем. Я начинаю быть ленив на письма, пишу их много, но уже не с духом.

15-го июня.

В середу вечером, т. е. 4-го числа, ехав в Елагинский театр, был я вывален на мосту Камен[ного] ост[рова] с Икскулем.— Подробности моего падения находятся в письмах к жене моей [10]. Вот скоро две недели, что я сижу дома. Не знаю, от расстройства ли нервов или от чего другого, но я не могу путно заниматься. Книги грудами лежат около меня, а я ничего не читаю, кроме газет и журналов, потому что это отрывчатое чтение. Обыкновенно при легких припадках нездоровья я привыкал к своему заточению и находил отраду и удовольствие в занятии. Впрочем, если был бы у меня решительный авторский талант, то я верно преодолел неохоту и мог бы написать что-нибудь путного и большого.— В это время получил я милое письмо от Тургенева из Парижа, от 2-го июня, которое пощекотало мое самолюбие обещанием увидеть мою статью, переведенную в Париже St. Priest [Сен При] [11]. Написал я несколько писем к Карамзиным, к жене: вчера с Ив[аном] Ст[епановичем] послал к Жихар[еву] письмо от Тургенева. Посещали меня чаще: Хитрова каждый день, до отъезда на дачу, Александр Строганов, слепец Молчанов, Лев Пушкин, Дельвиг, Василий Перовский, Полетика. Сегодня прикатил было Хвостов, но я был один и не принял его. Ни обедать, ни дурачить одному не весело. Г[рафи]ня Лаваль изъявила мне деятельное участие, была, то есть заезжала наведываться несколько раз, писала, советовала лекарство. Был Блудов. NB. — Дашков не был. NB. — Вчера был вечером Мейендорф и Оленин. Бывали Гнедич, Муханов. Молчанов рассказывал мне сегодня о к[нязе] Мещерском, Плат[оне] Степ[ановиче], бывшем при Екатерине наместником в Казани. Он привез разные бумаги в Петербург, отдал их императрице и по назначению ее ожидал повеления,

когда явиться к ней для работы. Время шло. Однажды на куртаге императрица извиняется пред ним, что еще не призывала его. Он ей в ответ: «Помилуйте, в[аше] в[еличество], я ваш, дела ваши, губернии ваши, хоть никогда не призывайте, это совершенно от вас зависит».— Наконец, в назначенный день он является к ней и пред начатием работы кладет свою шляпу на маленький стол ее, подвигает стул запросто.— Государыня сначала была ошеломлена его непринужденностью, но потом, разобрав его бумаги и выслушав его, осталась им очень довольна и оценила ум. Павел Пет[рович] еще великим кн[язем] полюбил его. Назначен был бал, кажется, в Гатчине; племянник Мещерского Румянцев Ник[олай] Пет[рович], встретясь с ним, говорит ему: «Надеюсь с вами видеться в такой-то день.— Где? — У великого князя, у него бал и вы верно приглашены.— Нет, но я все-таки приеду. — Да как же так, у в[еликого] к[нязя] может быть приглашены одни приближенные.— Все равно, я так люблю и его, и в[еликую] княгиню, что не стану ожидать приглашения».— Румянцев для предупреждения беды должен быть сказать о том в[еликому] к[нязю], который и пригласил его.— Поговорка: *старам стала, плохам стала умом*, ведется от этого Мещер[ского], которому сказал ее калмык в Казани. Он же сказал городничему, который хотел было провести его где-то в калитку, не велев растворять ворота: «*Я-то пролезу, но чин-то мой не пролезет*».— Павел I, собираясь ехать в Казань, говорил ему: «Смотри, Мещерский, не проводи меня через калитку, мой чин еще больше твоего»[12]. У меня молодой книгопродавец Непейцын по поручению от Салаева. Вот история фамилии его, им самим мне рассказанная: дед его был *Иванов* и просил сына своего переменить фамилию свою на *Не пей сын*, а там уже и огерманизировали ее.— Был у меня поэт-литератор, молодой Перец или Перцев, принес свою книжку: *Искусство брать взятки*. В шутке его мало перца, но в стихах его шаловливых, которые Александр Пушкин читал мне наизусть, много перца, соли и веселости. Он теперь, говорят, служит при «Северной Пчеле».— Василий Перовский дал мне «La Revue Britannique» [«Ла Ревю Британник»]. В 1825 г. на стр. 270 я нашел: «Viasemski eut à la fois l'audace de créer et le bonheur de faire recevoir de nouveaux mots et de nouvelles formes de langage»[1*]. Все-таки лучше, хотя в той же статье сказано: «Vosiokoff introduisit quelques nouveaux changements dans la prosodie slavonne»[2*] (Вероятно, речь идет о Востокове и о новых метрах, заимствованных им у древних, которые он употребил в переводах своих). Или: «Un barde de la Sibérie, l'aveugle Eros, jeta dans le public un volume de poésies joyeuses»[3*].

[1*] Вяземский одновременно имел смелость создать и счастье распространять новые слова и формы языка (*фр.*).

[2*] Возиоков ввел несколько новых изменений в славянскую просодию (*фр.*).

[3*] Сибирский бард, слепой Эрос, бросил обществу целый том веселых стихов (*фр.*).

Отгадайте! А я отгадал. Здесь речь идет об *Эроте, лишенном зрения*, написанном в Сибири несчастным Сумароковым, и о других стихотворениях его. Et voilà comme on écrit l'histoire [1*] [13].

Все эти дни я ничего не пил за обедом, то есть не в смысле Олениной Московской, которая, чтобы сказать, что человек не пьяница, говорит: il ne boit rien [2*]. Нет, я ничего питейного не пью и не чувствую жажды. Правда, что мой обед весьма скромен и трезв и что притом начинаю его обыкновенно ботвиньею и оканчиваю апельсинами. Надеюсь, что эти безвлажные, беспитейные обеды надбавят мне несколько лишних месяцев в жизни. Старик Юсупов, встретившись с известным St. Germain [Сен-Жерменом], спрашивал его о тайне долгоденствия, если не вечноденствия. Всей тайны он ему не открыл, но сказал, что одно из важных средств есть воздержание от пития, не только хмельного, но и всякого. К подтверждению этого правила можно назвать покойницу Самарину, несмотря на то, что покойница вообще плохое убеждение в деле жизни. Но она дожила едва ли не до 100 лет на ногах, при зрении, и этого будет с человека. Надобно, чтобы всегда что-нибудь бесило меня. В жизни разъездной мои естественные враги: извощики, кучера. В жизни сидячей — разнощики. Крик некоторых из них дергает мои нервы. Например, *апельсины, ламоны, каро* —— *ш*. Этот *ла*, это протяжение на последнем слоге, это басурманское окончание на *рош* выводит меня из терпения.

Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, от того, что в «Mémoires» [«Мемуарах»] о Байроне (Moor [Мура]) нашел я отрывки дневника его [14]. А меня черт так и дергает всегда во след за великими. Я еще не расписался, или не вписался: теперь пока даже и скучно вести мне свой журнал. Но, впрочем, я рад этой обязанности, давать себе некоторый отчет в своем дне. Между тем и письма мои к жене род журнала.

16-го [*июня*].

Писал к жене коротенькое письмо. —«Üeberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit, gesammelt von Heinrich Zschokke» [3*]. 340 стран[ица]: — «*Messieurs, au nom du Ciel, épargnez-moi! Laissez moi le temps de prier Dieu*» [4*]: последние слова Павла. Эпитафия ему.

On le connut trop peu [5*], lui ne connut personne;
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant; même sous la couronne,

[1*] И вот как пишется история (*фр.*).
[2*] Он ничего не пьет (*фр.*).
[3*] «Примечания к истории нашего времени, собранные Генрихом Цшокке» (*нем.*).
[4*] Господа, во имя неба, пощадите меня! дайте мне помолиться богу (*фр.*).
[5*] *П. А. Вяземским вписано карандашом*: «peu». *На полях запись*: (недостает слог один в 1-ом полустишии), вероятно, *peu*.

Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux.
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux [1*].

«Pahlen kam bei dem Kaiser Alexander an, als dieser Fürst, ausser sich, ausrief: „Man wird sagen, ich sei der Mörder meines Vaters; man hatte mir versprochen, sein Leben nicht anzutasten; ich bin der unglücklichste Mensch von der Welt!„» [2*] В «Revue Britannique» [«Ревю Британник»] 1826 года февраль — почти та же статья в сокращении. Перед выше приведенными словами здесь: «Ah, Pahlen, quelle nuit!» [3*] — *Яшвиль*, *Гарданов* (адъютант конной гвардии), «*Tatarinoff*, *der Fürst Wesemskoy und Scariatine* waren mit dem Kaiser im Landgemenge.— (Die Kaiserin) nun gab sie Poltaratskoy eine Ohrfeige» [4*] [15].

Была у меня вечером кн. София Волконская. Я ничего путного не делаю, однако же не скучаю, а в доказательство часы у меня всегда вперед, против моих расчетов и удивляюсь, что уже так поздно. Дал я в *Газету* статью о наших модо-литературных журналах. Тоди бы дело теперь пересмотреть мне моего Адольфа, написать предисловие к переводу [16]; подготовить хотя том один моих стихотворений. Но что же делать, когда и к легкой работе ни сердце, ни рука не лежит? Hinc illae lacrimae... [5*] Неужели в самом деле учение истории может быть полезно, как предосторожность? Неужели мы проведем завтрашний день благоразумнее, если узнаем, что сегодня делалось во всех домах Петерб[урга]? История не полезнее другого: она потребность для образованного человека, в котором родились нравственные, умственные нужды, требования. Как мне потребно будет слышать Зонтаг, когда она сюда приедет. Я от того не буду ни умнее, ни добрее, ни даже музыкальнее, а не менее не слышать ее было бы живое неудовольствие.— —

«*Ich sehe dass es Zeit ist meinen grossen Coup auszuküpsen*, sagte er, als sich eines Abends bei der Frau von Gagarin, in der überlten Laune befand. Er sagte das nämliche zu seinem Oberstallmeister Kutaissow, indem er hinzukügte: *Nachher wollen wir ohne Zwang wie zwei Brüder leben* — Pahlen wollte das Werk schon Sonntags den 22 Mars ausführen: allein der Grossfürst bestand darauf, dass dieser erst Montags geschehen solle,

---

[1*] Его знали слишком мало, он никого не знал. Деятельный, всегда торопливый, вспыльчивый, повелительный, любезный, обольстительный даже под царским венцом, он хотел править один, все видеть, все делать лучше; он породил много неблагодарных и умер несчастливым (*фр.*).— *Перевод П. А. Вяземского.*

[2*] Пален подошел к царю Александру в то время, как он выкрикивал, вне себя: «будут говорить, что я убийца моего отца; мне обещали не лишать его жизни; я самый несчастный человек на свете!» (*нем.*).

[3*] Ах, Пален, какая ночь! (*фр.*).

[4*] Татаринов, князь Вяземский и Скарятин были вместе с царем в деревенском поместье. (Царица) дала Полторацкому пощечину (*нем.*).

[5*] Отсюда те слезы ... (*лат.*).

indem diesen Tag die Wache am Michaelspalaste dem Gardebataillon Semenovski anvertraut werden solle, welchen der Grossfürst persönlich kommandirte, und das ihm sehr ergeben war»[1*] [17].

17-го [*июня*]

Ceux vraiment sont heureux
Qui n'ont pas le moyen d'être fort malheureux[2*]

сказал старый поэт Lagrange [Лагранж].

18-го [*июня*].

Я написал длинное письмо Дмитриеву, Пушкину В. Л., Американцу: по почте жене и Мещерской, записку в ответ Слепцовой. Была у меня Эрминия, Дашков, Ник. Муханов, Малевский, Сергей Львович[18]. Я весь день почти ничего не успевал делать, то есть и порхать по книгам; а все молол языком. Большую же часть писем написал я вчера вечером: московские отправляются с *Деларю*. — Как хорош Paul Louis Courrier [Поль Луи Курье]! Надобно о нем написать статью. Письма его смесь Галиани, Даламберта, Байрона[19]: не говоря уже о грецизме их. .

Не знаю, кто-то рассказывал мне на днях, кажется, Дельвиг, о чете чиновной, жившей напротив дома его: каждый день после обеда они чиннехонько выйдут на улицу, муж ведет сожительницу под ручку и пойдут гулять: вечером возвратятся пьяные, подерутся, выбегут на улицу, кричат караул и бутошник придет разнимать их. На другой день та же супружеская прогулка, к вечеру то же возвращение и та же официальная развязка.— Дашков мне сказывал, что у него есть еще отрывки из восточного путешествия своего, и, между прочим, свидание его с Египетским пашею. Дашков по возвращении своем в Царьград, по восстании Греков, должен был из предосторожности сжечь почти все свои бумаги, все материалы, собранные им в путешествии. Оставшиеся отрывки писаны на французском языке и выбраны из депешей его. — Он сказывал мне, что я писал ему в Царьград о Жуковском: «Сперва Жуковский писал хотя *для немногих*, а теперь пишет ни для кого»[20].

[1*] «*Я вижу, что настало время нанести мой большой удар*»,— сказал он однажды вечером, находясь у госпожи Гагариной и будучи в дурном настроении. Примерно то же самое он сказал и своему обершталмейстеру Кутайсову, добавив при этом: «*После этого мы без стеснения будем жить как два брата*».— Пален хотел совершить дело уже в воскресенье 22 марта: однако великий князь настаивал на том, что событие должно произойти лишь в понедельник, так как караул в Михайловском дворце в этот день должен был нести гвардейский Семеновский полк, находившийся под командой самого великого князя и особенно ему преданный (*нем.*).

[2*] Истинно счастливы те, у которых нет возможности быть очень несчастливыми (*фр.*).

19-го [*июня*].

Сегодня день довольно пустой. Один Courrier [Курье] своими Памфлетами понаполнил его. Что за яркость, что за живость ума. Вольтер бледен и вял перед ним. Вот моя вокация: я рожден быть памфлетером. Мои письма, которые в некоторой части, ничто иное, как памфлеты. Впрочем, так видно и судили их свыше: и мои опалы политические все по письменной части. Был у меня сегодня Горголи: борода его и вообще нижняя часть лица — Бенкендорфская: видно тут и есть организм полицейский.— Отослал я стихи Екатерине Тизенгаузен. Я отыскал, что Шеридан иногда заготовливал свои шутки и выжидал случая вместить их в удобное место. То же бывает со мною. Часто понравится мне фраза где-нибудь и скажу себе: хорошо бы цитовать ее при таком-то случае и обыкновенно случай скоро встречается. Сегодня говорил мне Пушкин [21] об актере Montalan [Монталан]: я применил к нему стих Лафонтена: «Voilà tout mon talent, je ne sais s'il suffit» [1*]. Я помню, что когда-то писал к Карамзину, что Москва при приезде какого-нибудь почетного лица, принца, ученого, обыкновенно сварит жирную уху, жирную колебяку (как надобно: *ко* или *ку?*) и, подчивая приезжего, говорит:

Voilà tout mon talent, je ne sais s'il suffit.

А у меня ведь много острых слов пропадающих, и странное дело, я не слыву остряком. Впрочем, je n'ai pas la repartie prompte [2*], ни того, что называется du trait [3*], особливо же изустно. В памфлетах моих другое дело. Например, вопрос мой в письме Тургеневу по смерти Козодавлева: правда ли, что его соборовали кунжутным маслом? есть, без сомнения, одно из самых веселых и острых слов [22]. Надобно мне отобрать свои письма у моих корреспондентов и подарить их Павлуше: тут я весь налицо и наизнанку. Более всех имеет писем моих: Александр Тургенев, жена, Александр Булгаков из Варшавы, Жуковский, но они верно у него растеряны, имел много Батюшков, но, вероятно, пустых, до 12-го года писанных, я тогда жил па ветер, Михаил Орлов. А потом у женщин. К кому я не писал: эти более по-французски.

22-го [*июня*].

20-го и 21-го писал я к жене и к Карамзиной, читал Courrier [Курье], наслаждался им. Написал для *Газеты* статью о «Терпи казак — атаман будешь» [23]. Кончил чтение двух проектов о биржевых маклерах и проч. Теперь, что приближается день моего освобождения и охота к занятию пробуждается: противоречие как тут. В 9 № «*М*[*осковского*] *Те*-

---

[1*] Вот весь мой талант, не знаю, достаточно ли его (*фр.*). (Игра слов: фамилия Монталан созвучна произношению двух французских слов — мой талант).

[2*] Я не отличаюсь быстротой ответов (*фр.*).

[3*] Острословия (*фр.*).

леграфа», в отделении «Живописца», описано дело Лубяновского и Таубе с имением Разумовского. Это хорошо. Только такие статьи должны бы выходить в особенной газете для обихода провинциалов. Кто отыщет их в «*Телеграфе*» между пародиями на Жуковского, Пушкина, Дельвига, меня? Хорошо воскресить бы журнал Новикова, предполагаемый журнал Фон-Визина, журнал честного жандармства, в котором бездельники видели бы свои пакости, из коего правительство узнавало бы, что у него дома делается [24]. В этом журнале не должны быть выходки нынешнего либерализма, он должен быть издаваем в духе правительства, в духе нашего правления, если только не входит в дух его защищать служащих бездельников. Не нужно означать губернии, лица, о коих речь идет: глас народа будет пояснять. Можно даже не трогать и даже должно не трогать злоупотреблений по законодательной и судебной части, одним словом, почитать корни, а касаться злоупотреблений по одной исполнительной, административной части земской. И тут вышла бы большая польза. Гласность такое добро, что и полугласность божий свет. В тюрьме, лишенной дневного света, и тусклая лампада благодеяние и спасение. Как ни говори, а Лубяновскому горько будет прочесть 9 № «*Телеграфа*» и думать, что в Пензенской губернии его читают, и бояться: не прочтут ли в Петербурге и не спросят ли объяснения. А то ли бы дело летучие листки, которые лежали бы на всех столах в уездах, зеркала, в которых бы во всех домах виделись исправники, заседатели. Для избежания клеветы, впрочем, и клеветы быть не может, потому что никто бы не назван был, редактору такой газеты нужно иметь корреспондентов во всех губерниях, корреспондентов честных, известных с хорошей стороны, а не печатать все без разбора, что пришлется из губерний.

23-го [*июня*].

Написал и отправил письмо к жене: в нем несколько мыслей о недостатке гимнастики в нашем воспитании. Вчера выехал в первый раз после падения. Сердце как-то билось, садясь в коляску и особливо проезжая мост. Обедал у Хитровой: читал письма отца во время войны 1812 года [25]: по большей части писаны по-французски, рука и правописание ужасные. Надобно списать несколько писем. В некоторых письмах он дивится своим успехам, умиляется. В одном письме упоминает он о сновидении, в котором приснился ему Наполеон и он сам, и посылает его к дочери, но сон не отыскался. Упоминает о слове, прославленном после Прадтом: du sublime au ridicule, etc. [1*] Молчанов сказывал, что Александр очень не любил Кутузова. Когда дела военные приняли худое направление и боялись в Петербурге пришествия французских войск, начали укладывать и вывозить казенные сокровища: и памятник Петра Великого был назначен

[1*] От возвышенного до смешного и т. д. (*фр.*).

к отправлению в случае неминуемой опасности. Молчанову поручено было государем это отправление и отдана в распоряжение его на тот предмет сумма денег, кажется, 20 000 руб. Когда Москву освободили и война приняла другой оборот, Молчанов между другими докладами государю, спросил у него, куда прикажет он обратить вверенную ему сумму, уже ныне не нужную вследствие успехов Кутузова.— «Нет,— прервал государь,— это ничего не значит, оставь их еще у себя: ты не знаешь Кутузова, он такой человек, что думает только о себе: будь ему хорошо, а прочее все пропадай»[26].

Фикельмонт рассказывал мне странное обстоятельство, которое привело Бернадоте на Шведский престол. Он (Фикельмонт) был в Швеции посланником и слышал эти подробности от многих государственных людей. Во время войны шведов против французов между прочими взят был в плен молодой шведский офицер. Бернадоте, командовавший франц[узскими] войсками, обращался весьма хорошо и кротко с пленными. Когда шведский сейм был занят избранием наследника престола и колебался в выборах, молодому офицеру, упомянутому выше, пришла мысль, которую сообщил он, кажется, одному пастору: Швеции не знать спокойствия, не защитить себя от русского влияния, если не прибегнет она к покровительству Франции и не примет из рук Наполеона наследника престолу своему: этот наследник должен быть Бернадоте. Пастор подался на его мнение. Сказано и сделано. Молодой человек скачет на другой день в Париж, является к Бернадоте и говорит, что Швеция желает иметь его. Бернадоте отвечает, что предложение для него лестно, но что ему нужны свидетельства уполномочия его от сограждан. Тот продолжает уверять, что все шведы хотят его, идет он после к некоторым шведам из знатных фамилий, предлагает им свою мысль, воспламеняет им головы, и шведская депутация является к Бернадоте и подтверждает предложение. Отселе начались переговоры и Бернадоте, Карл XIV, один уцелевший обломок из огромного корабля революционного, нареченного после Наполеоновским[27].

24-го [июня].

Вчера был у меня Жуковский, ехавший в Петергоф; перебирали всякую всячину. Он обедал у меня. Говоря об Алекс[андре] Тургеневе и об одной любви его, он сказал: да он работал, работал и наконец *расковырял* себе страсть. Вечером был в Елагинском театре: «Mariage de Figaro» [«Женитьба Фигаро»].

25-го [июня].

Отправил письма к жене, Васильевой, Карамзиным и письма Жуковского.

27-го [июня].

Отправил письмо к жене. Третьего дня к Алек.: с Ободовским и книги: «Юрий Милославский», «Монастырку», «Денницу», «Северные цветы» 30-го года и «Лит[ературную] газету» по 27 число[28]. Вчера обедал на Олимпе, то есть у Гнедича, был на Елагинском гулянии, у Голицыной полуночной. В ней есть душа и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы. Говорили о nationalité [1*]: видно, что чувство в ней есть, но оно запутывается в мысли. Большинство решило, что Наполеон точно любил Францию: следовательно, патриотизм не всегда благодетелен. Я сказал:

On peut aimer fort sans aimer bien [2*].

28-го [июня].

Обедал вчера у Дюме, после обеда к Булгаковым, Лаваль, во французский спектакль и на вечер в Австрию. Там Бразильские и Португальские дипломаты.

29-го [июня].

Писал вчера в Ревель; обедал в Австрии, вечером в Сивильском цирюльнике итальянском и домой. В музыке Россини весь пыл, все остроумие, вся веселость прозы Бомарше. У Фикельмонт обедало семейство Стакельберг. Людольф так любезничал, так резвился, так юношествовал, что брякнулся в воду, хорошо что у самого берега. La grossesse de la femme et son accouchement quelques jours après la célébration du mariage sont-ils pour l'époux une cause de nullité du mariage? (non.) [3*].

Так решил в Париже трибунал 1-й инстанции. «Gazette de tribunaux» [«Судебная газета»] 18 июня 1830.

C'est un peu fort [4*]. Чем же доказывают справедливость решения? Que l'erreur sur les qualités de la personne n'était pas une cause de nullité, qu'on n'admettait que *l'erreur sur la personne même* [5*]. Да, если обманом дадут жену, у которой, например, нога деревянная, глаз стеклянный, плечо из слоновой кости, и что в брачное ложе войдет к вам не женщина, а отвлеченный обломок женщины: неужели и тут нет повода к уничтожению брака? Особа та же, но есть подлог в доброте ее. Как? Можно искать суда на подкрашенную шубу, на фальшивый жемчуг,

---

[1*] О национальности (*фр.*).

[2*] Можно любить сильно, но это не значит любить хорошо (*фр.*).

[3*] Является ли беременность женщины и ее роды, несколько дней спустя после свадьбы, поводом к расторжению брака? Нет (*фр.*).

[4*] Это уж слишком (*фр.*).

[5*] Заблуждение относительно качеств данного лица не было поводом к расторжению брака, как повод допускалось лишь заблуждение в отношении самого лица (*фр.*).

а нет суда на фальшивую девственность, то есть не только фальшивую, но и беременную? Правда, что к утешению мужа: l'action en désaveu de paternité est-elle recevable? (oui.) [1*] Есть русский анекдот про немца, который женился на девице, разрешившейся на другой день свадьбы. Он говорил — славны русские жены: сегодня [...] завтра *родил* [29].

1 июля.

29-го был я в Александровском монастыре. Отслужил молебен, был не могиле Карамзина. Обедал с Дельвигом и Львом Пушкиным в кабаке Grand Jean [Большой Жан]. В письме вчерашнем к жене описываю этот обед. После у Белосельской, вечером чай пил в Австрии. Фикельмонт рассказывал мне о Неаполитанском походе. В Abruzzes [Абруцца] нашли они два дерева срубленные и переложенные по дороге, да ров, который ребенок мог перешагнуть. Вот все средства защиты, употребленные неаполитанцами. Ох! уж мне эта Неаполитанская революция! Сколько мне она дурной крови наделала. А Нессельроде Варшавский, который торжественно входит ко мне утром рано и спрашивает: Неужели не догадываешься почему я так рано у тебя? —Я, кажется, и знал, но не имел духа признаться. Австрийцы взошли в Неаполь. Вот судьба, а теперь я сблизился с Фикельмонтом [30]. Вчера отправил письмо к жене. Обедал у Дашкова, заезжал к Булгак[ову] и в франц[узский] спект[акль]. У Дашкова видел Минчиаки Константинопольского.

4 июля.

Писал к жене. 1-го поехал в Петергоф, заезжал на Черную речку проведать о маленькой Австрии. Приехал к Жуковскому, у него с ним обедал. Пошел в сад, волнение народа. Нога не позволила мне наслаждаться бродяжничеством по толпе. Шатался около дворца, в сенях, заходил к Дона Соль, простоял на лестнице во время маскарада; Жуковский устроил мне уголок на линейке Кочубеевых. Ездили по иллюминованному саду. Хорошо, но не баснословно, нет очарования. Большая однообразность в освещении, а может быть и некоторая скудость, а может быть и во мне была проза. Ночевал у Жуковского, поехал в *Гостилицу* к Потемкиной обедать. Подарено было Елисаветою Разумовскому: продано Потемкину нынешнему владельцу за 900 000 слишком. Поместье прекрасное, природа живописная. Хозяйка милая, кроткая, ясная. Ланкастерская школа. При последнем Разумовском бунтовали крестьяне, выведенные из терпения худым управлением. Потемкина выпросила у государя нынешнего возвращения сосланных по этом делу крестьян, человек 60, в Сибирь. Много было препятствий со стороны министерства, но Потемкина победила. Крестьяне возвращены с приращением семейным: пришли душ сто. Ведут себя хорошо: только одна жена, более других плакавшаяся об ссылке

[1*] Отречение от отцовства может ли быть признано? (Да.) (*фр.*).

мужа, теперь недовольна соединением с ним, которое празднуется брачными драками. Надзирателем Ланкастерской школы крепостной человек, сидевший в остроге и посаженный во время гонений на религию у нас (у нас всего было довольно), его обвиняли в завербовании Евангельском. Потемкина достигла цели своей: человека выпустили из острога и она купила его у прежней помещицы. Минутами, по выражению лица, по движениям, она напоминала мне кн[ягиню] Зенеиду. Но Зенеида — Корина язычная, а эта Корина христианская: вдохновение снисходит на нее благодатью. Она мне говорила про свою тещу, худо оцененную обществом.

5-го [июля] (продолжение).

Она была сперва расточительна и пеняла первому мужу своему за бережливость его: в ответ он показал ей, что на нем значительный долг. При этом слове решилась она переменить образ жизни своей и положение дома. Так и сделала. В завещании своем отказывает она свой гардероб горничным женщинам своим и вспоминает однажды, что она по целому году не шьет нового платья себе, ходит в затасканном и изношенном и, следовательно, не много оставит своим женщинам. С этой минуты шьет она себе каждую неделю новый капот; покупает шали и удивляет знакомых своих необыкновенным щегольством. Когда они ей говорят о том при Потемкиной, она обращается к ней: «Vous savez ce que cela me rappelle» 1*. Однажды M-me Noiseville [Г-жа Нуазвиль] говорит при ней о затруднении своем приискать 10 000 рублей взаймы для г-на Vaudreuil [Водрейль], находящегося в самом стеснительном положении. Через несколько времени он получает неизвестно от кого и откуда нужную ему сумму. Открылось, что деньги посланы были к[нягиней] Юсуповою [31]. Вот черта из жизни г-жи Лаваль, похожая на это: она также слывет скупою и мало сострадательною. Узнав от Жуковского, что нужно более 10 000 рублей на выкуп из беды чиновника, истратившего казенные деньги, она дает ему ломбардный билет на эту сумму.— Вчера обедал я в Кабаке, поздно, один, там в «Barbier de Séville» [«Севильский цирюльник»], там в Австрию. Сегодня писал к Карамзиной. M-me Noiseville [Г-жа Нуазвиль] сказывала мне стихи Белосельского, пишу их на память, но, кажется, так:

Si Souvoroff, si grand, si fortuné
Est le père de la victoire,
Bagration en est le fils aîné,
Il joue avec la mort et couche avec la gloire 2*.

1* Вы знаете, о чем мне это напоминает (*фр.*).

2* Если великий и любимый счастием Суворов
Является отцом победы,
То Багратион — ее старший сын,
Он играет со смерью и спит со славой (*фр.*).

Говорят, Оскар похож лицом на Багратиона.— Кажется, что в «Barbier de Séville» [«Севильском цирюльнике»] ошибка, что Фигаро лечит людей прислужников доктора Бартоло.— Кажется, во Флоренции или другом италианском городе после какого-то ночного беспорядка приказано было от полиции не иначе выходить ночью на улицу, как с фонарем. Молодой St. Priest [Сен-При] расписал свой фонарь карикатурами городских чиновников и ходил по улицам с этим траспараном. Он застрелился у себя дома накануне, т. е. в ночь Светлого воскресения. Утром нашли его на полу, плавающего в крови, и собаку его, облизывающую кровь его раны. Самоубийство его не имело явной причины [32]

6-го [июля].

Был в департаменте, обедал у именинника (вчера) Сер[гея] Льв[овича] Пушкина. Вечером писал письмо к жене, сегодня отправленное при фунте шерсти и Гофмане с Мухановым. Вечером был на Крестовском у Сухозанет. Закревская, Мордвинова, Поливанова, le reste ne vaut pas la peine d'être nommé [1*]. Принц Оскар говорил с сожалением Жуковскому, что обстоятельства бросили его на сцену света, прежде чем успел он порядочно совершить учение свое. Храповицкий, представитель русского народа при Оскаре, вмешался в разговор и сказал: «Monseigneur, vous m'encouragez: maintenant je n'aurai plus honte d'être ignorant, apprenant que vous l'êtes aussi» [2*]. — Император Алек[сандр] говорил, когда я вижу в саду пробитую тропу, я говорю садовнику: делай тут дорогу. Любопытно знать: просто ли это садоводное замечание или государственное. Во всяком случае оно признак ума ясного, открытого и либерального. Есть и садовый либерализм и садовый деспотизм.— Потемкина спрашивала у царя нынешнего, не осуждает ли, что она завела у себя Ланкастерскую школу. Он отвечал ей, qu'il était faché de voir qu'elle avait une aussi mauvaise opinion de lui [3*] [33]. Жуковский говорит, что у нас фарватер только для челноков, а не для кораблей. Мы жалуемся, что корабль, пущенный на воду, не подвигается, не зная, что он на мели. Вот канва басни. Он мне говорил это, возражая на мнение о бездействии Д. [34], которым я недоволен как обманувшим ожидания. Надобно непременно продолжать мне свой журнал: все-таки он отразит разбросанные, преломленные черты настоящего. Я сегодня переписывал Ф[он]-Визина, письма его к родным, журнал: весело читать, ибо есть индивидуальность, физиономия времени. В Петергофе прочел я «Le moqueur amoureux» [«Влюб-

---

[1*] Остальных не стоит труда и перечислять (*фр.*).

[2*] Монсиньор, вы придаете мне бодрости: теперь мне не стыдно быть невеждой, зная, что и вы страдаете тем же (*фр.*).

[3*] Что ему досадно, что она такого плохого мнения о нем (*фр.*).

ленный насмешник»], роман Sophie Gay [Софи Гэ]; слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостиной, и трилогию Христины Dumas [Дюма]. Эти новые трагедии хуже Расина, но лучше трагедий подмастерьев Расина: Лагарпа, Колардо и tutti quanti [1*]. Теперь должно ожидать Расина романтика. А сравнивать обе школы в настоящем их положении несправедливо. Расин не потому хорош, что он трагик классический — нет, франц[узская] трагедия классическая тем хороша, что у нее или за нее Расин [35].

8-го [июля].

6-го просидел у меня все утро Жуковский. Поехали обедать к Булгакову. Ездил с ним по Неве. Гуляние Крестовское. Петербург[ские] гуляния напоминают Елисейские поля (но, вероятно, не Парижские): точно тени бродят. Не видать движения, не слыхать звука. Это называется общественным порядком. Говорят, при Александре запрещено было кататься по Неве с песельниками и музыкантами. Да и публика высшая у нас сонная. Потом поехали во французский спектакль. Душно и скучно. Какая-то пьеса, в которой выведены брат и сестра Скюдери. Вечером был у Элизы [36]. Вчера 7-го был у Хвостова, не застал. Обедал у Завальевского на Петергофской дороге с Дельвигом и Львом Пушкиным. Жженка. Возвращаясь с Дельвигом, говорили о бессмертии души. Он ему верит. Я говорил, что не понимаю жизни, и как понять ее в тот день, в который были у меня две цели: Хвостов и Завальевский. Оттуда поехал к больной Элизе, а на поздний вечер к Пушкиной. Прочитал: «La mort de Henri trois», par Vitet [«Смерть Генриха третьего», сочинение Вите]. Довольно слабо. Из всех этих пиес «La conspiration de Mallet» [«Заговор Малле»] жемчуг. Она писана, сказывают, двумя молодыми людьми [37].

9-го [июля].

Писал к жене, M-me Robert [г-же Робер], Софии Карам[зиной]. В письме к жене говорю о Павлуше, розгах; сравнил я страх с щукою. Кто любит ее, тот заводи в пруду, но знай, что она поглотит всю другую рыбу. Кто хочет страха, заводи его в сердце подвластного, но помни, что он поглотит все другие чувства [38]. Вчера выехал я из дома в 6-ом часу. Обедал, после обеда у Андрие, застал там доктора Вилье. Тяжелый говорун, выставляет свою преданность памяти покойного. Ездил на Охту на чай к Багреевой, а конец вечера на Черной речке в Австрии. Вероятно, в целый день не слыхал я и не сказал путного слова, то есть прочного, то есть в котором был бы прок. Не будь у меня переписки и можно было заколотить слуховое окошко ума и сердца.

1* И всех прочих (*ит.*).

11-го [*июля*].

Писал к жене.

14-го [*июля*].

Ополье. 5-я станция от Петерб[урга]. Придется просидеть здесь часов пять за изломавшейся осью. Нет мне счастия в веществах колесных. Я думаю и фортуна мне от того не с руки, что она ⟨ездит⟩ вертится на колесе. Несколько дней в журнале моем пропущено за хлопотами к отъезду. Ездил к Канкрину проситься в отпуск. Он сказал мне: «*Милости просим*». По-настоящему это значит: *милости просим вон*, c'est le cas de dire: mais dans la bonne acception de ce mot [1*], как говорил Курута о греческом слове, значущем *I. F.*, которое в[еликий] к[нязь] несколько раз повторил ему в разговоре. Он мне говорил о «Коммерческой Газете», что она в жалком положении, о желании его, чтобы я в ней участвовал, прибавив какую-то ласковость о моей литературной известности. Я отвечал, что рад работать, что желал бы иметь от него заданные темы. Тут опять брякнула известная струна его. «Да у меня и теперь есть на *ферстаке* важное дело, но, разумеется, должен я сам обработать его» и пр. Был я у Бенкенд[орфа]. Принял учтиво, но, кажется, холоднее прежнего. Впрочем, тут действует, может быть, мнительность нежности. Звал меня приехать к нему в Фаль, когда он будет в Ревеле [39]. Писал я к жене 12-го и 13-го. В эти дни всего замечательнее были мои свидания с Красиньским. Все тот же и хорош. Пуст, но не пустотуп, как наши. Il a de la verve [2*]. В первый раз застал я его уже после обеда. И он был великолепен. Начал меня тютоировать, dis moi ce que tu veux, je te donne deux minutes pour y penser et je vais d'abord parler de toi à Benckendorf, au P-ce Liven [3*], Министру Просвещения. —— Я не знал, что отвечать ему. Начал меня дарить книгами, какие ни попадали ему под руки, тремя последними томами записок Казанова Польскими, надписывал на них дружеские надписи; на какой-то книге о Карпатских горах написал мне: «En souvenir de M-lle Rossetti» [4*], между тем скользил по паркету, обступался. За ликером и кофе сидел пред ним толстый польский викарий. Он сказал мне умное слово Меттерниха: «Tous les souverains sont élevés au-dessus de leur peuple de façon à pouvoir appuyer leur bras sur leur tête, mais l'empereur de Russie est seul sur une haute colonne dans un moment de danger il

[1*] Действительно можно так сказать, но в хорошем смысле этого слова (*фр.*).

[2*] Он остроумен (*фр.*).

[3*] Скажи мне, чего ты хочешь, даю тебе две минуты на размышление, и я сначала поговорю о тебе с Бенкендорфом, князю Ливену (*фр.*).

[4*] На память о мадмуазель Россети (*фр.*).

n'ai ni sur qui, ni sur quoi s'appuyer» [1*]. Здесь Красиньского очень ласкают. Я полагаю, что лучи Наполеона на нем, несколько мерцающие, светят им в глаза. А если они в виде его думают обласкать Польшу, то расчет не верен. Красиньского вовсе теперь в Польше не уважают. Коекакая национальность, которою он пользовался, возвратившись с остатками Польско-французскими, войсками герцогства Варшавского, уже в обрусевшую Варшаву, совершенно выдохлась на Бельведере и в особенности в Сенате по последним делам государственного суда. Впрочем, у нас не узнаешь, чем понравишься. Может быть, в нем то и полюбили, что нация отворотилась от него. А между тем в нем есть какая-то смелость, разумеется, несколько пьяная и вообще никогда не трезвая, то есть нравственно трезвая, обдуманная, основанная. В Петергофе гласно фрондирует он с фрейлинами, за обедом солдатизм; находит сходство в Софии Урусовой с Лавальерой... Le Jacobonisme du despotisme [2*]: его выражение. J'ai des crapauds qui viennent dans ma chambre, personne ne les voit, parce que c'est chez moi qu'ils viennent [3*] [40].

Биб[иков] рассказал мне рассказанное ему Б.: [41] однажды вбегает к нему жандарм и подает пакет, подкинутый на имя его в ворота. Распечатывает и находит письмо к государю с надписью: *весьма нужное*. Едет, отдает его. Г[осударь] раскрывает его, и что же находит: донос на сумашествие Муравьева «А в доказательство, что ваш г-н статс-секретарь истинно помешан, прилагаю у сего сочинение его». Госуд[арь] говорит: «Что с этою бумагою делать? Отослать ее к Муравьеву и спросить мнение его». Покойный король Англии еще в молодости был болен. Доктора запрещали ему выезжать, а ему хотелось в маскарад, и на увещание докторов отвечал он версетом Евангельским: «Блаженны умирающие in domino» [4*].

19-го [июля]. Ревель.

Я приехал 15-го вечером. 16-го, 17-го купался по одному разу в день. 18-го два раза и, надеюсь, впредь также. 16-го был концерт в зале Витта. 17-го бал у Будберга. Ревельские розы по-прежнему свежи и по-прежнему некоторые из них пахнут не розою. Дорогою прочел я «Le connétable de Chester» [«Коннетабль честерский»]. Вальтер Скотт тут немного мелодрамничает. В мае «Revue française» [«Ревю франсез»] очень хорошая статья о нынешней Швеции. Кажется, Бернадоте слишком отказывается от преж-

---

[1*] Все государи возвышаются над своим народом так, что могут опереться рукой на его голову; только русский император стоит в одиночестве на высоком столпе и в минуту опасности ему не на кого и не на что опираться (*фр.*).

[2*] Якобинство деспотизма (*фр.*).

[3*] В мою комнату являются жабы, никто их не видит, потому что они являются именно ко мне (*фр.*).

[4*] *Каламбур*: во господе (*лат.*), в домино.

него республиканизма своего. Напрасно. Австрия и Россия не спасут его или, по крайней мере, династии его: ему более другого должно прямодушно связаться с народом своим и опереться на том, что он сделает в пользу народа. Наполеона пример перед ним. La légitimité [законность] свое возьмет, и Оскар, если пойдет по следам отца, то есть наперекор сильного, конституционного направления, однажды уже данного Швеции, не усидит. Французские кадрили его в Петергофе и Гатчине не выкупят его в черный день. Главы оппозиции на долгом Сейме 1828—1830: Charles Henri, baron d'Anckarsward [Шарль Анри, барон д'Анкарсуард], сын маршала Сейма, ознаменованного переворотом 1809 года, de Rosenschield, de Hyerta, le comte de Kralich, M. de Rosenquist. M. de Sillen se plaingnit de ce que le son des cloches le matin et le soir, incommodait le public[1*].

В Палате крестьянской оппозиционные главы: Anders Danielson [Андерс Даниэльсон], Gaspard Wikman [Гаспар Викман], Lars Anderson [Ларс Андерсон]. Красноречивый Nils Mausson, paysan de Scanie [Нильс Мауссон, крестьянин из Скании]. «Швеция, — сказал он в одной речи своей,— особенно обязана журналам. Они дали нам знать, что есть французский маршал, соединяющий с смелостию и дарованиями блестящими великодушное человеколюбие к шведским военнопленным: сей маршал ныне наш царь. — Если за двадцать лет пользовались бы мы свободою печатания, думаете ли вы, что Финляндия, треть державы нашей, была бы отторгнута от нас предательством ее защитников. Будет ли зависеть от прихоти царского канцлера лишить нас сего источника познаний? Должно ли будет верить нам непогрешимости его, подобно кафоликам, верующим в непогрешимость папы, предками нашими отверженную. Бог, сотворя мир, сказал: «да будет свет» и бысть. Создатель хотел ли, чтобы сей свет был нам чужд? Когда он послал сына своего спасти мир, сей божественный искупитель запечатлел свой подвиг и свое учение следующим правилом: *грядите стезею света*, христиане! Как осмелиться нам блуждать во тьме». В начале апреля нын[ешнего] года журнал Medbor Garen [Медбор Гарен], издаваемый Анкарсвердом и Hjerta [Иерта], был запрещен[42].

20-го [*июля*].

Вчера отправил большое письмо к жене. Купался в седьмом часу утра и в два. Ездили в Тишерт с Ревельскою публикою. M-lle Benckendorff est la reine de l'Esthonie et M-lle Morenschield le P[rince] royal[2*]. В самом деле в ней что-то пажеское, херувимское, но не херувима библейско-

---

[1*] Де Розеншильд, де Иерта, граф де Кралих, г-н де Розенкист. Г-н де Силлен жаловался на то, что утренний и вечерний звон колоколов мешал обществу (*фр.*).

[2*] Мадемуазель Бенкендорф является королевой Эстонии, а мадемуазель Моренщильд королевским принцем (*фр.*).

го, а Бомаршевского. Жена барона Палена, генерал-губ[ернатора], урожденная *Гельвециус*. Она была совоспитанница, бедная, первой жены его, из фамилии Эссен. Ныне первая дама Эстляндского герцогства. Скромность, смирение первой половины жизни сохранились в ней и на блестящей степени. Довольно миловидна, что-то птичье в лице. Баронесса Будберг сказывала мне, что до приезда дона Мигеля в Вену le fils de l'homme[1*] мало знал об отце своем, имел о нем одно темное, глухое предание. Тот ему все высказал. Это несогласно с сказанным мне графинею Фикельмонт, которая уверяла меня, что он был очень хорошо воспитан и полон славою отца[43]. Не глупо ли, что мы говорим и пишем *Гельвеций*, по какой-то латинской совести, весьма неуместной в этом случае? Что за латинское слово le fermier-général Helvetius?[2*] Об этом латинизме нашем кстати сказать: заставь дурака богу молиться, он себе и лоб расшибет. Следовательно, и живописца нашего, *Гипиус*, должно перекрестить в *Гипия*. А графа *Брюс*, как же? в *Брюй*, или в *Брьий*?

21-го [*июля*].

Вчера купался два раза, в 10-м часу утра и в 10-м часу вечера. Море меня подчивает валами. Так и валит. Оно одно здесь кокетствует со мною. Хромота моя не дает сблизиться с царицею и с принцем. Один вальс сближает. Обедал у Будберга: там Пален, Паткуль, комендант, Данилевский небритый и сердитый на ревельский песок, M-me Бланкенагель из Риги. Будберг, адъютант Дибича, был послан из Андрианополя в Константинополь уже по заключению мира с известием, что если через три дня не исполнит Диван условий, ему предписанных, фельдмаршал велит двинуться своему авангарду. Гордон, английский министр, говорил Будбергу: чего хочет ваш фельдмаршал? Истребления Оттоманской империи? От него зависит. — Вечером бал в салоне Витта. Немецкая бережливость: допивали и доедали запасы, оставшиеся от вчерашнего пикника в Тишерте. С Будбергом, губернатором, выгодно пускать шутки в оборот; с одного его берешь сто процентов. Он всему смеется за сто человек. Я рассказывал ему о Ланжероне, слово его Паулуччи при отставке последнего: «Eh bien, général, vous êtes dehors. — Oui, mais l'empereur a été si bon... Ah, oui, je vois, vous êtes dedans»[3*]. — Слово его же: «*Ваше превосходительствò, порохỳ не бойтѐсь, но ви его и не видумалѝ*» — или ответ его государю Александру на вопрос, о чем говорят Милорадович и Уваров: «Pardon, Sire,

---

[1*] Сын человека (*фр.*) (*условное обозначение сына Наполеона*).
[2*] Откуищик налогов Гельвециус (*фр.*).
[3*] Ну вот, генерал, вы и в отставке.— Да, но император был так добр... — Ах, да, я вижу, вы попали в ловушку (*фр.*). (Игра слов: dehors — снаружи, dedans — внутри).

ces M.Mrs. parlent français, je ne les comprends pas» 1* — и он так расхохотался, что я боялся за него удара. Весь побагровел и валек на затылке его вздулся пуще прежнего [44].

22-го [июля].

Вчера купался в десятом [часу] утра и в десятом вечера в дождь. Дождь помешал мне ехать в Виттов салон. Сегодня писал я коротенькое письмо к жене. Вчера перечитывал несколько глав перевода «Адольфа». Государь в проезд свой через Дерпт был всем очень доволен, но увидел одного студента без галстуха и заметил о том Палену. Пален сделал выговор студенту, наказывая ему, чтобы он впредь так не ходил. Студент с удивлением отвечал, что у него галстуха и в заводе нет. Его посадили в карцер. «Examen critique et résonné de l'enseignement dit universel, ou méthode Jacotot, par M. Durivan» 2*. Опровержение методы («Revue encyclop.», Novem., [«Ревю энсикл.», ноябрь] 1829)[45]. У нас по ценсурному уставу сочинения автора 25 лет по смерти его обращаются в общественную собственность. У французов после 20 лет. Следовательно, у нас нужен был бы по крайней мере 50-ти-летний срок. По деятельности, урожаю самдвадцать, сам-тридцать изданий в книжной торговле право давности во Франции не может быть в соразмерности с нами. Возьмите, например, сочинение посмертное, которое наследниками напечатается год или два после смерти автора. Едва успеет выйти два издания, если сочинение огромное, и наследники уже лишатся своего достояния.

24-го [июля].

Купался два раза, в 8-м [часу] утра и в 10-м вечера при луне. Кажется, уж слишком поздно. Обедал у Клюпфелей. После обеда пели Кольбарсы. Была молодая румяная баронесса Сакен; очень умильно и живо на меня поглядывала. Что же вышло? Она сходила с ума именно от любви к мужчинам и осталась одна любовь. Третьего дня был у Россильона, говорили о здешней мануфактурности, которой почти вовсе нет. Стеклянный завод, о коем писал мне Дружинин, уже не существует. Какой-то Унгерн заводит хорошую фабрику суконную; но она еще не в ходу. Есть где-то шляпная фабричка. Вообще, по словам Россильона, здесь нет фабричного движения, а одно рукоделие. По деревням ткут полотна, крестьяне ткут сукно себе на платье, или bure 3*. Шварц, фабрикант близ Нарвы, имел поставку одного офицерского сукна и получил большие пособия в прежнее царствование. Он был как-то употреблен прежде dans les

---

1* Простите, государь, эти господа говорят по-французски, я их не понимаю (*фр.*).

2* Критическое и обоснованное обследование так называемого универсального обучения, или метод Жакото, сочинение г-на Дюриван (*фр.*).

3* Грубая шерстяная ткань (*фр.*).

fonds[1*] и оказал услуги. Начинают здесь заниматься овцеводством. Эстландия и в особенности Ревель должны, кажется, пользоваться торговою и земледельческою промышленностью. Но порты заперты и хлеб без цены.

27-го [*июня*].

Вчера купался утром в 8-м часу и перед обедом в третьем. Обедал у Будберга. Говорили о фабрике записок, между прочими Gabrielle d'Estres [Габриэль д'Эстре], которая, вероятно, и грамоты не знала. Я говорил, что, восходя таким образом выше и выше, дойдут до записок Адама и Евы. После был у Левенштерна, виц-губер[натора]. Перед его дачею Христинский луг, так называемый потому, что был подарен царицею Христиною городу. Видел Магницкого, разговорчив и взглядывающий украдкою. Странная мысль сослать его в Ревель. Сказывают, Сперанский сказал: как можно послать Магн[ицкого] в Ревель? Туда посылают для здоровия, а он присутствием своим отравит воздух[46]. Вечером в салоне. Была царица. Написал я письмо к Россильону о здешних фабриках. Сегодня кончил я мой пересмотр «Адольфа».

26-го [*июля*].

Вчера купался два раза, утром и перед обедом. Вечер плясовый у Новосильцевых. La Reine y était[2*].— Старик Бенкенд[орф] отец жанд[армского] был очень рассеян и ленив. Он должен был писать раз в год императрице и так тяготился этою обязанностью, что перед наступавшим сроком говаривал: «J'aimerai presque plutôt aller moi-même»[3*]. А жил он в Ревеле. О нем же рассказывают, что он у кого-то засиделся на бале, долго после конца бала и удивлялся и досадовал, что хозяин не едет.— Сегодня писал к жене[47].

27-го [*июля*].

Купался вчера два раза до обеда. Вечером был у Тизенгаузен и потом с ними у Будберг. Старик Бенкендорф рассказывал Будбергу о времени волокитства Павла за Нелидовою в Гатчине осенью. Однажды пришел он в гостиную: перед маленьким столом, на котором стояли две свечи, сидел велик[ий] к[нязь] с Нелид[овой]. В глубине комнаты догорал огонь в камине. Разговор между двумя лицами был жив и вполголоса. Третьему лицу было тут неловко. Не смел он молчать всегда и слушать, не смел вмешиваться в разговор. Наконец Пав[ел] Петр[ович] говорит ему: «Eh bien, M-r de Benkendorff, vous ne vous occupez plus de

---

1* В верхах (*фр.*).
2* Царица там была (*фр.*).
3* Я бы скорей согласился пойти туда лично (*фр.*).

politique? — Et pourquoi non, votre Altesse? — Mais voici sur la cheminée la gazette de Hamburg et vous n'en prenez pas connaissance» [1*]. Бенкендорф отправился к камину и на беду его лежало на нем одно прибавление к газете. Делать нечего: читать должно при мерцающем свете потухающего камина. Чтение его продолжалось более часа. — Это напоминает сцену Папатачи в «Италианке в Алжире». — Вот французам дать бы эту оперу в Алжире при дее. Cela va devenir une pièce de circonstance d'a propos à Paris [2*].

Уж через час ее не будет между нами:
Светило милое, которым небосклон
Пред нашим взором был так пышно озарен,
Сокроется от нас густыми облаками [48].

Был я сегодня в эстляндской церкви. В темной глубине ее живописно пестреют разноцветные шапки эстляндок. Приятно видеть эту чернь грамотную с молитвенниками в руках. Перед выходом две старухи подходили друг к другу, приветствовались рукопожатием и одна у другой поцеловала руку. Я говорю, если привелось быть русским подданным, зачем бы уж не родиться эстляндцем, лифляндцем, курляндцем? Все же у них есть какое-то минувшее, на котором опирается настоящее с правами своими. Мы по пословице французской между минувшим и будущим ——— на землю[49]. Сказывают, и ныне существует во всей древней силе своей вражда между курляндцами и лифляндцами.

28-го [*июля*].

Сейчас ходил осматривать сахарный завод. Клеменс сдал его Гартману за 2500 р. в год (по словам подмастерья, поляка из Минска, а вероятно жида: за 5000), он же получает часть в привилегированной плате от казны на 140 тыс. пудов, на десять лет, данной Клеменсу. Но зато песок должны они получать из Петерб[урга]. Гартман говорит, что ему было бы выгоднее получать из Гамбурга или прямо из Лондона. Вываривается 25 000 пудов. Можно бы и более по устройству завода, до 100 тыс., по словам хозяина, до 300 тыс., по словам подмастерья; но нет выгоды выработывать более, нежели количество, требуемое Ревелью, Дерптом, Пернау. Производство по-старинному. Гартман не доверяет паровому производству. Берт предлагал Петерб[ургским] заводчикам купить у них секрет за 400 тыс. и с тем, чтобы у него же заказать все машины, всего около на миллион. Они просили доказать им прежде на опыте, что про-

---

[1*] — Что же, г-н Бенкендорф, вы больше не занимаетесь политикой? — Почему же нет, Ваше высочество? — Но на камине лежит гамбургская газета, а вы с ней не знакомитесь (*фр.*).

[2*] Это будет пьесой на злобу дня, и она придется очень кстати в Париже (*фр.*).

изводство его выгоднее, и тогда купят они секрет. Но он на испытание не согласился. В доказательство, или в подтверждение своему неверию, показал мне Гартман патоку, купленную у Берта, в которой еще хранятся частицы чистого сахара, так что из 60 пудов купленной им патоки надеется он выварить еще пудов 20-ть сахару, чего быть не должно и чего нет в его патоке, уже очищенной от сахара. По словам его, Берт с досады на заводчиков, не купивших у него секрета, завел свой завод и продает сахар свой в убыток и в подрыв другим. Заводчики жаловались, но правительство не могло помешать Берту продавать сахар по цене, какая ему угодна. Дали другие привилегии (но, по словам Гартмана, вероятно, на то же производство с легкими изменениями) Мольво и другим. Он замечает и то, что если паровое производство было бы признано лучшим, то в Англии, в Гамбурге покинули бы старинную методу, а между тем некоторые ее держатся. Нужно около 200 тыс. для устройства завода по Бертовской методе. Содержание завода здесь не дешевле Петербурга ни по части дров, ни по части работы. Одна выгода, что он дешевле нанимает завод. Он говорит, что довольствуется рублем барыша на пуд. По мнению его, свекловичный песок не выгоден. Можно составить из него лучший рафинат, но другие переработки уже не доставляют такого хорошего сахара, как из другого песка; так что фунт сахара, обходящийся поэтому в 80 гривен, по свекловичному обойдется в рубль. Из пуда песка выходит около 36 фунтов сахара. В свекловице много кислых частиц, которых совершенно отделить нельзя и которые портят нижние сахары.

Вчера купался два раза перед обедом. Обедал у Будберга. Вечером был у Дивова, прежде у *витрификатора*. Шалунья Россети писала: «à Marie Cluet [?]: exploitez Wiasemski, il est aimable quand il ne le veut pas trop»[1*]. Дам же я ей за это. — У Нелидовой сундук с письмами Павла и своим журналом. — Сегодня Матвей просился у меня пойти посмотреть Барона, которого здесь держат в церкви *на место святого* (duc de Croy [Герцог де Круа]). По его мнению, он сохранился *от прохлаждения тела на счет здешних купаний*. Карамзины платят по 10 коп. за каждую змею, которую поймают около дома. Солдаты-сенокосы приносят их. Однажды дали одному 20 копеек за змею. На другой день приносят новую и получив 10 копеек солдат говорит: «Нет, пожалуйте 20 коп. — Да ведь вам сказали, что будут давать по 10. — Нет, воля ваша, а нам по этой цене ставить нельзя».

31-го [*июля*].

Эти дни купался по два раза. Сейчас возвращаюсь из моря в десятом часу вечера на прощание.

[1*] Марии Клюэ: «Используйте Вяземского, он может быть любезным, если сам не слишком к тому стремится» (*фр.*).

В твои ⟨холодные⟩ прохладные объятья
Кидаюсь я в последний раз.
Облобызаемся, как братья,
О, море! в сей прощальный час.

Впечатления этих дней: прибытие флота — обстроилась пустыня моря. Вчера 30-го ездили на корабль «Император Александр». Капитан Сущов. Говорил: что был Христос для христиан, Петр Великий был для русских. На одном маневре морском на днях корабль, на котором находился император, был вслед за кораблем «Петр Великий». Замечено флотом. Кивера — ведра для залития в пожар. 28. Блестящий салон: девицы Краузе из Петерб[урга]. M-me Knoring [Г-жа Кноринг] из Дерпта, что называется по-польски przystoyna kobieta[1*]. Вчера пир в Вимсе. Через два часа сажусь в коляску. Еду в Петерб[ург]. Отправил письмо Софии к царице[50].

4-го августа. С.-Петербург.

Выехал я из Ревеля во втором часу ночи на 1-е число. Приехал в Нарву часу в первом ночи. Ночевал, на другой день утром ездил я с управляющим Нарвскою полициею осматривать фабрики суконную, уксусную, где, между прочим, подчивали меня хорошим сотерном, рейнвейном и шампанским. Выехал я из Нарвы в два часа днем и прибыл в Петерб[ург] в 5 утра. Нарва пользуется своими правами. Правители его избираются из купечества. Кнутом не секут, а есть розги в известную меру, которые считаются *парами*, так что за смертоубийство дается не более 120 удара. В Нарве сад порядочный и сам садовник махровая роза или махровый розовый пион. Город очень падает, а прежде процветал торговлею. Придв: апт: сод: в к. около 7 л. каждые 3 м. долж. б. дон. о н. ц. Жил он очень смирно[2*] [51]. В Ревеле 31-го знали уже о делах Франции. Француз de Vienne [Вьенн] или что-то на это похожее получил о том письмо от брата. Что может быть нелепее le Rapport au Roi [Доклада королю] 25 июля? О печатании везде говорится тут, как о каком-то существе, забывая, что оно орудие. Разве одна оппозиция выдает журналы? И министерство имеет свои. Если оппозиционные более действуют на мнение, то доказательство неопровергаемое, что министерство не симпатизирует с мнением. Таким образом, можно и о даре слова qu'il est dans sa nature de n'être qu'un instrument de désordre et de sédition[3*]. При Нероне язык был орудие проклятий, при Тите орудием благословения[52].

1* Красивая женщина (*польск.*).

2* *Расшифровываем*: Придворный аптекарь содержался в крепости около 7 лет, каждые 3 месяца должны были доносить о нем царю.

3* Что его свойство — быть только орудием беспорядка и мятежа (*фр.*).

6-го [августа].

Писал я к жене 4-го и сегодня, и Карамзиным сегодня,

18-го [августа], Остафьево.

Все мое пребывание в Петербурге, до 10-го числа было отдано на съедение хлопотам об отъезде, выправке нужных бумаг от министра, департамента etc. Однажды обедал я у министра: он был ласков, но, кажется, озабочен французскими делами. При всей холодной сухости его в нем много внимательности. Говоря о Шатобриане, он сказал: касетчик (газетчик) и министр как-то вместе не ладят, и, как будто спохватясь, прибавил: «хотя, разумеется, литература весьма благородное дело»[53]. Далее, замечая, что свобода французов есть только желание сбить министров с места и заместить их, прибавил он: «хотя истинную свободу я очень почитаю».

Французская миссия показалась мне жалко глупа в эти важные обстоятельства. Лагрене даже сдуру танцевал с детьми у [графин]и Бобринской. У меня были два спора, прежарких с Ж[уковским] и П[ушкиным]. С первым за Бордо и Орлеанского. Он говорил, что должно непременно избрать Бордо королем и что он верно избран и будет. Я возражал, что именно не должно и не будет. Si un dîner rechauffé ne valut jamais rien, une dynastie rechauffée vaut encore moins[1*]. В письме к Карамзиным объяснил я и расплодил эту мысль[54]. С П[ушкиным] спорили мы о *Пероне*. Он говорил, что его должно предать смерти и что он будет предан pour crime de haute trahison[2*]. Я утверждал, что не должно и не можно предать ни его, ни других министров, потому что закон об ответственности министров заключался доселе в одном правиле, а еще не положен и, следовательно, применен быть не может. Существовал бы точно этот закон и всей передряги не было, ибо не нашлось бы ни одного министра для подписания ⟨пяти⟩ знаменитых указов. Утверждал я, что и не будет он предан, ибо победители должны быть и будут великодушны. Смерть Нея и Лабедоиера опятнали кровью Людовика XVIII. Неужели и Орлеанский, или кто заступит праздный престол, захочет последовать этому гнусному примеру. Мы побились с П[ушкиным] о бутылке шампанского. Говорят о каком-то завещательном письме Люд[овика] XVIII, в котором предсказывал всю эту развязку[55].

10[-го] выехали мы из Пет[ербурга] с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царск[ом] Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою. 14-го числа утром приехали мы в Москву. Жена ждала меня дома. Был я у к[нязя] Дмит[рия] Влад[имировича] и у Дмитриева. Голицын

[1*] Если подогретый обед никуда не годится, то подогретая династия — того менее (*фр.*).

[2*] За государственную измену (*фр.*).

видит во французских делах второе представление революции. Смотрит он задними глазами. Денис говорит о нем, что он все еще упоминает о нынешнем, как об XVIII веке, так затвердил он его. Поехали мы с женою в Остафьево. 15-го праздновали имянины Маши. 16-го были в Валуеве у молодых Пушкиных. Графиня Эмилия шутя поцеловала у меня левую руку. Все ахнули и расхохотались. 17-го писал я в Ревель к Карамзиным [56].

Остафьево, 25-го [августа].

Бедный Василий Львович скончался 20-го числа в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжелом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул мне уже холодную руку свою и на вопрос Анны Николаевны: рад ли он меня видеть? (с приезда моего из Петерб[урга] я не видал его) отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. После того, кажется, раза два хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно, безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза. Накануне был уже он совсем изнемогающий, но увидя Александра, племянника, сказал ему: «как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в «Литерат[урной] Газете». Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя, как нельзя приличнее. На погребении его была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев, Снегирев. Никиты Мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно [57]. Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей. С 18-ти летнего возраста и тому двадцать лет был я с ним в постоянной связи. Сонцев таким образом распределил приязни Василья Львовича: Анна Львовна, я и однобортный фрак, который переделал он из сюртука в подражание Павлу Ржевскому. Черты младенческого его простосердечия и малодушия могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное личности его, но были очень милы.

У Веревкиных 22-го вечером виделся я с вел[иким] кн[язем]. Он был ко мне очень внимателен, в первый раз после Варшавской моей истории. За ужином говорил, что ему все равно ночью не спать только с тем, чтобы днем были indemnités [1*], упомянул он о indemnités Ланжерона, прибавя, что хороши они теперь. И тут, обратясь ко мне, говорил о делах Франции. Le principe qui a amené ces conséquences, говорил он, est fautif, il

[1*] Вознаграждения (*фр.*).

П. А. Вяземский.
Рисунок карандашом работы О. А. Кипренского, 1835.

n'y a pas le mot à dire: il faut maintenir ce qu'on a juré une fois, mais aussi tout ce qui s'est fait après est odieux. Tout cela n'est que du jacobinisme [1*]. Хороша его коронация, говорил он об Орлеанском [57].

Вообще трудно судить заранее об этих происшествиях. Если все обдержится, усядется и укоренится, то, разумеется, революция эта будет прекрасною страницею в истории Парижа, но можно ли надеяться на прочность содеянного? Est-ce une grande pensée qui est venue du coeur? [2*] Тогда хорошо, но если тут одно личное честолюбие, то прока не будет. Впрочем, о многом и превратно судят: например, ужасаются трехцветной кокарде, забывая, что она знаменье не одной гильотины, а двадцатилетней славы, двадцатилетнего имперского господства Франции в Европе. Как французам отказаться от этого достояния из угождения к Бурбонам, которые доказали не раз, что они не умеют царствовать. Доселе все случившееся, за исключением нескольких театральных выходок Орлеанского, законно и свято, если святы права народа, искупившего их своею кровью и бедствиями разнородными; но по мне Орлеанский что-то ненадежен. Он не герой этой революции, а актер ее: следовательно, может силою обстоятельств быть вынужден играть и другую ролю или пересолить нынешнюю; а может быть и лучше, что в этой драме нет героя, pourvu qu'il y aye de l'ensemble [3*]. Революции на одно лицо суть революции классические: эта Шакеспировская [59]. 21[-го] обедали мы у Дмитриева с слепцом Молчановым. В министерстве они не ладили. Одно утро собрались у нас с Пушкиным: Бартенев-Костромской, Сергей Глинка, Сибилев, Нащокин Павел Воин[ович]. Возвратился я сюда 23-го. Вчера обедали у нас двое Олениных. Contes d'Espagne et d'Italie par Mr. Alfred de Musset.

Rafael

...La poésie
Voyez-vous c'est bien... mais la musique c'est mieux.
La langue sans gosier n'est rien — voyez le Dante;
Son Séraphin doré ne parle pas — il chante!
C'est la musique, moi, qui m'a fait croire en Dieu.
(Les marrons du feu) [4*].

[1*] Слов нет, виновен первоисточник, который повлек за собой ряд последствий. Следует поддерживать то, что скреплено клятвой, но вместе с тем все, что произошло потом — отвратительно. Все это только якобинство (*фр.*).

[2*] Действительно ли это великая мысль, которая идет от сердца? (*фр.*).

[3*] Лишь бы только действовал в ней ансамбль (*фр.*).

[4*] Сказки Испании и Италии, соч. г-на Альфреда де Мюссе.

Рафаэль Поэзия прекрасна,
Но только музыка — наперсница души.
Язык без горла — нем. Того же Данте мненья:
У ангелов его в устах не речь, а пенье.
Уверовать в творца мне музыка дала.
(Каштаны из огня)

Перевод Ю. Корнеева.

Мне также приходило в голову утвердить превосходство музыки над живописью тем, что ангелы не живописуют, а воспевают славу Всевышнего. В этих сказках много *бюрлескного*, много шалостей, но много и прелестного, совершенно нового. Строфы «Mardoche» [«Мардоша»] напоминают строфы «Don Juan» [«Дон Жуана»] [60].

23-го отдал молодому Озерову письма в Варшаву: к Нессельроде, Тимирязеву.

Сентября 3-го дня, Остафьево.

Последние дни августа провел в Москве. Был бал 26-го у к[нязя] Сергея Михайловича. Странно, что был бал у него, но и то странно, что у куратора не было ни одного члена университетского. Наши вельможи думают, что ученость нельзя впускать в гостиную. Голицын, как шталмейстер, который конюшнею заведывает, но лошадей к себе не пускает. Велик[ий] к[нязь] был на бале. 28-го был бал подписной в доме Дурасова.— Говоря о возможности войны и о том, что будто предложен был вопрос: нужно ли объявить войну? слепец Молчанов сказал мне, что если он был бы в этом совете, то отвечал бы, что задача самого вопроса заключает в себе ответ и отрицание. Когда спрашивается, что должно ли начать войну, то уже верно, что не должно; ибо в случаях обязательства воевать в силу договора или в случаях вторжения неприятельского в границы, тут нечего и спрашивать. Писал я с Бартеневым к Ланскому в Кострому. В Остафьеве написал к Мещерской, к Толмачову, к Жуковскому, к Хитровой, Дмитр[ию] Бибикову. В последних трех письмах о Глинке: с письма к Биб[икову] оставлена копия.— 28-го ездил представляться велик[ому] князю [61].

Остафьево, 3-го октября, пятница.

Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и Парижские дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расползлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет. 18-го меня давило какое-то предчувствие. Вечером был я у Кутайсова, где нашел Льва Перовского, возвращающегося из Казани и далее: он следовал за болезнью, которую настигал в разных губерниях и по наблюдениям своим уверял, что она наносная. Вообще все думали, что она поветрие, и потому и дали ей ход. Мнение его еще более подтвердило мое. На другой день поехал я к Николаю Муханову, чтобы узнать о действиях холеры и Закревского, проехавшего через Москву, и о средствах защищаться против неприятеля, если он приступит. Нашел я у него Маркуса и узнал, что неприятель уже в Москве, что

в тот же день умер студент, что умерло в полиции несколько человек от холеры. Меня всего стеснило и ноги подкосились. Отсутствие жены, поехавшей ⟨в Москву⟩ к матушке, неизвестность, что благоразумнее: перевезти ли детей в Москву, или оставаться в деревне, волновали и терзали меня невыразимо. Наконец, решился я на Остафьево: запасся пиявками, хлором, лекарствами, фельдшером и приехал вечером в деревню. До нынешнего дня лихорадка сомнений, тоска держат меня.— Я писал к Карамзиным 2 раза, к Бибикову, к Дружинину, к Хитровой о Глинке, к Жуковскому, к Толмачеву раза два.— В день отъезда моего из Москвы, я забежал к Яру съесть кусок на дорогу, нашел тут Веневитинова, Зубкова, Аника и московского откупщика Мартынова. Говорил с первым о моих сомнениях, что делать: перевезти ли детей в Москву или нет, и о сожалении, что мой дом внаймах, говоря, что, кабы не это, я переехал бы с детьми тотчас в Москву. После обеда откупщик этот мне предложил верхний этаж дома Киндякова, им нанимаемого, если я только соглашусь подвергнуться строжайшим карантинным мерам, которые он в доме своем предпримет, если болезнь установится в городе.— После получил я в Остафьеве записку от Веневитинова, предлагающего мне также несколько комнат в доме своем. Это происшествие доказало мне, что я не мог бы быть нигде правителем. У меня много решимости в предначертании плана, но в самую минуту эту чувствую, что недостает силы, чтобы поддержать исполнение оного, не в отношении к себе, а в отношении к другим. У меня нет силы повелительной. Впрочем, и то сказать, что в службе, вероятно, имел бы я более энергии, имея более средств принудить к повиновению. Теперь нет у меня никого, кому мог бы я передать свои приказания с уверением, что они будут в точности исполнены: и эта неуверенность расслабляет волю. Приехав в Остафьево, горячо принялся я за учреждение предохранительных мер всякого рода, но не все выдержал. Повиновение не внушается разом: нужно взрастить его в привычках повинующихся. Мы с женою ездили к Четвертинским и на Калужской дороге встретили мужиков, возвращающихся из Москвы; они кричали нам: *мор* [62].

4-го [*октября*].

В эти две недели прочел я «Записки кардинала Ретца». Что за imbroglio [1*], что за scène à tiroir [2*], вся эта драма de la Fronde [Фронды]. Волокитство и пронырство, de la galanterie et des intrigues [3*] были душою ее. Под конец так запутаешься в множестве лиц, в многосложности мелких действий и побуждений, что потеряешь и нить. Всего замечательнее в этой книге политические и характеристические апофегмы автора. Из них

[1*] Путаница (*ит.*).
[2*] Сцена, лишенная всякой связи (*фр.*).
[3*] Галантность и интриги (*фр.*).

можно составить катехизис в пользу возмутителей à l'usage des factieux. Парижское население действовало против Мазарина, как ныне против Полиньяка. Но ныне более благоразумия в поколении. Тогдашнее и самые главы возмущения действовали, как дети. Определяли начала, учреждали меры, приводили их в действие самыми крутыми способами и пугались последствий. Самый *Ретц* не знал, чего хотел, не говоря уже о принцах [63]. Прочел я и «Granby, roman fashionable» [«Гренби, фешенебельный роман»]. В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостиной в гостиную. Нет ничего глубокого, нового в наблюдениях, но много верности. Кажется, если написать мне роман, то в этом роде [64]: тут нет и ткани плотно сотканной, а просто перемена лиц и декораций. В переводе сказано, что роман сочинения лорда *Норманди*; а в «Globe» [«Глоб»] (из коего есть выписка в начале моего журнала) сказано, что он лорда Ribblesdale [Риблесдэла].— Вчера писал я к Карамзиным, к Дельвигу с отрывками к[нягини] Зенеиды, к Николаю Муханову и к Васильевой в Москву.

6-го [*октября*].

Вчера писал я Жихареву, Ник[олаю] Муханову, к Д. В. Голицыну о грабительстве кордонных казаков, которые за деньги пропускают из города и впускают.— Приезд государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его государю. На днях, в письме к Муханову, я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видали царей и в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава, есть point d'honneur [1*], нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолюбия, нет обязанности: выезд царя из города, объятого заразой, был бы, напротив, естествен и не подлежал бы осуждению. Следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не *близ царя близ смерти, а близ народа близ смерти* [65].

Я прочел «Mes pensées» [«Мои мысли»] Лабомеля, которого знал доныне по щелчкам Вольтера. Он совсем умный человек: многие из политических мыслей удивительны по тогдашнему времени, в них есть предвидение. К тому же он знал тогда, чего не знали французы: Европы. Он говорит о Пруссии, Швеции, Англии. Вот некоторые из его мыслей: Le gouvernement militaire est tout nerf: mais s'il en a la force, il en a aussi toute l'aridité; le gouvernement commence par élever un Empire et finit

---

[1*] Дело чести (*фр.*).

par l'anéantir, semblable à ces remèdes qui redonnent d'abord de la force au malade et qui finissent par lui ôter la vie.— On peut juger de la puissance d'un Etat par le nombre d'hommes qu'il peut mettre sur pied et de l'affaiblissement de cet Etat par le nombre d'hommes qu'il met sur pied [?] (не в бровь, а в самый глаз).— Les grands sont comme les Hotentots: nous les trouvons admirables, quand nous leur trouvons le sens commun.—Les louanges d'un sot ne devraient pas me flatter et cependant me flattent presqu'autant que celles d'un homme d'esprit: un sot, dans le moment qu'il me loue devient homme d'esprit; l'homme d'esprit qui me loue n'est qu'un juge équitable.— M. de Fontenelle a dit: le naïf est une nuance du bas. La Fontaine aurait dit: le naïf est le sublime du naturel.— On sait qu'on est habile homme: on sent qu'on est grand homme.— Le sang froid est au politique ce que la verve est au poète.— Он оправдывает суд над Карлом и Кромвелем. Говорит о России. Параграф о Петре Великом: Il bâtit pour l'éternité.—La Russie n'est qu'un géant enchaîné; on la craint plus qu'elle n est à craindre.— Le mérite de la plupart des rois est de l'être, le défaut de quelques uns est de l'être.—Les Anglais ont une excellente maxime: un prince vertueux n'a pas besoin d'un grand pouvoir: un prince vicieux n'en est pas digne.— On peut définir la constitution d'Angleterre: une constitution où tous peuvent tout.— Il faudrait à la plupart des Etats un bon banquier pour roi (это сказано было за сто лет).— Il y a peu de belles vies en détail: les grands hommes ne le sont qu'en gros.— Много сильных истин о могуществе торговли на судьбы государств и народов.— Je voudrais bien savoir de quel droit les petits princes, un duc de Gotha, par exemple, vendent aux grands le sang de leurs sujets pour des querelles où ils n'ont rien à voir. On s'est donné à eux pour être défendu et non pour être acheté.— Il n'est pas possible qu'il y ait de bonnes têtes dans un pays, où il n'est pas permis d'avoir le coeur haut.— Tel homme est irrégulier dans sa conduite uniquement parce que sa position ne lui permet pas même les plats plaisirs du mariage.— La première réflexion conduit les hommes au plaisir; c'est la seconde qui y conduit les femmes.—В некоторых местах возражения на Вольтера, но умеренные. В одном месте: Il y a eu de plus grands poètes que Voltaire; il n'y en eut jamais de si bien récompensés, parce que le goût ne met jamais de bornes à ses récompenses. Le roi de Prusse comble de bienfaits les hommes à talent précisément par les mêmes raisons, qui engagent un prince d'Allemagne à combler de bienfaits un bouffon ou un nain.— Aujourd'hui tout est marchand. L'intérêt est le principe de tous les Etats. Si vous en exceptez la Turquie et un autre pays encore soumis à la crainte, le commerce est partout le suprême législateur (за сто лет).—La religion chrétienne adoucit les moeurs: mais n'a- t-elle pas énervé les courages? C'est le clergé qui a toujours confondu l'obéissance avec la servitude, c'est la religion qui a fait évoquer le clegré. C'est depuis J[ésus] C[hrist] que

l'univers a été étonné de se voir esclave. Наполеон говорил, что он посадил бы Корнеля в свой Государственный совет: здесь почти та же мысль: un étranger, arrivant à Paris, fut fort surpris d'apprendre, que Corneille n'est pas ministre d'état и проч.—Si j'étais roi!... «Si vous étiez roi, vous gouverneriez l'Etat aussi mal que votre maison».

[*Перевод*]

Военное правительство полно энергии, но если оно и отличается силой, оно также отличается и бесплодностью; правительство начинает с того, что возвышает империю, и кончает тем, что сводит ее на нет. В этом оно подобно лекарствам, которые сперва придают больному силу, а затем отнимают у него жизнь.О могуществе государства можно судить по тому числу людей, которых оно может выставить (в армии), а о слабости этого государства по числу людей, которых оно выставляет. Вельможи подобны готентотам; они кажутся нам замечательными, когда мы находим у них здравый смысл. Похвалы глупца не должны были бы льстить мне и, однако, они льстят мне почти так же, как и похвалы умного человека: расточая мне похвалы, глупец становится умным человеком; если же меня хвалит умный человек, он является лишь справедливым судьей. Г. де Фонтенель сказал: наивность является оттенком низости. Лафонтэн сказал бы: наивность это верх естественности. Можно знать за собой качества ловкого человека; свое величие можно только чувствовать. Хладнокровие для политика является тем же, что вдохновение для поэта...[о Петре:] Он строил для вечности. Россия представляет собой гиганта в оковах; ее боятся больше, чем она того заслуживает.— Заслуга большей части царей в том, что их боятся, недостаток некоторых из них в том же. Англичане обладают превосходным правилом: добродетельный князь не нуждается в большой власти, князь порочный недостоин ее.— Можно определить конституцию Англии: конституция, при которой все — могут все. Большинству государств следовало бы иметь на месте царя хорошего банкира. О жизни достойных людей известно мало подробностей: о великих людях знаешь только в общем и целом...— Я бы очень хотел знать, по какому праву мелкие князья, какой-нибудь герцог де Гота, например, продают более крупным князьям кровь своих подданных за ссоры, в которых эти подданные не участвуют. Эти люди стали их подданными, потому что искали у них защиты, а вовсе не для того, чтобы их покупали. В стране, где не позволено иметь благородное сердце, не может быть и умных людей. Какой-нибудь человек проявляет непостоянство в своем поведении только потому, что в его положении ему не разрешены даже такие заурядные удовольствия, которые даются браком. Мужчины предаются удовольствиям при первом побуждении; женщины снисходят до них уже после вторичного размышления... Существовали поэты более крупные, нежели Вольтер; не было ни одного, кто получил такие же вознаграждения, ибо вкус никогда не ставит преград к своим наградам. Прусский король осыпает благодеяниями талантливых людей в силу тех побуждений, которые заставляют какого-нибудь немецкого принца осыпать щедротами шута или карлика. В настоящее время все продажно. Выгода — вот принцип, которым руководятся все государства. Если вы исключите из них Турцию и одну страну, еще находящуюся под гнетом страха, то всюду высшим законодателем является торговля. Христианская религия смягчает нравы: но разве она не приводила в отчание мужество? Духовенство всегда смешивало понятие покорности с рабством. Религия вызвала духовенство к жизни. Со времени И[исуса[Х[риста] вселенная не переставала изумляться, видя себя в рабстве...

Один иностранец, приехавший в Париж, был чрезвычайно удивлен, узнав, что Корнель не является государственным министром (и проч...) «Если бы я был королем...» «Если бы вы были королем, вы управляли бы вашим государством так же плохо, как вашим домом» (*фр.*).

— Это напоминает слово Бороздина Шепелеву: «Если я имел бы счастие заседать в Государственном совете,— говорил Шепелев,— я государю сказал бы...» «Глупость», — прервал его тот наотрез [66].

В моем издании Лабомеля (7 изд. Лондон 1827) много пропусков, точек, заглавных букв. Должно поискать другое.

Я прочел вчера снова комедию Екатерины: «О время» и нашел тут два эпиграфа при случае: «Чудно! Нашлась и в Москве молчаливая девица!» — «Да кому придет на ум, чтоб свадьба могла за кузнечика разойтиться».— Лабомель родился 1727 г.— «*Имянины Г-жи Ворчалкиной*», так же комедия императрицы. Действия и тут ни на волос. В роле проектера Некопейкова несколько смешных выходок: *проект о употреблении крысьих хвостов с пользою*. Эпиграфов и тут жатва большая. Если писать роман светский, то непременно брать эпиграфы из нашего театра. Например: «Казна только что грабит; я с нею никакого дела иметь не хочу». (как не узнать тут царского пера: постороннему не позволили бы сказать это).— «Тьфу пропасть какая! Да как тебе не скучно столько бедную бумагу марать чернилами».— «Только позвольте мне всегда, когда я захочу, ездить в комедии, на маскарады, на балы, где бы они ни были: в этом только мне дайте полную свободу и не прекословьте никогда: впрочем, я век ни за кого не захочу и с вами не расстанусь» (Олимпиада матери своей Ворчалкиной).—«Пропустим чрез кого-нибудь слух,что скоро выдет от правительства запрещение десять лет не венчать свадеб; и что в это время, следственно, никто ни замуж выйти, ни жениться не может».— Чудо, что за эпиграфы! Ничуть не хуже эпиграфов des anciennes comédies [1*] в романах В. Ск[отта].

8-го [октября].

Вот еще из других комедий: «*Салмина*: Да и указ есть такой, чтоб дураков и дур не венчать, да этот указ из моды вышел» («Пустая ссора» Сумарокова).

«*Изъяслав*: Что ты в доме здесь лакей или шут»? («Три брата совместника» Сумарок[ова]). Лука Карамзинской.

«*Дорант*: Я его еще не *защипнул*» (о письме) («Лихоимец» Сумар[окова]).

9-го [октября].

Сегодня послал в Подольск письма к Карамз[иным], к Алек[сандру] Булгак[ову], к Демиду.

14-го [октября].

Я в этих днях прочел театр Дидерота и его драматические рассуждения. «Le fils naturel» [«Побочный сын»] просто скучен. В «Отце семейства»

[1*] Из старинных комедий (*фр.*).

более жизни и движения, но все, и то и другое, — проповеди в действии. В рассуждениях его более драматического, чем в драмах, а в драмах более рассуждений, чем драматического. Иное в них темно и ничего не имеет существенного, но многое сближается с природою или с романтическою драмою, хотя он и сидит на трех единствах [67]. Читал я Записки к[нязя] Шаховского. Занимательны, но не дописаны. Наши авторы все жеманятся, боятся наскучить читателям и потому неудовлетворительны. В анналистах одно скучно: сухость. Или анналист без ума и без дарования, тогда читать его нечего: или он с умом и есть ему что порассказать и тогда скромность его, малоречивость досадна. Как, например, Шаховскому не проболтаться про Бирона, Миниха (о Шуваловых, он, например, сказал довольно: тут за живое задирало). Как ему не подробнее описать было конференции министров, которые при Елисавете заключали перемирия без ведома ее. Вот что был тогда самодержец. Со всем тем Шаховского Записки одна из занимательнейших русских книг. Вот дюжина таких книг, и у нас были бы основы для исторических романов, комедий [68].

19-го [октября].

В пятницу 17-го послал я в Подольск письма: к Мещерской, Кологрив[овым], Кривцов[ым], Орловым, Муханову, Демиду, Алек. Пушкину. Сегодня: к Демиду, Мух[анову], Кар[амзиным].

24-го [октября].

Вчера писал я через Подольск Карамз[иным], г[рафине] Фикельмонт, Толмачеву, Клостерману (о Фон-Визине), Булгакову Алекс[андру].—Сочинения и переводы Перевощикова — хорошая книга. Он писатель мыслящий. Жаль только, что он предпочитает другой прозе прозу Ломоносова, Хераскова, Шишкова [69]. Прозу Шишкова! Как будто это проза, как будто есть у него слог? Право, даруемое иным писателям освобождать себя от ценсуры, в государстве, где существует ценсура, похоже на право, которое бы дали некоторым лицам проезжать карантины, не подвергаясь установленному очищению. Или нужна ценсура, или нужны карантины, или нет: если нужны, то какие допускать различия.

27-го [октября].

Вчера написал я через Подольск: Карамзин[ым], Жуков[скому], Булгак[ову], Демиду.

29-го [октября].

—А, право, напрасно бедного Тредьяковского закидали так грязью. Его правила о стихосложении вовсе не дурны. Его мысль, что язык наш должен образоваться употреблением, что *научат нас* (то есть *должны бы*)

искусно им говорить и благоразумнейшие министры и проч.: очень справедлива. Он чувствовал, что письменный язык один есть мертвый. В речи своей академической говорит он между прочим: *разве только одно сложение стихов неправильностью своей утрудить вас может*; *но и то*, *господа, преодолеть возможно*, *и привесть в порядок: способов не нет*; *некоторые ж и я имею.* В конце речи, предлагая ее смиренно на суд и исправление Академии, просит он *из неслаткия сделать ее хотя несколько пошлою и приятною.— И сколько возможно чаще б богатая рифма звенела полубогатые* (Предисловие).— *И как вы*, *Государь мой*, *изволите меня всеприятным вашим спрашивать*, *какая ж бы ныне была уже в поэзии и в стихах нужда*, *когда все-на-все исправляется прозою? — Потолику между учениями словесными надобны стихи*, *поколику фрукты и конфекты на богатый стол по твердым кушаниям.*

Марс речь предприял: не о том ли дело
Есть Петре Российском, коего весь мир
Выше чтит меня, называя смело
Новым Марсом всюду? и проч.

Сказано: о Сем. Марс взревел жестоко,
Пал было, но тот на ноги вскочил.
Не ушло б и после время быть в звездах.

(Плач о кончине Петра Великого). Надобно когда-нибудь сличить переводы «L'art poétique» [«Поэтического искусства»] Тредьаковского и Хвостова.

Досужных дней труды, или трудов излишки,
О, малые мои две собранные книжки;
Вы знаете, что вам у многих быть в руках.

(Заключение. Издатель к обеим своим книжкам.) Чем это не нашего времени стихи. *Наперстничество* употреблено у него в смысле *соперничество.* Иван Иван[ович] Дмит[риев] видел в Рязани сына Тредьаковского, приезжавшего к нему с лентою через плечо по фраку[70].

30-го [октября].

Соберите все глупые сплетни, сказки, и не сплетни и не сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры и нынешних обстоятельств. Выйдет хроника прелюбопытная. В этих *сказах* и сказках изображается дух народа. По гулу, доходящему до нас, догадываюсь, что их тьма в Москве, что пар от них так столбом и стоит: хоть ножом режь. Сказано: «la littérature est l'expression de la

société»[1*], а еще более сплетни, тем более у нас нет литературы. У нас литература изустная. Стенографам и должно собирать ее. В сплетнях общество не только выражается, но так и выхаркивается. Заведите плевальник (Из письма к Н. Муханову. Пишу о том и А. Булгакову).

31-го [октября].

Послано через Подольск письма: Карамз[иным], Дмитриеву, Булгакову, Муханову, Демиду. В самом деле любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Даже и наказания божия почитает она наказаниями власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе десница вышнего, она ищет около себя или поближе над собою виновников напасти. Изо всего, изо всех слухов, доходящих от черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революциею. Отчета себе ясного в этом она не дает, да и дать не может, но и самое *суеверие* не менее сильно иногда веры. То говорят они, что народ хватают насильно и тащат в больницы, чтобы морить, что одну женщину купеческую взяли таким образом, дали ей лекарства, она его вырвала, дали еще, она тоже, наконец, прогнали из больницы, говоря, что с нею видно делать нечего: никак не уморишь. То говорят, что на заставах поймали переодетых и с подвязанными бородами, выбежавших из Сибири несчастных 14-го; то, что убили в Москве в[еликого] к[нязя], который в Петербурге; какого-то немецкого принца, который никогда не приезжал. Я читал письмо остафьевского столяра из Москвы к родственникам. Он говорит: *нас здесь режут как скотину*[71].

Ноября 3-го.

Через Подольск посланы письма к Карамзин[ым], Дельвигу с статьею Ив[анчина] Писарева о Измайлове, Булгакову, Муханову. Я перечитал «*Жизнь Бибикова*». Занимательная книга, и если сын героя, автор, не так бы патриотизировал, то и хорошо писанная. Много любопытных фактов. Как мы пали духом со времен Екатерины, то есть со времени Павла. Какая-то жизнь мужественная дышет в этих людях царствования Екатерины, как благородны сношения их с императрицею; видно точно, что она почитала их членами государственного тела. И самое царедворство, ласкательство их имело что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское уничижение. Вся разность в том, что вышние холопы барствуют пред дворнею и давят ее, но пред господином они те же безгласные холопы. Возьмите,

[1*] Литература является выражением общества (*фр.*).

например, Панина и Нессельрода, этого холопа карла, не говоря уже в нравственном смысле, ибо он в нем и не карла, а какой-то изверженный зародыш, vermineau né du cul de feu son père [1*], или правильнее помня способность батюшки, un vent laché du cul de feu son père [2*], но и физического карла: в тех ли он сношениях с царем, в каких был Панин с Екатериною[72]. Воля ваша, а для России нужно еще и физическое представительство в своих сановниках. Черт ли в этих лилипутах? Слово Павла, сей итог деспотизма, sachez qu'à ma cour il n'y a de grand que celui à qui je parle et pendant que je lui parle [3*], сделалось коренным правилом. При Павле, несмотря на весь страх, который он внушал, все еще в первые года велись несколько екатерининские обычаи; но царствование Александра, при всей кротости и многих просвещенных видах, особливо же в первые года, совершенно изгладило личность. Народ омелел и спал с голоса. Все силы оставшиеся обратились на плутовство и стали судить о силе такого-то или другого сановника по мере безнаказанных злоупотреблений власти его. Теперь и из предания вывелось, что министру можно иметь свое мнение. Нет сомнения, что со времен Петра Великого мы успели в образовании, но между тем как иссохли душою. Власть Петра, можно сказать, была тираническая в сравнении с властью нашего времени, но права сопровержения и законного сопротивления ослабли до ничтожества. Добро еще, во Франции согнул спины и измочалил души Ришелье, сей также в своем роде железнолапый богатырь, но у нас, кто и как произвел сию перемену? Она не была следствие системы,— и тем хуже.

7-го [ноября].

Послал сегодня через Подольск письма к Карам[зиным], Хитровой, Зенеиде Волконской, Булгакову, Муханову, Демиду, Кривцову. В Коломне, сказывают, был бунт против городничего, объявившего, что холера в городе, а чернь утверждала, что нет. Городничий скрылся. Губернатор приезжал исследовать это дело. Никто более моего не готов признать истину правила: Jacotot: tout est dans tout [4*]. Составляя биографию Фон-Визина, я нашел в бумагах его письма Бибикова. Это дало мне мысль перечитать жизнь его, написанную сыном. Роль, игранная им в Польше, побудила меня кинуться в «Histoire des trois démembrements de la Pologne», par Ferrand [5*], там в жизнь Екатерины, там взять «Histoire de mon temps» [6*] Фридерика Великого. Между прочим пробежал я, все

[1*] Глистный зародыш, выскочивший из [...] его, ныне покойного отца (*фр.*).

[2*] Подобно ветрам, выходившим из [...] его покойного отца (*фр.*).

[3*] Знайте же, что при моем дворе велик лишь тот, с кем я говорю и лишь тогда, когда я с ним говорю (*фр.*).

[4*] Жакото: все во всем (*фр.*).

[5*] «История трех разделов Польши», соч. Феррана (*фр.*).

[6*] «История моего времени» (*фр.*).

по поводу Фон-Визина: драматургию Шлегеля, «Историю полуденной литературы» Сисмонди, драматические рассуждения Дидерота, Вольтера, Лагарпа, Мармонтеля, множество русских старых книг. Вот каким образом очерк действия моего расширяется и часто касается вдруг противоположных берегов. Жаль, если не сумею после перенести в свой труд *запах* моих дальних странствований, окурить его общим интересом. По крайней мере исправляю свое дело по совести и, кажется, мои писания не должны быть *безуханны*, как многие у нас. Но все чувствую, что недостаток грунта положительных, готовых познаний должен вредить глубокому укоренению и плодовитости моих прозябений[73].

10-го [ноября].

Послано через Подольск письма к Карам[зиным], Орловым, Муханову при 200 р. от Окуловой, Булгакову.

13-го [ноября].

Написал к завтрашней почте к Карам[зиным], Булгак[ову], Жихар[еву], Демиду.

16-го [ноября]

Написал к завтр[ашней] почте к Карамз[иным], Туркулю, Тимирязеву, Горголи, Бибикову, Булгакову, Демиду.

21-го [ноября].

Отправил через Подольск письма к Карамз[иным], Дельвигу со стихами, Булгакову, Муханову, Демиду.— Еще письмо к Дельвигу. Прочел «le Cid» [Сид] со всем процессом его, критикою Скюдери, замечаниями академии etc.[74] В суждениях Скюдери много справедливого, но много и глупого и грубого. Разумеется, нельзя допустить, чтобы Химена виделась с убийцею отца своего, полчаса спустя после убийства; но в этом погрешность классической трагедии. Скюдери толкует, Корнель оправдывается, Вольтер защищает, но все они вертятся около истины и не дощупаются больного места. Галиани прав, Вольтер несносен в комментариях своих на Корнеля. Он походит в них на старого французского учителя, замечает, что такое-то выражение, такое-то слово более не в употреблении. Странное дело, что Вольтер, который хотел поставить вверх дном небеса со всеми в них живущими, так и дрожит на каких-то правилах, условиях, бледнеет от слова, которое покажется ему не нынешним etc. По мне лучшая сцена в «Циде» есть вызов Родрига отцу Химены. Все прочее натянуто. Химена, которая поочередно переходит от негодования к любви, от требований мести к изъяснениям в нежности, похожа на шашку, которая переходит на шашешнице с белого места на черное. Конечно, в этом положении много драматического; но все это у Корнеля слишком резко. D[on]

Sancho [Дон Санчо],— Принцесса — такие жалкие творенья, что стыдно глядеть на них. Кажется, кем-то уже было замечено, что если классики допускают сокращение, или превращение 24 часов в два часа, то почему же не распустить еще эту свободу на год, на два и так далее. Вы говорите зрителям: представьте себе, что вы пришли сюда просидеть сутки; если они поддаются на это предложение, если воображение их содействует вашему обману, то не станут спорить они и за продолжительнейший срок. Если вы успеваете уверить их, что 24 — не 24, а два, или что два — не два, а 24, то почему же сверхъестественнее, что два — две тысячи или два миллиона. Допуская воображение в числа, допуская, что дважды два не четыре, уж все равно вывести в итоге 24 часа или двадцать четыре года. Классический ящик точно гроб: иначе не вложишь в него героя, как мертвого без движения. Пока еще герой волен в движениях, может идти себе направо и налево, классическому гробу до него дела нет. Но когда приставят к нему ко рту аристотельское зеркало, и оно не потускнеет от дыхания, тогда милости просим гробовых дел мастера: снимут с него мерку, сострoят гроб, положат его и украсят своими парчовыми покровами.

23-го [ноября].

Отдано к почте завтра в Подольск письма: Карамз[иным], Клостерман, Баратынскому с стихами «Конь мой», Маргарите Василь[евне] с с письмом от Поповой, Жихаревой, Г. Васильевой, Демиду, Булгакову, к[нягине] Шаховской.

28-го [ноября].

Отправлено через Подольск письма: Мещерской, Тимашевой, Потемкиной, Муханову, Кавериной с предложением отцу писать свои записки. Я всех вербую писать записки, биографии. Это наше дело: мы можем собирать одни материалы, а выводить результаты еще рано.

1-го декабря.

Сегодня через Подольск писал: Карамз[иным], Булгакову, Кривцову. Все это время читал или перелистывал: хроники Парижские, современные пребыванию Ф. Визина, Гримма «Correspondance secrète, littéraire et politique depuis la mort de Louis XV». Londres, 1787 [1*]. Даламбера, etc.

4-го [декабря].

Il a de l'esprit pourtant, et quelque fois la serre assez forte; mais il n'entend pas comme il faut le secret de rendre les gens parfaitement ridicules.

[1*] «Секретная, литературная и политическая переписка со времени смерти Людовика XV». Лондон, 1787 (*фр.*).

C'est un don de la nature qu'il faut soigneusement cultiver; d'ailleurs rien n'est meilleur pour la santé. Si vous êtes encore enrhumé servez vous de cette recette, et vous vous en trouverez à merveille [1*] (Вольтер Даламберу о Линге). Точно есть предчувствие, есть какой-то запах внутренний того, чего еще не знаешь, но должно узнать вскоре. Вчера просыпаясь, я умом своим перенесся в Варшаву без всякой причины; приходило мне в голову, что может быть я сближусь с в[еликим] к[нязем], что в случае смерти или перемещения Моренгейма могу занять его место. Я фантазировал потому, что никогда не думаю сериозно быть опять на службе в Варшаве. То приходило мне на мысль написать письмо M-me Вансович, с которою я никогда не был в переписке. Через час получаю почту и известие о Варшавских происшествиях. Из писем и из печатного донесения худо их понимаю. Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революциею. Но зачем же верные войска выступили из Варшавы? Добро еще русские, для избежания поклепов, что неприязненные действия начаты ими, хотя в такую минуту странно думать о рецензии журналов и политикоманов. Но к чему вышли и польские? На что же держать вооруженную силу, если не на то, чтобы хранить порядок и усмирять буйство? Как бросить столицу на жертву нескольким головорезам, ибо нет сомнения, что большая часть жителей, то есть по крайней мере девять десятых, не участвовали в мятеже? Что вышло бы, если 14-го государь выступил бы из Петербурга с верными полками? В мятежах страшно то, что пакты с злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведет к другому, или более обязывает на другое. Раскаяние христианская добродетель, неизвестная, почти невозможная в политике.— У нас вообще худо знают и судят поляков. Говорят о благодарности, об измене etc. [75] В смерти Ж. и З. из русских виден перст провидения. Нет, такими людьми не устроиваешь нравственности народной. Разумеется, поляки пользуются выгодами, которых у нас нет. Но что же это доказывает? Крестьяне видя, что барыня их хочет развестись с мужем, который оскорбляет ее честь, дивятся неблагодарности ее, говоря: а муж ее еще кормит белым хлебом и сажает за стол с собою. Все относительно: обиды, благодеяния. Нет общей меры на всех и на все. Со всем тем я уверен, что все это происшествие — вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря. Теперь дело запуталось, потому что его запутали. Воры грабят дом, а полиция, чем унимать, отходит прочь, чтобы не сказали, что грабеж начат ею. Может быть, анверская история заставила страшиться подобных же следствий; но если всего бояться, то и в лес не ходить,

---

[1*] Он, однако, умен и обладает порой крепкой хваткой; но он не вполне владеет тайной, как можно совершенно высмеивать людей. Это дар природы, который следует тщательно выращивать; кстати, нет ничего лучше для здоровья. Если вы еще простужены, воспользуйтесь этим рецептом, и вы почувствуете себя прекрасно (*фр.*).

а особливо же не управлять людьми. Должно иметь за себя совесть и не бояться тогда сплетней ни журналов, ни истории.— Раздел Польши есть первородный грех политики, 24-ое февраля.— Нельзя избегнуть роковых следствий преступления.— Parade de Mélodrame[1*]. Польши слабая струя есть национальность, и поелику поляки народ ветренный, то им довольно поговорить о национальности: играя искусно этою струною, Наполеон умел вести их на край света и на ножи. У нас же, напротив, хотят подавить, оборвать эту струну и удивляются, что дела идут не хорошо. Но когда отнять у себя единое средство действовать на кого-нибудь, то какого ожидать успеха. Конь ваш слабоузд и вы, чем воспользоваться этим свойством, или дерете его, или стараетесь так обить, огрубить рот его, что конь или бесится, или делается бесчувственным: и в том и в другом случае выходит у вас из послушания[76].

9-го [декабря].

Вчера писал Карамзиной, Барат[ынскому], Давыдовой, Кривцов[у], Шахов[ской], Мухан[ову]. Кажется, Заира говорит:

La patrie est aux lieux où l'âme est enchaînée[2*].

Следовательно, в России, где столько крепостных душ.— Я отгадал, что Варшавская передряга не будет Шекспировскою драмою, а классическою французскою трагедиею с соблюдением единства места и времени, так, чтобы в два часа быть развязке[77].

11-го [декабря].

С Окуловым посылаю письма к Карам[зиным], Булгакову, Мухан[ову], Барат[ынскому] с эпиграммою. Обыкновенные наши отчеты академий, ученых обществ и т. п., точно ведомость мирским расходам. О движениях мысли, о нравственных оборотах тут нет ни слова, а все только о деньгах. Разумеется, контроль нужен, но не он же один должен быть в виду. Сегодня читал я краткое историческое сведение о состоянии импер[аторской] Акад[емии] художеств: тут найдете вы о перестройке нужных мест, прачешной и проч. и проч.; но не получите понятия о состоянии художеств наших, о пользе, приносимой Академиею. Верно, что Оленину приятно объявить, что он привел в порядок то, что было расстроено, но как ограничиваться одною материальностью. Спасибо ему за фразу: *какому бы помещику ни принадлежал крепостной ученик свободных искусств.* Рассмешил он меня также своим *поколенным портретом*, писанным Варнеком. То-то видно ленивый живописец: не много стоило бы труда написать его и во весь рост[78].

[1*] Парад мелодрамы (*фр.*).
[2*] Родина находится в том месте, к которому прикована душа (*фр.*).

15-го [декабря].

Вчера писал через Подольск Карамзиной (о молод[ом] Васильеве), Булгакову и утром к нему, Дмитриеву, Васильевой также два письма. Сегодня во сне имел я разговор у которого-то брата Фон-Визина, при Огаревой: я говорил, что мы не во время родились, желал бы я родиться шестьдесят лет ранее или сто лет позже. Впрочем, я писал это кому-то на днях, а вот сонная прибавка: я говорил, что мы вступили в свет, как люди, принужденные переехать в город летом на духоту, пыль и одиночество.

Начальница Севастопольского бунта, поручица Семенова, поднявшая на ноги 500 женщин. Когда на допросе спрашивали о причинах, побудивших ее к мятежу, спросила она следователя: женат ли он? На ответ отрицательный, сказала она: «Вы не поймете признания моего». Двое детей ее умерли с голода в карантине[79].

Записать когда-нибудь анекдот, рассказанный Фикельмоном о письме к в[еликой] к[нягине] Екат[ерине] Павл[овне], найденном австрийским генералом на бале.

Сказывают, что большая часть сиделок в холерических больницах публичные девки. В полицейской больнице в доме Пашкова Брянчанинов нашел девок в каком-то подвале, которых солдаты и больничные смотрители держали для своего обихода.

19-го [декабря].

Посланы с Демидом письма Карамз[иным], Щербатову о Васильеве, Булгак[ову]. Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 года и следующих. Славная хроника. Куплеты: «Я мещанин, я мещанин», эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: «Дон-Жуана», «Моцарта и Салиери». «*У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи*»[80].

Что может быть нелепее меры велеть выезжать подданным из какого-нибудь государства? Тут какой-то деспотизм ребяческий. Так дети в ссорах между собою отнимают друг у дружки свои игрушки, или садятся спиною один к другому. До какой подлости может доводить глупость? Газеты наши говорят о расцеплении Москвы, как о милости народу, разве божией, если в самом деле холера прекращена. Да разве оцепление была царская опала? Поэтому должно радоваться бы и тому, если каким-нибудь всемилостивейшим манифестом велено было распустить безумных из желтого дома. В этом расцеплении 6-го декабря по поводу двух праздников есть какое-то суеверное варварство средних веков и варварская подлость новейших дней[81].

Статистические взгляды на Россию. Россия была в древности Варяжская колония, а ныне немецкая, в коей главные города Петербург и Сарепта. Дела в ней делаются по-немецки, в высших званиях говорится по-французски, но деньги везде употребляются русские. Русский язык же и русские руки служат только для черных работ.

20-го [*декабря*].

Nobis in arcto, et in glorius labor[1*] Тацит. O Homines ad servitutem paratos![2*] — говоривал Тиверий по-гречески, выходя из сената. Первый Булгарин в Риме был *Цепио Криспиний* (Coepio Crispinus), qui formam vitae iniit, quam postea celebrem miseriae temporum et audaciae hominum fecerunt»[3*]; а по другим комментариям *Романий Гиспон.* У Тацита есть тут *qui* двуличный; Даламберт; избранные места из Тацита. Manebant etiam tum vestigia morientis libertatis. Igitur Cneius Piso, qui, inquit, loco censebis, Caesar? Si primus, habebo quod sequar: si post omnes vereor ne imprudens dissentiam[4*]. Вот почему членам царских фамилий не должно заседать в уголовных политических судах. Verba mea, P. C., arguuntur: a deo, factorum innocens sum[5*] (Из речи Кремуция Корда, обвиненного в написании истории, в которой он хвалит Брута и называет Кассия Romanorum ultimum[6*]). Haec mihi in animis vestris templa[7*] (Из речи Тиверия Сенату. И Шишков заставил сказать: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших»)[82].

22-го [*декабря*].

Посланы письма Карамз[иным], Хитровой, Булгакову, Мухан[ову], Орлов[у].— Странная и незавидная участь Б.[83] Имея авторское дарование, он до сорока лет и более не мог решиться ничего написать. Тут вдруг получил литературную известность прологами своими к действиям палачей: «Хотя волнуемая страхом — дерзает мечтать о торжестве!». Ого, г-н классик и строгий критик! Куда это дернуло вас красноречие? «В твердом уповании на бога, всегда благодеющего России!» Вот фраза, формула, которую должно выкинуть бы из официального языка. Это нелепость, или поклеп на бога, или горькая насмешка. Почему богу более

[1*] Труд есть для нас и слава и добродетель (*лат.*).
[2*] О люди, вы готовы быть порабощенными! (*лат.*).
[3*] Который начал создавать жизнь, впоследствии ставшую делом рук смелых людей, несмотря на тяжелые времена (*лат.*).
[4*] Даже тогда оставались следы гибнущей свободы. Итак, Кней Пизо сказал: в каком месте вынесешь ты свое решение, Цезарь? Если я буду первым, мне будет чему подражать; если же я буду последним, я боюсь оказаться несведущим и невеждой (*лат.*).
[5*] Мои слова, П. К., подтверждаются богом; в своих делах я невинен (*лат.*).
[6*] Последним из римлян (*лат.*).
[7*] Для меня эти храмы в ваших душах (*лат.*).

благодеять одной земле, нежели другой, и как знать нам на чьей стороне праведный суд его? Тут есть какое-то ханжество и кощунство. Не призывайте имени бога вашего всуе. Понимаю, что можно здоровому человеку привыкнуть жить с безумцами в желтом доме; но полагаю, что никак не привыкнет благородный человек жить с подлецами в лакейской. Безумием унижена человеческая природа рукою бога: тут есть смирение и покорность воле его. Подлостью унижено нравственное достоинство человека: тут, кроме негодования, ничему быть не может.— Зачем, видя детей шалунов, обвинять их одних, а не более родителей и наставников? Зачем, видя дом в беспорядке, решительно говорить, что слуги виноваты, не подозревая даже, что могут быть виноваты господин и управляющие? Зачем в печальных событиях народов, в частных преступлениях их, винить один народ, а не искать, нет ли в правительстве причин беспорядка, нет ли в нем антонова огня, который распространяет воспаление по всему телу? Зачем, когда рюматизм в ноге, сердиться на ногу одну, а не на голову, которая не думала охранять ногу от стужи или сырости, и не на желудок, который худо переваривал пищу и расстроил согласие и равновесие тела.

23-го [*декабря*].

Pourquoi est-ce Czer. qui a contresigné la traduction de la proclamation aux polonais? Est-ce parce qu'il a été fait cocu par une polonaise? [1*] [84].

24-го [*декабря*].

У нас странное обыкновение: за худой поступок, за поведение, неприличное званию офицера, выписывается офицер из гвардии в армейский полк. Весело этому полку, в который переводят за бесчестье. Можно сказать, что и с П. так же поступили. Тот сам признал свою неспособность: ну, так выйди в отставку, нет; дома он не годится, мы наградим им других, а после того удивляются.— На беду у нас истории не читают: хоть бы читая ее, при общем молчании, мороз подирал по коже их, думая, что о них скажет потомство.

Кстати, вспомнить стих Сумарокова:

Молчу, но не молчит Европа и весь свет.

И потомство молчать не будет. Впрочем, в этом отношении они счастливы. Ничтожество — надежда преступников; ничтожество — отрада и невежд. Для них нет страшного суда ума и истории, нет страшной казни печати. Могла ли остановить пашу Янинского мысль, что Пукевиль будет доносчиком на него пред вселенною? Непонятная казнь не страшит

[1*] Почему именно Чер[нышев] скрепил своей подписью перевод прокламации к полякам? Может быть, потому что полька сделала его рогатым? (*фр.*).

нас. Потому, может быть, и изобрели ад с огнем, кипячею смолою и прочими снадобиями: а то настоящего ада, может быть, никто и не испугался бы. Царедворцу выше всех наказаний быть лишену лицезрения царского: а сколько счастливцев уездных, которых никак не опечалишь тем, что не видать им царя, как ушей своих. Все относительно[85].

Все мои Европейские надеждишки обращаются в дым. Вот и B. Constant [Б. Констан] умер; а я думал послать ему при письме мой перевод «Адольфа». Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик. Редеет, мелеет матушка Европа. Не на кого будет и взглянуть: все ровня останется.

27-го [декабря].

Отправлены письма: Карамз[иным], Фикельмонт, Булгакову.— Прокламация в[еликого] к[нязя]: «Je me mets en marche avec les troupes Imp. pour m'éloigner de la capitale, et j'espère de la *loyauté polonaise* qu'elles ne seront point inquiétées dans leures mouvements pour rejoindre l'Empire»[1*]. Тут род договора и вследствие того обязательства, род признания того, что случилось[86].

7 января 1831 г.

Вчера или третьего дня писал к Карамзиным. 4-го приезжали в Остафьево Денис Давыд[ов], Пушкин, Никол[ай] Муханов, Никол[ай] Трубецкий.—Элиза говорила о себе: «que ma destinée est singulière, si jeune encore et deux fois veuve»[2*]. Мы разговорились с Пушкиным о грусти ее по причине поль[ских] дел: она очень любит в[еликого князя]. «Да,— сказал Пушкин,— и он может сказать: si jeune encore et deux fois veuf — d'un emp[ire] et d'un ro[yaume]»[3*].

«Clouderley» [«Клаудерлей»] довольно скучный роман Годвина, которого мне расхваливали за роман «Caleb» [«Калеб»][87].

В Тамбове возмущение было не на шутку. Говорят, Загряжский тут действовал усмирителем бури. Слово Александра, что он не положит оружия, доколе не будет ни единого врага на земле русской, слово великодушного царя. Слово, что не положит оружия, доколе не будет наказан последний возмутитель, слово П[алача?][88].

14 сентября 1831.

Вот что я было написал в письме к П[ушкину] сегодня и чего не послал: «Попроси Жуковского прислать мне поскорее какую-нибудь новую

[1*] Я отправляюсь в поход с императорскими войсками, дабы удалиться от столицы, и, положась на польскую честность, я надеюсь, что войска не встретят препятствий при возвращении в империю (*фр.*).

[2*] Как исключительна моя судьба, я еще так молода и дважды вдова (*фр.*).

[3*] Еще так молод и дважды вдов — потеряв империю и королевство (*фр.*).

сказку свою. Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинеле по домам с поздравительными одами) и не совестно ли «Певцу во стане русских воинов» и «Певцу на Кремле» сравнивать нынешнее событие с Бородином? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. Можно было дивиться, что оно долго не делается, но почему в восторг приходить от того, что оно сделалось. Слава богу, русские не голландцы: хорошо им не верить глазам и рукам своим, что они посекли бельгийцев. Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нет тут вдохновений для поэта. Зачем перекладывать в стихи то, что очень кстати в политической газете». — Признаюсь, что мне хотелось здесь оцарапнуть и Пушкина, который также, сказывают, написал стихи [89]. Признаюсь и в том, что не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте. Я уверен, что в стихах Ж[уковского] нет царедворского побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут черт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршев, контр-маршев мы опять вступили в этот городок. Грустны могли быть неудачи наши, но ничего нет возвышенного в удаче, тем более, что она нравственно никак не искупает их. Те унизили наше политическое достоинство в глазах Европы, раздели наголо пред нею этот колосс и показали все язвы, все немощи его; а она — *удача* — просто положительное событие, окончательная необходимость и только. Мы удивительные самохвалы и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед. Французское самохвальство возвышает и некоторыми звучными словами, которых нет в нашем словаре. Как мы ни радуйся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с имянинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе. Таким образом, вот и последнее действие кровавой драмы. Что будет после? Верно, ничего хорошего, потому что ничему хорошему быть не может. Что было причиною всей передряги? Одна, что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнее, еще ядовитее, на время можно будет придавить ее; но разве правительства могут созидать на один день, говорить: век мой — день мой... Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступить, но по победе очень можно. Но такая

мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде, она в ней не уместится и разорвет, как ветры разрывали [...]— — отца его. Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражею Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом. К тому же я уверен, что одно средство сохранить нам польские губернии есть развязаться с царством Польским. Не говорю уже о постыдной роле, которую мы играем в Европе. Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского. Что мы усмирили Польшу, что нет — все равно: тяжба наша проиграна.— Для меня назначение хорошего губернатора в Рязань или в Вологду гораздо более предмет для поэзии, нежели взятие Варшавы. (Да и у кого мы ее взяли, что за *взятие*, что за слова без мысли). Вот воспевайте правительство за такие меры, если у вас колена чешутся и непременно надобно вам ползать с лирою в руках[80].

Я сегодня писал к Мордвинову и просил его администра[ти]вных брошюрок.

Как похотлив их патриотизм! Только пощекочешь их, а у них уже и заходится и грезится им, что они ублудили первую красавицу в мире.

15-го [сентября].

Стихи Жуковского навели на меня тоску. Как я ни старался *растосковать* или *растаскать* ее и по Немецкому клубу и черт знает где, а все не мог. Как можно в наше время видеть поэзию в *бомбах*, в *палисадах*. Может быть поэзия в мысли, которая направляет эти бомбы, и таковы были бомбы Наваринские, но здесь, по совести, где была *мысль* у нас или против нас? Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь. Мы были на краю гибели, чтобы удержать за собою лоскуток царства Польского, то есть жертвовали целым ради частички. Шереметев, проиграв рубль серебром, гнул на себя донельзя, истощил несколько миллионов и, наконец, по перелому фортуны, перелому почти неминуемому, отыграл свой рубль. Дворня его восхищается и кричит, что за молодец! Знай наших Шереметевых! — Дело в том, что можно ли в наше время управлять с успехом людьми, имевшими некоторую степень образованности, не заслужив доверенности и любви их? Можно, но тогда нужно быть Наполеоном, который, как деспотическая кокетка, не требовал, чтобы его *любили*, а хотел *влюблять в себя* и имел все, что горячит и задорит людей. Но можно ли достигнуть этой цели с Храповицким? А кто у нас не Храповицкий? — Я более и более *уединяюсь*, *особняюсь* в своем образе мыслей. Как ни говори, а стихи Жуковского — une question de vie et de mort[1*], между нами. Для меня

[1*] Вопрос жизни и смерти (*фр.*).

они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Разумеется, Ж[уковский] не переломил себя, не кривил совестью, следовательно, мы с ним не сочувственники, не единомышленники. Впрочем, Ж[уковский] слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их. Как пьяному мужику жид нашептывал, сколько он пропил, так и в той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Ж[уковский] не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича: во-первых, потому, что этот род восторга анахронизм, что ничего нет поэтического в моем кучере, которого я за пьянство и воровство отдал в солдаты и который попав в *железный фрунт* попал в махину, которая стоит или подается вперед без воли, без мысли и без отчета, а что *города* берутся именно этими махинами, а не полководцем, которому стоит только расчесть, сколько он пожертвует этих махин, чтобы навязать на жену свою Екатерининскую ленту; во-вторых, потому, что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь. В поляках было геройство отбиваться от нас так долго, но мы *должны* были окончательно перемочь их: следовательно, нравственная победа все на их стороне.

22-го [сентября].

Пушкин в стихах своих: *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на *вопросы,* на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней. *Народные витии,* если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи подобные вашим.

Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от *мысли* до *мысли* пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура. Велик и Аникин, да он в банке.

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужли Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть. Зачем же говорить нелепости и еще против совести и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале

политическом *взбивать слова*, чтобы заметать глаза *пеною*, но у нас, где нет политики, из чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное унижение. Нет ни одного листка Journal de Débats [«Журналь де деба»], где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина. В «*Бородинской годовщине*» опять те же мысли, или то же безмыслие. Никогда *народные витии* не говорили и не думали, что 4 мил[лиона] могут пересилить 40 мил[лионов], а видели, что эта борьба обнаружила немощи *больного, измученного колосса*. Вот и все: в этом весь вопрос. Все прочее физическое событие. Охота вам быть на коленях пред кулаком. И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавою*? Россия вопиет против этого беззакония. Хорошо «Инвалиду» сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно. Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместною и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Незачем было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдание Паскевича, которое милостью божиею и без того обойдется. В Паскевиче ничего нет суворовского, а война наша с Польшею тоже вовсе не Суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком.

После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом *событий*, а не *соображений*, то нечего робеть и жеманиться — Пой, да и только. Смешно, когда Пушкин хвастается, что *мы не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете на чем решиться: то у вас Варшава — неприятельский город, то наш посад [91].

Говорится: рука руку моет. Чаще пришлось бы сказать: рука руку марает.

Скотина Полевой имел наглость написать в альбоме жены Карлгофа стихи под заглавием: «*Поэтический анахронизм, или стихи вроде Василья Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные в XIX веке*». Как везде видишь целовальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скромности. Посади свинью за стол, она и ноги на стол. Да и каков литератор, который шутит стихами Дмитриева, и какими стихами еще:

Гостиная — альбом,
Паркет и зала с позолотой
Так пахнут скукой и зевотой.

Паркет пахнет зевотой! [92]

6 декабря 1837.

Бутошники ходили сегодня по домам и приказывали, чтобы по две свечи стояли на окнах до часа по полуночи. — — Сегодня же обедал я у директора в шитом мундире по приглашению его. Матушка Россия не берет насильно, а все добровольно, наступя на горло [93].

Les hommes d'esprit et les hommes de conscience peuvent dire en Russie: «Vous en voulez de l'opposition, coute que coute. Vous en aurez»[1*94].

A l'époque du choléra à Moscou je me trouvais à la campagne près de la ville avec ma famille et un français, chargé de l'éducation de mon fils. Nous étions tous sous le poids de vives inquiétudes et de mortelles angoisses, mais lui, nerveux et hypocondre, était le plus affecté de nous tous. Enfin les bulletins, que nous recevions journellement sur la marche de la maladie, commencèrent à être de plus en plus rassurants, et bientôt le fléau cessa tout à fait. Nous reprimes tous haleine et courage. Mais voici qu'un beau matin, je vois mon précepteur entrer chez moi plus pâle et plus effaré que jamais. Eh bien,— me dit-il d'une vois émue et tremblante,— le choléra a repris à Moscou avec une nouvelle force: il y meurt chaque jour quelques centaines de malades. Effrayé à mon tour, qui donc, lui demandai-je, vous a fait part de cette triste nouvelle? —Mais cette feuille, me répond-il, en me montrant un No du «Journal des Débats». A ces mots un rire fou succéda à ma terreur, panique, puisque j'eu beau chercher à le rassurer et à lui faire comprendre que les nouvelles de Moscou, données par les feuilles de Paris, devaient avoir au moins 6 semaines de date, tandis que nous avions des relations journalières avec la capitale; le pauvre homme ne voulait pas en démordre, et ne cessa de me répéter que le *«Journal des Débats» était véridique, et que les rapports officiels de Moscou ne lui inspiraient aucune confiance* [95].

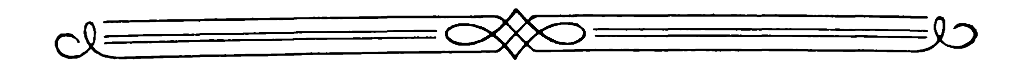
[*Перевод*]

В период московской холеры я находился в деревне, близ города, с семьей и с одним французом, которому было поручено воспитание моего сына. Мы все находились под гнетом сильного беспокойства и смертельного страха, но он, человек нервный и ипохондрик, был угнетен больше нас всех. Наконец бюллетени о ходе болезни, получавшиеся нами ежедневно, стали более бодрыми, и вскоре тяжкий гнет совсем прекратился. Мы вздохнули свободнее и набрались мужества. Но вот, в одно прекрасное утро, наш учитель вошел ко мне более бледный и расстроенный, чем когда бы то ни было.

— Вы знаете, сказал он мне взволнованным и дрожащим голосом, холера вспыхнула в Москве с новой силой: там умирают ежедневно несколько сотен больных. В свою очередь я испугался.— Кто же сообщил вам эту печальную новость?— спросил я.

— Я узнал ее из этого листка, ответил он, показывая мне № «Журнала де Деба». При этих словах безумный смех овладел мной, придя на смену моему страху. Напрасно я пытался успокоить его и заставить его понять, что московские новости на страницах парижских газет отстали по крайней мере на 6 недель, в то время как мы имеем ежедневные сношения со столицей. Бедняга никак не хотел согласиться с этим и продолжал твердить, что «Журналь де Деба» всегда дает совершенно достоверные сведения, а официальные сведения из Москвы не внушают никакого доверия (*фр.*).

[1*] Люди ума и люди совести могут сказать в России: «Вы во что бы то ни стало хотите, чтобы была оппозиция. Вы ее получите» (*фр.*).

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ[1]
(1832—1850)

С.-Петербург, Маия 13, 1832.

Pour la plus belle elle est éclose,
Le plus tendre doit la cueillir;
C'est bien pour vous qu'est cette rose
Et c'est à moi de vous l'offrir.
(Marat) [1*]

Conseils à une jeune personne.

Sur le pouvoir de tes appas
Demeure toujours alarmée.
Tu n'en sera que mieux aimée
Si tu crains de ne l'être pas.
(Robespierre) [2*] [2]

Cruautés des Russes. Le général Davidoff, le Voltaire des steppes de la Russie, et le fameux patriote russe de 1812, ayant trouvé quelques fusils dans la maison de m-r *Czarnołuski*, en Volhynie, fit fusiller, sans jugement, ce malheureux gentilhomme et ordonna ensuite, que son corps fut pendu à un arbre, pour servir de pâture aux oiseaux de proie; mais voulant justifier cette barbarie, il fit dresser après coup à Włodzimierz une sentence de mort contre sa victime, et il força plusieurs personnes à signer cet arrêt posthume.— Il n'est pas de crimes que ce général ne permette à ses soldats.

[1*] Она распустилась для самой прекрасной,
Сорвать ее должен нежнейший из всех;
Конечно, для вас [предназначена] эта роза
И, конечно, мне [надлежит] ее вам предложить
(Марат)

[2*] Советы одной молодой особе.
Никогда не будь уверенной
Во власти твоих прелестей,
Чем более ты будешь бояться оказаться нелюбимой,
Тем сильнее тебя полюбят.
(Робеспьер)

On les a vus maltraiter une dame de qualité, qui était enceinte, lui mettre leurs fusils chargés sur la poitrine, lui arracher un collier de perles et de diamants et l'effrayer au point qu'elle fut forcée de sauter par la fenêtre, et que, sans la pitié du lieutenant colonel Dimitrief, une mort certaine l'attendait («Le Messager Polonais», dernier N° du 30 Juin 1831. En tout 34 N°).

Sur la mort du Feld-maréchal Diebitsch.— Paix à ses cendres; le peuple polonais peut même le pleurer; car militairement parlant, il ne lui fit jamais de mal. — On ne sait pas encore positivement si quelques brochures libérales, qu'il publia dans le temps, et entre autres une concernant les Juifs, ou (ce qui est plus vraisemblable) une injure faite à son père, major dans l'armée Prussienne, furent cause que le jeune Diebitsch passa au service Russe Тут же)[3].

[*Перевод*]

Жестокость русских. Генерал Давыдов, Вольтер русских степей, знаменитый русский патриот 1812 г., обнаружив несколько ружей в доме г-на Чарнолуского в Волыни, приказал расстрелять без суда этого злосчастного дворянина и затем распорядился, чтобы его тело было повешено на дереве на растерзание хищным птицам; но, желая оправдать это варварство, он приказал задним числом составить в Владимире приговор о казни своей жертвы и заставил нескольких человек подписаться под этим посмертно составленным документом. Нет такого преступления, которое этот генерал не разрешал бы своим солдатам. Были свидетели тому, как они грубо издевались над одной очень порядочной женщиной, которая была беременна: они приставляли к ее груди заряженные ружья, сорвали с нее жемчужное и бриллиантовое ожерелье и напугали ее до того, что она была вынуждена выпрыгнуть в окно; и если бы над ней не сжалился подполковник Димитриев, ее бы постигла верная смерть («Польский Вестник», последний № от 30 июня 1831 года. Всего 34 номера).

На смерть фельдмаршала Дибича.— Мир праху его; польский народ может даже его оплакивать, так как, говоря военным языком, он никогда не причинял ему зла.— Никто не знает положительным образом, что послужило причиной перехода молодого Дибича на русскую службу: произошло ли это благодаря нескольким либеральным брошюрам, которые он опубликовал в свое время, между ними была одна, касающаяся евреев, или (что более вероятно) вследствие оскорбления, нанесенного его отцу, майору прусской армии (*фр.*).

20-го.

В газете Le Temps, Маия 11-го 1832, есть перевод письма Марата, писанного по-английски к William Daly [Вильяму Дали]. Марат занимался тогда медициною и хирургиею. «Soyez bien sûr d'une chose, mon ami, c'est qu'on ne peut acquérir de l'habilité ou du renom dans cet art qu'en faisant sur le vir des expériences nombreuses et journalières. Pour moi, je suis à même de me procurer des corps morts, provenant des hôpitaux, en telle quantité qu'il me plaît et à trés bon compte; et enfin de ne pas dépenser trop d'argent en animaux vivants, j'ai fait un arrangement avec un boucher du quar-

tier, qui me fournit des brebis, des veaux, des cochons, et même des boeufs si j'en ai besoin. — Vous dites que vous n'aimez pas à voir d'innocents animaux déchirés par le scalpel; mon coeur est aussi tendre que le vôtre et je n'aime pas non plus que vous à voir souffrir de pauvres créatures; mais il serait impossible de comprendre les secrètes, étonnantes et inexplicables merveilles du corps humain, si l'on n'essayait pas de saisir la nature dans son oeuvre, et ce but ne saurait être atteint sans faire un peu de mal pour beaucoup de bien: c'est seulement ainsi qu'on peut devenir le bienfaiteur de l'humanité.— J'avoue qu'au commencement j'éprouvais de la peine et de la répugnance; mais je m'y suis accoutumé peu à peu, et je me console avec l'idée que j'agis ainsi pour le soulagement de l'humanité.— Si j'étais législateur, je proposerais pour le bien de mon pays et du monde entier, que les condamnés à la peine capitale eussent la faculté d'exposer leur corps à quelque opération difficile qui pourrait causer la mort, et dans le cas où l'opération viendrait à réussir, le condamné, suivant le crime qu'il aurait commis, obtiendrait son pardon, ou la peine serait convertie en exil ou en prison. On m'a assuré, qu'un prince Italien mit ce principe en usage».— Странно видеть эти прелюдии Марата, который после разыгрывал свою тему в полном оркестре[4].

[*Перевод*]

«Будьте совершенно уверены в том, мой друг, что искусство и известность в этой области (в медицине и хирургии) можно приобрести только путем многочисленных и ежедневных упражнений над живыми объектами. Что касается меня, то я могу получать мертвые тела из госпиталей в любом количестве и за очень дешевую цену. Для того же, чтобы не тратить слишком больших сумм на живых животных, я условился с мясником нашего квартала, который доставляет мне по мере надобности овец, телят, свиней и даже быков.— Вы говорите, что не любите видеть невинных животных под скальпелем; мое сердце столь же мягко, как и ваше, и я также не люблю видеть страданий бедных тварей. Но было бы совершенно невозможно понять тайны, изумительные и необъяснимые чудеса человеческого тела, если не пытаться схватить природу в ее работе на ходу. А между тем, этой цели нельзя достигнуть, не причинив немного зла, чтобы сделать много добра, только таким образом можно стать благодетелем человеческого рода.— Признаюсь, что вначале я испытывал страдание и отвращение, но мало-помалу я привык и теперь утешаю себя мыслью, что я это делаю для облегчения человечества... Если бы я был законодателем, я предложил бы для блага своей страны и целого мира, чтобы приговоренные к смертной казни имели право отдавать свое тело для совершения какой-либо трудной операции, которая может привести к смерти. В случае же удачной операции виновный, смотря по совершенному им преступлению, или получает прощение, или же смертная казнь заменяется ему ссылкой или тюрьмой. Меня уверили, что один итальянский князь применил этот принцип на деле» (*фр.*).

В той же газете есть письмо Бомарше о Duc de Lauraguais [Герцоге де Лораге], который носил жену свою на пальце. «По смерти ее,— говорил он,— j'eus recours à Vanderberg, le chimiste, qui, ayant placé le corps de ma femme dans une feuille d'asbeste, le livra aux flammes, et à l'aide d'une

chaleur extraordinaire le réduisit à une petite quantité de poudre qui ensuite, au moyen d'une certaine composition chimique, fui changée en une substance bleue vitrifiée; la voilà, m-rs, monétée dans un anneau d'or; c'est la plus fine essence de mon adorable femme».

[*Перевод*]

Я обратился к Ванденбергу, химику, который обернув тело моей жены листом асбеста, подверг его сожжению и при помощи чрезвычайного жара превратил его в небольшое количество праха; затем посредством некоего химического соединения превратил в синее стекловидное вещество; вот оно, господа, оправленное в золотое кольцо; это самая утонченная сущность моей обожаемой жены (*фр.*).

Мы на днях говорили у Софии Бобринской о невозможности перевести немецкое: *Heimveh*[1*]. После нескольких попыток дельных начали мы выражать это слово карикатурою. Жуковский предложил: *домогорье*. Я сказал: уж лучше *зимогорье*[5].

15-го июня 1833.

Я сегодня обедал у Дмитриева. Каждые два часа беседы с ним могут дать материалов на том записок. Непростительно, что я не всегда записывал разговоры мои с ним. Он сегодня говорил о каком-то Беклемишеве при Екатерине, хлебосоле, к которому ежедневно сходились многие обедать и между прочим Дмитриев, тогда еще гвардии сержант: мать Дмитр[иева] была дружна с женою его.— Беклемишев ходил в гродетуровом кафтане и прочее одного цвета. По возвращении от должности находил он уже у себя длинный обеденный стол накрытый, подавали закуску, и он от закуски до обеда занимался переводами. Съезжались тогда каммергер Валуев, польский посланник Деболи, влюбленный в дочь Беклемишева, красавицу. Когда Дмитриев приехал в Петерб[ург] министром, получает он письмо от Беклемишевой, вдовы, которая просит у него ста рублей на погребение этой дочери. 100 руб. даны и на другой день Дмитр[иев] подает государю докладную записку о вспомоществовании вдове, погребающей дочь свою, бывшую красавицу. Та, что всегда языком облизывалась, говорит государь и дает 500 рублей.— Во время коронации имп[ератора] Николая князь Лопухин спрашивает Дмитриева: «Помнишь ли, как ты прихоживал ко мне с тетрадкою перевода.— Лопухин был тогда Петерб[ургским] полицмейст[ером] и ценсором. Бывало только что прочтешь кое-как и подпишешь, не опасаясь никакой ответственности, а теперь что за важное дело должность ценсора».— Тут описание Дмитриева аудиенции Лопухина; частные пристава подходят к нему каждый с добычею своею: один с девкою, у которой глаз подбит, другой с двумя купчиками; «как теперь вижу,—говорит Дмитр[иев], в халатах, белокурые во-

[1*] Тоска по родине (*нем.*).

лоса распущены по плечам, они пойманы в чужом саду, куда перелезли чрез забор».— Лопухин слушает их и прищуриваясь дает решение свое. Между тем Дмит[риев] стоит в углу и ожидает очереди своей (а между тем сегодня рассказывает мне с живостью и олицетворением сцену, происходившую за полвека). Лопухин был ценсор снисходительный и имел какую-то натерку философии 18 века.— В письмах к отцу моему цитовал он часто отрывки из «Jacque le fataliste»: il est écrit la haut sur le grand rouleau [1*] и прочее.

Что делает в Москве Мих[аил] Алек[сандрович] Салтыков? — «Все вздыхает о изменении франц[узского] языка».

— А сочинитель Фомин, который жил в Москве в б... против дома Дмитриева, ходил в черном фланел[евом] капоте, вероятно, оставшемся после траурного церемониала при проезде тела императора Александра чрез Москву и вместо пуговиц зашпиленного поперек булавкою, которую ему подарила одна из девок.

Он говорил о любви своей ко всему молочному. Это доказательство, сказал Одоевский, что в вас нет желчи. «Хоть один он приводит желчь мою в движение, отвечал он, указывая на камердинера своего, известного Николашку,— да Полевой».

Греч во весь обед у Дмитр[иева] в Москве рассказывал анекдоты о Булгарине и не весьма выгодные чести его, и после каждого: «да вы не подумайте, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд — да не подумайте, что он злой человек, напротив, предобрая душа, а урод» [6].

19 июня.

Говоря о мнении, которое восстает против выгод колоний для европейских держав (Франции, Гишпании) Фикельмон сказал: «L'Europe abdique» [2*].

Он же сказал при известии о беременности герцогини Беррийской: Il n'y a rien de changé en France, il n'y a qu'un français de plus» [3*] [7].

[1*] Из «Жака Фаталиста»: он написан вверху, на большом свитке (*фр.*).
[2*] Европа отрекается от трона (*фр.*).
[3*] Во Франции ничего не изменилось, лишь прибавился один француз (*фр.*).

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ[1]
(1834—1835)

1834

Июль 13/25.

Первая мысль о путешествии. Письмо из Москвы. Возвратился я из Таиц[2].

Август 11/23.

Выехали из Петербурга.

Август 12/24.

Из Кронштадта, в 6 час. утра.

27 авг./8 сент.

Приехали в Ганау[3].

Октябрь 18/30.

Выехали из Ганау после обеда в 4 1/2 час., приехали в 9-м часу ночевать в Ашафенбург. Строго требовали паспорта и едва согласились дать нам доехать до трактира и там получить его. Ехав от Ашаф[енбурга], видели в лесах снег. Недавно выпал здесь сильный, вершка на два, размыло дождем. Вообще воздух холодноватый [русековатый]

Октябрь 19/31.

Из Ашаф[енбурга] выехали в 10 утра, приех[али] в Вюрцбург в 1-м часу ночи. Все с горы на гору. Живописно для глаз, но не *живоходно* с нем[ецкими] лошадьми. Здесь сторона бесплоднее. Города и селения не так теснятся по дороге, как по ту сторону. Аш[афенбург] поряд[очный] город. Замок на Майне. Трак[тир] *Zum Breyerhoff* [Брейергоф].

20 окт./1 ноябр.

Празд[ник] всех святых. Вирцб[ург] прекр[асный] город: *сад*, *площадь*, *замок* — церковь близ замка полна была народом и нарядными красавицами. От праздничного утра большое движение на улицах, все из церкви или в церковь и в полчаса времени увидел я, может быть, половину

городского населения. Крепость на высоте. Трактир *zum Kronprinz* [УКронпринца] довольно плохой. Помещение [далее 1/2 строки срезано]. Хозяйка смуглая крас[авица]. Выехали в 12 час. Дорога до Ochsenfurst [Оксенфурст], шоссе между Майном и виноградными горами, ныне уже оборванными, оживлена хорошими местечками. *Ochsenfurst* по ту сторону Майна. Мост. Приехали в Uffenheim [Уффенгейм] в 6-м часу и остались обедать и ночевать за неимением лошадей. Дорога вся гористая, а нем[ецкие] лошади не *горские*, а *горькие*.

21 окт./2 нояб.

Выехали из Uffenheim в 7 1/2 час. у[тра]. Гостин[ица] *Zum gold*[*ene*] *Lampe* [Под золотой лампой] очень хороша харчами и постоем: мягко кормят, мягко стелят и не жестко тронуться и встать со стола, т. е. расплачиваться. Приехали ночевать в 11 час. в Нёрдлинг[ен] в гост[иницу] Zum Krone [Под короной]. Дорога все гориста, но менее, особенно последняя половина. Города очень хороши. Обедали в [1 сл. не разобр.] очень порядочно. Народ везде приветливый. Огромные прически женщин. Черные зонтики [срезано несколько слов].

Октябрь 22/3 ноября.

Выехали из *Нёрдлингена* около 8 ч. утра. В *Donauwörth* [Донауворт] познакомился я *с сыном Ивановичем Дунаем*, довольно скромным в здешнем месте. По сторонам его расстилаются равнины и возвышаются несколько местечек. В *Aichach* [Айхах] пьяный почтмейстер, qui parlait la petite français[1*], и наложил нам шесть лошадей, которые тащили за четырех.

Октябрь 23/4 ноября.

Всю ночь протащились и приехали в Минхен в 5 часов утра[4]. Трактир *Золотого оленя* весьма плохой.

24/5—27/8, Минхен.

Тютчева — бывшая Петерсон, бывшая графиня Bothmer [Ботмер], сестра ее Клотильда, кандидатка в chanoinesse[2*]. M-me de Welden [Г-жа де Вельден] — сестра Лотсбек. Фамилия их разбогатела табаком. Первая говорит о Бальзаке: Comme il nous connait[3*]. В сестру был влюблен Мантейфель. M-r et M-me de Cetto, née Baronne de Deux ponts[4*] — дочь

[1*] Который говорил немного по-французски (*фр.*).
[2*] Настоятельница монастыря (*фр.*).
[3*] Как он нас знает (*фр.*).
[4*] Г-н и г-жа де Сетто, рожд. баронесса де Де-Пон (*фр.*).

его M-me de Braga [Г-жа де Брага] —M-me de Darenberg [Г-жа де Даренберг][5], вдовушка черноглазая, дочь Баварского посланника в Париже. Le comte de Preysing [Граф де Прейзинг] Capitaine en chef des gardes d'arciers[1*] (почетное звание), ярославский знакомец 1812 г., когда он был в плену.

M-me de Deux ponts, belle soeur de M-me de Cetto, née C[omtes] de Reichberg.— Le nonce, archevêque de Tyr, Comte de Mercy d'Argenteau Belge[2*].

Вдовствующая курф[ирстша] Баварская разбогатела поставками, откупами. После Ганауского сражения поскакала она в армию и начала свои обороты. Она, сказывают, сама о том говорит охотно. У короля собрание портретов современных и полюбившихся ему красавиц. Кто бы ни понравилась ему, он выпросит позволение велеть списать портрет и внесет в свой тайный музей. Доныне их 16-ть. Наша Крюднерша тут, а в почине его италиянская Эгерия, к которой он так часто уклоняетсядля свидания из Баварии. В потомстве он таким образом прослывет Соломоном, если по портретам будут судить о подлинниках. Сказывают, один прусский кронпр[инц] видел этот платонико-созерцательный сераль[6].

Принц Карл женат на актрисе.

Октябрь 29/10 ноября. Минхен.

Обед у Гагарина. Доктор *Бреслау* был в плену в Рос[сии] в 1812 г., долго лежал в Вильне — оставил в России два большие пальца с ног своих.

Вечер у M-me Cetto [Г-жи Сетто] — Нунций разгадывал шарады. Сцена франц[узской] классической комедии. Муж и жена: Филемон и Бавкида века Людов[ика] 15-го. Разговоры об отступлении Франц[узского] Министерства[7].

Октябрь 30/11 ноября. Минхен.

Отелло — Паша. M-elle Carl [Мадмуазель Карл]. Тенор очень хорош.— Бас Пелегрини лучше всего в Robert le Diable [«Роберте-дьяволе»]— для Дон-жуана слишком дороден.

Ноябрь 1/13.

Выехали из Минхена в 12 час. перед обедом, приехали ночевать в Wallen-see [Валлензее] в 1-м часу ночи. Деревенской плохой трактир. Выехав из Венедигт — крутая гора в час езды и более; Kochel [Кохель] берег и озеро, водопады невидимые ревели во тьме. Карета на дыбах карабкалась вверх, словно слон.— Лес — Прекр[асная] ночная картина.—

[1*] Гвардии командир (*фр.*).

[2*] Г-жа де Де-Пон, невестка г-жи де Сетто, рожд. графиня Рейхберг.—Нунций, архиепископ Тирский, граф де Мерси из бельгийского Аржанта (*фр.*).

Подъезжая к станции — дорога между озером В[аллен] Зее и берегом крутым и покрытым лесом.

Ноябрь 2/14.

Из В[аллен] Зее выехали в 10 час. у[тра]. Приехали в Инсбрук в в 10 час. в[ечера]. С горы на гору. Везде шумят ключи и потоки. Царство сосны. На равнинах снег. Австрийская граница. Приставы очень вежливы. Замки [8].

Ноябрь 3/15.

Выехали из Инсб[рука] в 11 часов. Приехали в 5-том часу в Штейнах, т. е. на вторую станцию и остались ночевать, чтобы ночь не застигла нас на Бреннере. На пер[вой] стан[ции] до Шенберга увидели мы горную красоту во всем блеске, освещенную солнцем. Снежные горы, которые торчат в небесах над облаками, удивительное зрелище. Дорога над пропастями. В глубине зеленая полоса Зилы, шумит и бурлит. Дорога поминутно извивается. Картины разнообразные, то обработанные поля по уступам гор, то дичь во всем ужасе. В Шенберге плохие лошади и плохие почтари, по крайней мере, наши. Когда мы совершали свое облачное путешествие, Надинька сказала: «Четвертинские, может быть, видят нас теперь, если смотрят на небо» [9]. В Штейнахе довольно хороший трактир. Церковь, расписанная доморощенным живописцем, кажется *Кнóфелем*, здесь рожденным и жившим в Милане. В церкви есть памятник ему. (В Инсбруке видел я в церкви памятник Андреаса Гофера, австрийско-тирольского Вильгельма Теля, который, впрочем, вероятно, не вдохнул бы трагедии Шиллеру)[10]. Инсб[рук] хорошо обстроенный городок. Улица, где Золотое Солнце, в котором мы остановились, широкая с широкими гранитными тротуарами. Вообще все дома расписаны снаружи: Рафаэлевы ложи нá медные деньги. В Штейнахе рабочий народ в трактире после ужина молился в чулане на коленях, громко произнося молитвы. Вообще везде католическая набожность уже несколько италианская. И другая примета италианского соседства: в трактирной избе большая плита мраморная, вставленная в стол. Все путешественники рассказывают про тирольские песни, коими оглашена горная атмосфера; я ни одной еще не слыхал. Может быть, от того, что ноябрь на дворе, или на горе, от того нет и красивости нарядов, о коих также много говорят. Заметил я только у женщин огромные *турнюры*, которые за пояс (façon de parler) [1*] заткнули бы турнюры наших петерб[ургских] щеголих. После обеда заходящее солнце задергивало золотым прозрачным покровом ущелья гор и отсвечивалось на посребреных вершинах сосен, слегка осыпанных снегом.— Слияние золотого пара с серебряным паром.

[1*] Как говорится (*фр.*).

Горы — хаос в первые дни создания.— Солнце и лед.— Тьма и свет.— Необузданные потоки и громады камней.— Рука человечества еще не раздвинула горы.

Ноябрь 4/16.

Выехали часу в 9-м. Проехали весь день и всю ночь обнадеженные и прельщенные светлою и теплою италианскою ночью; приехали в Ботцен часов в 5 утра. Бреннер не заслуживает славы своей, ни ужасом, ни красотою. За Бреннером нашли мы солнце и что-то весеннее в воздухе, точно весеннее, ибо вышли из зимы.

Ноябрь 5/17.

Выехали из Ботцена в 1-м часу. Приехали в Триент часов в 9 вечера. Италия! То есть холодные комнаты, дымящийся камин и кислый хлеб.

Ноябрь 6/18.

Выехали из Триента в 11 час.

Ноябрь 7/19.

Мантуа.

Ноябрь 8/20.

Модена. Тебальдо и Изолина.

Верона. Амфитеатр: сильнейшее впечатление всего путешествия. Посреди амфитеатра Подновинский балаган [11]. В Италии постыдное пренебрежение памятников, коими, между тем, она и живет и показывает прохожим, как нищие, увечья свои, чтобы вымолить грош. Все з..., начиная от церквей до театров.—

Болонья. Кривошейная башня. Галерея Sampierra [Сампиерра]. Антиавстрийский офицер.— Отзыв сестры Анти Паролетти. Дом Россини.— Два дни до приезда нашего уехала Паста.

Ноябрь 9/21.

Болонья.

Ноябрь 10/22—12/24.

Флоренция.

Ноябрь 13/25.

Флоренция. Бал у Понятовских.

Ноябрь 14/26.

Флоренция. Le duc De Dino [Герцог де Дино] — муж племянницы Талейрана.

Le marquis Jino Cappone [Маркиз Джино Каппоне] Comte Seristori [Граф Серистори] — был в нашей службе — женат на Franchini [Франкини], дочери русского драгомана.

Prince de Soresina Vidoni[1*] [Князь де Сорезина Видони] женат на дочери г[рафини] Бутурлиной. Dini [Дини], муж Бутурлиной старшей, брат его.

[1*] Последние четыре слова вписаны рукой В. Ф. Вяземской.

Marquis Joseph *Pucci* [Маркиз Жозеф Пуччи], нижегородский знакомец.

Понятовский Charles [Шарль], сын князя Станислава, женат на Элизе Montecatini [Монтекатини]. Сестры его M-me Ricci [Г-жа Риччи] (белокурая). M-me Zappi de Bologne [Г-жа Цаппи из Болоньи], муж ее замешан в последнем возмущении[12].

M-me di Bagno [Г-жа ди Баньо], дочь графа Азолино.

La duchesse de Casigliano, belle fille du Prince Corsini[1*].

M-me Bryan [Г-жа Бриан], дочь известного Rembel [Рембеля] — жена американца.—

La marquise *Rimedi*, de Bologne [Маркиза Римеди, из Болоньи], черные глаза, розовое платье.

Инконтри — дочь Gino Cappone [Джино Каппоне], сестра ее.

Концерт полуартистов, полуаматеров. Пела Каталани арию свою portugale и вариации Роде. Есть еще отголоски старины, но уже не то. Это уже не Каталани-*Валабрек*, а разве *Валабрек*-Каталани. Дочь ее пела арию из «Паризины».— Бал у английского священника. Познакомился я тут с английским майором подтюремщиком Наполеона при Гудсон-Лове. *Физические подробности о Наполеоне.* Бал у князя Монфора. *Графиня Липона.* Вероятно, издаст со временем свои записки или свои бумаги *pour disculper le Roi qui est devenu le bouc émissaire de cette époque*[2*]. Она читала недавно книгу, в которой говорят, что она хотела отравить брата и надеть императорский венец на мужа. Говорила о привязанности и благодарности к русским[13].

Ноябрь 15/27—16/28.

Флоренция.

Ноябрь 17/29.

Вечер у князя Монфора.

Ноябрь 18/30—24/6 декабря.

Флоренция.

Ноябрь 25/7 декабря.

Выехали из Флоренции, думали в 5 час. ан в 7 час., у заставы задержали около 2 часов за неисправностью пропускного билета *ветурино*, который дан был за два дни. Нет нам удачи в дороге, все какая-нибудь да закорючка. Вместо того, чтобы ночевать в Сиене принуждены мы были потерею 4 часов остановиться на ночь в *Podi bongio* [Поди бонджио]. Из Флоренции до Рима с ночлегами и харчами подрядился ветурино Mocali [Мокали] за 400 франк. должен был довезти в 5-й день, теперь в 6-й, если бог грехам попустит. Дорога все вниз и вверх. Запрягали до 8

1* Герцогиня де Касильиано, невестка князя Корсини (*фр.*).

2* Чтобы оправдать короля, который стал козлом отпущения этой эпохи (*фр.*).

лош[адей], то есть припрягали 3, а где и 2 волов. Оливы и виноградники. Много сельских домов в виду по сторонам. В первый раз слышу громкие песни на улицах вечером. Вообще италианский народ замолк: *стал счастлив, замолчал.* Сказывают напротив[14].

Ноябрь 26/8 декабря.

Ночевали в Buon Convento [Буон Конвенто], завтракали в Сиене. Собор — Piazza del Campo [Пьяцца дель Кампо]. Трактиры италианские голодные и холодные. В соборе группа трех граций.

Ноябрь 27/9 декабря.

Выехали около 6 часов утра, т. е. ночью. Предрассудок, что надобно рано выезжать и засветло останавливаться, как будто не все равно тьма утренней ночи или вечерней. Завтракали в Riccorsi [Рикорси], селение, где один почтовый двор и гостиница. Приехали ночевать в Novella [Новеллу]. Трактир посредственный. На высотах Радико Фано поднялся холодный и сильный ветр, а день был самый теплый, даже и не на солнце. Ужасная страна и ужасная дорога. Все в гору и с горы и дорога извивается змеею. И это называется bella Italia[1*]. Мертвая природа — кладбище с нагими остовами гор. Можно ли сравнить берега Рейна? В Италии, т. е. в известной мне, есть несколько замечательных городов, с замечательными памятниками, но живописной природы нет. К тому же тормоз для меня палач всех красот природы. И в Тироли он в глазах моих все портил, а Апеннины только что раздражают нервы, а поэзии нет. Италия прекрасный музей, а не прекрасная земля.

Ноябрь 28/10 декабря.

Выехали из Novella [Новеллы] (уединенная гостиница) в 9 час., приехали в Bolsena [Больсену] в 2 час. Остались обедать и ночевать. Озеро — церковь св. Христины — чудо. Во всю дорогу нестерпимое солнце в лицо и трамонтана в спину.

Ноябрь 29/11 декабря.

Выехали в 6 час. Завтракали в Витербо. Мумия св. Розы: черная роза. Римский саркофаг. Прекрасная Галиана. Фонтаны. Город славился прекрасными девицами и прекрасными фонтанами. Первых не случилось видеть. Трамонтана дует.

Приехали ночевать в *Черный Орел* в Ronciglione [Рончильоне]. Порядочный трактир для Италии. Завтра в Риме! Великое слово. То ли бы дело, если не было бы кашля на свете[15].

1* Прекрасная Италия (*ит.*).

На пятницу ночевали в Ronciglione [Рончильоне]. Выехали в 6-том часу, завтракали в Storzo [Сторцо]. В 4 часа въехали в Рим.

Декабрь 27/8 янв[аря]. Рим.

Минуло 4 месяца с приезда нашего в Ганау[16].

Mon Dieu! Mon Dieu! faites moi miséricorde; Vous savez ce que je suis!... Moi, je ne sais pas ce que Vous êtes; n'abusez pas de votre supériorité, faites moi miséricorde!

(«*Le monde comme il est*», par le marquis de Custine).

Travailler, c'est espérer: voilà pourquoi l'homme tout à fait malheureux ne peut rien faire, ni l'homme entièrement satisfait [1*] (Тут же).

1835 [17]

Февраль 11/23.

Зажег сигарку огнем Везувия в 12 ч. у[тра] 1835.

Март 26/7 апр.

Неаполь. Capua [Капуа].

Март 27/8 апр.

Pompeia — Solerno [Помпея — Солерно].

Март 28/9 апр.

Paestum — Basilica [Пестум — Базилика].

Март 29/10 апр.

Amalfi [Амальфи]. Из Сандиза [?] водою в Амальфи.

Там на ослах в Castellamare [Кастелламаре] — скалы — Из Castellamare вечером в 8 час. морем в Соренто — утром на остров Capri [Капри]. Голубой грот — лежа вплываешь в маленькой лодке — точно голубое и чудесное — обратно в Соренто — на ослах в Castellamare [Кастелламаре] — прелестная дорога — померанц[евый] сад на скалах — ночевали в Castellamare [Кастелламаре].

Апреля 2/14.

Выехали из Неаполя в 10 1/2 час. утра, обедали в Мола ди Гаэта в 9 час. в[ечера]. Горы покрыты снегом.

Апреля 10/22.

Выехал из Рима в 5 час. за полдень (Как мог я решиться ехать один, я, в котором нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Переваливаю мысли свои, как камни, с одной на другую — Сизифова работа).

[1*] Боже мой! Боже мой! Будь милостлив ко мне; ты знаешь меня, я же тебя не знаю. Не злоупотребляй своим превосходством, окажи мне милость!

(«Мир как он есть», соч. маркиза де Кюстин).

Работать, значит, надеяться: вот почему совершенно несчастный человек не может ничего делать, так же как и человек вполне удовлетворенный (*фр.*).

Апреля 11/23.

В 10 час. у[тра] остановился позавтракать в Ponte Centino [Понте Чентино]. Погода совершенно осенняя; холод, пасмурно.— В сердце хуже осени.— Тоска.— Судороги тоски. Что-то чинят в коляске.

Апреля 12/24.

Приехал во Флор[енцию] в 9 час. у[тра].— Отпевание Скарятина. Вельг[орский]. Солтык[ов]. Орлов. Выезжаю в 9 час. вечера.

Апреля 13/25.

Всю ночь проспал в коляске. Проспал кривую башню Пизы. Город, кажется, прекрасный. Дорога до [Анцио?] и за [1 сл. не разобр.] прекрасная. Как все обработано. В Pietra Santa [Пьетра Санта] нет лошадей. Воспоминание русских почт.

Апреля 14/26.

Приехал в Генуую в полдень. Гейдекен, Закревская, Соболевские. Дом на высоте. Гуляние [1 сл. не разобр.]. Золотая гостиная. Собор. Таможня. Лавки. Зала дожей.

Апреля 15/27.

Выехал из Генуи в 3 часа после завтрака. Всю ночь дождь проливной.

Апреля 16/28.

Приеал в Турин в 11-м часу утра. Обедал у Обрескова. Дождь целый день.

Апреля 17/29.

Познакомился с Сильвио Пелико. (Письмо к жене). Обедал у Обрескова. Выехал из Турина в 10 час. в[ечера].

Апреля 18/30.

Приехал в Милан в час перед обедом. Все дождь ночью и днем (в письме к жене описываю, что делал). Transeat [1*] написано ценсурою на книге «Souveniers de la marquise de Crequy» [«Воспоминания маркизы де Креки»], которые давал мне читать г[раф] Стакельберг.

Апреля 19/1 мая.

Был у Манзони. Выехал из Милана в 5 часов после обеда.

Апреля 20/2 мая.

В 12 часов приехал в Верону. Еду очень тихо. Все дождь. Озеро Guardo [Гвардо].

Апреля 21/3 мая.

Обедал в [1 сл. не разобр.] очень хорошо. Ночью и днем ничего не видал. От дождя сидел закупоренный в коляске.

[1*] Пусть выйдет (*лат.*).

Апреля 22/4 мая.

Обедал в Клагенфурте. Край очень живописный. Дождь оставил меня на границе Италии; а солнце встретило в Германии. Обедал в Мобен. Разница между италианскими почтарями и немецкими. Те, и не дожидаясь ваших замечаний, указывают вам с восторгом на красоты земли, bellissima cosa [1*] и пр. Сегодня, сидя на козлах, говорил я почтарю: «Das ist ein schönes Land — Ja, es passiert» [2*], — отвечал он.

Апреля 24/6 мая.

В 9 час. у[тра] приехал в Вену. Сдал депеши Горчакову и поехал в трактир Zum römischen Kaiser [У римского короля]. После обеда, в Пратер, в 5 часов, весь город в колясках и верхом, весь Эстергазитет и вся Лихтенштейщина[18]. Общество, которое ежедневно собирается в один час и в одно место, должно быть, пустое общество.— Красавица Hunyady [Гунияди] Венгерка;— еще красавицы Венгерки. Странный вид гуляния в траурных платьях. Траурные ливреи. Италианская опера «Duaieso» [«Дуаиезо»].

Апреля 25/7 мая.

Был на скачке с Киселевой: дождь; почти никого не было. Обедал у Татищева. Его за столом не было. Болен. Скороходы за столом. Сказывают, первый дом в Вене. Опера «L'elixir d'amour» [«Любовный напиток»]. Хорошая певица.

Апреля 26/8 мая.

Был у Разумовской и Разумовского. Приятный старик. Прекрасный дом. Был на выставке цветов. Обедал у Татищева. Опера «Норма». Был в 7 часов с Килем в синагоге. Хорошая ротонда. Род протестантизма еврейского. Мало жидовских платьев и первобытных лиц. Прекрасно поют. Интересно слышать псалмы Давида, петые стройными голосами на природном их языке. Все в шляпах. Перед концом подают сосуд с чем-то певчим.

Апреля 27/9 мая.

Был в Шенбруне. Прекрасный сад. Зверинец опустел. Видел une des puissances de Vienne[3*], но не Меттерниха, а слониху. Обедал у Киселевой. Таскался с обеими сестрами по лавкам; «Elixir d'amour» [«Любовный напиток»].[19] Пил чай у Ольги Нарышкиной. Выехал из Вены в 1-м часу ночи.

Апреля 28/10 мая.

Выехал не в добрый час. Лошади стали на дороге. Все шоссе завалено каменьями, которые проезжающие должны разжевать.

[1*] Прекрасные вещи (*ит.*).
[2*] Это красивая страна.— Ничего, сойдет (*нем.*).
[3*] Одно из могуществ Вены (*фр.*).

Апреля 29/11 мая.

Приехал ут[ром] в 12 час. в Craslau [Краслау]. Коляску чинят уже во второй раз из Вены. Еду хуже прежнего, хотя беру третью лошадь. Здесь все пахнет *Русью* и корешками Шишкова. Я понимаю их язык, а они меня не понимают [20]. Вообще русский слух смышленее прочих. Если мало-мальски не выговоривать, как иностранцы привыкли выговоривать свои слова, они уже вас не разумеют. А русский мужик поймет всегда исковерканный русский язык всякого шмерца. И природа здесь сбивается на *русскую* — плоская. Небо молочное, цвета снятого молока. Женский убор — платок, повязанный на голове, также русский. Одна почта не русская, а архинемецкая. Язык — смесь польского и русского. Читаю в коляске переп[иску] M-me Campan [Г-жи Кампан] с Hortense [Гортензией]. Полюбил и ту и другую.

Апреля 30/12 мая.

Вчера обедал, или ужинал в Праге около полночи. Следоват[ельно], Праги не видал. Г[раф] Ан. Кир. Разумовский говорил мне в Вене, что она походит на Москву. Не догадываюсь чем. Дома высокие, улицы узкие, река широкая. Вот все, что я видел. Старался узнать что-нибудь о старых Бурбонах, но ничего не узнал, кроме того, что Карл X мало выходил из дома[21].

Май 1/13.

Утром в 4 часа дотащился я до Дрездена. Коляска опять ломалась, какой-то винт все не держался. Обедал в Теплицах. Кульм; два памятника: прусский и австрийский. Последний колоссальный и одному человеку: другой всем падшим братьям и мелок [22]. Природа, приближаясь к границе, несколько оживляется.

Май 2/14.

Вчера провел деятельный день. В письме к жене (чрез Маркелова) описываю его. Выехал из Дрездена в 9-м час. у[тра]. Прусская почта поспешнее. Что-то военное, русское во всем. И береза встречается. Подъезжая к Берлину, вспоминаешь Петергофскую дорогу.

Май 3/15.

Приехал в Берлин в 9-м час. у[тра]. И тут часа три лишних проехал. Потсдам не мог осмотреть: проехал в 6 час. у[тра], надобно было бы ждать 8-ми и употребить часа три. Ай, ай, месяц май тепел да холоден! И в этом союзная держава! Ночью продрог и, приехав в Берлин, велел тотчас затопить род русской печи. Hotel de St Petersbourg [Отель де Санкт-Петербург].

АПРѢЛЬ.

28. Субб. Ап. Іасона.
10 Мая.

29. Воскр. 9 Муч. въ Кизич.
11 Мая.

30. Понед. Ап. Іакова.
12 Мая.

Запись, сделанная во время возвращения из Италии.
Апрель 1835 г. Книжка десятая.

Май 4/16.

Вчера обедал у Рибопьера. Был на маленькой выставке картин. Картины Крюгера: Импер[атор], два велик[их] кн[язя], Паскевич, Волконский, Бенкенд[орф], Черныш[ев]. Был у Крюгера и в его Studio [1*], все петерб[ургские] лица. Ездил по городу. Красив. Сбивается на Петерб[ург]. Магазин *Гропиуса* славится игрушками и китайскими вещами. В италианской опере: «Semiramide» [«Семирамида»]. Был король и жена его. После 1-го акта поехали они во франц[узский] спектакль [23]. Пил

[1*] Мастерской (*ит.*).

чай у Озеровых и выехал из Берлина за полночь. Заезжал к Гумбольдту, но не застал. Кноринг. Долгоруков Илия. К трем часам приехал обедать в Перлеберг.

Май 5/17.

Приехал в Любек в полдень. Парохода еще нет, а надлежало ему уже здесь быть.

Май 6/18.

Ожидаем пароход, но нет еще ни слуху, ни духу, а от парохода есть и то и другое. Остановился в Hotel du Nord [Отель дю Нор] тут же, где и прошлого года. Любек город недоступный, со всех сторон окруженный непроездимостью датских дорог. От Бойценбурга до Любека 8 миль, около 12-ти часов езды. Все образцы русских дурных дорог проселочных. К[нязь] Анд[рей] Горчаков, Г. А. Гурьев ждут со мною пароход.

Май 7/19, 8/20.

Ждем пароход.

Май 9/21.

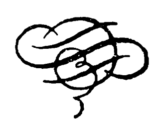
Ждем пароход. Две пилы: одна пилит медленно, но безостановочно. Другая зазубрилась [24].

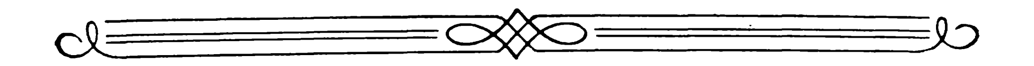
Май 10/22.

Пароход пришел.

Май 12/24.

Отправляемся из Любека в 8 час. утра.

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ[1]
(1835 — 1844)

[ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ. 1835]

Октябрь 1835 [2].

Воскресенье 7/19 приехали в 6 час. вечера в Франк[фурт]. Искали Лагрене, уехали в Париж. Маркеловы. Театр. «Русалка», 1-я часть — волшебная опера без волшебства. Театр битком набит. Приютились в ложе Маркеловой.

Понедельник.

В 10 часов утра выехали в Майнц, в нанятой коляске парою за 7 гуль[денов]. Дорогою ели виноград Гокгеймский. В два часа с чем-то были в Майнце и остановились «У трех корон». Трактир плохой, обед плохой. После обеда поехали в коляске в Favorite [Фаворит], укрепление — тополи посажены на месте казнения разбойников.— Театр, библиотека.— Пиши журнал кто хочет, а я слуга покорный. Ничего нет скучнее, особливо же при трактирном пере и нервах в беспорядке от дождя, от, от [1*]

1835. Четверг 18/30 октября.

Выехали из Ганау в 4 1/2 после обеда [3].

[ПОЕЗДКА В РЕВЕЛЬ. 1844]

Июль 1844 [4].

9. Воскресенье.

Выехал из Петербурга в шесть часов. Дорогою все залито дождем — общее сетование.— Каждый день дождь по нескольку раз.

10. Понедельник.

Мануйлово.

[1*] *На этом текст обрывается.*

11. Вторник.

Мануйлово. Выехал в 8 часов.

12. Середа.

Приехал в Ревель. 12 ч[асов].

Вода в море от 10 до 11 град[усов]. Здесь Ховрины. Гр[афиня] Ростопчина. София Апраксина. Опочинины. Туманская. Ф. Толстой. Гр[аф] Борх. Перфильевы. Путятины. Пашковы Гр[афиня] Панина. Закоржевская.

13. Четверг.

[У] гр[афини] Ростопчиной. Концерт.

14. Пятница.

Купался в море. Гр[аф] Толстой. Гр[аф] Борх.

15. Суббота.

[У] гр[афини] Ростопчиной. Орган в Олай—вечер у гр[афа] Гейдена — музыка.

16. Воскресенье.

Обедня в соборе. Купался. У гр[афини] Ростопчиной. У Опочининых, куда явился вездесущий и неизбежимый к[нязь] Любомирский. Здесь Купфер, академик с женою, дочерью доктора Макдональда. Я заметил ее еще в Петербурге, в концерте — еврейская красота, но, кажется, кривошейка. Полковник Врангель Кавказский.

17. Понедельник.

Idem [1*]. У Путятиной. Пашковых.

18. Вторник.

Idem. Концерт Гиза. Прогулка по берегу моря, теплая лунная ночь.

19. Середа.

Обедал у Толстого. Не купался. В два часа пошел к Тизенгаузен. Кноринг.— Пока расспрашивал у людей на дворе, тут ли они живут и дома ли, большая собака на меня бросилась, лапу уставила на плечо и укусила правую руку до крови, но странно не прокусила ни рубашки, ни сертука — собака злая и прежде бросалась на людей. Тизенгаузен уверяет, что она вчера, то есть в то же утро купалась с ним в море.— В десять часов вечера прижигал мне руку доктор Геренбаум.

21. Пятница.

С середы не купаюсь.

23. Воскресенье.

В салоне Опочининых.

24. Понедельник.

[У] Ростопчиной.

[1*] То же (*лат.*)

25. Вторник.

Idem. [У] Гейдена — музыка.

26. Середа.

[У] Толстого — имянины дочери. Бал в салоне.

27. Четверг.

[У] Ростопчиной, Опочининых. Музыка.

28. Пятница.

Обедня. Панихида.

30. Воскресенье.

Получено известие о смерти скоропостижной Евгения Боратынского в Неаполе [5].

31. Понедельник.

Теплая ванна.

Август 1. Вторник

Обед у Ростопчиной с Пироговым [6] и Толстым. Разговор о сверхъестественных явлениях. Конц[ерт] Штейна.

2. Среда.

Обедня. Постный обед у Перфильевых.

3. Четверг.

Обедня. Постный обед [у] Толстого.

4. Пятница.

Обедня. Исповед[ался], прича[щался]. Именины Ростопчиной и Путятиной. Обед у Ростопчиной, вечер у Путятиной. Получено известие о кончине в[еликой] к[няжны] Алек[сандры] Николаевны [7].

5. Суббота.

У Толстого. Ховрина.

6. Воскресенье.

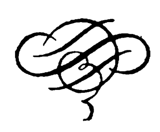
[У] Ростопчиной. [У] Путяты — день ее рождения.
Выехал из Ревеля.

7. Понедельник.

В дороге.

8. Вторник.

Возвратился в Петербург.

КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ[1]
(1838—1843)

[Конец мая 1838] [2].

Титулярный советник Головков, бывший предводителем дворянства в Ярославской губернии, погибший на нашем пароходе.

Elmenhorst [Эльменхорст], куда мы вышли на берег.

M. Gütschow [Гютшоу] — сестра пет[ербургского] негоцианта. Pastor Burckenstaedt zu Elmenhorst [пастор Буркенштедт из Эльменхорста], имение graf Bothmer [графа Ботмера] Бюркенштед.

Le comte Kourzrock, chambellan, Consul-général d'Autriche à Lubeck [1*], наш благодетель в Травемюнде.

[Октябрь 1838] [3].

Поездка на остров Wight [Уайт].

6 октября выкупался я в 26 раз в Брайтонских волнах и простился с ними. В 11 часов утра сел на дилижанс и отправился в Портсмут. На дороге, не доехав Arundel Castel [Замка Арандэл], замок, выстроенный отцом поэта Shelley [Шелли] и принадлежащий ныне малолетнему сыну его. В Портсмут приехали довольно поздно за частыми остановками кучера и не застали уже парохода. Из лодки, куда сели мы, чтобы догнать его, напрасно кричали — он не остановился и принуждены были мы ночевать в Портсмуте. Вечером полковая зоря. Сара и Фанни [1 неразбор.] впечатление.

7-го

В 8 час. утра сели мы на пароход и в 9 часов пристали мы к pier [2*] городка Вуде, на острове Wight [Уайт]. Тут совершил я 27-е купание. Бродили по городу. Красиво обстроен. Сады. Опрятность, миловидность. В сады нас не пускали, потому что день воскресный, а по воскресениям Англия не показывается. Она ханжит [4].

[1*] Граф Курцрок, камергер, австрийский генеральный консул в Любеке (*фр.*).
[2*] Мол (*англ.*).

[*Май 1839*].

В Берлине 6 мая 1839 . Рибопьер. Мансуров. Озеров. Лазарев. Графиня Лоттум. Фарн-Гаген. Гумбольдт. Фролов. Ностиц. Вагнер [5].

С. Ф. Гагеном о переводах с русского

[ПОЕЗДКА В РЕВЕЛЬ. 1844]

24 июня 1843.

Выехал из Петербурга с маленьким Жибером в шестом часу после обеда [6].

Приехали в Ополье в 4 час. утра. Лег спать. Приехал в Мануйлово к Мещерским в 11 час. утра.

В Мануйлове крестьяне не говорят: дождь идет, дождь шел, а дождь *летит*, *летел*.

Здешние окрестности: деревня Веймарна, обер-прокурора,— Тизенгаузенши — строится замок на высоте. Фабрика шерстяных одеял — содержит англичанин. Имения гр. Зубовой — Чоглоковых — Блока.

Гёте говорит: «Я каждый год перечитываю несколько пиес Молиера, так же, как я время от времени любуюсь гравюрами с картин италианских мастеров. Ибо мы пигмеи, мы не в состоянии сохранять в уме нашем возвышенность подобных предметов: нужно нам по временам возвращаться к ним, чтобы возобновлять в себе впечатления такого рода».

Он же: «Шекспир предлагает нам золотые яблоки в серебряных чашах. Изучением творений его нам удается перенять от него серебряные чаши; но нечем наполнить их нам как картофелем. Вот что беда».

Он говорит, что если Байрон имел бы случай излить жестокими выходками в парламенте все, что было в нем оппозиционного, то поэтический талант его был бы гораздо чище. Но он мало говорил в парламенте и хранил на душе все, что имел враждебного против нации своей, потому и вынужден был облечь свое негодование поэтическою формою. Я охотно назвал бы большую часть отрицательных действий Байрона: Verhaltene Parlamentsreden [1*].

Он же: Я сказал, что классическое есть *здравие*, а романтическое — *болезнь*. В таком смысле Нибелунген так же классически, как Гомер; ибо в обоих есть здоровие и сила. Большая часть новейших произведений не потому романтические, что они новейшие, но потому, что они слабы, болезненны или больны, а творения древние, не потому классические, что они древние, но потому, что в них есть сила, свежесть и здоровие. Если мы по этим примерам различали бы классическое от романтического, то легко бы поняли друг друга.

Возвратился из Мануйлова в Петербург 3 июля в полдень [7].

[1*] Парламентские речи, приведенные в действие (*нем.*).

1843. Ревель. [*Июль*]

Выехал из Петербурга 6 июля. 7 обедал в Мануйлове. 8-го к полночи приехал в Ревель[8].

9 июля.

Купался в теплой ванне. Вечером концерт Маффея трубача, или трубочиста. Муж на инструменте своем иногда поет; жена голосом своим всегда трубит. После вечер у Бибиковых, Блаз, Меерти, Герке.

10-го [*июля*].

Купался в море; не с большим 12 градусов в воде — да и в воздухе не более. Дождь. Прочитал «Князя Курбского» Бориса Федорова[9]. Читается, хотя и с трудом по историческим подробностям, но романическая и драматическая часть ребячество. А славный сюжет достойный В. Скотта.

11-го [*июля*].

Купался в море под дождем, гулял под дождем, смотрел в Екатеринентале на фейерверк под дождем.

12-го [*июля*].

Был у обедни — панихида — купался — визиты — вечером концерт Меерти.

13-го [*июля*].

Писал к жене.— Послал газеты в Департамент.— Купался.— Прогулка на сахарный завод — вечером в Либерти — чай у гр. Клейнмихель.

14 [*июля*].

Купался — вечером в салоне.

15 [*июля*].

Купался — волны — вечер у гр. Клейнмихель — Меерти — Герке — Блаз.

16 [*июля*].

Писал к жене — Языкову—Дружинину.— Газеты в Департамент. Купался.

17 [*июля*]

Купался — в 12 часов сел на пароход — море довольно волнистое — в половине шестого прибыли в Гельсингфорс — концерт скрипача Ghys [Гиз] — Стокгольмская певица Jenny Lind [Женни Линд]. Козловы. Вечер у Мятлевой.

18 [*июля*].

Купался — обедал у Клинковстрема — вечер бал в салоне. После чай у Полуектовой. Музыка Меерти. Негри. Туманская.

19 [*июля*].

Купался. Обед в Société[1*] с Туманской. Вечером чай в Ботаническом саду с Туманской.— Еремеевы. Карцева — вечер у Клинковстрема — Меерти — Негри. Я как entrepreneur[2*] разъезжаю с своими артистами ambulants[3*]. Гр[афиня] Пушкина. Bacietetshus — гостиница и зала концертная и бальная.

20 [*июля*].

Купался. Ездил к Демидовой с Пушкиной. Возвратился вечером в открытой таратайке с Шернвалем. Он правил. Проливной дождь. Был у Еремеевой. Туманская.

21 [*июля*].

Купанье. Обедал у Валлена. Вечером прогулка по морю вокруг островов с Меерти. Бал в салоне. Анненкова [?]—Струкова—золотая рыбка.

22 [*июля*].

Купался, поехал в Трескенде, день рождения Демидовой, чтобы не потерять купания, возвратился ночью с Мятлевою — j'ai fait voeu de propreté et de chasteté[4*] — вечером в Трескенде шарады.

23[*июля*].

Купался — поехал в Трескенде — возратился ночью.

24[*июля*].

Купался — концерт Блаза и Меерти — вечер у Армфельта.

25 [*июля*].

Купался — прогулка в пароходе вокруг островов. Ударили об камень и прошибли пароход — во все время выкачивали воду. Шкипер и лоцман не знали порядочно, где и как ехать. Возвратились, было уже темно — тут сбивались с пути. Нам с графинею Пушкиною не надобно встречаться на море. Вечер у Мятлевой. Пляски. Возвратился в 2 часа утра.

26 [*июля*].

Встал в 6 час. утра. Отправился на пароходе, в 8 час. прибыли в Ревель, во 2-м часу купался.

27 [*июля*].

Купался — день суматошный, отправление Карамзиных, Клейнмихель на пароходе «Ижора» в Гельсингфорс — 7 пятниц в один вторник. То ехали, то нет. Обедали на пароходе у графини Клейнмихель.— Вечер, гуляние в Катеринентале.— Фейерверк, чай на пароходе. Отправились

[1*] Обществе (*фр.*).
[2*] Антрепренер (*фр.*).
[3*] Бродячими (*фр.*).
[4*] Я дал обет чистоты и целомудрия (*фр.*).

в полночь. Очень звали меня ехать с ними — остался наслаждаться одиночеством и независимостью. — Графине Паниной Московской дал записку о сообщении мне бумаг Ф[он] Визина и гр[афа] П. И. Панина. Писал к жене, писал к Гр[афине] Пушкиной с Софиею Карамзиной и отправил 300 руб.

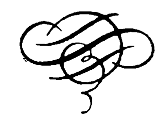
28 [*июля*].

Купался два раза в 11-м часу и в шесть часов. Обедал в 7-м. Гулял по городу и в Катеринентале. Пил чай у Самариной — вода тепла, слишком 14 гр.

29 [*июля*].

Купался два раза — ходил смотреть старые мебли. Ховен пришлет мне шкаф в 70 руб. У Витта шкаф даю 75. — За шкаф другой даю сто рублей, стоил с зеркалом 75. Тут же старый фарфор. У Гамильтон стулья в 100 руб.

Отправился в Петербург в первом часу ночи. 31-го августа[10] в 8 час. утра заметили, что ось в карете переломилась — я сел на перекладные и приехал в Петербург к обеду в шестом часу.

КНИЖКА ТРИНАДЦАТАЯ[1]
(1838—1860)

Брайтон, 24/12 сентября 1838 [2].

Сегодня купался я в море в 14-ый раз. Начал я свои купания в понедельник 10-го. Одно купание прогулял поездкою в Портсмут. Черт *любосмотрения* дернул меня. Впрочем, меня на пароходе много рвало. Может быть, это тоже к здоровию. На другой день приезда моего, то есть 10-го, пошел я было купаться в море, но здесь купаются только до часа пополудни, а было уже около двух. Пошел я в крытое купание на берегу: большой бассейн, род маленького пруда с проточною морскою водою и фонтаном в средине. Волн здесь мало. Вчера море было бешеное, и не бешеная собака, а бешеный лев, рьяный, пена у пасти, кудрявая грива так и вьется, и дыбом стоит, хлещет в бока, что любо: как наскочит, так и повалит. Я был на привязи. Вообще купания не очень хорошо устроены. В Диеппе, сказывают, лучше и более прилива волн. Кажется, купания мне по нутру. По крайней мере не зябну после.— Выехали мы из Парижа с Тургеневым в среду 5-го в дилижансе, на другой день приехали утром в Boulogne sur mer [Булонь на море], т. е. 6-го. Море показалось мне что-то французское, т. е. грязное, но заведение для купальщиков хорошо. Наводнение англичан. Вечером были в театре. Давали оперу: «Le domino noir» [«Черное домино»]. Порядочно. Торопыгин-Тургенев не дал досмотреть. Пароход отправлялся в полночь, а он уже в десятом ч[асу] взгомонился. Более часа ждали в трактире. Сели на пароход Wagner [Вагнер]. Поэтическое излияние, жертвоприношение морю: рвота. Из каюты бросился я на палубу и пролежал там свиньею до утра. Морем идешь часа три или четыре, а там вплываешь в Темзу. В Лондоне пробыл я около двух суток и выехал сюда в дилижансе, в воскресение 9-го, в 11-ть час. утра. К обеду, т. е. к шестому часу был здесь.

Ехав в *Worthing* [Вортинг], сидел я в карете с старичком, который узнав, что я русский, спросил меня: правда ли, что ваша великая княжна

выходит замуж за наследного принца Ганноверского. Я отвечал, что ничего о том не слыхал. Разговорились мы тут несколько о принце, которого вообще хвалят. Англичанин напал на отца и, сказав, что если королева английская умрет бездетная, то он наследует престол, прибавил к тому спокойно и ребяческим и глуповатым голосом или напевом, которым обыкновенно англичане говорят по-французски:
«Oh! alors on lui coupera très joliment le cou» 1*, и тут же мой головорез заснул и продремал всю дорогу[3]. Это характеристическая черта: подобный разговор при первой встрече с незнакомым. Это напомнило мне какие-то старинные французские стихи:

Barbare nation, dont les sanglants couteaux
Coupent la tête aux Rois et la queue aux chevaux 2*.

Но после и французы выучились англизировать и тех и других.

Старый доктор, которого я здесь встретил, сказывал мне, что Бульвер в романе своем «Paul Clifford» [«Поль Клиффорд»] вывел короля и министров его в лице какого-то дворянина, который держит притон разбойникам.

25 сент.

15-е купание. Море было довольно прозаическое и студеное. Вчера приехал Тургенев. Он отдумал ехать в Ирландию, убоясь моря и рвоты, а в Шотландию потому, что некому писать оттуда. Брат лучше его знает все, что будет он ему описывать, а меня в России нет (historique) 3*.[4] На днях узнал я, что здесь леди Морган, и вчера отправился я к ней. Нашел старушку маленького роста, нарумяненную, род Зайончековой и Мохроновской без горба, но кривобокая. Она меня приняла очень приветливо, ласково и, кажется, довольна моим поклонением. Дивилась, что имя и сочинения ее известны в России, en dépit de la sainte alliance 4*. Речь о мнимой нашей завоевательной страсти и о видах наших на Восток. Спрашивала: есть ли надежда, что участь поляков будет облегчена? Вот два *бельма*, которые на глазах Европы, когда она смотрит на нас. Одно легко снять, другое труднее. Что тут отвечать? — Много расспрашивала о русских женщинах и образованности их. Говорила que tous les Russes, qu'elle avait connu, étaient très fins 5*. Извинялась, что сама, ко-

1* О тогда, ему очень мило отрубят голову (*фр.*).
2* Варварская нация, кровавые ножи которой
Рубят головы королям и хвосты лошадям (*фр.*).
3* Достойно истории (*фр.*).
4* Вопреки Священному Союзу (*фр.*).
5* Все русские, которых она знала, были очень утонченны (*фр.*).

чуя в Брайтоне, не может оказать мне гостеприимства, но тотчас предложила мне представить меня вечером Horace Smith [Горацию Смиту], автору романов, (которого пригоженькую дочь заметил я в концерте Рубини) и после обеда получил я карточку Horace Smith [Горация Смита] с семейством и с надписью карандашом: at home, monday evening [1*] (*у себя* — обыкновенное английское приглашение). *Josephine Clarke* [Жозефина Кларк], племянница леди Морган, милая с выразительными черными глазами, показывала мне работы своей эскизы с портретами, на память писанными, гуляющих на Chainpier [2*], посетителей концерта, и я узнал многие лица, здесь мне встречавшиеся. Муж леди Морган—также писатель. Он обогащал учеными нотами сочинения жены своей.— У Horace Smith [Горация Смита] вечером видел я первый образец английского салона [5]. Ничего особенного не заметил. Он также принял меня очень приветливо. Жена и две дочери, старшая не хороша, но умное лицо и, сказывают, умна, к тому же певица, хотя и по-италиански, но несколько на английский лад.—*Dandy* à la jeune France [3*], с усами и локонами, tournure de garçon de boutique [4*], пел дуэты с дочерью весьма по-английски à la *muttonchop*, то есть бараньим голосом. Брат хозяина довольно замечательное английское лицо, тоже певец и английский désangier [5*], пел водевили своего сочинения и морил со смеху слушателей.— Собрание *синих чулков*. Miss Porter, [Мисс Портер], сочинительница романов, длинная сухая, старая англичанка, с которою через переводчицу говорил я о племяннице ее Кикиной. Одета вся в черном с головы до ног. Другая леди также романистка, к которой еду сегодня вечером, но имени не знаю, а о романах не слыхал. Леди Морган заботливо меня всем представляла и ухаживала за мною. Как ни говори, а хорошее дело *грамота*. Это род franc-maçonnerie [6*]. Досадно, что поздно узнал о пребывании в Брайтоне de la muse de l'Irlande [7*], как называет ее Пюклер [6], или de lady Mordant, [Леди Мордан] [8*], как можно назвать ее за сочинения ее о Италии и Франции, где она либеральничает во всю мочь. Вместо двух недель одиночества, в котором я был здесь погребен заживо, был бы я давно в каких-нибудь отношениях, хотя литературных. Miss Clarke [Мисс Кларк] пела: прелестный contre-alto [9*], ученица Рубини и большая музыкантша. Леди Морган давно не пишет за слабостью глаз.— Вечерний наряд ее был с большими претензиями: двойная порция румян, ток с перьями, платье с довольно

[1*] У себя, в понедельник вечером (*англ.*).
[2*] Пристань (*англ.*)
[3*] Денди, на манер молодой Франции (*фр.*).
[4*] Внешность лавочного приказчика (*фр.*).
[5*] Полукровка. (*фр.*).
[6*] Франкмасонства (*фр.*).
[7*] Музы Ирландии (*фр.*).
[8*] Игра слов: mordant по-франц.— кусающий.
[9*] Контральто (*фр.*).

длинным хвостом и маленькие китайцы с довольно большими морщинами se présentaient aux yeux du respectable public[1*].

Получил письмо от жены 26 августа.

Леди Морган говорила мне, что они, т. е. ирландцы, очень довольны нынешним министерством и своим вице-королем.

22 сентября.

Слышал я в первый раз Рубини. Он приезжал сюда давать концерт с певицею Persiani [Персиани], бывшею Такинарди, и виолинистом Emiliani [Эмилиани], который, сказывают, побочный сын Наполеона. В голосе Рубини что-то теплое и мягкое, сладостно льется в душу. С большим чувством пропел он из «Don Giovanni» [«Дон Жуана»] Моцарта: «il mio tesoro intanto»[2*] и арию из «Пирата»: «Tu vedrai la sventurata»[3*]. Особенно мне понравился второй куплет:

Ah, non sia per sempre odiata
La mia memoria io spero[4*].

Как выразительно вырывалось у него из души: «*miei tormenti del mio tradito amor*»[5*]. Говорят, голос его несколько ослабел. Emiliani [Эмилиани] смычок не Наполеоновский, а, напротив, *плачущий*. Отменная чистота и выразительность. Голос Персиани хорош, но не ворочает душу. Подобно англичанам, плавающим по Рейну, уткнув нос в карту, многие англичанки слушали пение уткнув нос в libretto, то есть в английский перевод арий прозою. Но зала полна, и концерт был на двое помножен, потому что почти все петое Рубини было, по требованию публики, повторено[7]. M-lle Ostergaard (pupil of Sign. Rubini) [М-ль Остергард (воспитанница синьора Рубини)], белобрысая, кажется, датчанка. Пение северное, но довольно чистое и свежее. — Леди Морган говорит, что страсть к музыке переживает все другие страсти и что она одно наслаждение, которое не отзывается после горечью. Вообще, англичане по крайней мере прикидываются большими меломанами; но гортани и уши их приготовлены ли на то природою, это дело другое.

В нравах, обычаях и предрассудках английского общества много bourge-pourri[6*]. Я бросил эту мысль в письме к жене. Оно требует развития, а это истина. Не надо признавать за результат образованности все, что видишь у них. Многое ускользнуло от образованности и осталось

[1*] Предстали перед взорами почтенной публики (*фр.*).
[2*] В то время, мое сокровище (*ит.*).
[3*] ... Ты увидишь, несчастная (*ит.*).
[4*] ...Ах, не всегда, надеюсь, память обо мне будет ненавистной (*ит.*).
[5*] Муки моей любви, которая была предана (*ит.*).
[6*] Пошлости (*фр.*).

в первобытной своей дикости, потому что англичане упрямы, самолюбивы и во многом односторонни и недальновидны [8].

26 [*сентября*].

16-е купание. Тоже проза. Вчера гуляние и полковая музыка на Chain-pier [1*]. Мало народа. Дождь. Вечер у сине-чулочной незнакомки — Ledy Stepney [Леди Степни].— Имя узнал, но о романах еще ничуть. Важный водевилист опять пел свои забавные куплеты.— Милая племянница.— С теткою попал я в промах, спросив о Пюклер М[юскау]. В том томе, который у меня, в 3-м, он хорошо отзывается о ней, но в следующем видно не так, и не щадит даже племянницы, которая была тогда ребенок. Леди Морган говорила о неблагодарности его к ней и что ему невозможно, после книги его, возвратиться в Англию.— Тут были: какой-то отставной английский Тальма, кажется Yung [Юнг];— Квин доктор омеопат.— В Лондоне называют *тиграми* молодых фрачных усачей. Племянница говорила мне, que *le lion* de la dernière saison avait été un magnétiseur [2*].

27 [*сентября*].

17-е купание с маленьким дождем.— Тургенев, не имея кому писать, поехал в Лондон за письмами, которые никто ему не пишет [9]. C'est un vrai sujet de comédie [3*]. Вчера водил я леди Морган и, разумеется, племянницу в Royal Pavilon [Королевский Павильон]. Я имел билет от обер-камергера lord Conyngham [Лорда Конингэма], присланный мне Бенкгаузеном. Этот дворец построен принцем-регентом, который особенно любил Брайтон и превратил в несколько лет рыбачье селение в великолепный уголок Лондона [10]. Здание наружностию своею и куполами имеет что-то Василия Блаженного в Москве. Внутри оно в китайском вкусе или, лучше сказать, безвкусии, стоило несметные суммы и не отвечает ни итогу, ни ожиданию. Впрочем, дворец теперь в расстройстве: многие комнаты снова перекрашивают и мебли вынесены. Вечером, при свечах, вид должен быть довольно красив и оригинален, а днем он очень темен, потому что по большей части освещается сверху раскрашенными стеклами. Лучшая комната «Music Room» [«Музыкальная комната»], красными обоями обитая с золотыми фигурами и узорами. В столовой стол на 90 человек, замечательный тем, что, вероятно, не раз принц-регент лежал под ним. Кухня великолепная, или кухни, потому что на каждый сервиз, на холодное, на горячее, на дичь, на пирожное и прочее особенное отделение. Батареи медной посуды свидетельствуют о победах. Погреба мы видеть не могли, хотя, вероятно, он не уступает кухне и принц-регент выразился

[1*] Набережной (*англ.*).
[2*] Что львом последнего сезона был магнетизер (*фр.*).
[3*] Это настоящий сюжет для комедии (*фр.*).

в нем с особенным могуществом и con amore [1*]. Вообще впечатление дворца то же, что цибика огромного размера. Из китайских художественных предметов примечательны: китайские суда из кости. Леди Морган рассказала мне, что кто-то вывез из Китая четыре картинки, которые валялись у него в небрежении. Понадобилось ему перекрасить свой дом и маляр, призванный им, увидев эти китайские картинки, вызвался перекрасить дом, если их ему уступят. Хозяин с радостью на то согласился, но узнал после, к сожалению своему, что эти картины проданы были в Royal Pavilion [Королевский Павильон] за тысячу ф[унтов] с[терлингов], если не более. Жилые покои, спальни, кабинеты тесны и низки. Нынешняя королева не любит Брайтона. Принц-регент не только создал Брайтон, но и развратил его, и разврат пережил его. Конюшня, циркулем построенная, очень хороша. Сад порядочный, особенно для Брайтона лысого, то есть бездревесного. The centre one has a large dome much ressembling the churches in the Kremlin at Moscow [2*], сказано в описании. И это довольно странная мысль сочетать Кремлевский стиль с китайским текстом.

German Spa [Джерман Спа]. Заведение искусственных вод. Зала порядочная, но сад очень тесен. Англичане уморительны с своими иностранными наименованиями. У них все минеральные воды Спа, как у нашего провинциала все русские послы и посланники *Поцо-ди-Борги*[11].

Л[еди] Морган пишет теперь книгу «The woman and her master» [3*]. Философическое сочинение с примесью humour [4*] «car une femme,— сказала она,— ne doit jamais être pédantesque dans ses écrits» [5*].Она хочет показать несправедливость лишения всех прав гражданских, на которое осуждены женщины особенно в Англии. Я обещал ей выслать записку о некоторых узаконениях русских касательно женского пола и известие о наших женских знаменитостях. Она говорит с большим уважением о Екатерине и предпочитает ее Петру, par trop barbare [6*], особенно к сыну. Я оправдывал Петра, разумеется, не унижая Екатерины, *левой руки его* то есть необходимой союзницы и пополнение *правой*.

Получил письмо от жены еще от 26-го августа.

28 [сентября].

18-е купание. Вода холодна, но день красный. Меня иногда берет раздумье. Хороши ли купания для глаза? По вечерам около глаза, в рамке глаза, чувствую какую-то боль, но глаз не горит, не зудит. В темноте, когда закрываю глаз, образуется какое-то светлое, вроде лунного, пятно,

---

[1*] С любовью (*ит.*).

[2*] В центре его стоит большой собор, напоминающий кремлевские церкви в Москве (*англ.*).

[3*] «Женщина и ее господин» (*англ.*).

[4*] Юмора (*англ.*).

[5*] Так как женщина,— сказала она, — никогда не должна быть педантичной в своих сочинениях (*фр.*).

[6*] Слишком большому варвару (*фр.*).

по которому скользит мрак, и из этого мрака выплывает снова то же пятно. Это повторяется несколько раз и потом все проходит. Утром, просыпаясь, другое явление: перед глазом зеленый кружок с черными точками, род шпанской мухи. Тоже повторяется несколько раз и исчезает. Уже не калейдоскоп ли в глазу моем? Впрочем, Копп говорил мне, что эта разнообразность явлений, или припадков зрения, лучшее доказательство, что нет в глазу постороннего повреждения. Вообще для здоровия моего купания, кажется, полезны.— Вчера утром был у Mistriss Perry [Госпожи Перри] слушать племянницу и у Miss Porter [Мисс Портер], которая обещала мне письмо к сестре лорда Байрона. Вечером у Mistriss Perry [Госпожи Перри]. Живая малютка, свободно говорит по-французски. Муж ее адвокат. Хорошо, сказывают, живут в Лондоне. Тут был издатель журнала *Examiner* [Экзаминер], лучшее журнальное и полемико-политическое перо. Он за министерство, но впереди. С актером Young [Юнгом] говорили о театре, о Тальма. По его мнению, французский театр падает, а английский упал. Декоратор, вот главный оратор (автор). Он коротко знал Тальму и уважал в нем артиста и человека, скромность его.— С Sir Charles Morgan [Сэром Чарльзом Морганом] говорили мы об О'Коннеле. Он признает его добросовестным, хотя и честолюбивым. Недавно отказался он от выгодного судейского места в Ирландии, а сам в деньгах всегда нуждается. Однажды на Meeting[1*] старуха, заслушавшись красноречия его, воскликнула: вот бы тебе быть нашим королем! — Президентом, хотела ты сказать, добрая старушка,— прервал О'Коннель. Он искренно поддерживает министерство, но должен всегда быть впереди того, что в пользу Ирландии делается, чтобы пугать народом тори, сохранить свою власть *ажитаторства* и не дать министерству остыть в деле ирландском[12].— Меньшая дочь Horace Smith [Горация Смита] прелесть, но всего лучше пение племянницы.

Сегодня первый мой урок английского языка. Хотя мой язык и без костей, но не переломаешь его на английский лад. Надобно уметь свистеть, шипеть. Сперва выучиться нанизывать бусы языком, а там уж английские слова. Да и вовремя начал я, за неделю до отъезда, а вот уже три недели, что я здесь праздно шатаюсь. Хорош мой титулярный советник [13], да и сам я по себе порядочный коллежский регистратор.— Приятельница Miss Porter [Мисс Портер] Mistriss Morgan [Госпожа Морган] (не родня леди) просила меня написать ей какие-нибудь русские стихи для альбома ее. Я написал ей куплет к морю, который годится для английского альбома.

Доктор Jones [Джонс] звал меня: de venir passer *la nuit* chez lui avec une fort jolie personne, qui joue très bien du piano[2*]. Здесь на вечер зовут обедать, а *на ночь* значит на вечер.

[1*] Митинге (*англ.*).

[2*] Провести у него ночь с одной очень красивой особой, хорошо играющей на рояле (*фр.*).

30-го [*сентября*].

Вчера и сегодня 19-е и 20-е купание. Вчера ездили мы с Леонтьевой в *Arundel Castle* [Замок Эрендель], собственность дюка of Norfolk [Норфолькского], милей 20 от Брайтона. Позавтракали очень хорошо на половине дороги в Worthing [Вортинг] у моих приятельниц Parson [Парсон] (Parson's Hotel), которые дали мне письмо в Arundel Castle к содержателю гостиницы, для допуска нас в замок. Это первый английский замок, который я вижу, и хорошо что не лучший, хоть и он очень замечательный и древний, по крайней мере есть остатки древности, но вообще он заново переделан. Двор и фасад строения на двор прекрасны. В стенах много каменной резьбы замечательной. *Baronial Hall* [Баронский холл], обыкновенный театр многих сцен романов В. Скотта, с расписанными стеклами (но modern[1*]), с большим камином, дал мне топографическое понятие о пиршествах старых баронов. Библиотека, или the library, по числу книг est une librairie très mal fournie[2*], но шкапами своими очень великолепна из цельного магонского дерева (Пюклер М. говорит en bois de cèdre[3*]) и вообще вся boiserie[4*] резная и колонны, начиная от потолка до пола, удивительной работы и красивости. В других покоях также много хорошей boiserie, но мебли довольно обыкновенные. Жилых покоев мы не видели, потому что в них живет теперь la belle fille du duc de Norfolk[5*], жена единственного сына его *Surrey* [Серрей]. Несколько замечательных семейных картин работы Lebrun [Лебрена], Angelica Kaufman [Анжелики Кауфман], Holbein [Гольбейна], Vandycke [Вандейка]. Вид из некоторых окон обширный: море зелени, усеянное группами дерев, как островами. Башня с филинами. Пюклер говорит о старейшине их, который лаял, как собака, но мы его в живых уже не застали. С башни, как и всегда, уверяют, что в ясную погоду видишь за тридевять земель тридесятое царство — и собор Chichester [Чичестера] и остров Wight [Уайт]; но мы ничего этого не видали. Сад, оранжереи: особенного ничего нет. Ежегодно созревают 500 ананасов, и по образцам, виденным нами, большой величины. Парк обширен, но мы не углублялись в него. Впрочем, Пюклер о нем мало говорит, а если было бы что описывать, то, несмотря на дождь, который так лил на него, он все не избавил бы читателей от прогулки. Да и указатели письменные и словесные, хотя англичане великие краснобаи и самохвалы, не соблазняли нас парком. Вероятно, не содержится он в требуемой щеголеватости. Есть башня, с которой можно обнять весь парк, но она была уже заперта, и ключник уже кончил свой день; а в Англии все на часы рассрочено, и не в известное время ни-

[1*] Современный (*англ.*).
[2*] Очень плохо снабженная книгами библиотека (*фр.*).
[3*] Из кедрового дерева (*фр.*).
[4*] Деревянная отделка (*фр.*).
[5*] Невестка герцога Норфолкского (*фр.*).

чего не делается. Охотники проехали по парку и стадо оленей проскакало мимо нас по зеленому лугу и спустилось по склону горы в глубокий овраг. Новейшая часть замка, построенная отцом нынешнего дюка, стоила, сказывают, 800 000 ф[унтов] с[терлингов]. И как подумаешь, что это не из лучших замков, и что по всей Англии их может быть — сколько?— несколько сотен, что ли? то изумляешься богатству этой земли. Да прибавьте еще к наличному итогу присутствие нескольких столетий, которые более или менее сохранились в камнях, в деревьях, и эту вековую собственность, cette légitimité foncière, qui vaut bien la légitimité dynastique[1*], и нельзя не сказать, что Англия царственная земля и первая держава в Европе. Богатство, устройство германское имеет также свою цену, но все это мещанское, c'est la tragédie bourgeoise[2*] в сравнении с Греческою царскою трагедиею.

Что за прелесть английская езда. Катишься по дороге, как по бархату, не зацепишься за камушек. О колеях и не слыхать. Лошади, пара в четвероместной карете, в которой сидело нас 7 человек, считая кучера, провезли нас свободно 35 верст в 2 $^1/_2$ час. У нас ездят скорее, но эта скорая езда мучительство для лошадей: чувствуешь, что они и кучер скачут из-под кнута и кулаков, но здесь кучерского голоса не слыхать, бичом своим он не погоняет и не хлопает. Словно машина катится. Возвратились мы к девяти часам, сели обедать и выпили шампанского за здоровие присутствующей и отсутствующих имянинниц[14].

Мой *морганический* союз рушился. Леди Морган и племянница уехали третьего дня в Лондон. Племянница поет *Вот мчится тройка удалая* и очень порядочно выговаривает, только *сгрустнулось* затрудняет ее. Я обещал прислать ей музыку Вьельгорского на эти слова.

Мне иногда и хочется порядочно заняться английским языком, но потом, как обдумаешь, что говорят ли по-английски на том свете, да разочтешь, что я ближе к тому свету, нежели к здешнему, то печально и откажешься от труда безнадежного.

У кого есть ange tutélaire, а у меня un ange titulaire[3*], то есть титулярный советник.

В самый тот день, когда Рубини давал свой концерт, радикал Feargus O'Connor [Фиргус О'Коннор] давал здесь свой meeting[4*] для предложения suffrage universel[5*] и vote au scrutin[6*], и я, недостойный, пошел слушать Рубини. А есть еще люди, которые считают меня либералом[15].

[1*] Эта наследственная земельная собственность, которая не менее важна, чем наследственность династии (*фр.*).

[2*] Это мещанская трагедия (*фр.*).

[3*] Ангел хранитель (*фр.*). Ангел титулярный (*фр.*) (игра слов: tutélaire — хранитель, titulaire титулярный).

[4*] Митинг (*англ.*).

[5*] Всеобщее избирательное право (*фр.*).

[6*] Голосование на выборах (*фр.*).

1-го октября.

21-е купание. Tout dort et les vents et Neptune[1*]. Вчера ездили мы верхом милей за шесть.

[2 сл. прзб.] (дьявольские плотины). Возвышение, с которого — все та же сказка — видны в ясную погоду со стороны моря остров Wight [Уайт], а с другой — Виндзор, но по причине Альбионского тумана мы ничего не видали. Под горою большая лощина, точно шашечница, земля, разбитая на четвероугольники, зеленеющиеся или чернеющиеся, и обставленные живою оградою. В таком виде представляются почти все английские равнины. Солнце было как в дыму, род парной и испаряющейся репы.

Сегодня второе английское *языколомание*. Читал главу из *Спектатора* о мушках, вигах и тори и о барыне Rosalinda, a famous whig partizan, которая имела a very beautiful mole on the Tory-part of her forehead[2*], так что часто ошибались и полагали, что она изменила интересам вигов. Мой учитель, который знает верно наизусть своего Адиссона, не менее того смеялся сызнова этим шуткам.

Здесь польский лекарь, réfugié *Konarski* [эмигрант Конарски], был в Вюрцбурге. Желал бы возвратиться в Польшу и ожидает общей амнистии[16].

2-го [октября].

22-ое купание и 3-ье языколомание. Как родятся Рафаэлями, Ньютонами, Паганини, особенно Паганини, так должно родиться с способностью произнести английский th и другие буквы qui jurent d'être ensemble[3*].

3-го [октября].

Третьего дня вечер у Stephens-овых [Стефенсовых], английский вечер: камин, чай, безразговорность и смотрение альбумов и карикатур. Между прочими картинами *будочник*, подаренный Мещерским, и работы какого-то знаменитого франц[узского] живописца в Петерб[урге]. Так подписано под картиною. Stephens [Стефенс], адъютант герцога Кембриджского, мастер рисовать и, подобно Жуковскому, собрал альбумы всех видов, снятых им в путешествии. Тут была [оставлено место для 1 слова] — родственница Гереро. Стефенсы — очень добрые люди.

Ездили мы с Леонтьевою в город *Lewis* [Льюис]. После моря и голых Брайтонских берегов глаза отдыхают на зелени холмов, деревьев и лугов, окружающих Lewis [Льюис]. Башня довольно высокая — развалины аб-

---

[1*] Все спит, и ветры, и Нептун (*фр.*).

[2*] Розалинде, знаменитой стороннице вигов, которая имела весьма хорошенькую родинку на правой стороне (Tory-part) своего лба (*англ.*).

[3*] Которые несовместимы (*фр.*).

батства. Мы попали на скотский рынок, ярмонку. Все быки коровы, бараны и свиньи и мясники были в движении. Во время *luncheon* 1* нашего в гостинице подъезжает к крыльцу четвероместная карета, очень красивая, пара хороших лошадей. Кучер одет порядочно. Вылезают четыре человека также весьма пристойной наружности. Кто это: господа или мужики? Спор между нами. Вышло: мужики: т. е. *farmer* 2*, которые тотчас и отправились на свой базар[17].

4-го [*октября*].

Вчера и ныне 23-е и 24-е купание и четвертое и последнее язычное истязание. Учитель мой Rickard [Риккард] почти со слезами расстался со мной, жалея, что теряет un élève, qui donnait de si grandes espérances 3*. Третьего дня обед у дяди, или брата, или племянника моего *lieutenant Colonel O'Reilly and the duchess of Roxburghe* 4* жены его. Мы не могли доискаться точно есть ли родство между нами, потому что фамилия O'Reilly [О'Рейли] разделена на много отраслей, но он обещал справиться, когда получит от меня дополнительные сведения, которые надеюсь отыскать в бумагах семейных, оставшихся в Остафьеве[18]; порядочно долго сидели за столом, со всеми английскими проделками, предложениями заздравных тостов, перекатыванием графинов кругом стола и, наконец, предложением урыльника, которым я не воспользовался, хотя par embarras, par contenance 5* и от нечего делать я довольно накачал себя, чтобы было что выкачивать. Между тем доктор Jones [Джонс] давал в честь мою музыкальный вечер в тот же день и звал меня в 8 часов, а было уже около 10 и надобно было еще идти на верх пить кофе и чай к duchess 6*, которая в ожидании нас сидела одна в своем drawing-room 7* и глядела на луну. По счастию, мой Mensbier [Менсбир], видя тоску поджидавшего меня д[октора] Jones [Джонса], пошел по всему городу искать меня и, наконец, выручил из беды, вызвав из моего плена.

Вчера ездили с Леонтьевой и Стевенсами в Shoram [Шорам] смотреть Swiss-Cottage [Швейцарский коттедж], довольно милую игрушку, но здесь бесполезную. В Германии такой Café (кафе) был бы оживлен пивными четами, здесь нет этого рода забав. Все чинно, холодно и безмолвно — tout est trop comme il faut 8*. У меня здесь есть молодой каммердинер Шарлотта Ивановна, которая каждое утро благопристойно и целомудренно приходит будить меня, стучась у дверей, смеется моему английскому

1* Завтрака (*англ.*).
2* Фермеры (*англ.*).
3* ... ученика, подававшего столь большие надежды (*фр.*).
4* подполковника О'Рейли и герцогини Роксбург (*англ.*).
5* Из стеснения, из приличия (*фр.*).
6* Герцогине (*англ.*).
7* Гостиная (*англ.*).
8* Все слишком прилично (*фр.*).

косноязычию и пр. Однажды приносит она мне сапоги мои и я говорю ей: I kiss your hand[1*] и спрашиваю: is it good english? — No, Sir, — отвечает она, — it is very schocking[2*].

Вечером гулял по Cliff [Клифу], смотрел на луну в большой телескоп, который за несколько грошей показывают, но луна в море была еще лучше.

Le Siècle, Paris 2 Oct. [«Ле Сьекль», Париж 2 окт.] рассказывает, что когда император Николай получил la lettre de notification royale à l'occasion de la naissance du comte de Paris, il l'a lancée familièrement à la face de son premier aide-de-camp, прибавив: «Est-ce que le cabinet des Tuileries ne sait pas, que je suis abonné à son Moniteur?»[3*]

5-ое [октября].

25-ое купание. Вчера ходили смотреть сад адвоката Attree [Этри]. Здесь сады редкость по причине каменистой почвы; сто родов pensées[4*]. Потом на праздник стрелков archers. Не мастера. Вечером у Леонтьевой пела Ostergaard [Остергард], датская певица. Голос свежий, сильный, но немного крикливый в высоких нотах. Дали ей арии из *Жизнь за Царя*[19].

Лондон, 12 окт[ября].

Я выехал из Брайтона 6-го. Поездку на остров Wight [Уайт] описал я жене в письме: дорогою два раза купался. Всего выкупался 28 раз. Сегодня с Озеровым были в Westminster [Вестминстере] и в Newgate [Ньюгетской тюрьме]: жизнь по смерти и смерть при жизни. В Newgate я ничего особенного не заметил и почти ничего того, что видел Пюклер Мюско. Около 200 заключенных, женщин 40, дети лет 13-ти. Все за кражу. Смертоубийц нет. Затворники строже содержатся. Не позволяют им пить ни водки, ни пива. Нет военного караула. Всего 14 смотрителей или сторожей. После были в Китайском базаре. При нынешней королеве не было смертной казни. Преступников выводят на место казни чрез кухню. В Westminster прекрасный памятник, статуя Horner [Хорнер].

The poets' corner[5*]. Были и в House of Lords [Палате Лордов], и в House of Commons [Палате Общин]. Не красна изба углами, а красна пирогами. Особенно в том виде, в котором мы их застали: все вынесено, чистят. Я сел на шерстяной мешок. Странное впечатление видеть пустынным и безмолвным то, что наполняет внимание мира и гремит из края в край,

---

[1*] Целую вашу руку (*англ.*).

[2*] Это хорошо сказано по-английски (*англ.*). — Нет, сэр... Это очень нарушает правила приличия (*англ.*).

[3*] Королевское уведомление по случаю рождения графа Парижского, он небрежно бросил его в лицо своего первого адъютанта, прибавив: «Разве тюильерийский кабинет не знает, что я подписчик „Монитёра"? «(*фр.*).

[4*] Анютиных глазок (*фр.*).

[5*] Уголок поэтов (*англ.*).

что разгромило Наполеона и проч. Пещера Эола, объятого сном. Вечером был в Drury-Lane [Дрюри-Лейн]. «Дон-Жуана» уже не застал, а видел балет, который видел в Париже: *Хромой бес* и в котором Фанни Ельснер танцует качучу[20]. Сущая пародия Парижского балета. В Париже черт мелким бесом вертится, а здешний черт не на шутку бодается, брыкает, а публика смеется. Впрочем, теперь, не в сезонное время, публика средняя, все ложи, то есть большая часть, облеплена девами радости, из коих некоторые очень хороши. — Зала освещена хрустальными люстрами со свечами: не хорошо и заслоняет ложи.

Savernake Forest [*Севернейк Форест*] *(графа Брюса).*
17 октября 1838.

Последние дни пребывания моего в Лондоне описаны в письме к жене 16 октября, которое я оставил Бенкгаузену для отправления. Сегодня в шесть часов утра разбудили меня, в 7 без четверти был я уже в picadilles [Пикадилли] за свои пекадилии, то есть за грехи свои, а в семь сидел в дилижансе, взяв за 30 шиллингов (да два шиллинга на водку кучеру) место insid to Marlborough [внутреннее до Мальбора]. 75 милей слишком мы ехали славно и прежде трех часов по полудни были на месте. Я остался, а дилижанс пошел в Bath [Бат] еще около 30 миль. Часть дороги, но весьма малую, можно проехать и по railway[1*]. Мы ехали просто. Сторона прекрасная: все обработано, лесисто, довольно холмисто и обстроено красивыми городками и дачами. В Марльборуг меня выбрили. У английских брадобреев рука очень тяжела, даже когда и намыливают они, то голову шатают. Порядочные люди сами бреются, следовательно, не на ком хорошо выучиться. — Сел я в poste-chaise[2*], весьма порядочная, довольно низкая двуместная карета, желтою краскою выкрашенная, пара хороших лошадей, почталион, род жокея в синей куртке, верхом (5 миль — 7 1/2 шиллингов прогонов и еще два шиллинга на водку, вообще считают, что пара лошадей по два шиллинга за милю, со всеми шоссе платами и прочим) и отправился в Savernake forest [Севернейк Форест], то есть назад из Марльборуга. Недалеко от города въезжаешь в лес, то есть парк, мир зеленый. В здешних рощах то хорошо, что они леса и луга вместе, а что луга эти лучше наших лучших газонов. Местоположение дома и самый дом совершенно сельские: уединение, другого строения не видишь. У крыльца сказали мне, что хозяин вышел, то есть, что нет его at home[3*]. В ту же минуту подъехала ко мне дама верхом, сказала, что гр[аф] Брус сейчас возвратится, и предложила мне ехать верхом. Но я не англичанин и не София Николаевна и не хотел быть aussitôt pris, aussitôt pendu[4*]

[1*] Железной дороге (*англ.*).
[2*] Почтовую карету (*фр.*).
[3*] Дома (*англ.*).
[4*] Немедленно повешенным, как только попал в плен (*фр.*).

и отказался. Это была мачеха Бруса, вторая жена отца его лорда Ailsbury [Эльсбери], молодая женщина и славящаяся здесь красотою.— Здешнее общество составляют леди Пемброк с сыном и дочерью красавицею, какой-то моряк с дочерью и, кажется, женою, хозяева Брусы и я. Леди Брус очень похорошела, посвежела и поздоровела после Киссингена. Дом небольшой, но уютный и красиво отделан. Здесь многие издерживают до 2, 3 тыс. и более фунт. ст. на охоту. Многие имеют две, три охоты. Одна охота на паях, один содержит, а другие столько-то ежегодно взносят. Потом держат еще охоту с кем-нибудь сам-друг, сам-третей и еще третью маленькую про себя, для дней не назначенных; ибо здесь все рассчислено, напечатано. На все есть хартии. Охоты регулярные начинаются с 1-го ноября. До того ездят на охоту incognito, с 1-го ноября в красном кафтане (ответ Бруса).

18 Октября. В 10 час. утра собрались завтракать, чай, кофе, котлеты, раки, знакомые остатки вчерашнего обеда, варение, следовательно, Кривцов прав. После собрались в гостиную. Здесь не замок и нет библиотеки, в которой обыкновенно сборное утреннее место. Лондонские журналы, рисунки заняли некоторое время. Впрочем, я думаю, мое присутствие несколько расстроивало обыкновенный порядок, ибо Брусы и Пемброки с Воронцовскою, то есть русскою кровью, ne sont plus des Anglais quand même[1*] и, вероятно, немного чинятся для гостей[21]. Пошли гулять пешком по парку. Лес кругом на многие мили, лужайки с группами деревьев и только. Однообразно, но берет свежестью, зеленью и английскою физиономиею. Луга здесь весь год зелены, и зимою зелень еще лучше. Во втором часу другой завтрак, luncheon [ленч], всякая всячина. После коляска, верховые лошади, кому что угодно и прогулка опять по парку. К прогулке приехала вчерашняя моя знакомка, леди Ailsbury [Эльсбери] и очень хороша! Белая, белокурые локоны, глаза темные, что-то великой княгини. Брус полковник yeomanry[2*] и готовится показывать свой полк, съехались его офицеры и оловянными солдатиками учатся они, как маневрировать и командовать. Леди Пемброк, дочь Воронцова, из русской литературы только и знает что: «О ты, что в горести напрасно»[22]... Добрая, приветливая женщина, нежная мать. В лице есть что-то Полянской, но чище и пристойнее. Леди Гейтесбури, что была в Петерб[урге], занимается русскою литературою и получает из России книги и музыку.

Есть слова и выражения, которых нет в Англии, т. е. слова континентальные, например: *как-нибудь, покуда, по-домашнему, по-дорожному, запросто, à la guerre comme à la guerre*[3*] и тому подобные.

Здесь все вылито в одну форму или в известные формы, и англичанин, где бы ни был, в известные часы входит в эти формы, которые переносит

[1*] Тем не менее уже не англичане (*фр.*).
[2*] Кавалеристов-добровольцев (*англ.*).
[3*] На войне как на войне (*фр.*).

с собою или, лучше сказать, находит готовые из одного края Англии до другого, дома в Лондоне, у себя в деревне, в гостях, на больших дорогах, в трактирах. Suard [Сюард] где-то рассказывает, что на островах Hebridge [Эбридж] приезд путешественника заражает воздух и дает кашель всем обывателям. Нет сомнения, что присутствие иностранца в английском обществе, пока он не выанглизируется, должно производить в англичанах раздражение, как присутствие разнородной или противуродной стихии. Кашель не кашель, а морозом кожу их должно подирать.

В английской жизни от того нет ничего нечаянного, d'imprévu [1*] и от того общий результат должен быть скука.

L'ennui nacquit un jour de l'uniformité [2*].

Англичане никогда не скажут: allons, que ferons nous maintenant? [3*]. Давным-давно уже внесено в общее уложение, что делать в такой-то час и в такое-то время года.

Ne vous gênez pas, je vous prie, pour moi [4*], — континентальное выражение, которое иностранцу не приведется и не приходится сказать англичанину, ибо англичанин ни для кого не женируется, а если что и сделает похожее на учтивость, на общежительское жертвоприношение, то вовсе не для вас, а для себя и потому, что так заведено. Ваша личность всегда в стороне, и если вздумается вам ее выставить, то англичанин вытаращит глаза на вас, или вас не поймет [23].

19-го [*октября*].

Tottenham Park, the seat of the marquis of Ailesbury. Little cottage Hall, the seat of general Popham [5*]. W. Scott [В. Скотт] говорит об этом замке и рассказывает историю перехода его во владение фамилии Popham (Попем) в примечании X к поэме Rokeby [Рекби]. В портретной зале портрет беззаконного судии, в красном костюме, лицо плутовское.

Леди Craven [Кравен), бывшая актриса, с дочерью miss Louisa [мисс Луизой], молодой Shelburne [Шелберн], старший сын маркиза Lansdown [Ленсдаун]. Herbert [Герберт], сын lady Pembroke [леди Пемброк] — Воронцовой, а Пемброк — сын первого брака. Сегодня Herbert [Герберт] пел *Талисман*, вывезенный сюда и на английские буквы преложенный леди *Гейтесбури*. Он и не знал, что поет про *волшебницу-тетку*, которую сюда надням ожидают с мужем и с графинею Choiseul [Шуазель]. Леди Пемброк, уговаривая меня погостить подолее и приехать к ней, прельщает все братом. Особенно его одолжила бы она, встречая мною. Не

1* Неожиданного (*фр.*).
2* Скука родилась однажды в результате однообразия (*фр.*).
3* Ну, что мы будем теперь делать? (*фр.*).
4* Прошу вас, не стесняйтесь из-за меня (*фр.*).
5* Парк Тоттенгейм, местопребывание маркиза Эльсбэри. Малый Коттедж Холл — местопребывание генерала Попем (*англ.*).

знаю почему, но я уверен, что он меня терпеть не может, или знаю, потому что в натуре его есть что-то низкое и подлое, которое чутьем должно пронюхать презрение и отвращение мое к подлецам его разбора, имеющим все нужное, чтобы стать на высокой и чистой степени, и вместо того торчащим на грязных запятках. Подлец поневоле, из куска хлеба, из честолюбия делает свое дело и выработывает свою участь потом и г... лица своего: пот крупными каплями и г... вонючими струями выступает на челе его и свидетельствует о немощи природы и о усилиях его выползти из нее. Бог в помощь, скажу ему, зажму нос, но не плюну на него, проходя мимо. В истории прошения, поданного нами императору Александру, об уничтожении рабства он обнаружил себя глазам моим. А после он умел так оподлить свой cocuage, cet état si innocent et si inoffensif de sa nature[1*], что домашний стыд его, отражающийся на светлой государственной степени, им занимаемой, есть решительно un outrage à la morale publique[2*], который не мог бы быть терпим там, где было бы общественное мнение. Не оправдываю Раевского, но одного виню, а другим гнушаюсь[24].

Я крепко обидел сегодня моего Бруса, сказав, что дом отца его вчерне не стоил бы на континенте более 500 или 600 000 франков, но уж, право, не более миллиона, а между тем он расстроил дела старика, имеющего миллион дохода. Понять этого не могу. Впрочем, ничто ему, зачем не повез он меня сегодня обедать к мачехе своей, при которой я еще разглядел и belle-fille[3*]. А здесь en petit comité[4*] вечер был довольно скучен.

После того встретил я Воронцова в Лондоне в русской церкви — — он был со мною очень учтив.

Лондон, 10 ноября.

Вчера имел я маленькую репетицию нашего пожарного кораблекрушения[25]. Возвращаясь из New Stead abbey [Ньюстедского аббатства], пересел я в третьем часу утра из дилижанса в паровую карету в Road Station [на станции]. В дилижансе спал я и полусонный пересел спать. Вдруг около трех часов пробуждает меня толчок в лоб или в правый глаз, спросонья не знаю. Карета остановилась. Мало-помалу сонные англичане кругом меня просыпаются, один из них с болью в ноге. Выходим из кареты, чувствуя, что есть что-нибудь необыкновенного, и видим паровую машину на боку, две первые кареты почти вверх ногами, то есть колесами. Одна из железных колей опустилась на новой дороге, вероятно, от частых дождей, и машина соскочила, по счастью остановилась в нескольких шагах, врывшись тяжестью своею в рыхлую землю. Всего один только проезжаю-

---

1* Положение рогоносца, положение столь невинное и столь безвредное по своей природе (*фр.*).

2* Оскорбление общественной нравственности (*фр.*).

3* Падчерицу (*фр.*).

4* В маленьком обществе (*фр.*).

щий ранен. Удивительно, как уцелели стоявшие на машине. От трех часов до девятого бивуакировали мы на дороге в ожидании приезда другой кареты. Большая часть англичан тут же пошла опять спать в карете, как будто ни в чем не бывало. На пароходе была примерная покорность: здесь примерное хладнокровие.

Франкфурт[26], *9 декабря (н. ст.).*

Swift [Свифт] сказал que dans l'arithmétique des douanes deux et deux ne font pas quatre, mais souvent ne font qu'un [1*].

Le conseiller d'état Vincent de Gournay intendant du commerce en 1755 [2*], полагал богатство в промышленности в то самое время, когда le docteur Guesnay [доктор Кенэ] полагал его в одной земле. Он первый сказал: «Laissez,—faire, laissez passer» [3*].

Roederer [Редерер] сказал: «La politique est un champ, qui n'a été parcouru jusqu'à présent qu'en aérostat; il est temps de mettre pied à terre»[4*]. «Bonaparte, — говорит Лафает, в *Mes rapports avec le premier Consul*,— mieux organisé pour le bonheur public et pour le sien, eût pu, avec moins de frais et plus de gloire, fixer les destinées du monde et se placer à la tête du genre humain (тогда был бы он Христос, а не Бонапарт). On doit plaindre l'ambition secondaire qu'il a eue, dans de telles circonstances de régner arbitrairement sur l'Europe; mais pour satisfaire cette manie *géographiquement gigantesque et moralement mesquine* (прекрасно) il a fallu gaspiller un immense emploi de forces intellectuelles et physiques: il a fallu appliquer tout le génie du machiavélisme à la dégradation des idées libérales et patriotiques, à l'avilissement du parti, des opinions et des personnes etc. etc. etc.» [5*]. Дело в том, хотя и грустно сознаться, что в человеке много могущества если не для зла, то по крайней мере для личной выгоды своей,

---

[1*] Что в таможенной арифметике два и два не составляют четыре, а зачастую только одно целое (*фр.*).

[2*] Государственный советник, Винцент де Гурнэ, интендант коммерции в 1755 г. (*фр.*).

[3*] Предоставьте события естественному ходу, не мешайте им (*фр.*).

[4*] Политика — это такое поле, по которому до сих пор пробегали лишь в аэростате; пора спуститься на землю (*фр.*).

[5*] Бонапарт,— говорил Лафает в «Моих сношениях с первым консулом»,— более приспособленный к достижению как общественного блага, так и своего, мог бы, с меньшими издержками и большей славой, предначертать (обозначить) судьбы мира и встать во главе рода человеческого. Следует пожалеть о его мелочном честолюбии, которое он обнаружил при подобных обстоятельствах, царствуя единовластно в Европе; но чтобы удовлетворить эту манию *гигантскую, в смысле географическом, и мелочную, в смысле нравственном* (прекрасно), пришлось израсходовать огромные умственные и физические силы; пришлось применить весь гений маккиавеллизма для разрушения всех либеральных и патриотических идей, унижения партии, мнений и отдельных личностей и т. д. и т. д. и т. д. (*фр.*).

но гораздо менее для достижения благосостояния общественного. Увлекай толпу к своей цели, и она понесет тебя на плечах своих. Веди ее к цели ей благоприятной, она пятится и старается как бы тебя с ног свалить. Многие честолюбцы успели по крайней мере на время в своих предприятиях. Много ли начтешь апостолов правды и человеколюбия, которые достигнули цели своей?

Далее Лафает говорит: «Quel sera pour lui pendant sa vie et surtout dans la postérité le résultat définitif du défaut d'équilibre entre sa tête et son coeur? Je suis porté à n'en pas bien augurer etc. etc».

Sainte-Beuve [Сент-Бёв] говорит о Лафаете: «Je suis un peu effrayé par moment, je l'avoue, de cette unité et de cette perpétuité de raison, cela fait douter; quelques fautes de loin en loin rendraient confiance». Он писал из темницы: «Quoiqu'on m'aît ôté avec une singulière affectation quelques uns des moyens de me tuer, je ne compte pas profiter de ceux qui me restent, et je défendrai ma propre constitution aussi constamment, mais vraisemblablement avec aussi peu de succès, que la constitution nationale». — A ceux, qui lui enlèvent couteaux et fourchettes, il répond, *qu'il n'est pas assez prévenant pour se tuer*. — Quand on demandait à Sieyes ce qu'il avait fait pendant la terreur, il répondait: «j'ai vécu». Lafayette pouvait plus à bon droit et plus à haute voix répondre, et il répondait: «Ce que j'ai fait durant ces douze années (du consulat et de 'empire): *je me suis tenu debout*». C'était assez, c'était unique, au milieu des protestations universelles, — говорит Sainte-Beuve.— Ce sont là, — говорит он же о нем, — de ces volumes, qui comme ceux des vies de Plutarque, ne sont jamais dépareillés, même quand on n'en a qu'un.

La Belgique est une contrefaçon de la France, comme les ouvrages qu'elle publie (Moc.).

Le coton occupe (en Angleterre) 1 million 500 000 personnes. Ce commerce vaut au pays 34 mil. de livres sterl. Le capital flottant, employé dans le commerce, est de 200 millions de liv. sterl. 17 millions sont employés pour le salaire des ouvriers. Le commerce de la laine vaut au pays 27 millions de l. s. par an, il occupe plus de 400 000 ouvriers. Le commerce de toile vaut 8 millions de l. s. 3 millions et 500 mille livres ster. de salaire sont distribués aux ouvriers. Le commerce de la quincaillerie vaut plus de 17 millions de liv sterl Il occupe plus de 300000 personnes (речь Villiers à la chambre des communes 19-го февраля 1839, по случаю прошений о изменении des lois de céréales). Тут же говорит он: la législature, par une restriction maladroite, apportée à l'échange des produits entre l'Angleterre et d'autres états a par cela même engagé ces états à fabriquer. Le préjudice est notoire, nos exportations ont fléchi de 20 pour 100, si l'on compare aux 5 dernières années les 5 années qui suivirent immédiatement la conclusion de la paix.—Nous n'avons pas voulu de leur blé, ils ont refusé nos produits industriels [27].

[*Перевод*]

Каков будет для него при жизни и особенно в потомстве окончательный результат от отсутствия равновесия между его головой и сердцем? Я склонен к печальным предположениям и т. д.

Сознаюсь, что порой я бываю напуган этим единством и постоянством здравого смысла, мне это внушает сомнения; если бы время от времени встречались ошибки, то они сделали бы меня более доверчивым. Несмотря на то, что от меня отняли с исключительным притворством некоторые средства к самоубийству, я не собираюсь использовать те, которые еще остались в моем распоряжении, и я буду защищать свою собственную конституцию так же постоянно, убедительно и с таким же малым успехом, как и национальную конституцию. Тем, кто отнимает у него ножи и вилки, он отвечает, что *он не достаточно предупредителен, чтобы убить себя.* — Когда Сиесу задавали вопрос о том, что он делал во время террора, он отвечал: «я жил». Лафайет мог с бо́льшим правом и более громко ответить, и он отвечал: «Что я делал в течение этих двенадцати лет консульства и империи? *Я стоял во весь рост*». Этого было достаточно, это было исключение среди всеобщих заверений. Вот они, эти тома, которые, подобно томам жизнеописаний Плутарха, никогда не разрознены, даже если в наличии имеется только один.

Бельгия — это перепечатка Франции, как и публикуемые ею труды.

В Англии обработкой хлопка занято 1 миллион 500 000 человек. Торговля им дает стране 34 миллиона фунтов стерлингов. Текущий капитал, используемый в торговле, равняется 200 миллионам фунтов стерлингов. 17 миллионов расходуются на заработную плату рабочих. Торговля шерстью дает стране 27 миллионов фунтов стерлингов в год; она занимает более 400 000 рабочих. Торговля полотном дает 8 миллионов фунтов стерлингов; 3 миллиона и 500 тысяч фунтов стерлингов распределяются как заработная плата между рабочими. Торговля металлическими изделиями дает более чем на 17 миллионов фунтов стерлингов. В этой торговле занято более 300 000 человек (речь Вилье в Палате общин 19-го февраля 1839, по случаю прошений об изменении хлебных законов). Законодательное собрание вследствие неловкого умолчания, относящегося к обмену товаров между Англией и другими государствами, тем самым побудило эти государства заняться промышленностью. Это принесло известный ущерб. Наш экспорт упал до 20 процентов, если сравнить 5 последних лет с последующими, непосредственно за заключением мира, 5-ью годами. Мы не захотели их зерна, они отказались от наших промышленных товаров (*фр.*).

Париж, 30 января 1839.

Выехали из Франкфурта с молодым Штиглицом в среду 23 в 11 час. утра. На другой день ночевали в Metz [Метце], где нагнали жену. На другой день в Шато-Тьери, куда приехали в 3 часа пополуночи, а уверяли нас, что приедем к 11-ти до полуночи. В субботу утром были в Эпернэ. Видели погреба, или катакомбы Моэта. Миллион сто тысяч бутылок живого шампанского. В хороший год собирается 500 000 бутылок. Бочки разливаются в бутылки чрез 5 или 6 месяцев. Креман чрез год и виноград идет на него потемнее. Впрочем — по словам Моэта — разница между красными и белыми винами происходит от ферментации. Некоторая часть подвалов иссечена в камне и проходит под улицу. Всей окружности около lieue [лье]. Русские выпили 30 000 бутылок.

Сульт сказал: «Entre moi et M-r Thiers il y a un abîme *insurmonlable*». Human [Юман] [?] говорил королю: «Soult vous coûtera quelques millions par an, mais il les gagnera bien»[1*]. Сульт государственный грабитель. Французы так глупы в государственном смысле, что народная любовь их к Сульту основана не на том, что он мог сделать в пользу Франции, но на приеме его в Англии, когда лондонская чернь бегала за ним и кричала ему: ура!

Terzo incommodo (cette belle langue italienne est toute faite pour l'amour). La Chartreuse de Parme[2*], роман Стендгаля.

Casto Giuseppe (proverbe italien, allusion au rôle ridicule de Joseph avec la femme de l'eunuque Putiphar)[3*] тут же[28].

Французы суетны и тщеславны до слепоты, до безумия. Союзные войска, вошедшие в Париж, не убедили их, что они были побиты не в едином сражении. Беременность герцогини Беррийской не убедила легитимистов, что она не была Орлеанская дева. Нынешний министерский и парламентальный кризис никого не убеждает, что они народ неспособный к представительному правлению, что их представительство народное ничего полного, ясного не выражет, что imbroglio[4*], который разыгрывают они пред Европою, обличает их неспособность, их разладицу, недостаток в людях государственных, в людях деловых. Фразами, возмутительным красноречием можно ниспровергнуть правительство: но фразами нельзя создать правительство. Вот отчего Тьеры и другие разрушители загромождены обломками, которыми они завалили дорогу. Они разбили на щепки корабль, который шел не по их направлению, и сами сели на мель. потому что нового корабля построить не в силах. — Шатобриан справедливо заметил на днях у Рекамье, как смешно притязание нынешней Камеры на всемогущество парламентальное, сей Камеры si infime[5*], которая сама не знает чего хочет и не умеет выпутаться из глухого переулка, куда залезла[29].

Экс-министр Roy [Руа] (богатейший человек во Франции) говорил, что ничего нет легче, как управлять французами в смутное время, и нет ничего труднее, как управлять ими во времена спокойные. — Поэтому можно определить их характер таким образом: la sécurité les rend inquiets et tracassiers; la peur leur donne du courage et de la résolution[6*].

1* Между мной и господином Тьером лежит непреодолимая пропасть. Сульт вам обойдется в несколько миллионов ежегодно, но он их честно заработает (*фр.*).

2* Третий лишний (*ит.*) (этот прекрасный итальянский язык весь создан для любви). «Пармская обитель» (*фр.*).

3* Целомудренный Иосиф (итальянская пословица, намек на смешную роль Иосифа в отношении к жене евнуха Пентефрия (*фр.*).

4* Путаница (*ит.*).

5* Такой ничтожной (*фр.*).

6* Безопасность делает их беспокойными и суетными; страх придает им мужества и решительности (*фр.*).

30-го марта.

Прелестный quatuor [квартет] в «Donna del Lago» [«Женщина с озера»] во 2-м акте: Гризи, Лаблаш, Иванов, Альбертаци. Голос Гризи и громовый стук Лаблаша. В театре шум: бросили билет на сцену. Долго кричали: «Le billet, le billet!» [1*] Наконец, перед 2-м актом, кто-то выходит на сцену и объявляет, que la police défend de lire les billets, qui sont jetés sur la scène. — «A bas la police! le billet!» [2*] — пуще кричать начинают. Выходит Гризи и оркестр начинает играть — не дают ей петь и кричат: «Le billet!» Она движениями и поклонами показывает, улыбаясь, что нельзя удовлетворить требованию публики. Публика не унывает и не сдается и вопит громче прежнего: le billet. Три раза Гризи уходит и возвращается и говорит: «Jlest défendu de lire... Le billet!» [3*] — один ответ ей. Она уходит. Кричат Рубини. Он является и говорит, que l'on va distribuer à l'orchestre la partition de l'air de Niobé [4*]. Гром рукоплесканий. Партер на своем поставил. Рубини пропел арию Niobé [Ниобеи].

La duchesse de Liancourt говорит, que la garde nationale a *le patriotisme du mobilier* [5*]

У кн. Ливен Гизо и Монтрон говорили о Louis Philippe [Луи Филиппе]; имя Кромвеля как-то вмешалось в разговор. Гизо говорил, что в этом отношении Филипп совершенно чист et qu'on ne parviendra jamais à en faire un tyran. —«Bah, je le crois bien, —прервал Монтрон,—il ne sait même pas être usurpateur» [6*].

Луи Филипп, читая речь Ройе-Коллара, в которой, упоминая о июльском престоле, он сказал, que mes mains n'ont point contribué à élever, — сказал: «*ni les miennes non plus*» [7*].

Вчера 1-го апреля давали в первый раз Le lac des fées [Волшебное озеро] [30]. Музыка Обера показалась мне очень незначительна. Декорации превосходны, особенно последние в 5-м акте.

Назначение нового временного министерства обнародовано было вчера. Я сказал que c'est la montagne, qui a accouché non d'une souris, mais d'un poisson d'avril [8*]. — В некоторых салонах ожидают важных

[1*] Билет! билет! [Записку!] (*фр.*).

[2*] Что полиция запрещает читать записки, подброшенные на сцену.— Долой полицию! Билет! (*фр.*).

[3*] Запрещено читать... билет! (*фр.*).

[4*] Что оркестру будет роздана партитура арии Ниобеи (*фр.*).

[5*] Герцогиня де Лианкур говорит, что национальная гвардия обладает *патриотизмом меблировки* (*фр.*).

[6*] Никогда не удастся сделать из него тирана.—Ба! Я уверен в этом,— прервал Монтрон,— он не умеет быть даже узурпатором (*фр.*).

[7*] Что мои руки никогда не содействовали его возвышению — [сказал]: *ни мои также* (*фр.*).

[8*] Что это гора, родившая не мышь, а первоапрельскую шутку (*фр.*).

последствий. У Рекамье Шатобриан говорил об абдикации. — Я был у Ламартина. Он не предвидит большой опасности и уверен, что на другой же день настоящего, т. е. заправского министерства все войдет в прежнее спокойствие, что Франция не хочет перемены etc. Вчера кучер в кабриолете спрашивал меня: не будет ли шума в Париже? Что он слышал разговор двух проезжих, которые говорили между собою, что дело так не обойдется. Он же говорил мне, что во все продолжение этого министерского междуцарствия работа их шла очень плохо и что едва выработывали они на корм лошадей. Вообще мастеровые и продавцы жаловались на большое бездействие[31].

Бывшая актриса M-lle Contat [Мадемуазель Конта] говорила: «On ne sait que devenir à 40 ans, quand on n'a su qu'être belle». Она же: en parlant de la constance et de la fidélité, сказала: «L'une est la durée des goûts, l'autre celle des sentiments». Она же: «On juge de l'esprit aux paroles et du caractère aux actions» [1*].

Когда король предложил Тьеру посольство — он отвечал ему, что с благодарностью принимает это назначение, но желает знать наперед: quelle était la politique qu'il serait obligé de représenter à une cour étrangère [2*].

3 апреля.

Вчера был я у Моле с Л. Веймаром, который меня ему представил. *Моле не сказал мне ни единого слова*[32]. Впрочем, он был в жарком разговоре с Фюльшироном и другими 221. Вообще осуждают короля, что он не хочет лично открыть заседание палат. Бель-Стендаль говорил, что qu'en France il ne faut jamais accepter un ridicule [3*] и продолжать свое дело как будто ни в чем не бывало. Le ridicule tombera, ou sera comme non avenu [4*]. Тут же Бель импровизировал маленькую речь, которую он произнес бы на месте короля. От Моле поехал я к кн. Ливен. Тут герцогиня Талеран-Дино с своими пышущими глазами. Под старость она, говорят, лучше, нежели была прежде. Кн. Ливен говорит, что она была прежде так худа, qu'on ne voyait en elle que ses deux yeux [5*]. Монтрон — ancien roué [6*] — приятель Талерана, ныне полуслепой. Три знаменитости английского

1* Не знаешь, что с собой делать в 40 лет, если только и умеешь, что быть красивой (*фр.*). Она же, говоря о постоянстве и верности, сказала: первое выражает собой продолжительность вкусов; вторая — продолжительность чувств. Она же: Об уме судят по словам, о характере — по делам (*фр.*).

2* Какова будет политика, которую он должен будет представлять при иностранном дворе (*фр.*).

3* Во Франции никогда не следует принимать всерьез смешное (*фр.*).

4* Смешное исчезнет и как будто его не бывало (*фр.*).

5* Что в ней были видны только ее два глаза (*фр.*).

6* Старый плут (*фр.*).

160 об

Запись Вяземского о пребывании в Париже 3 апреля 1839 г. Книжка тринадцатая

парламента: Брум, Линдурст, один из корифеев тори, Эллис, союзник нынешнего министерства. Зная Брума по одним карикатурам его, он показался мне почти красавцем. Толковали о новом французском министерстве, об открытии палат без короля. Брум говорил, que c'etait *quasi un coup d'Etat*[1*] и что на английском языке есть слово для выражения подобной меры. Англичане *разносторонние* трунили друг над другом, говоря о министерском кризисе, который и у них готовится. Эллис говорил Линдурсту, что если министерство тори и установится, то не надолго, месяца три не более, и что и оно не обойдется без союза радикалов, и Линдурст с этим почти соглашался. Зачем же затевают и они этот перелом, если не надеятся на прочный успех? Брум с шуточною важностью объявил, что он теперь conservatif[2*]. Не знаю доктринерство ли это во мне или пуританизм, но я не люблю видеть, когда государственные люди шутят, говоря о государственных делах, которые должны иметь влияние на решительную участь государства. Кажется, Гюго сказал: «L'amour est chose grave!»[3*] и еще более l'amour de la patrie[4*]. Совестливый любовник не будет всуе говорить о тайнах любви своей и о своей любовнице. А если нет *патриотической любви*, если не она главное и единственное побуждение всех действий зачинщиков какого бы то ни было государственного преобразования, то нет во мне веры к этим государственным людям и нет веры к их делам. Они не апостолы, а адвокаты; нет в них вдохновения, нет даже убеждения; это промысел. Со всем тем Брум очень мил[33].

Король сказал о Пасси: «C'est Roland moins sa femme[5*]». Талеран сказал о M-me Flahaut [Г-же Флао] и ее сыне: «Elle est un vieux intriguant et lui une vieille coquette»[6*], Несчастный *Лунин* прежде его сказал о *Луниных*— Риччи: «On a beau dire ce qu'on veut, mais ma tante est un très brave homme et ma cousine un bien bon garcon»[7*][34].

За час пред тем Бель-Стендаль рассказал мне у Моле другой анекдот о M-me Flahaut [Г-же Флао]. Она уверила Талерана, что ее сын и его сын, и узнавши, что кто-то в Mémoires [Мемуарах] своих хотел объяснить, чей он сын в самом деле, она отправилась к нему и умоляла его не разуверять Талерана.—Я часто замечал, что умнейшие и степеннейшие немцы и англичане высоко ценят французские острые слова, даже когда они не отменно остры. Брум в том числе. Впрочем, нет сомнения, что есть большая выгода и уловка в искусстве резюмировать целое положение, целую

[1*] Это был почти государственный переворот (*фр.*).
[2*] Консервативен (*фр.*).
[3*] Любовь—это серьезная вещь! (*фр.*).
[4*] Любовь к родине (*фр.*).
[5*] Это Роллан минус его жена (*фр.*).
[6*] Она старый интриган, а он — старая кокетка (*фр.*).
[7*] Можно говорить что угодно, но моя тетушка—бравый мужчина, а моя кузина—славный парень (*фр.*).

эпоху, всего человека одним удачным словом. А французы мастера в этом деле. Брум рассказывал свою стычку с Cousin [Кузеном] в Институте за Гелоизу Абеларовскую. Dupin [Дюпен], во время антракта заседания палаты, приехал в Институт и хотел прочесть свой Mémoire [Мемуар], о чем-то. Но Кузен так горячился и так плодовито рыцарствовал за Гелоизу, что Dupin [Дюпен] ждал и боялся упустить время. Он написал карандашом на бумажке: «écrasez moi cet ennuyeux chevalier d'Heloise» [1*] [35] и передал Бруму. Тургенев давно рассказывал мне об этом заседании.

Все друг у друга спрашивают: будет ли шум, будет ли тревога в Париже? Кто-то сказал вчера: «Il faut le demander à Mr. Ellis» [2*] — он приятель Тьера.

5-го [*апреля*].

Вчера был в открытии Камеры депутатов, обедал в Cercle [клубе], вечером в бенефисе Женни Вернре. Был еще у Дантана в Madeleine [Мадлен]. Не было вчера возмутительных движений, но были возмутительные прогулки, возмутительные *рекогносцировки* à la porte St Denis, à la rue de la Paix [3*]. Я ничего не видал. Брум обедал вчера у короля и сказывал, что квесторы Камеры Лаборд и кто-то другой уверяли, что было собрано до 5000 народа пред Камерою. «Moi, qui me connais en fait d'émeutes, — говорит Брум, — je suis convaincu qu'il n'y avait pas mille personnes» [4*], что и я полагаю. Он говорит, qu'il avait promis à quelqu'un de venir diner *après l'émeute, comme on dit après l'opera* [5*]. Не помню кто рассказывал мне, что в России, проезжая в рабочую пору и в рабочий день чрез какую-то деревню и видя весь народ расхаживающий по улице, спосил он с удивлением у мужиков о причине такого явления: *мы бунтуем*, отвечали ему спокойно несколько голосов.

Третьего дня обедал я с Reboul [Ребулем] у Тургенева.

Статья Persil [Персиля] «Crise ministérielle» [«Министерский кризис»] — 25-го апреля «Journ[al] de Déb[ats]» [«Журналь де Деба»].

C'est toujours la même idée. — Très bien, отвечает Arnal, mais quand on n'a pas de quoi en changer. Le commerce mettrait le feu aux quatre coins du monde pour une aune de calicot (du Pin) [6*]. Vous allez encore l'en-

---

[1*] Раздавите же этого скучного рыцаря Элоизы (*фр.*).

[2*] Надо спросить об этом у г-на Эллис (*фр.*).

[3*] У ворот Сен-Дени, на улице де ла Пэ (Мира) (*фр.*).

[4*] Что касается меня, который знает толк в беспорядках, — говорит Брум,— я уверен, что там не было и тысячи человек (*фр.*).

[5*] Что обещал кому-то прийти обедать *после бунта так, как говорят: после оперы* (*фр.*).

[6*] Это все та же мысль—Очень хорошо, отвечает Арналь, но когда ее нечем заменить. Торговля способна поджечь мир с четырех углов за отрез коленкора (дю Пен) (*фр.*).

duire de cirage anglais pour la faire reluire[1*]; — сказал Dupin [Дюпен], когда ему говорили о торжественном приеме Сульта в Лондоне.

До Июльской революции спрашивали о Тьере, s'il avait de quoi vivre convenablement. — «Mais oui, — отвечала его приятельница, — M-r Thier a de quoi vivre: *il a 24 heures à depenser par jour*»[2*].

Ce mal dont souffre tant mes amis et les tiens,
Frère, c'est la douleur de n'être pas chrétien.
(Ferdinand Dugué. Le vol des heures)[3*][36].

La dette anglaise équivaut à 750 francs par tête d'habitant du royame uni. En France le capital de la dette est de 4 milliards 450 millions pour 34 millions d'habitants, ce qui revient par tête à 131 fr.— а что в России?

В Америке: l'état de New York donna l'exemple en matières de travaux publics à une époque où la population était de moins de quatorze cent mille âmes, en empruntant pour l'ouverture de ses canaux une somme d'environ 55 millions ou de 39 fr. par tête. Dans peu d'années la somme doit être portée à 180 millions pour moins de 3 millions d'habitants ce qui représentera 60 fr. par tête.—L'Etat de Pensylvanie a une dette de 180 millions sur un million sept cent mille âmes, c. à. d. que par tête d'habitant elle est presque égale en capital nominal à celle de la France, avec cette différence, que le taux des intérêts y est supérieur d'un quart au moins.—L'état d'Illinois, dont la population ne doit pas dépasser 300 000 âmes, s'est lancé dans une entreprise qui réclamera 120 millions ou 400 fr., par tête de la population actuelle. En Angleterre la presque totalité de la dette est de trois pour cent et celle de l'Etat d'Illinois est constituée en six pour 100[37].

St. Thomas d'Acquin где-то сказал: «C'est une erreur fréquente parmis les hommes de se croire noble parce qu'ils sont issus de nobles familles... si tout ce qui procède du noble héritait de sa noblesse, les animaux, qui habitent sa chevelure et les autres superfluités naturelles qui s'engendrent en lui, s'anobliraient à leur manière».

[*Перевод*]

Английский долг равняется 750 франкам с головы каждого обитателя соединенного королевства. Во Франции долговым накоплением являются 4 миллиарда 450 миллионов на 34 миллиона жителей, что составляет на каждого по 131 франку (*фр.*).

Штат Нью-Йорк дал пример в области общественных работ в то время, когда население составляло менее миллиона четырехсот тысяч душ, сделав заем в сумме

[1*] Вы опять покроете его английской ваксой, чтобы заставить блестеть (*фр.*).

[2*] ... имеет ли он средства, чтобы жить прилично. Ну, конечно,— отвечала его приятельница,— господину Тьеру есть на что существовать: он может расходовать ежедневно по 24 часа (*фр.*).

[3*] Зло, от которого так страдают мои и твои друзья, брат мой,— это скорбь, происходящая от того, что они не христиане (Фердинанд Дюгэ. Полет часов). (*фр*).

примерно 55 миллионов, или 39 франков с человека, для открытия своих каналов. Через несколько лет эта сумма возрастает до 180 миллионов менее чем на 3 миллиона жителей, что составляет 60 франков на каждого. Штат Пенсильвания имеет долг в 180 миллионов на один миллион семьсот тысяч душ, т. е. в отношении к каждому жителю долг в номинальном капитале почти равен долгу Франции, разница в том, что расценка процентов здесь повышена почти на четверть. Штат Иллинойс, население которого не должно превышать 300000 душ, занялся предприятием, которое потребует 120 миллионов, или 400 франков на каждого из теперешних жителей. В Англии почти вся совокупность долга составляет три процента; что касается до штата Иллинойс, то там это выражается в шести процентах.

Святой Фома Аквинский где-то сказал: люди часто заблуждаются, считая себя благородными, потому что они произошли из благородных семей... если бы все, что имеет благородное происхождение, наследовало бы благородство (своих предков), то и насекомые, которые заводятся в волосах, и другие естественные паразиты, которые зарождаются в нем, также будут в своем роде облагорожены (*фр.*).

Король Дон-Педро, в драме Морето, говорит Д. Родригу, у которого похитили невесту: «Je ne veux pas, que vous vous battiez; je voudrais que vous vous fussiez battu»[1*]. Морето совместил Лопа и Кальдерона на испанской сцене. Очень хорошая статья о нем в «Revue des deux Mondes» 15 mars 1840[2*][38].

В отрывке Пушкина *Записки М.* сказано: «При отъезде моем (из немецкого университета) дал я прощальный пир, на котором поклялся я быть вечно верен дружбе и человечеству *и никогда не принимать должности ценсора*». Забавно, что эти последние слова вычеркнуты в рукописи красными чернилами ценсора.

Вот слава! В новое издание сочинений Пушкина едва ли не попали стихи Алексея Михайловича Пушкина на смерть Кутузова, напечатанные в Вест[нике] Европы 1813. Я их подметил и выключил.

Глинка говорил мне, что в известные три дни свободного книгопечатания при Екатерине, кроме послания к слугам Ф. Визина, напечатано еще похвальное слово Екатерине Сумарокова и *Перевоз куриозной души чрез Стикс* Олсуфьева. Надобно эти сведения исследовать[39].

15 апреля 1841.

Отпевали Шишкова в Невском. Народа и сановников было довольно. Шишков не велел себя хоронить прежде шести суток. Шишков был и не умный человек, и не автор с дарованием, но человек с постоянною волею, с мыслью, idée fixe[3*], род литературного Лафаета, non le héros des deux mondes[4*], но герой двух слогов *старого и нового*, кричал, писал всегда

[1*] Я не хочу, чтобы вы дрались; я бы хотел, чтобы вы уже подрались (*фр*).
[2*] «Ревю де де Монд», 15 марта 1840 (*фр.*).
[3*] Навязчивой идеей (*фр.*).
[4*] Не герой двух миров (*фр.*).

об одном, словом, имел личность свою, и потому создал себе место в литературном и даже государственном нашем мире. А у нас люди эти редки, и потому Шишков у нас все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности, но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были кстати, по Сеньке шапка. Карамзина манифесты были бы с бóльшим благоразумием, с бóльшим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, неизвестно. А если бы и имели, то что это доказало бы? Что ум и нелепость все равно. А мы все думаем, что все от нас, все от людей. Замечательно, что Шишков два раза перебил место у Карамзина. Император Александр имел мысль назначить Карамзина мин[истром] просвещения (и назначил после Разумовского), а в другой раз государственным секретарем после падения Сперанского. Перебил он и третье место у него: президента Академии. *Новый слог* победив *старый*, то есть Карамзин Шишкова, естественнее было бы Карамзину быть в лице президента представителем русского языка и русской литературы.

Шишков писал в 1812 году письмо к государю, коим он убеждал его оставить армию. Государь ничего не отвечал и никогда не упоминал Шишкову об этом письме, но спустя несколько дней оставил армию. Письмо было написано с согласия гр. Н. А. Толстого и кажется Балашова. Слышал я это от Шишкова.

Крылов говорил о Шишкове: «Он хорошо знает как писать не должно, но не знает как должно писать. Можно доверять его обвинениям, но нельзя следовать его советам. Он похож на человека, который будет говорить вам, что опасно варить кушание в нелужоной посуде и что для избежания вреда надобно всегда лудить ее суриком» [40].

18-го [*апреля*].

Перед свадьбою, в городе, много говорили об обнародовании освобождения крестьян, по крайней мере в Петерб[ургской] губернии. При этом случае рассказали мне ответ старика Философова. Александр советовался с ним о поданном ему проекте об освобождении крестьян: «Царь, — отвечал он, — вы потонете в нашей крови». Этот вопрос, важнейший из всех государственных и народных вопросов. Следовательно, должно о нем помышлять. Но как разрешить его? И как разрешится он? Во всяком случае не теперь приступать к разрешению. У нас нет ни одного государственного человека в силах приступить к нему [41].

Бездарность, *талантливый* — новые площадные выражения, вкравшиеся в наш литературный язык. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников.

Доход таможенный в Англии на 1839 г. составил 580 мил., во Франции 104 мил. Большая часть сего дохода в Англии падает на статьи потребления, а именно: сахар, чай, спиртуозные напитки, вина, табак, кофе и какао, фрукты, зерна, провизии царства животного, т. е. 485 мил. или 81 со ста всех таможенных доходов.Вот это доход и торговля. А доход России, сего сторукого Бриарея, который может запустить одну лапу в Китай, другую в Персию, третью в Америку и так далее! Армии и отношения внешней политики государств должны быть обращены в одно: на расширение торговых сношений. А у нас о них и не помышляют. Мы проливаем кровь свою за Кавказом, а англичане там торгуют. Нет ничего хуже политики сентиментальной, которая руководствуется антипатиями и симпатиями произвольными и предубеждениями.

Меншиков говорит, что после конвенции нашей с Австриею о плавании по Дунаю Австрия должна назначить Воронцова послом своим в Петербург[42].

Тьер искусный и бойкий политический памфлетер. Но из того не следует, что он великий государственный человек. Разве каждый отважный и ловкий застрельщик или даже и удачный партизан годится в полководцы? Беда во Франции в том, что каждый журналист смотрит в депутаты, а каждый речистый депутат в министры.

(Из речи Baring, chancelier de l'échiquier, chambre des communes 30 avril 1841)[1*]. Расходы прошедшего года составляли 49 милл. 499 000 фунт. ст. (миллиард 237 мил. 475 000 франков) — доходы расчисленные 48 мил. 641 000 ф. с. (миллиард 216 мил. 025 000 фран.) Предполагаемый дефицит должен был составить 858,00 ф. с. (21 мил. 450 000 ф.). Но ныне оказывается, что дефицит составляет 1 мил. 840 000 ф. с. (46 мил. фр.).

Д. П. Бутурлин рассказывал мне, что отец его был по деревне своей соседом Новикова. Когда Новиков по восшествии Павла на престол возвратился из ссылки в свою деревню, созвал он соседей на обед, чтобы праздновать освобождение. Перед обедом просил он позволения у гостей посадить за стол крепостного человека, который добровольно с 16-летнего возраста заперся с ним в крепость. Гости приняли предложение с удовольствием. Чрез несколько времени Бутурлину сказывают, что Новиков продает своего товарища. При свидании своем с ним спрашивает его: правда ли это? «Да, отвечает Новиков, дела мои расстроились и мне нужны деньги. Я продаю его за 2 000 руб.» Я и прежде слыхал, что Новиков был очень жесток с людьми своими[43].

[1*] Баринга, канцлера казначейства. Палата общин 30 апреля 1841 года (*фр.*).

Император Павел, приехав однажды в Москву, радовался, что повсюду народ бегает за ним и толпится везде, где он ни покажется. Мне очень приятно, говорил он Обольянинову, это доказательство народной любви. «Простите меня, —отвечал Обольянинов, —но я тут никакой любви не вижу. За две недели до приезда вашего имп[ераторского] вел[ичества] проводили чрез Москву слона, и также народ бегал за ним». — Этот ответ не похож на Обольянинова (Впрочем, Обольянинов, как и все царствование Павла, были, вероятно, излишне очернены. Довольно и того, что было в самом деле; но враждебные партии не довольствуются истиною. Я после слышал, что Обольянинов был человек не злой и не без смысла)[44].

В рукописях Пушкина нашел я следующее: «Читал сегодня послание к[нязя] Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум, резкость, но что за звуки! *Кому был Феб из Русских ласков*? Неожиданная рифма Херасков не примиряет меня с такой какофонией; Баратынский прелесть»[45].

Сальванди, в ответ политико-академической речи В. Гюго (в которой он, между прочим, хвалит Дантона), очень умно сказал ему: Napoléon, Syeyès, Malesherbes ne sont pas vos ancêtres, monsieur. Vous en avez de non moins illustres: J. B. Rousseau, Clément Marot, Pindar, le Psalmiste[1*] (Давид, кажется, тут лишний). Это мне напоминает мой разговор с Гюго, когда я был у него в Париже. Я все старался направить его на литературу, а он все сворочивал на политику, на поляков, на императора Николая. — J'aime l'empereur Nicolas, mais si j'étais à sa place. voici ce que je ferais etc.[2*].

«Если я имел бы честь заседать в Государственном Совете, я сказал бы» (говорил Шепелев) — «глупость», — прервал его Бороздин[46].

On a dit: «Les dieux s'en vont. Moi, je dis: la France s'en va! Les français avalent très bien une révolution, mais ne savent pas la digérer»[3*] (Из письма моего Тургеневу).

«La Marseillaise de la paix» Ламартина:

Chacun est du climat de son intelligence,
Je suis concitoyen de toute âme qui pense;

1* Наполеон, Сиейс, Мальзерб, сударь, вовсе не ваши предки. Ваши предки не менее знамениты: Ж. Б. Руссо, Клеман Маро, Пиндар, Псалмопевец (*фр.*).

2* Я люблю императора Николая, но если бы я был на его месте, то сделал бы следующее и т. д. (*фр.*).

3* Кто-то сказал: боги уходят. Я же говорю: Франция уходит! Французы хорошо глотают революцию, но не умеют ее переварить (*фр.*).

La vérité, c'est mon pays!
La fumée en courant *léchera* ton ciel bleu[1*].

Зачем же дать язык дыму? Вот что французы называют романтизмом.

«Мопс без ошейника и без цепи» — название русской книги в каталоге Пушкина.

«Старина и новизна» 1772 года напеч[атана] в Петерб[урге].

На латинском языке говорится: *dura* lex, sed lex[2*]. Можно сказать это и по-русски. Заметим однако же, что здесь речь идет не о Г-же Лекс[47].

Отрывок из письма Жуковского к Тургеневу:

21 июня/3 июля. Дюссельдорф. Я уже более недели в Дюссельдорфе, в своем маленьком домике, в котором со мною пока одно только мое семейное счастие, но где еще нет и долго не может быть ни порядка, ни уютности, ибо нет никаких мебелей: все надобно заказывать, а пока бивуакировать. Я еще ни к кому в Россию не писал о себе, пишу к тебе первому. Вот моя история: 3/15 мая отправился я из Петербурга и 17-го встретил мою невесту в Бонне. Она со своими ехала в Майнц, где мы условились съехаться, чтобы оттуда прямо в Каннштат для венчания. Сделалось то, что редко на свете случается. Все, что мы предположили, *исполнилось* в точности. Я назначил для своего венчания 21-го мая, так и сделалось. 21 мая из Лудвигсбурга, где мы ночевали, проехали мы рано по утру в Каннштат. Я тотчас отправил за русским ⟨попом⟩ священником в Штутгард, а Рейтерн все устроил для лютеранского обряда, и в пять часов после обеда на высоте Ротенберга, в уединенной надгробной церкви св. Екатерины, совершился мой брак тихо и смиренно; в Каннштате был совершен лютеранский обряд. А в полночь, вместе с женою, отправился я в Вильбад, где блаженно провел один с нею первые две недели моей семейной жизни и где на всю остальную жизнь уверился (с глубокою благодарностью к богу, даровавшему мне желанное счастие), что при мне есть чистый ангел ободритель, освятитель, удовлетворитель души, и с ним все, чем жизнь может быть драгоценна. Эти две недели Вильбадского уединения были решительны навсегда. Я знаю, какое счастие бог даровал мне, и верю ему: оно не переменится, как бы ни были обстоятельства жизни радостны или печальны. Теперь я в Дюссельдорфе. Когда приведу несколько в порядок мою материальную жизнь, примусь за работу. За какую? Еще не знаю, ибо хотя я и не в *чаду* счастия, но еще не думал и не могу думать ни о чем кроме его»[48].

[1*] «Марсельеза мира» Ламартина:
Каждый равняется по климату своего разума,
Я являюсь согражданином каждого мыслящего человека.
Истина — вот моя страна!
Мимоходом, дым оближет твое голубое небо (*фр.*).

[2*] Жесток закон, но все же закон (*лат.*).

Leur mission à eux était de démontrer le néant du passé, et de formuler la loi de l'avenir. Pas davantage! «Les jeunes gens, a dit Goethe, se figurent que leur jour du baptême est le jour de la création» (Marmier: Mittheilungen über Goethe—par J. W. Riemer) [1*].

В одно время с выпискою из письма Жуковского дошло до меня известие о смерти Лермонтова. Какая противоположность в этих участях. Тут есть однако какой-то отпечаток провидения. Сравните из каких стихий образовалась жизнь и поэзия того и другого, и тогда конец их покажется натуральным последствием и заключением. Карамзин и Жуковский: в последнем отразилась жизнь первого, равно как в Лермонтове отразился Пушкин. Это может подать повод ко многим размышлениям. — Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Лудвига Филиппа: вот второй раз, что не дают промаха. — По случаю дуэли Лермонтова кн. Алек[сандр] Ник[олаевич] Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между кн. Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит и не совсем правильно, по крайней мере так в городе говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке. Кн. Алекс[андр] Никол[аевич] видел написанную по этому случаю записку Екатерины: она, между прочим, говорила, что поединок, хотя и преступление, не может быть судим обыкновенными уголовными законами. Тут нужно не одно правосудие, но и правота (la justice ne suffit pas, il faut de l'équité) [2*], что во Франции поединки судятся трибуналом фельдмаршалов, но что у нас и фельдмаршалов мало и этот трибунал был бы неудобен, а можно бы поручить Георгиевской думе, то есть выбранным из нее членам, рассмотрение и суждение поединков. Она поручала Потемкину обдумать эту мысль и дать ей созреть [49].

Меншиков говорит о проконсуле Гане, que c'est Han de Courlande, Roman circassier (роман В. Гюго Han d'Islande). Его же называют Paul de Kock — он Павел [3*].

Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы.

1* Их задачей было показать ничтожество прошлого и определить закон для будущего. Не больше того! «Молодые люди, — сказал Гете, — воображают, что день их крестин был днем творения» (М а р м ь е. Беседы о Гете, собранные Ж. В. Римером). (*фр.*, *нем.*).

2* Недостаточно правосудия, нужна справедливость (*фр.*).

3* Это Ган Курляндец, черкасский роман (роман В. Гюго Ган Исландец). Его же называют Поль де Кок (*фр.*). *(Игра слов: петух по-немецки Hahn, по-французски — Coq).*

Мороз (ныне сенатор) был в старину при кн. Лопухине и при княгине. Ростопчин говорил, что ей всегда холодно, потому что Мороз дерет ей по коже. О Морозе есть также стихи Неелова.

Меншиков говорит о сыне Канкрина: «c'est une tête de veau à la financière» [1*].

Когда весь город был занят болезнью графа Канкрина, герцог Лейхтенбергский, встретившись с Меншиковым, спросил его: «Quelles nouvelles a-t-on aujourd'hui de la santé de Cancrine? De fort mauvaises, —отвечал он, — il va beaucoup mieux» [2*] [50].

Забавная шутка, но не шуточное свидетельство о единомыслии нашего министерства [51].

К[нязь] Иван Голицын рассказывал слышанное им от к[нязя] Платона Зубова. В день восшествия на престол Екатерины II прискакала она, кажется, в Измайловскую церковь для принятия присяги. Нужно было прочесть манифест. Манифест второпях не был заготовлен. Не знали, что делать. Заметив общее недоумение, кто-то в синем сюртуке выходит из толпы и вызывается прочесть манифест. Соглашаются. Он выходит вперед, вынимает из кармана какую-то бумагу и начинает будто по ней читать наобум и экспромтом манифест обыкновенного при таких случаях содержания. Этот импровизатор был актер Волков. Екатерина в благодарность за то, что он выручил ее из беды, назначила ему значительный пенсион с обращением оного и на все потомство его. Павел прекратил пенсион (надобно удостовериться в истине этого анекдота) [3*] [52].

Екатерина недовольна была Англиею. В это время назначила она аудиенцию английскому послу и приняла его в собственном своем кабинете. Как только вошел он в дверь, собаки бросились и залаяли. Посол смутился. «Ne craignez rien, — сказала она, — et prenez place. Chien qui aboye ne mord pas, c'est le cas de l'Angleterre» [4*] (Тоже переданное Голицыным от Зубова).

Для некоторых любить отечество — значит дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и тому подобными и подобным. Для других любить отечество — значит любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля и ⟨подобное тому⟩ прочих и прочего [53]. Будто тот не любит отечество, кто скорбит о худых мерах правительства, а любит

[1*] Это телячья голова, приготовленная à la финансист (*фр.*).

[2*] Что нового сегодня о болезни Канкрина? Плохие новости,— отвечал он,— ему гораздо лучше (*фр.*).

[3*] *Позднейшая помета Вяземского*: Списано.

[4*] Не бойтесь,— сказала она,— и садитесь. Собака, которая лает, не кусается, это можно отнести к Англии (*фр.*).

его тот, кто потворствует мыслью, совестью и действием всем глупостям и противозаконностям людей облеченных властью? Можно требовать повиновения, но нельзя требовать согласия.

У нас самые простые понятия, человеческие и гражданские, не вошли еще в законную силу и в общее употребление. Все это от невежества: наши государственные люди не злее и не порочнее, чем в других землях. но они необразованнее.

Прения палаты депутатов во Франции не представляют никогда вида генерального сражения между двумя воюющими силами, двумя мнениями. Нет, это беспрерывные поединки частных личностей.

Александр Гурьев говорит, что указ об обязанных крестьянах возрождает 200 вопросов и не разрешает ни одного, что эта мера, по видимому и по мнению зачинщиков — *переходная мера*, а между тем предписывает заключать *условия вечные*, — что указом земля признается неотъемлемою собственностью помещиков, а между тем предписывается часть этой земли отдавать в вечный наем крестьянам и потомству их, тогда как закон о хлебопашцах вольных[54].

Je vous rends votre testament comme vous le désignez, sans l'avoir lu. Une certaine crainte s'est emparée de moi au moment où j'allais l'ouvrir. Rire de son contenu m'est impossible, malgré que vous l'ayez craint. C'est un malheureux sujet, sur lequel je n'aime à plaisanter, quoique souvent j'en ai l'air. N'acceptez jamais. Voilà les raisons pour lesquelles je ne *veux* pas y croire — c'est le seul moyen qui me reste pour conserver nos relations d'amitié. — Maintenant c'est peut-être vous qui vous moquerez de moi[1*][55].

Булгарин напечатал во 2-ой части «Новоселья» 1834 года повесть: «Приключение квартального надзирателя», которая кончается следующими словами: «Это я заметил, служа в полиции». Фаддей Булгарин.

Вот славный эпиграф!

Шведский король в рескрипте на имя Государственного Совета от 15 сент. 1842 пишет, между прочим, говоря о шведских ассигнациях: «Je voudrais pouvoir affranchir le pays de cette charge et j'indique dans le

---

[1*] Возвращаю вам ваше завещание по вашему указанию, не прочитав его. Когда я собирался вскрыть его, меня охватил некоторый страх. Мне было невозможно смеяться над его содержанием, хотя вы этого боялись. Это печальная тема, над которой я не люблю шутить, хотя часто я кажусь шутником. Никогда не верьте этому. Вот причины, по которым я не *хочу* ему верить, и это единственный способ, остающийся в моем распоряжении, чтобы сохранить наши дружеские отношения. Теперь, может быть, вы посмеетесь надо мной (*фр.*).

travail ci-joint quelques moyens pour y parvenir. («Sur les banques», сочинение короля). Ce sont les guerres continuelles, qui ont surtout amené *le déplorable état des finances qui fait tant souffrir la Suède*,— mais la Providence a pris la Suède sous sa protection; il lui reste maintenant à mettre en ordre ses finances. *Elle doit et elle peut le faire. La nécessité l'exige, et la nation le demande*»[1*]. — Хорошо и нашему Госуд[арственному] Совету получить бы такую грамотку.

Chez nous on n'a aucun respect pour la loi et pour la légalité. Personne n'a conscience de l'enfreindre ou d'y échapper. C'est que chez nous la loi n'est pas une *puissance morale*, mais une *volonté personnelle*. La loi n'est pas chez nous la clef et le point culminant de l'édifice social, au dessus de la loi il y a encore autre chose de plus fort que la loi. Et puisque un homme est sujet à se tromper, on croit qu'il est permis à son tour de tromper, cet homme, d'autant plus qu'il n'est pas présent partout et pour tous et que cette omnipotence étant subdivisée en millier de pouvoirs subalternes, on se dit que ce n'est pas le pouvoir que l'on trompe, mais ses délégués, qui la trompent de leur côté[2*].

Nous n'avons point en Russie d'élément de révolution: nous n'avons que des éléments de dissolution[3*]. — Самодержавие в хороших руках и на известное время дело благое и нужное. Но самоволие всегда вредно и гибельно [56].

«Дворянам дозволяется также вступать в службы союзных держав и выезжать в чужие краи с узаконенными паспортами; но во всякое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему делу потребна, всякий дворянин обязан, по первому позыву от самодер-

---

[1*] Я хотел бы иметь власть освободить страну от этого груза и в прилагаемом труде указываю на некоторые средства, чтобы этого достигнуть («О банках», сочинение короля). Постоянные войны были причиной того, что финансы пришли в плачевное состояние, заставляющее так страдать Швецию,— но Провидение взяло Швецию под свою защиту: ей остается лишь привести в порядок свои финансы. Она должна и она может это сделать. Этого требует необходимость и этого просит нация (*фр.*).

[2*] У нас нет никакого уважения к закону и к законности. Никто не совестится избегать или уклоняться от законов. Это происходит потому, что у нас закон не является *властью моральной*, а представляет собой только *личную волю*. Закон у нас не является ключом и кульминационной точкой социального здания; над законом властвует еще нечто более сильное, чем закон. И так как человеку свойственно ошибаться, то считают, что этого человека можно обманывать в свою очередь, тем более что он не вездесущ и что это всемогущество делится на тысячи подчиненных ему властей; поэтому мы можем уверять себя, что обману подвергается не власть, но ее уполномоченные, которые обманывают ее со своей стороны (*фр.*).

[3*] В России мы не имеем элементов революции: мы имеем лишь элементы разложения (*фр.*).

жав[ной] власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной» (187, глава III о дворянстве). Свод зак[онов] издан. 1842.

«Дворянин свободен от всякого телесного наказания как по суду, так и во время содержания под стражею» (195).

Выписано из свода законов издания 1842. Этими статьями подтверждается дворянская грамота, данная Екатериною II: *Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 года на вечные времена и непоколебимо*. Эта вечность, эти права и вольности частью ниспровергнуты указом[1*] [57]. Остается только отменить и 15 пункт дворянской грамоты: «телесное наказание да не коснется благородного».

24 mai 1844.

Ce que nous avons à craindre ce n'est pas une révolution, mais une désorganisation, une dissolution. Le principe, le cri de guerre d'une révolution: ôte toi, que je m'y mette! n'est point applicable chez nous. Nous n'avons ni classe consitituée, ni ordre de choses préparé pour renverser ce qui existe et se mettre à sa place. Nous n'aurons que des ruines. C'est un édifice qui croulera. S'entend bien que je ne parle que de l'édifice gouvernemental. La nation a des éléments de vitalité et de conservation.

Louis 14 disait: l'état c'est moi! Tel autre pourrait dire avec plus de justesse: l'anarchie c'est moi!

25 juin.

A rebours des autres pays, chez nous c'est le gouvernement qui est révolutionnaire et la nation conservatrice. Le gouvernement est aventureux, impatient, intempestif, novateur, démolisseur.

Ou bien il est plongé dans un sommeil apathique et ne fait rien pour répondre aux nécessités et aux voeux du moment. Ou bien réveillé en sursaut, comme si quelque mouche venait de le piquer, il agite spontanément une question ardente, sans en calculer la portée et qui pourrait mettre aisément le feu aux quatre coins du pays, si l'instinct et le bon sens de la nation ne venaient paralyser cet élan et le rendre comme non avancé. Témoin la question des serfs obligés. Qui pourrait nier que la question de l'esclavage ne soit chez nous une question des plus graves et dont la solution ne soit désirée par tous les esprits éclairés et bien intentionnés; mais encore faut-il préparer les éléments et les conditions de cette solution et non la jetter comme une bombe dans la foule. L'application de la loi telle qu'elle a été

1* *Не закончено.*

promulguée est impossible; voilà la part du gouvernement. La nation en a arrété les fâcheux effets en la laissant tomber à plat; voilà la part des gouvernés.

Le gouvernement fait le désordre: le pays fait la police d'une manière négative; sans protestation, sans remontrance, il annule de fait les mauvaises mesures du gouvernement. Le gouvernement l'interpelle: il ne répond pas. A cette question point de réponse.

La majorité des mesures prises par le gouvernement est telle, que bien des hommes sensés et consciencieux ne se les expliquent pas autrement que comme un effet de quelque influence secrète, de quelque conspiration occulte qui agit sur le pouvoir à son insu et le pousse dans une voie fatale pour le conduire à l'abyme. Bien des hommes qui occupent des postes éminents dans l'état vous diront que Kisseleff est à la tête de cette conspiration. Je ne partage nullement cette opinion et ne reconnais en lui aucune vélléité, aucune arrière-pensée révolutionnaire. C'est un esprit assez intelligent, mais superficiel et sans portée, sans coeur, source, d'où selon Vauvenargue, jaillissent les grandes pensées, beaucoup de suffisance, d'audace, la soif de la célébrité, unie à une grande insouciance pour l'opinion publique et mépris des hommes, despote par goût, par habitude et par médiocrité, car il n'y a que les intelligences supérieures qui soient conciliantes et *concessionnaires*, gâté et ennivré par les succès de son proconsulat dans les principautés qu'il a soit-disant régénéré et constituées et dont il a rapporté des idées gouvernementales trop légèrement acquises et qu'il croit pouvoir appliquer à la Russie, voici ce qu'il est comme homme d'état. Mieux guidé, mieux employé il eût été un fonctionnaire public utile et très brillant au second rang. Mais chez nous le pouvoir n'a nullement la connaissance et l'instinct des hommes.

Cette conjecture, quoique erronée dans le fait qui pousse à chercher une conspiration secrète et permanente dans les mauvaises mesures du gouvernement, est encore un indice très remarquable de la sagesse et des bons instincts de la nation. L'inviolabilité du souverain, le principe que le souverain ne peut mal faire, idée abstraite admise de droit dans les états constitutionnels, est chez nous admise et en pratique toute puissante de fait. Ce principe couvre et sauve la responsabilité du prince et maintient le principe monarchique, ainsi qu'aux époques de calamité publique, de choléra, le peuple s'obstine à ne pas y voir un fléau envoyé par dieu, mais un méfait des hommes, un empoisonnement, de même à la vue des calamités publiques qui partent de mauvaises mesures prises par le gouvernement. Le peuple n'y voit pas la main du souverain, mais celle de ses ennemis cachés. Son amour pour lui n'en souffre pas, ainsi que la foi dans les cas précédents. Ce sont des préjugés, soit, mais en attendant ces préjugés sont salutaires et conservateurs, tandis que telle vérité n'est que subversive [58].

[*Перевод*]

24 мая 1844.

Нам следует опасаться не революции, но дезорганизации, разложения. Принцип, военный клич революции: Сойди с места, чтобы я мог его занять!— у нас совершенно неприменим. У нас не существует ни установившегося класса, ни подготовленного порядка вещей, чтобы опрокинуть и заменить то, что существует. Нам остались бы одни развалины. Такое здание рухнет. Само собой разумеется, что я говорю только о правительственном здании. Нация же обладает элементами жизнеспособности и самосохранения.

Людовик XIV говорил: «Государство — это я!» Кто-то другой мог бы сказать еще более верно: анархия — это я!

25 июня

В отличие от других стран, у нас революционным является правительство, а консервативной — нация. Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно — новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов, не учитывая его значение и того, что вся страна легко могла бы вспыхнуть с четырех углов, если бы не инстинкт и не здравый смысл нации, которые помогают парализовать этот порыв и считать его несостоявшимся. Об этом свидетельствует вопрос об обязанных крестьянах. Никто не сможет отрицать, что вопрос о рабстве является у нас наиболее важным вопросом, разрешения которого желают все просвещенные и благонамеренные умы. Но ведь следует подготовить основания и условия этого решения, а не бросать его, как бомбу, в толпу. Невозможно применить закон таким, каким он был опубликован,— вот действие правительства. Нация приостановила неблагоприятные последствия этого закона, вызвав его полное крушение,— вот действие подданных.

Правительство производит беспорядки: страна выправляет их способом непризнания; без протеста, без указаний страна упраздняет плохие мероприятия правительства. Правительство запрашивает страну, она не отзывается, на вопрос нет ответа.

Многие вполне здравомыслящие и добросовестные люди объясняют себе большую часть мероприятий правительства лишь как результат чьего-то тайного влияния, скрытого заговора, воздействующего на власть без ее ведома и толкающего ее на роковой путь, ведущий в пропасть. Многие из людей, занимающих в государстве видное положение, скажут вам, что заговор этот возглавляется Киселевым. Я нимало не разделяю этого мнения и не признаю в нем никакого революционного покушения и умысла. Он обладает довольно острым умом, но умом поверхностным, недальновидным, чуждым сердцу, тому источнику, откуда, по словам Вовенарга, исторгаются великие мысли; в нем много самодовольства, дерзости, жажды славы, соединенной с большой беспечностью к общественному мнению и презрением к людям. Он деспотичен по своим вкусам, привычкам и благодаря своей посредственности, ибо только люди высокого ума способны на податливость и уступки, он избалован и опьянен успехами своего проконсульства в областях, им, так сказать, возрожденных и благоустроенных, откуда он вывез слишком легко приобретенные идеи о государственном управлении, которые он полагает применить к России; вот что собой представляет Киселев как государственный человек. Если бы лучше им руководили и использовали более умело, он был бы полезным и блестящим второстепенным деятелем на общественном поприще. Но у нас власть совершенно лишена способности узнавать и чувствовать людей.

Это предположение, хотя и ложное, заставляющее искать в дурных мероприятиях правительства тайную и постоянную конспирацию, является еще и замечательным

признаком мудрости и добрых побуждений нации. Неприкосновенность государя, принцип, заключающийся в том, что государь не может плохо поступить, и представляющий собой абстрактную идею, юридически принятую в конституционных государствах, принят и у нас воплощен практически. Этот принцип покрывает собой и спасает ответственность государя и укрепляет монархические основы также, как это было в эпохи народных бедствий, например холеры, когда народ упрямо не желает признавать божьей кары, а усматривает в них человеческие злодеяния, отравления; то же происходит при виде бедствий, исходящих от дурных мероприятий правительства. Народ видит в его поступках руку не государя, а его тайных врагов. Его любовь к государю от этого не страдает, так же как в вышеизложенном случае не страдала вера в бога. Пусть это предрассудки, но эти предрассудки спасают и сохраняют в то время, как некие истины только разрушительны (*фр.*).

У нас запретительная система господствует не в одном тарифе, но во всем. Сущность почти каждого указа есть воспрещение чего-нибудь. Разрешайте же, даруйте иногда хоть ничтожные права и малозначительные выгоды, чтобы по губам чем-нибудь сладким помазать. Дворянская грамота, дарованная Екатериною, не отяготительна, не разорительна для самодержавной власти, но и ее приняли как благодеяние. А вы и этот медный грош обрезали. Власть должна быть сильна, но не досадлива.

У нас *самодержавие* значит, что в России все *само собою держится*: при действии одних людей все рушилось бы давным давно.

В диком состоянии человечества дикарь действует одною силою, одним насильством: он с корня рубит дерево, чтобы сорвать плод, убивает товарища, чтобы присвоить себе его звериную кожу: в состоянии образованном человек выжидает, чтобы плод упал на землю или подставляет лестницу к дереву, у товарища выменивает или покупает кожу, иногда его обманывает, но за то и сам обманут бывает. Это все дело житейское. У нас власть никогда ничего не выжидает, не торгуется с людьми, не уступает. Это сила, но сила вещественная, против которой даже и при общем повиновении противодействует сила умственная, которая рано или поздно возьмет верх [59].

Перовский делает какое-то новое положение о б... Оно может быть и хорошо и нужно для общественного здравия. Но кому будет поручен надзор за ними и за исполнением установленных правил? Полицейским чиновникам, то есть отъявленным взятошникам и грабителям. Все эти предохранительные и блюстительные средства принесут один верный и неминуемый результат: побор с девок и полицейский налог на б...и. Прежде чем писать уставы, приготовьте блюстителей и исполнителей этих уставов, а то вы, как крестьянин Крылова, сажаете лисицу стеречь курятник [60].

1-го окт[ября] 1844.

Тьер говорил Тютчеву, что видя однажды Louis Philippe [Луи-Филиппа], очень озабоченного недоброжелательством к нему императора

Николая, он сказал ему: «Mais faites avec l'empereur Nicolas ce que Suard faisait avec sa femme» [1*]. Разумеется, что любопытство короля было забавно возбуждено нечаянною выходкою и он спросил объяснения. — «La femme de Suard, — говорил Тьер, — était fort accariatre et taquine; au beau milieu de la nuit elle réveillait son mari et lui disait: Suard, dors-tu? — Oui, et pourquoi? — Je ne t'aime pas. — Bon, cela viendra plus tard, répondait-il, se retournait de l'autre côté et s'endormait de plus belle. Au bout d'une heure le même manège: Suard, dors-tu? — Oui! — J'en aime un autre! — Bon, répondait le mari, — cela passera! et la dessus il reprenait son sommeil»[2*] [61].

Тютчев очень хорошо судит Тьера и вовсе не признает в нем государственного человека. «Comme sous la restauration, — говорит он, —il y avait des voltigeurs du siècle de Louis 15, ainsi Thiers est un voltigeur de l'empire. Il en est encore au lendemain de la bataille de Waterloo» [3*].

Тютчев говорит, что по возвращении его из-за границы более всего поражает его: отсутствие России в России. «A l'étranger toute discussion sérieuse, tout débat politique, toute question d'avenir aboutit toujours à la Russie. On en parle sans cesse, on la voit partout. Arrivé en Russie, vous ne la voyez plus. Elle disparait complètement de l'horizon»[4*] [62].

Изо всех наших государственных людей только разве двое имеют несколько русскую фибру: Уваров и Блудов. Но, по несчастию, оба бесхарактерны, слишком суетны и легкомысленны, то есть пустомысленны. Прочие не знают России, не любят ее, то есть не имеют никаких с нею сочувствий. Лучшие из них имеют патриотизм официальный, они любят свое министерство, свой департамент, в котором для них заключается Россия — Россия мундирная, чиновническая, административная. Они похожи на сельского священника, который довольно рачительно, благочинно совершал бы духовные обряды в церкви во время служения, но

[1*] Но поступайте с императором Николаем так, как Сюард поступал со своей женой (*фр.*).

[2*] «Жена Сюарда,— говорил Тьер,— была очень сварливой и вздорной; так, среди ночи она будила своего мужа и говорила ему: „Сюард, ты спишь? — Да, а что? — Я тебя не люблю. — Ладно, это придет после, — отвечал он, поворачивался на другой бок и засыпал как ни в чем не бывало. Спустя час та же проделка: Сюард, ты спишь? — Да! — Я люблю другого! — Хорошо,— отвечал муж,— это пройдет!“ И на этом засыпал снова» (*фр.*).

[3*] Так же, как при реставрации,— говорил он,— были канатные плясуны века Людовика 15, так же Тьер является канатным плясуном Империи. Он все живет завтрашним днем битвы при Ватерлоо (*фр.*).

[4*] За границей всякий серьезный спор, политические дебаты и вопросы о будущем неминуемо приводят к вопросу о России. О ней говорят беспрестанно, ее видят всюду. Приехав в Россию, вы ее больше не видите. Она совершенно исчезает с горизонта (*фр.*).

потом не имел бы ничего общего с прихожанами своими. А сколько еще между ними и таких священников, которые совершенно безграмотны и валяют обедню сплеча.

Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в рукоположении и в рукоприкладстве. Власть положит руки на Ивана, на Петра и говорит одному: ты будь министр внутренних дел, другому — ты будь правитель таких-то областей, а Иван и Петр подписывают имена свои под исходящими бумагами. Власть видит, что бумажная мельница в ходу, что миллионы нумеров вылетают из нее безостановочно, и остается в спокойном убеждении, что она совершенно права перед богом и людьми.

Одна моя надежда, одно мое утешение в уверении, что он и они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное провидением в неисповедимой своей воле. Надеяться, что они когда-нибудь образумятся и здесь, безрассудно, да и не должно. Одна гроза могла бы их образумить. Гром не грянет, русский человек не перекрестится. И в политическом отношении должны мы верить бессмертию души и второму пришествию для суда живых и мертвых. Иначе политическое отчаяние овладело бы душою.

Как в литературной сфере Блудов рожден не производителем, а критиком, так и в государственной он рожден для оппозиции. Тут был бы он на месте и лицо замечательное. В рядах государственных деятелей он ничтожен [63].

Список с подлинного собственноручного письма к графу Витгенштейну, главнокомандующему 2-ой армиею:

Граф Петр Христианович!

Вам известна непоколебимая воля брата моего Константина Павловича, исполняя которую я вступил на его место. Богу угодно было, чтоб я вступил на престол с пролитием крови моих подданных; вы поймете, что во мне происходить должно и верно будете жалеть обо мне. Что здесь было, есть то же, что и у вас готовилось и что, надеюсь, с помощиею божиею, вы верно помешали выполнить. С нетерпением жду от вас известий на счет того, что г[раф] Чернышев вам сообщил. Здесь открытия наши весьма важны и все почти виновники в моих руках. Все подтвердилось по смыслу тех сведений, которые мы и от г[рафа] Дибича получили.

Я в полной надежде на бога, что сие зло истребится до своего основания.

Гвардия себя показала как достойно памяти ее покойного благодетеля.

Теперь бог с вами, любезный граф; моя доверенность и уважение вам давно известны, и я их от искреннего сердца здесь повторяю.

Ваш искренний
Николай

С.-Петербург
15 декабря 1825 г.

В сем письме, между прочими ошибками, замечательна следующая: *все почти виновники*, вместо: *почти все виновники*. И точно, в числе было не мало *почти виновников*. — *Гвардия себя показала* etc. Да кто же, кроме части гвардии, и начал возмущение? [64]

В Зимнем Дворце находились картины (кажется четыре), изображающие некоторые мгновения воцарения Екатерины II, как она явилась в Измайловский (кажется) полк. Николай I приказал повесить их там, где стоит его судно (рассказано очевидцем) [65].

Как трудно найти у нас людей, которые согласовали бы признаваемые ими правила с последствиями, из них истекающими. Многие, например, осуждают les ordonnances de Charles X[1*] и оправдывают сопротивление народа, к коему служили они поводом, а между тем предают анафеме июльскую революцию, воцарение Филиппа и прочие последствия. Но разве эта революция не вся заключается, как в полном зародыше, в этом сопротивлении? Если Карл X уступил бы, отменил бы свои *именные указы* и признал бы законным вооруженное вмешательство народа, разве этим самым не провозгласилось бы правило de la souveraineté du peuple[2*]? Разве он, после своего поражения и преклонения воли своей пред волею народа, мог бы удержать в себе царское достоинство, целость прав своих и святость догмата de la légitimité?[3*] Отречение его за себя и за преемника своего в мирное время, в законное время могло бы быть действием свободным и обязательным для народа; но тут не он уже был хозяин или, по крайней мере, полный хозяин; следовательно, не мог он располагать царством и будущим, когда и настоящее уже не в его руках было. Все держится и все цепляется между собою [66].

Иезуитский послушник Иван-Ксаверий Гагарин говорил Тургеневу в S. Acheul [Сент-Ашель] (сент[ября] 1844), что между прочими причинами, довершившими его направление к Римской церкви и обращение, отвратив от неполноты нашего учения, главнейшие: полемические и апологетические сочинения преосвященного Филарета (Разговор *испытующего* и проч.) и книга Андрея Муравьева *Правда* etc., на которую он на-

[1*] Ордонансы Карла X (*фр.*).
[2*] Суверенитета (верховной власти) народа (*фр.*).
[3*] Законности (*фр.*).

писал замечания по ее появлении, сообщенные Тургеневу еще в 1842 [году], а потом про себя подробное опровержение [67].

Прежде нежели делать ампутацию должно промыслить оператора и приготовить инструменты. Топором отрубишь ногу, так, но вместе с тем и жизнь отрубить недолго. У нас хотят уничтожить рабство — дело прекрасное, потому что рабство — язва, увечье. Но где у вас врачи, где инструменты? Разве ваше земская полиция, ваша внутренняя администрация готовы совершить искусно и благонадежно эту великую и трудную операцию? В этом заключается вся важность вопроса.

Перед домом, который занимает Киселев, есть панорама Парижа. Кто-то спросил Меншикова, что это за строение? «Это панорама, — отвечал он, — в которой Киселев показывает будущее благоденствие крестьян государственных имуществ».

Когда Киселев отнял у Канкрина Лесной институт и дачу, которую он для себя устроил, Канкрин сказал, что это министерство не только имуществ, но и преимуществ [68].

Врончеико рассказал мне, что Канкрин, говоря о нем в Париже с нашим поверенным в делах, Киселевым, хвалил его способности, но прибавил: «Боюсь, что он будет слишком *любострастен* к министрам». — Он хотел сказать подобострастен.

Bressan [Брессан] хотел дать для своего бенефиса «Marion de Lorme» [«Марион де Лорм»], уже пропущенную с некоторыми обрезками театральною ценсурою и гр. Орловым. Волконский потребовал пиесу и показал ее государю. Она подана ему была 14 декабря. Он попал на место, где говорится о виселицах, бросил книжку на пол и запретил представление [69].

14 нояб[ря] 1845.

Вчера был у гр[афини] Канкриной при открытии духовного завещания покойного графа. Из посторонних лиц были еще приглашены П. И. Полетика и сенатор граф Кушелев-Безбородко. Завещание написано в сентябре 1842 г. все собственноручно графом Канкрином по-русски. Начинается оно тем, что всем состоянием своим обязан он милостям государей, и особенно ныне царствующего императора, следовательно все благоприобретенное, и что может он располагать им по желанию своему. Жене оставляет он дом, кажется, какую-то деревню и весь капитал свой, все прочее ей же в пожизненное владение, но без *отчуждения.* С чувством особенной любви и нежности говорит он о жене своей, благодарит ее за попечения ее о нем, о воспитании детей, коим, к сожалению своему,

не мог он, по многотрудным своим государственным заботам, заняться, как желал бы того; извиняется перед нею, если по своему *холодному* или *суровому* нраву (не помню в точности выражение) не был он всегда внимателен к ней как бы следовало. Говорит, в одном месте, о трудах, понесенных им для *любезнейшей нашей России*, и о *неприятностях*, кои он испытал особенно в последнее время, прибавляя: *неприятелей имею, но их не заслужил*. Наличными деньгами, то есть билетами кредитных установлений, оставил он менее *пятисот тысяч рублей на ассигнации*. Графине известны были городские толки о бесчисленных миллионах, оставленных графом,— и она пригласила нас именно с намерением, чтобы были свидетелями того, что по духовному завещанию откроется, и для того, чтобы оправдать память мужа.

Киселев говорит о Врончeнко: это Каратыгин нашей министерской труппы. — В прениях Совета и Комитета министров он ужасно размахивает руками, хватается за парик [70].

Блудов говорит о Перовском (Лев Перовской, мин[истр] в[нутренних] д[ел]): «C'est toujours une bête, mais quelquefois c'est une bête féroce» [1*].

28 ф[евраля] 1846.

Отпевали Полевого в церкви Николы Морского, а похоронили на Волковом кладбище. Множество было народа. По-видимому, он пользовался популярностью. Я не подходил к гробу, но мне сказывали, что он лежал в халате и с небритою бородою, — такова была его последняя воля. Он оставил по себе жену, девять человек детей, около 60 000 р. долга и ни гроша в доме. По докладу графа Орлова, пожалована семейству его пенсия в 1000 р. сер[ебром]. В литераторском кругу — Одоевский, Сологуб и многие другие — затевают также что-нибудь, чтобы прийти в помощь семейству его. Я объявил, что охотно берусь содействовать всему, что будет служить свидетельством участия, вспомоществованием, а не торжественным изъявлением народной благодарности, которая должна быть разборчива в своих выборах. Полевой заслуживает участия и уважения как человек, который трудился, имел способности — но как он писал и что он писал, это другой вопрос. Вообще Полевой имел вредное влияние на литературу: из творений его, вероятно, ни одно не переживет его, а пагубный пример его переживет и, вероятно, надолго. «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» издаются по образу и подобию его. Полевой у нас родоначальник литературных наездников,

[1*] Это всегда животное, но иногда это хищный зверь (*фр.*).

каких-то кондотьери, ниспровергателей законных литературных властей. Он из первых приучил публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как кидают грязью в имена, освященные славою и общим уважением, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина. Белинский — Полевой, объевшийся белены[71].

Я первый готов советовать правительству не обольщаться умом, не думать, что каждый умный человек на все способен. Можно иметь много ума, здраво рассуждать о людях и вещах и все-таки не быть годным занять такое или другое место. Вольтер мог бы быть очень худым министром и даже директором департамента. Но, с другой стороны, позволю себе заметить правительству: что не следует и пугаться ума, отрекаться от него, как от сатаны, и всех дел его и поставить себе за правило, что глупость или, по крайней мере, пошлая посредственность одна благонадежна и вследствие сего растворять ей двери настежь во все правительственные места. Сенявин, товарищ министра внутренних дел, посажен в Сенат.

Есть у нас какое-то правило, по коему не определят человека губернатором в такую губернию, где он имеет поместье. Ребяческое соображение. Если человек добросовестен и честен, то не станет обижать чужих, в пользу своих. Если нет в нем чести и добросовестности, то не более и не менее станет он кривить душою и наживаться на счет ближнего. Напротив, есть более надежды, что дворянин, помещик той губернии, в которой он и губернатор, захочет поддержать свою честь и сделать себе почетное имя посреди природных своих сограждан. В экономическом отношении также есть выгода. В своей губернии, при пособиях деревни, губернатору жить дешевле и, следовательно, менее побуждений к лихоимству. Губернатор-пролетарий входит в чуждую ему губернию как в завоеванную землю. У него тут нет земляков и, следовательно, некого совеститься и стыдиться. Выгонят его с места, он не остается в губернии под судом и нареканием своих единоземцев и товарищей по дворянству. Правилу тому подобному и еще более несообразному следует правительство и в другом отношении: оно неохотно определяет людей по их склонностям, сочувствиям и умственным способностям. Оно полагает, что и тут человек не должен быть *у себя*, а все как-то пересажен, приставлен, привит, наперекор природе и образованию. Например, никогда не назначили бы Жуковского попечителем учебного округа, а суют на эти места Крафстрема, Траскина. А если Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостию, то, вероятно, переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время[72].

Адмирал Рикорд говорил о смерти Полевого: лучше умерло бы двадцать человек наших братьев генералов. Государь одним приказом мог бы пополнить убылые места, но назначения таких людей, как Полевой, делаются свыше.

В одно время с появлением статьи моей о подписке на сооружение памятника Крылову вышла и статья Булгарина о Крылове, где он между прочим меня ругал. Рикорд, повстречавшись со мною на Невском проспекте, сказал мне: «Благодарю вас, князь, за вашу прекрасную статью, славно написана, но спасибо и Фаддею, мастер писать, славно написал» [73].

Средняя цена во что обходится на заводе (в Малор[оссийских] губер[ниях]) приготовление ведра вина есть 45 к. с[еребром], таким образом, для достижения существующей ныне нормальной цены вину необходимо будет предполагаемый акциз определить в 1 р. сер[ебром].

По приблизительным сведениям выкуривается ежегодно вина:

в Черниг[овской] губ.	3 761 655
— Полт[авской] —	2 962 933
— Харьк[овской] —	2 646 753
	9 371 341

Ныне чистый государственный доход с трех губерний по винной части составляет 1 961 002 р.

С возвышением цены на вино потребление, а с тем вместе и приготовление его должно уменьшиться, допуская даже наполовину, то все-таки, при новом предположении, казенный доход возвысится до 4 685 670. Можно отдать этот акциз на откуп с уменьшением 15 процентов в виде опыта на два года. Увеличить еще акцизный сбор с шинков, разделяя их по удобствам местоположений на три разряда: с первых брать по 60, со вторых по 40, с третьих по 20 р. с. в год. Этою мерою без всяких насилий уменьшится необходимо число мест раздробительной продажи, и следовательно уменьшится в народе пьянство.

«Pour le protestant, l'écriture prime l'église comme autorité, et la conscience prime l'église comme interprète. Mais la conscience, ne prononce que pour celui qui la possède, et non pour autrui. Chacun sait qu'aucun homme ne peut remplacer pour lui sa propre consicence, dont les impulsions lui sont à coup sûr une règle plus certaine et plus claire que toutes celles qui lui seraient imposées du dehors par des gens, dont ce qu'il sait de plus positif, c'est qu'ils ne peuvent être ses juges en matière de foi. Les protestants ne repoussent le pape qu'à cause de cette prétention, même d'un jugement infaillible, et les gouvernements politiques ou les corps ecclésiastiques, qui dans la réforme prétendent dominer sur les convictions, en déterminant les questions de croyance, font une oeuvre tout aussi anti-chrétienne que celui qu'ils appellent „Antéchrist“ (Milton. „Semeur“, 25 févr. 1846).

Contraindre l'incrédule à revêtir les dehors de la foi, ou l'homme consiencieux à agir contre sa conscience, aboutit à un seul et même résultat, celui de les pousser l'un et l'autre dans la voie de l'hypocrisie et du péché. Est-ce ainsi que l'état comprend l'avancement de la gloire de dieu et du bien des âmes? Si tel n'est pas son but, tel est du moins l'effet de son influence et de son intervention dans les questions religieuses, en sorte que le mal, qu'il produit est en proportion directe de l'intérêt qu'il prend aux affaires de l'église» (Тут же. M i l t o n. Traité sur la doctrine chrétienne) [74].

[*Перевод*]

«Что касается протестанта, священное писание считает церковь авторитетом, совесть же расценивает ее только как посредника. Но совесть подымает свой голос только за того, кто ею обладает, а не за кого-либо иного. Каждому известно, что ни один человек не может передать ему свою совесть, внушения которой являются для него более верным и ясным руководством, нежели те, которые исходят от людей, извне. Потому что он знает, самым положительным образом, что люди не могут быть его судьями в области веры. Протестанты отрицают папу только в силу его претензии на право непреложного суждения; что же касается до политических правительств или корпораций духовенства, которые в реформе претендуют господствовать над убеждениями, ограничивая круг вопросов веры, то они совершают такое же антихристианское дело, как тот, кого они называют „Антихристом" (М и л ь т о н. «Сеятель». 25 февраля 1846 года).

Заставить неверующего приспособиться к внешним обрядам веры или совестливого человека поступить против совести, значит привести их к одному и тому же результату, толкнуть того и другого на путь лицемерия и греха. Неужели так понимает государство приближение славы божией и блага для человеческих душ? Если у него иная цель, то таков, по крайней мере, результат его влияния и его вмешательства в религиозные вопросы, так что зло им совершаемое находится в прямом отношении к интересу, который он проявляет к делам церкви» (М и л ь т о н. Трактат о христианском учении) (*фр.*).

Этим обличается нелепость и преступление религиозных обращений, предпринимаемых гражданскою властью, и уголовных наказаний, постигающих тех, которые добровольно, по собственному влечению совести, приемлют другое вероисповедание. Правительство не признает преступлением самое перекрещение христианина из одного вероисповедания в другое, ибо само побуждает и поощряет к перемене исповедания, но полагает правом своим заставить любить бога, служить и молиться ему, как оно хочет. Обращение униатов в православие род révocation de l'édit de Nantes [1*], с тою разницею, что протестующим не позволили бы переселиться в другое государство [75].

Mémoire sur l'instruction publique et la législation relativement à la Russie [2*] — К императору Александру от Лагарпа:

«Il faut que les Russes, tant gouverneurs que gouvernés perdent l'habitude des sauts en administration, laquelle est devenue pour eux une seconde

[1*] Отмены Нантского эдикта (*фр.*).

[2*] «Записка о народном образовании и законодательстве в России» (*фр.*).

nature, apprennent à connaître et à priser une marche lente et régulière, dont l'invariable gravité impose à tous et mette le gouvernement lui-même dans l'heureuse impuissance d'agir à la légère. (А мы и доныне все делаем скачками. Петр Великий делал скачки богатырские, а теперь делают детские скачки, то вперед, то назад, то в сторону). К этому есть выноска, где выставляется пример Пруссии:

«Les monarques prussiens sont absolus, et cependant ils n'osent se permettre *l'arbitraire* et leurs sujets jouissent d'un très haut degré de liberté. — Quelques ministres y ont aussi hasardé de temps en temps de couvrir du manteau royal leurs bévues et leurs mesures arbitraires; mais la fermeté des dicastères, qui armés d'arguments irrésistibles réclamaient d'un ton respectueux en faveur de la justice et du bon sens, les arrêta toujours à leur débat sans parlement et sans assemblée nationale». (Карамзин также, оспоривая реформы, предполагаемые Александром, говорил ему: «Commencez Sire, par tuer l'arbitraire»).

«Peu de nations — (говорит Лагарп) — méritent plus ce que vous destinez à la vôtre, Sire! Elle a du caractère, de l'audace, de la bonhomie et de la gaîté. (Он мог прибавить: «et beaucoup de bon sens»). Quel parti tirer de ces éléments et combien l'on en a abusé pour la rendre malheureuse et l'avilir»[1*]. Он советует, для исполнения сих реформ, употребить немцев и поляков, принадлежащих государству: «En employant indifféremment ces individus de tribus diverses, regardés trop souvent comme étrangers dans votre empire, vous leur prouverez qu'ils n'ont tous qu'une même patrie. Vous leur apprendrez à s'enorgueillir du nom de *citoyens russes*»[2*] — (чему и доныне научить не успели, а напротив, почти вовсе разучили).

[1*] Следует, чтобы русские, правители так же, как и управляемые, потеряли бы привычку скачков в управлении, которая превратилась как бы в их вторую природу, и научились бы познавать и ценить медленный и ровный ход событий, неизменная важность которого обязывает всех и ставит само правительство перед счастливой невозможностью действовать легкомысленно (*фр.*).

Прусские монархи не ограничены в своей власти, и однако они не осмеливаются прибегать к *произволу* и их подданные пользуются высшей степенью свободы.— Некоторые министры пытались там время от времени прикрывать свои ошибки и произвольные мероприятия—королевской мантией. Но твердость дикастеров, которые вооружившись неопровержимыми аргументами, почтительным тоном требовали правосудия и здравого смысла, всегда останавливала спор без парламента и без национального собрания [...]. Начните, государь, с уничтожения самовластия (*фр.*)

«Немногие нации, — говорит Лагарп, — более заслуживают того, что вы, государь, предназначаете для вашей. Она наделена характером, смелостью, добродушием и веселостью (он мог прибавить: и большим количеством здравого смысла). Какую выгоду можно извлечь из этих качеств и как ими злоупотребляли, чтобы сделать несчастной и унизить ее» (*фр.*).

[2*] Используя без различия этих разноплеменных лиц, которых в вашей империи слишком часто рассматривают как иностранцев, вы им докажете, что у них у всех одна родина. Вы их научите гордиться именем *русских граждан* (*фр.*).

«Vous voulez éclairer doucement votre peuple, le rendre digne d'apprécier les bienfaits de la liberté civile et l'en faire jouir sans qu'il puisse en abuser. Pour atteindre ces deux grands buts, Sire, c'est par les fondements et non par les décorations qu'il faut commencer. La Russie aura le bonheur unique de ne pas recourir à ces assemblées législatives, qui trompant presque partout l'espoir des gens de bien, auraient discrédité les principes, même s'ils pouvaient jamais l'être par les bévues de la pauvre humanité. Sa destinée lui a donné pour empereur un citoyen qui peut et qui veut pour elle, tout ce que ces assemblées auraient dû effectuer ailleurs.

Instruction et législation, appropriées aux besoins de votre empire, telles sont les deux grandes divisions de votre travail»[1*].

Он советует приготовлять исподволь освобождение крестьян, так сказать осуществить его на деле, не провозглашая свободы на словах, «faire du moins en faveur des cultivateurs mais en les préservant toujours *sous le point de vue d'obtenir une simplification d'économie,* en se gardant bien de laisser échapper un mot en faveur de la liberté»[2*], —так, говорит он, поступлено было в Дании. Он советует начать с казенных крестьян и вообще советует ни в чем не торопиться: «J'ose donc vous en conjurer pour l'amour des principes, pour le bien que vous voulez aux hommes, pour votre sûreté et pour votre gloire, opposez-vous avec force à tout ce qui précipiterait le temps. Je parle à un monarque citoyen, et crois agir conformément aux vrais principes en insistant auprès de lui, pour qu'il conserve *intacte* l'autorité dont il ne veut faire qu'un bon usage»[3*].

Этими словами кончает он: «Alexandre peut-être aimable et bon en société; l'empereur doit être grave, sévère, ami de l'ordre, inaccessible aux

---

[1*] Вы хотите понемногу просвещать народ, сделать его способным оценить блага гражданской свободы и дать ему возможность наслаждаться этим благом, не злоупотребляя им. Для того, чтобы приблизиться к этим двум великим целям, государь, надо начинать с фундамента, а не декораций. Россия будет единственной счастливицей, которая обойдется без законодательных собраний, почти повсеместно обманывающих надежды благонамеренных людей; они были бы готовы развенчать и принципы, если бы таковые и возникли, в силу заблуждений бедного человечества. Судьба России подарила ей в качестве императора гражданина, который хочет сделать для нее все то, что эти собрания должны были бы совершить в других странах.

Образование и законодательство, приуроченные к потребностям вашей империи,— таковы два великих раздела вашего труда (*фр.*).

[2*] Осуществлять в пользу земледельцев, но все время охраняя их *под видом достижения более упрощенной экономики* и воздерживаясь проронить хотя бы одно слово в защиту свободы (*фр.*).

[3*] Итак, я осмеливаюсь умолять вас, ради любви к принципам, ради блага, которое вы желаете принести людям, ради вашей безопасности и вашей славы, твердо возражайте против всего, что преждевременно. Я обращаюсь к монарху-гражданину и и полагаю, что действую согласно истинным принципам, настаивая,чтобы он сохранил в *неприкосновенности* свою власть, которую он хочет использовать только для добрых целей (*фр.*).

petites considérations, inébranlable dans sa marche, *homme de la nation entière* et non pas celui des ministres et des courtisans»[1*].

Выше, говоря о составлении Совета при министерстве народного просвещения, он продолжает: «Le ministre serait chargé du travail courant auprès de V. M. I. et afin qu'elle pût toujours voir clair, il faudrait qu'elle admit tous les 8 ou 15 jours au moins les membres du conseil devant elle»[2*][76].

Lettres et instructions de Louis XVIII au Comte de St-Priest, précédées d'une notice par M. de Barante 1845[3*]. Письма и инструкции довольно малозначительны, но статья Баранта очень хороша. Говоря о St-Priest [Сен-При], он мимоходом рассказывает умно, ясно ход революции. Рюльер сказал о Верженe: «*Une médiocrité imposante*»[4*]. Барант говорит, что этот приговор несправедлив. «M-r de Calonne était un homme, dont la conversation brillante et facile séduisait une société frivole, et même des gens plus sérieux; mais il n'avait aucune connaissance positive, ni pratique des affaires. Il appartenait tout entier à cette *époque de projets, d'engouements, d'opinions tranchantes, de présomption et d'imprévoyance*»[5*].

Не похож ли портрет на Киселева?——

Королева говорила: «Hélas! il n'y a plus de bonheur pour moi depuis qu'ils m'ont faite intrigante. Les reines ne peuvent être heureuses qu'en ne se mêlant de rien. Je cède à la nécessité et à ma mauvaise destinée»[6*].— Неккер espérait que l'opinion publique serait à la fois sage et forte; il jouissait de son immense popularité et la croyait une puissance.—— Mais nul homme d'état ne fut jamais moins armé en guerre pour entrer dans les luttes d'une révolution[7*].—

[1*] Александр может быть любезен и добр в обществе; император должен быть серьезен, строг, он должен быть другом порядка, он должен быть недоступен для мелких соображений, непоколебим в своем продвижении вперед, *он — человек, принадлежащий всей нации*, а не только министрам и придворным (*фр.*).

[2*] Министру следовало бы поручить вести всю текущую работу при в[ашем] и[мператорском] в[еличестве]; для большей ясности в делах вам надлежало бы один раз в 8 или по крайней мере в 15 дней созывать членов совета (*фр.*).

[3*] Письма и инструкции Людовика XVIII к графу де Сен-При, с предисловием г-на де Баранта 1845 (*фр.*).

[4*] Величественная посредственность (*фр.*).

[5*] Г-н де Калонн был человеком, блестящая и легкая беседа которого привлекала не только легкомысленное общество, но даже и более серьезных людей; но он не обладал ни положительными сведениями, ни практическим знанием дел. Он всецело принадлежал этой эпохе прожектерства, пристрастия к резким мнениям, тщеславия и непредусмотрительности (*фр.*).

[6*] Увы! для меня не существует больше счастья с тех пор, как они меня сделали интриганкой. Королевы могут быть счастливы, только не вмешиваясь ни во что. Я уступаю необходимости и моей печальной судьбе (*фр.*).

[7*] Надеялся, что общественное мнение будет одновременно сильным и мудрым. Он пользовался своей огромной популярностью и считал его могуществом.—— Но ни один государственный деятель не был менее вооружен, чем он, для того, чтобы вступить в революционную борьбу (*фр.*).

Когда в королевском совете толковали о выборе места для собрания des états généraux [1*] и поочередно называли Париж, Тур, Троа, Орлеан,— король все молчал,— наконец сказал: «ce ne peut-être que Versailles, à cause des chasses» [2*]. Другой в подобных обстоятельствах мог бы выбрать место не по поводу охоты, а по поводу разводов. Когда Неккер советовал королю, после Версальской передряги, перенестись в Париж, St-Priest [Сен-При] сказал: «Sire, si vous êtes conduit demain à Paris, votre couronne est perdue» [3*]. — Мирабо обвинял St-Priest [Сен-При] в Собрании, что когда парижские бабы требовали хлеба 5 Октября, он будто отвечал им: «Quand vous aviez un roi vous aviez du pain; aujourd'hui vous en avez douze cents, allez leur en demander» [4*]. St-Priest [Сен-При] [отказывался?] от слов, ему приписываемых враждою Мирабо, который ненавидел его, «peut-être,— говорит Барант,— parce qu'il lui savait plus de hardiesse et de résolution qu'aux autres» [5*]. Король не доверял вполне ни министрам своим, ни частным и *подспудным* советникам (чтобы не сказать *тайным советникам*), ни агентам своим, которых он употреблял то по внутренним интригам, то по внешним перепискам. Между тем он мало обманывал себя: пытался противоборствовать революции, но с безнадежностью (découragement): уступал ей, но с отвращением. «Je finirai comme les rois faibles,— говорил он часто,— on me tuera» [6*]. Побуждения его были чисты, он был справедлив и нравствен; он желал блага своему государству, но так же вяло, как самому себе, не стесняясь, не приневоливая себя ни в чем, не выходя из круга своих привычек, не налагая на себя ни забот, ни труда. Никогда не ободрял он никого из служивших ему ни словом одобрения, ни похвалы; il ne faisait nul accueil à un étranger. Sa bonté n'avait rien d'expansif, ni de sympathique, c'était une forme de sa faiblesse [7*].— St-Priest [Сен-При] отправлен был в Петербург. Le prince Potemkin vivait encore et avait une haute position, mais l'amant favori de Catherine etait alors Zuboff. M-r de St-Priest se souvient de M-me de Pompadour, qu'il avait vue ainsi, permettant les infidélités du Roi, et même les favorisant, en gardant la position officielle de maîtresse; seulement les amours de Catherine ne l'empêchaient point d'être un grand souverain [8*]. Екатерина приняла его очень милостиво, но не очень под-

---

[1*] Генеральных штатов (*фр.*).

[2*] Это может происходить только в Версале, так как там есть возможность поохотиться (*фр.*).

[3*] Государь, если вы поедете завтра в Париж, ваша корона будет потеряна (*фр.*).

[4*] Когда у вас был один король, вы имели хлеб; сегодня у вас их двенадцать сотен, просите хлеба у них (*фр.*).

[5*] Быть может,— говорит Барант,— потому что он считал его более смелым и решительным, чем других (*фр.*).

[6*] Я кончу, как все слабые короли,— говорил он часто,— меня убьют (*фр.*).

[7*] Он не принимал никого из иностранцев. Его доброта не отличалась ни экспансивностью, ни мягкостью; это было только проявление его слабости (*фр.*).

[8*] Князь Потемкин был еще жив; он еще имел высокое положение, но любовником-фаворитом Екатерины был в то время Зубов. Г-н де Сен-При вспоминает о госпоже

давалась видам его и предложениям: «Je n'ai nul droit,— говорила она,— à me mêler des affaires intérieures de la France. J'ai pour principe,— прибавила она,— de ne point commencer une entreprise nouvelle avant d'avoir terminé celle dont je suis occupée. J'ai sur les bras une guerre avec les Turcs dont je veux atteindre la fin»[1*]. Барант говорит, что не Турция озабочивала ее, а раздел Польши, который она предвидела et qu'elle voulait être en mesure d'accomplir.— «Nous savons bien que M. de Lafayette sauverait le roi, — говорили в Тюллерийском дворце, — mais il ne sauverait pas la royauté. Si M-r de Lafayette nous sauve,— говорила madame Elisabeth,— qui nous sauvera de M-r de Lafayette?»[2*] Королева, говоря о принце Конде, военном предводителе эмиграции, которого она никогда не любила, сказала: «il serait pourtant dur d'être sauvé par ce maudit borgne»[3*77] То же мог сказать Александр о Кутузове, которого он также не любил. (Д. П. Бутурлин рассказывал мне слышанное им от гр[афа] Комаровского, который был дежурным при государе в день, когда Кутузов призван был в Каменно-Островский дворец для принятия начальства над армиею в 1812 г. Час, назначенный для свидания, наступил, прошло еще несколько времени, Кутузов не являлся. Государь с нетерпением и гневом осведомлялся: приехал ли он? едет ли? Несколько фельдъегеров разослано было во все стороны, чтобы узнать, что с ним делается. Наконец, приехали с известием, что Кутузов в Казанском соборе служит молебен. Приехал, долго был в кабинете государя, государь проводил его до передней комнаты, возвращаясь один к себе, мимо Комаровского, сказал ему: «ce n'est pas moi, qui l'ai voulu, c'est la nation. Quant à moi, потирая руки себе, je m'en lave les mains»)[4*78].

Павел, на просьбу Людовика XVIII, дал ему убежище в маленьком княжестве Геверском (Gevers) в Вестфалии, принадлежащем ему по наследству по кончине Екатерины.— Людовик XVIII прислал императору Павлу из Митавы, чрез аббата Еджеворта, орден св. Лазаря. Император рассердился и не принял ордена, как второстепенного. Прислан был орден св. Духа. Описывая жизнь короля в Митаве, где он завел себе

де Помпадур, которую он видел в таком же положении, допускающей и даже поощряющей неверности короля, но сохраняющей официальное положение любовницы. Разница в том, что любовные связи Екатерины не мешали ей быть великой государыней (*фр.*).

[1*] Я не имею никакого права,— говорила она,— вмешиваться во внутренние дела Франции. Мое правило,— прибавила она,— никогда не предпринимать ничего нового, не закончив того дела, которым я занята. У меня на руках война с турками и я хочу довести ее до конца (*фр.*).

[2*] И хотела быть в силах его совершить.— «Мы хорошо знаем, что г-н де Лафайет мог спасти короля,... но он не смог бы спасти королевскую власть. Если г-н де Лафайет нас спасает, — говорила госпожа Элизабет,— кто же нас спасет от г-на де Лафайета?» (*фр.*).

[3*] Было бы, однако, жестоко быть спасенной этим проклятым кривым (*фр.*).

[4*] Не я, а нация его хотела. Что до меня... я умываю руки (*фр.*).

Версальский двор со всеми обрядами, интригами царедворцев и где, dans une calme et douce position fondée sur la conscience béate de son droit, semblait se croire en jouissance de l'essentiel de la royauté[1*], Барант говорит: «Les hommes sensés, le voyant si satisfait, le plaignaient, non point, de ses malheurs, mais de *son contentement*» [2*].

St-Priest [Сен-При] родился 12 марта 1735 г. и умер 26 февраля 1821 г. Он отец нашего генерала St-Priest [Сен-При]. Отвечая St-Priest [Сен-При] на Mémoire [Записку], им поднесенный королю в 1799 г. о восстановлении королевской власти во Франции с некоторыми уступками духу времени и силе совершившихся событий, Людовик XVIII сказал между прочим: «Si je suis un jour roi de fait, comme je le suis de droit, je veux l'être *par la grâce de Dieu*» [3*]. Многие тогда осмеивали, и осмеивают и ныне, королевские замашки этого царя без престола и даже забытого и частью незнаемого народом, от которого он отречься не хотел, но как бы то ни было события доказали, что голос внутренний, который поддерживал и руководил его, был не обманчив, а голос промысла. Он на своем поставил: возвратился во Францию королем и королем в ней умер.— По указанию Баранта, в императорской нашей библиотеке есть письмо Людовика XVIII от 6 июня 1800 г. к Павлу I с изъяснением благодарности за великодушные поступки его и с приложением d'un projet très ingénieux du roi pour la fusion des deux calendriers grec et romain [4*], писанный собственноручно.— Из записки St-Priest [Сен-При] о Турции, в которой он был послом, Napoleon a puisé l'idée de son expédition d'Egypte [5*] [79].

Sr-Priest [Сен-При] получил от Екатерины Св. Андрея и пенсию.

11-го июня 1846. Дача Маринина.

Говоря о жестокостях французов в Алжире, Ламартин превосходно сказал в Палате Депутатов 10 июня 1846 года:

«Il y a quelque chose de plus cruel, en effet, que la cruauté individuelle, c'est la cruauté froide d'un système faux.— — Il y a quelque chose de plus cruel que Néron et Tibère» [6*],— говорит он перед этим.

[1*] В спокойном и приятном положении, основанном на блаженном сознании своего права, он, казалось, чувствовал себя владеющим основной сущностью королевской власти (*фр.*).

[2*] Рассудительные люди, видя его столь удовлетворенным, жалели его не за его несчастья, но за его довольство своим положением (*фр.*).

[3*] Если я буду когда-нибудь королем на деле, так же как я являюсь им по праву, то я хочу, чтобы это совершилось *милостью божией* (*фр.*)

[4*] Искусного проекта короля о слиянии греческого и римского календаря (*фр.*).

[5*] Наполеон почерпнул мысль о походе в Египет (*фр.*).

[6*] В самом деле, существует нечто более жестокое, нежели жестокость отдельных лиц, это холодная жестокость ложной системы. — — Существует нечто более жестокое, нежели Нерон и Тиберий (*фр.*).

«Tout peut s'écrire,— говорит Гизо,— et il n'y a pas d'absurdité qui ne trouve une tête pour s'y nicher»[1*].

Граф Канкрин, во все свое слишком двадцатилетнее министерство не отметил *секретно*, *нужно*, *весьма нужно*, сколько Вронченко отметил в месяц. Все это вывеска большой мелкости. Глядя на большую часть этих бумаг, спрашивается: для чего они *нужны* и от кого они *секретны*? Может быть еще секрет, когда бумага пишется от лица к лицу непосредственно, собственноручно. Но какой секрет в бумаге, которая прошла чрез два или три канцелярские мытарства?

Василий Перовский, принимая морское ведомство, когда оно являлось к нему, сказал: «Теперь, что казак управляет морскою силою можно надеяться, что дела хорошо пойдут». Частные лица, даже сами действующие лица, по-русскому благоразумию и русской смышлености, сейчас схватывают смешную и лживую сторону каждого неправильного положения; но власть лишена у нас этого природного и народного чутья. Разумеется, и Меншиков был импровизированный моряк, но Меншиков a la spécialité d'être un homme universel[2*], а что нашли морского в Перовском? Разве неудачный поход его в Хиву на верблюдах, названных, кажется Шатобрианом, les vaisseaux du désert[3*] [80].

Le Peuple par Michelet [Народ, соч. Мишле][81]. Среди многих нелепостей, громких и пустых фраз, проявляются и истины. Вообще довольно верно то, что он осуждает, но когда начнет советовать, учить, преподавать, тут не только ум за разум, но вранье за горячку переходит. «Надобно,— говорит он,— преподавать: la patrie comme dogme et principe, puis la patrie comme légende. Nos deux rédemptions par la sainte pucelle d'Orléans, par la révolution, l'élan de 92, le miracle du jeune drapeau, nos jeunes généraux admirés, pleurés de l'ennemi, la pureté de Marceau, de magnanimité de Hoche, la gloire d'Arcole et d'Austerlitz etc. etc.»[4*], а почему же не прибавляет он l'humiliation de Waterloo[5*], ибо нет сомнения, что Аустерлиц, рано или поздно, должен был кончиться Ватерло или добровольною смертью Европы, чего ожидать было нельзя. Во многих местах

1* Написать можно обо всем,— говорит Гизо,— и нет такой нелепости, которая не нашла бы головы, чтобы приютиться в ней (*фр.*).

2* Имеет специальность быть универсальным человеком (*фр.*).

3* Кораблями пустыни (*фр*).

4* Родину как догмат и принцип, затем родину как легенду. Мы имели два искупления: через Орлеанскую девственницу и через революцию, мы имели порыв 92 года, чудо молодого знамени, молодых генералов, которыми восхищался и которых оплакивал враг, чистоту Марсо, великодушие Гоша, славу Арколя и Аустерлица и т. д. (*фр.*).

5* Унижение Ватерлоо (*фр.*).

он подражает Мицкевичу, но в Мицкевиче, под туманом заблуждений, все-таки теплится, светится какая-то вера, верование, а в Мишеле все это театрально, пустозвучно. «Rome est le pontificat du temps obscur, la royauté de l'équivoque, et la France a été le pontife du temps de lumière» [1*]. Следующее замечание довольно справедливо: «Toute autre histoire est mutilée, la nôtre seule est complète; prenez l'histoire d'Italie, il y manque les derniers siècles; prenez l'histoire de l'Allemagne, de l'Angleterre, il y manque les premiers; prenez celle de la France; avec elle, vous savez le monde» [2*].

Но вопрос: чему учиться из этой истории: тому ли, что должно делать, или тому, чего избегать должно, чего делать не должно? Главная мысль сочинения также справедлива, что вообще говоря о *peuple* [народе] принимают всегда за целое некоторые части его: une classe peu naturelle, dépravée; ce n'est point là le peuple, il faut le prendre dans sa masse, dans sa profondeur [3*]. Сравнение *детей* и *народа*: l'enfant explique le peuple,— l'instinct de l'enfant n'est pas pervers, ni l'instinct des peuples — enfants [4*]. И у нас несправедливо было бы изучать и оценивать *народ* (у нас нет слова *peuple* в этом особенном значении). *Крестьянство — христианство, мир православный*; в городских фабричниках, в мастеровых, в дворовых. Ищите его ниже, то есть глубже.— C'est une grande gloire que nos vieilles communes de France, d'avoir trouvé les premières le vrai nom de la patrie. Dans leur simplicité pleine de sens et de profondeur, elles l'appelaient: *l'amitié* (La patrie n'était encore que dans la commune: on disait: *l'amitié* de Lille, *l'amitié* d'Aire etc.) [5*].

Когда вошло у нас в употребление слово: *отечество*? Жаль, что оно принадлежит среднему роду. Оно облекается в какое-то отвлеченное понятие. Нельзя олицетворить его: отечество, отечествие, отчизна, отчина, все это более тесное значение места родины, последовательности от отца. *Отечество*, *отчество* слишком сходны одно с другим. Нет слова *patriotisme*, *patriote* [6*]. *Любовь к отечеству*, холодное и неправильное выражение: означает отношение к чему-то, а не чувство чего-то — Vaterland [7*].

[1*] Рим — это первосвященство темных времен, царство двусмысленностей, Франция же была первосвященником светлого времени (*фр.*).

[2*] История всех других стран искажена, только наша сохранила свою целостность; возьмите историю Италии, в ней отсутствуют последние столетия; возьмите историю Германии, Англии — там нет первых веков. Возьмите историю Франции; читая ее, вы узнаете мир (*фр.*).

[3*] Класс, мало естественный и развращенный; это совсем не народ, его надо брать в массе, во всей его глубине (*фр.*).

[4*] Ребенок служит объяснением народу. Инстинкт ребенка не может быть извращенным так же, как и инстинкт народов-детей (*фр.*).

[5*] Великая слава нашим старым французским коммунам, что они первые нашли истинное имя для родины. В своей простоте, полной глубины и здравого смысла, они называли ее: *дружба* (Родина была еще только в коммуне; говорили: *дружба* Лилля, *дружба* Эра) (*фр.*).

[6*] Патриотизм, патриот (*фр.*).

[7*] Отечество (*нем.*).

Меншиков, говорят, вне опасности и выздоровливает. Стало быть Перовский — адмирал на час[82].

Когда старику Пашкову, кажется, Василию Александровичу, дали Андрея и все удивлялись, спрашивая за что, Меншиков сказал, что за службу его по морскому ведомству: «он десять лет не сходит с судна».

Тютчев говорит, что Нессельроде напоминает ему египетских богов, которые скрывались в овощи: «On sent bien qu'il y a un dieu, caché là-dessous, mais on ne voit qu'un légume» [1*].

«Imaginez-vous le Tout-Puissant capricieux»[2*],— говорил он о ком-то[83].

Глотка греческое слово, по-французски glotte, petite fente du larynx[3*]. В академическом русском словаре не обращено внимания на греческое происхождение некоторых наших слов, а если и бывают ссылки, то на латинские слова.

«Le vrai est ‹ce qu'il peut› comme il peut, et n'a de mérite que d'être ce qu'il est» (M-me de Staal-Delaunay)[4*][84].

«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», говорили славяне, призывая варягов. И ныне то же можем сказать и говорим. Россия в этом отношении все еще та же. Нынешнее немецкое владычество в администрации России повторение Норманского. И тогда славянский народ не онорманили, и ныне русский народ не онемечили, но официальная Россия — не русская. Слова Погодина: влияние варягов на славян было более наружное, они образовали государство,— может быть применено ныне к немцам и вообще к иноплеменному люду. Разница разве в том, что норманская, то есть иноплеменная сила, воплотилась во втором периоде в русском Петре. Но и он, вероятно, находил, что наша земля велика и обильна, а наряда в ней нет, и призывал немцев на помощь[85].

28 октября 1846.

Странная моя участь: из мытаря делаюсь ростовщиком, из вице-директора департамента внешней торговли становлюсь управляющим в Государственный Заемный банк. Что в этих должностях, в сфере этих действий есть общего, сочувственного со мною? Ровно ничего. Все это про-

---

[1*] Чувствуется, что здесь внутри скрывается бог, но не видно ничего кроме овоща (*фр.*).

[2*] Вообразите себе всемогущего господина капризным (*фр.*).

[3*] Маленькая щель в гортани (*фр.*).

[4*] Истина такова, какою может быть, и не имеет другой заслуги как быть тем, что она есть (г-жа де Сталь-Делонэ) (*фр.*).

тивоестественно, а именно потому так быть и должно, по русскому обычаю и порядку. Правительство наше признает послаблением, пагубною уступчивостью советоваться с природными способностями и склонностями человека при назначении его на место. Человек рожден стоять на ногах: именно потому и надобно поставить его на руки и сказать ему: иди! А не то, что значит власть, когда она подчиняется общему порядку и течению вещей. К тому же тут действует и опасение: человек на своем месте делается некоторою силою, самобытностью, а власть хочет иметь одни орудия, часто кривые, неудобные, но зато более зависимые от ее воли.

22-го числа октября призвал меня Вронченко и предложил мне это место. Я представил ему слегка свои возражения, говоря, что это место менее всего соответствует моим способностям, привычкам etc. Но, разумеется, эти возражения не могли иметь ни веса, ни значения, ибо они были в противоречии с общим положением дел в России. Что дано мне от природы — в службе моей подавлено, отложено в сторону: призываются к делу, применяются к действию именно мои недостатки. У меня нет никакой способности к *положительному делопроизодству*, счеты, бухгалтерия, цифры для меня тарабарская грамота, от коей кружится голова и изнемогают все способности, все силы умственные и духовные: к ним-то меня и приковывают роковыми кандалами. Было бы это случай, исключение, падающее на мою долю — делать нечего, беда моя, да и только. Знать, так на роду моем написано; но дело в том, что это общее правило, и мое несчастие есть вместе и несчастие целой России.— На конце поприща моего я вхожу в темный бор людей и дел. Все мне незнакомо и все в противоположности с внутренними моими стихиями.

Меня герметически закупоривают в банке и говорят: дыши, действуй.

Вероятно, никто не встречал нового назначения и повышения с таким меланхолическим чувством, как я. Впрочем, все мои ощущения, даже и самые светлые и радостные, окончательно сводятся во мне в чувство глубокого уныния.

15 авг[уста] 1847.

Я писал Жуковскому о нашей народной и руссо-славной школе: «Tout ce qui n'est pas clair n'est point français» [1*], говорят французы в отношении к языку и слогу.— Всякая мысль не ясная, не простая, всякое учение, не легко применяемое к действительности, всякое слово, которое не легко воплощается в дело, не русские мысль, учение, слово. В чувстве этой народности есть что-то гордое, но вместе с тем и холопское. Как пруссаки ненавидят нас потому, что мы им помогли и выручили их из беды, так наши восточники ненавидят Запад. Думать, что мы и без Запада справились бы — то же, что думать, что и без солнца могло бы светло быть

[1*] Все, что неясно — то не по-французски (*фр.*).

на земле. Наше время, против которого нынешнее протестует, дало однако же России 12-й год, Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина. Увидим, что даст нынешнее. Пока еще ничего не дало. Оно умалило, сузило умы. Выдумывать новое просвещение, на славянских началах, из славянских стихий — смешно и безрассудно. Да и где эти начала, эти стихии? Отказываться от того просвещения, которое ныне имеем, в чаянии другого просвещения, более родного, более к нам приноровленного, то же, что ломать дом, в котором мы кое-как уже обжились и обзавелись, потому что по каким-то преданиям, гаданиям, ворожейкам где-то, в какой-то потаенной, заветной каменоломне должен непременно скрываться камень-самородок, из которого можно построить такие дивные палаты, что пред ними все нынешние дворцы будут казаться просто нужниками. Вот эти руссославы и ходят все кругом этого места, где таится клад, с припевами, заговорками, заклятьями и проклятьями Западу, а все ничего вызвать и осуществить не могут. Один пар бьет столбом из-под обетованной их земли. Эти руссославы гораздо более немцы, чем русские[86].

29 июня 1555—1557 достигнув Переволока, Шемякин отрядил князя *Александра Вяземского*, который близ Черного острова встретил и побил несколько сот астраханцев — (Поход на Астрахань. Царствование Иоанна. Карамзин)[87].

Вигель, в записках своих упоминая о Козодавлеве, говорит между прочим, что он был и добрый человек и даже не худой христианин, но видно было из всего поведения и поступков его, что он более надеялся на *милосердие божие*, нежели на *правосудие*. В записках его много злости и много злопамятности, но много и живости в рассказе и в изображении лиц. Верить им слепо, кажется, не должно. Сколько мог я заметить, есть и сбивчивость и анахронизмы в событиях. К тому же он многое писал по городским слухам, а не всегда имел возможность проникать в сокровенные причины описываемых им явлений, а мы знаем, как слухи служат иногда неверными и часто совершенно лживыми отголосками событий. Со всем тем эти записки очень любопытны и Россия со всеми своими оттенками политическими, правительственными, литературными, общежительными, включая столицы и провинцию, и личностями отражается в них довольно полно, хотя, может быть, и не всегда безошибочно и непогрешительно верно.

Вчера вечером читал он у нас многие отрывки из них.
17 окт[ября] 1847[88]

5 декабря 1848.

Сейчас узнаю, что я пожалован кавалером ордена Св. Станислава I-й степени. Видно, что я устарел и что дух во мне укротился. Эта ми-

лость меня не взбесила, а разве только немножко сердит. Во все продолжение службы моей я только и хлопотал о том, чтобы не получать крестов, а чтобы срочные, оказываемые мне милости обращались в наличные награждения, а не личные. При графе Канкрине я успевал в этом. Мои нынешние сношения с министром уже не таковы. Ордена в некотором отношении, похожи на детские болезни: корь, скарлатину. Если не перенесешь их в свое время, то есть в молодых летах, то можешь подвергнуться действию их на старости лет. Бог помиловал меня до нынешнего дня, но неминуемая скарлатина I-го Станислава постигла и меня на 56 году жизни моей. Поздненько, но не можно сказать: vaut mieux tard que jamais[1*]. Всего забавнее, всего досаднее, что должно будет еще благодарить за это.

Прошлого года по представлению моему не дали I-го Станислава Скурыдину, потому что я его не имел. Теперь могу привить его другим. La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a[2*].

Впрочем, все это, может быть, к лучшему. Лишениями, оскорблениями по службе нельзя было бы задеть мое самолюбие. Провидение усмиряет мое самолюбие ниспосылаемыми мне милостями. Все мои сверстники далеко ушли от меня. Отличие, полученное мною, ни от кого меня не отличает, а, напротив, более прежнего записывает в число рядовых и дюжинных. Когда я ничего не получал, я мог ставить себя выше других или, по крайней мере, поодаль, особняком. Теперь, получив то, чего не мог не получить, самолюбию моему уже нет никакой уловки, никакой отрады. Оно подрезывается под общую мерку и должно стать на уровень со всеми.

Боюсь только, чтобы не оскорбился Политковский, видя, что я догнал его.

6 февраля 1849.

Представлялся сегодня государю благодарить за Станислава. Кажется с 39-го или с 40-го года не был я во дворце. Государь говорил мне о моей *пирушке* в честь Жуковского и о желании, чтобы он скорее возвратился. Я нашел, что государь очень переменился в лице: что-то как будто растянулось в чертах и поблекло[89].

[1*] Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

[2*] Самая красивая девушка не может подарить более того, чем обладает (*фр.*).

КНИЖКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ[1]
(1838—1848)

Выписки об Англии. Брайтон, 20 (н. с.) сент. 1838[2].

Punch, le polichinelle anglais[1*]. Пюклер рассказывает все содержание и весь ход этой национальной кукольной комедии. Есть сходство с тою, которая у нас представляется.

Говорят, что дома не только арендуются на столько-то лет, но и продаются в вечное и потомственное владение. Вообще дома строются на *живую нитку*, «de là vient,— говорит Пюклер,— que dans les maisons de Londres on n'est pas toujours sur de sa vie»[2*]. Мой *Mensbier* [Менсбир] сказывал мне, что ему однажды хотелось выучить вальсу знакомых ему девушек, но он не мог продолжать, потому что стены дома тряслись, а надобно знать, что Менсбир тень человека, убившего плоть свою на уроки немецкого языка, род мученика Феодосия.

[Сравнение благосостояния Франции и Англии] «Далее Пюклер приводит еще сильнейшее доказательство в пользу Англии. По исчислению его в Англии занимается хлебопашеством пятая часть целого народонаселения 3 королевств. Во Франции le quatre cinquième. Et suit de là, qu'il reste dans le premier pays les 4 cinquièmes pour les manufactures, le commerce et les autres professions, tandis qu'en France, il ne reste qu'in cinquième[3*]. (После этого предстоит вопрос: что желательнее в нравственном отношении, не говорю чисто политическом, иметь *богатое государство* или большее число *посредственно достаточных людей?* Впрочем, Франция не пример, после 50-летней передряги и нескольких столетий, готовивших эту передрягу.

[1*] Панч—английский полишинель (*фр.*).

[2*] Отсюда происходит,— говорит Пюклер,— что вы никогда не уверены в своей жизни, живя в лондонских домах (*фр.*).

[3*] Четыре пятых. Отсюда следует, что в первой стране четыре пятых остаются для промышленности, торговли и других профессий, в то время как во Франции остается лишь пятая часть (*фр.*).

В каком-то английском романе сказано: «C'est bien vrai, répond un français, un duc cirait mes bottes à Naples et à Pétersbourg un prince russe me rasait tous les matins»[1*].

Ship est la terminaison ordinaire du titre. Une fille de marque ladyship[2*]. Пюклер называет каких-то девиц véritables celships anglaises. *Cel* signifie anguille[3*]. По-русски лучше: *стерлядьшип*, потому что есть что-то *стерляжье* в английской продолговатости, желтизне и речной природе. Недаром говорю, что во всем есть здесь что-то корабельное. Английский *шип*, наш *вичь* омоним *корабля*, родоначальника английского могущества и дворянства англичан между народами[3].

Poètes populaires, ou ouvriers de la France: Jasmin (perruquier), Beureville (potier d'étain), Théodore Le Breton (ouvrier dans une fabrique d'indiennes), Magu (tisserand), Reboul (boulanger), Durand (menuisier), Hégésippe Moreau (compositeur d'imprimerie)[4*].

Lecteurs, laissez tomber une noble indulgence,
Car peut être ces vers sont mes derniers accords:
Oui, de mes jours flétris déjà j'use la trame
La pensée a brisé mon âme,
Le travail a brisé mon corps.

(«Heures de repos d'un ouvrier», poésies de Le Breton, publiées en 1837)[5*][4].

Ella a mio sangue
Io l'ho tradita[6*],

поет Тамбурини в финале «Lucia». Sa voix descend jusqu'au la grave et

---

[1*] Совершенная правда,— отвечал один француз,— что в Неаполе какой-то герцог чистил мне сапоги, а в Петербурге один русский князь ежедневно меня брил (*фр.*).

[2*] Шип — это обычное окончание титула. Именитая девушка — лэдишип (*фр.*).

[3*] Настоящие английские сельшип. Сель по-английски значит угорь (*фр.*).

[4*] Французские поэты из народа или из рабочих: Жасмен (парикмахер), Бёрвиль (лудильщик), Теодор ле Бретон (рабочий на фабрике хлопчатобумажных тканей), Магю (ткач), Ребуль (пекарь), Дюран (плотник), Эжезипп Моро (наборщик) (*фр.*).

[5*] Читатели, проявите благородную снисходительность, так как, может быть, эти стихи будут моими последними аккордами:

Да, мною изношены нити моих уже увядших дней,
Мысль разбила мою душу,
Труд разбил мое тело.

(«Часы отдыха одного рабочего», стихотворения ле Бретона, изданные в 1837 г.) (*фр.*).

[6*] В ней моя кровь
И я ее предал (*итал.*).

monte jusqu'au fa aigu. C'est un baryton, mais de ceux, que leur organe rend propres à chanter même les parties basses[1*] [5].

Мое письмо к доктору Арендту.

В болезнь мою, я поручал жене передать вам после моей смерти мои Брегетовые часы. Но вы умереть мне не дали, и я нахожу гораздо приличнее и приятнее еще заживо просить вас, почтеннейший и любезнейший Николай Федорович, принять их от меня и хранить на память о ваших искусных и дружеских обо мне попечениях и на память о неизменной благодарности телесно и душевно вам преданного и обязанного

Вяземского.

13 марта 1842. Петербург.

На другой день Арендт привез мне часы обратно и просил дозволить ему хранить одну записку. Он никогда не хотел брать от меня денег за лечение [6].

1* ... «Лючии». Его голос спускается до нижнего *ля* и подымается до верхнего *фа*. Это баритон, но из тех, голос которых позволяет им петь басовые партии (*фр.*).

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ВТОРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (1813—1855)

14 октября 1855.

«Хотя, с одной стороны, уже одно имя автора ручается за благонамеренность его сочинения, с другой — результат всех его суждений в рукописи (за исключением только некоторых отдельных мыслей и выражений) стремится к тому, чтобы сблизить с верою в бога удалившегося человека от религии и представить превратность существующего ныне образа дел и понятий на Западе, тем не менее вопросы его сочинения духовные слишком жизненны и глубоки, политические слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их чтению юной публики. Частое повторение слов: *свобода*, *равенство*, *реформа*, частое возвращение к понятиям: движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража и тому подобных, останавливают на них внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка. Размышления вызывают размышления; звуки — отголоски, иногда неверные. Благоразумнее не касаться той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов в западном мире и которой вибрация еще колеблет воздух. Самое верное средство предостеречь от зла — удалять самое понятие о нем». (Заключение мнения г[енерала] Дубельта, поданное в Главное Правление цензуры о ⟨посмертных⟩ последних сочинениях Жуковского 23 декабря 1850) [1].

Официальный список московских славянофилов.
Аксаков — Константин Тимофеевич.
Аксаков — Иван.
Свербеев — Дмит[рий] Ник[олаевич].
Хомяков — Алексей Степ[анович].
Киреевский — Иван Васильевич.
Дмитриев-Мамонов — Емануил Александр[ович].
Кошелев — Александр Иван[ович].
Соловьев — Сергей Мих[айлович], профессор.
Армфельд — Александр Осипович.
Бестужев — Сергей Михайлович.
Ефремов — Александр Павл[ович].

Чадаев — Петр Яковлевич.
Драшусова — Елисавета Алексеевна, жена адъюнкта.
К[нязь] Львов — Владимир Владимирович.
Маслов — Степан Алексеевич.

Смешно видеть в этом списке, между прочими, имя Чадаева, который некогда был по высочайшему повелению произведен в сумасшедшие как отчаянный *оксиденталист и папист*. Вот с каким толком, с каким знанием личностей и мнений наша высшая полиция доносит правительству на лица и мнения [2].

Копия

Его превосходительству бар[ону] Ф. П. Врангелю

В одной весьма замечательной записке о нынешних тяжелых обстоятельствах России, при указании причин, которые довели нас до нынешнего бедственного положения, между прочим сказано: «Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок.— Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то что *есть*, от того что *кажется*, *правду* от *неправды* или *полуправды*, и редко где окажется прочная плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками, но кто из официальных читателей всегда может обращать внимание на междустрочие».

Прошу в[аше] п[ревосходительство] сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам Морского Ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год, и повторите им, что я требую в помянутых отчетах не похвалы, а истины, и в особенности, откровенного и глубоко обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок и что те отчеты, в которых нужно будет читать между строками, будут возвращены мною с большою гласностью. Прошу в[аше] п[ревосходительство] разослать всем вышепомянутым местам и лицам копии с настоящей моей записки.

Подписал: генерал-адмирал Константин.

26 ноября 1855.

Сей напечатанный циркуляр был после отобран. Приведенные в нем слова взяты из записки, составленной П. А. Валуевым, которую я сообщил в[еликому] к[нязю] [3].

ИЗ СЕДЬМОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
(1828—1833)

[П. А. Вяземский—А. Х. Бенкендорфу][1]

Général,

Votre excellence a bien voulu m'autoriser à recourir à sa bienveillante intercession, pour me faciliter les moyens de rentrer au service de sa majesté l'empereur et de dissiper par les preuves du zèle, que j'y donnerai, les fâcheuses préventions que je puis accréditer en restant dans l'inaction. Plein de reconnaissance pour les dispositions que votre excellence a manifesté à mon égard, je prends la liberté de lui soumettre avec franchise et confiance le résultat de mes réflexions à ce sujet. Désireux de détruire les interprétations auxquelles j'ai pu donner lieu, et qui ont été faites de bonne foi, mais, peut être plus sévèrement que je ne le méritais, je n'aurais pas hésité un instant à saisir toute occasion favorable de rentrer au service et de faire tous les efforts possibles pour bien remplir les devoirs de toute place que sa majesté daignerait m'accorder. Mais des circonstances de famille ne me permettant pas de m'établir à Pétersbourg avant quelques temps, d'un autre côté mon grade et ma retraite du service depuis quelques années ne me donnant pas la possibilité de solliciter dans l'intérieur un emploi, qui convint à mon âge déjà assez éloigné de l'époque favorable au début dans une carrière nouvelle, je me trouve dans une position difficile et pour en sortir j'ose réclamer de nouveau votre appui et votre protection. Un emploi hors de la marche habituelle des affaires courantes, dégagé des affaires qui tiennent au grade, moins dépendant de la routine qui ne s'acquiert qu'avec l'expérience, serait de nature à répondre le mieux aux circonstances dans les quelles je me trouve, et peut-être même aux faibles moyens que je pourrais utiliser pour justifier l'insigne faveur que sa majesté daignerait m'accorder en me prenant à son service. Toutes ces considérations se trouveraient réunies, si, en déposant aux pieds de sa majesté l'empereur mon voeu le

plus sincère et le plus ardent, votre excellence, voulait bien me faciliter les moyens d'être employé ou au quartier général de la seconde armée, ou attaché à quelque nouvelle administration, que les circonstances de la guerre peuvent rendre nécessaire. Je ne vous cacherai point, général, que l'époque glorieuse qui s'ouvre sous de si beaux auspices et le désir de rentrer au service sur le théâtre des évènements qui vont donner un si brillant éclat au règne de sa majesté l'empereur et à la Russie, me soyent faites pour m'enflammer d'un nouveau zèle et me rendre impatient d'en donner des preuves. J'espère que vous ne verrez pas dans la manifestation de cet espoir, des prétentions qui seraient trop mal fondées, mais que vous y reconnaîtrez l'élan d'un véritable russe, attaché à la gloire de son souverain et de son pays.

En tout cas je vous supplie, général, d'apprécier ma démarche telle qu'elle m'est dictée par mes sentiments les plus intimes. J'ose espérer que ma bonne foi et ma loyauté n'ont jamais été mises en doute par les personnes qui m'ont connu, sous des rapports privés, et c'est leur témoignage que je réclame auprès de votre excellence. Si la grâce que l'ambitionne aujourd'hui ne devait pas avoir l'assentiment de sa majesté l'empereur, j'oserai vous demander toujours de vouloir bien déposer à ses pieds les voeux que j'ai formé et l'hommage de mon dévouement, tout en espérant que quand les circonstances me le permettront, vous voudrez bien m'accorder de nouveau votre bienveillante intercession.

Pétersbourg
1828.

[*Перевод*]

Генерал,

Ваше превосходительство соблаговолили разрешить мне прибегнуть к вашему доброжелательному заступничеству, чтобы облегчить мне возможность вновь вступить на службу его императорского величества и доказательством усердия моего рассеять печальные предубеждения, которые могли сложиться против меня за время моего бездействия. Полный благодарности за расположение, проявленное ко мне вашим превосходительством, я беру на себя смелость с откровенностью и доверием представить вам выводы из моих размышлений по этому поводу. Желая опровергнуть толки, которым я мог подать повод, быть может и исходившие из добрых побуждений, но более строгие, нежели я это заслужил, я без всякого колебания воспользовался бы благоприятным случаем, чтобы вновь вступить на службу и приложить все возможные усилия к достойному выполнению обязанностей любой должности, которую соизволило бы поручить его величество. Но семейные обстоятельства не позволят мне еще некоторое время поселиться в Петербурге; с другой стороны, мой чин и мое удаление от службы на несколько лет не дают мне возможности ходатайствовать о должности внутри страны, соответствующей моему возрасту, уже достаточно далекому от тех лет, которые благоприятствуют началу новой карьеры. Поэтому я нахожусь в трудном положении и вновь осмеливаюсь просить вашей поддержки и покровительства, чтобы найти из него выход. Должность, вне обычного хода текущих дел, не связанная с делами, требующими чинов и тем более навыков, приобретаемых опытностью, естественно всего более отвечала бы обстоятельствам, в которых я нахожусь, а также,

может быть, и тем слабым средствам, которые я в состоянии использовать, чтобы оправдать высокую милость его величества, оказываемую мне принятием на службу. Все эти соображения имеют общую связь и, полагая к ногам его императорского величества мое самое искреннее и самое пламенное желание, я прошу ваше превосходительство облегчить мне возможность быть использованным или при главной квартире второй армии, или при каком-нибудь новом управлении, в котором по обстоятельствам войны может возникнуть необходимость. Не скрою от вас, генерал, что славная эпоха, открывающаяся при столь прекрасных предзнаменованиях, и желание вернуться на службу при событиях, которые дадут особый ослепительный блеск царствованию его императорского величества и России, воспламенили меня и вызвали нетерпение доказать свое усердие. Я надеюсь, что вы не усмотрите в проявлении этой надежды плохо обоснованных претензий, но признаете порыв истинно русского человека, который дорожит славой своего государства и своей страны.

Во всяком случае, я умоляю вас, генерал, расценивать мою просьбу, как продиктованную моими наиболее сокровенными чувствами. Смею надеяться, что мое чистосердечие и прямодушие никогда не были под сомнением у людей, в частной жизни знавших меня; на их свидетельства я и ссылаюсь, обращаясь к вашему превосходительству. В случае, если бы милость, испрашиваемая мною сегодня, не встретила бы одобрения его императорского величества, я осмеливаюсь все же просить вас сложить к его стопам мои желанья и уверенья в моей преданности, оставаясь в надежде, что когда обстоятельства позволят, вы не откажете мне вновь в вашей благосклонной помощи.

Петербург
1828.

[*Примечание П. А. Вяземского*]: Киселев, пред открытием Турецкой кампании, предлагал мне место при главной квартире, разумеется, по гражданской части. Он говорил о том Дибичу, который знал обо мне, вероятно, по одной моей тогдашней *либеральной репутации* и отклонил предложение Киселева. Тогда Киселев пред отъездом своим дал мне письмо к Бенкендорфу. Я отправился к нему и нашел его, сходящего с лестницы с женою. Он принял меня сухо — был недоволен будто настойчивостью, с которою я требовал, чтобы назначил он мне свидание. Он жаловался на то к[нязю] Алексею Щербатову, который, однако же, наконец свел меня с ним.

[А. Х. Бенкендорф — П. А. Вяземскому] [2]

Милостивый государь, князь Петр Андреевич,

Вследствие доклада моего государю императору, об изъявленном мне вашим сиятельством желании, *содействовать в открывающейся против Оттоманской Порты войне*, его императорское величество, обратив особенно благосклонное свое внимание на готовность вашу, милостивый государь, посвятить старания ваши службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить вас, что он не может определить вас в действующей против турок армии по той причине, что *отнюдь* все места в оной заняты. Ежедневно являются желающие участвовать в сей войне и получают отказы.

Но его величество не забудет вас, и коль скоро представится к тому возможность, он употребит отличные ваши дарования для пользы отечества.

С совершенным почтением и истинною преданностию, имею честь быть

вашего сиятельства
покорнейший слуга
А. Бенкендорф

№ 1662

20 апреля 1828 г.
Петербург

[*Примечание П. А. Вяземского*]: Можно подумать, что я просил командования каким-нибудь отрядом, корпусом или по крайней мере дивизиею в действующей армии. Тому, кому неизвестны ход дела и письмо мое, может показаться, что я требовал дивизии или по крайней мере полка для содействия в *открывающейся против Оттоманской Порты войне.*

[Д. В. Голицын — П. А. Вяземскому] [3]

Милостивый государь мой князь Петр Андреевич!

Секретно.

Препровождая при сем в оригинале отношение ко мне графа Толстого за № 2645, из коего ваше сиятельство увидите высочайшее государя императора повеление о воспрещении вам издавать «Утреннюю Газету», я таковую высочайшую волю сим вам, мил[остивый] гос[ударь], объявляю, прося покорно по прочтении означенного отношения оное мне возвратить, а с тем вместе и доставить мне письменное ваше обязательство, что упомянутой газеты вы издавать не будете.

Имею честь быть с совершенным почтением вашего сиятельства покорным слугою

Князь Дмитрий Голицын

№ 133
26 сентября 1828 г.
Москва.

[П. А. Толстой — Д. В. Голицыну]

№ 77, 10 июля 1828 года.

Секретно.

Милостивый государь, князь Дмитрий Владимирович,

Государь император, получив сведение, что князь Петр Андреевич Вяземский намерен издавать под чужим именем газету, которую предположено назвать *Утреннею газетою*, высочайше повелеть изволил

написать вашему сиятельству, чтобы вы, милостивый государь мой, воспретили ему, князю Вяземскому, издавать сию газету, потому что его императорскому величеству известно бывшее его поведение в Санкт-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека. По сему [?] уважению государю императору благоугодно, дабы ваше сиятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оного не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни.

Сообщая вашему сиятельству сию высочайшую волю, честь имею быть с совершенным почтением и преданностию вашего сиятельства покорный слуга

Граф Петр Толстой

№ 2645
3-го июля 1828 года
Петербург.

[*Примечание П. А. Вяземского*]: Оказалось, что эта *Утренняя газета*, о которой не имел я ни малейшего понятия, была предположение самого к[нязя] Голицына (долго после приведенное в действие под именем *Полицейской Газеты*) и что должен был издавать ее один из его чиновников. Еще до сообщения мне письма Толстого к[нязь] Голицын объяснил ему это дело, как оно было. Я был тогда с семейством у Кологривовых в Саратовской губернии, и Голицын посовестился встревожить меня заочно присылкою этого письма, которое он сообщил мне только по возвращении моем в Москву. Вообще к[нязь] Голицын оказал мне в этом случае большое участие и даже имел за меня неприятную переписку с Бенкендорфом. Я никогда не имел случая положительно разведать, что могло подать повод к этому непонятному и глупому оскорблению, мне нанесенному. Известно только, что во время Турецкой кампании был прислан в главную квартиру донос на меня. По всем догадкам, это была Булгаринская штука. Узнав, что в Москве предпологают издавать газету, которая может отнять несколько подписчиков у «Северной Пчелы», и думая, что буду в ней участвовать, он нанес мне удар из-за угла. Я не мог иметь иных неприятелей, кроме литературных, и по ходу дела видно, что все это не что иное, как литературная интрига. Пушкин уверял, что обвинение в развратной жизни моей в Петерб[урге] не иначе можно вывести, как из вечеринки, которую давал нам Филимонов и на которой были Пушкин и Жуковский и другие. Филимонов жил тогда черт знает в каком захолустье, в деревянной лачуге, точно похожей на бордель. Мы просидели у Филимонова до утра. Полиции было донесено, вероятно, на основании подозрительного дома Филимонова, что я провел ночь

у девок.— Вслед за перепискою Голицына, Жуковский вступился за меня, рыцарским пером воевал за меня с Бенкендорфом, несколько раз объяснялся с государем [4].

[П. А. Вяземский — Д. В. Голицыну] [5]

Милостивый государь, князь Дмитрий Владимирович,

Узнав из сообщенного мне вашим сиятельством отношения к вам графа Толстого о высочайшем запрещении мне издавать *Утреннюю Газету*, которую я будто готовился издавать под чужим именем, имею честь объявить, что государь император обманут был ошибочным донесением, ибо я не намеревался издавать ни под своим, ни под чужим именем ни упомянутой газеты, о которой слышу в первый раз, ни другого подобного периодического листа [6]. Сими словами мог бы я кончить свое объяснение, предоставляя на благоусмотрение правительства исследование источников известий несправедливых, до его сведения доходящих. Но отношение его сиятельства графа Толстого исполнено выражений столь оскорбительных для моей чести, так совершенно мною незаслуженных, что не могу пропустить их молчанием, без преступного нарушения объязанностей, священных для человека, дорожащего своим именем. Уже не в первый раз вижу себя предметом добровольного злословия, которое умеет снискивать доверчивое внимание. Когда лета мои дозволяли мне беспечно ограничивать свое будущее в самом себе, я был довольно равнодушен к неприятностям настоящего, но ныне, когда звание мое отца семейства и годы возростающих детей моих обращают мое попечение на участь их ожидающую, столь неминуемо зависящую от моей, я уже не могу позволить себе равнодушно смотреть, как имя мое, выставленное на позорище, служит любимою целью и постоянным игралищем тайных недоброжелателей, безнаказанно промышляющих моей честью. Отношение графа Толстого доказывает, что злоба их достигла до высшей степени и что ужаснейшая клевета, поощряемая успехами, сыскала свободный доступ до престола государя императора, омрачив меня перед ним самыми гнусными красками. Прежде знал я, что один образ мыслей моих представляем бывал в ложном виде: я нес в молчании предубеждения, тяготевшие надо мной, в надежде, что время и события покажут правительству обольщенному, что по крайней мере действия мои не в согласии с тайными мнениями, мне приписываемыми, но ныне я поражен в самую святыню всего, что есть драгоценнейшего в жизни частного человека. Прежде довольствовались лишением меня успехов по службе и заграждением стези, на которую вызывали меня рождение мое, пример и заслуги покойного отца и собственные, смею сказать, чувства, достойные лучшей оценки от правительства: ныне уже и нравы мои, и частная моя жизнь поруганы. Оная официально названа *развратною*,

недостойною образованного человека. В страдании живейшего глубокого оскорбления, я уже не могу, не должен искать защиты от клеветы у начальства, столь доверчивого к внушениям ее против меня. Пораженный самым злобным образом, почитаю себя в праве искать ограждения себе и справедливого удовлетворения перед лицом самого государя императора. Ваше сиятельство! С сокрушенным сердцем, ободряемым единою надеждою на вас, прибегаю к вам, как к человеку благородному, к сановнику, облеченному доверенностью государя, умоляю вас доставить мне, средствами от вас зависящими, возможность всеподданнейше довести до престола справедливое мое сетование и прошение, чтобы исследованы были основания, на коих утверждены нестерпимые обвинения, изложенные в отношении графа Толстого. Я должен просить строжайшего исследования поведению своему: повергаю жизнь мою на благорассмотрение государя императора, готов ответствовать в каждом часе последнего пребывания моего в Петербурге, столь неожиданно оклеветанного. Не стану умолять вашего благодетельного посредничества, в сем случае, благорасположением вашим, коим я всегда пользовался и которое, смею надеяться, не пристыдил я доныне. Нет, доводя до высочайшего внимания голос мой, вопиющий о справедливости, вы окажете услугу всем верноподданным его императорскому величеству, исполните обязанность свою перед государем, которому честь каждого подданного должна быть дорога, ибо она ограждается его могуществом и должна быть ненарушима под сенью законов твердых, властью его именем им дарованною. Государь не может равнодушно узнать, что тайная враждебная сила действиями ухищренными, так сказать, противоборствует его благодетельной власти и царскому покровительству, которое провидение, ум его, сердце его и священнейшие права возлагают на него как одну из высших обязанностей его высокого звания.

Простите мне беспорядок и движение моего письма: я не имею ни времени, ни духу сочинять оправдание свое; оно вырвалось из глубины души, возмущенной тягостными впечатлениями. Кончаю повторением убедительной просьбы, довести до сведения государя императора, что я прошу суда и справедливости, уличения недоброжелателей своих или подвергности себя последствиям, ожидающим того, кто пред лицом государя осмелится ложно оправдывать свою честь покушениями на омрачение чести других.

Знаю, что важные народные заботы владеют временем и мыслями государя императора, но если частная клевета могла на минуту привлечь его слух и обратить гнев его на меня, то почему не надеяться мне, что и невинность, взывающая к нему о правосудии, должна еще скорее преклонить к себе его сердобольное внимание.

[П. А. Вяземский — Д. В. Голицыну] [7]

Mon Prince,

En joignant ici la lettre que vous avez bien voulu me permettre de vous adresser, je prends la liberté de vous réitérer mes très instantes prières de ne pas me refuser votre appui protecteur dans le cas, où il y va de mon bonheur et de ma vie entrière. C'est à votre coeur loyal et généreux que je confie, mon Prince, mes intérêts les plus sacrés et ceux de toute ma famille. En effet si je n'obtiens pas une justification honorable, si les malveillants ne sont point confondus, il ne me reste qu'à m'expatrier au risque de compromettre par cette démarche l'avenir de mes enfants. Pourrai-je rester dans un pays, où ma vie privée, je ne parle plus de mes opinions, se trouve en but aux traits de la calomnie, où l'organe en chef du pouvoir me traite officiellement d'homme corrompu et de corrupteur et me menace pour ainsi dire du sort d'un auteur de *Justine*, qui a été enfermé à Charenton par les ordres de Napoléon, pour ses écrits et sa conduite licencieuse [8]. La malveillance, qui me poursuit n'a plus qu'un pas à faire pour me perdre entièrement: elle a atteint ma réputation et pourra facilement porter atteinte à ma liberté et à mon existence. Dois-je donc attendre qu'elle consomme le sacrifice et qu'elle fête sa victoire sur moi après que j'aurais été séquestré de la société? Je le répète, il n'y a que l'empereur, qui dans ce cas puisse me rendre justice: les autorités intermédiaires sont trop prévenues contre moi et ma justification serait une espèce de condamnation de la crédulité, avec laquelle ils ont accueilli des mensonges débités sur mon compte. Jusqu'à présent j'ai trouvé parmis les personnes qui approchaient de sa majesté des échos complaisants de la calomnie, qui partaient de je ne sais où, mais jamais une voix généreuse n'a essayé de dissiper les préventions, qu'on avait fait naître à mon égard. J'ose espérer, mon prince, que vous voudrez bien faire une noble exception à cette fatalité, qui m'accable. Permettez moi quelques indications concernant mon affaire; si j'ai jamais eu quelques succès, ce n'est que dans la carrière des lettres; ce n'est donc que là, que je dois chercher mes ennemis. Une certaine vogue attachée à mon nom, des épigrammes, quelques bonnes ou mauvaises plaisanteries, qui pèsent sur ma conscience, ont pu suffir pour éveiller l'envie et créer les ressentiments. La dernière attaque qu'on m'a portée se rattache au journalisme. A propos d'un journal, dont je n'avais aucune idée, des journalistes ombrageux et jaloux de leurs abonnés ont cru voir que je devais participer à la rédaction de la nouvelle entreprise littéraire et se sont aussitôt mis en campagne pour me nuire. Ils ont craint ma concurrence; c'est la seule manière de trouver le mot de l'énigme dont je suis la victime. Sans être un Oedipe ni un délateur j'ose croire que je connais le sphinx de cette énigme. Nous n'avons que trois personnages dans notre littérature, capables

de pareilles noirceurs: c'est Boulgarine, Gretch et Voieikoff; plusieurs antécédants m'autorisent à hazarder cette supposition et je me crois en droit de la déclarer. Plus vous donnerez, mon prince, de publicité à mes réclamations et plus je serai sûr de me voir réhabilité dans l'opinion de sa majesté l'empereur. Dans ma parfaite sécurité je ne crains ni les enquêtes, ni le grand jour, tout au contraire je les réclame.

Moscou
1828

[*Перевод*]

Князь,

Прилагая к сему письмо, которое вы разрешили мне вам направить, я беру на себя смелость повторить мою настоятельную просьбу о том, чтобы вы не отказали мне в поддержке и покровительстве, так как речь идет о моей чести и о всей моей жизни. Я вверяю вашему великодушному и честному сердцу, князь, заботы, самые священные для меня и для моей семьи. И в самом деле, если я не добьюсь почетного оправдания, если недоброжелательные толки не будут опровергнуты, мне останется лишь покинуть родину, с риском скомпрометировать этим поступком будущее моих детей. Смогу ли я остаться в стране, где моя частная жизнь, не говоря уже о моих убеждениях, представляет цель для клеветнических нападок; где правительственный орган официально провозглашает меня развратным человеком и развратителем, угрожая мне, так сказать, судьбою автора «Жюстины», заключенного по приказу Наполеона в Шарантон за его сочинения и беспутное поведение [8]. Меня преследует недоброжелательство; еще один шаг — и оно погубит меня окончательно: недоброжелательные толки задели мою репутацию и легко могут задеть мою свободу и само существование. Неужели я должен ждать, что совершится жертвоприношение и будет праздноваться победа надо мною после того, как я буду изъят из общества? Повторяю, что в данном случае только император может оказать мне справедливость: все посредствующие власти слишком предубеждены против меня, и мое оправдание было бы одновременно осуждением доверчивости, с которой они приняли лживые измышления, расточаемые на мой счет. Среди лиц, приближенных его величеству, я до сих пор встречал поощрительные отклики на клевету; не знаю уж, откуда они исходили, но никогда, ни один великодушный голос не пытался рассеять обвинения, выдвигавшиеся против меня. Смею надеяться, князь, что вы составите благородное исключение из тех, кто осуждает меня при данных роковых обстоятельствах. Разрешите мне сделать несколько замечаний, относящихся к моему делу: если я когда-либо и имел какой-либо успех, то только на поприще литературы; значит, я должен искать своих врагов только там. Некоторая известность, связанная с моим именем, эпиграммы, несколько хороших или плохих шуток, лежащих на моей совести,— всего этого было достаточно, чтобы возбудить зависть и создать недоброжелательство. Последний направленный против меня выпад относится к журналистике. По поводу газеты, о которой я не имел никакого представления, подозрительные и ревнивые к своим подписчикам журналисты заподозрели, что я должен принять участие в редактировании нового литературного предприятия, и немедленно объединились, чтобы повредить мне. Они боялись моей конкуренции; это единственный способ найти разрешение загадки, жертвой которой я стал. Не будучи ни Эдипом, ни доносчиком, смею полагать, что мне известен сфинкс этой загадки. В нашей литературе только три человека, способные на такие темные дела: это — Булгарин, Греч и Воейков. Многие предпосылки дают мне повод на подобные предположения, и я считаю себя вправе заявить

об этом. Чем более гласными вы сделаете мои заявления, князь, тем больше будет моя уверенность в моей реабилитации во мнении его императорского величества. Совершенно уверенный в своей правоте, я не опасаюсь ни вопросов, ни гласности; наоборот, я прошу о них (*фр.*).

Москва
1828 г.

[Д. В. Голицын — П. А. Вяземскому] [9]

Voici la réponse que je viens de recevoir, mon prince, du général Benkendorff, en réponse à ma lettre et lui envoyant celle, que vous m'aviez adressée. J'attendrai vos conclusions. Recevez l'assurance de mes sentiments distingués.

P. D. Golitzin

Ce 14 Novembre,
1828, Moscou

[*Перевод*]

Вот ответ, который я только что получил, князь, от генерала Бенкендорфа в ответ на мое письмо с приложением того письма, которое вы направили мне. Жду ваших заключений.

Примите уверение в моем уважении.

Кн. Д. Голицын

14 ноября
1828, Москва

[А. Х. Бенкендорф — Д. В. Голицыну]

Mon Prince,

Je m'empresse de répondre à la lettre du 1-er de ce mois que votre excellence a bien voulu m'adresser au sujet du prince Wiazemsky. Avant mon départ pour l'armée, je lui avais proposé mes bons offices pour sa rentrée au service; il voulait être employé à l'armée agissante, faveur, que sa majesté l'empereur avait déjà refusée à plusieurs personnes et par là mon désir de lui être utile a été rejeté par lui-même.

Ce n'est pas sur sa conduite particulière et sur quelques propos qu'on l'a jugé; le gouvernement a assez prouvé, qu'il ne poursuit pas les propos et n'admet pas les calomnies; mais on a jugé le prince Wiazemsky sur des écrits qui ont été entre les mains de sa majesté l'empereur et dont j'aurai l'honneur d'entretenir votre excellence à notre première entrevue. Je me ferai cependant un véritable devoir d'être auprès de sa majesté l'empereur l'interprète du désir qu'a le prince Wiazemsky de se réhabiliter dans l'esprit de son souverain et lui en ai déjà fait proposer un moyen par son ami monsieur Joukowsky, qui, en parlant en sa faveur, avoue que la plume du prince est son plus grand ennemi [10]. Je ne crois pas avoir le droit de mettre

sous les yeux de sa majesté l'empereur la lettre du Prince Wiazemsky, comme ne m'étant pas adressée et ai l'honneur de la renvoyer à votre excellence, qui en l'envoyant directement à sa majesté l'empereur pourra l'appuyer de tout ce qu'elle jugera à propos de dire en sa faveur; cela sera plus efficace et pourra combattre les nations fausses que votre excellence suppose avoir été données à sa majesté l'empereur.

Le 7 Novembre 1828

Pétersbourg

[*Перевод*]

Князь,

Спешу ответить на письмо от 1-го числа сего месяца, которое ваше превосходительство соизволили направить мне, относительно князя Вяземского. Еще до отъезда в армию я предложил свои услуги для его возвращения на службу; он хотел быть использованным в действующей армии; его величество уже отказало в этой милости многим лицам, вследствие чего мое желание быть ему полезным было отклонено им самим.

О нем судили не по его личному поведению и не по некоторым толкам; правительство достаточно доказало, что оно не придает значения толкам и не допускает клеветы; князя Вяземского судили по его сочинениям, побывавшим в руках его императорского величества, и о которых я буду иметь честь беседовать с вашим превосходительством при первом свидании. Однако я считаю своим истинным долгом передать его императорскому величеству о желании князя Вяземского реабилитироваться в глазах государя и уже предложил князю способ, как этого добиться через посредство его друга г-на Жуковского; последний, ходатайствуя за него, признает, что перо князя является его злейшим врагом [10]. Я не считаю себя вправе представить его императорскому величеству письмо князя Вяземского, так как оно было адресовано не мне; имею честь возвратить письмо вашему превосходительству, дабы вы переслали его непосредственно его императорскому величеству, поддержав теми доводами, которые вы найдете возможным привести в его пользу.

Это будет более действенным и сможет опровергнуть ложные данные, которые, как вы, ваше превосходительство, полагаете, были представлены его императорскому величеству.

7 ноября 1828 г.
Петербург

[*Примечание П. А. Вяземского*]: Бенкендорф говорит, что меня не судят *sur ma conduite particulière* [1*], а между тем письмо Толстого обращено на мою *развратную* жизнь и поведение в Петербурге. Нет сомнения, что донос на меня был представлен Бенкендорфу и Бенкендорфом доведен до сведения государю. В таком случае недобросовестно было с его стороны сказать: «Je ne crois pas avoir le droit de mettre sous les yeux s. m. l'empereur la lettre du p. Wiasemski comme ne m'étant pas adressée» [2*]. Вот

[1*] По моему частному поведению (*фр.*).

[2*] Я не считаю себя вправе представить его императорскому величеству письмо кн. Вяземского, так как оно было адресовано не мне (*фр.*).

уже излишняя и неуместная боязливость. Дашков позднее сказал мне, что донос на меня был прислан в Главную квартиру[11].

[П. А. Вяземский — Д. В. Голицыну][12]

Mon Prince,

La bienveillance dont vous m'avez toujours daigné m'honorer n'est pas le seul motif qui m'enhardit à venir aujourd'hui réclamer votre protection, dans la pénible situation où je me trouve. Domicilié à Moscou, y séjournant presque constamment, ayant l'honneur de me rencontrer avec votre excellence dans les salons de la capitale et étant à même, vu ces considérations, d'être plus particulièrement connu de vous et sous les rapports de la vie privée et sous ceux de la vie publique, je crois avoir le droit de vous supplier, mon Prince, de vouloir bien élever votre voix au pied du trône, en faveur d'un homme accablé du coup le plus sensible, puisqu'il porte atteinte à mon honneur et à ma moralité et m'a frappé au nom de sa majesté l'empereur. Vous connaissez, mon Prince, les expressions flétrissantes dont le comte Tolstoy s'est servi à mon égard: et comme il n'a été dans ce cas que l'organe de la volonté suprême, vous me rendrez, j'espère, assez de justice pour croire que le temps n'a pu effacer de ma mémoire, ni de mon coeur, toute la douloureuse amertume que j'ai ressentie au premier moment et dont vous avez été le premier dépositaire, dans la lettre que j'ai eu l'honneur de vous adresser au mois de septembre de l'année passée[13]. Tant qu'une parole gracieuse de sa majesté l'empereur, seule réparation à laquelle j'aspire, ne viendra panser la blessure qui m'a été portée en son nom, je serai toujours sous le poid d'un châtiment, qui pour ne pas être déterminé et positif, n'en est ni moins cruel, ni moins injurieux pour les sentimens d'un sujet fidèle et d'un honnête homme. Vous savez aussi, mon prince, que du moins en partie, je n'ai pas mérité ma peine. Vous avez la certitude, que je n'ai eu aucune part ni directe, ni indirecte au projet de rédaction du journal qui a servi de motif à l'arrêt rigoureux dont j'ai été frappé. J'ose vous affirmer que les autres points de mon accusation ne sont pas plus fondés. Quant à la conduite que j'ai tenue à Pétersbourg je puis citer en ma faveur l'autorité du général Benkendorff, qui dans sa lettre, tout en me signifiant que sa majesté ne daignait pas accéder à la prière que j'avais été lui adresser de m'employer au quartier général de l'armée active, avait bien voulu y joindre des paroles flatteuses au delà de toute expression, dont sa majesté avait gracieusement accompagné le refus qu'il était obligé de me faire. Cette lettre est du 20 avril de l'année dernière:[14] dans les 1-rs jours du mois de juin j'avais déjà quitté Pétersbourg. Comment ai-je pu démériter ainsi dans un si court espace de temps et me flétrir par une conduite déshonorante? La lettre du comte Tolstoy est du mois de juillet de la même année: à cette époque je me trouvais, depuis mon départ de Péters-

bourg, près de ma famille, à la campagne de ma belle-mère dans le gouvernement de Saratoff. L'exposition simple et chronologique de ces faits prouve que le coup, dont j'ai été atteint au moment où je m'y trouvait le moins était préparé de longue main, par une malveillance obscure et secrète, qui a su se faire jour jusqu'au pied du trône.

Sentant que ma position était fausse, que je me trouvais par une espèce d'isolement en butte aux traits d'une inimitié que je ne savais ni expliquer, ni démasquer d'une manière positive, je me suis décidé à rediger un mémoire, non justificatif, mais plutôt explicatif de ma conduite passée, des circonstances où j'ai été poussé et qui ont nécessairement influé sur elle et enfin des dispositions, où je me trouve à l'heure qu'il est. J'ai écrit ce mémoire avec toute la franchise, toute la bonne foi qui m'ont constamment guidé dans les démarches où je devais déployer mon caractère, peut-être trouvera-t-on même que j'y ai mis souvent une franchise déplacée. Mais s'il s'y trouve de l'excès et si cet excès a besoin de justification, je vais exposer, mon prince, les motifs qui m'ont décidé à agir de la sorte. Premièrement j'ai désiré que le mémoire parvint à sa majesté l'empereur, et fut soumis à sa connaissance. Je suis intimement persuadé que le langage d'une vérité, tout à fait indépendante, est le seul qu'un sujet loyal doit tenir, quend il s'adresse à son souverain. Si la renommée de l'empereur, que les personnes qui ont le bonheur de l'approcher de plus près, reconnaissent pour aimer la vérité, n'était pas aussi généralement établie qu'elle l'est, sous ce rapport, encore même n'aurai-je pas hésité à déposer à ses pieds une confession complète et exempte de toute restriction mentale. Je conçois que la mauvaise foi puisse ruser devant la faiblesse: mais je trouve qu'il y a un faux calcul et mauvaise action à dissimuler, quand on a pour soi sa bonne foi et pour juge la puissance. La puissance impartiale par sa nature même, a en soi de quoi entendre la vérité et l'apprécier à sa juste valeur, alors même qu'elle se présente sous un aspect peu favorable. D'un autre côté, comme ce sont mes opinions qui pour ainsi dire sont le point vulnérable de ma conduite, j'ai voulu les exposer dans toute leur nudité, mais dans leur ensemble, car je savais que la malveillance, semblable à une abeille d'une nature inverse et maligne, sait avec un art merveilleux retirer de tout ce qu'elle touche, des sucs qui une fois décomposés et isolés se transforment en venin subtil. Dans l'exposé que j'ai tracé, je me suis montré tel que j'ai été et tel que je suis: je n'ai pas pallié mes défauts, et si j'ai cherché à atténuer mes fautes, c'est que j'ai dû relever le sentiment qui m'avait guidé dans mes abérrations hors de la voie régulière et usitée. En un mot si le gouvernement daigne prendre connaissance de mon mémoire, il n'aura plus besoin de consulter à mon égard des sources, qui peuvent quelques fois induire la confiance en erreur: il saura quel est cet homme qu'une hostilité infatigable poursuit jusque dans le sanctuaire de la vie morale et privée: le gouvernement pourra avec connaissance de cause et en dernier ressort juger de la conduite qu'il

doit tenir envers lui: doit-il lui prêter son appui protecteur, le défendre contre les attaques de la calomnie, l'appeler vers lui en utilisant le peu de moyens qu'il peut avoir et l'honnêteté de ses principes, ou bien doit-il le livrer à la merci de ses ennemis et le garder dans un état de suspicion permanent et toujours indéclinable, car elle repose sur des insinuations vagues, sur des paroles détachées qui se dérobent à l'analyse et à l'action de la loi, mais qui ne rendent pas moins cet état pénible au delà de toute expression et multiplient de mille manières un châtiment qui n'a pas de réalité. Voici, mon prince, les circonstances facheuses où je me trouve. Daignez quand vous en aurez l'occasion, dire un mot en ma faveur à sa majesté l'empereur et modifier l'opinion amère qu'on lui a donnée à mon égard. J'ignore si il a été donné suite au mémoire que j'ai confié à l'entremise de son excellence le général Benkendorff. L'incertitude qui m'enveloppe me retient dans une position provisoire, où je suis toujours en suspens, toujours à attendre que les évènements viennent réaliser mes appréhensions ou mes espérances. Je n'ose former aucun projet pour l'avenir qui m'inspire tant de solicitude, puisque celui de mes enfants y est attaché et que leur éducation exige que je me choisisse pour quelques années un séjour fixe. J'ose donc vous demander avec instance de vouloir bien m'éclairer sur ma position: dois-je m'attendre à obtenir une réparation honorable et à être employé au service de sa majesté l'empereur, ou dois-je renoncer à me voir réhabilité dans son opinion et à la satisfaction de pouvoir transmettre de l'assentiment du gouvernement même, à mon fils, un nom honorable que j'espérais avoir mérité.

Agréez, mon Prince, l'expression des sentiments de haute considération et du dévouement inaltérable, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, de votre excellence le très humble serviteur

P. Pierre Wiazemsky

Le 18 avril, 1829.
Мещерск.—

[*Перевод*]

Князь,

Благожелательство, которым вы меня всегда удостоивали, является не единственной причиной, побуждающей меня ныне в тяжелом положении, в котором я нахожусь, обратиться к вашему покровительству. Живя в Москве и пребывая там постоянно, я имел честь встречаться с вашим сиятельством в столичных салонах и в силу этого должен быть особенно хорошо известен вам как со стороны своей частной, так и общественной жизни. Вследствие этого я полагаю себя вправе умолять вас, князь, возвысить ваш голос перед престолом в защиту человека, пораженного самым чувствительным ударом, так как этот удар нанесен моей чести и моей нравственности от имени его императорского величества. Вам известны, князь, оскорбительные выражения, которые граф Толстой употребил на мой счет; в данном случае он был лишь орудием высшей воли; вы, надеюсь, будете ко мне настолько справедливы и поверите, что время не могло изгладить ни из моей памяти, ни из моего сердца болезненную горечь, которую

я ощутил в первое мгновение и о которой вам первому я имел честь сообщить в письме от сентября прошлого года[13]. До тех пор, пока милостивое слово его величества, единственное вознаграждение, которого я добиваюсь, не излечит рану, нанесенную мне от его имени, я все время буду ощущать тяжесть наказания, хотя и не получившего определенного и положительного выражения, но от этого не менее жестокого и оскорбительного для чувств верноподданного и честного человека. Вы знаете также, князь, что я не заслужил моей кары, не заслужил, по крайней мере, частично. Вам хорошо известно, что я не принимал участия ни прямым, ни косвенным образом в проекте издания газеты, хотя это и послужило поводом для сурового приговора, поразившего меня. Смею вас уверить, что остальные пункты моего обвинения не более обоснованы. Что касается моего поведения в Петербурге, я могу сослаться в свою пользу на авторитет генерала Бенкендорфа, который, сообщая мне в своем письме об отказе его величества в просьбе использовать меня при главной квартире действующей армии, соблаговолил присовокупить к этому крайне лестные слова, сказанные обо мне его величеством и смягчившие его вынужденный отказ. Это письмо относится к 20-му апреля прошлого года[14]. В первых числах июня месяца я уже покинул Петербург. Мог ли я в такой короткий промежуток времени потерять уважение к себе и запятнать себя недостойным поведением? Письмо графа Толстого датировано июлем того же года: в это время, с самого моего отъезда из Петербурга, я находился в своей семье, в имении тещи, в Саратовской губернии. Простое и хронологическое изложение этих фактов доказывает, что удар, нанесенный мне в момент, когда я менее всего мог его ожидать, был подготовлен задолго тайным и темным недоброжелательством, сумевшим найти пути к подножию трона.

Чувствуя ложность моего положения и ощущая себя мишенью для неприязненных выпадов, которые я не знал ни как объяснить, ни как наглядно разоблачить, я решился составить записку, не оправдательную, но скорее объяснительную, относительно моего прошлого поведения, обстоятельств, в которых я находился и которые неизбежно должны были оказать на него влияние, и, наконец, относительно моих настоящих намерений. Я писал эту записку со всей откровенностью, со всей верой в свою правоту, которые руководили мною постоянно в предприятиях, где должен был проявиться мой характер. Может быть даже откровенность моя была неуместна. Но если в этой записке найдутся преувеличения и если они требуют оправдания, я изложу, князь, причины, побудившие меня поступить таким образом. Во-первых, я хотел, чтобы эта записка дошла до его императорского величества и стала ему известна. Я глубоко убежден, что язык истины совершенно независимой является единственным, с которым верноподданный должен обращаться к своему государю. Лица, имеющие счастье быть приближенными к государю, утверждают, что он любит истину; даже если бы это утверждение не было всеобщим, я не задумался бы сложить к его стопам полную и безоговорочную исповедь. Я допускаю, что человек недоброй совести может хитростью воздействовать на слабые стороны другого, но считаю, что мне нет расчета скрывать свои побуждения, так как моя защита перед лицом строгого судьи — это чистая совесть. Власть беспристрастная уже по своей природе предназначена к тому, чтобы выслушивать и оценивать истину, даже если эта истина преподносится в неблагоприятном виде. С другой стороны, имея в виду, что уязвимым местом моего поведения являются, так сказать, мои убеждения, я захотел изложить их полностью, во всей их наготе, но и во всей полноте, зная, что недоброжелательство подобно пчеле, коварной и лукавой по природе, умеющей искусно извлекать из всего, к чему она прикасается, соки, превращающиеся путем разложения в тонкий яд.

В написанном мною докладе я показал себя таким, каким я был и каков я есть; я не скрыл своих недостатков, и если я пытался смягчить свои ошибки, то лишь стараясь вскрыть те чувства, которые руководили мною в моем отступлении с прямого пути. Словом, если правительство соблаговолит ознакомиться с моей запиской, ему не понадобится пользоваться источниками сведений обо мне, которые могут порой

привести доверчивость в заблуждение. Оно узнает, что собой представляет человек, преследуемый неутомимой ненавистью вплоть до святилища его нравственной и личной жизни. Ознакомившись с делом, правительство будет судить о том, сможет ли оно взять этого человека под защиту от клеветнических нападок; сможет ли оно призвать его к себе на службу, использовав имеющиеся в его распоряжении данные и честность его принципов; либо оно должно оставить этого человека во власти его врагов и держать его под постоянным, ничем не отвратимым подозрением, которое основано на смутных инсинуациях, на отдельных выражениях, не поддающихся анализу и воздействию закона. Все это создает тягостное состояние, которое я не в силах определить словами, и тысячекратно усугубляет кару, не имеющую действительных оснований. Я изложил вам, князь, злосчастные обстоятельства, в которых я нахожусь. Будьте милостивы и при случае замолвите слово в мою пользу перед его императорским величеством, дабы смягчить предубеждение, которое ему было внушено на счет меня. Мне неизвестно, дан ли был дальнейший ход записке, которую я доверил посредничеству его превосходительства генерала Бенкендорфа. Неопределенность моего положения заставляет меня держаться все время настороже, в ожидании событий, в силу которых сбудутся мои опасения или надежды. Я не смею строить никаких предположений на будущее, которое, однако, сильно беспокоит меня, так как с ним связано будущее моих детей и так как их образование требует, чтобы я избрал себе на несколько лет определенное местожительство. Итак, я осмеливаюсь настоятельно просить вас уведомить меня о моем положении: могу ли я ожидать почетного оправдания и использования меня на службе его императорского величества, или же я должен отказаться от надежды видеть себя оправданным в его мнении и от мысли, что с одобрения правительства я передам моему сыну честное имя, которое, как я надеялся, мною заслужено.

Примите, князь, выражение моей глубокой почтительности и неизменной преданности, с которыми имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой.

Кн. Петр Вяземский

18 апреля 1829.
Мещерск.—

[П. А. Вяземский — Д. В. Голицыну]

Mon Prince,

Monsieur Dmitrieff a eu la bonté de m'apprendre que votre excellence avait bien voulu dans une conversation, qu'il avait eue avec elle, lui parler de moi avec la bienveillance et l'intérêt protecteur que j'ai toujours reconnu dans vos bonnes dispositions à mon égard. Agréez, mon prince, l'expression de ma reconnaissance profondément sentie et permettez-moi de vous adresser encore une humble prière. Vous avez connaissance des papiers que j'ai envoyé à Pétersbourg: on me dit qu'ils ont été remis à sa majesté l'empereur; mais son départ pour Varsovie, les évènements politiques et tant d'autres intérêts majeurs prendront le pas sur l'affaire qui ne regarde que moi et je n'ose y prévoir aucune issue[15]. J'apprends d'un autre côté que vous devez bientôt repartir pour Pétersbourg; ne pourriez-vous pas, mon prince, en cas d'absence, lui faire parvenir ma lettre. J'aime à le répéter: ce n'est que dans votre appui protecteur que je puis trouver l'intérêt bienveillant qui sait donner de la vie et du prix à la protection. Si votre excel-

lence croyait nécessaire que je vinse à Moscou, ou à Pétersbourg pour recevoir les renseignements que vous auriez à me donner, ou pour veiller moi-même à la conclusion de mon affaire; je vous prierai de vouloir bien m'adresser vos ordres à Penza.

Veuillez, mon prince, agréer les expressions de mes excuses pour tout l'ennui dont je vous accable et l'assurance de la considération sans bornes avec la quelle j'ai l'honneur d'être de votre excellence

le tout dévoué serviteur

P. Pierre Wiazemsky

le 18 avril 1829.
Mechtchersk.

Je me souviens que vous avez eu la bonté de me dire un jour que pour obtenir un résultat dans des circonstances pareilles aux miennes, il fallait nécessairement préciser l'objet de sa demande. Je prends donc la liberté d'ajouter encore quelques mots à ma lettre. Deux places peuvent me convenir dans la carrière du service: celle de curateur d'une université, ou de gouverneur civil, toutes les deux hors des capitales. Vu mon rang et mon peu de crédit, je ne puis aspirer à obtenir ni l'une, ni l'autre de ces places d'emblée: quant à la place de gouverneur, j'ai pour ressource le noviciat de vice-gouverneur: quant à l'autre je ne connais pas d'intermédiaire, à moins d'être agrégé pour quelques temps au ministère de l'instruction publique et si l'on voulait me donner une réparation d'honneur pour les tribulations que j'ai essayées, on pourrait faire mention dans l'ordonnance de ma nomination, de mes occupations littéraires qui me donnent quelques titres à cette admission, d'autant plus que je suis déjà membre honoraire de l'université de Moscou. Quant à la place de gouverneur ou de vice-gouverneur, je désirerai être nommé à quelque gouvernement qui m'offrirait les moyens de pourvoir à l'éducation de mes enfants, puisque ma fortune ne me permet pas de concentrer auprès de moi toutes les personnes nécessaires à ce but: ce serait dans une des villes qui possède une université, ou bien une des villes de nos provinces allemandes qui répondraient aux considérations que m'impose mon état de père de famille. Je suis conseiller de collège depuis l'année 18 ou 19: dans mon état de service (формулярный список) il est dit: *к повышению чина достоин*: au reste comme mon congé, ou plutôt ma retraite du service, s'est fait d'une manière un peu brusque, je ne crois pas qu'il y ait eu à mon égard une ordonnance de congé formelle, excepté ce qui regardait ma charge de gentilhomme de la chambre, dont j'ai été démis par *указ* à la suite de la demande que j'en avais faite[16]. Je crois donc qu'on pourrait bien, sans faveur exemplaire, me reprendre au service avec le rang de conseiller d'état, qui me serait revenu de droit, si ma retraite se fut passée sans rupture.

Vous sentez bien, mon prince, que ce n'est que la confiance illimitée, que m'inspire votre intérêt bienveillant, qui m'enhardit à vous faire part ainsi de mes petites prétentions ambitieuses. Ce ne sont pas des conditions que je veux imposer au gouvernement: c'est une confession que je vous fais à coeur ouvert et que je livre à votre bonne disposition. D'ailleurs pour me tirer du mauvais pas où je me trouve, je suis prêt à faire pour quelques temps, le sacrifice de mes intérêts et de mes avantages personnels et à accepter toute place qui me sera offerte.

[Перевод]

Князь,

Господин Дмитриев по доброте своей известил меня о том, что ваше сиятельство в беседе с ним отозвались обо мне с благосклонностью и покровительственным участием, которые я всегда ощущал в вашем добром расположении ко мне. Примите, князь, выражение моей глубоко прочувствованной благодарности и позвольте обратиться к вам еще с одной покорной просьбой. Вам известно содержание бумаг, посланных мною в Петербург: мне говорят, что их передали его императорскому величеству. Но его отъезд в Варшаву, политические события и другие более важные интересы отодвинут дело, которое касается только меня одного, и я не вижу никакого выхода из этого положения [15]. С другой стороны, я узнаю, что вы должны вскоре вновь ехать в Петербург: не можете ли вы, князь, переслать его величеству мое письмо в случае его отсутствия. Я не устану повторять: только в вашей поддержке я могу найти то благожелательное сочувствие, которое дает жизнь и цену покровительству. Если, ваше сиятельство, считаете необходимым мой приезд в Москву или в Петербург за сведениями, которые вы могли бы мне дать, или для того, чтобы самому проследить за завершением моего дела, я просил бы вас направлять мне ваши приказания в Пензу.

Благоволите, князь, принять мои извинения за все хлопоты, которыми я вас обременяю, и уверение в безграничном уважении, с которым я имею честь быть вашего сиятельства покорным слугой

Кн. Петр Вяземский

18 апреля 1829.
Мещерск.

Мне помнится, вы однажды любезно сказали мне, что при обстоятельствах, подобных моим, каких-нибудь результатов можно добиться только при условии точного указания предмета просьбы. Поэтому я решаюсь прибавить еще несколько слов к моему письму. Меня могут удовлетворить на служебном поприще две должности: или попечителя университета или гражданского губернатора — обе вне обеих столиц. Принимая во внимание мой чин и малое доверие, я не могу рассчитывать на то, чтобы с первого раза получить какую-нибудь из этих должностей. Что касается губернаторства, то я не возражал бы против испытания меня в качестве вице-губернатора; в отношении же другой должности, я не представляю иной возможности, как временное прикрепление к министерству народного просвещения. Если бы хотели дать мне некоторое почетное возмещение за пережитые мною неприятности, можно было бы упомянуть в приказе о моем назначении о моих литературных занятиях, которые дают мне некоторое право на такое зачисление, тем более, что я уже являюсь почетным членом Московского университета. В случае назначения меня губернатором или вице-губернатором, я просил бы выбрать такую губернию, в которой было бы возможно продолжить образование моих детей ибо мое состояние не позволяет мне пригласить к ним всех тех наставников, которые необходимы для этой цели. Это связано с назначением меня в один из

университетских городов или городов наших немецких провинций, что отвечало бы условиям, которые диктует мне мой долг как отца семейства. Я являюсь коллежским советником с 18 или 19-го года; в моем формулярном списке сказано: [к повышению чина достоин]. Так как мой уход со службы, или, скорее, моя служебная отставка произошла несколько внезапно, то вряд ли имеется формальный по этому поводу приказ. Иначе дело обстоит с моим званием камер-юнкера, от которого я был освобожден по указу, в ответ на мою просьбу об этом[16]. Таким образом, я полагаю, что меня могли бы, без особой натяжки, снова принять на службу в чине статского советника, что мне надлежало бы по праву, если бы отставка моя от дел имела место при более спокойных обстоятельствах.

Вы видите, князь, что лишь безграниченое доверие к вашей благожелательности побуждает меня поделиться с вами моими небольшими честолюбивыми замыслами. Это не условия, которые хочу ставить правительству; это моя исповедь, сделанная от чистого сердца, которую я предоставляю на ваше благоусмотрение. Впрочем, чтобы выйти из тяжелого положения, в котором я нахожусь, я готов пожертвовать на некоторое время моими личными интересами и выгодами и принять любую должность, которая будет мне предложена.

[П. А. Вяземский — Д. Г. Бибикову][17]

Милостивый Государь,
Дмитрий Гаврилович,

Вы позволили мне напомнить о себе письменно вашему превосходительству и желали знать справедливы ли были слухи о тяжкой болезни Полевого. Пользуюсь обязательным позволением вашим и удовлетворяю вашему любопытству. Могу сказать вам положительно, что Полевой жив и на ногах. С одной стороны, появление второго тома «Истории русского народа», если не есть свидетельство совершенного здоровия, то, по крайней мере, есть вывеска жизни; а, с другой, встреча моя с ним на погребении нашего собрата по литературе добрейшего приятеля моего, Василия Львовича Пушкина, удостоверяет, что он здоров[18]. Жаль только, что от него нездоровится другим. За глупую статью о князе Беззубове, напечатанную в одной из книжек «Телеграфа», цензор журнала его, С. Н. Глинка, лишился места своего, а с ним и единственных средств к пропитанию своему и содержанию многочисленного семейства. Все в Москве жалеют о бедной участи несчастного. Наказав цензора за оплошность (и почему цензору угадывать личности на лицо, которое может быть ему и не знакомо?), не имели в виду, что губят вместе с тем и доброго человека, бедного семьянина и писателя, которого вся жизнь была ознаменована честностью поступков и беспорочностью мнений, писателя, служившего пером своим верою и правдою правительству, особенно же в 1812 году, когда Глинка был оракулом провинций и Шатобрианом Московского ополчения. Но, однако же, таковы горестные следствия отставки его. Он теперь решительно без хлеба. Если ваше превосходительство нашли бы случай замолвить кому-нибудь о нем доброе слово, например, для исходатайствования ему пенсии в уважение прежних заслуг его, то истинно спасли бы вы несчастного от гибели[19].

Делю я время свое между городом и подмосковною, пока не приступят к учреждению готовимой выставки. Теперь производятся работы в зале собрания, в которой выставка откроется и кончатся они не прежде половины сентября[20]. Я почел бы за особенное удовольствие, если вашему превосходительству нужно было бы употребить меня на какое-нибудь поручение во время пребывания моего в Москве. Мне всегда приятно будет иметь случай доказывать вам и службе готовность мою быть полезным по мере возможности. Испытав уже благосклонное и приязненное расположение ваше ко мне, не опасаюсь докучить вам неуместною откровенностью, говоря о себе и обратив внимание ваше на предмет для меня весьма важный. Занимаясь теперь в деревне устройством своей будущей петербургской жизни, желал бы я знать на какое содержание по службе могу надеяться от места, которое займу по возвращении моем. Предварительное соображение послужных доходов моих с домашними было бы для меня весьма полезно.

Я должен служить и рад служить, потому что нравственная деятельность есть и обязанность, и удовольствие, но при семействе довольно большом и при имении довольно умеренном должен я также наблюдать, чтобы одна обязанность не прекословила другой и чтобы устройством своего благосостояния, так сказать, политического не расстроить частного, семейного, не менее важного для отца детей, из коих одни докончивают воспитание, а другие начинают, но вообще всё требующих издержек и пожертвований. Если вашему превосходительству не можно было бы пояснить мне от себя недоумение моей заботливости, весьма извинительной в подобном случае, то я, в полной доверенности на права старого знакомства нашего и новых отношений моих с вами, еще подкрепляющих чувства уважения моего к вам и постоянной преданности, покорнейше просил бы вас, при удобном времени, поговорить о том с министром[21] и, доведя до сведения его мое положение, мои потребности и надежды, быть посредником между им и мною для обеспечения участи моей. Впрочем, если настоящее письмо покажется вам недостаточным, то я мог бы, с вашего позволения, написать вам другое, подобного же содержания, но более официальное, которое и могли бы вы представить министру. Если уже просить, то слов жалеть нечего. Язык без костей, а перо поворотливее и самого языка, и потому прилагаю еще покорнейшую просьбу. Не можно ли отвести мне в здании или в зданиях, принадлежащих ведомству министерства финансов, покой из нескольких, например, трех или четырех комнат с хозяйственными принадлежностями (как-то: стойлами в конюшне и углом в каретном сарае), которые избавили бы меня от издержек и хлопот неминуемых при найме квартиры. Вы видите, я не на шутку хочу жениться на службе и завестись с нею домком. Помня мое выражение: j'aime ma femme et les femmes[1*], ваше превосходительство, того и смотри скажет,

[1*] Я люблю мою жену и женщин (*фр.*).

что и здесь выказывается привычка моя волочиться за чужими женами. На первый раз совестно мне длинного письма моего и потому поспешу кончить засвидетельствованием истинного почтения и неизменной преданности, с каковыми имею честь быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
К. Петр Вяземский

Остафьево.
Сентября 2-го дня
1830 года.

[П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову] [22]

Остафьево, 5-го декабря 1830 года.

Признаться, огорошили меня Варшавские вести. Не ожидал их и не понимаю их. И чем более думаю, тем менее понимаю. Во всяком случае не вижу тут народного возмущения, а буйство нескольких головорезов, подобных нашим 14-го декабря. Если никто не хочет составить временное правительство, то, следовательно, в мятеже не участвуют лица именитые, даже с именем, а просто безыменные, без веса в обществе, без кредита в народе. Но если так, то к чему же вышли из Варшавы верные войска и бросили столицу на добычу толпе головорезов? Добро русские, чтобы не подать предлога в обвинении их в зачатии неприязненных действий, но зачем вышла из города и польская гвардия, оставшаяся верною? Кому же теперь привести дела в порядок, кому начальствовать именем закона, когда осталась в городе из вооруженной силы одна мятежная часть? Прочие жители обезоружены: если они будут действовать против мятежников, мятежники их зарежут, как видно многих уже и зарезали: если захотят для сохранения порядка потакать им, они становятся государственными предателями. Вот каша и по несчастью маслили ее и умаслят еще кро́вью. Сколько знаю поляков и даже тех из них, которые были очень недовольны настоящим положением, мне никак не верится, чтобы могли быть тут замешаны известные люди не только явно, но даже и под рукою. Как поляки ни безмозглы, но все нельзя вообразить, чтобы целый народ шел на вольную смерть, на неминуемую гибель. И чего же другого ожидать Польше, восставшей на Россию? Она и не Бельгия. Там есть какая-нибудь соразмерность, да и бельгийцы могли надеяться, что дело их сделается европейским делом, что не дадут их на расправу победителей. Но как полякам не знать, что Европа и не заикнется об них и что Россия справится с ними, как с бунтом в Коломне [23]. Ожидаю с нетерпением и волнением дальнейших вестей и полнейших объяснений прежним. У меня так много людей в Варшаве русских и поляков, с которыми я в связи, я там

все и всех так коротко знаю, что и по участью и по любопытству теперь всеми мыслями и всеми помышлениями моими в Варшаве. Что сделалось с бедными русскими дамами в Варшаве? Успели ли они выехать? Бедная княгиня Лович! Вот двойная, тройная жертва. Эта беда всеми концами лежит на ней[24]. Недаром нам в последних письмах наших так часто икалось о Варшаве: вот она и отрыгнулась нам. Не в добрый час вспомянулось нам о ней.

А вообрази, что в самый день получения почты, бог знает из чего пришло мне в голову фантазировать о Варшаве, что может быть, судьба и служба сведет меня опять с великим князем (о чем я, впрочем, никогда сериозно не думаю и чего даже и не могу желать), что должно мне написать к кое-кому из варшавских знакомок, которых давно потерял из вида. С этими фантазиями воображения встал я с постели и через час после получил ваши письма. Сделай милость, сообщи мне все, что будешь узнавать и что будет официально о польских делах. Мы живем в эпохе холеры и революций. Только в газетах и искать отчетов Башилова и Яковлева и объявлений о новом возмущении. И все это по части истории больных и желтых домов, и по несчастью, и там, и тут все один конец: кровопускание. А нет сомнения, что и в возмущениях есть прилипчивость, заразительность, поветрие. Вот против этого моему Рейсу выдумать бы окурку[25]. Что за жалкое творение человек и за жалкое создание человеческой род. Сам себя и жмет, и бьет, и рубит, и жарит. И добро еще если могли бы прожить мы годов тысячу, то уж так и быть можно бы похлопотать и потеснить себя: но теперь каждый из чего хлопочет? Из нескольких минут и то неверных. Правду говорил проповедник, увещевая прихожан своих воздержаться от любовных удовольствий. Добро, говорил он, если это наслаждение продолжалось бы день, ну хоть несколько часов, ну хоть час, хоть полчаса, и того нет, минуты две, три, так, так (и объясняя слова свои пантомимою рук) et vous voilà damnés[1*]. Так и с жизнью.— У нас в уезде пронесся слух[2*], что будто и холера оживает, кое-где, например в Хамовниках. Правда ли это? От меня едут сегодня крестьяне к заставе. Пишу тебе с ними. Сделай милость, отвечай так же по сей оказии, *не в счет абонемента*. Холера холерою, а Варшава Варшавою. Vos lettres seront doublement palpitantes de l'interêt du moment[3*]. Теперь опять маленькая лихорадка будет бить, распечатывая твой пакет, а то начинал я уже ожидать почты с покойными нервами. Нет, мы живем в нервической эпохе: нервам растянуться не дадут: так поминутно и натягивают их, и то одно, то другое les pince comme les cordes d'une guitare[4*]. Ты говоришь, что не знают, куда девался Новосильцев. А я знаю: спрятался в винный погреб. Вот

[1*] И вот, на вас падает проклятие (*фр.*).
[2*] Государя ждут в Москве. Правда ли?— *Вставка П. А. Вяземского.*
[3*] Ваши письма будут вдвойне животрепещуще интересны (*фр*).
[4*] Щиплет их, как струны гитары (*фр.*).

ему с кампанией придется на страшном суде отвечать за многие беспорядки и несчастия в Польше. Надобно знать Варшаву, как я ее знаю, чтобы судить о изнанке происшествий. Головою отвечаю, что пошли меня парламентером в Варшаву, я привел бы дела в прежний порядок. Дай бог, чтобы Новосильцева не было теперь в Варшаве: к нему не имеют ни уважения, ни доверенности, и если ему поручили бы восстановить порядок, то, кроме раздражения и пущего бешенства, ничего бы не было. Он не любим и не уважен: есть ли же тут способ править людьми? Его даже и не боятся, потому что девки и вино делают из него, что хотят, только с тою разницею, qu'il est impuissant avec les femmes et que le vin est tout puissant sur lui [1*]. Мне все эти Варшавские дела тем прискорбнее, что я уверен в совершенной удобности, какую имело бы правительство наше вести всю Польшу по ниточке, без усилий, без издержек, которых она России стоит, и со всем тем держать бы эту ниточку очень крепко в руке, как спущенный змей, который бы веселился только тем, что у него есть трещетка [2*]. Уж если поляками трудно управлять, то надобно вовсе от людей отказаться. Наполеон закабалил их двумя или тремя фразами, и они лезли на ножи за него.

Кто этот свояк великого князя, о котором ты пишешь, что он убит? Гутаковский или Хлоповский? всего их два. Что наш Нессельрод, то есть наш Варшавский свистун, а не сын того, что свистел задним ртом. Вот можно сказать, что в этой фамилии родовое расположение к духовой музыке. Господи, прости мое согрешение! Право совсем шутить не хочется. Твое письмо в «Северной Пчеле» очень хорошо. Не слишком ли ты выхвалил старушку Москву? Может быть, учтивые петербургские журналисты не хотели обидеть своих и выпустили твои похвалы [26]. Весело Булгарину печатать статьи против своих одноземцев, впрочем, он такая бестья, что он и не русский и не поляк, даже и не жид. Да что же он? Просто из рода бестий или голландцев, как говорит Обресков. Да, кстати! теперь Обрескову нельзя ругаться этим словом, а то можно донести на него, что он за бельгийцев [27].

Сердечно радуюсь, что ушку лучше [28]. Pour la bonne bouche, je finis par l'oreille en vous disant que dès ce moment je suis tout yeux et tout oreille: tout yeux pour lire ce que vous m'apprendrez de bon ou de mauvais, et tout oreille, car je suis tout à l'oreille de M-lle Catherine [3*]. Прощай, любезнейший. Вестей! вестей! вестей! Если правда, что царя ожидают в Москву, дай мне тотчас знать.

1* Он бессилен с женщинами, а вино имеет над ним полную власть (*фр.*).

2* Например: представительство, свобода печатания и проч.— *Прим. П. А. Вяземского.*

3* Кончаю словами об ушке на закуску, так как хочу сказать, что я весь превратился в слух и зрение: зрение — дабы читать все, что вы мне сообщите плохого или хорошего; слух — чтобы показать, что я целиком к услугам ушка м-ль Катрин (*фр.*).

Выписка из журналов Комитета министров 11 июля и 1 августа 1833 года, № 1696

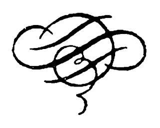
Слушана записка министра финансов от 3-го июля за № 10081 (по Департ[аменту] внеш[ней] торгов[ли]) о производстве коллежского советника князя Вяземского в статские советники.

Комитет, приемля в уважение значительность занимаемой князем Вяземским должности, усердную его службу, известные литературные труды и бывшие примеры, полагал, что согласно с представлением можно произвесть его в статские советники; о чем, на случай всемилостивейшего соизволения, и определил поднести проект указа к подписанию его императорского величества. В заседании 1 августа Комитету объявлено, что статс-секретарь Танеев от 27 июля за № 1391 сообщил управляющему делами Комитета, что государь император высочайше повелеть изволил: *считать дело сие конченным.*

Комитет определил: сообщить о том министру финансов к исполнению выпискою из журнала.

Управляющий делами Комитета
барон *М. Корф*

[*Примечание П. А. Вяземского*]: По приглашению графа Бенкендорфа явился я к нему сегодня 8 числа августа в 11 часов утра, и он объявил мне от имени государя, что государь не утвердил представления обо мне за то, что при пожаловании Эссена графом, сказал я, что напрасно не пожаловали его князем Пожарским[29].

ИЗ ТРИНАДЦАТОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1838—1860)

(Письмо Жуковского к императрице, сообщенное мне ее величеством чрез Смирнову):[1]

«Всемилостивейшая государыня!

При отъезде моем из Петербурга, когда я имел счастие прощаться с вашим имп[ераторским] вел[ичеством], вам угодно было позволить мне написать вам о том, что будет со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написал не иначе, как по прошествии некоторого времени, дабы мне можно было говорить с вами о новой жизни своей не сгоряча, а познакомившись с нею коротко и осмотревшись около себя без всякого предубеждения. Вот уже более двух месяцев, как я женат, я знаю коротко судьбу свою и теперь с большим убеждением, нежели в первые минуты, благодарю бога, который ее сам, без моего ведома, для меня устроил и мне даровал без моего ожидания и искания. Не могу придумать ничего, что бы я теперь пожелал прибавить к моему смиренному, ясному счастию: оно полное. И мне особенно радостно сказать это вашему вел[ичеству], ибо никто лучше вас не знает цены такого блага; а мое, сверх того, есть ваше создание. Теперь из семейного моего приюта, которого покоем и верностию обязан благотворительности тех, коим лучшее время жизни моей посвящено было с любовию, смотрю с благодарностию на мое прошедшее и с особенным чувством воспоминаю те светлые дни, в которые вы были ко мне так милостивы, вы мой идеал доброты, прелести и величия. Этот идеал, старый любимый друг души, никогда не покинет меня и будет добрым гением моей домашней жизни.

Не стану обременять внимание вашего вел[ичества] подробным описанием того, что со мною было в последнее время: если эти обстоятельства будут для вас любопытны, то они все описаны в письме моем к гос[ударю] наследнику. Но для меня необходимо сообщить вам, всем[илости-

вейшая] гос[ударыня], продолжение того письма, которое вам угодно было прочитать в Пет[ербурге]. Необходимо потому, что оно познакомит вас с тем добрым созданием, которое бог теперь соединил со мною. Из него увидите, какого рода счастие мне теперь в удел досталось. (Это письмо получено мною в Берлине: то, что не было читано ваш[им] вел[ичеством], начинается, кажется, с 7 страницы. Осмеливаюсь просить о его мне возвращении). Вместе с этим письмом вверяю и ее, мою добрую жену, вам, как моему провидению: уверяю вас, что вера в вашу к ней милость есть одно из необходимых благ, входящих в состав моего семейного счастия. Но это счастие будет весьма просто. Что ожидает меня впереди, не знаю, — будь, что угодно богу. Моя же цель состоит теперь в том, чтобы обратить все свое внимание, все свои желания единственно на то, что здесь одно *на потребу*, а для достижения к этой цели имею в жене своей надежного помощника. Ее простая, неиспорченная душа, хотя и не богата знаниями, исполнена высокого просвещения. И дай бог, чтобы в остающиеся мне годы я, при этом главном, мог совершить что-нибудь и такое, что и после меня осталось бы добрым обо мне воспоминанием.

Оканчиваю письмо мое повторением моей глубочайшей благодарности перед вами, всем[илостивейшая] госуд[арыня], за все благотворения, коими так щедро вы осыпали меня в прошедшем. Одним из главных, или главнейшим из сих благотворений почитаю *возможность*, которую вы даровали мне *знать близко вашу высокую душу*. Это знание всегда было и навсегда останется моим любезным сокровищем. Сохрани бог вас, государя и все милое царское семейство в неизменном счастии, на радость и благоденствие нашего общего отечества.

Вашего имп[ераторского] вел[ичества] верноподданный

В. Жуковский»

7—19 августа 1841 г.
Дюссельдорф

Было еще письмо к цесаревичу, большое, с подробным описанием брачного обряда, поездки. Душа Жуковского и неловкость его видны в нем *насквозь*. Тонкая бумага так сквозит и так мягка, что чернила расплылись по ней, и я с трудом мог все разобрать, а цесаревичу будет еще труднее. В этом письме выписаны Жуковским несколько строк из письма к нему цесаревича, в коем он говорит, что в день, назначенный для его свадьбы, он много думал о нем и молился за него, желая ему семейного счастия, которое он теперь ценить может, «*с ангелом моим Марией*».

[Записи П. А. Вяземского 1850 — 1860 годов]

Адам Смит, самый ревностный проповедник *свободной торговли*, умер главным управляющим таможен шотландских. (Flourens [Флоуранс], похвальное слово Веньямину Делессерту, в Академии наук — «J[ournal] des Débats», 7 Mars 1850 [«Журналь де деба», 7 марта 1850].

Титов передал мне слово, сказанное Карамзиным о политической экономии: «Эта наука — смесь истин, известных каждому и предположений весьма гипотетических».

Франклин провел несколько из последних лет жизни своей во Франции. Пред отъездом, когда уговаривали его остаться в Париже, он отвечал друзьям своим: «Я очень приятно провел мой вечер; когда настает час ложиться спать, надобно каждому возвратиться домой. Мне очень тяжело уезжать; часто даже колеблюсь; но надеюсь, что исполню то, что прилично».

Можно каждому применить эти слова к жизни своей; перед тем, чтобы вкусить вечный покой, хорошо бы каждому возвратиться домой, то есть в себя, и отказаться от света и от всех житейских попечений и удовольствий. — Так сделал Нелединский.

Catherine II avait l'habitude de dire que *l'oeil du maître engraisse les chevaux*. Elle savait questionner et écouter. On en apprend plus, disait elle, en parlant à des ignorants qu'en s'adressant aux savants.— Ceux-ci seraient honteux de ne pas répondre même sur des choses dont ils n'ont aucune connaissance, et qui n'osent jamais prononcer ces quatre mots si commodes pour nous ignorants: *je ne sais pas*.

Dans un voyage qu'elle avait fait sur les bords du Volga, elle avait demandé aux habitants de ces rives s'ils étaient contents de leur sort. La plupart étaient pêcheurs. «Nous serions satisfaits du fruit de nos traveaux, répondirent ils, si l'on ne nous obligeait pas à envoyer à vos écuries une assez grande quantité de sterlets qui se vendent très cher: c'est un lourd tribus». Vous faites bien de m'en avertir, leur dit-elle en riant. Je ne savais pas que mes chevaux mangeaient du sterlet.

(«Catherine II et son règne» par E. Jauffret. 1860, 2 vol.)[2]

[*Перевод*]

Екатерина II имела привычку говорить, что *хозяйский глаз откармливает лошадей*. Она умела спрашивать и слушать. Можно научиться большему, говорила она, в беседе с невеждами, чем обращаясь к ученым.— Последние постыдились бы не ответить на вопрос о вещах, о которых они даже не имеют никакого представления, и никогда не осмелились бы произнести четыре слова, столь удобных для нас, невежд: *я не знаю*.

Путешествуя по берегам Волги, она спросила у жителей этих мест, довольны ли они своей судьбой. Большая часть жителей были рыбаками. «Мы были бы довольны плодами наших трудов,— ответили они,— если бы нас не принуждали посылать в ваши конюшни довольно большого количества стерлядей, которых можно продать очень дорого, это очень тяжелый налог». Хорошо, что вы предупредили меня об этом, сказала она им, смеясь; я не знала, что мои лошади едят стерлядь («Екатерина II и ее царствование», соч. Э. Жоффре, 1860, 2 тома).

«Notre temps est atteint d'un mal déplorable. Il ne croit à la passion qu'accompagnée de dérèglement; l'amour infini, le parfait dévouement, tous les sentiments ardents, exaltés, maîtres de l'âme, ne lui semblent possibles qu'en dehors des lois morales et des convenances sociales; toute règle est à ses yeux un joug qui paralyse, toute soumission — une servitude qui abaisse, toute flamme s'éteint si elle ne devient un incendie. Mal d'autant plus grave que ce n'est pas un accès de fièvre, ni l'emportement d'une force exubérante: il a sa source dans des doctrines perverses dans le rejet de toute loi, de toute foi, de toute existence surhumaine, dans l'idôlatrie de l'homme se prenant lui-même pour dieu, lui-même et lui seul, son seul plaisir et sa seule volonté! Et à ce mal vient s'en joindre un autre non moins déplorable, l'homme non seulement n'adore plus que lui-même, mais il ne s'adore que dans la multitude où tous se confondent, il porte envie et haine à tout ce qui s'élève au-dessus du commun niveau; toute supériorité, toute grandeur individuelle, quelqu'en soient le genre et le nom, semble à ces esprits à la fois en délire et en décadence, une iniquité et une oppression envers ce chaos d'êtres indistincts et éphémères qu'ils appellent l'humanité; quand ils aperçoivent dans les régions élevées de la société quelque grand scandale, quelque exemple, odieux de vice et de crime, ils triomphent, ils exploitent ardemment contre les supériorités sociales ces apparition sinistres, qui éclatent dans leurs rangs. Ils voudraient faire croire, que ce sont là les moeurs générales, les conséquences naturelles de la haute naissance, de la grande fortune, de la condition aristocratique, n'importe à quel tître et sur quelle base elle s'élève».

(Guizot, L'amour dans le mariage, étude historique. Revue des deux mondes, 1 Mars 1855).—

Как все это идет к нашей литературе — и особенно к нашим обличителям и повествователям [3].

[*Перевод*]

«Наше время поражено ужасным злом. Страсть допускается только в сопровождении беспорядка; бесконечная любовь, безупречная преданность, все пламенные возвышенные чувства, владеющие душой, кажутся возможными только вне нравственных законов и общественных приличий; в глазах нашей эпохи всякое правило является ярмом, парализующим действия, всякая покорность — унизительным рабством; всякое пламя гаснет, если оно не становится пожаром. Это зло тем более серьезно, что оно не является ни лихорадочным приступом, ни увлечением исключительной силы: его источником являются извращенные учения, отрицание всякого закона, всякой веры, всякого сверхчеловеческого существования; идолопоклонство человека, считающего себя богом и признающего только себя и себя одного, только свое наслаждение и только свою волю! К этому злу присоединяется другое зло, не менее сильное: человек не только поклоняется сам себе, но он поклоняется себе только в толпе, в которой все смешано; он полон зависти и ненависти ко всему, что возвышается над общим уровнем; всякое превосходство, всякое личное величие, какого бы ни было оно рода и как бы ни называлось, представляется этим умам, находящимся одновременно в бреду и разложении, беззаконием и покушением против того хаоса неопределенных и недолговечных существ, который они называют человечеством. Когда им удается заметить в верхних слоях общества какой-нибудь крупный скандал, какое-нибудь гнусное проявление порока и преступности, они торжествуют, они яростно натравливают на высшие общественные круги этих мрачных выродков, которые блистают среди них. Они хотели бы заставить поверить, что подобные нравы обычны, что они естественные последствия высокого происхождения, крупных состояний, аристократических свойств, не взирая ни на среду, ни на почву, на которой они выросли» (Гизо. Любовь в браке, исторические этюды. «Ревю де дё монд», 1 марта 1855).

Москва, 5 окт[*ября*] *1860.*

Два раза был я у Ермолова. Ум и память еще очень свежи, но иногда говорит как-то с трудом, тяжело и невнятно.— Разговор зашел об умении выбирать людей и о том, как редко это умение встречается в правителях.— «Вот если я пред кем колена преклоню,— сказал он,— то это пред незабвенным: ведь можно же было когда-нибудь ошибиться, нет, он уж всегда как раз попадал на неспособного человека, когда призывал его на какое бы то ни было место».

Он говорил, что в Турецкую кампанию старик Прозоровский считал за мальчика Кутузова, уже после Аустерлица — а этот мальчик и сам уже начинал ходить как на лыжах. Ермолов говорит про себя, что ему 84 года.

Говорили вчера про войну 1812 г.— По словам его, наши две армии чудом сошлись под Смоленском — и Наполеон мог бы легко разбить нас поодиночке. Он читал отрывки из писем к нему Багратиона, во время отступления. Между прочим, пишет он, что если будут продолжать отступление, он выйдет в отставку — ужасно поносит действия Барклая — говорит: «*Мы обосрали границу свою и бежали*». При всем уважении к храбрости и к дарованиям Багратиона, Ермолов говорит, что ему нельзя было поручить предводительство армиею и что, и по соединении двух армий, мы не в силах были предпринять против неприятеля наступательные

действия, что разделение на две армии было пагубное, особенно по несогласию и неприязни двух главнокомандующих.— Ермолов писал о том импер[атору] Александру сильное письмо.— На одном из военных советов Ермолов предлагал решительную меру — кажется, Тучков сказал, что лучше *обождать до вечера*. Хорошо, ваше пр[евосходительство],— возразил Ермолов,— если вы заключите с Наполеоном условие, что он вас *оставит жить до вечера*.

При Павле, когда Ермолов служил в Петербурге по артиллерии, он неизвестно за что был сослан в Калугу. Чрез несколько времени объявлено ему высочайшее прощение. Он возвращается в Петербург. Спустя две недели сажают его в крепость в казематы — также не сказавши ему ни слова о причине и поводах к заточению его. Просидел он там два месяца — и сослан на жительство в Кострому, где нашел сосланного Платова.

Говорили о смерти Хомякова. «Очень жаль его, большая потеря, да нельзя не пожалеть и о — „о семействе его“ — тут кто-то сказал. Нет,— продолжал Ермолов,— что же, он семейству оставил хорошее состояние, а нельзя не пожалеть о Кошелеве, который без него остался при собственных средствах своих, т. е. дурак дураком»[4].

13 октября 1860, Петерб[ург][5].

Один неловкий, кривой шаг влечет за собою другой, третий и так далее. Варшавское свидание с австрийск[им] имп[ератором] волнует Европу, сердит и пугает Россию, а путного ничего не принесет. Сближения с Австрией, говорят, не будет. К чему же эти шаги вперед, чтобы окончательно оставаться на своем месте? Тут нет ни расчета, ни рассудительности, ни достоинства. А между тем это сближение вынудило другую неловкость, другую жертву. Государь должен был писать Наполеону и объяснить ему всю *невинность* этого свидания, т. е., так сказать, извиниться пред ним, что он в Варшаве примет австрийского императора. Другое нарушение личного достоинства своего. А вот и третье щекотливое или язвительное последствие. Австрийский император приедет в Варшаву, дав конституцию своим народам, или что-то вроде конституции, а следовательно и полякам, у которых мы в той же Варшаве отняли конституцию, или что-то вроде конституции, им нами некогда данной. Это может быть и штучка, пущенная на нас Венским кабинетом, который был всегда большим штукарем. Все эти неловкости от того, что егоза — Горчаков не может сидеть покойно: он не может понять, что после Крымской войны и Парижского конгресса дипломатии нашей подобает одна пассивная роль. Он в политике своей смотрит не на Россию, а на себя в зеркало — и принимает разные позы, чтобы придать себе более важности, становится на цыпках, чтобы придать себе более роста. Дипломатия хороша и ее другие слушают,

когда перья ее очинены острыми штыками, а чернила разведены порохом. Но у нас пока штыки притупились и порох выдохся. До войны, до нашего обезоружения задор Горчакова, может быть, был бы и уместен и в прок: но теперь это анахронизм, et une humiliation de plus[1*].

Горчаков, новый Jérome, pâturait à la recherche d'une position sociale: только он à la recherche d'un congrès[2*]. Как ни бился несчастный этот Еремка, но ничего добиться не мог. Теперь обрадовался он возможности сочинить маленький конгрессик в Варшаве. А между тем Прусский министр Шлейниц отказался туда ехать и послал своего подмастерья. Слышно, что и принц-регент неохотно поехал в Варшаву. Но что Горчакову за дело? Все же будет ему что по возвращении своем рассказывать здешним дамам о своих Варшавских словесных похождениях и победах.

Pétersbourg ne me fait pas toujours l'effet d'une maison de fous, mais souvent d'une maison d'idiots[3*]. Это не дом умалишенных, а дом ума неимущих.

Варшавский съезд, сочиненный Горчаковым, напоминает мне мой святочный куплет о Госуд[арственном] совете. Он может пригодиться и здесь с некоторыми изменениями:

Наш краснобай, в Варшаву
Конгрессик второпях
Созвал себе на славу:
Европу обнял страх.

Не бойся, говорит, сиди себе в покое,

Мы не обидим никого:
Мы право, право ничего,
Хоть нас числом и трое.

Наша дипломатия, под направлением Горчакова, похожа на старую нарумяненную, с фальшивыми зубами кокетку. Она еще здесь и там подмигивает, улыбается, чтобы выказать подставные свои зубы, заманивает, иногда грозит своим сухим и морщинистым пальцем. Но никто уже не поддается ее приманкам, никто не обращает внимания на угрозы ее. А она все продолжает жеманиться, ломаться, любезничать, *будировать*. Все это по образцу и подобию Горчакова, который сам старая кокетка.

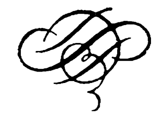
После причащения, Бажанов спросил импер[атрицу] Алекс[андру] Фед[оровну] простила ли она всем, против которых имела она злопамятство. Она призадумалась и отвечала: нет. Духовник увещал ее держаться

1* И еще большее унижение (*фр.*).

2* Горчаков, новый Иероним, бродил по пастбищу в поисках общественного положения: только он в поисках конгресса (*фр.*).

3* Петербург не всегда производит на меня впечатление дома умалишенных; часто он кажется мне домом идиотов (*фр.*).

христианского правила. «Если так,— сказала она,— прощаю австрийскому императору все зло, которое он сделал покойному императору и нам». Это повторение того, что было при кончине Николая Павловича, когда сама императрица спросила его: не осталось ли на душе его озлобления против кого-нибудь. Он отвечал: «Нет, прощаю и австрийскому императору, который так жестоко переворачивал нож в ране, им нанесенной мне,— и готов молиться за него и за *султана*»: последнее слово проговорил он улыбаясь (рассказано мне Блудовым, который слышал это от имп[ератрицы] Алек[сандры] Фед[оровны][6].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

1

Потомок удельных князей, «рюриковичей», Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) унаследовал от отца не только древнее имя и внушительное состояние, но и особый интерес к европейской культуре. Объездивший всю Евро́пу и женившийся на ирландке, князь Андрей Иванович принадлежал к числу наиболее образованных представителей родовой аристократии. Он следил за современной наукой и литературой, был поклонником энциклопедистов, собрал большую библиотеку в своей подмосковной усадьбе Остафьеве.

Друзья отца и посетители его салона сыграли большую роль как в умственном развитии П. А. Вяземского, так и в его писательской деятельности. Он наблюдал характернейших представителей екатерининского и павловского царствования, знакомился с их идеями, вкусами, подмечал особенности их языка. Их рассказы, анекдоты, острые словечки он заносил в свои записные книжки и использовал позднее в статьях и очерках.

В отцовском же салоне Вяземский сблизился с представителями разных литературных направлений рубежа XVIII—XIX вв. (Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, Карамзин, В. Л. Пушкин, Жуковский). Общение с ними поддерживало его исключительный интерес к литературе и укрепляло в намерении стать писателем. Особенно значительной была роль Н. М. Карамзина, женатого на старшей сестре Вяземского. Его-то руководству Вяземский-отец, умерший в 1807 г., и поручил сына.

Состоя номинально на службе в Межевой канцелярии, Вяземский вел рассеянный образ жизни богатого светского юноши и скоро расстроил свое состояние большими карточными проигрышами. Но в те же годы (1808—1811) у него завязались крепкие дружеские связи со многими выдающимися его современниками: Жуковским, Батюшковым, братьями Тургеневыми, Блудовым, Севериным и др.

Девятнадцати лет Вяземский женился на княжне Вере Федоровне Гагариной, которая была на два года старше его. Ее мать, урожденная

Трубецкая, была замужем вторым браком за П. А. Кологривовым, владельцем большого имения Мещерское Саратовской губернии, куда впоследствии Вяземский и его семья часто ездили.

С 1812 г. кончилась пора беззаботной молодости Вяземского. Он участвовал в Бородинском сражении, после которого уехал в Вологду, где находилась его жена и где родился его первый сын, вскоре умерший. Вернувшись в Москву и возобновив свои дружеские и литературные связи, Вяземский с особым пылом отдался борьбе против консервативной «Беседы любителей русского слова» в защиту творчества Карамзина, Жуковского и их последователей. Выступая под именем Асмодея, Вяземский стал одним из наиболее рьяных и плодовитых членов «Арзамаса», объединившего в 1815 г. наиболее талантливых и передовых писателей. Его не удовлетворяла исключительно литературная роль этого общества, и он надеялся придать ему политическое направление.

Уже в этот период в его поэзии и особенно в письмах к друзьям проявляется его критическое отношение к действительности, особенно в оценке придворной знати, в наблюдениях над невежеством и произволом, царившими во всех слоях русского общества. Осмыслению этих наблюдений много способствует его общение с М. Ф. Орловым и Н. И. Тургеневым.

Осенью 1817 г. стараниями друзей Вяземский был определен на службу в Варшаву к императорскому комиссару Н. Н. Новосильцеву. Легенды о положительной, либеральной роли Новосильцева в первые годы царствования Александра недолго держали Вяземского в заблуждении. Он скоро разочаровался в своем начальстве и стал тяготиться зависимостью от этого влиятельного, но ничтожного карьериста.

Вяземский приехал в Варшаву в феврале 1818 г., а 3 марта туда прибыл Александр I, выступивший на заседании польского сейма с либеральной речью, в которой он обещал дать конституцию России. Вяземский участвовал в переводе на русский язык речи Александра, а также подготовленного тогда в Варшаве проекта конституции для России. Эта работа, общение с польской оппозицией, чтение французских либеральных журналов, интерес к дебатам во французском парламенте (особенно к выступлениям Бенжамена Констана), особое внимание к конгрессам Священного союза и роли Александра заостряли критическое отношение Вяземского к русскому самодержавию, его деспотизму внутри страны и его жандармской политике по отношению к революционным движениям за ее рубежом. Обличение политического бесправия, придворного лакейства и подлости, продажности бюрократии, жестокости военщины, грубого невежества и произвола крепостников стало обычным предметом откровенных устных и письменных бесед Вяземского с друзьями и проникло в его творчество («Петербург», «Негодование» и др.). Во время приездов из Варшавы в Москву и Петербург в 1819 и 1820 гг. Вяземский общался

с будущими декабристами, принимал участие в составлении записки о проекте освобождения крестьян, поданной Александру I.

Позиция, занятая Вяземским, стала известна великому князю Константину в Варшаве, и о ней было доложено Александру. В апреле 1821 г. Вяземскому, находившемуся в Петербурге, было сообщено о запрещении возвращаться в Варшаву, где он служил и где находилась его семья. Оскорбленный Вяземский подал царю прошение о сложении с него звания камер-юнкера и поселился в Москве. За ним был учрежден тайный полицейский надзор.

В 1822—1829 гг. Вяземский был «в опале», жил в Москве и в Остафьеве, много ездил по России (Кострома, Нижний, Пенза, Ревель), деятельно занимался литературной работой, воевал с цензурой, с реакционной прессой, делал попытки печататься во Франции в «Revue Encyclopédique», мечтал о поездке за границу. В 1825—1827 гг. активно сотрудничал в «Московском телеграфе».

Известие о декабрьском восстании, в котором приняли участие многие его друзья и знакомые, потрясло Вяземского. Еще более тяжело пережил он в 1826 г. суд и расправу над декабристами. Это породило ненависть к новому царю и его окружению, которая продолжала в нем жить до конца царствования Николая I, глубоко затаенная, но иногда прорывавшаяся на страницах его записных книжек.

В 1828 г. став жертвой тайных доносов, чернивших его имя, Вяземский представил в 1829 г. Николаю I записку автобиографического характера («Исповедь») с целью опровергнуть клевету и вновь поступить на службу. Последнее было необходимо и по материальным соображениям, и для защиты от гнусных выпадов и доносов его литературных врагов. В 1830 г. Вяземский по приказанию царя был принят на службу по министерству финансов, хотя сам он хотел бы служить по министерству просвещения или юстиции. Двадцать лет прослужил Вяземский по чуждому ему ведомству, признаваясь в полной неспособности и отсутствии интереса к предмету своей работы.

Служба потребовала переезда Вяземского и его семьи в Петербург. Здесь продолжалась его дружба с Пушкиным, Жуковским и другими писателями, но сам Вяземский стал меньше заниматься литературной деятельностью.

Тяжелые семейные события — утрата дочерей (Полины в 1835 г., Надежды в 1840 г., Марии в 1849 г.) и смерть ближайших друзей (Пушкина, А. И. Тургенева и др.) омрачили жизнь Вяземского.

В 1838—1839 гг. сбылась его давняя мечта познакомиться с Европой. Во время длительного пребывания в Германии, Франции и Англии он встречался с крупнейшими европейскими писателями и политическими деятелями, наблюдал быт английской аристократии, парижские салоны и уличную жизнь. Но в эти годы Вяземский уже не был тем поклонником

Европы и особенно Франции, каким он зарекомендовал себя в молодости. Впечатления и отзывы в записных книжках о заграничном путешествии имеют критический, а иногда и сатирический характер. Спустя десять лет революционные события 1848 г. вызвали со стороны Вяземского резкое осуждение и стремление противопоставить мятежной Европе непоколебимые, как казалось, устои «святой Руси». О том, что Вяземский не был до конца искренен, становясь официально в ряды защитников николаевской империи, говорят некоторые признания в его записных книжках. Однако в то же время он был совершенно чужд передовому отряду русского общества, пришедшему на смену поколению декабристов. Вяземский недружелюбно встретил разночинную молодежь, все шире и заметнее проявлявшую себя в литературе и журналистике, и совсем враждебно отнесся к представителям революционной демократии.

Вторая половина его жизни отмечена не только резким осуждением передовых революционных сил России, но и презрительно-насмешливым отношением к другим общественным группам: и к либералам западной ориентации, и к славянофилам, и к идеологам крайней реакции, подобным Каткову. Товарищ министра народного просвещения, сенатор, член Государственного совета, обер-шенк двора — Вяземский доживал свой век, ощущая глубокий разлад с современностью. Он проводил многие годы за границей, скитаясь по Европе. Тяжелая нервная болезнь иногда принуждала его к длительному лечению в санаториях и на курортах.

Утешением оставались воспоминания о минувшем. В них он черпал материалы для своей поэзии и прозы, так как до последних лет жизни не покидал занятия литературой. Старые записные книжки, куда он в течение многих десятилетий вносил наблюдения и мысли, помогали ему восстановить в памяти прошлое. Тем охотнее занимался он в старости обработкой своих прежних записей и подготовкой их к печати.

2

О своеобразии личности и одаренности Вяземского оставили многочисленные свидетельства его друзья, принадлежавшие к лучшим людям своего времени. «Возвышенный ум», «простодушие с язвительной улыбкой» отметил в Вяземском Пушкин в надписи к его портрету, перечисляя «дары», которыми наградила его судьба. Но сам Вяземский любил отмечать один дар, одну способность, которую особенно ценил в себе. Это — свойство чрезвычайно быстро и сильно ощущать и тотчас же отзываться на настроения и события времени. «Я — термометр: каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоропостижно» [1],— писал

[1] Письмо от 3 октября 1820 г. *ОА*, II, 80.

Вяземский А. И. Тургеневу, а в письме к М. Ф. Орлову, развивая это сравнение, попутно указал на невозможность в условиях самодержавно-крепостнической России с пользой употребить дарованное ему свойство: «Я не рожден действовать сам собою и уметь приносить пользу личную в общем беспорядке. Я сравниваю себя с термометром, который не дает ни холода, ни тепла, но живее и скорее всего чувствует перемены в атмосфере и умеет показывать верно ее изменения. При других обстоятельствах и я мог быть бы полезен; но там, где жарят или знобят наудачу, где никаким признакам не верят, никаких указателей не требуют, там я вещь лишняя и лучше мне лежать заброшенным в углу, чем висеть чинно на стене и давать крови своей, подобно ртути, то опускающейся, то стремящейся вверх, поочередно кипеть от негодования или остывать от уныния»[1].

Конечно, не случайно названия крайних показателей температуры в термометре Вяземского — «негодование» и «уныние» — совпадают с названиями его лучших стихотворений этого периода[2]; именно в поэтическом творчестве, в критической деятельности Вяземский пытался дать выход своей быстрой и бурной реакции на явления общественно-политической жизни. Однако если произведения, написанные при температуре «уныния», еще могли пройти в печать, то отклики, полные негодования и возмущения, не могли прорваться сквозь гнет цензуры и оставались в рукописях, в лучшем случае пополняя собой литературу, распространявшуюся в списках.

Не удовлетворяясь теми чрезвычайно ограниченными возможностями, которые предоставляла ему для выражения общественных настроений его журнальная деятельность, Вяземский рано прибегнул к иному способу воздействия на общественное мнение и даже отчасти на правительственные круги. Этим способом была его переписка с друзьями. В письмах к братьям Тургеневым, к М. Ф. Орлову, Пушкину и некоторым другим друзьям он горячо откликался на политические, общественные и литературные события, настроения, слухи в полной уверенности, что написанное им будет читаться не только одним адресатом, но и кругом его приятелей и знакомых. Мало того, зная, что его письма вскрываются на почте, он надеялся, что они будут переправлены в руки тех, кто не позволял ему высказаться в печати. Трудно переоценить значение дошедших до нас писем Вяземского, особенно относящихся к 1810—1830 гг. Как уже опубликованные, так и ждущие еще своей публикации эти письма представляют важный исторический материал не только по обилию фактических сведений, но и по освещению этих сведений автором и его комментариям к ним.

Вяземский широко использовал в эпистолярии свое свойство «термометра», но все же далеко не всегда его рвущееся наружу «кипение» и

---

[1] *ПС*, II, 109.
[2] «Негодование» — 1820 г.; «Уныние» — 1819 г.

угнетавшее его чувство уныния, доходившее до отчаяния, могли быть излиты в письмах. «Температура» настроений Вяземского бывала иногда такова, что выразить ее в письме, хотя бы и отправленном с оказией, было опасно не только для автора, но и для адресата. С этим Вяземский не мог не считаться. К тому же письмо всегда требовало соответствия с интересами адресата, а также известной литературной формы, большим мастером которой был Вяземский. Условия переписки часто препятствовали тому, чтобы возникшая потребность тотчас выразить свое отношение к слышанному или прочитанному могла быть немедленно удовлетворена. Этой цели гораздо лучше могла служить другая форма фиксирования колебаний «температуры» — записи в тетрадях, книжках, которые всегда были под рукою и оставались недоступными для чужого глаза, но при желании могли быть даны для ознакомления друзьям.

Вяземский начал вести записные книжки с 1813 г. и вел их до конца жизни. В его архиве сохранилось тридцать шесть книжек, чрезвычайно разнообразных по внешнему виду. Среди них мы встретим и толстые книги в сафьяновых красных и зеленых переплетах, и тонкие тетради в картонных обложках, оклеенных «мраморной» бумагой, и маленькие карманные записные книжки в коже с петельками для карандаша, и тетради-альбомы из плотной цветной бумаги, и календари-справочники, где печатные страницы перемежаются с чистыми листами. Разнообразие их внешнего вида соответствует пестроте их содержания. Некоторые из них тщательно исписаны от первой до последней страницы, другие заполнены наполовину, на четверть. В одних преобладает своеобразный почерк самого Вяземского, с годами делавшийся все более крупным и менее разборчивым. В других ровными строчками ложится мелкий французский почерк его жены, Веры Федоровны Вяземской, и крупный, отчетливый русский — ее же. В некоторых книжках скучно покрывает страницу за страницей каллиграфическое письмо переписчиков, лишь на отдельных листках чернеют далеко не каллиграфические записи владельца книжек.

Каждая из записных книжек Вяземского имела свою особую физиономию, свое особое назначение. Записные книжки не сменяли одна другую при окончании, а служили одновременно долгие годы, причем записи могли вноситься через десятки лет. В один и тот же год Вяземский зачастую вносил запись в две или даже в три книжки, выбирая из них ту, которая по своему назначению более подходила для той или иной записи. Были книжки-альбомы стихов и прозы, книжки путевых заметок, книжки для копирования важных документов, личных или исторических, книжки для дневниковых записей, для выписок из прочитанного и т. д.

Вяземский не раз высказывался по поводу того интереса, который может со временем приобрести его эпистолярное наследство, выражал желание собрать и сохранить его. Хорошо осознавал он также и значение своих записных книжек, где находили отражение самые сокровенные

его раздумья и оценки пережитого. Он так сроднился с этой формой воплощения своего *я*, что в старости самого себя называл в шутку «записной книжкой»:

«Годов и поколений много
Я пережить уже успел,
И длинною своей дорогой
Событий много подсмотрел.
Талантов нет во мне излишка,
Не корчу важного лица;
Я просто *Записная книжка*,
Где жизнь играет роль писца...» [1]

В 1826 г., когда была закончена лишь первая книжка, вторая и третья продолжались, а четвертая и пятая только были начаты, уже тогда Вяземский сделал первый опыт публикации отдельных записей. В «Московском телеграфе» [2] в отделе «Смесь» на шести страницах за своею подписью он поместил выдержки из второй книжки, снабдив их таким заглавием и эпиграфом: «Выдержки из записной книжки». «Je jette mes idées sur le papier et elles deviennent ce qu'elles peuvent. Diderot» [3].

В следующих, 1827 и 1829 гг. Вяземский продолжил печатание «Выдержек» в «Московском телеграфе» и в двух альманахах: «Северные цветы» и «Литературный музеум» [4]. Всюду повторялись выбранное заглавие и эпиграф, а материал брался из второй книжки. В 1830 г. Вяземский напечатал отрывок из третьей книжки под заглавием: «Величка (отрывок из путевых записок)», после чего извлечения из книжек не печатались почти 40 лет.

Все тексты записных книжек, опубликованные Вяземским во второй половине XIX в., помещены в изданиях П. И. Бартенева и появились благодаря его инициативе и личным связям издателя и автора. Зная, с каким трудом и неохотой Вяземский в течение всей жизни готовил к печати свои произведения, надо думать, что роль Бартенева в публикациях материалов записных книжек была очень значительна.

В 1866 г. в «Русском архиве» под названием «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. Литературные арзамасские шалости» [5] Бартенев перепечатал пародии Вяземского на басни графа Хвостова и два его шуточных прозаических произведения, тексты которых внесены в пер-

---

[1] *ПС*, IX, VII.
[2] «Московский телеграф», ч. XII, 1826, стр. 37—42.
[3] См. книжка вторая, стр. 46.
[4] «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, стр. 90—95. «Северные цветы на 1827 г.», стр. 146—158; на 1829 г., стр. 218—230. «Литературный музеум на 1827 г.», стр. 282—289.
[5] *РА*, 1866, стлб. 473—488.

вую записную книжку. Только начиная с 1872 г. и кончая 1877 г. избранный материал из записных книжек публиковался более или менее планомерно, под единым заголовком и в довольно значительном объеме.

Первую публикацию Бартенев поместил в историческом сборнике «Девятнадцатый век», озаглавив ее так: «Старая записная книжка. Начата в 1813 году в Москве. Заметки биографические, характеристические, литературные и житейские». К этому заглавию Бартенев сделал следующее примечание с целью скрыть подлинное имя автора книжек и мистифицировать читателя: «Мы получили эту книжку из Саратовской губернии, в списке с подлинника. Она нашлась в бумагах одного любителя нашей старины, который, однако, не был автором. Содержание записной книжки показалось нам так занимательно, что мы спешим поделиться ею с читателями „XIX века", предоставляя себе впоследствии доискаться чьему именно перу принадлежит она. *П. Б.*».

Публикация, помещенная в «Девятнадцатом веке», самая обширная. Она занимает 77 страниц и заключает свыше 100 записей, взятых из разных книжек[1].

В том же 1872 г. Бартенев дал небольшую публикацию в «Русском архиве» с заголовком «Из старой записной книжки, начатой в 1813 году», со ссылкой на сведения, данные в сборнике «Девятнадцатый век». Интересно, что в той же книжке «Русского архива» были напечатаны «Замечания» на публикацию в сборнике с поправками, несомненно идущими от автора — Вяземского[2].

В 1873—1877 гг. в «Русском архиве» ежегодно появлялись выдержки из записных книжек Вяземского под тем же заглавием, как и в 1872 г., и также без указания имени автора. В связи с этим интересно привести несколько отрывков из переписки Вяземского с Бартеневым. Так, 25 марта (6 апреля) 1873 г. Вяземский, посылая тексты, которые были напечатаны в журнале за этот год в книге I (стлб. 831—846 и 1017—1048), писал из Гомбурга издателю «Русского архива»: «Вот вам тяжеловесное приношение. Пригодится ли оно? Во всяком случае храните до возможности тайну происхождения его. Вот и некоторые условия мои: 1-ое. Ничего не выключать и не перечеркивать без предварительного соглашения со мною. 2-ое. Можете растасовать заметки, как угодно, но кончить Белинским. Этот фейерверочный букет, кажется, довольно удачен: и нужно быть ему на виду.

В статье Понятовского, кажется, нет ничего противоцензурного. Говорят же свободно у нас, что Екатерина имела любовников: почему не сказать, что Понятовский мечтал о браке с нею? Тем более, что это мечтание подвергается строгому суждению.

---

[1] «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 219—296.

[2] Стлб. 2251—2261.

Все прочее, кажется, совершенно законно. Если найдутся описки, ошибки, то прошу исправить. Меня так утомило и так надоело мне переписывание, что не имею духу подвергнуть мое маранье новой корректуре. Но вас умоляю не лениться в корректуре. Мне всегда обидно и досадно встречать опечатки в статьях своих; и между тем никогда не обойдется без двух-трех крупных опечаток... Можете разбить весь состав на несколько приемов, если читателям трудно будет проглотить за один раз. Вот, кажется, и все высказал»[1].

В письме от 30 апреля Вяземский вновь подтверждал свое нежелание раскрывать инкогнито: «...не желаю видеть имя мое в печати. Отсутствующему и больному как-то неловко вмешиваться в толпу. Вероятно, многие меня узнают. Но это другое дело. Все-таки остаюсь под защитою и неприкосновенностью маски. А в наши дни едва ли можно, как и честной женщине, являться без маски в публичный наш литературный маскарад... Во всяком случае, запретите Басистову выболтать тайну вами ему вверенную. Здесь идет дело о государственно-служебном отношении: в моем положении такая нескромность с моей стороны была бы непростительна...».

Письма Вяземского к Бартеневу вскрывают некоторые стороны его работы над «Выдержками из старой записной книжки». Иронически он называл этот труд «сшиванием на живую нитку старых лоскутов из черного белья своего». Группировку их он предоставлял редактору журнала, напоминая, что без нее «рябит в глазах и в мыслях», но давал такой совет: «Еще одно замечание, относящееся до именитых и высочайших особ: лучше ставить их в начале и как-нибудь особняком. Пожалуй, иные найдут неприятным, что их суют в толпу наравне со всеми».

Письма Вяземского вскрывают и ту «злободневность», которую он вносил в свою обработку для печати старых записей: он или исправлял их, или присоединял к ним новые записи, пронизанные ненавистью к демократическим и либеральным тенденциям в русской литературе второй половины века. Таков, например, его выпад против поклонников Белинского, его запись, посвященная Александру I и Сперанскому («Русский архив» за 1874 г., кн. I, стлб. 182—195).

Посылая последний материал, Вяземский признавался, что долго над ним работал и был удовлетворен результатом: «Кажется, взгляд мой довольно новый и по убеждению и совести моей довольно верный. Нельзя же давать одним Пыпиным перекраивать старину на их покрой».

Вяземский постоянно советовался с Бартеневым в отношении посланного материала, просил его критических замечаний. Бартенев навещал Вяземского в Гомбурге и под впечатлением встречи и бесед с ним поместил следующее примечание к отрывку «Из старой записной книжки» в кн. I

---

[1] Эта и следующие цитаты взяты из писем Вяземского к Бартеневу, хранящихся в ЦГАЛИ, ф. 46, Бартенева, оп. I, № 565.

«Русского архива» за 1874 г., стлб. 1337. Указав, где печатались ранее выдержки «Из старой записной книжки», Бартенев писал об их авторе: «Не знаем, как и благодарить саратовского доставителя этих очерков, заметок и рассказов, в которых в таком обилии разбросаны драгоценные указания по словесной, политической, общественной и бытовой истории нашей. Читатели вправе требовать, чтобы названо было, наконец, имя автора Записной книжки; но мы не можем до сих пор удовлетворить законному их любопытству и скажем только, что нам довелось видеть подлинную рукопись, начатую еще в 1813 году и к радости нашей продолжаемую до сего дня».

После смерти Вяземского в 1878 г. записные книжки были включены в Полное собрание его сочинений, издававшееся С. Д. Шереметевым в 1878—1888 гг., и заняли восьмой, девятый и десятый тома. В восьмом томе (1883 г.) были собраны все тексты, напечатанные самим автором. Они размещены в хронологическом порядке их первого появления в печати, однако без ссылок на место и время публикации. Если текст при жизни Вяземского печатался дважды в разных изданиях, то и в восьмом томе он перепечатывался дважды. Не исправлялись даже явные опечатки, на которые в свое время Вяземский жаловался Бартеневу. Так, по поводу отрывка о Неелове в «Русском архиве» за 1873 г. Вяземский писал редактору: «Опечатки меня смущают и вчуже, а в собственном деле и подавно. Еще бы незначительная опечатка, отсутствие буквы или перемена ее на другую, куда ни идет, но опечатка, искажающая мысль, уже из рук вон. А со мною поминутно бывают такие пассажи. Вот теперь заставляете вы меня говорить о *скромности* Неелова... У меня значится *скоромнее*, а у вас выставлено *скромнее*. Пожалуйста, исправьте»[1]. При перепечатке в Полном собрании сочинений, т. VIII, стр. 158 искаженный текст сохранен. О Неелове сказано, что «он был скромнее» и Мятлева и Соболевского.

Тексты «Выдержек из Старой записной книжки» ни в изданиях Бартенева, ни в Полном собрании сочинений не были снабжены комментариями. В последнем они сопровождались лишь очень несовершенным указателем, который далеко не полностью охватывал все встречающиеся имена, все их упоминания в тексте.

Тексты записных книжек, не публиковавшиеся автором при жизни, были помещены в Полном собрании сочинений в девятом (1884 г., книжки 1—14) и в десятом (1886 г., книжки 15—32) томах. Текст печатался по автографам, причем система публикации была следующая: все, что ранее, хотя и в сильно переделанном виде, было напечатано Вяземским и, следовательно, вошло в восьмой том, из томов девятого и десятого изымалось без всякого указания на изъятие или отсылки к тому восьмому. Если оказывалось, что Вяземским опубликована лишь часть записи, то она печа-

[1] Письмо от 13/25 ноября 1873 г.

талась в томе восьмом, а остальная в девятом или десятом. Случаи, когда начало записи оказалось напечатанным в томе восьмом, а продолжение или конец (иногда без всякого смысла) в девятом, встречаются часто.

Но не в этом главный недостаток воспроизведения записных книжек в Полном собрании сочинений. Гораздо печальнее отразилась на их тексте принципиальная установка издателя, которая так сформулирована в кратком предисловии к девятому тому:

«Многому из этих записных книжек еще не наступило время для обнародования, и это *многое* послужит со временем одним из важнейших источников не только для биографии князя Вяземского, но и для истории русского общества и русского просвещения»[1].

Десятки страниц из записных книжек не попали в печать, очевидно, и потому, что, по мнению издателя, публикация их была преждевременна, а также потому, что царская цензура не могла их пропустить. Резкая критика самодержавия, сочувствие декабристам, протест против крепостного права, уничтожающие характеристики «столпов» самодержавия, антирелигиозные высказывания — все это исключено, конечно, по идеологическим соображениям. Однако даже и то, что издатель считал возможным пропустить, наталкивалось в 80-х годах на рогатки цензуры, в результате чего некоторые листы тома девятого печатались дважды[2].

Публикация записных книжек по автографам в девятом и десятом томах не ставила себе задачей сохранить подлинный вид и отразить полностью содержание книжек. В Полном собрании сочинений не печатались стихотворения Вяземского, находившиеся на страницах записных книжек, и не оговаривалось их присутствие там; никак не характеризовались многочисленные тексты, по содержанию не принадлежавшие Вяземскому, но с определенной целью переписанные им в записные книжки; не оговаривались многочисленные записи, сделанные Вяземским о чтении книг, о посланных письмах и т. д. Все это лишало читателей возможности представить себе записные книжки во всем их своеобразии и пестроте.

Надо отметить еще одну отрицательную сторону в воспроизведении рукописных текстов в Полном собрании сочинений. Это грубейшие ошибки, допущенные при чтении подлинных текстов Вяземского. Имеется ряд искажений, когда неверно прочитанное слово меняет содержание записи или лишает его всякого смысла, например:

Напечатано: «Русский народ решительно *не сметлив*». Надо: «*насмешлив*». Напечатано: «Двух нравственностей быть не может: *честной* и народной». Надо: «*частной*». Напечатано: «Богуславский, бежавший из тюрьмы, говорил мне, что он *многих ковал*». Надо: «*эмигрировал*» и пр.

---

[1] *ПС*, IX, 1884, стр. VI.

[2] См. Николай Кутанов [С. Н. Дурылин]. Декабрист без декабря. «Декабристы и их время», II. М., 1932, стр. 201—290.

Отметим, что и тексты, впервые появившиеся в печати в девятом и десятом томах, так же как и перепечатанные в восьмом томе, не снабжены комментариями, а сделанный к ним указатель не полон. И все же надо сказать, что публикация записных книжек Вяземского по автографам в 80-х годах прошлого века — для того времени серьезное научное достижение. Она ввела в оборот многочисленные исторические, общественные и литературные факты, отразила в ярких, часто сатирических зарисовках совсем недавно миновавшую эпоху и своеобразный облик самого мемуариста.

После выхода в свет полного собрания сочинений Вяземского записные книжки были частично перепечатаны еще один раз. В 1929 г. вышла под редакцией Л. Я. Гинзбург книга «П. А. Вяземский. „Старая записная книжка“». Издание поставило себе задачей популяризировать это литературное наследство Вяземского, прежние публикации которого к этому времени стали библиографической редкостью. В новом издании перепечатаны тексты по Полному собранию сочинений, причем опубликован не весь материал, находящийся в восьмом, девятом и десятом томах, а лишь избранный, составляющий менее его четвертой части. Развив в своей вступительной статье представление о записных книжках как о литературном жанре, позволяющем «отбрасывать и перемещать материал, не нарушая принципа построения», редактор издания Л. Я. Гинзбург скомпоновала записи, взятые из разных книжек, сделанные в различные эпохи жизни Вяземского, и разместила их по своему усмотрению. Хотя в небольшом предисловии и говорится, что «общая последовательность записей» соблюдена, но это далеко не всегда верно. Краткий обзор записных книжек, который приводится нами далее, показывает, как тесно увязаны записи каждой книжки с эпохой, когда они писались, и с эволюцией взглядов Вяземского. Положительной стороной издания 1929 г. надо считать наличие в нем первых комментариев к записным книжкам.

После 1929 г. записные книжки Вяземского не переиздавались. Между тем нельзя сомневаться, что современные литературоведы и историки обращаются и будут обращаться к ценнейшим сведениям, в них заключенным, а советские читатели найдут в них чтение, поражающее широтой охваченного исторического материала, зоркостью и остротой взгляда автора и своеобразием стиля его записей.

3

Задача настоящего издания — публикация текстов записей Вяземского в том виде, в каком они вносились им в записные книжки. Необходимо указать на эту принципиальную установку во избежание возможного недоразумения. Это не переиздание «Старой записной книжки», которую публиковал сам автор в разных журналах отрывками, позднее собранными и перепечатанными в восьмом томе его Полного собрания со-

чинений. Это публикация архивных материалов, подлинных записных книжек, впервые воспроизводимых в полном и систематическом виде.

Надо несколько остановиться на вопросе о том, в каком отношении находятся друг к другу тексты записных книжек и тексты опубликованной автором «Старой записной книжки». Подготовляя к печати свои первоначальные записи, Вяземский трудился почти над каждой из них, стремясь к художественной обработке повествования, совершенству композиционного построения, оттачивая и совершенствуя стиль. В «Старой записной книжке» Вяземский выступает как мастер особого жанра короткого рассказа, зачастую построенного на мелком бытовом факте, анекдоте, затейливой игре слов. Вместе с тем в них он и мастер-портретист, давший целую галерею представителей русского общества конца XVIII и начала XIX в. Автор «Старой записной книжки» — это Вяземский 70-х годов, который по канве записей, сделанных им в молодости, мастерски вышивал узор своих кратких новелл. У нас нет никаких сведений о том, что он предполагал их когда-либо объединить и издать как единое целое литературное произведение.

Тексты, опубликованные Вяземским, отличаются от записанных им в молодости не только художественной редакцией, но иногда и большей полнотой. Они развертывают схему, набросанную в первой записи, в них встречаются фактические добавления и пояснения, которые автор вносил в них, может быть, по памяти или по каким-то другим имевшимся у него материалам.

Однако указанными отличиями не исчерпывается разница между текстами записных книжек и «Старой записной книжки». Надо также указать, что при издании своих записей как в 20-х, так и в 70-х годах Вяземский должен был учитывать требования цензуры. Поэтому содержание записи иногда теряло свою остроту и не раз обличительный острый памфлет превращался в смешной анекдот или каламбур. Но не только приспособление к цензурным требованиям играло роль в явном сглаживании политически острых записей. Большое значение имело изменение мировоззрения автора, его высокое официальное положение в 70-х годах. Он не хотел и не мог печатать записи 20-х годов в том виде, как они вышли из-под пера в годы его молодости. Вытравливание из записей духа либерализма, оппозиции, острых сатирических выпадов против самодержцев, двора и т. д. надо отнести, конечно, и на счет изменения взглядов автора. В связи с этим стилистически перерабатывалось большинство опубликованных записей. Их стиль «облагораживался», обычные бытовые слова заменялись более изысканными, деликатно умалчивались неудобные подробности, вместо известных имен ставились инициалы или неопределенное «некто», члены царской фамилии полностью титуловались и т. п.

Приведенные выше отрывки из писем Вяземского к Бартеневу свидетельствуют о том, что автор записных книжек не забывал о своем

высоком положении, постоянно помнил о цензуре и вместе с тем старательно заострял свои выступления против передовой России 60—70-х годов.

Приведем несколько примеров переработки записей в печати. Говоря об Академии, Вяземский написал, что на ней «выбивается одна фальшивая монета, не выдерживающая надлежащей пробы в горниле вкуса». Конечно, цензура 20-х годов не могла пропустить такой характеристики Императорской академии, и поэтому в печати текст получает совершенно иной смысл: «Для монет есть монетный двор, для слов есть Академия: но она не выбивает новых слов, а только свидетельствует и клеймит старые. Академия пробная палатка, но рудники писатели».

В записи о Петре I и Меншикове в автографе, относящемся к 20-м годам (книжка вторая), читаем:

«К тому же он [Петр] знал, что дубинка его распрямит в свое время кривизны безнравственности и не даст ей волю. Злоупотребления любимцев Екатерины, Александра были всегда прикрыты неприкосновенностью самодержавия: у Петра нет. Закон делал свое дело: осуждал. Петр пользовался своим правом помилования. И в чью пользу применял он это право? В пользу того, которого имел он всегда сподвижником во всех своих предприятиях и ввиду для будущих предприятий. Ему можно было позволить лицеприятие: в руках его оно не было противонародным орудием».

Этот отрывок, явно заостренный против царских фаворитов, интересы которых в ущерб интересам народным поддерживались авторитетом самодержавия, утратил в печати в 1872 г. всю свою остроту. «Любимцы Екатерины и Александра» заменены расплывчатыми «любимцами других дворов и в другие царствования», критика общего принципа «неприкосновенности самодержавия» подменена частным явлением — «личной державной прихотью»; исчезло определение «лицеприятия» фаворитам как «противонародного орудия».

Или еще один пример. Среди записей, свидетельствующих о материалистическом взгляде Вяземского на религию, есть следующая: «Я уверен, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При таком свидетеле мудрено пуститься на преступление. Зачем же над нами царствует вечно пасмурный день? Я хотел бы, чтобы бог присутствовал нам и, как эти деревянные головы в Краковском судилище, кричавшие царю: „Будь справедлив!“, внятным голосом управлял бы нашими поступками». Эта запись Вяземского связана со многими другими, критикующими христианские религиозные представления. Выхваченная из записной книжки, переделанная так, что в ней и следа не осталось от материалистической позиции автора, она была, в конце концов, сведена к каламбуру по поводу «деревянной башки» и «одеревяневшей совести»:

«Я уверен, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При таком свидетеле и судье мудрено пуститься на худое дело. Солнце

для них то же же, что деревянные головы, вставленные в потолок в Краковском судилище, которые, как рассказывает предание, взывали к царю: „Будь справедлив“. Хорошо и каждому из нас завести бы у себя хотя по одной такой голове. „На то есть совесть“, — скажете вы. Конечно, тем более, что у многих она одеревенела не хуже деревянной башки».

Так по разным соображениям Вяземским были переделаны многие записи. Едва ли пятая часть из них оставлена была в том виде, в каком рука Вяземского внесла их в записную книжку.

В печати приглаживался и язык записей. Образный, порою грубоватый разговорный язык рассказов заменялся иногда безличными литературными штампами. Так, в печати Вяземский не позволяет себе слово «пьяный», заменяя его выражениями «навеселе», «после чаши». Эта стилистическая обработка особенно заметна там, где говорится о дворе и о царях. Так, например, рассказывая о гадании Веревкина Петру III, Вяземский пишет о льстивой выходке Веревкина: «Шутка не весьма замысловатая, но по следствиям удачная. Он столько Петру III в картах наговорил, что тот и опомниться долго не мог». В печати этот текст имеет следующий вид: «Шутка показалась удачною, а гадания его произвели сильное впечатление на ум государя».

Следует отметить, что во многих записях, подвергшихся переработке в 70-х годах, нельзя уже узнать молодого Вяземского, друга декабристов и Пушкина. В них очень часто можно ощутить брюзгливые интонации недовольного современностью сановника-аристократа, каким был Вяземский в это время.

Предлагаемое издание, как было сказано выше, ставит своей задачей обнародование текстов записных книжек, может быть, иногда менее художественно совершенных, но имеющих бо́льшую историческую ценность, как не подвергшихся ни цензурному, ни автоцензурному воздействию.

В нашей книге мы ограничиваемся изданием текстов первых четырнадцати книжек, записи которых, за исключением нескольких страниц, относятся к первой половине XIX в. В них запечатлен период близости Вяземского с передовыми людьми того времени, их интересы, темы их бесед и споров. Именно в этой первой редакции записей оживает образ полного сил и энергии Вяземского, захваченного освободительными идеями декабристов, и со всей очевидностью раскрывается его связь с общественно-политической жизнью своего времени.

Только исторически подходя к материалу записных книжек, изучая эпоху, в которую делались те или иные заметки, зная политические и литературные взгляды Вяземского и их эволюцию, можно раскрыть все значение и смысл той или иной записи.

Чтобы показать наглядно органическую связь, которая невидимыми нитями крепко сплетает внешне пестрые записи Вяземского и дает им смысл,

иногда скрытый от читателей, приведем лишь один пример, относящийся к 1819—1821 гг. На протяжении одного листа мы находим следующие три записи:

«После ночи св. Варфоломея Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов: виконт *Дорт*, командующий в Байоне, отвечал королю: Государь, я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача; итак, они и я просим ваше величество употребить руки и жизни наши на дела возможные».

«Криллион отказался зарезать Герцога Гизского, но предлагал Генриху III драться против него».

«Montmorin, gouverneur d'Auvergne, писал Карлу IX: Государь, я получил за печатью вашего величества повеление умертвить всех протестантов, в области моей находящихся. Я слишком почитаю ваше величество, чтобы не подумать, что письма сии подделаны: и если, от чего боже сохрани, повеление точно вами предписано, то я также слишком вас почитаю, чтобы вам повиноваться».

Что руководило Вяземским, внесшим в тетрадь эти исторические «анекдоты», мы поймем лишь тогда, когда несколько далее в той же книжке прочтем его резкие выпады против политики Священного союза и жандармской роли России в Европе: «Что значит безгласная покорность войска? Ничего нет беспредельного. — Байонский комендант отвечал Карлу IX: „Государь! я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача!“ — И сей ответ отзывается во всех благородных душах и перейдет из века в век. — Разве *священный союз* не есть Варфоломейская ночь политическая: „Будь католик, или зарежу!“ „Будь раб самодержавия, или сокрушу“. Вот существенность того и другого разбоя. — Неужели в русской армии не найдется ни одного *Дорта*? А если найдется, какая цепь последствий может потянуться за таким действием, хотя и будь оно одиноким»[1].

Раскрыв связь трех исторических записей с актуальнейшей современной темой, занимавшей Вяземского, мы поймем, почему тут же рядом стоят две выдержки из Монтескье о деспотизме и характеристика жанра басни как «уловки рабства». «Будь раб самодержавия, или сокрушу» — вот о чем не переставал помнить Вяземский, записывая в тетрадь поразившие его образцы гражданского мужества, относящиеся к другой эпохе и другому народу.

Не каждый раз с такой предельной ясностью встает связь записей Вяземского с волновавшими его общественно-политическими и литературными проблемами, но связь эта есть всегда, и ее понимание углубляет смысл записи, сделанной иногда торопливо и небрежно.

---

[1] См. книжку вторую, стр. 37, 38 и 62, прим. стр. 387, 388.

Публикуемые записные книжки Вяземского, заполненные им в первую половину XIX в., отразили все этапы его политической и литературной биографии этого времени. Время доверия либерализму Александра I, разочарование в нем, резкая критика внешней политики России эпохи Священного союза, сознание ужасов крепостничества, мракобесия, аракчеевщины последних лет царствования Александра, сочувствие идеям декабристов в отношении ликвидации крепостного права и введения конституции, предчувствие восстания 14-го декабря, тяжело пережитый разгром декабризма, затаенная ненависть и презрение к палачу Николаю, к России жандармов и чиновников, острый интерес ко всему, что колебало мертвый покой николаевской России, — восстанию поляков, холерным и крестьянским «бунтам», злобное торжество при сознании ничтожества и бездарности правительственной верхушки — все это вызывало в книжках десятки и сотни записей, политический смысл которых не всегда очевиден, но может быть вскрыт при серьезном историческом подходе к материалу.

Другая живая струя, бьющая в записных книжках, — это активный интерес Вяземского к литературной современности, а через нее и к прошлому русской и иностранной литературы.

Опять-таки сотни записей возникали в тетрадях как отражение различных этапов литературной борьбы, участником которой долгие годы был Вяземский. Вяземский — арзамасец, Вяземский — в борьбе романтизма с классицизмом, Вяземский — враг Полевого, Булгарина и официальной народности, борец под знаменем «литературной аристократии» — вся эта эволюция Вяземского-литератора нашла воплощение в записных книжках. В записях литературного содержания так же, как и в записях общественно-политического значения, ярко отразилась и личность автора и своеобразие его эпохи.

4

Относя в комментарии пояснения к отдельным записям, здесь мы дадим общие замечания о каждой из публикуемых книжек. Они послужат необходимым введением для чтения и использования материалов, даваемых записными книжками.

Книжка первая была начата Вяземским в 1813 г., в Вологде, где он находился вместе с другими москвичами в ожидании возможности вернуться в сожженную Москву. Назначение книги — служить альбомом для стихотворений, которые вписывались или самими авторами, или переписывались рукой В. Ф. Вяземской. Здесь помещены стихотворения ближайших друзей Вяземского: Жуковского, Батюшкова, В. Л. Пушкина, Дениса Давыдова, Воейкова, Дашкова и, наконец, А. С. Пушкина. Нетрудно ощутить общий, временами шутливый, временами сатирический

«арзамасский» дух, объединяющий большинство литературных произведений, собранных в книжке. Здесь находится «гимн» Дашкова — «Венчание Шутовского», послание Воейкова к Дашкову, представляющее злую сатиру на литераторов враждебного направления, и веселое «Postscriptum» Жуковского к тому же посланию. Литературные произведения самого Вяземского, переписанные в книжке вперемежку со стихотворениями других авторов,— все юмористического содержания. Это литературные пародии на статьи, помещаемые в «Вестнике Европы», на басни графомана Хвостова, бывшие предметом постоянных насмешек арзамасцев. Пародии эти попутно задевали тех или иных членов «Беседы любителей русского слова», врагов «Арзамаса».

Первая записная книжка служила Вяземскому до начала 20-х годов. Если до 1817 г. интересы Вяземского определялись по преимуществу участием его в литературной борьбе «Арзамаса» и «Беседы», то с 1817 г. им овладели интересы общественно-политические. Это были годы, когда он сперва «пылал свободомыслием» в Варшаве, где он с начала 1818 г. находился на службе, а потом, преисполненный негодования и возмущения, принужден был жить в «опале» под Москвой. Настроения этого периода нашли в первой книжке отражение в многочисленных копиях стихотворений Беранже 1817—1823 гг. Вяземский переписывал песни, созвучные его собственным взглядам на европейскую реакцию, на реставрацию Бурбонов во Франции, на политику Священного союза. Мы находим здесь стихотворения «La Sainte Alliance des peuples», «Le bon Dieu», «Le dieu des bonnes gens», «Nouvel ordre du jour» и др.

Последнее стихотворение, находящееся в книжке в двух копиях и относящееся к 1823 г., отмечает дату, после которой Вяземский, вероятно, этой книжкой не пользовался.

Не являясь «записной книжкой» в узком значении этого слова, первая книжка-альбом служила как бы литературным дневником Вяземского, освещающим как его литературные связи, вкусы, так до известной степени и его общественные воззрения. Увлечение поэзией Беранже сыграло некоторую роль в его биографии. По воспоминаниям В.Ф. Вяземской, во время их жизни в Варшаве царский агент Жандр ходил подслушивать под окнами Вяземских и, между прочим, донес великому князю (Константину Павловичу. — *В. Н.*), будто кн. Вяземский распевает песенку Беранже про тогдашние конгрессы: «Vive un congrés, deux congrés, trois congrés!». Было отправлено секретное донесение в Петербург, что способствовало разразившейся над поэтом грозе[1].

---

[1] *РА*, 1888, кн. III, стр. 171—173.

Песенка Беранже с неточно приведенным припевом — «La mort du roi Christophe»—относится к декабрю 1820 г. (Oeuvres complètes de P. J. de Beranger, v.I. Paris, 1847, p. 354—355).

Совершенно иной характер имела вторая книжка, начатая в том же 1813 г., но продолжавшая служить Вяземскому до 1855 г. Собственно, к 50-м годам относятся записи лишь на последних трех страницах. Вся остальная книжка наполнена записями 1813—1829 гг. Все записи этой книжки собственноручные. Это была книжка, куда заносились заветные размышления, касающиеся личной судьбы автора и политических судеб России, мысли о существовании бога и о религии, размышления о литературе и языке, об их историческом значении. В этой книжке все, о чем бы ни писал Вяземский, проникнуто острой актуальностью. Вышеприведенные записи, сравнивающие политику Священного союза с Варфоломеевской ночью, взяты из этой книжки. Политически острые записи начинаются с 1817 г. Можно угадывать многое, недоговоренное Вяземским, по кратким заметкам этого времени:

«Говоря о блестящих счастливцах, ныне окружающих государя, я сказал: от них несет ничтожеством».

«*Желтый Карла*[1] может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нем тайнам государственных наук. Это *Кормчая книга* наших будущих преобразователей».

«Теперь везде обнаруживается *какая-то* набожность и *какая-то* свободномысленность».

«Необходимость в представительном правительстве и в уставе положительных законов заключается в пословице: до бога высоко, до царя далеко».

Скоро рядом с этими намеками на оппозицию существующему политическому строю появляется его развернутая критика. В том же 1817 г. Вяземский пишет о крепостном праве: «По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело лекарей решить: как истребить его? Свести ли медленными, но беспрестанно действующими средствами? Срезать ли его разом? Созовите совет лекарей: пусть перетолкуют они о способах, взвесят последствия, и тогда решитесь на что-нибудь. Теперь, что вы делаете? Вы сознаетесь, что это нарост, пальцем указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лечить».

Присутствуя на открытии сейма в Варшаве 15/27 марта 1818 г., слушая либеральную речь Александра, Вяземский критически наблюдает за царем и записывает в тетради:

«Государь поступил точно по-русски, жалуя всемилостивейше в свои генерал-адъютанты Красинского, избравши его в предводители сейма...»

«Лубинский, отставной генерал..., говорит, что не надобно забывать, что царь конституционный в Польше, есть император деспотический

[1] «Le Nain jaune» — французское либеральное издание.

в России, и в борьбе свободы с властию иметь всегда сию истину перед глазами...»

В 1819 г. сомнения в искренности либеральной политики Александра по отношению к Польше становятся все сильнее. Призывая царя «восставить Польшу», Вяземский заключает свою запись следующими предостерегающими словами: «Но если слепое самолюбие ставит тебя на степень восстановителя народа, оставь это дело: ты не свершишь его во благо. Человеческое несовершенство проглянет в сем подвиге божественном, и ты вынесешь с поприща своего негодование России и открытый лист на осуждение потомства».

Политические воззрения Вяземского формировались под сильным воздействием французской просветительной философии и французского либерализма. Сделанные им многочисленные выписки из Вольтера, Дидро, Монтескье, Галиани, Рабо де Сент-Этьена и Бенжамена Констана касались вопросов о существе монархической власти, правах народа и его взаимоотношениях с властью, о революциях прошлых и грядущих.

Но не только цитатами из прочитанного выражал Вяземский свое отношение к этим вопросам. В 1820 г. он записывал следующие строки о Французской революции, являющиеся собственным мнением о ней:

«...теперь, когда кровь унята и рана затягивается, осмелитесь ли сказать, что революция не принесла никакой пользы. Народы дремали в безнравственном расслаблении. Цари были покойнее, но достоинство человечества не было ли посрамлено? Как ни говорите, цель всякой революции есть на деле или в словах уравнение состояний, обезоружение сильных притеснителей, ограждение безопасности притесненных: предприятие в начале своем всегда священное, в исполнении трудное, но не невозможное до некоторой степени».

В 1821 г. в Вяземском не осталось и следа сомнений в роли Александра I. Политика России — жандарма Европы — вызывает негодующие записи, обличающие честолюбивые замыслы царя.

На девяти страницах, написанных 13 марта 1821 г., Вяземский выразил предельную степень своего возмущения политикой Священного союза, предостерегал Александра, напоминая о недавнем восстании Семеновского полка, требовал конституции и конгрессов не царских, а народных. Все эти высказывания печатаются в данном издании впервые, так как в предшествующих изданиях не могли быть опубликованы. Именно записи во второй книжке, сделанные в конце 10-х и начале 20-х годов, свидетельствуют о большой идейной близости Вяземского к декабристам. Эти записи надо читать параллельно с письмами Вяземского к братьям Тургеневым, к М. Ф. Орлову. Есть основания думать, что эту книжку Вяземский давал читать Николаю Тургеневу[1]. Именно в ней Вяземский

[1] 21 июля 1821 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Да красная моя книжка

предстает перед нами как «декабрист без декабря», образ которого в статье под этим названием создал С. Н. Дурылин, к сожалению, не знавший и не использовавший в ней записей Вяземского, до сих пор не печатавшихся [1].

Записи, сделанные во второй книжке после 1823 г., не содержат особенно ярких откликов на общественно-политические события 1823—1829 гг. Декабрьское восстание нашло свое отражение в других записных книжках. Во вторую же книжку Вяземский записывал в это время главным образом свои отзывы о прочитанных книгах. Но затаенная оппозиция правительству продолжала проскальзывать и в позднейших записях этой книжки вплоть до выписок 1855 г., характеризующих тупость николаевской полиции и пошлость ее чиновничьего благополучия. Кратко свое отношение к николаевской России Вяземский сформулировал так: «Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения».

Большой интерес представляет во второй книжке ряд записей, вскрывающих отношение Вяземского к религии и к идее бога. Все эти записи не могли появиться в печати при царской цензуре. Они характеризуют Вяземского истинным учеником «просветителей», материалистом, который отвергает в религии мистическое начало и подвергает резкой критике основные христианские понятия.

«Как растолкуете вы мне, что бог, создавший истину и позволивший нам постигнуть ее, не захотел в ней явить себя нам?»

«И *доброго ответа на страшном судище Христове просим.* Зачем *страшном?* Царь мог бы назвать судище страшным, когда бы намеревался он судить одних преступников...»

«Зачем облекаем мы всегда бога человеческими понятиями? Зачем называть его *отцом?* Что за отец, который о детях не печется и дал им волю проказничать, как хотят, чтобы иметь жестокое удовольствие наказать тех, которые от него отшатнулись...»

Все эти рассуждения Вяземского выражали глубокие сомнения его в существовании бога, которые его сопровождали до могилы, несмотря на совершенное им для поклонения христианским святыням путешествие в Палестину и ряд написанных стихотворений религиозного характера. К концу жизни он почти теми же словами, как в записной книжке 1820 г., писал о боге:

И где отца искал, там встретил палача [2].

осталась у Николая Ивановича: при первом удобном случае перешли» (*ОА*, II, 192). См. также письмо С. И. Тургенева к Вяземскому от 26 апреля 1823 г.: «Наконец брат Александр отыскал вашу красную книгу и отправляет вам ее с этим письмом» (*ОА*, II, 314).

[1] Николай Кутанов [С. Н. Дурылин]. Декабрист без декабря. «Декабристы и их время», т. II, стр. 201—290.

[2] «Свой катехизис сплошь прилежно изуча...», 1872 г. (П. А. Вяземский. Избр. стих., М.—Л., «Academia, 1935, стр. 362).

Цитаты из Дидро на те же темы, внесенные в книжку, показывают, где находил Вяземский поддержку в своей критике христианских представлений.

Записи литературные, историко-литературные и лингвистические занимают во второй книжке также много места. Бо́льшая их часть, в особенности в первой половине книжки, тесно связана с борьбой «Арзамаса» и «Беседы». Выпады против Шишкова, Шихматова, П. И. Кутузова, Шаховского, резкая критика Хераскова, Сумарокова, Богдановича, защита Жуковского от нападок его врагов, рассуждения о создании новых слов, необходимых для выражения новых понятий,— все эти записи характеризуют Вяземского-арзамасца. Он предлагал разнообразные способы обогащения русского языка. Он советовал рыться в летописях, брать слова из иностранных языков, призывал «смелых поэтов и смелых прозаиков» открывать богатства русского языка, изобретать новые звуки, не соглашаясь признавать в этом деле авторитет Академии.

В конце второй книжки находятся развернутые отзывы Вяземского о прочитанных сочинениях В. Скотта, Метьюрина, Фенимора Купера, Манцони, Альфреда де Виньи. В этих отзывах выступает Вяземский 20-х годов, борец за романтизм, который он характеризует как «род романтический или *просто естественный* в противоположность к классическому, который весь искусственный». Еще не зная термина «реализм», Вяземский иногда придавал понятию «романтизм» характерные черты реализма.

Представление о второй записной книжке не было бы полным, если бы мы не отметили находящегося в ней большого количества записей о Польше и ее истории. Бо́льшая часть книги заполнялась именно во время жизни Вяземского в Варшаве, в 1817—1821 гг.

Тема Польши проходит почти через все записные книжки Вяземского. Проведя в Варшаве четыре года, Вяземский много размышлял о трагической судьбе польского народа и горячо сочувствовал его стремлению к национальной независимости. Он осуждал грубую, жестокую политику русского самодержавия и считал, что Польше надо предоставить возможность самой выбрать себе „род жизни“. Вяземский разделял с декабристами тот пункт их программы, который предусматривал восстановление государственной независимости Польши.

Но вместе с тем Вяземский критически относился ко многим сторонам польской жизни. Он осуждал культ Наполеона, который породил у многих поляков неоправданные иллюзии и горькие разочарования.

Симпатии Вяземского были на стороне передовых деятелей польской культуры, среди которых он скоро приобрел верных друзей. В его записях постоянно встречаются имена польских литераторов, актеров, ученых. Овладев польским языком, он стремился своими переводами с польского содействовать сближению русской и польской литературы.

Глубокая, искренняя симпатия и братское сочувствие, которые определяли отношение Вяземского к польскому народу и его культуре, нашло особенно яркое выражение в период польского восстания 1830 г. (записи в книжке восьмой). В то время как официальная Россия торжествовала по поводу разгрома восстания, симпатии Вяземского были на стороне побежденных. Он писал: „В поляках было геройство отбиваться от нас так долго, но мы должны были окончательно перемочь их: следовательно, нравственная победа все на их стороне“ (см. стр. 214).

Польские друзья платили Вяземскому уважением и преданностью. До нас дошли письма к Вяземскому „Нестора польской словесности“, очень популярного поэта-патриота, Юлиана Урсына Немцевича. Тотчас после удаления Вяземского из Варшавы Немцевич писал ему: „... Ваш открытый характер, Ваш образ мыслей, Ваш литературный вкус, наконец, просвещенность снискали Вам общую любовь и уважение...“ В январе 1828 г. Вяземский был избран членом „Королевского общества друзей наук в Варшаве“. В краткой характеристике, сохранившейся в бумагах Общества, указано, что Вяземский — „знаток польской литературы, переводил басни Красицкого и Моравского, а также прозой сонеты Мицкевича ...хорошо известен как человек искренно расположенный к польскому народу и польской литературе“.

Получив извещение об избрании, Вяземский поспешил поблагодарить и принять титул члена-корреспондента Общества, хотя несомненно этот факт не мог не усилить недовольства правительства.

В Москве и Петербурге Вяземский постоянно общался с представителями польской литературы и искусства, стремясь по возможности облегчить их трудную судьбу. До нас дошли следующие строки из письма к нему Немцевича в 1828 г.: „Господин Мицкевич пишет мне, насколько он и наши польские изгнанники благодарны Вам за Ваше доброе отношение к ним. От имени всех моих соотечественников я приношу Вам самую искреннюю благодарность“ [1].

Интересные сведения о заботах, которыми Вяземский окружил переселившуюся в Россию знаменитую польскую пианистку и композитора — Марию Шимановскую, мы находим в дневнике ее дочери Елены [2]. Это один из многих фактов, подтверждающих выдающееся значение роли Вяземского в развитии русско-польских культурных связей и отношений.

В Варшаве Вяземский начал третью книжку, ставшую дорожным дневником в его путешествиях. Книжка открывается записями, сде-

---

[1] С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова (кн. „Пушкин и его время“, вып. 1. Л., 1962, стр. 217, 225, 226).

[2] „Русско-польские музыкальные связи“. М., 1963, стр. 83—118.

ланными во время путешествия из Варшавы в Краков в августе 1818 г.; далее имеются записи о поездке из Варшавы в Петербург в конце того же года и о поездке в Нижний Новгород в 1822 г. Заканчивается книжка записями, сделанными во время поездки из Москвы в Пензу в 1828 г. Если во второй книжке резче всего выразилось негодование Вяземского внешней политикой Александра I и ролью Священного союза, то в третьей книжке наиболее интересно отметить проходящий красной нитью протест против крепостного права. Наблюдая «свободный» Краков, Вяземский записал поразивший его контраст: «В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов».

Во время поездки в Краков Вяземский написал свое получившее широкую известность либеральное стихотворение «Петербург». До сих пор оно полностью было известно лишь в копии. В третьей записной книжке находится его автограф в очень ранней, вероятно, первой редакции, в которой мы находим призыв к Александру дать России обещанную конституцию.

Поездка в Москву в декабре 1818 г. также дала Вяземскому много материала для наблюдения над жизнью крепостных крестьян и заставила задуматься над проблемой их освобождения. Есть данные предполагать, что Вяземский хотел принять деятельное участие в освободительных планах литовского дворянства. В 1820 г. он энергично развивал мысль о необходимости создать общество для разработки проблем, связанных с уничтожением крепостного права, и был одним из наиболее убежденных участников обращения к Александру I по этому поводу, обращения, отвергнутого царем. В эти годы Вяземский дал отпускные некоторым из своих крестьян, переписывался на эту тему с братьями Тургеневыми. В третьей книжке он поместил стихотворение, посвященное крепостной деревне, вероятно, написанное во время опальной жизни в Остафьеве («В деревне время кое-как Мне коротать велит судьбина...»).

Несомненно, в связи с особым интересом к проблеме рабства в России находятся помещенные в третьей книжке выписки из французской книги М. Р. Фора 1821 г. «Souvenirs du Nord, ou la guerre, la Russie et les Russes, ou l'esclavage». Хотя Вяземский сопровождает некоторые выписки скептическими замечаниями, тем не менее мрачная картина помещичьей и крепостной России, которую нарисовал француз, вероятно, показалась Вяземскому достойной внимания. Шестнадцать страниц книжки заполнены выписками из указанной книги[1].

Во время путешествия в Пензу в путевых записках Вяземского опять находят место его размышления о крепостном праве. Он пишет о дворянке,

---

[1] Имеются сведения о написанной в 1824 г. для «Revue Encyclopédique» и не дошедшей до нас статье Вяземского по поводу книги М.Р. Фора («Русский литературный архив», Нью-Йорк, 1956, стр. 50—51).

засекшей девочку, подробно описывает крепостной пензенский театр, в котором помещик-хозяин сечет актеров, вымещая на них свои неудачи Его рассуждения по поводу «уродства гражданского», т. е. прав помещика не только на земледельческий и промышленный труд крепостных, но и на их личность, приводят его к воспоминаниям о крестьянских восстаниях и заставляют сделать вывод:

«Рабство — состояние насильственное, которое должно по временам оказывать признаки брожения и, наконец, разорвать обручи недостаточные».

Годы, когда заполнялась третья книжка, были годами энергичной литературной деятельности Вяземского. В различных мелких записях для памяти мы находим сведения о работе Вяземского для «Московского телеграфа», о его литературной переписке этого времени и, наконец, материалы о Фонвизине, которые он начал собирать, готовясь писать исследование о нем.

Материалы о Фонвизине находятся и в следующей, четвертой записной книжке. Ее особенность заключается в том, что в ней отсутствуют оригинальные записи Вяземского. Она вся состоит из копий различных литературных и исторических документов, переписанных П. А. и В. Ф. Вяземскими, а также рукою писца. Поэтому, не публикуя ее в тексте, мы даем лишь ее описание в примечаниях. Время пользования этой книжкой не поддается точной датировке, ее основную часть можно отнести к середине 20-х годов. Это заставляет искать в ней отражения событий 14-го декабря. И, действительно, декабризм и декабристы до некоторой степени определили ее содержание. В ней оказались переписанными два сочинения, служившие декабристам для агитационных целей. Одно из них — «О необходимости законов» — явилось переработкой сочинения Д. И. Фонвизина «Рассуждение о непременных государственных законах», сделанной Никитой Муравьевым. Направленное против «самовластья», оно дает жестокую критику русского самодержавия. Другое произведение — «Разговор любопытный» — незаконченное агитационное сочинение Н. М. Муравьева, также изобличавшее самодержавие, излагавшее историю его происхождения в России и пропагандировавшее конституцию. К обоим документам Вяземский сделал позднейшие примечания, в которых указывал на связь их происхождения с деятельностью декабристов.

К теме декабристов в четвертой книжке относятся еще две записи, а именно эпиграмма Рылеева и копия письма Сергея Муравьева-Апостола, написанного им к брату из Петропавловской крепости в ночь с 12 на 13 июля 1826 г., за несколько часов до смерти. Этим письмом заканчивается четвертая книжка. Интересно отметить находящиеся в ней автограф стихотворения Баратынского «Череп» с неизвестными вариантами, копию части поэмы Пушкина «Вадим» с двумя неизвестными полустишиями и копию стихотворения Дельвига «Петербургским цензорам». Последняя

представляет как бы отклик на переписанные перед нею «Стансы к Элизе» Олина, сопровождаемые замечаниями цензора Красовского и ответами на них Олина. В эти годы Вяземский особенно бурно негодовал на гнет цензуры, преследовавшей его.

Переписанные в этой книжке многочисленные исторические и историко-литературные материалы свидетельствуют о намерении Вяземского издавать специальные сборники архивных документов, которые он старательно разыскивал и копировал. Если бы не запрещение Николая I, то уже в первой половине XIX в. вышло бы издание, подобное позднейшим изданиям Бартенева, который заимствовал у Вяземского не только название, но и многие собранные им в Остафьевском архиве материалы. Интересно привести следующее сообщение о предполагавшемся издании Вяземского, напечатанное в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1837, № 3, стр. 28, «Смесь») и имеющее непосредственное отношение к материалам как четвертой, так и других записных книжек: «В первых месяцах нынешнего года выйдет презанимательный исторический и литературный сборник: „Старина и Новизна", издаваемый князем П.А. Вяземским. В этом сборнике будут помещены многие любопытные материалы, относящиеся до истории нашей, извлеченные из бумаг графа Ивана Григорьевича Чернышева и подаренные издателю сыном его графом Григорием Ивановичем. Между прочими статьями упомянем о письмах и рескриптах царевича Алексея Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, об анекдоте о принце Бироне и проч. и проч., почерпнутых из других достоверных источников; будут еще письма Екатерины II к вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывок из собственноручных записок графа Ростопчина, воспоминание о графе Каподистрии и некоторых современных ему происшествиях. Литературное отделение будет также разнообразно и составлено из отрывков из собственноручных записок Ив. Ив. Дмитриева, нескольких писем Карамзина, из повестей, разных стихотворений, писем о современной русской литературе; нескольких глав из биографических и литературных записок о Фонвизине и временах его, известие о первых трех песнях „Потерянного рая" с английского прозою на русский язык переведенных нашим поэтом Петровым и не напечатанных в собрании творений его и проч. В конце книги будут помещены разные снимки с рукописей, вошедших в состав сборника».

Критика, оппозиция по отношению к самодержавию и крепостнической России, которые мы отмечали в первых четырех книжках Вяземского, полно, горячо и убежденно вылились в записях книжки пятой, относящейся к 1825—1831 гг. Начал ее Вяземский летом 1825 г. во время поездки в Ревель и поместил в ней несколько черновых набросков своих стихотворений («Нарвский водопад», «О. С. Пушкиной», «К мнимой счастливице»), затем включил несколько выписок из январской книжки «Revue Encyclopédique» 1825 г., свидетельствующих об интересе к проблеме прогрес-

са, освободительному движению в Греции и Байрону. На следующее лето, отправляясь вновь в Ревель, Вяземский опять взял с собой ту же книжку. Это были месяцы следствия над декабристами и напряженного ожидания результатов суда. Приговор, так же как и все поведение правительства и судей в деле декабристов, вызвали в Вяземском бурю негодования, для которого он едва находил достаточно сильные выражения в своем дневнике. Характерно, что, публикуя в Собрании сочинений Вяземского его записные книжки, редакторы издания были вынуждены напечатать пятую книжку с большими купюрами, потому что и в 1884 г. она звучала резким обличением самодержавия [1].

Основная мысль Вяземского заключалась в том, что за декабристами стояла вся подлинная Россия, что они действовали под воздействием тех масс, долготерпению которых пришел конец. Для Вяземского в этом отношении не было сомнений: дело декабристов «было делом всей России, ибо вся Россия страданиями, ропотом участвовала делом или помышлением, волею или неволею в заговоре, который был ничто иное, как вспышка общего неудовольствия. Там огонь тлел безмолвно, за недостатком горючих веществ, здесь искры упали на порох и они разразились. Но огонь был все тот же!».

Особенно отчетливо обнажает Вяземский «пристрастность» и заинтересованность суда, организованного над декабристами. Их судили «правительство и наемная сволочь», «которых все существование есть, так сказать, уродливый нарост, образованный и упитанный гнилью, от коей именно и хотели очистить тело государства» восставшие.

Во главе Следственной комиссии стоял брат царя, «по званию своему, по родству пристрастное лицо». Вяземский возмущался не только безнравственностью, бесчеловечностью следствия и приговора, но и политической бестактностью: «Какая нужда великому князю добровольно идти в заготовщики палача, когда и без него найдется их довольно?..» Вяземский клеймил царя и его брата, называя их «молокососными кровопийцами», а по поводу верховного суда восклицал: «О, подлые тигры! и вас-то называют всею Россиею и в ваших кровожадных когтях хранится урна ее жребия».

Горячее сочувствие идеям декабристов и их действиям Вяземский выразил следующими словами: «Ниспровержение этой мнимой России и было целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан: но правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностию своих желаний, зреющих в ожидании, прибегают в отчаянии к посредству *молитв вооруженных*».

---

[1] См. указанную статью С. Н. Дурылина.

В пятой записной книжке нашел отражение высший гражданский порыв Вяземского. Годы, последовавшие за разгромом декабризма, научили его сперва глубоко запрятывать в себе подобные порывы, потом заглушили их вовсе. Негодование постепенно переродилось в злую скептическую насмешку, которая не покидала Вяземского и в годы его официального примирения с правительством. Примирению предшествовал ряд обстоятельств, подтолкнувших его сделать первые шаги к возвращению на службу.

О судьбе подобных Вяземскому «декабристов без декабря», не пострадавших при следствии, но и не желавших после приговора иметь дело с убийцами друзей, Герцен так писал в своей книге «О развитии революционных идей в России»: «В недрах губерний, а главным образом в Москве, заметно увеличивается прослойка независимых людей, которые, отказавшись от государственной службы, сами управляют своими имениями, занимаются наукой, литературой; если они и просят о чем-либо правительство, то разве только оставить их в покое. То была полная противоположность петербургскому дворянству, связанному с государственной службой, с двором и снедаемому низким честолюбием: уповая во всем на правительство, оно жило только его милостями. Не домогаться ничего, беречь свою независимость, не искать места — все это, при деспотическом режиме, называется быть в оппозиции. Правительство косилось на этих *праздных людей* (ces fainéants) и было ими недовольно...»[1].

«Бездельником», к тому же особенно подозрительным по своим дружеским связям, по своему литературному дарованию, был в глазах николаевского правительства и Вяземский, нигде не служивший, разъезжавший по своим имениям, занимавшийся писательским трудом. Клевреты правительства повели против него наглую клеветническую кампанию. Бороться с нею в период общей подавленности, упадка и страха Вяземский был не в силах. Клевета, которой его окружили враги в годы его «опальной» жизни в Москве, становилась опасной для будущего не только его самого, но и его семьи. Спасти его могло лишь возвращение на торный путь — государственную службу. Но прежде надо было найти способ вернуть себе доверие правительства. С этой целью им была написана «Исповедь», переданная Николаю через Жуковского. В ответ на нее последовало назначение Вяземского на службу.

Весь этот период жизни Вяземского (1828—1830) нашел отражение в книжке седьмой[2], в которой он с большой тщательностью копировал переписку по поводу клеветнических измышлений, направленных против него. Он переписал в нее также свою «Исповедь». Все эти документы Вяземский снабдил позднейшими примечаниями, вскрывающими оборотную

---

[1] А. И. Герцен. Собрание соч. в тридцати томах. Изд-во АН СССР т. VII, стр. 83 и 213.

[2] О книжке шестой будет сказано далее.

сторону официальной переписки. «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» — так называется в записной книжке «Исповедь» — несколько отличается от текста, напечатанного в Собрании сочинений (т. II). Следует отметить, что в эту же записную книжку, где были переписаны документы, характеризовавшие недоброжелательное отношение к нему Николая I и его приближенных в 1828—1829 гг., Вяземский переписал и документ 1833 г., свидетельствовавший о том же. Вяземский как бы собирал вместе документы своей «тяжбы» с Николаем I.

В эту же седьмую книжку Вяземский внес копию большого письма к А. Я. Булгакову по поводу польского восстания 1830—1831 гг. Известие о событиях в Варшаве чрезвычайно взволновало Вяземского: «У меня так много людей в Варшаве, русских и поляков, с которыми я в связи, я там все и всех так коротко знал, что и по участью, и по любопытству теперь всеми мыслями и всеми помышлениями моими в Варшаве»,— писал он Булгакову 5 декабря 1830 г. Он не выражал в этом письме того сочувствия польской национальной идее, которое сквозило в его записях 1819 г., и объяснялось это, конечно, не только тем, что он писал лицу, перед которым надо было осторожно выражать свои политические мнения: несомненно, убеждения его за истекшее десятилетие значительно изменились, но интерес к восстанию Польши все же был у него чрезвычайно велик. Из седьмой книжки мы печатаем в основном тексте лишь «Исповедь» как важнейший автобиографический и публицистический документ. Все остальные материалы помещены в отделе Дополнений.

В восьмой записной книжке находятся записи, которые свидетельствуют, что Вяземский с неприкрытым презрением относился к душителям восстания. Начиная с 4 декабря 1830 г. по 22 сентября 1831 г. Вяземский записывал в дневник свои размышления по поводу польских событий, невольно проводя параллель между восстанием в Варшаве и восстанием 14 декабря 1825 г. Его возмущали жестокость и бездарность царской политики в Польше. Осуждению постыдной роли царской России в польском вопросе посвящено в дневнике Вяземского в восьмой книжке несколько негодующих страниц, которые не могли быть полностью напечатаны при царской цензуре.

Записи о польском восстании чередуются в восьмой книжке с записями о народных волнениях, вызванных холерой. «Мы живем в эпохе холеры и революции..., — писал Вяземский Булгакову. — А нет сомнения, что и в возмущениях есть прилипчивость, заразительность, поветрие». Он жадно собирал все рассказы о том, как реагировал народ на холеру и на меры, принимаемые правительством: «В самом деле любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Даже и наказания божия почитает она наказаниями власти... Изо всего, изо всех слухов, доходящих от черни, видно, что и в холере на-

ходит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революциею». 14 декабря, польское восстание и холерные возмущения — эти три темы переплетаются в записях Вяземского за 1830—1831 гг. Записывает он о восстании в Севастополе, в Тамбове, делая следующее замечание, которое хотя и не дописано из осторожности, но его можно ясно понять как характеристику жандармской политики Николая:

«Слово Александра, что он не положит оружия, доколе не будет ни единого врага на земле русской, слово великодушного царя. Слово, что не положит оружия, доколе не будет наказан последний возмутитель, слово п.». Расшифровываем это сокращение как «палача», как прозвище Николая, казнившего декабристов.

Восьмая записная книжка была начата весной 1829 г. Сперва она предназначалась для различных выписок из книг. Среди цитат и отрывков из Шекспира, из французских журналов находится большая выписка, сделанная рукою Вяземского из «дела о зарезавшихся 35-ти человеках» — крестьянах Саратовской губернии Аткарского уезда, крепостных графини Гурьевой. Вяземский, очевидно, имел в руках подлинное судебное дело сектантов и навещал в тюрьме оставшегося в живых организатора этого самоистребления.

Надо также отметить находящиеся в этой же книжке выписки из книги Цшокке «Ueberlieferung zur Geschichte unserer Zeit», 1819, в которых даются подробности убийства Павла I.

Книжка, предназначавшаяся для выписок, была скоро превращена в дневник — первый дневник Вяземского, который он вел в обычных (не путевых) условиях жизни. В одной из начальных дневниковых записей Вяземский объяснил, что побудило его вести дневник: «Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, от того, что в „Mémoires“ о Байроне (Moor) нашел я отрывки дневника его. А меня чорт так и дергает всегда вслед за великими». Дневник велся всего полтора года; тем не менее он является чрезвычайно ценным документом для характеристики общественно-политических взглядов Вяземского, а также быта, его окружавшего. Отметим многочисленные отклики на июльскую революцию во Франции и сведения о беседах с Пушкиным.

Пропущенная нами в порядковом перечислении шестая записная книжка содержит мало оригинального материала, но интересна для изучающих Вяземского-писателя. В ней находится перечень ранних стихотворений Вяземского, сведения о литературной работе его в 1829 г., о переписке с литераторами и множество мелких выписок из самых разнообразных книг, по преимуществу французских. Эта книжка свидетельствует о том, что Вяземский подготавливал в это время несостоявшееся собрание своих сочинений и в этот последний год своей независимой жизни жил чрезвычайно интенсивными литературными интересами. После

поступления на службу его писательская деятельность почти прекратилась.

Значительно менее интенсивно стали заполняться и записные книжки. За следующие 20 лет (1831—1850) мы имеем шесть книжек, из которых лишь одна тринадцатая представляет значительный интерес. Остальные очень малы по объему и в общественно-литературном отношении менее интересны. Книжка девятая содержит в начале несколько выписок из журналов 1832 года, несколько записей рассказов И. И. Дмитриева в 1833 г. и копию сентиментального стихотворения. Вся остальная часть книги занята историческими выписками, которые делались, вероятно, в 1849—1850 гг. (время путешествия Вяземского в Турцию и в Палестину).

Книжка десятая является книжкой путевых заметок во время путешествия Вяземского с семьей в Италию в 1834—1835 гг. Вяземские везли в Рим тяжелобольную дочь, которая там и умерла. Это обстоятельство не могло не отразиться на характере записей. Вяземский в них очень лаконичен, бегло фиксирует свои впечатления, отмечая в большинстве случаев очень кратко внешние события своей жизни.

Книжка одиннадцатая содержит несколько записей, сделанных во время краткого путешествия Вяземского по Германии осенью 1835 г., когда он еще продолжал страдать от недавно пережитой потери и сам отмечал, что «при нервах в беспорядке» он неспособен писать «журнал». В этой же книжке находится дневник его пребывания в Ревеле в июле—августе 1844 г., представляющий лишь точную регистрацию его времяпрепровождения среди светского общества. В полном собрании сочинений эта книжка не публиковалась.

Книжки двенадцатая, тринадцатая и четырнадцатая отражают путешествие Вяземского в 1838—1839 гг. по Западной Европе, вызванное болезнью глаз. В первой из указанных книжек эти записи незначительны и лишь дополняют основные сведения, помещенные в книжке тринадцатой. Больше места в двенадцатой книжке отведено дневниковым записям 1843 г. (поездка в Ревель). Однако, как и охарактеризованные выше записи о пребывании в Ревеле в 1844 г., записи 1843 г. носят регистрационный характер.

Значительный интерес представляет тринадцатая[1] книжка, которая была начата в 1838 г. во время пребывания Вяземского в Англии и Франции. Записи, в нее занесенные, прекрасно рисуют и великосветское английское общество, и насыщенную политическими интересами атмосферу Парижа.

Записи, сделанные в России в течение 1841—1860 гг., пронизаны ядовитой критикой самодержавия и отдельных представителей власти.

[1] В *ПС*, т. IX эта книжка публиковалась как одиннадцатая.

Хотя Вяземский в это время уже числился в лагере консерваторов, хотя он уже зарекомендовал себя как враг передового демократического отряда русского общества, он продолжал критиковать бездарность правительства Николая и ничтожество выдвинутых им государственных деятелей. Рассуждая о самодержавии, Вяземский указывал, что при нем закон не является моральной силой, а только личным произволом. Собственно власть самодержца в условиях России — это анархия, и если Людовик XIV говорил: государство — это я, то Николай мог бы еще с бо́льшим правом сказать: анархия — это я. Правительство в России, по мнению Вяземского, всегда готово к авантюре, нетерпеливо, невоздержанно, разрушительно. Принятые правительством меры в большинстве таковы, что честным людям остается объяснять их только результатом тайного влияния какого-то заговора, толкающего власть по роковому пути к крушению.

«У нас *самодержавие* значит, что в России все *само собою держится:* при действии одних людей все рушилось бы давным давно... У нас власть никогда ничего не выжидает, не торгуется с людьми, не уступает. Это сила, но сила вещественная, против которой даже и при общем повиновении противодействует сила умственная, которая рано или поздно возьмет верх».

«Одна моя надежда, одно мое утешение в уверении, что он и они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением... Иначе политическое отчаяние овладело бы душою».

Так писал Вяземский в 40-х годах о Николае и его правительстве. Критика самодержавия — основная тема половины записей тринадцатой книжки, и понятно, что многие из этих записей по цензурным соображениям не могли войти в прежние ее публикации. В них отсутствуют чрезвычайно едкие характеристики крупнейших сановников николаевского царствования. Так, беспощадную характеристику дал Вяземский графу М. С. Воронцову, рисуя его, согласно с эпиграммой Пушкина, «полным», законченным подлецом. Отрицательные черты остро подмечает Вяземский у Уварова, Блудова, Киселева. Особенно издевается он над Горчаковым и дипломатией России, не умеющей после Севастопольского поражения вести себя с нужным достоинством. Страницы, посвященные Горчакову и конгрессу в Варшаве (см. стр. 336—337 и прим. 459), — злейший памфлет на внешнюю политику России в 60-х годах.

Книжка четырнадцатая, начатая одновременно с предыдущей в Брайтоне в 1838 г.[1], содержит записи дорожных расходов и заметок для памяти. В ней Вяземский поместил выписки из путеводителя по Англии, сопроводив их своими замечаниями. Далее он вписал в эту книжку копии

---

[1] В *ПС*, т. IX, стр. VI эта книжка рассматривалась как вторая часть книжки одиннадцатой и не публиковалась.

разного рода документов, имеющих исторический интерес (письма Канкрина, Поццо ди Борго, Ростопчина и др.). Характерно, что и здесь нашел отражение интерес Вяземского к Польше и ее истории.

Отметим еще краткую запись о поэтах Франции, выходцах из народной среды. Заканчивается книжка копией статьи Тютчева на французском языке «Россия и революция», к которой Вяземский сделал примечание: «Писано Тютчевым 1848, после февральской революции».

Этими словами Вяземского заканчиваем и мы данное издание его записных книжек. 1848 год — год европейских революций — был датой, когда Вяземский официально встал в ряды защитников «устоев» крепостнической России — «самодержавия, православия, народности». Его отход от позиций, сближавших его с декабристами, подготовлялся с конца 20-х годов, но подготовлялся медленно, подспудно, незаметно даже для него самого. Непримиримый враг самодержавия превращался постепенно в его защитника от тех сил, которые должны были похоронить не только самодержавие, но и тот класс, к которому принадлежал и сам Вяземский. Революции 1848 г. завершили этот процесс, продолжавшийся на протяжении 30—40-х годов. В 1848 г. Вяземский открыто присоединил свой голос к тем, кто противопоставил «святую Русь» «безумному» революционному Западу.

5

Публикация записных книжек Вяземского ставит перед редактором ряд проблем, связанных как с отбором и воспроизведением текстов, так и с их комментированием. Печатать подряд записи самого Вяземского, длинные выписки из книг, сделанные рукой писца, хозяйственные записи для памяти, внесенные рукой В. Ф. Вяземской, счета и т. п. — значило бы утопить в обильном, пестром, а иногда и малоценном материале ту часть текстов, которая имеет историческое значение, ради чего и предпринято это издание. Но вместе с тем выделить из книжек только эти тексты значило бы лишить их того окружения, в котором они получают свое полное звучание, обескровить их и искусственно препарировать. Этот сложный вопрос решен нами следующим образом:

1. Публикуются все тексты, принадлежащие самому Вяземскому (независимо от того, чьей рукой они переписаны). Сюда включаются дневниковые записи, различные заметки, характеристики, размышления и рассуждения, изложение слышанного и прочитанного, черновые и беловые тексты стихотворений, перечни прочитанной литературы, посланных писем и т. п. Исключение делается для записей денежного и хозяйственного характера: о них лишь говорится в комментариях, но текст не воспроизводится. Адреса, записанные Вяземским, даны в комментариях.

2. Внесенные в записные книжки копии частных и официальных писем

как самого Вяземского, так и других лиц печатаются в «Дополнениях», помещенных после основного текста записных книжек.

3. В «Дополнениях» же даны и немногие записи и выписки, сделанные Вяземским во второй и тринадцатой книжках после 1848 г. Этот год, как было указано выше, избран конечным рубежом.

4. Из текстов, не принадлежащих Вяземскому, в основном корпусе оставляются небольшие выписки из различных печатных и рукописных материалов — в тех случаях, когда они по содержанию дополняют или объясняют авторские записи Вяземского и так или иначе тесно связаны с ними по смыслу и содержанию.

5. Не печатаются тексты стихотворений, автором которых не является Вяземский, многочисленные выписки из книг и копии различных рукописных документов исторического содержания, внесенные Вяземским в записные книжки.

6. Все тексты записных книжек, не помещаемые ни в основном корпусе, ни в «Дополнениях», перечисляются, характеризуются и, если нужно. кратко излагаются в комментариях, так что состав каждой записной книжки точно зафиксирован и может быть использован исследователями.

В тексте даются только примечания, сделанные самим Вяземским. Переводы иноязычных текстов даются сноской в тексте за исключением больших по объему, публикуемых вслед за иноязычным текстом.

Тексты всех книжек прочитаны и воспроизведены полностью заново по автографам, хранящимся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в фонде кн. Вяземских (ф.195). Таким образом, восстановлены все цензурные и иные купюры и исправлены искажения, бывшие в предшествующих изданиях. Однако черновой характер записей, сделанных в некоторых случаях сокращенно и небрежно, трудный почерк владельца книжек иногда препятствовали вполне достоверному прочтению текста.

В тех случаях, когда текст записей не поддавался прочтению, стоят прямые скобки, в которых фиксируется количество непрочитанных слов. Если редактор не уверен в правильности прочтения подлинника, то рядом со словом в прямых скобках ставится вопросительный знак. Зачеркнутые слова заключены в угловые скобки.

Особенности начертания текста записных книжек соблюдаются лишь в тех случаях, когда они отражают произношение автора и эпохи.

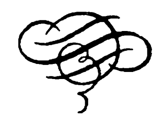
Примечания к записям начинаются сведениями об их предшествующих публикациях, причем указываются как авторские публикации, так и перепечатка их в VIII томе и публикации в IX томе Полного собрания сочинений Вяземского. При указании на авторскую публикацию, текст которой отличается от воспроизводимого нами автографа, ставится слово «Сравни...», что свидетельствует о неидентичности текстов. Однако ни варианты текста, ни характеристика произведенных автором изменений в примечаниях не приводятся, но всегда указывается, если печатный текст был

искажен цензурой, имел купюры или цензурные замены, восстановленные в нашем издании.

За сведениями о предшествовавших публикациях в примечании даются пояснения, необходимые как для понимания общественно-политического и историко-литературного содержания записи, так и ее связи с фактами биографии автора.

Количество затронутых в записях Вяземского исторических и литературных проблем, событий и лиц огромно. В публикуемых книжках нашли отражение история и литература не только России, но и всей Европы (особенно Франции) за первую половину XIX и отчасти XVIII в. Совершенно понятно, что исчерпывающие комментарии к ним могли бы составить исследование, во много раз превосходящее объем самих записей Вяземского. Кроме того, такие комментарии вследствие энциклопедичности записей Вяземского потребовали бы работы целого коллектива специалистов. Поэтому наши комментарии никоим образом не претендуют на исчерпывающую полноту.

Текст подготовлен и примечания составлены В. С. Нечаевой. В комментировании книжек второй и тринадцатой принимала участие К. П. Богаевская. Ряд источников и библиографических данных иноязычных цитат установлены Е. В. Козловой. Ей же принадлежат и переводы иноязычных текстов. Большую помощь в проверке иноязычных текстов и их источников оказал А. Д. Михайлов. Указатель составлен Г. А. Галиным (русские имена и названия) и Е. В. Козловой (иностранные имена и названия).

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИЖКА ПЕРВАЯ
(1813—1823)

[1] Книжка размером 24 × 19 сантиметров, в темно-зеленом кожаном переплете, исписанных листов 80, шифр: ф. 195, оп. 1, № 1104. До публикуемых текстов Вяземского вписаны следующие стихотворения:

П. А. Межаков. «Стансы к князю Петру Андреевичу Вяземскому. Февраля 24 дня 1813 года. Вологда» («Бесстыдной лести посвятились»), 10 строф, 40 стихов. Автограф П. А. Межакова.

Французское стихотворение с сатирической характеристикой политики европейских государств («L'Allemagne prétend...» [1]), 18 стихов — рукой В. Ф. Вяземской.

«Chanson du Roi» [«Песня короля»], сатирическая песня («Je viens à vous, peuple fidèle» [2], с припевом: «Vive le roi, vive Louis» [3]), 3 куплета, 24 стиха — рукой В. Ф. Вяземской, заглавие рукой П. А. Вяземского.

В. Л. Пушкин. Три эпиграммы («Пиявицын, наш откупщик богатый»; «Приятель наш Ликаст»; «Трех фурий лютых ты считаешь»)—рукой В.Ф. Вяземской, под текстом рукой П. А. Вяземского: «Василия Львовича Пушкина». Первая и вторая эпиграммы были напечатаны в «Вестнике Европы», 1814, ч. 75 и 76, где вместо «Пиявицын» читается — «Панкратий».

«Ode, adressée à leurs Majestées, l'empereur de toutes les Russies, l'empereur d'Autriche et le roi de Prusse» [4]. («Quelle ombre jalouse environne» [5]), 120 стихов — рукой В. Ф. Вяземской.

«На смерть А. В. Г., который застрелился от любви» («О бедный юноша! нещастной доброй друг»), 20 стихов — рукой неустановленного лица с его же припиской: «Он похоронен у большой дороги».

«Эпитафия моему Терассу, которого нечаянно застрелили на охоте» («Он умер — как герой на брани умирает»), 12 стихов — тою же рукою, как и предыдущее стихотворение.

Четверостишие («Уже отверзт мне был к могиле мрачной путь») — тою же рукою, как и два предыдущие стихотворения.

Д. А. Давыдов. «Договор к Денису Давыдову» («И я гусар! — подай мне руку»), 24 стиха.— Подпись: *Д.* (Автограф Д. А. Давыдова). Под заглавием рукой П. А. Вяземского: «Дмитрия Александровича Давыдова».

---

[1] «Германия претендует...» (*фр.*).

[2] Я иду к тебе, верный народ (*фр.*).

[3] Да здравствует король, да здравствует Людовик (*фр.*).

[4] «Ода, обращенная их величествам, императору всероссийскому, императору австрийскому и королю прусскому» (*фр.*).

[5] Какая ревнивая тень окружает (*фр.*).

Д. В. Давыдов. «К г[рафу] Павлу Александровичу Строганову» («Блаженной памяти мой предок Чингис-хан»), 18 стихов — рукой П. А. Вяземского, его же позднейшая приписка под заглавием: «(Дениса Давыдова)». См. Денис Давыдов. «Графу П. А. Строганову за чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 г. в Турции». Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта», большая серия. Л., 1933, стр. 87.

А. Ф. Воейков. «Д. В. Дашкову» («Дашков! Хранитель бодрый вкуса»), 88 стихов — рукой В. Ф. Вяземской. Имена упоминаемых литераторов заменены тире. Рукой П. А. Вяземского вставлены имена Мерзлякова, Милонова и подписано под списком: «Воейкова». Напечатано: «Современник», 1857, № 3, стр.86. См. также «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» «Библиотека поэта», большая серия. Л., 1959, стр. 312—314.

В. А. Жуковский. Шуточное стихотворение («Мое postscriptum, брат Дашков!»), 32 стиха — рукою П. А. и В. Ф. Вяземских; позднейшая приписка П. А. Вяземского: «Постскриптум Жуковского». В собр. соч. Жуковского не вошло. Опубликовано В. Нечаевой: «Русская литература». 1962, № 4, стр. 141—145.

[2] *РА*, 1866, стб. 476—477. Под общим заголовком «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. Литературные арзамасские шалости» (*ПС*, IX, 1—2). Письмо обращено к редактору «Вестника Европы» М. Т. Каченовскому. Относится к 1813 г., так как Вяземский ссылается на последнюю книжку «под № 22» этого журнала, в котором напечатан «приказ графа Пушкина в свои вотчины». В «Вестнике Европы», 1813, № 21—22 (ценз. разреш. 28 октября 1813 г.), в отделе «Смеси», на стр. 139—142 напечатаны «Правила на составление повеленного времянного ополчения для изгнания врагов из Отечества» с примечанием: «Данные гр. А. И. Мусиным-Пушкиным в деревнях его сельским начальникам».«Правила» относятся к 26 июля 1812 г., помечены Ярославлем и подписаны графом Алексеем Мусиным-Пушкиным. Они написаны в высоком стиле с патриотическим призывом к крестьянам встать на защиту родины. В шутке Вяземского интересно отметить детали, которые сближают ее с «Историей села Горюхина» Пушкина. Как и И. П. Белкин, автор «Письма» — мелкопоместный «простой дворянин», «терзаем желанием» стать литератором. Оба преклоняются перед людьми, причастными к литературе, оба при полном отсутствии способностей принуждают себя к литературному труду и не могут «расстаться с тетрадью и чернильницей».Оба гоняются за «мыслями» для сочинения и в простоте своей признаются в отсутствии «мыслей». Наконец, они находят свое призвание в сочинениях, связанных с их поместным бытом.

[3] *РА*, 1866, стб. 477—478 (*ПС*, IX, 2—3). «Приказ» высмеивает членов «Беседы любителей русского слова» — князя С. А. Шихматова, сенатора И. С. Захарова и графа Д. И. Хвостова. Переводчик Фенелона, председатель IV разряда «Беседы любителей русского слова» и член Российской академии И. С. Захаров был автором таких книг, как «Усадьба или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичьи расходы». Спб., 1802 и «Хозяин-Винокур», Спб., 1808. В «Приказе» отчасти пародированы «Правила» Мусина-Пушкина, который сообщал, что ополченцев он «оброком прощает» и берет на себя внесение за них податей.

[4] Вяземский цитирует книгу: «Наука о стихотворстве. Поэма дидактическая в четырех песнях. Сочинение Буало Депрео. Перевел с французского граф Дмитрий Хвостов». Спб., 1808, стр. 9 (песнь I, стихи 107—110).

[5] «*Приказ Семену Гаврилову*» — переписан рукой В. Ф. Вяземской. После «Приказа» переписаны следующие стихотворения:

В. А. Жуковский. «Скажите, милые сестрицы». Дата: 6 октября 1814 г. 50 стихов — рукой В. Ф. Вяземской с поправками П. А. Вяземского. Его же позднейшая помета: «Жуковский». В. А. Жуковский. Полн. собр. соч., ч. II, Спб., 1902, стр. 43 — «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву».

В. А. Жуковский. «Вот вам стихи и с ними мой портрет». Дата: 30 октября 1812 г. 20 стихов — рукой В. Ф. Вяземской [?], позднейшая помета П. А. Вяземского: «Жуковский». В. А. Жуковский. Полн. собр. соч., ч. II, стр. 11 — «К NN при посылке портрета».

[illegible] хвалит так, как переводил,
Который сделал Карабанов.
Шихматов ждет себе венца
За то что публика страдала,
И как загадки разрешала
Стих за стихом сего певца.
Станевич пишет без конца,
А пылкий Глинка без начала
Скажи Дашков! чего ты ждешь
При лютую сию годину?
И скоро ли перо возьмешь,
И саранчу сию сметешь
Как вихрь сметает паутину!
Вейкова.

Мое postscriptum, брат Дашков!
[illegible]
[illegible]
[illegible]
в Парнасской сумасшедшем доме?
[illegible]

Стихотворение Жуковского, переписанное рукой П. А. и В. Ф. Вяземских. Книжка первая

Окончание) стихотворения Жуковского

[К. Н. Батюшков:] Эпитафия Вяземскому:

Писал стихи, а не пасквили
И в карты вовсе не играл:
Его не многие хвалили,
Он всех охотно прославлял.

Василий Пушкин

Под четверостишием позднейшая приписка П. А. Вяземского: «Шутка на меня Батюшкова и рукою его писанная. Переделка стихов Карамзина на смерть К. Хованского». Четверостишие повторяет 11-ю строфу стихотворения Карамзина. Батюшковым изменен только второй стих, который у Карамзина читается: «Писал, но зависти не знал». В молодости Вяземский азартной игрой расстроил состояние.

В. А. Жуковский. «Куплеты, петые за обедом у лорда Каткарта в присутствии государя 28 марта 1816 года» («Сей день есть день суда и мщенья»), 32 стиха — рукой

В. Ф. Вяземской. У заглавия рукой П. А. Вяземского приписано: «Жуковского». В. А. Жуковский, Полн. собр. соч., ч. II, стр. 117 — «Стихи на случай первого отречения Бонапарта». Об этих стихах А. И. Тургенев писал Вяземскому 3 апреля 1816 г., называя их «прекрасными» (*ОА*, I, 41).

А. С. Пушкин. «Христос воскрес! Питомец Феба», 21 стих — рукой В. Ф. Вяземской. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. [в шестнадцати томах], т. I. Изд-во АН СССР, 1937, стр. 181 [1]. Эта копия в изд. Пушкина учтена в Справочном томе (1959), стр. 12—13, где приведены ее разночтения.

А. Н. Салтыков. Эпиграмма («Великой сей министр в истории б гремел»), 4 стиха — рукой П. А. Вяземского, его же приписка: «Кн. Александра Ник[олаевича] Салтыкова — на Козодавлева, министра внутренних дел». Эту эпиграмму А. И. Тургенев сообщил Вяземскому в письме от 3 апреля 1816 г. (*ОА*, I, 41). *ПС*, VIII, 41.

Д. В. Дашков. «Венчание Шутовского. Гимн на голос: de Béchamel [Бешамеля]» («Вчера в торжественном венчаньи»), 72 стиха.— Автограф Д. В. Дашкова. Позднейшая приписка П. А. Вяземского: «Дмит[рия] Василь[евича] Дашкова на Шаховского после «Липецких вод». Д. Н. Сапожников. «Вновь найденные рукописи Пушкина» (*РА*, 1899, кн. 2, стб. 341—342); см. Е. А. Сидоров «Литературное общество Арзамас» (ЖМНП, 1901, кн. VI, стр. 379—380).

А. Н. Салтыков. Два отрывка из оды («Не Корс ли мнил быть равен богу»), 10 и 6 стихов — рукой П. А. Вяземского с его же позднейшей припиской: «Из оды Салтыкова графа, соиздателя журнала „Друг просвещения“ с Кутузовым и Хвостовым».

Два четверостишия на заданные рифмы, озаглавленные: «Ответ на стихи, в которых собирались дурачить любезную женщину». Одно с подписью С. М. Соковнина, другое В. Ф. Гагарина. Под заглавием приписка П. А. Вяземского карандашом: «На то и женщины, чтобы дурачить их».

М. В. Милонов. Сатира. («Смирись рассудок мой! К чему такое рвенье —»), 207 стихов — рукой В. Ф. Вяземской, позднейшая приписка рукой П. А. Вяземского: «Милонова».См. «Статьи и послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова». Спб., 1849, стр. 46—56— «К моему рассудку (Сатира третия)».

«Ménagerie ambulante» [«Странствующий зверинец»]. Сатирическая проза на франц. яз.— рукой В. Ф. Вяземской. 5 $^1/_2$ страниц. Автор не установлен.

К. Н. Батюшков. «К Тургеневу» («О ты! который средь обедов»), 66 стихов — рукой В. Ф. Вяземской, позднейшая приписка П. А. Вяземского: «Батюшкова». См. К. Н. Батюшков. Собр. соч. М.— Л., 1934, стр. 116—118.

Д. В. Давыдов. «К Бурцову» («Бурцов, ёра, забияка»), 28 стихов — рукой В. Ф. Вяземской, с мелкими поправками П. А. Вяземского. См. Денис Давыдов. Указ. соч., стр. 74 — «Бурцову. Призывание на пунш».

«К портрету. Се росска Флакка зрак». Четверостишие— рукой В. Ф. Вяземской. *РА*, 1866, стб. 473 —474. «Надпись к портрету (Сочинена обществом молодых любителей Российской словесности)».

А. Ф. Воейков. «Послание к друзьям и жене. Написано в Дерпте 1816 года, по возвращении из Крыма и Одессы» («Блажен, кто здрав, посредственность, досуг»), 380 стихов — рукою В. Ф. Вяземской, с мелкими поправками П. А. Вяземского и с его же позднейшей пометой: «Воейкова».

А. С. Пушкин. Письмо В. Л. Пушкину, декабрь 1816 г. («Тебе, о Нестор Арзамаса»). Полная копия письма — рукой В. Ф. Вяземской, помета рукой П. А. Вяземского: «Александра Пушкина к дяде Василию Львовичу». Небольшие разночтения с текстом, напечатанным в Полн. собр. соч. Пушкина (т. 13, стр. 4—6), учтены там же, стр. 420.

Г. Г. Политковский. «На новый год» («Не прав ты, новый год, в раздаче благостыни»). Подпись «Политковский». 6 стихов. Ср. *ПС*, VIII, 40—41.

[6] Публикуя в «Русском архиве» (1866, стб. 480—487) свои пародии на басни Хвостова, Вяземский писал о них в предисловии: «Эти притчи писаны в подражание,

[1] Далее Пушкин цитируется по этому изданию.

и сказать можно без хвастовства, довольно удачно, притчам гр. Хвостова, особенно тем, которые заключаются в первом издании, явившемся в свет в первых двух-трех годах текущего столетия. Эта книга была нашею настольною и потешною книгою в Арзамасе. Жуковский всегда держал ее при себе и черпал в ней нередко свои Арзамасские вдохновения». Вяземский имеет в виду «Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами члена Российской императорской академии графа Дмитрия Хвостова». Спб., 1802. В «Русском архиве» напечатаны десять басен, из них семь совпадают с имеющимися в публикуемой записной книжке.

В сборнике «Русская стихотворная пародия», «Библиотека поэта», большая серия. Л., 1960, где перепечатан текст «Притч» из «Русского архива», в комментарии (стр. 479—489) высказывается предположение что, хотя «автором большинства этих пародий был П. А. Вяземский», все же они «были в той или иной степени результатом коллективного творчества „Арзамаса“. Помета Вяземского. «Мои подражания Хвостову» снимает это предположение. Все басни переписаны рукой В. Ф. Вяземской.

[7] *РА*, 1866, стб. 480—481.

[8] *РА*, стб. 482, с заглавием «Мышь».

[9] *РА*, стб. 485—486, с заглавием «Охотник и плотник».

[10] *РА*, стб. 482—483, с заглавием «Осел».

[11] *РА*, стб. 486—487, с заглавием «Лисица, волк и медведь».

[12] *ПС*, IX, 3—5. Шуточное послание, написанное Вяземским от лица основателя Москвы князя Юрия (Георгия) Долгорукого московскому главнокомандующему А. П. Тормасову, было передано последнему на маскараде, происходившем у тещи Вяземского П. Ю. Кологривовой. Относится, вероятно, к началу 1815 г. (масляница). Тормасов был назначен главнокомандующим 30 августа 1814 г. и приступил к восстановлению Москвы после пожара 1812 г. Переписано рукой В. Ф. Вяземской.

[13] *ПС*, IX, 5. Шуточное послание Вяземского И. И. Дмитриеву от лица уже умершего И. И. Хемницера, переданное на том же маскараде (см. прим. 12). И. И. Дмитриев в 1810—1814 гг. занимал пост министра юстиции. Выйдя в 1814 г. в отставку, он поселился в Москве. Свою деятельность баснописца Дмитриев прекратил в начале века. О «лжецарях», занявших место Дмитриева-баснописца, Вяземский писал 16 октября 1816 г. А. И. Тургеневу (*ОА* I, 58).

После послания к И. И. Дмитриеву рукою В. Ф. Вяземской переписана басня «Конь и лошадь» («Конь и лошадь были»), 22 стиха. В тексте правка П. А. Вяземского. Его позднейшая помета: «Кажется Жихарева».

[14] Как и напечатанные на стр. 7—10, эта и следующие басни — подражание басням Хвостова (см. прим. 6). *РА*, 1866, стб. 481—482. Басни переписаны рукой В. Ф. Вяземской с правкой П. А. Вяземского.

[15] В «Русском архиве» этой басни нет, возможно, в связи с упоминанием в ней «престола». Первоначально в списке было заглавие: «Стол и капуста»; первая строка читалась: «Капуста гордая лежала на столе» и не было третьего стиха. Исправления сделаны рукою П. А. Вяземского.

[16] В «Русском архиве» этой басни нет. *Кеньга* — род кожаной галоши.

[17] *РА*, 1866, стб. 487.

[18] В «Русском архиве» этой басни нет.

[19] В «Русском архиве» этой басни нет. Название пирожника «*потомством Меншикова*» (намек на торговлю пирогами в юности А. Д. Меншикова, бывшего позднее соратником Петра) издатель «Русского архива» Бартенев, конечно, не мог напечатать, когда «светлейшие князья» Меншиковы были близки ко двору. Этот выпад Вяземского можно сопоставить с пушкинским стихотворением «Моя родословная» (1830), где тот же намек на Меншикова: «Не торговал мой дед блинами»

[20] *РА*, 1866, стб. 483—484, под названием «Танцовщик», с разночтением в строках 5 и 22. Строка 22 в «Русском архиве» читается: «Солдату ранцы».

[21] «Письмо», которое якобы должно было сопровождать посылку басен-пародий

в Петербург для их издания, открыто связывает всю эту шутку Вяземского с литературным обществом «Арзамас» (письмо посылается из Арзамаса, фамилия автора Гусин, упоминание о недавно учрежденном «комитете опекунства о Арзамасских гусях»).

[22] *Комитет* — «Комитет для устройства евреев», в котором принимал участие А. И. Тургенев как директор департамента духовных дел иностранных исповеданий.

[23] Вслед за «Письмом Гусина» переписаны следующие стихотворения:

А. С. Пушкин. «Тургеневу» («Тургенев, верный покровитель»), 45 стихов. Дата. «8 ноября 1817 г.» и подпись: «Пушкин-сверчок». Рукой В.Ф. Вяземской (?). А.С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 40—41.

В. П. Колычев. Стих. «Мотылек» («В скучну ночь сидел я ныне»), 40 стихов — рукою В. Ф. Вяземской, помета Вяземского: «Должно быть старое, екатерининского времени».

Беранже. «Le Ventru» [«Пузан»] («Electeurs de ma province» [1]). 8 строф с припевом — рукой В. Ф. Вяземской. Oeuvres complètes de P. J. de Béranger. Paris, 1847, v. I, p. 290—295.

Беранже. «La fée Urgande» [«Фея Урганда»] («Enfant! il était une fois»)[2], 6 строф с припевом — рукой В. Ф. Вяземской. См. там же, v. I, p. 248—250 — «La petite fée» [«Маленькая фея»].

Беранже. «La sainte Alliance des peuples» [«Священный союз народов»] («J'ai vu la paix descendre sur la terre» [3]), 6 куплетов с припевом — рукой В. Ф. Вяземской. См. там же, v. I, p. 312—314.

А. П. Шувалов. «Epître à Ninon l'Enclos, par M. le Comte de Schouwaloff, chambellan de l'empereur de Russie»[4] («Philosophe folâtre et catin honnête homme»[5]), 7 страниц — рукой В. Ф. Вяземской. Стихотворение это (1774 г.), по свидетельству Вяземского, долго приписывалось Вольтеру (*ПС*, VIII, 187).

Ржевусский. Письмо 7 июля 1819 г. На франц. яз. («Monsieur, Il m'est bien doux dans l'éloignement , où je suis, d'une patrie si chère» [6]), 12 страниц — рукой В. Ф. Вяземской, помета П. А. Вяземского: «Письмо Ржевусского к кн. Заиончеку».

Беранже. «Le bon dieu» [«Добрый бог»] («Un jour le bon dieu s'eveillant»[7]), 6 куплетов с припевом — рукой В. Ф. Вяземской. См. указ. изд., v. I, p. 344—346.

Беранже. «Le dieu des bonnes gens» [«Бог простых людей»] («Il est un dieu. Devant lui je m'incline» [8]), 6 куплетов с припевом — рукой В. Ф. Вяземской. То же издание, v. I, p. 255—257.

«La mort du roi Christophe, ou note, présentée par la noblesse D'Haiti aux trois grands alliés. Décembre, 1820 [9]. Сатирическая песня по поводу конгрессов участников Священного союза, с обращением к монархам союзных держав. 5 куплетов с припевом — рукой В. Ф. Вяземской.

Беранже. «Les Mirmidons, ou les funerailles d'Achille. Decembre 1819»[10]. 10 куплетов с припевом — рукою В. Ф. Вяземской, две последние строфы — рукой П.А. Вяземского. Указ. соч., v. I, p. 321—325.

---

[1] Избиратели моей провинции (*фр.*).

[2] Дитя! Случилось однажды (*фр.*).

[3] Я видел мир, снизошедший на землю (*фр.*).

[4] Послание к Нинон Ланкло графа Шувалова, камергера императора Российского (*фр.*). Вернее: Ninon de Lenclos.

[5] Философ легкомысленный и беспутный честный человек (*фр.*).

[6] Милостивый государь, вдали от столь дорогой родины мне очень приятно... (*фр.*).

[7] Однажды, бог, восстав от сна (*фр.*).

[8] Есть божество. Пред ним я преклоняю голову (*фр.*).

[9] Смерть короля Кристофа, или обращение, направленное дворянством Гаити трем союзным державам. Декабрь 1820 (*фр.*).

[10] «Мелюзга, или похороны Ахилла». Декабрь 1819 (*фр.*).

Беранже. «Le cinq Mai» [«Пятое мая»] («Des Espagnols m'ont pris sur leur navire..»[1]). 7 куплетов с припевом — рукою В. Ф. Вяземской. Указ. соч., v. I, p. 373—375.

А. С. Пушкин. «Ожидание войны» («Война! развиты наконец»), 32 стиха — рукой В. Ф. Вяземской, приписка рукой П. А. Вяземского: «Александра Пушкина». А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 166—167 — «Война». Разночтения этой копии вошли в «Варианты» (т. II, стр. 643), но существование данной копии не указано.

Беранже. «Nouvel ordre du jour» [«Новый приказ»] («Braves soldats, v'la l'ord' du jour»[2]), 1823, 7 куплетов с припевом—рукой неустановленного лица. Указ. соч. v. I, p. 386—389.

Беранже. То же стихотворение [1823], переписанное рукой В. Ф. Вяземской на 2 л. л. почтовой бумаги, вклеенных в книжку вслед за предыдущей копией. Последние пять л. л. книжки записей не имеют.

КНИЖКА ВТОРАЯ

(1813—1855)

1 Размер 18 × 15 сантиметров, в темно-красном кожаном переплете, исписанных листов 59. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1106. Плохо сброшюрованная книжка, очевидно, давно распалась на части, причем эти части были в свое время положены неправильно и так перенумерованы. В публикации мы восстанавливаем хронологический порядок записей. Один лист, находившийся между листами пронумерованными 14 и 15 (см. текст стр. 34), отсутствует, и поэтому запись о Б. Констане не имеет конца. Предпоследний лист книжки вырезан, на оставшемся корешке видны начальные буквы записи карандашом, сделанной Вяземским в поздние годы жизни. На обороте верхней крышки переплета рукой Вяземского запись парижского адреса Тургеневой: «Madame Tourgueneff». Большая часть книжки опубликована в *ПС*, IX, 7—50.

2 Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 197 (*ПС*, VIII, 11).

3 *ПС*, IX, 7. «*Росслав*» — трагедия Я. Б. Княжнина (1784). «*Бригадир*»— комедия Д. И. Фонвизина (1769). Запись использована Вяземским в книге о Фонвизине (*ПС*, V, 165). Ср. стих. «Княжнин и Фонвизин» (*ПС*, III, 202).

4 *Никола-Шарль-Жозеф Трюбле* — французский литератор, имевший духовный сан; противник Вольтера, который его высмеял в 1758 г. в сатире «Le pauvre diable» [«Бедный малый»] (Voltaire. Oeuvres complètes, t. 3. Paris, 1817, p. 898). Вяземский цитирует соч. аббата Трюбле: «Essais sur divers sujets de la littérature et de morale» (6-me édit., t. IV, 1755, Amsterdam. «De la poésie et des poètes»[3], p. 179, 185, 187). Le Télémaque — «Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse» [«Приключения Телемака, сына Улисса»] — книга Фенелона. «La Henriade» [«Генриада] — поэма Вольтера.

5 *ПС*, IX, 7, 8. «*Пилигримы*» — поэма Хераскова (1795). «*Брут*» — тираноборческая трагедия Вольтера, обличавшая преступления царя Тарквиния, а также утверждавшая право вольных граждан республики бороться с «бунтующим» против народа «самовластным» царем (см. «Брут. Трагедия из сочинений г. Вольтера», М., 1783).

6 *ПС*, IX, 8. Трагедии В. А. Озерова «Эдип» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донский» (1807) и «Поликсена» (1808), имевшие шумный успех у зрителей, вместе с тем сделали автора предметом травли в театральном мире. По преданию А. А. Шаховской, член «Беседы любителей русского слова», играл главную роль в интригах, которые

---

[1] На свой корабль меня испанцы взяли (*фр.*).

[2] Храбрые солдаты, вот приказ (*фр.*).

[3] «Очерки о различных предметах литературы и морали». Изд. 6, т. IV. Амстердам, 1755. «О поэзии и поэтах» (*фр.*).

привели Озерова в 1809 г. к душевному заболеванию. Однако новейшие исследования установили, что значительную роль в преследовании Озерова играл Державин, резко критиковавший трагедии Озерова за их отход от норм классического театра, элегические и сентиментальные элементы. Единомышленниками Державина оказались и А. С. Шишков и А. А. Шаховской (В. А. Озеров. Трагедии. Стихотворения. «Библиотека поэта», большая серия. Л., 1960, стр. 51—65). *Арзамасцы* неоднократно использовали этот эпизод в борьбе против «Беседы».

[7] *ПС*, IX, 8. *Головин* — вероятно, Н. Н. Головин, член Государственного совета. После смерти отца пятнадцатилетний Вяземский был поручен попечению Карамзина, женатого на старшей сестре Вяземского.

Жуковский издавал в 1815—1817 гг. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», куда были включены некоторые стихотворения Вяземского. В приписке Батюшков в шутку цитирует Державина: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...» (переложение оды Горация).

[8] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 146—147 (*ПС*, VIII, 11). Цитата из книги Вовенарга «Réflexions et maximes» [«Размышления и правила»] (Vauvenargues. Oeuvres. Paris, 1818, p. 111, 127) дана неточно. У Вовенарга: «Les grandes pensées viennent du coeur» [«Великие мысли исходят из сердца»].

[9] *ПС*, IX, 8—9. Речь идет о поэме С. А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1814). *Николай Михайлович* — Карамзин, писавший в это время «Историю государства Российского».

[10] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 147 (*ПС*, VIII, 11 и *ПС*, IX, 9).

[11] *ПС*, IX, 9. Замечание Вольтера о критике, см. «Oeuvres complètes», t. VII. Paris, 1817, p. 693, статья «Critique» [«Критика»]. Далее цитата из пьесы Детуша «Le Glorieux» [«Прославленный»] (1732).

[12] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 219 (*ПС*, VIII, 23). Вяземский цитирует стихотворение В. Петрова на смерть Екатерины II: «Плач и утешение России» (1796), где этот стих читается так:

«Лежит недвижима, кем двигана вселенна».

[13] *ПС*, IX, 10.

[14] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 289 (*ПС*, VIII, 18).

[15] *ПС*, IX, 10. *Ф. В. Туманский* — журналист и переводчик, издавал в 1786 г. (вместе с П. И. Богдановичем, переводчиком и владельцем типографии) журнал «Зеркало света», позднее журналы «Лекарство от скуки и забот» и «Российский магазин». «*Душенька*» — поэма И. Ф. Богдановича (1783).

[16] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 256 (*ПС*, VIII, 58; IX, 10). В 1809 г. были изданы «Нравственные рассуждения герцога де ла Рошефуко. Перевел с французского Дмитрий Пименов».

Б. Голицын — князь Борис Владимирович Голицын, генерал-лейтенант, писатель, член «Беседы любителей русского слова». См. о нем в «Старой записной книжке» Вяземского, напечатанной в «Русском архиве», 1876, № 10, стр. 161 (*ПС*, VIII, 489—490). Голицына принимали за переводчика названной книги Ларошфуко, считая фамилию Пименов его псевдонимом. Вяземский цитирует П. Д. Э. Лебрэна (Ponce-Denis Ecouchard Le Brun). «Oeuvres», v. 3. Paris, 1811, p. 12— «Epigrammes».

[17] *ПС*, IX, 10. *Сальватор Тончи* — итальянский художник, портретист, автор картин на исторические и мифологические темы. С 1800 г. жил в Москве.

[18] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 256 (*ПС*, VIII, 58). *Федор Иванович Киселев* — дядя известного в царствование Николая I государственного деятеля П. Д. Киселева.

[19] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 222 (*ПС*, VIII, 25—26). *Иван Иванович Болтин* — крупнейший представитель дворянской историографии.

[20] *ПС*, IX, 11. *Государь* — Александр I.

[21] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 222 (*ПС*, VIII, 25).

[22] *ПС*, IX, 11. Вяземский имеет в виду вернувшихся после походов 1813—1815 гг. офицеров русской армии — будущих декабристов.

[23] *ПС*, IX, 11. Кн. *П. М. Волконский* — министр двора. *Перекусихина* — статс-дама Екатерины II, по преданию, предварительно знакомившаяся с кандидатами в фавориты императрицы.

[24] Ср. сб. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 250 (*ПС*, VIII, 53).

[25] *ПС*, IX, 11. *Желтый Карла* — французский журнал «Le Nain Jaune, ou Journal des arts, des sciences et de littérature» [1], издававшийся в Париже Кошуа Лемэром в 1814—1815 гг. Вяземский упоминал о нем в письме к А. И. Тургеневу от 3 июня 1818 г. (*ОА*, I, 106). «*Кормчая книга*» — древнейший сборник законов, служивший руководством для церковных судов.

[26] *ПС*, IX, 11. *Наталья Ивановна Куракина* (рожд. Головина) — жена члена Государственного совета А. Б. Куракина.

[27] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 246 (*ПС*, VIII, 49). М. И. Кутузов (Смоленский) был в 1809—1811 гг. виленским военным губернатором. 28 ноября 1813 г. вступил в Вильну с русскими войсками после изгнания Наполеона из России.

[28] *ПС*, IX, 11—12. В предыдущей и в этой записи Вяземский отмечает, что либеральные и религиозные настроения Александра I использовались в своих интересах его приближенными. «*Северная почта*» — официозная газета, издавалась Почтовым департаментом Министерства внутренних дел в 1809—1819 гг. Запись относится к 1817 г., так как Вяземский иронически, характеризуя «Северную почту» в письме к А. И. Тургеневу от 3 июня 1818 г. (*ОА*, I, 106), вспоминал эту свою запись как «прошлогоднюю».

[29] *ПС*, IX, 12. Игра слов, основанная у Вольтера на созвучии *remparts* [крепостные стены] и *Ramponeau* [Рампоно], передана Дмитриевым созвучием *вал* и *Валуев*. *Жан Рампоно* — французский трактирщик, ставший известным благодаря посвящавшимся ему шуточным стихам и песням. Вольтер написал по поводу одного из судебных дел комедию-шутку: «Защитная речь Рампоно, произнесенная им самим перед судьями» (V o l t a i r e. Oeuvres complétes, t. 8. Paris, 1817, p. 456).

[30] *ПС*, IX, 12. Вероятно, речь идет о Петре Ивановиче *Полетике*, члене «Арзамаса», чиновнике Министерства иностранных дел.

[31] *ПС*, IX, 12. Вяземский имеет здесь в виду Петра I и Екатерину II.

[32] *ПС*, IX,12. У знаменитого французского драматурга Пьера Корнеля был брат — Тома (Фома), бросивший адвокатуру ради драматургии, но оказавшийся посредственным драматургом. Поэт и публицист Федор Глинка, автор «Писем русского офицера» (1808, 1815—1816), член Союза Благоденствия, был братом Сергея Глинки, издателя журнала «Русский вестник» (1808—1824). Патриотическое направление этого журнала сделало его популярным в годы Отечественной войны; в дальнейшем он не пользовался успехом у передовой части русского общества. Пушкин назвал Ф. Глинку в послании к «В. Л. Пушкину» (1817) «довольно плоским певцом».

[33] Шесть предшествующих записей опубликованы в *ПС*, IX, 12—13. Запись о Дмитриеве ср. сб. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 269 (*ПС*, VIII, 71). *И. И. Дмитриев* имел в виду мистико-религиозное направление, культивировавшееся в последние годы царствования Александра I, в связи с настроениями царя. Главным проводником этого направления был А. Н. Голицын, министр просвещения и духовных дел. *В. М. Попов* — директор Департамента народного просвещения, главный деятель созданного в эти годы «Библейского общества» (с 1817 г.). Речь идет, очевидно, о текстах Библии.

[34] *ПС*, IX, 13. Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 39, где имеется добавление: «N. N. когда хочет укусить, только что замуслит». В *ПС*, VIII, стр. 4 — вместо N. N. — Шаховской. В тексте записной книжки слова о Шаховском см. далее, четвертую запись.

[35] *ПС*, IX, 13. Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 220 (*ПС*, VIII, 24).

---

[1] «Желтый карлик, или Журнал искусств, наук и литературы» (*фр.*).

[36] Ср. там же, где имеется добавление: «Впрочем, известно, что эти «Бдения» подложны и только приписываются Тассу». Вяземский имеет в виду книгу «Тассовы бдения. Перевел с итальянского А. Шишков». Спб., 1808.

[37] См. прим. 34.

[38] *ПС*, IX, 13, 14. *Самуил-Богумил Линде* — польский филолог, автор исторического словаря польского языка. В тексте поправки Вяземского карандашом.

[39] Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 39—41 (*ПС*, VIII, стр. 4—5; частично IX, 15). Вяземский упоминает «Беседу любителей русского слова», глава которой, А. С. Шишков, неудачно предлагал заменить иностранные слова в русском языке словами, произведенными им от славянских корней.

[40] *ПС*, IX, 14. «*Женевские возмущения*» происходили в 1791—1792 гг. под влиянием французской революции 1789 г.

[41] *ПС*, IX, 14. Мысль этой записи Вяземский широко развил в письме из Варшавы к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1820 г., местами буквально повторяя текст записи (*ОА*, II, 15—16).

[42] *ПС*, IX, 14, 15. Цитата из поэмы Буало «L'art poétique» (Oeuvres, t. 1, Chant II, p. 283—284. Amsterdam, Chauguion, 1729 [1]). В статье «Сонеты Мицкевича», напечатанной в «Московском телеграфе», 1827, Вяземский отчасти повторял мысль записи, но вместе с тем отметил интерес представителей современной романтической школы к сонету (*ПС*, I, 328).

[43] *ПС*, IX, 15. *Антуан Ривароль* — французский публицист, славившийся остроумием и сатирами, высмеивавшими литераторов. *Станислав Жан Буфлер* — французский поэт также известный своим остроумием. *А. С. Хвостов* — стихотворец и переводчик, член общества «Беседа любителей русского слова».

[44] *ПС*, IX, 15. *Жак -Франсуа Неккер* — глава французского финансового ведомства, выступил на открытии Генеральных штатов в 1789 г.

[45] *ПС*, IX, 15. См. запись, опубликованную выше, стр. 26. Сын вел. кн. Константина и актрисы Фридрихс Павел Константинович Александров (род. 1808 г.) жил с отцом в Варшаве.

[46] *ПС*, IX, 15, 16. Вяземский упоминает «*Полный французско-русский словарь Ивана Татищева*» (1816). *Декарт* (Renatus Cartesius) — французский философ, положивший основание философскому направлению — картезианству. Эта запись была Вяземским позднее зачеркнута. *М. Т. Каченовский* — редактор «Вестника Европы» (1805—1807, 1811—1830), полемизировавший с Карамзиным и его последователями, был высмеян в эпиграммах Пушкина, Вяземского и др.

[47] *ПС*, IX, 16. Речь идет о статье Н. М. Карамзина «*О верном способе иметь в России довольно учителей*» («Вестник Европы», 1803, № 8). Вяземский вновь отмечает характерные для конца царствования Александра настроения в обществе.

[48] *ПС*, IX, 16, 17. Четыре последние записи являются выписками из писем итальянского экономиста Фердинандо Галиани, бывшего послом в Париже, к французской писательнице Луизе-Флоранс Д'Эпине, состоявшей в переписке с крупнейшими писателями XVIII в. (Вольтер, Руссо и др.). См. «L'abbé F. Galiani. Correspondance», v. 11, lettre LXXV. Paris, 1881, p. 286; lettre XCIII, p. 310—311; lettre XCVII, p. 322). В первой выписке Галиани имеет в виду Вольтера: «Commentaires sur Cornelle» [2] (Oeuvres complets, t. 30. Paris, 1818).

[49] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 249 (*ПС*, VIII, 51). Частично было опубликовано в т. IX, стр. 17—18. Вяземский упоминает речь Александра I при открытии Польского сейма 15/27 марта 1818 г., в которой Польше была обещана конституция. Вяземский переводил эту речь с французского на русский язык.

---

[1] «Поэтическое искусство» (Соч., т. 1, песнь II, стр. 283—284. Амстердам, Шогион, 1729).

[2] «Комментарии к Корнелю».

[50] *ПС*, IX, 18. Речь идет о Пиндаре и Эпаминонде — жителях Беотии. В этой записи и далее Вяземский пользуется «Всеобщей историей» Мюллера, которую читал на французском языке (Jean de M ü l l e r. Histoire Universelle, divisée en vingt quatre livres. Traduit de l'allemand par J. G. Hess. Genève — Paris, 1826) [1].

[51] *ПС*, IX, 18. Цитата из поэмы М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1760—1761)— песнь I, стихи 157—158.

[52] *ПС*, IX, 18, 19. См. прим. 50.

[53] *ПС*, IX, 19, 20. Три последние записи связаны с чтением истории Мюллера (см. прим. 50).

[54] *ПС*, IX, 20. *Викентий Иванович Корвин-Красинский* — маршал Польского Сейма и генерал-адъютант Александра I в 1818 г., впоследствии член Административного совета Царства Польского. Поляки не любили Красинского — проводника политики царского правительства.

[55] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 158 (*ПС*, VIII, 16).

[56] *ПС*, IX, 20. Вторая запись, выражающая конституционные устремления Вяземского, опубликована не была.

[57] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 282 (*ПС*, VIII, 16).

[58] *ПС*, IV, 20, 21. Заимствованные из французского журнала «La Minerve française» сведения об Екатерине, идеализируют ее;в действительности она опиралась не на народ, а на дворянство

[59] *ПС*, IX, 21. *Август* — римский император (I в. до н. э.), *Александр Македонский* — греческий царь и полководец, *Птоломеи* — династия египетских царей (до 30 г. н. э.).

[60] *ПС*, IX, 21. *Сганарель* — персонаж нескольких комедий Мольера.

[61] *ПС*, IX, 21. Запись, отражающая конституционные чаяния Вяземского. *Эфоры* — правительственная коллегия в древней Спарте, возникшая при царе Феопомпе (VIII в. до н. э.).

[62] *ПС*, IX, 21. О Бенжамене Констане см. далее, прим. 66.

[63] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 269 (*ПС*, VIII, стр. 70). *Екатерина Павловна* — великая княгиня, сестра Александра I.

[64] *ПС*, IX, 22 — первая часть записи. Вторую часть записи ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 272 (*ПС*, VIII, 73).

[65] Эта и предшествующая записи были опубликованы в *ПС*, IX, 22 с обессмысливающими искажениями.

[66] *ПС*, IX, 22—23. *Бенжамен Констан* — французский буржуазный политический деятель и писатель. Сначала был противником Наполеона, а во время Ста дней стал его сторонником; с 1819 г.— лидер буржуазно-либеральной оппозиции, способствовавший впоследствии воцарению Луи-Филиппа. *Катон* — политический деятель и писатель древнего Рима, защитник аристократических привилегий. О Мюллере см. прим. 50.

[67] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 248 (*ПС*, VIII, 50).

[68] *ПС*, IX, 23.

[69] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 248 (*ПС*, VIII, 51). *С. П. Свечина* — приятельница Вяземского и А. И. Тургенева, жила в это время в Париже. «*Лодоиска*»— тираноборческая опера Луиджи Керубини (1791) на польский сюжет.

[70] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 219—220 (*ПС*, VIII, 23—24).

[71] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 221—222 (*ПС*, VIII, 24—25) и *ПС*, IX, 23. Вяземский подразумевает оды Державина «Петру Великому» (1776) и «На новый 1797 год», воспевавшую вступление на престол Павла I. Далее он приводит цитату из послания Державина: «Евгению. Жизнь Званская» (1807). О Хвостове см. прим. 6 к первой книжке. Слова, обращенные Крийону Генрихом IV, стали поговор-

---

[1] Жан де М ю л л е р. Всеобщая история, разделенная на двадцать четыре книги. Перевод с немецкого И. Г. Гесса. Женева — Париж, 1826 (*фр.*).

кой (приведены Вольтером в «Генриаде», песнь VIII). Цитируя далее стихотворение «Храповицкому» (1797), Вяземский хвалит выраженный Державиным в последних строфах протест против «ярма» страха и необходимости угождать сильным. Юмористический характер приведенного стиха Оленину (1804) Вяземский объяснил в опубликованном тексте: «Оленин был необыкновенно малого роста и сухощав». Заключительная строка записи имеет в виду следующее место в стихотворении «Гром» (1806):

Как сталью камень сыплет искры,
Так из твоей струятся митры
В мрак солнцы, средь безмерных мест.

[72] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 222 (*ПС*, VIII, 25) и *РА*, 1876, III, 60 (*ПС*, VIII, 476). *Долгоруков Иван Михайлович* — поэт, которого высоко ценил Вяземский за «русский склад» ума и русский народный язык (см. *ПС*, VIII, 478). *Измайлов Александр Ефимович* — баснописец, журналист, «площадной шут», по выражению Пушкина.

[73] Запись, содержащая резкую критику политики Александра I, в *ПС*, IX, 23—24 опубликована не полностью. *«Полубарские затеи»* — комедия Шаховского (1808). Цитата из «Послания автору новой книги о трех самозванцах» Вольтера. *Князь Понятовский* — племянник польского короля Станислава-Августа, претендовавший на польский престол.

[74] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 272 (*ПС*, VIII, 73). *Станислав-Август* — последний польский король, по требованию Екатерины II отрекшийся от престола при разделе Польши и доживавший свои дни при русском царском дворе.

[75] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 155—156 (*ПС*, VIII, 14—15). Цитата взята из Дидро «De la poésie dramatique» («О драматической поэзии»). См. Oeuvres, v. IV, p. 497. Paris, an VIII. *«Аталия»* («Athalie») — трагедия Расина.

[76] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 285 (*ПС*, VIII, 17). Вяземский имеет в виду стихотворение Ломоносова «Ночною темнотою» (Из Анакреона).

[77] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 288 (*ПС*, VIII, 18).

[78] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 248 (*ПС*, VIII, 50). О Понятовском см. выше, прим. 73. *Станислав Грабовский* — министр духовных дел и народного просвещения в Царстве Польском. *Людвиг-Казимир Платер* — член Главного правления училищ (в 1822 г.), впоследствии польский сенатор и участник восстания 1830 г.

[79] Опубликовано в *ПС*, IX, 24 в сокращенном виде. Выписки из записок Станислава-Августа находятся в четвертой записной книжке Вяземского (см. стр. 410—411).

Вяземский цитирует книгу Монтескье «Дух законов» («De l'esprit des loix», v. I. Genève, 1749, p. 147).

[80] *ПС*, IX, 24. О связи этой и следующей записей с настроениями Вяземского см. статью (стр. 356). *Криллон* (Crillon, Louis des Balbes de Berton; 1541—1615) начал военную карьеру под начальством герцога де Гиза, сражался в войсках Карла IX, Генриха III и Генриха IV. В разгаре борьбы гугенотов и католиков при Генрихе III, принявшем сторону гугенотов, Криллон отказался участвовать в преднамеренном убийстве по приказу короля вождя католической партии — герцога Генриха Гиза. Об эпизоде с Криллоном говорится в «Духе законов» Монтескье (см. Указ. соч., т. I, кн. IV, стр. 51).

[81] Вяземский цитирует соч. Боссюэ «Choix de sermons panégyriques et oraisons funèbres» [1], v. IV. Paris, 1803, p. 11, где читаем: «Cette recrue continuelle du genre humain, je veux dire les enfants, qui naissent» [2].

---

[1] «Избранные произведения ораторского искусства, хвалебные проповеди и надгробные речи» (*фр.*).

[2] Постоянный рекрутский набор человеческого рода, я хочу сказать дети, которые рождаются (*фр.*).

[82] *ПС*, IX, 24—25. В конце 1810 — начале 1820-х годов Вяземский сам был автором ряда басен оригинальных и переводных, в которых пытался провести через цензуру свои либеральные мысли.

[83] *ПС*, IX, 25. Приводимую Вяземским цитату см. «La Henriade», Chant I (Oeuvres complètes de Voltaire, t. X. Paris, 1823, p. 51).

[84] *ПС*, IX, 26. См. выше прим. 80 и запись, к которой оно относится.

[85] Ср. «Северные цветы на 1829 год», стр. 221 (*ПС*, VIII, 19). В публикации Вяземского указано, что запись относится к Шекспиру. Тут же даны рассуждения Вяземского об отношении Вольтера к Шекспиру. Вяземский цитирует Вольтера «Essai sur la poésie épique» [1] (Oeuvres complètes, t. III. Paris, 1817, p. 167).

[86] *ПС*, IX, 26. *Франсуа Ламот Левайе* — французский философ-скептик; в 1714 г. перевел «Илиаду» Гомера с огромными сокращениями. Джанджорджо *Триссино* — итальянский писатель XVI в., приверженец поэтики Аристотеля и классической литературы (см. Вольтер. Указ. соч., т. III, стр. 168 и 174; т. VII, стр. 346—347).

[87] *ПС*, IX, 27. См. Вольтер. Указ. соч., т. III, стр. 190.

[88] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 147—154 (*ПС*, VIII, 11—14).

[89] Опубликовано не было, вероятно, из опасения духовной цензуры.

[90] *ПС*, IX, 27. В связи с предыдущей записью ясно, что здесь критика представления о боге, который якобы позволяет людям совершать преступления и потом судит их за совершенное.

[91] Опубликовано не было.

[92] Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 38 (*ПС*, VIII, 3, 4), где изъято упоминание о боге (см. статью, стр. 354). О Краковском судилище см. запись Вяземского в книжке третьей во время путешествия в Краков (стр. 91).

[93] Опубликовано не было. Курсивом выделены слова, взятые из текста православного богослужения и относящиеся к так называемому Страшному суду, которым, по учению христианства, закончится существование человечества.

[94] Опубликовано не было. Как предшествующие, так и эти две записи являются свидетельством антирелигиозных и порою атеистических взглядов Вяземского (см. статью, стр. 361).

[95] Ср. «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, отд. II, стр. 92—93 (*ПС*, VIII, 8, 9). Вяземский цитирует высказывание из трехтомного труда «Cours de littérature dramatique», traduit d'allemand [2] (Paris — Génève, 1814, t. 2, p. 205) *Августа-Вильгельма Шлегеля* — немецкого критика и историка литературы, который много лет находился во Франции. *Прадон* — посредственный драматург, соперничавший с Расином.

[96] Ср. там же. Говоря о «*нашем уважении*» к Анакреону, Вяземский имел в виду увлечение Анакреоном русских поэтов XVIII в. (Кантемира, Державина и др.), которое отразилось и в лирике начала XIX в. *Биевриана* — каламбуры маркиза Биевра. *Шарль Батте* — французский философ и педагог, переведший в 1750 г. Горация.

[97] *ПС*, IX, 27. Судя по приписке (не опубликованной в *ПС*, IX), в этой записи Вяземский имел в виду реставрацию Бурбонов в 1815 г. в лице Людовика XVIII. Последний во время республики и империи Наполеона находился в эмиграции, где заботливо старался поддерживать свой престиж как короля Франции и тщательно соблюдал придворный этикет.

[98] «*Лирик Руссо*» — французский поэт Жан-Батист Руссо. *ПС*, IX, 27—28 (до франц. текста). Вяземский приводит стих из третьей сатиры французского поэта Буало, а далее свое переложение этого стиха, которое в несколько измененном виде вошло в его послание «К Жуковскому (Подражание сатире III Депрео)» (1821). (Ср. *ПС*, III, 227). Эти строки вызвали критическое замечание Пушкина в кишиневском дневнике: «Читал сегодня послание Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков*. Неожиданная рифма

---

[1] «Опыт об эпической поэзии» (*фр.*).

[2] «Курс драматической литературы», перевод с немецкого (*фр.*).

Херасков не примиряет меня с такой какофонией» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 303).

[99] Ср. «Северные цветы на 1829 год», стр. 224—225 (*ПС*, VIII, 20, 21). См. статью А. П. Сумарокова «О путешествиях» (Полн. собр. соч., ч. IX. М., 1787, стр. 328—332). После строк, приведенных Вяземским, идут следующие, заключающие статью: «Я прошу о сем не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибыток из того только одна честь имени моему».

[100] Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 41 (*ПС*, VIII, 6). Вяземский приводит первый стих из «Ответа на оду Василия Ивановича Майкова» (А. П. Сумароков. Полн. собр. соч., ч. IX, стр. 201).

[101] Опубликовано не было.

[102] Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 42 (*ПС*, VIII, 6). Первая цитата взята из сатиры Сумарокова «Пиит и друг его», вторая — из сатиры «Кривой толк», следующие—из поименованных Вяземским сатир «О злословии», «Наставление сыну», «О благородстве» (см. «Сатиры Александра Сумарокова», 1774).

[103] *ПС*, IX, 28. Дата этой записи дает возможность приблизительно датировать предыдущие и последующие записи. Обращение Вяземского к Александру I показывает, что хотя он уже подозревает в неискренности его политику в Польше, но еще не чужд некоторых иллюзий в отношении личности царя. *Лазенки* — королевский дворец в Варшаве.

[104] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 267 (*ПС*, VIII, 68), где запись начата словами: «В дневнике N. N. записано: Мое дело...» и т. д. То же сравнение с термометром Вяземский развивал в письме к М. Ф. Орлову (см. стр. 345).

[105] *ПС*, IX, 29. См. Thomas Antoine. Correspondance [1] (Oeuvres complètes, t. 2, 1 partie. Paris, 1819, p. 623), письмо г-же Неккер (М-м де Сталь) от 25 марта 1783 г. из Ниццы: «Les arrêts si despotiques de tous ces gens de goût» [2] и т. д. Перевод очень близок подлиннику.

Речь идет о трагедии Шекспира «Король Лир», которую *Жан-Франсуа Дюсис* (Ducis) не столько перевел, сколько переделал, издавая на французском языке. Как эта, так и другие трагедии Шекспира встречали резко отрицательную оценку во Франции со стороны теоретиков и поклонников классицизма.

[106] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 267—268 (*ПС*, VIII, 68, 69). По своим настроениям эта запись тесно связана с поэтическим творчеством Вяземского 1819—1820 гг. Приведенная Вяземским цитата — вариант стиха 16-го из «Уныния» (1819). Ср. стих. «Волнение» (1820) (Избр. стих. стр. 163—167, комментарий, стр. 494—495).

[107] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 252—253 (*ПС*, VIII, 55).

[108] Ср. там же, стр. 247—248 (*ПС*, VIII, 50).

[109] *ПС*, IX, 30. См. Diderot Denis. «Lettres sur les sourds et muets»[3]. Paris, 1751, p. 31.

[110] Эту цитату из Дидро Вяземский использовал в качестве эпиграфа к публикациям отрывков из записных книжек в 1820-х годах (см. статью, стр. 347). В русском переводе опубликовал в «Московском телеграфе», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 41 (*ПС*, VIII, 5).

[111] *ПС*, IX, 30—31.

[112] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 224—225 (*ПС*, VIII, 27—29). Две последние цитаты из VIII песни поэмы Хераскова «Россияда». «*Прокормежный лист*» — вид, выдававшийся в то время крестьянам для приискания работы на стороне.

[113] Сонет 83-й Винченцо Филикайи, посвященный бедствиям Италии, был переведен Байроном в IV песне «Чайльд Гарольда» (строфа XLII).

[114] Драматическое творчество *Карло Гольдони* произвело реформу на итальянской

---

[1] Тома Антуан. Переписка.

[2] Деспотические приговоры всех этих людей вкуса (*фр.*).

[3] Дидро Дени. «Письма о глухих и немых».

сцене. Вольтер, очевидно, имел в виду создание им национальной комедии нравов и характеров. См. письмо Вольтера к Гольдони от 24 сентября 1760 г. Указ. соч., т. X, стр. 267.

[115] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 225 (*ПС*, VIII, 28, 29). Цитаты из поэмы Хераскова «Россияда» (песни VII-я и VIII-я).

[116] Все пять выписок из Рабо де Сент-Этьена Вяземским не публиковались. Опубликовано в «Лит. наследстве», т. 31—32, 1937, стр. 83—84. *Рабо де Сент-Этьен* — французский политический деятель, автор исторических и политических трудов. Вяземский цитирует его «Réflexions politiques sur les circonstances présentes» [1]. Paris, 1792, p. 12.

[117] Ср. «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, отд. II, стр. 94 (*ПС*, VIII, 9). *Доминик-Дюфур Прадт* — аббат и дипломат, духовник Наполеона, в 1812 г.— французский посланник в Варшаве. *Моро* — французский полководец, противник Наполеона, в 1813 г. вступивший в ряды русской армии, был смертельно ранен под Дрезденом.

[118] Обе записи на французском языке опубликованы не были. *Филипп, герцог Орлеанский* (Филипп Эгалите), принимал участие во французской революции 1789 г. в надежде получить престол; был казнен в 1793 г.; в Вандее в 1793 г. вспыхнуло контрреволюционное восстание роялистов, окончившееся полным поражением. *Жан Шарль-Доминик Лакретель* (младший) — французский буржуазный историк и политический деятель эпохи французской революции 1789 г. Цитата взята из его «Précis historique de la Révolution française» [2], Paris, 1805, v. II, livre 3, p. 50.

[119] Опубликовано не было. Цитата взята из трагедии «Тиберий» Мари-Жозефа Шенье (см. «Théâtre posthume. Tibère. Tragedie». Paris, 1818, p. 38), III акт, сцена 3-я. Цитата из Шенье напомнила Вяземскому о сенаторе и незначительном поэте П. И. Голенищеве-Кутузове, который был известен своими клеветническими доносами на Карамзина. См. запись Пушкина об этом со слов самого Карамзина (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 306); «злокозненным историографом клеветы» назван Кутузов и в протоколе собрания арзамасцев («Арзамас и арзамасские протоколы». Л. 1933, стр. 135).

[120] Опубликовано не было. «*Священный союз*», созданный в 1815 г. по инициативе Александра I, объединил русское, прусское и австрийское правительства в борьбе против революционного и демократического движения в европейских странах.

[121] Ср. «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, отд. II, стр. 90 (*ПС*, VIII, 7), где после цитаты стоит: «сказал Вителлий, и повторил Карл IX». *Вителлий* — римский император I в. н. э. Цитату из соч. Сенеки см.: «Annaei Senecae philosophicae Opera». Amsterodami, 1659 (Elzevirios), t.I, cap. V,p. 195—«De Providentia» [3]. Вяземский цитирует неточно, надо: «Ille ipsem omnium conditor ac rector scripsit quidem fata, sed sequitur, semper paret, semel jussit» [4].

[122] Опубликовано не было. Цитата из «Духа законов» Монтескье; см. Montesquieu. Esprit des loix, v. I. A Genève, 1749, p. 327 (De la manière de gouverner dans la Monarchie) [5].

[123] *ПС*, IX, 31. Цитата из «Discours sur la poésie dramatique» [6] (Diderot. Oeuvres de théâtre, à Amsterdam, 1759, p. 303).

[124] *ПС*, IX, 31, 32.

---

[1] «Политические размышления о настоящих обстоятельствах».

[2] «Исторический очерк французской революции».

[3] «Философские сочинения Аннея Сенеки». Амстердам, 1659 (Эльзевир), т. I, гл.V, стр. 195 — «О Провидении» (*лат.*).

[4] Он, создатель и правитель всего, предначертал судьбы, сам следует им, и однажды приказав, постоянно повинуется (*лат.*).

[5] Монтескье. Дух законов, т. I. Женева, 1749 (О способе управлять монархией) (*фр.*).

[6] «Рассуждение о драматической поэзии» (*фр.*).

[125] Вяземским опубликовано не было. Напечатано в «Лит. наследстве», т. 31-32. 1937, стр. 80. Записи, свидетельствующие об атеистической настроенности Вяземского, взяты им из Дидро: «Additions aux pensées philosophiques» [1] (Oeuvres de Denis Diderot, t. I. Paris, 1800 (an VIII), p. 254—258. Ср. Д и д р о. Избранные атеистические произведения, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 50—53.

[126] В *ПС*, IX, 30, опубликована лишь первая треть записи. Начиная со слов: «Он наводит на прямую дорогу...» публикуется впервые. Запись отражает наиболее радикальные взгляды Вяземского на самодержавие и революцию.

[127] *ПС*, IX, 30. Сравнивая трех французских писателей, Вяземский противопоставляет положительные результаты сатиры Вольтера светскому острословию Шамфора и скептическим суждениям о людях Ларошфуко.

[128] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 252 (*ПС*, VIII, 54). При публикации слова́ «*о последней русской революции*» были заменены: «о последнем политическом перевороте, происходившем в России». Можно думать, что имелось в виду свержение Петра III и вступление на престол Екатерины II. *Сюлли* — главный министр при французском короле Генрихе IV. При публикации Вяземский отметил, что слова могут быть приписаны не Никите, а Петру Панину и что подобный ответ невероятен.

[129] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 295 (*ПС*, VIII, 94). Граф *Отто—Магнус Штакельберг* — русский дипломат в царствование Екатерины II. Граф *А. И. Марков* [Морков] начал свою дипломатическую деятельность также при Екатерине, затем был русским послом в Париже при Наполеоне. О нем см. публикацию Вяземского в *ПС*, VIII, 93, 94. *Сольдерн* [Сальдерн] — также дипломат этой эпохи.

[130] Опубликовано не было. Имеется в виду влияние, которым пользовались в царствование Павла I Ростопчин и Обольянинов.

[131] Ср. «Московский телеграф», ч. XII, 1826, отд. II, стр. 37, 38 (*ПС*, VIII, 3).

[132] Две первые записи ср. «Девятнадцатый век», II, стр. 234 (*ПС*, VIII, 37), третья запись — *ПС*, IX, 32.

[133] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 157 (*ПС*, VIII, 15).

[134] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 288 (*ПС*, VIII, 18). Цитата из VII-й песни поэмы Хераскова «Россияда».

[135] *ПС*, IX, 32, 33.

[136] Ср. «Литературный музеум на 1827 год», стр. 287 (*ПС*, VIII, 17).

[137] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 267 (*ПС*, VIII, 68).

[138] ПС, IX, 29. Ср. также «Северные цветы на 1829 год», стр. 228; «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 253 (*ПС*, VIII, 22, 55). *Адмирал О. М. Дерибас* — итальянец по происхождению, отличившийся в ряде сражений русско-турецкой войны 1787—1791 гг., командовал десантом при штурме Измаила. Суворов называет его именем знаменитого генуэзского адмирала *Андреа Дориа* (1468—1560), одержавшего много побед над турками в Средиземном море. Дориа вел также войну за освобождение Генуи от французов и восстановил в ней республику, что могло напомнить о борьбе североитальянских городов в XII в. против Фридриха Барбароссы, стремившегося их подчинить себе, но потерпевшего поражение. Кого подразумевал Суворов под «*преемником Барбароссы*», остается неясным. Адмирал Дерибас — автор проекта строительства города и порта Одессы.

[139] *ПС*, IX, 29. Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 154, 155 (*ПС*, VIII, 14).

[140] Ср. «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, отд. II, стр. 90—92 (*ПС*, VIII, стр. 7—8). О *М. И. Веревкине* Вяземский добавил в публикации, что он был директором Казанской гимназии, когда там учился Державин, и что он был «уважаем Державиным». Об источнике записи Вяземский там же сообщил: «Рассказано мне родственником его, генералом Веревкиным, который после был комендантом в Москве».

[141] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 223 (*ПС*, VIII, 27). Многие трагедии и

---

[1] «Прибавления к философским мыслям» (*фр.*),

комедии Я. Б. Княжнина печатались в издании «Российский феатр». Там же была напечатана комедия Крылова.

[142] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 263 (*ПС*, VIII, 64, 65). *Кардинал де Рец* — писатель-мемуарист и политический деятель, игравший значительную роль в движении Фронды (середина XVII в.). *Николай Николаевич* — Новосильцев. О принце-регенте и отношении к Ганноверу см. прим. 3 к тринадцатой книжке (стр. 443). *Вильям Пит* (Питт) — английский государственный деятель, возглавлявший партию вигов.

[143] *ПС*, IX, 33, где вместо *N. N.* поставлено — *меня*. Вяземский употреблял иногда в печати для маскировки эти инициалы, но в данном случае они имеются в автографе, в записной книжке, где не было нужды маскироваться. В 1820 г. Вяземского никто и не мог бы назвать «колодцем» исторических достопамятностей. Запись относится к Н. Н. Новосильцеву, как указал сам Вяземский, публикуя ее в сб. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 264 (*ПС*, VIII, 65).

[144] Запись не была опубликована, очевидно, по цензурным соображениям, так как касалась лиц императорской фамилии. Даже в записную книжку она внесена с зашифровкой упоминаемых лиц и фактов. Вероятно, здесь N. N. то же лицо, что и в предыдущей записи.

[145] *ПС*, IX, 33.

[146] *Шенье Мари-Жозеф* — драматург и сатирик, брат поэта Андре Шенье.

[147] Ср. «Северные цветы на 1829 год», стр. 227 (*ПС*, VIII, 22), а также «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 259—260 (*ПС*, VIII, 61).

[148] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 260 (*ПС*, VIII, 61, 62) вместе с предыдущей записью.

[149] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 262 (*ПС*, VIII, 63, 64). *Великий князь* — Константин Павлович; *Д. Д. Курута* — генерал-адъютант, его бывший воспитатель и друг. *Голицын*— Александр Сергеевич, служивший в Польше при Константине Павловиче.

[150] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 155 (*ПС*, VIII, 14).

[151] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 258, 259 (*ПС*, VIII, 60—61). *Прага* (Пражское предместье) — часть Варшавы.

[152] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 155 (*ПС*, VIII, 14). См. в книге публициста и дипломата Прадта: Pradt, «De la Belgique depuis 1789 jusqu'en 1794» [1], Paris, 1820 по поводу опыта формирования французской армии в 1792 и 1793 гг. (стр. 127). *Антуан Ривароль* — известный сатирик и острослов конца XVIII в.

[153] *ПС*, IX, 33.

[154] Записи на стр. 60—65 публикуются впервые. Они сделаны в последний месяц жизни в Варшаве перед отъездом в Петербург и Москву, откуда возвращение в Варшаву Вяземскому было запрещено. В этих записях наиболее свободно вылилось негодование Вяземского на реакционную политику Священного союза, на Александра I, готовившего России роль европейского жандарма, сочувствие революционным народным движениям в Европе и ожидание подобного движения в России. В первой части записи Вяземский подчеркивает, что в то время как дипломаты готовят войны для подавления народных движений, военные поддерживают либеральные идеи, идеи конституционализма, звучащие в статьях *Б. Констана* и речах *Фокса*. Эта характеристика существенна в связи с преобладающим числом военных среди членов тайных обществ преддекабрьского периода.

[155] Испанская революция началась 1 января 1820 г., когда офицер Рафаэль де Риего провозгласил конституцию.Это повело к гражданской войне, которая была подавлена только в 1823 г., когда Риего был казнен.

Под «*тройным булатом самодержавия*» Вяземский, вероятно, подразумевает Священный союз, объединявший три монархии — Россию, Пруссию и Австрию.

---

[1] «О Бельгии с 1789 по 1794».

Лайбахский конгресс европейских монархов кончился 12 мая 1821 г. (он являлся продолжением конгресса в Троппау, начавшегося 20 октября 1820 г.).

156 Запись делалась во время конгресса в Лайбахе; Вяземский ожидал, что в результате конгресса русские войска будут двинуты на помощь Австрии для подавления восстания в Неаполе. 12 марта 1821 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Что сказать теперь после того, что, вероятно, уже известно вам от лайбахского курьера, вчера проехавшего к вам. Литовский корпус подвинется к Троппау, ваша гвардия — к Вильне. Мы знаем, кто раскрывает бездну, но знают ли, кто ее закроет? Уныние и бешенство скребут душу. Прости! Нет сил писать умеренно» (*ОА*, II, 178). Русские войска в подавлении восстания в Неаполе участия не принимали. Вяземский вспоминал о походе Наполеона в Испанию в 1808—1810 гг., когда он отстаивал права своего брата Жозефа. Словами «*Божиею Милостию*» начинались все царские манифесты, в том числе и объявлявшие войны.

157 Гвардейский Семеновский полк, шефом которого являлся сам Александр I, в октябре 1820 г. поднял восстание из-за бесчеловечного отношения к солдатам командира, немца Шварца. Восстание было жестоко подавлено и все солдаты разосланы по другим полкам.

158 Неточная цитата из басни И. И. Дмитриева «Воспитание льва».

159 О Карле IX и Дорте — см. аналогичную запись выше, стр. 37.

160 Запись, сделанная 18 марта, отражает настроения Вяземского после того, как ему стало известно о подавлении восстания в Неаполе. Почти то же писал он 20 марта А. И. Тургеневу: «Непонятное дело, как это сильное напряжение могло так скоропостижно ослабнуть. Впрочем, унывать нечего. Всякое господствующее мнение окупило свое господство кровью своих мучеников. Христос оботготворился на распятии. Пускай торжествуют новые Пилаты и тешатся победою над свободою, спасительницею душ и телес наших» и т. д. (*ОА*, II, 180). Вяземский использует образы басни Крылова «Лисица и виноград», характеризуя политическую позицию врагов конституции.

161 Вяземский называет двух представителей внутренней политики последних лет царствования Александра I, деятельность которых особенно пагубно отразилась на положении народа: *Аракчеева* — организатора военных поселений и *Гурьева* — министра финансов.

162 Вяземский высмеивает глупость, духовную нищету царей и царских сановников, иронически используя евангельскую заповедь: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное» (Матф., V, 3).

163 Вероятно, Вяземский здесь имеет в виду, с одной стороны, ту часть потомственного дворянства, которая, идя в передовых рядах русского общества, готова была отказаться от сословных преимуществ, в том числе от крепостного права, а с другой стороны, тех, кто, приобретя права дворянства службой, крепко за них держался и являлся опорой реакции.

«*Жаль усов*» — одноактная комедия известного польского драматурга и актера Людвика Дмушевского (1777—1847); опубликована в 1821 г.

164 *ПС*, IX, 33—34. Запись связана с характерными для Вяземского этого периода мыслями о ликвидации крепостного права и введении конституции. Последние строки о сфинксе и Эдипе отражают уверенность Вяземского в том, что в будущем противники конституционного строя погибнут, а его защитники будут возвеличены.

165 *ПС*, IX, 34, 35. После записей с датами марта 1821 г. в записях наступает перерыв на два года. Объясняем его следующим образом. Приехав в мае 1821 г. в Петербург, Вяземский привез туда эту записную книжку, дал ее читать Н. И. Тургеневу и, уехав в Москву, не взял ее. 21 июля он писал А. И. Тургеневу: «Да красная моя книжка осталась у Николая Ивановича: при первом удобном случае перешли» (*ОА*, II, 192). «Красная книжка» оставалась у Тургеневых до весны 1823 г. Лишь 26 апреля этого года С. И. Тургенев сообщил Вяземскому: «Наконец брат Александр отыскал вашу красную книгу и отправляет вам ее с этим письмом» (*ОА*, II, 314). 13 июня 1823 г. Вяземский вновь начал делать записи во вторую записную книжку, однако она перестает быть для

него тем клапаном, через который вырывались наружу кипевшие в нем чувства политического негодования и отчаяния.

[166] *ПС*, IX, 35, 36. Живя под надзором полиции в Москве и Остафьеве, Вяземский особенно много думал над проблемой освобождения крестьян. Отпустив в 1822 г. на свободу трех «первостатейных служителей» (*ОА*, II, 238), Вяземский разрабатывал проект об освобождении своих крестьян, который, однако, встретил препятствия при осуществлении (см. письмо к нему С. И. Тургенева от 26 апреля 1823 г.— *ОА*, II, 314, 315). Вяземский сопоставляет со словами Мармонтеля два стиха из своего стих. «Петербург» в редакции 1819 г. (см. *ОА*, I, 277).

[167] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 157 (*ПС*, VIII, 15). «*Ключ*» Державина (1779), стихотворение, в котором восхваляется Херасков по поводу появления «Россияды».

[168] *ПС*, IX, 36. Вяземский имеет в виду фельдмаршала Н. И. Салтыкова. Упоминания о нем имеются в записках И. И. Дмитриева, которые Вяземский, вероятно, читал в рукописи (см. кн. 8. И. И. Д м и т р и е в. Соч., т. II. Спб., 1895, стр. 118—119, 121, 138—140).

[169] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 274—276 (*ПС*, VIII, 75—77). В публикации Вяземский сообщал: «Статфорд (знаменитый Каннинг) приезжал в Россию от имени английского правительства для переговоров по греческим делам». В 1825 г. на пасху Каннинг был в Москве, где Вяземский с ним встречался. В статье «Отрывок из биографии Каннинга» (1827) Вяземский дал высокую оценку его деятельности (*ПС*, II, 1—9).

[170] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 273 (*ПС*, VIII, 74). Речь идет о *Ф. П. Уварове* — боевом генерале, приближенном Павла I, осведомленном о дворцовом перевороте 1801 г.; умер 20 ноября 1824 г. Судя по тексту публикации, слова были обращены к А. Ф. Орлову. Этот же анекдот записан в дневнике Пушкина 8 марта 1834 г. (А. С. П у ш к и н, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 321).

[171] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 249 (*ПС*, VIII, 51). *Гр. А. И. Остерман-Толстой* — генерал, участник войны 1812 года, приятель Вяземского. *Ф. О. Паулуччи*— австриец, генерал русской армии в войне против Наполеона. Те же слова Остермана Вяземский записал в этой же книжке еще раз в несколько иной редакции (см. далее, стр. 87).

[172] Ср. «Северные цветы на 1827 год», стр. 158 (*ПС*, VIII, 15).

[173] В. К. Тредьяковский в 1740 г. был трижды избит по приказу А. П. Волынского и им самим. Об этом факте записал Пушкин («Отрывки из писем, мысли и замечания»— А. С. П у ш к и н, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 53).

[174] Ср. «Московский телеграф», ч. XIV, 1827, отд. II, стр. 94—95 (*ПС*, VIII, 10). В *ПС* указание: «Все сказанное о Кострове слышано от И. И. Дмитриева». В автографе после «*живал у*» оставлено свободное место, в публикации: «в доме Шувалова». «*Страдания молодого Вертера*» — роман Гёте. *Е. И. Костров* был выходцем из экономических крестьян Вятской губ. См. статью П.О. Морозова в «Русской поэзии XVIII в.» под ред. Венгерова. М., 1897, стр. 297. На заглавном листе стихов, адресованных в 1773 г. новоспасскому архимандриту Иоанну, Костров прямо называет себя «экономическим крестьянином». «Сыном экономического крестьянина» назван Костров и в «Словаре русских светских писателей XVIII в.», т. I. М., 1843, стр. 309.

[175] *ПС*, IX, 37. О намерении Фонвизина издавать журнал «Друг честных людей, или Стародум» и планах переводить Тацита (переводы эти неизвестны) Вяземский писал в своей монографии о Фонвизине (*ПС*, V, 170, 185). Вяземский имеет в виду введение к конституционному проекту, известное под названием «Рассуждение о непременных государственных законах», написанное Фонвизиным в 1782—1783 гг. Текст его, переработанный Н. М. Муравьевым, был переписан в четвертой записной книжке Вяземского (см. далее, примечания к ней, стр. 411).

[176] *ПС*,IX, 37. «*Жизнь Наполеона*» *Вальтера Скотта*, вышедшая в 1827 г. в Европе, была запрещена в России царской цензурой. Подробно об истории запрещения ее

перевода, сделанного Н. А. Полевым, рассказывает в своих «Записках» Ксенофонт Полевой (Николай П о л е в о й. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, стр. 240—247). Последняя часть записи Вяземского направлена против господства в последние годы царствования Александра I и в царствование Николая I генералов-«педантов», которые весь смысл военной науки сводили к выправке, маршировке, парадам и т. п.

[177] *ПС*, IX, 37 — без французского текста, представляющего собой презрительный отзыв о Николае I как «выскочке» («parvenu») на троне. Отец Вяземского— Андрей Иванович, одно время был наместником Нижегородским и Пензенским. Французский текст записи тщательно зачернен карандашом.

[178] *ПС*, IX, 37—39. В предисловии к изданию новелл («Avis de l'éditeur») высказывается мысль, что они не заслуживают полного и точного перевода, так как в таком виде они были бы скучны современному читателю. Поэтому достаточно взять сюжет и основную мысль и свободно изложить их. Высоко оценивая стихотворные «Сказки» Лафонтена, написанные им на темы новелл Боккаччо, издатель включил их тексты в сборник, помещая после пересказа новеллы с примечанием «Conte de Lafontaine, imité de la Nouvelle précédente» («Сказка Лафонтена, подражание предыдущей новелле»). Вяземский упоминает П. Д. Еропкина — сенатора и генерала, который возглавлял в Москве борьбу с чумной эпидемией 1771 г. и усмирял народное волнение. «*Натан Мудрый*» — драма Лессинга. Упоминание о «*Графе Нулине*» показывает, что запись сделана не ранее сентября 1826 г. Пушкин мог читать в рукописи свою поэму Вяземскому после возвращения из ссылки (напечатан «Граф Нулин» в 1827 г.).

[179] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 237 (*ПС*, VIII, 40). *Андре-Бонифас-Луи Мирабо* — младший брат знаменитого Мирабо, политический деятель.

[180] *ПС*, IX, 39. Эта сказка вошла в перевод, о котором Вяземский писал выше (см. стр. 71).

[181] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 237—238 (*ПС*, VIII, 40). Речь идет о аменитом политическом деятеле *Габриэле-Оноре Мирабо-старшем*. Роман *Гюго* «*Ган Исландец*» был впервые издан в Париже в 1823 г. «Мельмот-Скиталец» — роман ирландского писателя Чарльза-Роберта Мэтьюрина (1820). «*Пороки*» стиля Гюго Вяземский называет в опубликованном тексте: «излишняя высокопарность, надутость и желание автора во что бы то ни стало поразить читателя чем-нибудь удивительным и неожиданным».

[182] *ПС*, IX, 39—40. Запись является изложением сведений, даваемых Гебером, епископом Калькутты, приведенных во французском журнале «Le Globe» («Глоб»).

[183] Как эта, так и предшествующая записи являются выписками из французского журнала «Le Globe» («Глоб»). «*Мизантроп*» и «*Тартюф*» — комедии Мольера. *Дорина* и *Марианна* — действующие лица из последней комедии. *Луи-Бенуа Пикар* — французский драматург, автор комедий. *Людвиг Тик* — немецкий поэт-романтик, посвятил Шекспиру исследование, которое не успел окончить.

[184] *ПС*, IX, 40. *Пелегрино Росси* — политико-эконом, итальянский, затем швейцарский государственный деятель, профессор уголовного и государственного права в Болонье, Женеве и Париже.

[185] *ПС*, IX, 40, 41. Первая запись без последних четырех строк, вторая опубликована полностью; третья запись не публиковалась. Первые две записи, вероятно, внесены Вяземским как критически оценивающие положение России при Николае I. Слова Сисмонди взяты из «Revue Encyclopédique» («Ревю энсиклопедик»), 1828, т. XXXVII, p. 52, 53, где в разделе «Науки нравственные и политические» дан обзор соч. Бюшона: «Collation des Chroniques nationales françaises écrites en langue française du treizième au seizième siècle avec notes et éclaircissements» [1], Paris, 1816—1827. В связи с темой

---

[1] «Сопоставление французских национальных хроник, написанных на французском языке с тринадцатого по шестнадцатый век, с примечаниями и объяснениями» (*фр.*).

труда Бюшона в записи Вяземского даны далее сведения, кем из французских ученых и за какие периоды были опубликованы исторические источники.

Слова Ж. Б. Сея приведены из «Cours d'économie politique pratique»[1], v. I. Paris, 1828, p. 67.

[186] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 231—232 (*ПС*, VIII, 34, 35). Роман *Ф. Купера* «*Красный корсар*» был опубликован в 1828 г., роман «*Прерия*» — в 1827 г. Оба вскоре были переведены М. Дефоконнрэ на французский язык и изданы в Париже.

[187] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 232—234 (*ПС*, VIII, 35—37). Первая часть записи Вяземского посвящена введению Ф. Барриера к «Мемуарам» графа де Бриенна, изданным по автографам в 1828 г. в двух томах. Это введение — «Опыт о нравах и обычаях 17-го века» — занимает 184 страницы первого тома издания.

Осажденный французами Турин в войне за «испанское наследство» был освобожден Евгением Савойским в 1706 г.

[188] Запись вызвана чтением мемуаров графа де Бриенна. Первую часть записи ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 276 (*ПС*, VIII, 77). *Государь* — Александр I, *вел. кн. Екатерина Павловна* — его сестра. Вторую часть записи (о Павле I) ср. *РА* — 1875, I, 196—218 (*ПС*, VIII, 307), где она изложена очень кратко, без имени Лопухиной и без сообщения об аресте Каблукова.

[189] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 226—227 (*ПС*, VIII, 29—31). «История о князе Якове Федоровиче Долгорукове. С прибавлением сведения о других знаменитых мужах славной фамилии князей Долгоруких. Сочин. Е... Т... р....м. Часть I и II. Москва, 1807—1808. В вольной типографии Федора Любия». Упоминаемый *И. И. Голиков* — автор многотомного труда «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788—1797). На стр. 24—28 книги Евдокима Тыртова изложен в виде шести вопросов и ответов разговор кн. Долгорукова с Людовиком XIV, состоявшийся 28 июня 1687 г., когда русский посол представлялся королю. В изложении Тыртова, Людовик задавал такие вопросы: «Что такое посол?»или «Что такое государь»? а Долгоруков отвечал на них соответствующими краткими сентенциями. КнигиТыртова:«Анекдоты о императоре Павле первом, самодержце всероссийском, собрал и издал Е. Тыртов». М., 1807; «Историческое похвальное слово графу Борису Петровичу Шереметеву. Соч. Евдокима Тыртова». М., 1806. *К. М. Бороздин* — автор книги «Начертание жизни кн. Якова Федоровича Долгорукова», изданной анонимно в 1805 г.

[190] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 227—228 (*ПС*, VIII, 31, 32), где в тексте есть изменения цензурного характера. План «*сочетать свою кровь с царскою кровью*» — предположение Меншикова выдать свою дочь за Петра II.

[191] *ПС*, IX, 41—42 — с пропуском об отношении Екатерины I к Меншикову. Вяземский имеет в виду «Сокращенное описание жизни бывшего российского генерал-фельдмаршала и кавалера князя Александра Даниловича Меншикова», напечатанное в журнале «Зеркало света», 1786, № 31 и 32 (стр. 237—248, 255—264). *И. И. Дибич* — главнокомандующий русской армией во время турецкой войны 1829 г. *К. Ф. Толь* — начальник штаба Дибича в этой кампании. Оба — реакционные деятели, по происхождению немцы. *Алексей Петрович* — царевич, сын Петра I от Лопухиной, казненный Петром I за участие в заговоре против него.

[192] *ПС*, IX, 42. Упоминаются «Кононгетские хроники» («Les chroniques de la conongate») В. Скотта (см. W. S c o t t. «Oeuvres complètes», v. 71—73, t. 1—3. Paris, 1828—1833). Упоминается его же «Жизнь Наполеона» (см. прим. 176).

[193] Частично в сб. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 250 (*ПС*, VIII, 52) с добавлением других рассказов об Апраксине. Полностью — *ПС*, IX, 43. *В. И. Апраксин* — полковник, состоявший на службе в Варшаве, при вел. кн. Константине. Папой римским в годы пребывания Вяземского в Варшаве был Пий VII, умерший в 1823 г. О награждениях в Варшаве в связи с пребыванием Александра I в 1819 г. см. *ОА*, I, 318, 323. *Волконский* — Петр Михайлович, министр двора; *Александра Федоровна* — жена

[1] «Курс практической политической экономии» (*фр.*).

Николая I, в то время вел. кн. *В. К.* — всюду великий князь Константин Павлович, *государь* — Александр I.

[194] *ПС*, IX 44.

[195] Ср. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 228—231 (*ПС*, VIII, 32—34). Роман итальянского писателя Манцони «*Обрученные*» (1827). Вяземский читал его во французском переводе (A l e s s a n d r o M a n z o n i. Les fiancés. Histoire milanaise du XVII siècle [1], v. 1—6. Paris, 1830). В публикации вместо слов: «Измайлова Миланезского» читаем: «... из которого пред русским читателем выглядывает иногда, хотя и не в чертах столь крупно обозначенных, рязанский помещик Измайлов, страх соседей и уездных властей, известный в свое время самоуправством и бесчинствами всякого рода».

[196] *ПС*, IX, 44, 45. «*Молодой ирландец*» — роман Мэтьюрина (1808). *Т. Мур* и *Р. Саути* (*Сутей*) — английские поэты-романтики.

[197] *ПС*, IX, 45, 46. Запись, важная для изучения политических взглядов Вяземского, судя по датам следующих записей, относится к началу 1829 г., времени написания им «Исповеди». О настроениях Вяземского этого периода см. книжку седьмую— тексты (стр. 146—163) и Дополнения (стр. 307—332).

[198] *ПС*, IX, 46. Запись не закончена. После «*живописи*» начато: «Он» и оставлено свободное место. «*Сен-Мар*» — роман *Виньи*, вышел в 1826 г. «*Вечера в Нейи*» (1827) — произведение французских писателей Огюста Каве (1794—1852) и Адольфа Диттмера (1795—1846), вышедшее под псевдонимом г-н де Фонжере. «*Баррикады*» — роман Луи Витэ (Vitet), посвященный дню баррикад 13 мая 1588 г. в царствование Генриха III; издан в Париже в 1826 г.

[199] *ПС*, IX, 46. *Мещерское* — имение тещи Вяземского Кологривовой в Саратовской губ., куда Вяземский уехал в начале 1829 г. к семье, которая в это время там жила. О настроениях Вяземского, относящихся к этому времени, см. книжку седьмую. О том, что его мысль в конце 20-х — начале 30-х годов постоянно возвращалась к событиям 14 декабря 1825 г. см. в записях книжек шестой и восьмой. В агитационных целях декабристы использовали имя в. к. Константина Павловича.

[200] *ПС*, IX, 46, 47. Вяземский сопоставляет разбираемую книгу с книгой французского писателя Жака-Арсена-Поликарпа-Франсуа Ансело, в 1826 г. бывшего в России в свите маршала Мармона: «Шесть месяцев в России» («Six mois en Russie». Paris, 1827). На книгу Ансело Вяземский написал рецензию («Московский телеграф», 1827, № 11; *ПС*, I, 232—245).

[201] Опубликован лишь один эпизод встречи у сестры Мирабо. См. «Девятнадцатый век», II, 1872, стр. 237 (*ПС*, VIII, 39, 40). В выписках из книги Ламета характерная для настроений Вяземского критика неограниченной монархии, интерес к роли дворянства и народа в подготовке революции.

[202] Публикуется впервые. Тема записи связана с мыслью о судьбе декабристов, об отношении к ним правительства и народа и об их «помиловании» вместо амнистии ворам и негодяям.

[203] *ПС*, IX, 47. *И. И. Дмитриев* в это время был министром юстиции. Для реакционнейшего идеолога самодержавия А. С. Шишкова понятие «правительство», объединявшее органы власти, противоречило идее самодержавия как личной царской воли и отвергалось им.

[204] *ПС*, IX, 47. В тексте записи неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Певец» (1811).

[205] См. запись тех же слов Остермана выше, стр. 69 и прим. 171.

[206] Ср. *РА*, 1876, III, стб. 157 (*ПС*, VIII, 485). Не называя в публикации имени *Мочениго*, Вяземский дал понять, что речь шла о русском посланнике в Неаполе.

[207] Частично, *РА*, 1874, стб. 197 (*ПС*, VIII, 203, 204). *Строганова С. В.*— сестра московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. В публикации слова прямо вложены в речь Александра I и назван его брат Константин.

---

[1] Алессандро М а н ц о н и. Обрученные, Миланская история XVII века.

[208] *ПС*, IX, 47, 48. Смысл первой записи не ясен. *И. Б. Пестель* — сибирский генерал-губернатор, член Государственного совета, отец декабриста. *И. П. Кутайсов* — пленный турок, сначала был парикмахером и камердинером Павла I, а впоследствии его виднейшим фаворитом. К нему относится и вторая запись Вяземского. Текст в скобках — позднейшая приписка Вяземского, в которой он сопоставляет записанное по рассказу Ростопчина с «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо.

[209] *ПС*, IX, 48. Судя по резко отрицательной характеристике русских журналов, запись относится к 1830—1840 гг. Эта запись сделана одновременно с двумя предшествующими.

Далее в книжке записи, сделанные во второй половине 50-х годов, которые публикуются в Дополнениях, стр. 305—306.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ
(1818—1828)

[1] Тетрадь размером 21 × 18 сантиметров, всего 45 листов; шифр: ф. 195, оп. 1, № 1107; в цветной картонной обложке с белой наклейкой. На наклейке рукой П. А. Вяземского: «Письмо к Малышевой Бонапарт Наполеон» и вычисления с многозначными числами. Кроме того, рукой не Вяземского крупно «beauté»[1]. На внутренней стороне верхней обложки рукою Вяземского перечень статей, помещенных им в «Московском телеграфе» 1825—1827 гг.: «О Сонетах Мицкевича — О Россини — Письмо в Париж о словесности.— О Biographies des Contemporains[2] в отношении к русским.— О Велисарии — О mémoires de M-me Genlis»[3] (см. «Московский телеграф», 1825, ч. VI, стр. 175, 1826; ч. VII, стр. 32, 1827; ч. XIV, стр. 191).

На внутренней стороне нижней обложки также рукой Вяземского: «Елис[авете] Алек. Давыдовой: «Mémoires d'un contemp[orain][4] 8 томов — «Révue encyclopéd[ique] («Ревю энсиклопедик») 1828 года 12 том».

На первой странице рукой Вяземского: «Александру Андреевичу Габбе, Шлюссельбургского пехотного полка полковому командиру, полковнику и кавалеру. В Пензе. Дмитрий Иванович Николаев. Юрий Никитич Бартенев.

Amm. W. et Th. Raikes. London. London-Wall[5], N 79.

Калужской губернии, Масальского уезда в село Милютино.

Карл Карлович Геке на Большой Миллионной в доме Эбелинга».

Вторая страница тетради без записей, на стр. 3 и далее записи о поездке в Краков. *ПС*, IX, 51—61 (не полностью) и II, 150—151.

[2] С февраля 1818 г. Вяземский жил в Варшаве, находясь на службе при императорском комиссаре Н. Н. Новосильцеве в качестве чиновника для иностранной переписки. 22 июля 1818 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Николай Николаевич едет завтра к себе в Слоним; а я хочу в его отсутствие пошататься по Польше и, вероятно, поеду в Краков, маленькую Швейцарию и маленькую Москву» (*ОА*, I, 109). 1 августа 1818 г. Вяземский писал ему же: «Николай Николаевич третьего дня уехал в Слоним; я сегодня еду в Краков... Дней через десять напишу тебе соленое письмо, если меня в дороге не просолят... Час по полуночи. Сейчас сажусь в коляску» (*ОА*, I, 112). Выехав в ночь с 1 на 2 августа, Вяземский прибыл в Краков 4 августа, где пробыл до 15 августа, совершая поездки в окрестности города.

Для удобства читателя в тексте дневника Вяземского в прямых скобках помещаются установленные редактором даты.

---

[1] Красота (*фр.*).
[2] Биографии современников (*фр.*).
[3] О мемуарах г-жи Жанлис (*фр.*).
[4] Мемуары современника (*фр.*).
[5] Г-ам В. и Т. Райкс. Лондон. Лондон-Уолл (*англ.*).

[3] Среди дорожных записей — текст двух эпиграмм, напечатанных Вяземским в «Полярной звезде» на 1823 г., стр. 84, 87. В печатном тексте первой эпиграммы имя *Дамон* заменено на Критон, во второй эпиграмме отсутствует третья строка (ПС, III, 311).

[4] По решению Венского конгресса (1814—1815 гг.) Краков с прилегающим к нему округом был превращен в Краковскую республику под протекторатом трех государств как компромисс в дипломатической борьбе России и Австрии по польскому вопросу. Точное название этого карликового государства было: «вольный, независимый и строго нейтральный город Краков с округом». Республика управлялась конституцией, определенной государствами-«опекунами» — Россией, Австрией и Пруссией. Конституция закрепляла господство аристократии, шляхты и верхушки купечества, хотя формально и признавала равенство всех граждан перед законом, свободу совести и печати. Резиденты держав-«опекунов» контролировали деятельность сената и сейма. Вяземский привез рекомендательные письма от генерала Иосифа Зайончека, назначенного Александром I в 1815 г. наместником в Польше. В описании достопримечательностей Кракова Вяземский упоминает замок (Вавель), здание цеха суконщиков (14 в. «Сукенница») и другие художественно-исторические памятники — гордость польской архитектуры.

[5] Предание о заговорившей голове Вяземский использовал в одной из записей второй записной книжки (см. стр. 41).

Польский король Болеслав Смелый, возвративший киевский престол вел. кн. Изяславу, возбудил своей жестокостью ненависть народа и после убийства в алтаре церкви краковского епископа Станислава был изгнан из страны.

Платье — очевидно, платье французской королевы Марии-Антуанетты, гильотинированной в 1793 г.

Жена Дмитрия Самозванца — Марина Мнишек, дочь воеводы Сандомирского. Ее обручение с Дмитрием состоялось в Кракове (отсутствовавшего Дмитрия заменял русский посол).

[6] Далее в книжке 1 страница не заполнена текстом.

[7] Ту же мысль Вяземский подробнее развил в письме А. И. Тургеневу, вернувшись в Варшаву из Кракова. Описывая «гостеприимство жителей», Вяземский писал 24 августа 1818 г.: «Большую часть оказанных мне ласк приписываю любви и признательности жителей к нашему государю и ненависти их справедливой к пруссакам и австрийцам. Странная мысль была у царей, когда они объявили Краков вольным городом. Впрочем там думают, что ему дана была свобода, чтобы спасти его от Австрии, которая метила на него, и избежание одной крайности служит ему утешением в другой. Город умрет от свободы, но земля будет благоденствовать: одно другого стоит; в городе 20 000 жителей, а в области республики остается еще около 60 000. Крестьяне — счастливейшие из смертных: нет войска, нет случайных налогов. Этот уголок земли призван, может быть, провидением дать великий пример народам: одного должно бояться, чтобы тяжелое покровительство немецкое не подавляло всех добрых растений. И теперь уже начинает Австрия более, но и Пруссия, притеснять приемыша...» (*ОА* I, 114—115). О положении Кракова и отношении к нему России, Пруссии и Австрии в это время см. выше прим. 4.

Дальнейшие записи Вяземского показывают, что он, несмотря на идеализацию отношения русского правительства к Кракову и положения крестьян в Краковской республике, не был чужд и их критики. Так, он записал далее: «Русские любимы, может более оттого, что австрийцы и пруссаки ненавидимы...» «В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов...» Дальнейшая история Краковской республики привела к тому, что именно здесь, в условиях подъема антифеодального крестьянского движения на польских землях и назревания революционного кризиса во всей Европе, вспыхнуло Краковское восстание 1846 г. Об этом крупнейшем событии польского национально-освободительного движения К. Маркс говорил: «Краковская революция дала славный пример всей Европе, отождествив

национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 490).

[8] Описание поездки в Величку и посещения соляных копей было опубликовано Вяземским в 1830 г. (*ПС*, II, 150, 151) под заглавием «Величка (Солончаки. Отрывок из путевых записок)». Опубликованный текст менее подробен в изложении фактов, но стилистически более отработан. В него вставлены некоторые рассуждения и замечания по поводу виденного, не имеющиеся в записной книжке. Несколько строк о поездке в Величку см. также в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 24 августа 1818 г. (*ОА*, I, 114).

[9] Вероятно, Вяземский имел в виду Подольск, уездный город Московской губ., вблизи которого было расположено имение Вяземских Остафьево.

[10] На полях записной книжки около этого места рукою А. И. Тургенева: «Прошу выписать мне непременно проэкт его о жидах». Вяземский сопоставляет трудность разрешения еврейского вопроса в Польше с проблемой крепостного права в России.

[11] По возвращении в Варшаву Вяземский писал А. И. Тургеневу 24 августа 1818 г.: «Я немножко стряхнул с сердца варшавскую пыль. Видел прекрасные места и добрых людей, чего здесь не вижу» (*ОА*, I, 114). После записей о поездке в Краков печатаем черновик стихотворения «Петербург», который помечен 7/19 августа 1818 г. и находится в книжке через несколько страниц после краковских записей. Эти промежуточные страницы, по всей вероятности, Вяземский первоначально оставил свободными и лишь позднее использовал их для стихотворных и прозаических записей (см. далее текст, стр. 101, 102 и прим. 13—16). На первой странице, следующей за описанием поездки в Краков, имеется следующая запись Вяземского: «Портрет Гете, литография Бондинкен, Гамбургский рисовальщик».

[12] Стихотворение «Петербург», одно из наиболее значительных произведений Вяземского, отразивших его политические и социальные взгляды этого времени. О том, что «Петербург» был начат Вяземским в Кракове, говорит помета автора при тексте стихотворения, а также следующие строки из его письма к Тургеневу от 24 августа 1818г., в которых он так охарактеризовал еще незаконченное стихотворение: «Я на горах свободы такую взгромоздил штуку, что только держись, так Сибирью на меня и несет». Теперь ни слова, но надеюсь скоро кончить и тогда пришлю тебе свой законосвободный и законоположительный восторг» (*ОА*, I, 116). Первая половина стихотворения была напечатана Вяземским в «Полярной звезде» на 1824 г., стр. 256. Стихотворение полностью в ранней редакции, по списку, напечатано в Избр. стих., 1935, стр. 137—141, прим. стр. 487—488. Текст, находящийся в записной книжке, представляет еще более раннюю редакцию стихотворения. В тексте к ряду стихов имеются варианты, некоторые стихи оставлены неполными. От напечатанной ранней редакции текст записной книжки отличается отсутствием ряда стихов как в части изображения Петербурга и его прошлого, так и в заключительной части, обращенной с призывом к Александру I. В черновом тексте только намечено требование замены самодержавия конституционным строем, причем только здесь имеется следующая метафора, в позднейшем тексте отсутствующая:

Реши: пусть будет скиптр свинцовый самовластья
В златой закона жезл тобою претворен.

Вместо этих двух стихов в тексте появились восемнадцать новых, излагающих наиболее радикальные политические взгляды автора.

[13] Заключительная строфа стихотворения Вяземского «Море», написанного летом 1826 г. в Ревеле. Оно является откликом на разгром декабрьского восстания и приговор его участникам (см. Избр. стих., 1935, стр. 495—496). Текст строфы в записной книжке несколько отличается от ее текста в письме Вяземского к Пушкину и совпадает с текстом «Северных цветов» (1828, стр. 18), где стихотворение было впервые напечатано (см. также *ПС*, IV, 17; Избр. стих., стр. 175—178).

[14] Черновые стихотворные наброски, с трудом читаемые. По своему содержанию они перекликаются со стихотворениями Вяземского начала 1820-х годов, в которых нашло отражение влияние байронической поэзии (например, «Волнение», 1820 и др.), а также с переживаниями, вызванными разгромом декабрьского восстания (измена друзей, надежд).

[15] Стихотворение вписано в книжку В. Ф. Вяземской, но имеет исправления рукою П. А. Вяземского. Стихотворение это, никогда не публиковавшееся, интересно откликом Вяземского на тяжелое положение крестьянства и указанием на несоответствие идиллического изображения деревни в современной поэзии ее действительному положению (указания на то, что в деревне «голод бродит» и что «мир полей во время пашни беспокоен»). В стихах 3—7 Вяземский вспоминает свои ранние стихотворения, в которых он воспевал идиллический мир деревни, не задумываясь о социальных «сельских тайнах», см., например, «К подруге» (1813), «Утро на Волге» (1816), «Деревня» (1817) и др. В «Утре на Волге» читаем:

Природы сын трудолюбивый,
Сын непорочной тишины,
Вверяет пахарь недрам нивы
Богатства будущей весны.
Усеяны поля согбенными толпами,
Блистают острые серпы,
И позлащенными холмами
Воздвиглись гордые снопы.
. . . .
. . . .
Повсюду стройное движенье,
Порядок, польза, красота... и т. д.

Публикуемое стихотворение относится, вероятнее всего, к началу «опального житья» Вяземского в Остафьеве (1821—1829):

В деревне время кое-как
Мне коротать велит судьбина...

[16] Обе записи рассказов И. И. Дмитриева вошли в публикацию третьей книжки (*ПС*, IX, 62). Записи, вероятно, сделаны после возвращения Вяземского из Варшавы в Москву. И. И. Дмитриев рассказы Державина о своей молодости поместил в свои мемуары («Взгляд на мою жизнь». М., 1866, стр. 63, 64), но текст их отличается от записей Вяземского. После рассказов Дмитриева в записной книжке Вяземского две страницы чистые и запись стихотворения «Петербург».

[17] Текст этой записи опубликован с мелкими неточностями (*ПС*, IX, 62—65). Вяземский задумал поездку в Москву в конце 1818 г. с целью попытаться изменить свое служебное положение. В письме А. И. Тургеневу от 6 декабря 1818 г. Вяземский выражал разочарование в своем начальнике Н. Н. Новосильцеве, жаловался на вынужденную бездеятельность, говорил об «омерзении», которое охватывало его при наблюдении нравов окружавшей его бюрократии, и о желании спасти свою честь, порвав со службой в Варшаве (*ОА*, I, 164—166). Случай для поездки в Москву скоро представился. 13 декабря 1818 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Николай Николаевич едет встречать государя в Брест и проводит его до Слонима; я выпросился у него ехать с ним с тем, чтобы оттуда по соседству заехать в Москву, а из Москвы к вам поговорить. Шутки в сторону: я теперь и сам дивлюсь, что решился так круто. Но бог меня убей, здесь многое мне невтерпеж. К тому же, если иначе не устрою своих дел, то мне нельзя будет ехать весною далее, а на месте долее быть не можно» (*ОА*, 1, 171). Записи Вяземского в книжке относятся лишь к первым дням путешествия 14—20 декабря. Они ярко

отражают критическую настроенность Вяземского, вскрывающего взяточничество чиновников, угнетенное положение крестьян и их эксплуатацию панами-арендаторами, страдания войск и населения от разъездов царя и т. д.

[18] Город *Слоним* и прилегающие к нему фермы и деревни были даны в аренду Н. Н. Новосильцеву и приносили ему огромный доход.

[19] Вяземский, наблюдая тяжелое положение литовских крестьян, сопоставлял его с участью русских крепостных и отмечал отсутствие в Литве общинных «постановлений» в виде круговой поруки. Он сильно заинтересовался проектом освобождения литовских крестьян. Во время дворянских выборов в Вильне в 1817 г. многие уездные депутаты заявляли о желании помещиков дать крестьянам личную свободу без земли, что представляло для них выгоду, о чем догадывался Вяземский. В начале 1818 г. по поводу крестьянского вопроса последовал специальный рескрипт царя на имя литовского генерал-губернатора и собирались подписи помещиков, желавших освобождения крестьян (К. Г е л и н г: «К вопросу о начале крестьянского дела». «Рус. старина», 1886, т. 52, стр. 546). 22 мая 1818 г. Н. И. Тургенев писал Вяземскому: «Курляндцы и эстляндцы искореняют рабство; даже виленское дворянство произвольно отказывается от печального права владеть себе подобными» (*ОА*, I, 103). Очевидно, перед Вяземским во время поездки с Новосильцевым встали какие-то перспективы участия в работах по предполагавшемуся «освобождению крестьян» в Литве. Приехав в Москву, он писал А. И. Тургеневу 30 декабря 1818 г.: «Весною, кажется, однако же, откроется для меня любопытный круг действия или по крайней мере наблюдений: на словах тайну эту растолкую. Ты, может быть, что-нибудь услышишь о Литве: тут и будет мак». Предположения Вяземского не сбылись.

[20] *Шубравцы* — члены общества, основанного в Вильне в 1816 г., которое ставило себе целью повышение морального уровня и гражданских чувств в литовском обществе. В издававшихся шубравцами «Уличных известиях» они бичевали пороки соотечественников, высмеивали сословные предрассудки, требовали просвещения народа и призывали к гуманному обращению с крестьянами. Общество было закрыто по распоряжению правительства в 1822 г.

[21] 20 декабря 1818 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Минска, что Н. Н. Новосильцев работает с царем и что царь в тот же день уезжает в Петербург. Поездка с Новосильцевым убедила Вяземского, что последний хорошо к нему относится (*ОА*, I, 178). 26 декабря Вяземский писал уже из Москвы, где оставался до 21 января 1819 г., откуда поехал в Петербург, а в середине февраля вернулся в Варшаву. Пребывание в Москве охладило его стремление вернуться в нее из Варшавы. «Боже великий, где это я жил? Надобно взойти из другой комнаты в эту, чтобы догадаться, какой в ней чад»,— писал он 26 декабря 1818 г. А. И. Тургеневу. Он отмечал злобную реакционность московской знати, которая «ругала» его «Петербург» и «Теорию налогов» Н. И. Тургенева: «В Варшаве я живу с отоматами, а здесь дикие звери, то есть кабаны, то есть дикие свиньи. Нет, лучше скучать, чем содрогать» (*ОА*, I, 180, 181). Вяземский оставался в Варшаве до апреля 1821 г., когда он был уволен со службы и ему был запрещен въезд в Варшаву (см. статью).

[22] *ПС*, IX, 65—69. О цели поездки в Нижний Новгород Вяземский писал А. И. Тургеневу 3 июля 1822 г.: «... поеду в дальние деревни и, вероятно, побываю в Нижнем, на ярмонке. Мне хочется видеть движение жизни в русском теле: дикое мясо мне уже надоело. Не будет ли Сергей Иванович [Тургенев — *В. Н.*] в Нижний? Он как то поговаривал о том» (*ОА*, II, 269). 27 июля Вяземский писал ему же: «... в субботу еду в Нижний и в Кострому. Что же Сергей Иванович изменил мне?» (*ОА*, II, 271).

[23] Нижегородская ярмарка до 1817 г. располагалась в г. Макарьеве, Нижегородской губ., вблизи Макарьева — Желтоводского Троицкого монастыря. В связи с пожаром 1816 г., уничтожившим все ярмарочные постройки, ярмарка в 1817 г. была переведена в Нижний Новгород и размещена на левом низменном берегу Волги. Здесь генерал-лейтенантом Бетанкуром был построен гостиный двор, состоявший из 60 отдельных корпусов с 2530 лавками. В 1822 г. были открыты 42 ряда.

[24] См. Е. Ф. Зябловский. Новейшее землеописание Российской империи, ч. 1, изд. 2. Спб., 1818, стр. 292: «...количество всех товаров, привозимых на сию ярмарку, сколько известно, простирается до 5 миллионов рублей». Другие материалы о Нижегородской ярмарке, собранные Вяземским, см. в примечаниях к четвертой записной книжке (стр. 411, 413).

[25] «*История Элоизы*» — Вяземский имеет в виду историю любви средневекового философа Пьера Абеляра (1079—1142) и Элоизы, вступивших в тайный брак и принужденных уйти в монастырь из-за преследований родственников Элоизы. Элоиза стала настоятельницей аббатства, а Абеляр — аббатом; он продолжал заботиться о ней, наставлять и руководить ею.

[26] *В. Л. Пушкин*. Стихотворение «Опасный сосед» (М., 1913, стр. 8), стих 34-й.

[27] О Бетанкуре см. прим. 23.

После записей о Нижегородской ярмарке в третьей записной книжке на 16 страницах находятся выписки из запрещенной в России книги «Souvenirs du Nord, ou la guerre, la Russie et les Russes, ou l'esclavage» par M.R.Faure.Paris, 1821, chez Pelicier»[1].

$2^1/_2$ страницы выписок — рукою П. А. Вяземского, далее — В. Ф. Вяземской.

Автор книги, совершивший в 1812 г. поход в Россию в качестве врача при кавалерийском корпусе, был взят в плен во время отступления французов из Москвы и отправлен с пленными сначала в Рязань, потом в Орел. Он описал свои наблюдения России в трех частях книги, называвшихся: «Война», «Россия» и «Русские или рабство». Из первой части Вяземский выписок не делал. Наибольшая часть выписок сделана из третьей части. Отбор выписанных мест характеризует интересы Вяземского.Выписаны по преимуществу характеристики разных слоев русского народа: крестьян, дворовых, помещиков, но главным образом описание тяжелого положения крепостного крестьянства, его униженного рабского состояния, жестокого обращения с ним владельцев и власти. Много места уделено также изображению низкого культурного уровня помещиков, описанию их времяпрепровождения, сводящегося к еде, выпивкам и грубым забавам. Хотя в этих сообщениях многое соответствовало действительности, нельзя не отметить, что автор явно враждебно настроен к России, старается показать лишь самые отрицательные стороны русской жизни, опорочить характер ее народа, чтобы запугать европейского читателя и предупредить возможность влияния России на те или иные страны, которые готовы принять ее покровительство. Можно думать, что Вяземский критически относился к книге Фора. В одном месте, где автор объясняет обычай русского народа низко и с уважением кланяться друг другу здороваясь как унижающее влияние рабства, Вяземский приписал: «Voyez ce que dit M-me Stael à ce même sujet» [2]. В другом случае, при описании автором наружности крестьян, Вяземский сделал замечание: «Que de contradictions dans l'exigeance de M. Faure: ici trop peu de frais dans la toilette allumait son indignation, et là il se fâcha de ce qu'on en fait pour le recevoir» [3].

В результате изучения книги Фора Вяземский написал статью и послал в Париж М.-А. Жюльену, редактору «Ревю энсиклопедик». Об этом он писал ему 20 июля 1823 г.: «Отъезд в Париж одного из моих друзей дает мне сегодня возможность, сударь, послать вам мой несовершенный опыт, из которого тем не менее можно, я думаю, извлечь нечто для вас подходящее. Чтение работы г-на Фора о России, опубликованной в 1821 году и, замечу в скобках, запрещенной у нас, породило во мне кое-какие мысли, которые я и занес на бумагу». Принося далее извинения по поводу небрежности изложения, внеш-

---

[1] «Воспоминания о Севере, или Война, Россия и русские или рабство». Соч. М. Ф. Фора. Париж, 1821, изд. Пелисье (*фр.*).

[2] Посмотрите, что говорит г-жа Сталь по тому же поводу (*фр.*).

[3] Сколько противоречий в требованиях г-на Фора: в одном месте его негодование вспыхивает от небрежности в одежде, в другом — его сердит, что люди наряжаются, чтобы его принять (*фр.*).

него вида рукописи и возможных ошибок во французском языке, что объясняется отъездом лица, с которым статья отправляется к Жюльену, Вяземский продолжал: «Я утешаю себя при мысли, что если мои наблюдения, продиктованные глубоким чувством любви к родине, покажутся вам как раз из-за этого заслуживающими некоторого внимания, то вы легко сумеете сделать их достойными увидеть свет. На полях моей тетради вы найдете многочисленные заметки, сделанные моими друзьями: часто эти заметки смогут служить дополнением к тексту и явятся суждениями здравыми и правдивыми...» («Русский литературный архив», Нью-Йорк, 1956, стр. 44). Статья Вяземского в «Ревю Энсиклопедик» не появилась, вероятно, потому, что в томе XVI журнала (1822, p. 359) уже была напечатана рецензия на книгу Фора.

За выписками из книги Фора рукою Вяземского на двух страницах сделаны следующие записи об отправленных им в 1826—1829 гг. письмах:

«Записывание отправленных писем

1826

Княгине Хилковой по делу с Терпигоревой — 3 ноября Карамзиным — К. Федору Гагарину — Геке и Дивову. Горниковскому [?] в Красное — Орлову — 6 ноября Карамзиным — К. Фед[ору] Гагарину — в Красное Село — в Управу Благочиния по делу с бароном — 13 ноября
Александру Пушкину — Карамзиным — 20 ноября
Карамзиным — 24 ноября
Ломоносову в Париж с Лебур — 26 [ноября
Карамзиным — Геке — Князю Федору — 27 [ноября]
Карамзиным — 30 [ноября]
Тургеневу — Фовицкому через Лебур — — — —
Карамзиным — 4 декабря
Карамзиным — 8 [декабря]
К. П. М. Волконскому — Геке — 10 [декабря]
Бартеневу — Карамзиным в Красное Село — 11 [декабря
Кологривову—Габбе — Федорову — 15 [декабря]
Карамзиным — 17 [декабря]
Орлову с книгами [неразбор. 1 сл.] и Онегина — 17 [декабря]
Карамзиным — 24 [декабря]
Дельвигу — Вьельгорскому — Дашкову —
Матушевичу с Вьельгорским — 25 [декабря]
Карамзиным — 31 [декабря]

1827

Карамзиным — 8 января
Лазареву — Перовскому при письме к Жуковскому. С Жихаревым Карамзиным три раза до — 21 [января]
Карамзиным. Кологривову — 2 февраля

Некоторые письма не записаны

Карамзиным — Вьельгорскому — 25 февраля
2 письма Орловой. Письмо от Орловой к Цейдлеру — 26 [февраля]
к Карамзиным — 4 марта
к Шимановской
к Карамзиным — Перовскому — Миклашевскому — 21 [марта]

Остафьево 1829

Июнь до 10-го. Карамзиным — Тургеневу в Париж — Гагарину — Бобринской через контору. Кремер с медалью Байрона через их контору — Плетневу.

Июнь. Шипилеву в Вологду — Льву Давыдову — Александру Муханову вместе с Андреем Муравьевым — Козлову.

Щербатов — Тула, дом куп[ца] Карабанова».

После записи писем 26 февраля 1827 г. на особой странице — два стихотворения Баратынского — автограф:

Откуда взял Василий Непотешный...
Хотите ль знать все таинства любви...

См. Е. А. Баратынский. Полн. собр. стих. „Биб-ка поэта". большая серия. 1957, стр. 213, 214. Напечатано по тексту письма Вяземского к А. И. Тургеневу и Жуковскому от 6 января 1827 г.

После записей отправления писем две с половиной страницы чистых и далее записи рукой В. Ф. Вяземской о болезнях детей, Павла и Марии, и хозяйственные поручения, что надо купить в Москве и Петербурге. Среди них поручение купить книги: «toutes les oeuvres de Фомы Кемпийского en français»[1]. (Вяземский сделал приписку: «нет их на французском языке, кроме „Подражания Иисусу") и «вторую часть Онегина».

Между записями В. Ф. Вяземской записи П. А. Вяземского о полученных и израсходованных суммах, помеченные «12 декабря. Москва».

Далее записи о поездке в Пензу 1828 г. см. в тексте (опубл. не полностью *ПС*, IX, 69—75).

[28] 12 декабря 1827 г. Вяземский выехал из Москвы к семье, находившейся в с. Мещерском, которое принадлежало П. А. Кологривову, отчиму его жены. 11 декабря Вяземский писал А. И. Тургеневу:«После двухмесячного ежедневного отъезда еду сегодня в ночь к жене в Пензенскую губернию. В конце января думаю быть в Петербурге». 1 января 1828 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу уже из Мещерского (*ОА*, III, 169, 172—176).

[29] *Община* — Алексеевская женская община, славившаяся рукоделиями затворниц.

Арзамасская школа живописи — первая русская провинциальная художественная школа была основана А. В. Ступиным в 1802 г. Состав учащихся был исключительно демократичен; среди них было немало крепостных, посылавшихся на выучку помещиками, которые желали иметь домашних живописцев. Свои отчеты школа посылала в Петербург Академии художеств и старалась поддерживать с ней связь. А. В. Ступин имел звание академика. Расцвет деятельности школы относится к концу 30-х—40-м годам.

[30] *Рузаевка* — имение Струйских, находившееся в Саранском уезде, Пензенской губ. *Н. Е. Струйский* (1749—1796) — поэт-дилетант, открывший в Рузаевке после указа Екатерины II о «вольных типографиях» (1783) собственную типографию, в которой работали крепостные. В ней печатались преимущественно произведения его и его друзей. После смерти Н. Е. Струйского остались вдова А. П. Струйская (рожд. Озерова, 1760—1840), пять сыновей и три дочери. Третий сын, Леонтий, был отцом поэта А. И. Полежаева. За избиение в 1816 г. управляющего, умершего от побоев, Л. Н. Струйский был приговорен к лишению всех чинов и дворянства и к ссылке в Сибирь, куда был отправлен в мае 1820 г. (И. Воронин. А. И. Полежаев. Жизнь и творчество. Саранск, 1941, стр. 8, 15, 74—80. См. также А. В. Лебедев. Ф. С. Рокотов. Этюды для монографии. М., 1941, стр. 19—30). О Н. Е. Струйском как поэте Вяземский сочувственно писал в рецензии на драматическую поэму Д. Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена». «Новые книги». 1827 (*ПС*, II, 52—57).

[31] Вяземский имеет в виду стихотворение «На новый 1828 год», напечатанное в «Русском зрителе», 1828, № 1—2, стр. 67—70. Историю этого стихотворения и его значение см. Избр. стих., стр. 184—187 и стр. 498.

[1] Все сочинения Фомы Кемпийского на французском языке (*фр.*).

[32] *В. Б. Броневский*: «Приключения пленного русского офицера». В его книге «Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море, под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, от 1805 по 1810 год», ч. II, 1819, стр. 186—196. Рассказ о поручике Степане Яшимове, родом из кизлярских татар, взятом в плен французами в 1799 г., под Цюрихом, Броневский заканчивает предположением, что Яшимов на обратном пути в Россию был убит в поединке.

[33] Губернаторством в Пензе (1816—1819) *М. М. Сперанский* начал свою административную деятельность после новгородской ссылки. Обвинение, брошенное ему Вяземским, несправедливо и отражает неприязненное отношение к Сперанскому местных помещичьих и чиновничьих кругов. Ненавидимый крепостниками и взяточниками, Сперанский был почти бессилен в борьбе с ними. После первого объезда Пензенской губернии Сперанский писал: «Сколько зла и сколь мало способов к исправлению! усталость и огорчение были одним последствием моего путешествия. Порядочные и даже посредственные дворяне должностей сих (административных.— *В. Н.*) бегают, как огня... Концы всех дел, даже и государственных, сходятся неминуемо в земской полиции и что же значит один или даже и два исправные чиновника в количестве дел почти неимоверном, в обширности наших уездов» (М. Корф. Жизнь гр. М. М. Сперанского, т. I, стр. 128; см. его же. В память гр. Сперанского, т. II. Спб., 1872, стр. 480—481).

[34] Дело о помещице Белоруковой сохранилось в Пензенском областном архиве, ф. 23 палаты уголовного суда, оп. 1, № 200, 228. О Л. Н. Струйском см. выше, прим. 30.

[35] Пензенский губернатор *Ф. П. Лубяновский*, жестокий крепостник, взяточник и ханжа, управлял губернией в 1819—1830 гг. Нажил огромное состояние, которое поразило Николая I, узнавшего о нем из формуляра и запросившего о способах его приобретения. Лубяновский нагло отвечал, что «состояние приобретено литературными трудами и вообще частными занятиями» (В. А. Инсарский. Половодье. Спб., 1875, стр. 50). Общую характеристику Лубяновского и его управления губернией а также мемуарную литературу о нем см. в книге В. С. Нечаевой В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности». М., 1949, стр. 123—127, 400—402.

[36] О *Г. В. Гладкове*, которого Вяземский называет Буяновым (персонаж из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина), и о крепостном театре Гладкова см. в книге В. С. Нечаевой, стр. 223—236, 248—250; прим. 35. «*Как тростник от ветра колыхаясь*» — см. выше, прим. 26.

В архиве Вяземского сохранилась программа спектакля, состоявшегося в театре Гладкова 8 января 1828 г., что помогает датировать посещение Вяземским театра. Текст программы в книге В.С. Нечаевой, стр. 421 (учесть приложенный к книге список опечаток — перестановка строк).

[37] Ср. «Воспоминания» Ф. П. Лубяновского, опубликованные в *РА*, 1872, стр. 519—522.

[38] Это предсказание Вяземского вполне подтвердилось: после приезда в Пензу флигель-адъютанта Голицына последовала ревизия сенатора Горголи, которая хотя и вскрыла множество злоупотреблений пензенской администрации, однако не привела и не могла привести к существенным результатам. См. В. С. Нечаева. Белинский, стр. 125—126 и 281.

[39] Три последние строки записи, содержащей резкую критику методов управления в николаевской империи, напечатаны не были (ср. *ПС*, IX, 75). В них звучит явная насмешка над Николаем I.

[40] *Ж. М. Шопен* (*Jean-Marie Chopin*) переводил на французский язык сочинения Пушкина, Державина и других русских поэтов (см. *ОА*, III, 390).

Упоминанием Шопена заканчивается запись о поездке в Пензу. Далее следует краткая запись расходов в Мещерском и следующие записи, касающиеся переписки Вяземского с рядом лиц, сделанные в январе — мае 1828 г. в Мещерском и Москве

«В Москве написать Шишкову. Векселя Гагарина и Киселевой в портфеле красно

также и письмо Екатерины и кольцы. Стихи Габбе отдать Измайлову. 2 тома Biographies[1] 17 и 18 должны быть у Полевого. Записки Дашковой у Дмитриева. [1 сл. не разбор.] где? По записке Данилова. Жуковскому о М[осковском] Т[елеграфе] [?]. Козац[кое?] О Трубецком — Надвор[ном] Совет[нике] Федоре Данил[овиче] Массальском.

Константинова. Остафьев[ский] каталог у к. Зенеиды. Письма в Петербург. Брейткопф ⟨Кривцову⟩, Строганову 2, двум Голицыным, Вьельгорский 2, Бабарыкин, Окулову, Окуловой, Полуектовой 2, Волконской, Нарышкиной, Поповой, Батюшкову, Сушковой, Горяинову, Козлову, Giorgeri [Жиоржери] два пакета. Писать Гизо по письму Тургенева у Жуков[ского]. Отдать Блудову Раича — Пушк. о «Моск. Вест.».

2-го марта письмо в Пензу. 19-го апреля письмо к Немцевичу с Грабовским. К жене с манифестами. Письмо в Ревель с 50 рублями Бремер — 24-го в Кострому Бартеневу и Раменцову — в Москву Демиду. В Ревель от дочери г-на Бремер.

29-го в Париж Толстому с книгами. 4 № Телеграфа, Аристоф. Андрей Переяслав. с письмом к А. Тургеневу с книгами от Пушкина через Ломоносова.

4 мая к [нязю] Василию Гагарину с бумагами от Бутурлина».

Далее: «Счет деньгам, издержанным в Петербурге со дня приезда 27-го февраля» — расходы с указанными датами за апрель и май. Среди них запись: «18 апреля 1828 г. Преполовенье. Григорий Рубцов. Корабельное коммерческое училище». Далее:

«Раича билеты — 4 экземпляра Вьельгорскому — 1 Жуковскому, 1 Полетике — 1 Мицкевичу (все заплачены) мы с Раичем разочлись.

В Кузнецке Саратовской губернии Николаю Александровичу Радищеву.

Вакавуш — по-турецки *увидим*.

— Мещерское 16-го июня.

Писать к княгине Голицыной-Шуваловой—Дмитриеву — В. Л. Пушкину — Пономареву— Полевому — Голицыной-Кутайсовой — Тургеневу — Гизо — Орлову— Мицкевичу — Кушникову — Полторацкому.

22-го. Послано с почтою в письме к Демиду: Соболевскому, Пономареву, Полторацкому, кн. Василию, Орловой; в письме к Булгакову Константину: Голицыной-Шуваловой, Шимановской, Карамзиной, Кривцовой.

С Демонси в письме к Демиду письма к Пушкиным Александру и В. Л. — Кушникову. Мещерской. Полевому со статьей. Дашиньке Окуловой, Полторацкому Ж. de d [Journal de debats?] [Журналь де деба] до мая (у Радищева 2 том Soirées de Neuilly)[2] (возвращено).

По почте 5-го августа: Малышеву, Ден. Давыдову, Ник. Муханову, С. Карамзиной".

Далее см. в тексте запись на французском языке, происхождение которой нами не установлено.

[41] После французского текста две страницы записей хозяйственного характера — рукой В. Ф. Вяземской: поручения мужу в связи с поездкой в с. Красное и Нижний Новгород. Там же запись — рукой Вяземского: «Книги с собою: Melmoth 6 — Oginski 3 — Mauroni 5 — Schakespeare 1 — Boiste[3] — лексикон». Далее рукой неустановленного лица: «Катерина Лаврентьевна Селиверстова, Анна Никитишна Смирнова, урожд. Олимпиева, Мамонова Варвара Алексеевна, Плещеева Елена Александровна, урожд. Струговщикова, Елизавета Васильевна Белавина, Жданова Мария Андреевна, Анна Афанасьевна Грузинская». Далее — рукой Вяземского: «Андрей Васильевич Бестужев — Иван Семенович Храповицкий. Дорофея Михайловна — игуменья».

[42] Записи о Фонвизине печатаются впервые, кроме пяти последних строк первого абзаца, которые были опубликованы в книге К. В. Пигарева «Творчество Фонвизина». М., 1954, стр. 128, 129. Записи представляют собою материал для книги, над которой Вяземский работал в 1820-х годах, закончил в 1830 г., а напечатал в 1848 г.

---

[1] Биографий (*фр.*).

[2] Вечера в Нейи (*фр.*).

[3] Мельмот 6 — Огинский 3 — Морони 5 — Шекспир 1 — Буаст (*фр.*).

(«Фон-Визин. Соч. кн. Петра Вяземского»). Все записи в той или иной форме нашли место в книге, были развиты, а иногда и смягчены в ней. Ср. мысль о том, что Фонвизин не был живописцем своего общества — стр. 19—20 и 49; о Фонвизине и Потемкине ср. стр. 111—113; о подражании Лабрюеру и «диком американце» — стр. 137—138; об отзыве Фонвизина о Даламбере и энциклопедистах — стр. 125—131. Сравнение комедий Фонвизина с «Горем от ума» Вяземский развернул в гл. VIII (стр. 220—224), в ней же высказаны мысли о сатире в «Недоросле» на неслужащее дворянство в связи со словами Правдина (стр. 217, 218). О дате изд. басен Гольберга — стр. 32; письма Фонвизина к гр. Панину — стр. 379—391; о переводе «Жизни Сифа» и «Альзире» — стр. 32 и 36; об успехе «Бригадира»—стр. 48—49; о переводе и изданиях Тацита—стр. 285; письма Бориса Салтыкова к И. Шувалову и письмо гр. Разумовского к нему же Вяземский напечатал в приложении к своей книге — стр. 303—309.

Вяземский правильно отметил несовпадение сведений в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения и в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» («Исповеди») Фонвизина относительно знакомства последнего с Н. И. Паниным. В «Словаре» (т. I, стр. 76) указывается, что Панин был тем кабинет-министром, который взял к себе для работы Фонвизина из коллегии иностранных дел. В «Исповеди» кабинет-министр не называется, но ясно, что знакомство с Паниным произошло позднее.

[43] Выписка из Лагарпа была также использована в книге о Фонвизине в начале VIII гл. «Что сказано Лагарпом о Мольере, еще с большей справедливостью может быть у нас применено к Фонвизину: „Похвала писателя заключается в его творениях...“» и т. д. (стр. 204).

[44] Запись использована в книге о Фонвизине, ср. гл. VI, стр. 124. Далее следуют записи рукой Вяземского: «Vous direz tout ce qu'il vous plaira de la frivolité des Français [1] (Письмо Гиббона, т. 2, стр. 246,), Voila un mois, que je suis ici[2] (Тут же, стр. 249). Анекдот о Румянцеве (тут же, стр. 271), о русских (тут же, стр. 281)». Выписки из писем Гиббона Вяземский также использовал в книге о Фонвизине, стр. 132.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ
(1820—1830)

[1] Размер 24 × 20 сантиметров. В картонном светло-коричневом переплете с зеленым кожаным корешком и углами. 84 исписанных листа. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1108. На стр. 1 далеко не полный перечень тематики записей рукой неустановленного лица: «Фон-Визин. Понятовский, его записки. Екатерина II, Нассау Зиген, Нижегородская ярмарка». В *ПС* кн. 4 не публиковалась [3].

Содержание книжки:

Начиная с листа второго и кончая листом двадцать восьмым рукою писца переписаны сочинения Фонвизина, вошедшие в его издание «Друг честных людей, или Стародум».

1. Письмо к Стародуму сочинителя Недоросля. С.-Петербург. Генваря 1788 г.
2. Ответ от Стародума. Москва. Генваря 1788 г.
3. Письмо к Стародуму от племянницы его Софьи. С.-Петербург. Генваря 1788 г.
4. Ответ от Стародума к Софии. Москва. Генваря 1788 г.
5. Письмо Стародума к сочинителю Недоросля. Москва. Февраля дня 1788 г.
6. Всеобщая Придворная Грамматика.
7. Письмо, найденное по блаженной кончине надворного советника Взяткина к покойному его превосходительству. Москва, 1777 г.

---

[1] Вы можете говорить все, что вам нравится, о легкомыслии французов (*фр.*)
[2] Вот уже месяц, как я здесь (*фр.*).
[3] См. статью стр. 364—365.

8. Краткий реэстр для напоминания.
9. Ответ его превосходительства Взяткину.
10. Письмо к Стародуму от сочинителя Недоросля. С.-Петербург. Февраля дня 1788 г.
11. «Недоросль». Действие 4-ое, явл. 2-ое [разговор Стародума с Софьей].
12. Письмо к Стародуму от Дедиловского помещика Дурыкина.
13. Кондиции для учителя дому Дурыкина.
14. Ответ Стародума к Дурыкину.
15. Письмо университетского профессора к Стародуму.
16. Письмо Дурыкина к Стародуму.
17. Письмо от Стародума. Москва, февраля 1788 г. [о русском языке и литературе].
18. Письмо от Стародума. Москва, февраля 1788 г. [Разговор у княгини Халдиной].

У начала копий позднейшая пометаВяземского: «Фон-Визина. Все это напечатано в издании Салаева в 4 томах». Действительно, в Полн. собр. соч. Фонвизина (изд. Салаева, 1830, ч. III, стр.60—116) напечатаны тексты перечисленных выше произведений, за исключением № 10 и 11. В этом издании произведения размещены в ином порядке и имеют стилистические отличия. В рукописных копиях много пропусков, печатный текст полнее и исправнее.

«Письмо к Стародуму от сочинителя „Недоросля"». (С.-Петербург, февраля 1788) и «Недоросль», действие 4-е, явление 2-е напечатаны по тексту этой записной книжки в Полн. собр. соч. Фонвизина под ред. Макагоненко, т. II. М., 1959, стр. 57—60.

Вслед за копиями сочинений Фонвизина переписаны:

Е. А. Баратынский, «Череп». Автограф. Текст близок тексту, напечатанному в «Северных цветах на 1825 год», стр. 282, 283. В нем также отсутствует предпоследняя строфа, но имеются варианты, не учтенные в издании сочинений Баратынского Академии наук (т. I, стр. 252), а именно: стих 22 в списке читается:

«О суетный и жалкий изыскатель!»

Стих. 29 печатного текста (а в списке 25) читается:

«Отрадно здесь, что в гробе? — гроб молчит».

Позднейшая помета П. А. Вяземского: «Баратынского. Напечатано».

Н. М. Карамзин. «Записка о Москве» («Мы знаем по несомнительным историческим свидетельствам...»), 22 страницы, часть — рукою В. Ф. Вяземской, часть — рукой неустановленного лица. Название и помета на листе 30: «Карамзина. Напечатано»— рукою П. А. Вяземского. Ср. «Собр. соч. русских авторов. Сочинения Н. М. Карамзина», т. 1. Изд. Смирдина, 1848, Спб., стр. 427—447: «Записка о Московских достопримечательностях» (1817). На листе 38 к тексту: «Прекрасное видом Кунцово, в шести верстах от Москвы, подаренное царем Алексеем Мих[айловичем] тестю своему Нарышкину. Все запущено. Дом гниет и валится»—рукой Вяземского сделана сноска: «Александр Львович Нарышкин сказывал мне, что, прочитав эту записку у вдовствующей государыни, написал он тут отметку: **будет исправлен** и приказал дом переправить».

Станислав Понятовский. Отрывки из мемуаров (на франц. яз.), 26 страниц. Разными почерками неустановленных лиц. Помета П. А. Вяземского: «(fragments des mémoires inedits de Stanislas Poniatovski, roi de Pologne)» [1]. Позднее им же на верхнем поле первой страницы написано: «Отрывки из записок короля Польского получены мною в Варшаве, помнится, от Скибицкого». В тексте несколько незначительных исправлений и пояснений Вяземского. Отрывки мемуаров относятся к 1756—1764 гг., содержат автопортрет Понятовского, рассказ о пребывании в Петербурге при дворе, об отношениях с

[1] «Отрывки из неизданных мемуаров Станислава Понятовского, короля польского» (*фр.*).

Екатериной и Петром III (тогда вел. кн.), о придворных романах и интригах (Лев Нарышкин, Ел. Воронцова и др.). Далее — история выдвижения его кандидатуры на польский престол и избрание. В русском переводе частично напечатано Вяземским в «Русском архиве», 1873, стр. 831—846 с позднейшими комментариями Вяземского (перепечатано *ПС*, VIII, 102—112). Напечатан «Автопортрет», история избрания Понятовского королем и совершенно отсутствует характеристика русского двора и Екатерины II.

Письма Екатерины II к вице-адмиралу принцу Нассаускому. На франц. яз. Даты писем: 4 июня, 16 июля и 2 сентября 1789 г., 9 июля и 9 августа 1790 г.; списаны рукой П. А. Вяземского и после текста писем приписка его же рукой: «Списаны сходно с правописанием подлинников своеручных, хранящихся у графини Яновой Потоцкой, урожденной Потоцкой, вместе с другими еще письмами Екатерины к Нассау». Более поздняя приписка Вяземского к этим письмам: « Son père, prétendu pr[ince] de Nassau, etait le fruit d'un adultère; sa mère Charlotte de Mailly lui avait donné le jour longtemps après avoir quitté son mari. Le conseil aulique lui retourne le titre de prince, mais le parlement de Paris le reconnait en 1756 p[rin]ce de Nassau. Le fils fit avec Bouguinville le tour du monde, se mit à la solde de l'Espagne lors du siège de Gibraltar, passa de là au service de la Russie, reçut le titre d'admiral, se trouva au siège d'Otchakow, commanda la flotille russe contre les Suédois en 1789 et 1790, battit ceux-ci a Svenksund (1789), à Borgo (1790) mais perdit (en 1790) une seconde bataille à Svenksund. Mourut à Paris ‹en› vers 1805»[1].

«Краткое объяснение о начале и распространении Макарьевской ярмарки». Рукою писца — 8 страниц. Названия глав: «1. Начало ярмарки. 2. Постепенное ее распространение. 3. Доходы с нее в казну прежде бывшие. 4. Сгоревший в Макарьеве гостиный двор. 5. Перевод ее в Нижний Новгород и увеличение сбора за лавки. 6. Число торговых каменных и деревянных помещений в 1822 году». Через 30 страниц, в той же записной книжке, рукою писца списаны сведения, также относящиеся к Нижегородской ярмарке, под заглавием: «Сколько было каких товаров и продуктов на ярмарке 1823-го года». 4 страницы с перечнем названий товаров, их количества и их стоимости. Все эти записи, несомненно, находятся в связи с посещением Вяземским ярмарки в августе 1823 г. (см. выше: Третья записная книжка, стр. 104—106).

Переработка сочинения Д. И. Фонвизина «Рассуждение о непременных государственных законах», сделанная Никитою Муравьевым. Переписано писцом. Примечание Вяземского: «Извлечение из сочинения Ф[он]Визина, писанного сказывают по заказу Панина для Велик[ого] князя, которое ходило по рукам в последние годы царствов[ания] Александра и, вероятно, составлено было одним из участников 14-го декабря, или членом тайного общества». «Рассуждение» Фонвизина (1782—1783) должно было служить введением к проекту братьев Паниных о государственных реформах, которое предполагалось вручить Павлу при вступлении его на престол. Сочинение Фонвизина использовалось декабристами в качестве политико-агитационного документа как в полном виде, так и в сокращенной переработке Н. Муравьева. Историю этого сочинения и характеристику переработки см. К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 134—150. Анализ текста — К. В. Пигарев. «Рассуж-

---

[1] «Его отец, мнимый принц Нассауский, был плодом прелюбодеяния его матери Шарлотты Майи, которая родила его спустя долгое время, как оставила мужа. Придворный совет вернул ему титул принца, но парижский Парламент признал его в 1756 г. принцем Нассауским. Сын совершил совместно с Бугенвилем путешествие вокруг света, получал жалованье в Испании во время осады Гибралтара, оттуда перешел на русскую службу, получил титул адмирала, попал в осаду Очакова, оказался командующим русским флотом против шведов в 1789 и 1790 годах, побил последних в Свенсзунде (1789) в Борго (1790), но в 1790 проиграл второе сражение при Свенсзунде. Умер в Париже около 1805 г.» (*фр.*).

дение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева («Лит. наследство», т. 60; «Декабристы-литераторы», т. 2, кн. 1, стр. 339—361).

См. также Собр. соч. Д. И. Фонвизина под ред. Макагоненко, т. II, 1959, стр. 654—682.

«Разговор любопытной» — незаконченное агитационное произведение Н. М. Муравьева, относящееся к началу 1822 г. Переписано писцом. Примечание Вяземского: «Также тех годов и, вероятно, того же общества». Назначение «Разговора» — пропаганда конституции и борьба с самодержавием. Большого распространения не получило. На вопрос Следственной комиссии Никита Муравьев 12 января 1826 г. отвечал: «Я начинал писать катехизис в вопросах и ответах, который, к счастью, мною никогда не был окончен; кроме Думы и двух или трех членов, никому не известен и брошен по той причине, что я занялся единственно окончанием моего проекта конституции. По этой причине он и не был распущен». Произведение было опубликовано по тексту, которое находилось в деле Н. М. Муравьева, но несколько отличалось от текста, списанного в книжке Вяземского. Отметим замену некоторых слов другими, придающими иной оттенок содержанию, например, в седьмом ответе вместо: «несправедливая мысль»—«порочная мысль», вместо: «дарованных богом прав»—«установленных» богом прав. Имеются небольшие пропуски отдельных слов и выражений, например, в ответе четвертом—«Это будет насилие» — в списке отсутствует окончание: «противу коего ты имеешь право сопротивляться». Но в списке есть и небольшое добавление, которое отсутствует в опубликованном тексте «Разговора». В предпоследнем ответе причиною победы татар указано, кроме «размножения княжеского дома Рюрикова», их «честолюбия и распрей, пагубных для отечества», еще и «добродушие народа, допустившего оную»,чего нет в тексте, находящемся в деле Н.М.Муравьева («Восстание декабристов», т. I. М., 1925, стр. 321).

После «Разговора любопытного» переписано:

В. Н. Олин. «Стансы к Элизе». 14 строф. Под заглавием рукою Вяземского: «(с замечаниями цензуры)». В тексте стихотворения, списанного рукою неустановленного лица, подчеркнуты слова, обратившие внимание цензора, а замечания последнего помещены на полях или в промежутках между строфами. После подписи автора — следующее объяснение Олина: «В заключение г. цензоры, сказав, что вся эта пиеса и грешна и соблазнительна, спросили меня, к кому она именно писана? К женщине или девице, к ближайшей родственнице или посторонней, говоря, что это им необходимо нужно знать, потому что по многим стихам видно, что будто бы я с этой особой имел очень тесную связь. Я отвечал им, что на будущей неделе стану говеть и исповедываться, и что тогда покаюсь священнику в грехах моих; но так как цензура не есть исповедная, а цензоры не попы, то и не нахожу никакой нужды объясняться с ними по сему предмету».

Подлинное цензурное дело (1823 г.) о стихотворении Олина, являвшемся переводом из баллады Вальтер Скотта «Замок Литтелькот», изложено в изд. «Беседы в Обществе любителей российской словесности», т. III. М., 1871, стр. 42—45, где приведены девять вопросов цензора и ответы на них Олина. Здесь же опубликовано заключение С. Петербургского цензурного комитета, который одобрял запрещение Красовским стихотворения и сообщал: «Между тем г. Олин распространил в публике следующие насмешливые примечания». Далее следовал текст объяснения Олина, переписанный книжке Вяземского и напечатанный выше, а после него дано такое заключение комитета: «Из сего любопытного примечания г. Олина довольно видно, что „Стансы к Элизе“ он сам признавал нескромным чтением и что он представлял их в цензуру точно в великий пост. Приличны ли здесь сделанные им отзывы об исповеди и согласны ли с последующими его действиями, на сие не нужно изъяснения».

К. Ф. Рылеев. «На болезнь Крылова». Четверостишие относится к концу 1824 г. Переписано рукою неустановленного лица. См. К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Статьи... М., 1956, стр. 266.

А. А. Дельвиг. «Петербургским цензорам» («Перед вами нуль Тимковский»), 4 строфы. Тою же рукою, как и предыдущий документ. Слово «мистик» вписано П.А. Вяземским. См. А.А. Дельвиг. Полн. собр. стих. „библиотека поэта" большая серия. 1959, стр. 161—162.

Сведения о товарах на Нижегородской ярмарке (см. стр. 412).

А. С. Пушкин. «Вадим». Часть неоконченной поэмы, 42 стиха. Рукою неустановленного лица. Начало: «Свод неба мраком обложился». Конец: «Кругом ни цвета, ни травы». Ср. А.С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 139—140. В тексте варианты учтены в дополнительном томе академического издания, 1959, стр. 34.

«De Varsovie le 7 Mars. Nos gazettes publient les deux pièces suivantes» [1]. Далее на франц. яз. переписаны два манифеста Александра I, данные в Царском селе 13 февраля 1825 г., первый — о созыве 1/13 мая 1825 г. третьего польского сейма, второй — о дополнительном акте к польской конституции, постановлявшем, что публичные заседания сейма будут происходить только при его открытии, закрытии и в особенно торжественных случаях, а обыкновенные заседания будут при закрытых дверях. Ср. Н.К. Шильдер. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. IV. Спб., 1898, стр. 331 и 481.

С. И. Муравьев-Апостол. Письмо брату Матвею, написанное «с 12 по 13 июля 1826 года в Петропавловской крепости за несколько часов до кончины». Рукою писца. Рукою П. А. Вяземского в виде заголовка: «Письмо Сергея Муравьева-Апостола».

КНИЖКА ПЯТАЯ
(1825—1831)

[1] Размер 19 × 12 сантиметров. В темно-зеленом кожаном переплете. Исписанных листов 21. Шифр: 195, оп. 1, № 1109. На наклейке на переплете рукой неустановленного лица: «Вяземский кн. П. А. Записная книжка 1825, 1826, 1827». Другим почерком — «(Муравьев Сергей)». На первой странице карандашный рисунок.

[2] *Екатериненталь* — предместье Ревеля (Таллина). Вяземский, перенеся в начале 1825 г. серьезную болезнь , в июне этого года поехал для морских купаний в Ревель, через Петербург. Приехалв Ревель 6 июля и оставался в нем, поселившись в Екатеринентале, до 18 августа 1825 г. (*ОА*, т. V, вып. 1, стр. 52—89). *Нарвский водопад*, на реке Нарове, в полутора верстах от г. Нарвы Петербургской губ., Вяземский, вероятно, видел по дороге из Петербурга в Ревель.

[3] Закончив стихотворение «*Нарвский водопад*», Вяземский послал его Пушкину в письме от 4 августа 1825 г. Пушкин дал отзыв и советы для исправления в письме от 14 августа 1825 г. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 200—201 и 209—210. Исправленный текст стихотворения Вяземский напечатал в «Северных цветах на 1826 год», стр. 63. Текст записной книжки — ранняя редакция стихотворения, не совсем совпадающая с посланной Пушкину. На полях — предполагаемые исправления. Следует обратить внимание на строфу восьмую, в которой водопад олицетворяет мятежное начало в жизни, пламенное стремление к свободе (последний стих подчеркнут Вяземским). Строфы седьмая и восьмая написаны на полях. В печати строфа восьмая утеряла первоначальное звучание и читается так:

Противоречие природы
Под грозным знаменем тревог,
В залоге вечной непогоды
Ты бытия принял залог.

[4] Стихотворение в печати не известно.

---

[1] Из Варшавы 7-го марта. Наши газеты публикуют следующие два документа (*фр.*).

[5] Наброски, из которых первый стих был использован Вяземским в стих. «Море», написанном в Ревеле летом 1826 г.:

Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут...
(Избр. стих., стр. 175).

В письме к жене от 26 июля 1825 г. в описании адмиральского корабля, который посетил Вяземский, читаем: «Что за великолепная махина — этот плывущий мир!» Последняя строка, очевидно, предназначалась для стихотворения о Байроне, которое Вяземский писал в Ревеле (см. прим. 7).

[6] Выписка из январского номера «Revue Encyclopédique» («Ревю энсиклопедик») 1825 г. Первые цитаты взяты из статьи Сисмонди «Revue des efforts et des progrès des peuples dans les vingt-cinq dernières années» [1], в которой автор, говоря о росте образования и общем прогрессе России, выражал уверенность, что наступит время, когда русские войска нельзя будет использовать для подавления «света, свободы и добродетели» (стр. 34). Далее: название книги — собрания конституций, — рецензия на которую A. Taillandier [А. Тайландье] помещена на стр. 55—67. Интерес Вяземского к тематике книги следует особо отметить. Далее из отдела библиографии выписаны названия следующих книг: «Satire di Salvator Rosa» [2]. Londres 1823 (стр. 122) и «La Bastonnade et la Flagellation pénales, considérées chez les peuples anciens et chez les modernes», par M. le comte Lanjuinais. Paris [3], 1825 (стр. 178). Далее — сведения о поэме, посвященной Казимиру Делавиню, о проснувшейся Греции: «Le réveil de la Grèce» [4]. В рецензии приводится несколько отрывков. Вяземский выписал (см. текст) отрывок из II главы, которая вся посвящена подвигам Канариса (стр. 208—209). Далее — выписано название книги В. Бонштеттена: «L'homme du Midi et l'homme du Nord ou L'influence du climat». Genève [5], 1824, рецензия на которую помещена на стр. 141—143. Наконец, помещена оценка и выписки из рецензии на книгу Томаса Медвина, родственника Шелли, изданную в Париже в 1824 г.: «Byron, écrit pendant le séjour de l'auteur à Pise, avec le noble lord dans les années 1821 et 1822» (стр. 236—237) [6].

[7] Отрывок из «Чайльд Гарольда» Байрона (III песнь, строфа XCVII). 12 августа Вяземский писал жене: «Меня ломала слегка стихотворческая лихорадка, и я выдрожал или выпотел стихов 50 о Байроне с удовольствием» (*ОА*, V, ч. 1, 86). «Байрон» (отрывок) — свыше 100 стихов, был напечатан Вяземским в «Московском телеграфе», 1827, ч. XIII, стр. 48 (*ПС*, III, 423—426). В качестве эпиграфа были помещены строки из «Чайльд Гарольда», в русском переводе Вяземского.

[8] В Ревеле Вяземский встретил «семейство Сергея Львовича [Пушкина] без сыновей» и с большою симпатией отзывался в письмах к жене о О. С. Пушкиной: «Она очень мила и напоминает брата...», «она премилая девочка. Она, Дорохова и я живем в большом ладу». Пушкины уехали между 8 и 12 августа. 12 августа Вяземский послал в письме к жене текст стихотворения, посвященного О. С. Пушкиной, с теми же вариантами к последней строфе (*ОА*, V, ч. 1, стр. 85, 86). Стихотворение с небольшими изменениями напечатано в «Северных цветах на 1827 год» (*ПС*, III, 405).

[9] Начало стихотворения, которое под тем же заглавием и с небольшим отличием в тексте было напечатано в «Северных цветах на 1826 год», стр. 108 (Избр. стих., стр. 172—175, 495).

---

[1] «Обозрение деятельности и прогресса народов за последние двадцать пять лет» (*фр.*).

[2] «Сатиры Сальватора Розы» (*ит.*).

[3] «Наказание палками и бичеванием у древних и современных народов». Соч. графа Ланжюинэ. Париж (*фр.*).

[4] «Пробуждение Греции» (*фр.*).

[5] «Южанин и северянин, или Влияние климата». Женева (*фр.*).

[6] «Байрон, написано во время пребывания автора в Пизе вместе с благородным лордом в 1821—1822 гг.» (*фр.*).

На дате 16 августа заканчиваются записи, относящиеся к 1825 г. Через два дня Вяземский выехал из Ревеля. На отдельной странице внесены его расходы с 7 июля по 3 сентября 1825 г.

Вяземский вернулся к пятой записной книжке через год, когда вновь поехал в Ревель с семьей недавно скончавшегося Карамзина. Он выехал с Карамзиными из Петербурга 13 июня 1826 г. (*ОА*, III, 143, письмо А. И. Тургенева В. Ф. Вяземской от 14 июня 1826 г.) и оставался в Ревеле до 4 сентября. Записи 1826 г. начинаются с записей расходов, помеченных 25 июня 1826 г. Далее — запись об Ивановом дне.

[10] Ср. «Северные цветы на 1829 год», стр. 218, 219 (*ПС*, VIII, 18, 19). В связи со следующей записью о Дмитриеве следует отметить, что в предпоследней фразе при публикации было выброшено слово «казенный», а после слова «занятий» вставлено «истин, выданных нам счетом».

[11] *ПС*, IX, 76. По поводу слова «казенные» см. предыдущее примечание. Выражение «яркие заплаты» см. А. С. Пушкин. «Разговор книгопродавца с поэтом, 1824:

Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца

[12] Запись опубликована в *ПС*, IX, 76—78 с цензурными купюрами и другими искажениями. Как эта, так и следующие записи политического значения отмечены на полях карандашом. Указ о *И. В. Шервуде*, представившем донос на декабристов почти накануне восстания, был дан 1 июня 1826 г., в день манифеста об учреждении Верховного уголовного суда над декабристами. Николай I повелевал «в ознаменование особенного благоволения.... к отличному подвигу» Шервуда к его фамилии «прибавить слово *Верный* и впредь как ему, так и потомству его именоваться Шервудом—*Верным*». Сенату поручалось составить фамилии Шервуда особый герб (Н. Ш и л ь д е р. Николай I, его жизнь и царствование, т. I, 1903, стр. 450).

[13] Вяземский имел в виду замену слова «*верный*» словом «скверный». Первое писалось через *ять*, второе — через *е*. Эта фраза в публикации отсутствовала. Прозвище «Шервуд-скверный» быстро оказалось популярным в обществе и крепко пристало к имени предателя.

[14] Как эта запись Вяземского о Ж. Виллеле, так и другая (стр. 124) имеет в виду ультрароялистскую позицию Виллеля, стремившегося к восстановлению абсолютизма во Франции и ведшего энергичную борьбу с либералами и защитниками конституции. Возможно, что награждение Шервуда вызвало у Вяземского интерес к французскому политическому деятелю эпохи Реставрации, отличавшемуся преданностью Бурбонам и использованием нечестных приемов борьбы со своими политическими врагами. В *ПС*, IX опубликована только первая запись о Виллеле (стр. 78).

[15] Было напечатано в *ПС*, IX, 78, 79, с цензурными пропусками и искажениями. Граф *Г. В. Орлов*, сенатор, живший по большей части в Париже, умер в 1826 г. С его именем вышел ряд книг: «Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples» (1819—1825); «Essai sur l'histoire de la musique en Italie» [1] (1822) и др. В 1825 г. им были изданы в Париже два тома басен Крылова, переводы которых, однако, ему не принадлежали: «Fables russes, tirées de Recueil de M-r Kryloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs... Publiées par M-r le comte Orloff» [2] (см. А. Ф. Б ы ч к о в, О баснях Крылова в переводах на иностранные языки. «Сб. 2-го Отд. имп. Академии наук», т. VI. Спб., 1869, стр. 271)

Упоминаемый Вяземским *Чупятов* был обанкротившимся купцом, притворившимся сумасшедшим и повесившим на себя медали и ленты, якобы полученные им от

[1] «Воспоминания исторические, политические и литературные о Неаполитанском королевстве»; «Очерк по истории музыки в Италии» (*фр.*).

[2] «Русские басни, взятые из Собрания г-на Крылова и переложенные французскими и итальянскими стихами разными авторами... Изданы г-ном графом Орловым» (*фр.*).

его невесты, марокканской принцессы. См. Г. Р. Д е р ж а в и н. Собр. соч., т. III. Изд. Грота, стр. 516. «Объяснения Державина к своим сочинениям», стих. «Вельможа».

[16] *ПС*, IX, 79. Петр III, дед Александра I, происходил из рода герцогов *Гольштейн-Готторпских*, владения которых были расположены в северной Германии.

[17] *ПС*, IX, 79 — с искажением последней фразы. Записи свидетельствуют о внимании Вяземского к откликам европейской печати на события, связанные с 14 декабря. Последняя фраза была не закончена и после нее половина страницы оставлена чистой.

[18] *ПС*, IX, 79, 80. Вяземский цитирует свое письмо к А. И. Тургеневу от 10 июля 1826 г. (*ОА*, III, 143, 144). Это отклик на переживания А. И. Тургенева в связи с решением его брата декабриста Н. И. Тургенева обречь себя на пожизненное пребывание за границей, не возвращаться в Россию, где он должен был предстать перед Верховным судом.

[19] *ПС*, IX, 80. От чтения статей в «Journal des Débats» («Журналь де деба») Вяземский переходит к высокой оценке роли Петра и Екатерины в истории России и отрицательной оценке других царствований. Характерно его заявление «нужен новый Петр», которое перекликается с пушкинскими «Стансами» (1826), призывавшими Николая I идти по стопам Петра.

[20] *ПС*, IX, 81. Вяземский называет Галилеем русской словесности и истории Н. М. Карамзина, умершего 22 мая 1826 г. *Галилей* умер в 1642 г., а *Ньютон* родился 25 декабря 1642 г. (4 января 1643 г.).

[21] *ПС*, IX, 81. Предположение Вяземского, что Николай уже в манифесте по поводу смертной казни в Финляндии подготавливал свою позицию по отношению к приговору Верховного суда над декабристами подтверждается рядом сведений. Еще в декабре 1825 г. Николай заявил, что «с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я будут непреклонен; я обязан дать этот урок России и Европе» (Н. Ш и л ь д е р. Николай I, т. 1, стр. 347). 6 июня 1826 г. Николай, сообщая вел. кн. Константину о начале работы Верховного уголовного суда, уже планировал предстоящую казнь: «Я предполагаю приказать произвести ее на эспланаде крепости» (Н. Ш и л ь д е р, стр. 438). Наконец, в Указе, данном 10 июля после ознакомления с приговором Верховного суда, Николай писал о пяти декабристах, поставленных «вне разрядов», что участь их предается решению суда «и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится», т. е. санкционировал смертную казнь (Н. Ш и л ь д е р, стр. 443).

[22] 13 июля 1826 г. была совершена казнь над пятью декабристами и был подписан манифест по случаю окончания дела о декабристах и приговора Верховного уголовного суда.

Записи, связанные с переживаниями Вяземского по поводу приговора над декабристами, были опубликованы в *ПС*, IX, стр. 81—86 с значительными купюрами цензурного характера.

[23] «*Светлейший*»—князь *Петр Васильевич Лопухин* (1753—1827) был при Александре I министром юстиции, потом председателем Государственного совета и комитета министров. Манифестом 1 июня 1826 г. был назначен председателем Верховного уголовного суда над декабристами.

[24] «*Тацит*». См. Н. М. Карамзин. Соч., т. I, Изд. Смирдина, 1848, стр. 178, 179.

[25] *Донесение Следственной комиссии* по делу декабристов, которым закончилась ее деятельность, было датировано 30 мая 1826 г. Оно было тогда же отпечатано и приложено к русским газетам. На него и ссылается Вяземский.

[26] Следующий далее текст, содержащий наиболее резкую критику правительства Николая I, в *ПС*, IX выпущен и публикуется здесь впервые. В этой записи Вяземский открыто и решительно выступил в защиту декабрьского восстания и высказал убеждение в неизбежности революции в будущем и свержения «мнимой России», виновной в страданиях России подлинной. Вяземский подвергает критике выражение из

манифеста Николая I, данного в день казни декабристов. Ланжерон и Комаровский были в числе «особо назначенных чиновников», которые вместе с членами Государственного совета и сенаторами входили в состав Верховного уголовного суда.

[27] *Сганарель* — персонаж в ряде комедий Мольера, по большей части ловкий плут, слуга.

[28] Приведенные Вяземским стихотворения Батюшкова относятся ко времени пребывания поэта в Италии в 1819—1820 гг. и не являются «*последними*». Более поздними являются «Изречение Мельхиседека» (1821) и некоторые другие стихотворения. Первое из приведенных стихотворений — довольно близкий перевод 178-й строфы IV песни «Странствий Чайльд Гарольда» Байрона. Было напечатано в «Северных цветах на 1828 год», стр. 23, с небольшими стилистическими вариантами по сравнению со списком в книжке Вяземского. Второе стихотворение — незаконченный перевод следующей, 179-й строфы IV песни того же произведения Байрона (*ПС*, IX, 86).

[29] Это двустишие было приведено Карамзиным в письме к И. И. Дмитриеву от 2 января 1822 г. Позднее было автором озаглавлено «Тень и предмет». См. Н. Карамзин и И. Дмитриев. Избр. стих. «Библиотека поэта», большая серия. Л., 1953, стр. 241.

[30] Доклад Верховного уголовного суда был представлен Николаю I 9 июля. В первой его части находился отчет о работах суда, затем деление «преступлений» по родам и видам и перечень наказаний, им соответствующий. Доклад требовал для 5 человек смертной казни четвертованием, для 31 —отсечением головы. К докладу была приложена «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к казням и наказаниям» (Н. Шильдер. Николай I, т. I, стр. 678—700). Вяземский цитирует текст, помещенный на стр. 684, сведения о Пущине — стр. 699, об одиннадцатом разряде — стр. 699, 700. В *ПС*, IX, 87, 88 размышления Вяземского опубликованы с большими цензурными купюрами.

[31] О *Н. И. Тургеневе*, судьба которого более всего волновала Вяземского, в докладе суда говорилось: «По показаниям 24-х соучастников, он был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; удалясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания». Вяземский сопоставил приговор Тургеневу с приговорами по 6 разряду Александру Муравьеву, о котором говорилось: «Участвовал в умысле цареубийства согласием в 1817 году изъявленным...», и Люблинскому, который «знал умысел на цареубийство». Оба указанных члена тайных обществ выбыли из них до восстания (Н. Шильдер, стр. 692 и 697).

Следующие за примечанием 12 строк (до слов «Что за верховный суд») в *ПС*, IX не печатались и публикуются впервые. Далее две страницы чистые.

[32] Вяземский называет «Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812» [1] *Филиппа-Поля Сегюра*, находившегося в свите Наполеона во время похода в Россию. Первое издание этой книги вышло в 1824 г.

Среди выписанных Вяземским сведений из «Journal des Débats» («Журналь де деба») отметим в связи с делом декабристов его интерес к мемуарам, касающимся фактов из истории Дании XVIII в. В 1770—1771 гг. министр *Струензе* выдвинул ряд смелых реформ — свободу печати, уничтожение цензуры, уравнение сословий, отмену пыток, установление границ барщины и т. п. Однако реакция, использовав придворные интриги, предъявила Струензе ряд государственных обвинений. Была образована специальная комиссия для расследования, после чего суд приговорил Струензе к казни.

Вяземский выписал далее название романа *Мервиля* (псевдоним Пьера-Франсуа Камю), вышедшего в Париже в 1826 г., и название труда *Бернара-Жермена-Этьена де ла Виль де Ласепеда*, также вышедшего в Париже в 1826 г.

---

[1] «История Наполеона и великой армии в 1812 году» (*фр.*).

Далее Вяземский выписывает названия книг *Альфонса Раббе*, касающихся России и вышедших в 1825, 1826 гг. Он называет его «*состязателем*» *Я. Н. Толстого*, жившего в это время в Париже и писавшего критические и полемические статьи против нападок на Россию французской печати.

Далее Вяземский, приводит название книги *Севеленжа*. Известна его книга, называющаяся не «M-me la Comtesse de Genlis en miniature...», а «La contemporaine en miniature...». («Современница в миниатюре...»). Книга вышла в Париже в 1828 г.

Затем Вяземский говорит о смерти *Милье* (J. B. Millié), перевод которого «*Лузиад*» Камоэнса был издан в Париже в 1825 г.

[33] Описывая в письме к жене поездку в *Вихтерпаль*, Вяземский вспоминал, что в 1825 г. он был там «с несчастным Пущиным» — декабристом, и сопоставляя его, эскадронного начальника и любимца царя, с собою, писал: «Если за кого бояться было, то скорее за меня уже, заявленного либерала и страшилища правительства, чем за него» (*ОА*, V, вып. 2, 63). «*Новое распоряжение, освободившее крестьян*», о котором упоминает Вяземский, вошло в действие с 1817 г. По просьбе дворян, которым это было выгодно, крестьянам была дана личная свобода без земли, оставшейся полностью в собственности помещиков.

[34] Вяземский называет роман *Анны Радклифф*: «The Italien or confessional of the black penitents». L., 1797. В русском переводе этот роман был издан под заглавием: «Итальянец, или Исповедная черных кающихся». М., 1802—1804. Далее он называет романы Гете и Вальтер Скотта, которые он читал во французских переводах.

[35] В описании *тифона*, сделанном в письме к жене от 3 августа, Вяземский сравнил страшные явления природы с действиями человека: «Никогда ужас природы не может равняться с ужасом рукотворенным», так как последние лишены поэзии: «... что найдешь возвышенного в палаче, хладнокровно, за деньги, по приказу, умерщвляющем своего ближнего» (*ОА*, V, вып. 2, 67).

[36] 31 июля Вяземский писал жене: «Мы вчера получили письмо от Жуковского из Эмса: теперь он должен быть в Эгре; говорит, что здоровье его поправляется и силы возвращаются» (*ОА*, V, вып. 2, 65). 11 августа Вяземский сообщал А. И. Тургеневу о посланном ответе Жуковскому. (Архив братьев Тургеневых. П., 1921 т. I, стр. 37).

[37] О *Tisher* Вяземский писал жене в 1825 г.: «Тишерт, Tisskert, верст за 12-ть, лучшее, говорят, место в окрестностях ревельских: крутая высокая скала на берегу моря» (*ОА*, V, вып. 1, 74).

[38] После этого заголовка оставлена чистая страница.

[39] Цитата из трагедии Вольтера «*Zaïre*» («Заира»; 1732). Первый стих монолога Фатимы, которым начинается трагедия.

[40] Вслед за этой записью идет следующий перечень книг о Байроне:

«Книги: «*Anecdotes* of lord Byron, from authentic sources». Foolscap, 8° with a portrait.

«*Memoires* of the life and writings of Lord Byron», by George Clihton, esq.

«*Life* and genius of Lord Byron», by Sir Cosmo Gordon.

«*Lord Byron* en Italie et en Grèce», par M. le Marquis de Salvo.

«Greek medal of Lord Byron» by Sir W. Pickering [1].

[41] Последняя запись, сделанная в Ревеле. 14 августа Вяземский почти то же писал жене отсюда: «В течение нескольких часов прочитал я на днях роман в четырех томах...» и т. д. (*ОА*, V, вып. 2, 76). После этой записи стоит дата: «Москва, 3 ноября». Вяземский выехал из Ревеля 4 сентября, остановился на несколько дней в Петербурге и прибыл в Москву около 20 сентября. Вяземский умышленно затягивал возвращение

---

[1] «Анекдоты о лорде Байроне из подлинных источников», 8° с портретом (*англ.*). «Мемуары о жизни и сочинениях лорда Байрона», соч. Джорджа Клинтона, эсквайра (*англ.*). «Жизнь и гений лорда Байрона», соч. Космо Гордона (*англ.*). «Лорд Байрон в Италии и в Греции», соч. маркиза де Сальво (*фр.*). «Греческая медаль с изображением лорда Байрона», соч. сэра В. Пикеринга (*англ*).

в Москву, чтобы не присутствовать в ней на празднествах в связи с коронацией Николая I. Он писал жене 17 июля: «Прежде полагал я приехать ранее, но мысль возвратиться в торжествующую Москву, когда кровь несчастных жертв еще дымится, когда тысячи глаз будут проливать кровавые слезы, эта мысль меня пугает и душит. Вероятно, отложу свой приезд» (*ОА*, V, вып. 2, 52).

В начале записи — впечатления от чтения романа австрийской писательницы *Каролины де Грейнер Пихлер* (1769—1843), который Вяземский читал во французском переводе Монтелье: Pichler C. Le siège de Vienne en 1683». Paris, 1824.

Далее следуют записи в связи с чтением второго тома «Мемуаров» Сегюра («Mémoires ou souveniers et anecdotes par M. le Comte de Ségur, Paris, 1827). В первой записи идет речь о первом представлении комедии Бомарше, состоявшемся в Париже 27 апреля 1784 г.

[42] Выписка из письма А. И. Тургенева, опубликованная в *ПС*, IX, 92, 93, была перепечатана в *ОА*, III, 164—165 и прокомментирована (стр. 513, 514). «*Акафист*» Иванчина-Писарева — его книга: «Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя», ч. 1, 2. М., 1827. В конце 1-й части (стр. 278—279) приведен отрывок, озаглавленный «(Из письма к другу, писанного ровно за 7 месяцев до кончины Автора)». Это—часть письма Карамзина к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 г. Отрывок заканчивается размышлениями о смерти: «Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, как сладкое успокоение в объятиях Отца...» и т. д. А. И. Тургенев упоминает о могиле брата С. И. Тургенева, умершего 2 июня 1827 г. в Париже. Под «*другим*» и «отдаленным» подразумевается Н. И. Тургенев, находившийся в Англии. *Катерина Андреевна* — Карамзина. *Графиня Генриетта Разумовская* — друг братьев Тургеневых.

[43] Немного отличающийся от записи Вяземского французский текст стих. С. И. Муравьева-Апостола был напечатан в «Собр. стихотворений декабристов». Лейпциг, 1862, стр. 5, с указанием на стр. 207, что стихотворение было написано в 1824 г. в Каменке и напечатано в «Полярной звезде» на 1859 г., стр. 73, в статье М. С. Лунина. В настоящее время обычно печатается анонимный перевод стихотворения из письма М. С. Лунина к сестре от 23 января 1840 г.

См. «Поэзия декабристов», «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1950, стр. 677; «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. М., 1951, стр. 230. Этот русский текст опубликован нами выше, на стр. 139 в подстрочном примечании.

[44] Председателем Следственной комиссии по делу декабристов был назначен вел. кн. Константин Павлович.

[45] «Стихотворения Василия Пушкина». СПб., 1829, стр. 25:

«Послание к***»:

Я истинно счастлив, имея друга в брате;
Сердцами сходствуем; он точно я другой...

[46] Дело братьев *Раевских*, Владимира и Григория Федосеевичей и *Таушева*, которые были арестованы в 1822 г. как члены тайного общества в Кишиневе и находились пять лет в заключении, пересматривалось под председательством вел. кн. Константина в 1827 г. в крепости Замостье. В. Ф. Раевский был сослан в Сибирь, а Г. Ф. Раевский, помешавшийся в заключении, был освобожден и вскоре умер (Лит. наследство, т. 60, кн. 1, стр. 47—128, «Воспоминания В. Ф. Раевского»).

После этой записи в тетради около двух страниц чистые, далее запись: «вершу, решу, пленю, казню, рушу, рожу — в доказательство правила Карамзина на решу решить в настоящем и будущем». Далее 3/4 страницы чистые и запись четырех стихов из стихотворения французского поэта *Мильвуа* «Цветок воспоминания» (Millevoye Charles. «Poésies» — «La fleur du souvenir», v. 2. Paris, 1814, p. 140).

[47] *ПС*, IX, 93, 94. Выписки Вяземского связаны с преследованием журнала «*L'Avenir*» («Будущее»), который издавал *Ламеннэ* в 1830—1832 гг. вместе с *Лакордером*,

Монталамбером и др. Журнал стал проводником так называемого «католического социализма» в его ранней стадии, стремившегося соединить некоторые стороны утопического социализма с учением Христа. Журнал требовал отделения церкви от государства, свободы печати, преподавания, союзов, установления всеобщего голосования и т.д. Он встретил резко отрицательное отношение как со стороны светских, так и со стороны церковных властей и был закрыт по требованию папы.

[48] *ПС*, IX, 94, 95. Этим записям предшествуют 6 чистых листов.

КНИЖКА ШЕСТАЯ
(1828—1829)

[1] Размер 17 × 12 сантиметров. В красном кожаном переплете с золотым обрезом и цветной бумагой. Исписанных листов 36. Шифр: ф. 195, оп. 1 № 1112. В ПС это — книжка 7-ая.

На обороте первого листа рукою П. А. Вяземского адреса:

«Малая Морская, в доме Фроста, № 120, Северин.

В доме департамента уделов в жительстве графа Нессельроде».

Далее: «Portrait d'Eucharis». Elégie de Bertin [1] 62 стиха — рукою В. Ф. Вяземской.

Записи П. А. Вяземского:

«Четалгайские оды» Державина. Tirliberly, conte de Piron. Ie y donne en passant un coup de patte à Maupertin. Les deux tonneaux. Poème allégorique par Piron [2].

Стихотворение «Le roi, le paysan et l'hermite» [3] 33 стиха—рукою В.Ф. Вяземской

L a h a r p e. Stances à Madame de C*** [4] 32 стиха — рукою В. Ф. Вяземской

«Ея Высокоблагор[одию] Прасковье Александровне Осиповой. В Опочке, для доставления в село Троегорское». Рукою П. А. Вяземского.

[2] Перечень рукою П. А. Вяземского с приписками В. Ф. Вяземской. Произведения Вяземского, вошедшие в перечень, относятся к начальному периоду его литературной деятельности до отъезда в Варшаву (1810—1817). За небольшим исключением, они собраны и напечатаны в III томе *ПС* Вяземского. В *ПС* некоторые из них снабжены более поздними датами, но это даты не написания, а первой публикации, или рукописной копии, из которой брался публикуемый текст. По всей вероятности, этот перечень являлся подготовительной работой для издания своих сочинений, которое задумал Вяземский. Далее имеется его запись: «Плетневу о собрании моих сочинений». Этот замысел Вяземского не был осуществлен, хотя об издании сочинений он уже задумывался в Варшаве. 1-го августа 1819 г. он писал А. И. Тургеневу: «Между тем я и свое белье пересматриваю: штопаю, мою и готовлю в рынок. Если я здесь не приготовлюсь к печати, то никогда мне живому в печать не попасть» (*ОА*, I, 277).

[3] Далее рукою П. А. Вяземского как результат чтения мелкие выписки на французском языке, по преимуществу стихотворные, с указанием и без указания авторов. Приводим лишь перечень названных Вяземским авторов: Вольтер, Шамфор, Лебрен, Грекур, Арно, Дидро, Шатобриан, Биньон, Беньер, Леблан, выписка о Кребильоне-сыне и Расине-сыне. Некоторые французские выписки с русским переводом. Записи цитат и изречений на латинском языке. Выписки «О Катулле» и об античной литературе. Выписки из книги P o u q u e v i l l e. Histoire de la régénération de la Grèce, comprenant le précis des événement depuis 1740 jusqu'au 1824 [5], t. 1—4. Paris, 1824.

---

[1] «Портрет Эвхариста». Элегия Бертена.

[2] «Тирлиберли», Сказка Пирона. Мимоходом он задевает в ней Мопертена. «Две бочки» — аллегорическая поэма соч. Пирона.

[3] «Король, крестьянин и отшельник».

[4] Л а г а р п. Стансы г-же де С.

[5] П у к е в и л ь. История возрождения Греции, содержащая описание событий с 1740 по 1824 год.

Выписки отдельных стихов из Хераскова. Выписки лингвистического характера о финском, латышском и эстонском языках. Цитаты на русском языке под общим заглавием «Красоты Хвостова». Рукою В. Ф. Вяземской произведения Жуковского 1813 г.: «Узник мотыльку, влетевшему в его темницу. Подражание Мейстеру» и «Адельстан. Баллада. Перевод с английского» (см. В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. в 12 частях под ред. Архангельского, ч. II, 1902, стр. 21—24). Первое имеет подзаголовок: «Из Местра», второе—«(из Саути)».

Среди указанных выписок три записи Вяземского, которые публикуются в тексте. Первая и третья были опубликованы в *ПС*, IX, 116.

[4] *Андреевский кавалер* — кавалер ордена св. Андрея Первозванного, высшего ордена в Российской империи.

[5] Судьба Польши была темой многих раздумий Вяземского как в то время, когда он жил в Варшаве, так и после выезда из нее. См., например, выше в тексте второй книжки запись от 4 августа 1899 г., стр. 45. Польское войско было предметом тщеславной гордости вел. кн. Константина Павловича, но содержание войска давно лежало тяжелым бременем на финансах страны. 31 августа 1818 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Варшавы: «У нас вчера был парад: вся армия Польского царства была под ружьем или на коне... Великий князь был весел, как сокол, и во время парада... сказал: „Voilà de quoi me justifier aux yeux du ministre des finances! Il ne pourra pas dire, que je fais un mauvais usage de son argent. Voilà mon budjet“[1], показывая на проходящие войска, действительно, может быть, единственные в Европе» (*ОА*, I, стр. 118). Во время восстания 1830—1831 гг. Константин был принужден спасаться бегством от преследования польских войск.

[6] Летом 1828 г. Вяземский выехал в с. *Мещерское* Саратовской губ., где имел возможность сосредоточиться на литературных занятиях. Конец 1828 г. и самое начало 1829 г. он провел в Москве, после чего вновь поехал в Мещерское (см. прим. к книге седьмой). Упоминание о «*переводах сонетов*», вероятно, связано с переводом сонетов Мицкевича, опубликованном Вяземским в «Московском телеграфе», 1827, № 7, стр. 191—222. Перевод романа Б. Констана «Адольф» Вяземский посвятил Пушкину и опубликовал в 1831 г. О «бумагах Чернышева» см. в статье (стр. 365) «Путешествие Толстого, рукопись» — дневник заграничного путешествия гр. П. А. Толстого в 1697—1699 гг., напечатанный в «Русском архиве» в 1888 г. Упоминание «*О театре Княжнина*» и далее о чтении Сумарокова связано с работой Вяземского над книгой о Фонвизине. Он предполагал осуществить особые работы, посвященные Сумарокову и Княжнину. В VII главе «Фонвизина», разбирая комедии Сумарокова, Екатерины, Веревкина, Лукина, Вяземский писал: «О Княжнине здесь не упоминается, ибо он достоин отдельного разбора» (стр. 201). Вяземский, очевидно, предполагал издать избранные пьесы Сумарокова, так как в той же главе книги о Фонвизине писал: «...Жаль, что старый театр наш в подобном забвении»,— и предлагал, избрав три-четыре тома из его «многотомного собрания», издать их с историческими комментариями (стр. 202). Стихотворение «Sta viator» — «Станция», напечатанное в 1829 г. в альманахе «Подснежник» с подзаголовком «Глава из путешествия в стихах». Это стихотворное произведение должно было начинаться «Коляской» («Московский телеграф», ч. XI, 1826, стр. 146—153); «Облака», «Ярмарка» и «Встреча колясок», вероятно, должны были служить продолжением этого замысла. Сохранившийся в рукописи отрывок «Встречи колясок» опубликован в Избр. стих., стр. 497. «La contemporaine» — вероятно, «Мемуары современницы или воспоминания одной женщины о важнейших лицах республики» («Mémoires d'une contemporaine, ou souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la république», т. 1—5. Bruxelles, 1827—1828). Далее названы: «Канонгетские хроники» В. Скотта, «Красный корсар» Ф. Купера и «Обрученные» А. Манцони. Вяземский читал эти произведения во

---

[1] Вот чем я могу оправдать себя в глазах министра финансов! Он не сможет сказать, что я злоупотреблю его деньгами. Вот мой бюджет (*фр.*).

французских переводах и о всех оставил отзывы во второй записной книжке (см. стр. 75—76, 80, 80—83).

[7] Стихотворение Баратынского «Смерть (Подражание А. Шенье)», 1828, было опубликовано в «Северных цветах на 1829 год», стр. 46. Далее Вяземский упоминает свое стихотворение «К ним» (*«За что служу я вашей злобе целью»*). В исправленной редакции было напечатано в «Литературной газете», 1830, № 5, стр. 36. Письмо Вяземского к А. И. Тургеневу со стихами Баратынского и его собственными сохранилось в архиве Вяземского. См. Избр. стих., стр. 204 и 502—503, где приведен ранний текст стихотворения «К ним». Упоминание о нем в шестой записной книжке позволяет датировать первую редакцию стихотворения началом 1829 г.

Далее — рукой П. А. Вяземского записи его писем за март — июнь 1829 г.:

«10 марта. К Полевому Козлов. Сонет. В Кострому Рамен. В Нижний Новг[ород] к Бестужеву Андрею Василь[евичу] с ящиком семян княж. Анне Афанасьевне Грузинской. 14-го с кн. Федором к Демиду (о садовнике), к Волкову, Ланскому с H. Wilson, [Вильсоном], Булгакову Алекс[андру], В. Л. Пушкину.

24 [марта] в Кострому о сурепице и посадке.— Карамзиным с письмом к Белизару.

30 [марта]. Голицыной — Огаревой в Саратов. Баратынскому. Демиду.

7-го апреля. Дмитриеву — Тимирязеву, Мещерским, Демиду.

14 [апреля]. Олину с стих. Баратынск. с стихами и с письмом; к Демиду, Карамзиной с письмом; к Мицкевичу — Неелову — Бестужеву о дерев. Пушкина — Васильевой — Кривцовым — Жихареву.

Адрес M-me Dandilly [Г-жи Дандильи] в Малой Морской в доме Арендта № 107.

„Le Catholique" [„Католик"] должен быть у Полевого — Оды Гюго: я писал о них Пушкину. „Les contes d'Irving" [«Сказки Ирвинга»], 4 тома.

28-го [апреля]. Письма в Кострому — Демиду с письмом Баратынскому и Филимонову.

5 майя. Василью Львовичу с „Станциею". Кн. Василью в Дрезден.

18-го [мая] к кн. Голицыну Д. В. — Габбе — 2 июня к Демиду, к Бартеневу, Пушкину — Сонцову в Кострому.

9-го июня. Клюпфель Ревель — Полуектовой. Ланскому — Васильевой».

Упоминаемые в перечне посланных писем *кн. Федор* и *кн. Василий* — Ф. Ф. и В. Ф. Гагарины, братья кн. В. Ф. Вяземской; *Василий Львович* — В. Л. Пушкин, *Демид* — управляющий Вяземского; *письма в Кострому* — в с. Красное, имение Вяземских в Костромской губ. Письмо Вяземского к Пушкину (вероятно, Александру Сергеевичу) об одах Гюго неизвестно.

«Les contes d'Irving», вероятно, Washington Irving. Les contes de l'Alhambra précédés d'un voyage dans la province de Grenade [1]

[8] Письмо Вяземского Александру Гумбольдту списано рукою В. Ф. Вяземской. Приглашенный Николаем I для изучения Урала и Сибири, А. Гумбольдт был в Москве в 1829 г. дважды, в конце мая и в начале ноября. Посылая Гумбольдту еще не имеющий никаких записей альбом, Вяземский цитировал высказывания Гумбольдта о степях, взятые из его сочинений: «Ueber die Steppen und Wüsten» [2] (1808). На первых же страницах его мы читаем сопоставление степей с океаном: «...glaubt man den küstenlosen Ocean vor sich zu sehen. Wie dieser, erfüllt die Steppe das Gemüth mit dem Gefühl der Unendliehkeit...» [3] и т. д.

---

[1] Вашингтон Ирвинг. Сказки Альгамбры, предшествуемые описанием путешествия в провинцию Гренады (*фр.*).

[2] «Через степи и пустыни» (*нем.*).

[3] ... кажется, что видишь перед собой безбрежный океан. Как и последний, степь наполняет душу чувством бесконечного... (*нем*).

КНИЖКА СЕДЬМАЯ
(1828—1833)

¹ Книжка размером 25 × 20 сантиметра, в картонном переплете с красным кожаным корешком и углами. Исписанных листов 50. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1110. На первой странице книжки поздние записи неустановленными лицами: «Вяземский кн. П. А. Записная книжка 1828—1830 г. Бенкендорф. Голицын, кн. Д. Вл. Константин Павлович, вел. кн., Жуковский. Бибиков Д. Г. Выставка в Москве 1830. Собрание писем, относящихся до времени и причины поступления на службу в 1830 году. Сравнить в собр. автографов под теми же именами; письма к кн. В. Ф. за те годы; особенно важные письма кн. П. А. В[яземског]о В. А. Жуковскому, возвращенные В-м В-м Жуковским [1] в особом пакете в 1872 году». Далее, после девяти чистых листов, копии рукою В. Ф. Вяземской официальной переписки Вяземского и переписки третьих лиц (всего восемь писем, относящихся к 1828 г., в связи с желанием Вяземского реабилитировать себя в глазах Николая I и поступить на службу). Копии писем публикуются в Дополнениях (см. стр. 307—327 и стр. 454—456). Содержание писем и объяснения к ним служат вводным комментарием к публикуемой в основном тексте «Записке о князе Вяземском, им самим составленной». В *ПС* это—книжка 6-ая.

² *ПС*, II 85—111. Этот важнейший автобиографический документ писался Вяземским в течение декабря 1828 г. — января 1829 г. 30 ноября 1828 г. он сообщал Жуковскому, что ему «не хочется писать ни к самому, ни к другому, (т. е. Николаю и Бенкендорфу.— *В. Н.*). Приведу, однако же, свои мысли кое-как в порядок и на днях, может быть, доставлю тебе оба письма и при них род mémoire consultatif [2] о себе, потому, что в письме нельзя разболтаться. Письмо, текст, пишется с тем, чтобы его читали: прибавления читает кто хочет... Буду придумывать письма и свой mémoire, а если можно, да мимо идет чаша сия!...» В декабре Вяземский сообщал: «Моя египетская работа подходит к концу. Дописываю свою исповедь...» (*РА*, 1900, I, 204, 205). 10 января 1829 г. Вяземский вновь писал Жуковскому: «Я дописываю свою Исповедь. Надеюсь дóставить ее тебе дней через пять или шесть» (*ПС*, II, 85).

«Исповедь» переписана в записной книжке рукою В. Ф. Вяземской. В тексте списка много исправлений рукой Вяземского. Это по преимуществу исправление орфографии и стиля, но есть и несколько существенных исправлений и вставок, которые мы оговариваем в подстрочных примечаниях.

Все эти исправления, судя по почерку и чернилам, относятся к поздним годам его жизни. В опубликованный текст не вошли исправления Вяземского, да и от текста, переписанного В. Ф. Вяземской, он несколько отличается. Текст, списанный в книжке, менее официален: в нем вместо: «Государь император» — «государь», иногда «он» «с ним» и т. п.; вместо: «его высочество великий князь»— «в. кн.»; вместо: «от высочайшего имени» — «от имени государя» и т. п. В записанном тексте архаизмов, высокого стиля менее, чем в опубликованном, например, вместо: «зерцало»— «зеркало», вместо: «в коих было» — «где было» и т. п. Надо еще отметить, что в печатном тексте «Исповеди» есть ряд обессмысливающих его опечаток, например, вместо: «лестные успехи»— «льстивые», вместо: «произносимые в Палате мнения французских депутатов» — «в Польше»; вместо: «упомянутое неудобство» — «поминутное», «с благодарным уважением» — «с благородным»; вместо: «новому политическому шизму» (т. е. schisme — верование) — бессмысленное «политическому изму» и т. д. Вяземский сопроводил текст «Исповеди» позднейшими комментариями, написанными им на полях записной книжки. В *ПС* они отделены от ее текста и напечатаны в т. IX, стр. 106—108. Мы печатаем их при тексте в подстрочных примечаниях. Комментариями к описываемым в «Исповеди»

---

[1] Так в подлиннике. Вероятно, надо П. В. Жуковским, сыном поэта.

[2] Совещательной записки. (*фр.*).

событиям жизни Вяземского может также служить его «Автобиографическое введение», напечатанное в *ПС*, II, стр. VII—XVIII.

[3] Это примечание Вяземского в *ПС*, IX не опубликовано.

Упоминание в дальнейшем тексте «Исповеди» (стр. 150) о «поляках в Кремле или русских в Праге» надо понимать как воспоминание о занятии поляками Москвы в начале XVII в. и о взятии русскими войсками под командой Суворова в 1794 г. Праги — предместья Варшавы.

Тропавский конгресс (стр. 150) — конгресс монархов России, Пруссии и Австрии («Священный союз»), состоявшийся в конце 1820 г. в Троппау в связи с революционным движением в Италии и Испании.

[4] Напечатано было ошибочно: «в Польше» и далее пропущено «теми из членов».

[5] В печатном тексте вместо: «в разногласии с видами его» — «в противоречии с ним», вместо: «въезд в Варшаву» — «возвращаться в Варшаву».

[6] В печатном тексте слов: «чтоб я переменил службу и местопребывание» — нет.

[7] Стихотворение датируется 1811 г. См. Избр. стих., стр. 393—394 и 526—527.

[8] Фраза в печатном тексте отсутствует.

[9] Здесь и далее ряд перестановок в тексте по сравнению с текстом, опубликованным в *ПС*, II, 98—99.

[10] В опубликованном тексте: «облегчения» — вероятно, опечатка.

[11] В предшествующих строках в опубликованном тексте: вместо: «императора» — «правительства»; вместо: «предосудительности» — «порочности»; вместо: «прошу объяснений» — «прошу обвинений»; вместо: «мое оправдание»— «мое сознание и мое оправдание».

[12] В печатном тексте: «Не заключить ли о них о добросовестности моей, о доверенности, которую заслуживает мой характер?».

[13] В печатном тексте: «русского народа».

[14] В печатном тексте после «отзыва» — «хотя и с отказом на просьбу мою».

[15] «Исповедь» Вяземского вместе с его письмом к царю, датированным «Москва, 9 февраля 1829 года», были отправлены в феврале Жуковскому в Петербург и последним переданы через Бенкендорфа Николаю. В довольно кратком письме к царю Вяземский говорит вновь о том, что он «оклеветан», что он «взывает к правосудию» и «умолял» обратить внимание на его «записку», т. е. «Исповедь» (письмо опубликовано в «Русском архиве», 1890, II, 279). Отправив Жуковскому материал, Вяземский тотчас выехал из Москвы к семье в с. Мещерское Саратовской губ. Из его позднейшего примечания видно, какова была судьба его ходатайств. От него потребовали документа иного рода — просьбы о прощении у вел. кн. Константина. Лишь после обращения последнего к Николаю и нового, гораздо более смиренного и униженного письма Вяземского к царю он был в 1830 г. принят на государственную службу (см. об этом в прим. 5 к восьмой записной книжке).

После текста «Исповеди» Вяземского в книжке находятся копии его двух писем к кн. Д. В. Голицыну, оба от 18 апреля 1829 г., далее копия письма Вяземского к Д. Г. Бибикову от 2 сентября 1830 г. и копия его же письма к А. Я. Булгакову от 5 декабря 1830 (см. Дополнения, стр. 318—329 и прим. к ним, стр. 454—457).

КНИЖКА ВОСЬМАЯ

(1829—1837)

[1] Размер 20 × 17 сантиметров, в картонном коричневато-сером переплете с красными кожаными корешком и углами. Исписанных листов 43. Шифр: ф. 195. оп. 1, № 1111. На первой странице дата: «Мещерское, 18 апреля 1829 г.» Далее следующие записи — рукою П. А. Вяземского (кроме одной), занимающие 11 страниц:

«Молодой ирландец». Небольшие выписки на русском языке из романа Чарльза Роберта Метьюрина «The Wild Irish Boy» [1], 1808.

Отрывки из рецензии, помещенной в журнале «Le Globe» на роман «Granby» («Гренби»), сочинение лорда Рибблъсдэль. Отрывки переведены на русский язык. Об этом романе см. в тексте стр. 196.

Цитаты на французском языке из статьи в журнале «Le Globe». «Le dernier jour de Pompei, suivi de poésies diverses» (O M-me de Sevigné и Delphine Gay) [2].

Запись: «Пчела изумительна в своем улье: вне улья она не что иное, как муха».

«Гамлет» Шекспира. Отрывки на английском языке.

«Сон в летнюю ночь» Шекспира. Отрывки в переводе на русский язык с французского перевода («Le songe d'été»).

Объяснение некоторых испанских и итальянских фраз.

«Макбет» и «Отелло» Шекспира. Краткие цитаты на английском языке.

«На прощанье К. В.». Подпись — *Б. Р.* «Мещерское 20 сентября 1829». Рукой неустановленного лица.

«Aloys, ou le Religieux du mont S. Bernard» [3]. Выписки из «Journal des Débats» («Журналь де деба») Bignon «Discours à la chambre»[4]. Выписки на французском языке. Далее в тексте «Дело о зарезавшихся...».

[2] Будучи осенью 1829 г. в Саратове, Вяземский заинтересовался судебным делом сектантов, читал относящиеся к нему материалы и посетил острог, в котором находился приговоренный по этому делу Юшков. Вяземский внес в записную книжку обширные выписки из дела — показания обвиняемых и свидетелей и описание результатов следствия. Печатаем лишь начало (изложение дела Вяземским), а далее, опуская выписки из судебных бумаг, даем заключение Вяземского и его впечатление от посещения Юшкова. Дело сектантов с. Копены было предметом изучения специалистов по сектантству (см. А. С. Пругавин. Самоистребление (Проявление аскетизма и фанатизма в расколе). Очерки, аналогии и параллели. «Русская мысль», 1885, февраль, стр. 136—143. У Пругавина фамилия осужденного Юшкин.

[3] Далее краткая запись о рецензии на книгу Сегюра, помещенной в «Revue Française» № IX, 1829, май, стр. 1—32: «Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, par M. le général comte de Ségur [5]. «О Карамзине — сомнение о Новгороде — о Иоанне третьем». Отмеченные Вяземским места находятся на стр. 7—9 (критика истории Карамзина), стр. 11—14 (судьба Новгорода), стр. 17 (похвала изображению Иоанна III Сегюром).

Далее выписка из того же номера «Revue Française» из статьи «De la littérature islandaise» [6], в которой разбираются два сочинения по истории и эпосу Исландии. Выписано примечание на стр. 211, 212, которое Вяземский назвал» «Vocabulaire poétique des scaldes Islandais» [7] и где дан перечень образного наименования неба, земли, ночи, битвы и т. д. Далее в тексте выписки из статьи, помещенной в том же номере журнала.

[4] Выписка из «Revue Française», 1829, май, где на стр. 244—268 помещена указанная Вяземским статья. Выписка о Меттернихе взята со стр. 258, о политике Николая I — со стр. 265. Слова о Сперанском, помещенные Вяземским в скобки, в тексте статьи

---

[1] «Дикий ирландский мальчик» (*англ.*).

[2] «Глоб». «Последний день Помпеи и различные стихотворения» (О г-же де Севинье и о Дельфине Ге) (*фр.*)

[3] «Алоиз, или Монах с горы Сен-Бернар» (*фр.*).

[4] Биньон. Речи в Палате (*фр.*).

[5] «История России и Петра Великого», соч. генерала графа де Сегюра (*фр.*).

[6] «Об исландской литературе» (*фр.*).

[7] «Поэтический словарь исландских скальдов» (*фр.*).

отсутствуют и являются, очевидно, оценкой Вяземского. После слов «ni de lumière» [1] пропущено пять строк. После выписок из «Revue Française» запись: «Esquisses de la souffrance morale, par Edmond Alletz»[2]. Далее выписки из сочинения Александра Гумбольдта «Ueber die Steppen und Wüsten» [3] (1808) на французском языке, из которых одну он использовал в письме к А. Гумбольдту (см. шестая книжка, стр. 145 и прим. 8).

Далее небольшие цитаты из «Comédie sur les mœurs» [4] Дюклера и «Êpître à M. St. Beuve. Une conversation» [5] Ламартина.

Далее цитаты из «Эрнани» В. Гюго: слова доньи Соль, обращенные к Эрнани: «Êtes vous mon démon, ou mon ange?» [6] и т. д. 11 строк (действие 1-е, явление 2-е); конец обращения Эрнани к донье Соль: «Oh! je voudrais savoir, ange au ciel réservé» [7] 2 строки (действие 3-е, явление 4-е).

[5] В седьмой записной книжке помещены документы, связанные с попытками, сделанными Вяземским в 1828 и 1829 гг., вернуться на службу и этим положить конец ложным доносам и преследованиям, которым он подвергался. Однако его «Исповедь» и письмо к Николаю I остались в 1829 г. без ответа. В начале 1830 г. Вяземский решил ехать в Петербург, чтобы найти возможность получить аудиенцию у царя и возобновить свои попытки вернуться на службу. 1 марта 1830 г. он один, без семьи, приехал в Петербург. Полученные им сведения от кн. А. Ф. Голицына, служившего в Варшаве при вел. кн. Константине, сделали для него ясной необходимость прежде всего вернуть расположение Константина и для этого написать ему «покаянное» письмо. В чем он должен был «каяться» перед великим князем, сердившимся на него с 1821 г., было для Вяземского не совсем понятно, но он с одобрения друзей, Дашкова и Жуковского, в конце марта составил и послал к Константину письмо, о котором сообщал жене: «Я нарочно ничего ясного не сказал, потому что ничего нет ясного ни в ссоре, ни в примирении нашем» («Звенья», № 6, 1936, стр. 222, 223). Дашков и Жуковский, говорившие в это время с Николаем о Вяземском, убедились в сильном предубеждении царя против Вяземского. Тогда Вяземский написал письмо Николаю, которое отправил по почте. В нем выразил «раскаяние» в том, что навлек гнев царя в прошлом, но вместе с тем и оправдывался в незаслуженных оскорблениях. Николаю письмо понравилось, так же как и сообщенное ему в копии письмо Вяземского к Константину. Николай выразил согласие принять Вяземского на службу, однако не согласился определить его по министерству юстиции, как о том просили Вяземский и Дашков. 18 апреля Вяземский был зачислен чиновником по особым поручениям при министре финансов Канкрине (см. письма Вяземского к жене за первую половину апреля 1830 г.—«Звенья», № 6, стр. 229—238). Вяземский начал вести дневник с 25 мая 1830 г. и продолжал его в 1831 г. Дневник напечатан в *ПС*, IX, 117—160 с пропусками цензурного характера, без записей о посланных письмах и прочитанных книгах, а также с изъятием тех мест дневника, которые были опубликованы Вяземским в конце жизни и вошли в *ПС*, VIII.

[6] *Молчанов Петр Степанович*, управлявший при Александре I делами Комитета министров (в 1830 г. в отставке), был слеп, но привлекал к себе Вяземского интересными рассказами о прошлом. Некоторые из них Вяземский включил в публикацию своей «Старой записной книжки» (см. далее прим. 12, 26).

Цесаревич — вел. кн. Константин Павлович. Вяземский получил ответ на второе письмо к нему (см. «Звенья», № 6, стр. 257).

---

[1] Ни просвещения (*фр.*).
[2] «Зарисовки нравственного страдания» соч. Эдмонда Аллетц (*фр.*).
[3] «Через степи и пустыни» (*нем.*).
[4] «Комедия нравов» (*фр.*).
[5] «Послание к г-ну Сент-Беву. Беседа» (*фр.*).
[6] «Вы мой демон или мой ангел?» (*фр.*).
[7] «О, я хотел бы знать, ангел, предназначенный для неба» (*фр.*).

Булгаков Константин Яковлевич — петербургский почт-директор.

[7] Об обеде в день рождения А. С. Пушкина у его отца см. письмо Вяземского к жене от 26 мая («Звенья», № 6, стр. 258—259).

[8] Стих. «Графине Лудольф пред ее отъездом» было напечатано в «Литературной газете», 1830, № 34, стр. 272 (*ПС*, IV, 78). Вяземский давал переписчику законченный им перевод «Адольфа» Б. Констана (см. *ОА*, III, 196, письмо от 25 апреля 1830). О знакомстве и переписке Вяземского с редактором журнала «Revue Encyclopédique» Марк-Антуаном Жюльен де Пари см. «Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 309—311.

[9] Именем *Donna Sol* — героини драмы Гюго «Эрнани», юной невесты престарелого герцога — Вяземский называл фрейлину А. О. Россет (в замужестве Смирнову). Прозвище, вероятно, связано с предполагавшимся в это время, но несостоявшимся браком Россет с богатым и близким Николаю кн. С. М. Голицыным, бывшим на 35 лет старше нее (см. *РА*, 1900, кн. I, стр. 357, прим. 2). В Царском Селе, в китайских домиках, до 1826 г. в летнее время жила близкая Вяземскому семья Карамзиных.

[10] См. письма Вяземского к жене от 6 и 7 июня 1830 г. («Звенья», № 6, стр. 266—269). В письмах к В. Ф. Вяземской за 1830 г. находится много сведений, частично повторяющих, частично дополняющих дневник Вяземского.

[11] Речь идет о «Введении» к биографии Фонвизина, которое Вяземский послал А. И. Тургеневу для публикации в Париже. Тургенев предполагал поместить его в «Revue Française», изд. Гизо (*ОА*, III, 195, 196, 203).

[12] Рассказы П. С. Молчанова о *Мещерском* были опубликованы Вяземским в сб. «Девятнадцатый век», ч. II, 1872, стр. 288—289 (*ПС*, VIII, 88, 89).

[13] «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника». Спб., 1830. На нее появилась неодобрительная рецензия в «Литературной газете», № 35, 20 июня, без подписи, с пометой «(сообщено)».

Панкратий Сумароков — в 1786 г. в результате легкомысленного юношеского поступка сослан в Сибирь, где оставался до 1801 г. В Сибири им была написана поэма «Амур, лишенный зрения».

[14] В 1830 г. *Томас Мур* напечатал в Лондоне «Letters and journals of lord Byron, with notices of his life»[1]. Вяземский читал книгу во французском переводе Л. Беллок, изданном в 1830 г. в Париже: «Mémoires de lord Byron, publiés par Thomas Moore»[2].

[15] Вяземский привел ряд выписок из статьи «Zur Geschichte der Verschwörung gegen Paul I und der Thronbesteigung Alexander I»[3], помещенной в издании Цшокке: «Ueberlieferungen zur Geschichte unseres Zeit»[4], Aarau, 1819—1823, стр. 340—352. Публикатор в предисловии сообщает, что дает перевод с французской рукописи, и далее снабжает текст подстрочными примечаниями. Вяземский вначале цитирует слова Павла, приведенные в тексте по-немецки и по-французски на стр. 349. Далее Вяземский списывает стихотворение, которое помещено в примечании на той же странице с таким объяснением: «Bei der Nachricht von dieses Kaisers Tode erschien ein epigramm in französischer Sprache, welches ihn sehr treffend schildert»[5]. Это стихотворение Вяземский опубликовал в *РА*, 1875, кн. I, 207, предпослав его тексту следующие слова: «В старой тетради, сборнике русского хроникера, отыскалась следующая нагроб-

---

[1] «Письма и дневники лорда Байрона, с примечаниями о его жизни» (*англ.*).

[2] «Мемуары лорда Байрона, изданные Томасом Муром» (*фр.*).

[3] «К истории заговора против Павла I и восшествия на престол Александра I» (*нем.*).

[4] «Обозрение материалов к истории нашего времени» (*нем.*).

[5] При известии о смерти этого царя на французском языке появилась эпиграмма, которая его очень верно изображает (*нем.*).

ная надпись» (далее текст и перевод). К публикации Бартенев сделал примечание: «О том же лице случилось нам слышать такое двустишие графа Ростопчина:

Dieu tout puissant, Arbitre de son sort,
Pardonne lui sa vie en faveur de sa mort.

(Боже всемогущий, Судия его участи, прости ему его жизнь, ради его смерти). П[етр] Б[артенев]. Ни Вяземский, ни Бартенев имени Павла не назвали. Первая строка стихотворения в публикации *РА* читается: «On le connut fort peu...».

Строки со словами Александра к Палену взяты со стр. 349, перечень имен «*Яшвиль, Гарданов*» и т. д. — со стр. 348, причем в немецком тексте фамилии искажены, Вяземским исправлены. Последняя строка о пощечине, данной женою Павла, Марией Федоровной, Полторацкому, не пропустившему ее в комнаты Павла,— см. стр. 360. Вяземский указал на наличие аналогичной статьи в «Revue Britannique» («Ревю британник»), 1826, февраль, стр. 239—249. Статья называется «Récit de la mort de l'empereur Paul I-er» [1] и взята из «Literary Gazette» [«Литерари газет»]. Приведенные слова Александра — на стр. 246. Выписки из статей о смерти Павла в *ПС*, IX не публиковались.

[16] Вяземский в 1830 г. энергично сотрудничал в «Литературной газете», изд. Дельвигом. Указанная статья напечатана в № 35 от 20 июня («Литературная газета», т. I, стр. 281—282).— Далее речь идет о переводе «Адольфа» Б. Констана, изд. Вяземским в 1831 г. с большим предисловием.

[17] Выписка из статьи об убийстве Павла (см. выше прим. 15) — со стр. 345. В статье искажены русские фамилии. Вяземским они исправлены. В статье нет курсива. Выписки в *ПС*, IX не публиковались.

[18] *Американец* — гр. Ф. И. Толстой, давний приятель Вяземского, который еще в 1818 г. написал обращенное к нему послание (Избр. стих., стр. 141—143). *Эрминия* — Е. М. Хитрово. *Сергей Львович* — Пушкин.

[19] *Поль Луи Курье*, которому здесь и далее Вяземский посвятил восторженные отзывы и с дарованием которого готов был сопоставить свое дарование. В своих памфлетах Курье — непримиримый враг дворянской и клерикальной реакции.

[20] В 1818 г. *Жуковский* издал в ограниченном количестве экземпляров небольшой сборник стихотворений «*Для немногих*», который в продажу не поступал и был в основном предназначен для его ученицы вел. кн. Александры Федоровны. Вяземский часто откровенно высказывал возмущение в письмах по поводу вредного влияния придворной среды на творчество Жуковского.

[21] *Пушкин* — Сергей Львович, отец поэта.

[22] *О. П. Козодавлев* — министр внутренних дел с 1811 г., издатель «Северной почты». Пропагандируя развитие в сельском хозяйстве кунжута, Козодавлев наполнял «Северную почту» статьями о пользе кунжута и широком применении кунжутного масла. Козодавлев был предметом насмешек Вяземского и его друзей. Козодавлев умер 24 июля 1819 г. В письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 1 августа 1819 г. читаем: «Я спрашиваю у Булгакова, правда ли, что Козодавлева уже соборовали кунжутным маслом?» (*ОА*, I, 279).

[23] В «Литературной газете», 1830, № 36, 25 июня (т. I, стр. 292—293) напечатана без подписи рецензия на стихотворную повесть К. Масальского «*Терпи казак — атаманом будешь*». Автор рецензии высмеивает претензии Масальского подражать «Евгению Онегину» и сближает его повесть с «Иваном Выжигиным» Булгарина.

[24] Дело пензенского губернатора *Лубяновского*, которого Вяземский знал лично, а также управляющего имениями Разумовских *Таубе* было сатирически изображено в статье «Доказательство правоты. Эскиз для публичной выставки». Она была помещена в «Новом живописце общества и литературы», служившем прибавлением к «Московскому телеграфу» за май 1830 г. См. также: В. С. Нечаева. Белинский. 1811—

[1] «Рассказ о смерти императора Павла I» (*фр.*).

1830. М., 1949, стр. 126—127. *Журнал Новикова* — «Живописец»; *предполагаемый журнал Фонвизина* — «Друг честных людей, или Стародум».

[25] *Е. М. Хитрово* — дочь М. И. Кутузова. *Письма отца*—письма М. И. Кутузова.

[26] Рассказ П. С. Молчанова (о нем см. прим. 6) об Александре I и Кутузове был напечатан Вяземским в *РА*, 1873, I, 1026, 1027 (*ПС*, VIII, 120) с некоторым смягчением отзывов Александра о Кутузове.

[27] Рассказ о *Бернадотте* был опубликован Вяземским в *РА*, 1875, I (*ПС*, VIII, 269, 270) с припиской, сделанной Вяземским в 1850-х годах. В ней он резко осуждает историю Франции в XIX в. и особенно избрание императора Луи-Наполеона.

[28] «*Юрий Милославский*» — роман Загоскина; «*Монастырка*» — роман Антония Погорельского (А. А. Перовского); «*Денница*» — альманах, изд. Максимовичем; «*Северные цветы на 1830 год*» — альманах, изд. Дельвигом.

[29] «*Австрией*» — здесь и далее Вяземский называл дом австрийского посланника Фикельмона, женатого на Д. Ф. Тизенгаузен, дочери Е. М. Хитрово от первого брака. «*Маленькой Австрией*» — Вяземский называл дочь Фикельмонов. В письме к жене от 13 июня Вяземский сообщал: «На днях отхватил №№ двадцать „La gazette de Tribunaux"[1], в ней дается подробный отчет о всех тяжбах, о всех уголовных делах во Франции. Это имеет занимательность драмы. Все в лицах и разговорах» («Звенья», № 6 стр. 273).

[30] Переживания Вяземского в связи с революцией в Неаполе, которой он сочувствовал, возмущаясь действиями Австрии и России и внимательно следя за ходом событий, нашли отражение в ряде его писем к А. И. Тургеневу за ноябрь 1820 — март 1821 г. (*ОА*, I, стр. 103, 105, 114, 115, 116, 117, 137 и др.). Восстание было подавлено при помощи австрийских войск. *Фикельмон*, состоявший в австрийской службе, в 1821 г. был назначен полномочным министром в Неаполе.

[31] Рассказы Т. Б. Потемкиной о матери ее мужа, Т. В. Потемкиной, по второму мужу Юсуповой, были напечатаны Вяземским в *РА*, 1875, I, 301—303 (*ПС*, VIII, 337, 338) в ином порядке, чем в записной книжке. Вяземский сравнивал Т. Б. Потемкину с З. А. Волконской и обеих — с героиней романа г-жи де Сталь «Коринна».

[32] Рассказ о *Сен-При* был напечатан Вяземским в *РА*, 1875, кн. I, стб. 208 (*ПС*, VIII, 314—316), дополненный сведениями о разных членах семьи Сен-При.

[33] Рассказ о шведском наследном принце *Оскаре* был напечатан Вяземским в *РА*, 1875, I, 54 (*ПС*, VIII, 268), где не названо имя Храповицкого и прибавлена после его слов фраза: «Скромно и чистосердечно высказано, но не совсем ловко». Следующий далее в записной книжке рассказ об Александре I в т. IX отсутствует. Ответ Николая I («*царя нынешнего*») Т. Б. Потемкиной был напечатан в *РА*, 1875, I, 302 (*ПС*, VIII, 339) в русском переводе.

[34] Инициал *Д.*, вероятно, должен быть расшифрован как *Дашков Д. В.* — бывший арзамасец, при Николае I — министр юстиции.

[35] Записи тесно связаны с работой Вяземского над книгой о Фонвизине, для которой он широко изучал драматургию XVIII и XIX вв.

[36] *Элиза* — Е. М. Хитрово.

[37] Можно предположить, что ничтожество обеих личностей — *Хвостова* и *Завальевского* — и вызвало замечание Вяземского.

Пушкина — вероятно, Елена Григорьевна Пушкина, жена А. М. Пушкина.

V i t e t Louis. La mort de Henri III, août 1589. Scènes historiques, faisant suite aux «Barricades»[2], Paris, 1829 — см. прим. 198 к книжке второй.

«La conspiration du général Malet»[3] Заговор Мале был направлен против] Наполеона.

---

[1] «Судебная газета» (*фр.*).

[2] В и т е Луи. Смерть Генриха III в августе 1589 г. Исторические сцены, составляющие продолжение «Баррикад» (*фр.*).

[3] «Заговор генерала Мале» (*фр.*).

[38] См. письмо жене о телесных наказаниях от 9 июля 1830 г. («Звенья», № 6, стр. 291, 292).

[39] 14 июля Вяземский выехал в Ревель. Министр финансов *Канкрин*, начальник Вяземского по службе, приглашал его участвовать в «Коммерческой газете», издававшейся в Петербурге при департаменте внешней торговли и выходившей два раза в неделю. Вяземский опубликовал в ней несколько статей.

Фаль — имение Бенкендорфов под Ревелем.

[40] *Винцент Красинский* — принадлежал к числу поляков, стоявших на стороне русского правительства, за что был ненавидим в Польше (о нем см. *ПС*, VIII, 146, 147). Далее Вяземским написано сокращенно и, судя по предшествующим словам Красинского, должно относиться к царской фамилии: «Павлов: Конст.: дв.»

[41] *Б.*— по всей вероятности, шеф жандармов Бенкендорф. Так напечатано в *ПС*, IX, 129.

[42] Вяземский читал роман Вальтер Скотта «Les fiancées, ou le connétable de Chester»[1] (Walter Scott. Oeuvres complètes, v. 64—67. Paris, 1828—1833). Вяземский частично цитирует и излагает, частично комментирует статью «De la liberté constitutionelle en Suède, et de la Diète de 1828 à 1830» [2], помещенную без указания автора в «Revue Française», 1830, № XV, май, стр. 76—135 с примечаниями издателя, восхваляющими исключительный интерес и направление статьи. Цитата из речи крестьянского депутата Нильса Мауссона в защиту просвещения, переведенная Вяземским, находится на стр. 108—109. В *ПС*, IX опубликовано с пропуском.

[43] Вяземский называет *M-elle Бенкендорф* (вероятно, дочь шефа жандармов) царицей Эстонии, а *M-elle Мореншильд* — принцем. Последнюю он сравнил с Керубино, пажом из «Женитьбы Фигаро» Бомарше. Эти наименования он использует и далее, имея в виду те же лица и не называя их по имени.

«*le fils de l'homme*» («Сын человека»)—сын Наполеона и Марии-Луизы,при рождении получивший титул короля Римского; после смерти отца жил в Вене у деда, австрийского императора, и получил титул герцога Рейхштадтского. Слабый, болезненный (умер от чахотки в 1832 г.), он изучал военное дело и мечтал о военной славе.

[44] Последние два рассказа вошли в публикацию Вяземского о *Ланжероне*, напечатанную в «Девятнадцатом веке», II, 1872, стр. 254—256 (*ПС*, VIII, 57, 58), включающую и другие рассказы о нем.

[45] *Метод* всеобщего обучения, предлагавшийся французским ученым *Жаном Жакото*, популяризовался в России в особых изданиях, ему посвященных и вышедших в Москве и Петербурге в 1834 г. См. В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1. Изд-во АН СССР, стр. 240—241.

[46] Слова Сперанского о Магницком вошли в публикацию «Старой записной книжки», *РА*, 1874, I, 182 (*ПС*, VIII, 191).

[47] «*Царица*», «La Reine» — см. прим. 43. Анекдоты об отце шефа жандармов Бенкендорфе Вяземский напечатал в «Девятнадцатом веке», II, 1872, стр. 291, 292 (*ПС*, VIII, 91) с добавлениями.

[48] Рассказ Бенкендорфа о Павле и четверостишие не публиковались. «*Итальянка в Алжире*» — опера-буфф Россини (1813). В этой опере алжирский бей Мустафа по требованию прекрасной итальянки соглашается изображать «*папатачи*» — радушного хозяина пира, который обязан хранить молчание, что бы вокруг него ни происходило. Этим пользуются итальянцы, одурачивая его.

Вяземский намекает на современные события в Алжире: 5 июля 1830 г. войска Карла X заняли столицу Алжира и изгнали из страны алжирского бея. Завоеваниями в Алжире правительство пыталось отвлечь внимание от напряженного положения внутри Франции накануне июльской революции.

[49] Хотя пожелание высказано Вяземским, конечно, в шутку, но все же оно

---

[1] «Обрученные, или Честерский конетабль».

[2] «О конституционной свободе в Швеции и о парламенте с 1828 по 1830» (*фр.*).

отражает его резко отрицательное отношение «к настоящему» России. Эта запись ранее не печаталась.

[50] *Гробница герцога де Круа* — находилась в церкви св. Николая, одной из древнейших церквей Ревеля (Таллина). Упоминается письмо С. Н. Карамзиной к M-elle Бенкендорф (см. прим. 43). Эта запись сделана ночью 31 июля. 1 августа Вяземский выехал в Петербург, куда прибыл 3—4 августа.

[51] Записанная сокращенно фраза ранее не печаталась.

[52] Это первый отклик Вяземского на известия о июльской революции во Франции (27—29 июля нов. стиля). 26 июля 1830 г. в Париже был опубликован доклад министров королю, направленный против оппозиционной печати. Далее публиковались шесть ордонансов короля, из которых первый отменял свободу периодической печати.

[53] *Министр* — министр финансов граф. Е. Ф. Канкрин. *Шатобриан* основал газету «Conservateur» [«Консерватор»] и был некоторое время при Карле X министром иностранных дел.

[54] Вяземский пробыл с 4 по 10 августа в Петербурге, где находились также Пушкин и Жуковский. В это время в Петербурге еще не могло быть известно провозглашение герцога Орлеанского королем под именем Луи-Филиппа (9 августа нов. стиль), но уже были сведения о занятии им поста «наместника королевства» (30 июля нов. стиль), а также об отречении Карла X в пользу своего внука — герцога Бордоского. Жуковский выражал желание и предположение, что престол получит «Бордо», т. е. внук Карла X. Вяземский отстаивал кандидатуру будущего короля Луи-Филиппа, считая династию Бурбонов недостойной восстановления на королевском престоле.

[55] Спор с Пушкиным о дальнейшей судьбе министров Карла X, подлежавших суду, нашел отражение в переписке Пушкина и Вяземского (письмо Пушкина от 5 ноября 1830 г., письмо Вяземского от 1 января и Пушкина от 2 января 1831 г.— см. А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 122, 138—140).

[56] Упоминаемые в записи лица: *Ф. Н. Глинка*, сосланный в 1826 г. в Петрозаводск, а в 1830 г. переведенный в Тверь; кн. *Д. В. Голицын* — московский военный генерал-губернатор; *Иван Иванович Дмитриев*, *Денис Васильевич Давыдов*. *Молодые Пушкины*— граф В. А. Мусин-Пушкин и его жена Эмилия Карловна, рожд. Шернваль.

[57] Похороны В. Л. Пушкина состоялись 23 августа на кладбище Донского монастыря. О словах В. Л. Пушкина о Катенине А. С. Пушкин писал Плетневу 9 сентября из Болдина: «Знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: как скучны статьи Катенина! и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите „le cri de guerre à la bouche!“»[1] (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 112).«Предсмертное слово» В. Л. Пушкина Вяземский опубликовал в «Русском архиве», 1874 , кн. II, стб. 199 (*ПС*, VIII, 261) с позднейшими добавлениями. Упоминаемый в перечне литераторов, присутствовавших на погребении В. Л. Пушкина, *Лже-Дмитриев* — М. А. Дмитриев.

[58] *Веревкин Н. Н.*— московский комендант с 1821 г. до смерти 27 октября 1830 г. *Великий князь* — Михаил Павлович, который осенью 1830 г. лечился в Москве искусственными минеральными водами (*РА*, 1900, I, 357, прим. 1). *Орлеанский* — король Луи-Филипп.

[59] Эта оценка Вяземским июльской революции показывает его сочувствие основным действовавшим в ней силам, т. е. народу, пролившему кровь за свои права. В то же время оценка обнаруживает его недоверие к Луи-Филиппу, которого он правильно подозревал в актерском разыгрывании несвойственной ему демократической роли и в дальнейшем предательстве завоеваний революции.

[60] Сб. стих. А. Мюссе «Contes d'Espagne et d'Italie» [2] относится к 1830 г. В него

---

[1] С воинственным криком на устах (*фр.*).

[2] «Сказки Испании и Италии» (*фр.*).

входит комедия в стихах «Les marrons du feu» [1] (1829), из которой Вяземский приводит слова Рафаэля из сцены пятой. У Вяземского пропущен стих. Надо:

La poésie,
Voyez-vous, c'est bien. — Mais la musique c'est mieux.
Pardieu! Voilà deux airs, qui sont délicieux;
La langue sans gosier n'est rien» [2].

и т. д. О превосходстве музыки над живописью Вяземский писал во второй запасной книжке (см. стр. 40—41). Стихотворение «Mardoche» («Мардош») (1829) входит в тот же сборник произведений Мюссе.

[61] Характеристики кн. *Сергея Михайловича Голицына*, попечителя Московского университета, сделанные современниками, см. В. С. Нечаева. В. Г. Белинский 1829—1836. М., 1954, стр. 67—68. О том, что Николай I в это время готовился к войне в Европе в защиту монархических принципов от революционных потрясений, см. там же, стр. 116, 124. О Молчанове см. прим. 6. Письма к Е. М. Хитрово от 2 сентября и Жуковскому от 3 сентября об уволенном цензоре С. Н. Глинке см. *РА*, 1899, II, 83—86 и 1900, I, 356—357. Копию с письма к Д. Г. Бибикову см. в отд. Дополнения, стр. 325—327.

[62] Холерная эпидемия, подвигавшаяся к Москве с востока, достигла столицы в середине сентября 1830 г. Дети Вяземских находились в Остафьеве, В. Ф. Вяземская была в имении Кологривовых у матери, московский дом Вяземских в Чернышевом переулке был ими сдан внаймы. В октябре и до середине ноября количество жертв эпидемии в Москве ежедневно росло, доходя до 200 человек в сутки.

[63] В мемуарах кардинала *Реца* (Жака-Франсуа — Поля Гонди) нашли отражение события во Франции 1648—1652 гг., связанные с деятельностью Фронды, борьбою правительства Мазарини и принца Конде, в которой энергично участвовало население Парижа. Вяземский сопоставляет эти события XVII в. с июльской революцией 1830 г.

[64] Роман «*Гренби*» написан Томасом Листером (Lister, 1800—1842), бароном Рибблесдэлом. Опубликованный в декабре 1825 г., роман в 1828 г. был переведен на французский язык. Автора обвиняли в плагиате, в заимствованиях из романа лорда Норманди «Матильда». Переиздавая свой роман в 1838 г., Листер в предисловии отводил это обвинение. Отмечаем не нашедший воплощения замысел Вяземского написать «светский» роман. Далее в этой же книжке (см. стр. 199) Вяземский подбирал эпиграфы из русских комедий для предполагавшегося романа, подражая В. Скотту. В конце пятой записной книжки (см. стр. 141) он поместил наброски прозы, озаглавив их «Материалы для романа». В связи с этим замыслом надо поставить сделанный им в эти годы перевод «Адольфа» Б. Констана.

[65] Николай I приехал в Москву в разгар холерной эпидемии 29 сентября 1830 г. и пробыл до 7 октября. Приезд царя произвел эффект и вызвал восторженные отклики: Пушкин отозвался на это событие стихотворением «Герой». Вяземский упоминает о речи митрополита Филарета, произнесенной им при встрече Николая 29 сентября перед Успенским собором.

[66] *Лоран Англевиель Бомель* — автор «Mes pensées ou qu'en dira-t-on» [3] (1751). Известен в литературе своей враждой с Вольтером. За изданные Бомелем в 1753 и 1756 гг. книги он дважды был заключен в Бастилию, а потом выслан из Парижа без права въезда в него.

---

[1] «Каштаны из огня» (*фр.*).

[2] ...Поэзия прекрасна
Но только музыка — наперсница души.
Ах черт, как эти два мотива хороши!
Язык без горла — нем.
Перевод. Ю. Корнеева

[3] Мои мысли, или Что о них скажут» (*фр.*).

«Слово Бороздина» Шепелеву было опубликовано Вяземским в «Русском архиве», 1875, I, стб. 196 (*ПС*, VIII, 298) с заменой фамилии Шепелева буквой Ш., без упоминания о государе, но с указанием, что разговор относился к началу 1820-х годов, и с приведением других характерных подробностей.

[67] Многочисленные записи Вяземского о его чтении осенью 1830 г. драматических произведений XVIII в. — комедий Екатерины, Сумарокова, драм Дидро, так же как различных мемуаров, относящихся к этой эпохи, связаны с его работой в это время над книгой о Фонвизине. Как сообщил Вяземский в предисловии к книге, он заканчивал ее в Остафьеве во время холеры: «Холера, свирепствовавшая в 1830 году, застигла и заперла меня с семейством в подмосковной моей. После первых опасений и беспокойств в виду роковой посетительницы, для развлечения и успокоения своего, я почувствовал потребность в постоянном занятии. Фонвизин явился мне тогда на помощь и в отраду. Под руками моими была обширная библиотека, много рукописей, записок и писем, относящихся до царствования и эпохи Екатерины Великой; к тому же было много времени и досуга» («Фон-Визин, соч. князя Петра Вяземского». Спб., 1848, стр. III—IV). Записи о комедиях Екатерины и далее до записи 14 октября в *ПС*, IX не публиковались.

[68] «*Записки» кн. Я. П. Шаховского* (1705—1777), бывшего обер-прокурором, а позднее конференц-министром, содержат точное описание событий и характеристику лиц середины XVIII в. Впервые были опубликованы в 1810 г.

[69] «Опыты Василия Перевощикова» изданы в Дерпте в 1822 г. В. М. Перевощиковым, впоследствии академиком.

[70] Вяземский цитирует программную речь, произнесенную Тредиаковским в 1735 г. в собрании переводчиков при Академии наук, в которой Тредиаковский намечал план деятельности по усовершенствованию русского языка. Вяземский упоминает также изданный Тредиаковским в том же 1735 г. и переработанный в 1752 г. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий». Эта книга стала первым русским учебником по теории поэзии. В 1752 г. Тредиаковский издал собрание своих сочинений в двух томах: «Сочинения как стихами, так и прозой». В первом томе он поместил перевод «Науки о стихотворении и поэзии», т. е. стихотворного трактата Буало «L'art poétique» («Поэтическое искусство»). Перевод того же труда, сделанный Д. И. Хвостовым, вышел в первом издании в 1808 г. (см. прим. 4 к книжке первой).

[71] События 1830—1831 гг. Вяземский связывал с воспоминаниями о 14 декабря 1825 г. Сопоставление происшествий этих лет с восстанием декабристов было чрезвычайно популярно как среди простого народа, так и среди высшего общества. См. материалы, собр. в книге В. С. Нечаевой: «Белинский 1829—1836», стр. 122—124.

[72] *«Жизнь А. И. Бибикова»* — «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, изданные сыном его, сенатором Бибиковым», СПб., 1817. Идеализация личности Екатерины II и ее окружения имеет место и в труде Вяземского о Фонвизине. Характеристика Нессельроде в т. IX не печаталась.

[73] Исследование Вяземского о Фонвизине являлось для своего времени новаторским как по методу работы, так и по ширине и разнообразию привлекавшегося материала. Об этих особенностях своего труда Вяземский говорит в предисловии к книге (см. цитату в прим. 67). Пушкин и Белинский дали высокую оценку известных им частей книги Вяземского.

[74] Трагедия Корнеля «Сид» (1636), высоко оцененная публикой, подверглась осуждению со стороны Французской академии в «Les sentiments de l'Académie française sur la tragicomédie du Cid» (Paris, 1636)[1], редактированных Шапленом. Драматург Скюдери издал «Observations sur le Cid»» [2], в которых обвинял Корнеля в несоблюдении правил драматургии и безнравственности содержания трагедии.

---

[1] «Мнение Французской академии о трагикомедии «Сид». Париж, 1636 (*фр.*).

[2] Замечания по поводу «Сида» (*фр.*).

[75] Польское восстание, начавшееся событиями в Варшаве 17—19 ноября (первое сообщение в русской печати 28 ноября), стало известно Вяземскому в первых числах декабря. Однако вначале он не понимал еще, какие размеры приняло восстание, и возмущался поведением вел. кн. Константина Павловича, поспешившего с русскими войсками покинуть Варшаву и направиться к русской границе. Именно вел. кн. Константин освещал события в Варшаве как действия «подпрапорщиков, молодых офицеров и студентов» (Н. Шильдер. Николай I, т. II, стр. 326). Слова: «У нас∽об измене etc.» в *ПС* IX не печатались.

[76] Со времени получения первых известий о польском восстании Вяземский занял иную позицию, чем его ближайшие друзья Пушкин и Жуковский и другие современники. Хорошо зная польское общество и изучив польскую историю, он, не сочувствуя освободительному движению в Польше по существу, тем не менее возмущался грубой насильственной политикой России. Вяземский вспоминает драму Вернера «24 февраля», в которой проводится фаталистическая идея расплаты последующих поколений за преступление предков. Слова: «Конь ваш ∽ из послушания» в т. IX не печатались.

[77] *Заира* — героиня одноименной трагедии Вольтера.

Вяземский, как и большинство его современников, ошибочно предполагал, что польское восстание будет быстро ликвидировано царскими войсками.

[78] «Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии Художеств с 1764 по 1829 г.». Изд. президентом Академии А. Н. Олениным. Спб., 1829. Цитированная фраза находится на стр. 78, где говорится о борьбе с «безнравственным поведением» воспитанников, происходившим якобы оттого, что среди них находились лица «крепостного состояния». Оленин поспешил удалить крепостных из общежития Академии.

[79] В начале июня 1830 г. в Севастополе вспыхнуло восстание, охватившее сотни матросских семейств и городской бедноты. Поводом послужили карантинные меры против чумы, но подлинной причиной были страшная бедность и злоупотребления администрации. За убийство военного губернатора и карантинных чиновников к ответственности были привлечены около 1000 человек, из которых 7 было расстреляно; многие понесли тяжелые наказания.

[80] Пушкин читал в Остафьеве написанное им в знаменитую по творческой плодовитости Болдинскую осень 1830 года. Вяземский называет X (лишь частично сохранившуюся), главу «Евгения Онегина», в которой должна была быть изображена «хроника» событий Александровского царствования, пора тайных обществ, собраний будущих декабристов у Никиты Муравьева и Ильи Долгорукова, который в 1820 г. «из осторожности» отошел от них. Далее Вяземский перечисляет «Мою родословную» и «Postscriptum» к ней, направленный против Булгарина, а также «Повести Белкина» и маленькие трагедии.

[81] *6 декабря*—в Николин день и день именин Николая I — был снят холерный карантин и въезд в Москву объявлен свободным. Последние строки, начиная со слов: «В этом расцеплении» в т. IX не печатались по цензурным соображениям.

[82] Приводя цитаты из латинских авторов, Вяземский связывает их с фактами русской жизни, вспоминая вел. кн. Константина, который возглавлял суд над декабристами, манифест от имени Александра I, составленный Шишковым.

[83] Вяземский имел в виду Д. Н. Блудова, который редактировал в 1826 г. обвинительный акт, составленный Следственной комиссией по делу декабристов, и подготовлял тексты манифестов Николая I, данных 12 декабря 1830 г. и 25 января 1831 г. в связи с польским восстанием. Действия правительства как в 1826 г., так и в 1830—1831 гг. Вяземский называл «действиями палачей».

[84] Воззвание (прокламация) Николая I к полякам с предложением «примирения» было опубликовано 5 декабря ст. стиля 1830 г.

Czer. — [Чернышев?] Французская запись о нем в *ПС*, IX не публиковалась.

[85] А. П. Сумароков «Стихи графу П. А. Румянцеву (Полн. соб. соч., 1781, IX, 191).

Паша Янинский Али (с 1788 по 1822 г.) — невежественный, жестокий, коварный и алчный тиран.

Пукевиль — долгое время был консулом на Востоке и выступал за независимость Греции. Он оставил ряд сочинений, в которых касался положения этой страны и, в частности, разоблачал жестокую политику паши Али.

[86] *Бенжамен Констан* — умер 27 августа 1830 г. Вяземский в письме от 25 апреля 1830 г. просил А. И. Тургенева сообщить Б. Констану о переводе его романа. Тургенев выполнил поручение и сообщал об этом Вяземскому в письме от 3 июня 1830 г. (*ОА*, III, стр. 196, 205).

Отношение вел. кн. Константина к полякам в первые дни восстания вызвало нарекания и упреки в попустительстве не только со стороны Вяземского (см. Н. Шильдер. Николай I, т. II, стр. 324). Слова: «Тут род ∽ обязательства» в *ПС*, IX не печатались.

[87] Вяземский привел слова Е. М. Хитрово о себе, сказанные ею еще в 1823 г. (см. *ОА*, II, стр. 356). Пушкин приложил слова Элизы о двукратном вдовстве к вел. кн. Константину Павловичу, который, будучи прямым наследником Александра I, в 1825 г. потерял империю, а в 1830 г.— королевство Польское. Остро́та Пушкина в т. IX не публиковалась. Опубликовано в «Известиях АН СССР», ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 5, стр. 453. Вяземский упоминает роман William Godwin «Aventures de Caleb Williams ou des choses comme il sont». Paris, 1829 [1].

В. Г. Белинский писал о «Калебе» в 1838 г.: «Вот роман, единодушно препрославленный и превознесенный всеми нашими журналами...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. Изд-во АН СССР, стр. 111—112).

[88] Восстание в Тамбове относится к 26—27 ноября 1830 г. В нем объединенно участвовали крестьяне большого подгороднего села, мещанское население города и тамбовский батальон внутренней стражи. Министром внутренних дел Закревским была организована военно-судная комиссия, жестоко расправившаяся с восставшими.

«*Слову*» Александра I из манифеста 1812 г., относящегося к изгнанию из России иноземных захватчиков, Вяземский противопоставляет слова Николая I с угрозой мести восставшим полякам. Текст, начиная от: «Слово Александра» и до конца в *ПС*, IX был опущен по цензурным соображениям.

[89] Варшава была взята царскими войсками 24—27 августа 1831 г., и это событие после длительного напряженного ожидания было воспринято царем и его окружением как историческая победа. Пушкин и Жуковский откликнулись на событие выпущенной ими брошюрой «На взятие Варшавы», где Жуковский поместил «Старую песню на новый лад», а Пушкин — «Клеветникам России» (написано в первой половине августа) и «Бородинскую годовщину». Брошюра вышла в свет около 14 сентября 1831 г.

[90] Резкий полемический тон этих и дальнейших суждений Вяземского объясняется расхождением с преобладавшим в высших кругах мнением, поддерживавшим карательную политику Николая по отношению к Польше. См. о настроениях и высказываниях Пушкина этого периода в статье М. Д. Беляева «Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово» («Труды Пушкинского дома», вып. XLVIII. Л., 1927, стр. 257—300). Рассуждения Вяземского о ликвидации польского восстания печатались в т. IX с цензурными изъятиями.

[91] Вяземский разбирает стихотворения Жуковского и Пушкина, изданные ими по случаю взятия Варшавы (см. прим. 89), продолжая свою полемику с ними по сути польского вопроса и учитывая то впечатление, которое политика «усмирения» Польши производила на передовую Европу. Разбор Вяземского напечатан в *ПС*, IX с цензурными изъятиями.

Донесение о занятии Варшавы было доставлено Николаю I флигель-адъютантом ротмистром князем Суворовым, внуком гениального полководца. Это было сделано

---

[1] Вильям Годвин. Приключения Вильяма Калеба, или Вещи, как они есть. Париж, 1829 (*фр.*).

по мысли Николая, желавшего сблизить взятие Варшавы Суворовым с взятием ее же Паскевичем. *«Страдание Паскевича»* — Паскевич был ранен в бою. *«Старорусские победы»* — жестокая расправа Николая I с участниками волнений в военных поселениях в Старой Руссе, имевших место летом 1831 г. в связи с холерной эпидемией.

[92] Запись о Н. А. Полевом напечатана в *ПС*, IX, 159—160; VIII, 190—191, в последней публикации с распространенной характеристикой Полевого (перепечатка из «Русского архива», 1874, кн. I, стб. 181—182).

Жена В. И. Карлгофа — Елизавета Алексеевна, автор мемуаров «Жизнь прожить — не поле перейти» («Русский вестник», 1881—1882).

[93] *6 декабря* — день именин Николая I. Директором департамента внешней торговли, в котором служил Вяземский в 1837 г., был Дмитрий Семенович Языков; до этого начальником Вяземского был Д. Г. Бибиков.

[94] После этой записи в книге 20 чистых листов, среди которых вклеены два листа другого формата с записью от лица Вяземского, но рукою его жены на французском языке о гувернере сына Вяземских Monsieur Robert [Господине Робере]. О нем многократные упоминания см. в письмах Вяземского к жене 1830 г. «Звенья», № 6, 1936, стр. 220—292. Опубликовано в *ПС*, IX, стр. 160.

[95] На последних шести листах книжки библиографические записи рукою Вяземского:

«Историографические записки о странах между морями Черным и Каспийским», пер. с франц. Федор Шишкевич. Спб., в тип. Шпора, 1810.

«Астраханская флора. Описание Колы и Астрахани. Ник. Озерецковского».

Далее рукою Вяземского записи долгов: Е. А. Карамзиной, Жуковскому, Перовскому, кн. Вл. Голицыну, Ал-дру Голицыну, Плетневу, Мещерскому — с датами 17 мая, 28 и 31 июня 1830 г. и с отметками об уплате.

Далее счет расходам по поездке в Петербург, Ревель — март—июнь 1830 г. Среди расходов интересно отметить в июне 1830 г.: «Писарю за Новиковские бумаги в счет—26».

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ
(1832—1850)

[1] Размер 23 × 19 сантиметров, в темной бумажной обложке. 39 исписанных листов. Шифр.: ф. 195, оп. 1, № 1113.

[2] *ПС*, IX, 161. Можно предположить, что сентиментальные четверостишия с подписями выдающихся деятелей французской буржуазной революции XVIII в. Вяземский переписал в какой-то связи со следующей выпиской о Д. В. Давыдове, поэте воине. Судя по дальнейшей записи о Марате, Вяземский трактовал образ «Друга народа», решительного борца против врагов революции, искаженно, в духе буржуазной историографии.

[3] *ПС*, IX, 161—162. Выписки сделаны из газеты, выходившей в Варшаве во время польского восстания 1831 г. О том, что поляки усиленно распространяли слухи о «жестокости» Д. В. Давыдова и призывали население беспощадно расправиться с ним, упоминает сам Д. В. Давыдов в «Воспоминаниях о польской войне 1831 года»: «Поляки, почитая меня жестокосердным, трепетали при имени моем. Я, подобно знаменитому нашему Алексею Петровичу Ермолову, с намерением рассеивал эти слухи, чтобы не быть вынужденным карать непокорных». Однако Давыдов сам указывал, что на Волыни, при взятии Владимира, «стар и млад, шляхта и духовенство, военные и мещане, все стреляло из окон, из-за заборов и оград... и не просило пощады», а также отмечал, что война эта ему «казалась невыносимою, ибо часто со слезами на глазах» ему приходилось присутствовать при тяжелых сценах. Но он отмечал также, что начальство «весьма строго наблюдало за тем, чтобы солдаты не дозволяли себе грабить жителей» (Д. В. Давыдов. Соч., Спб., 1893, т. II, стр. 314, 319—320, 327). Выписка о

Давыдове сделана из № 34 «Le Messager Polonais» («Ле мессаже полонэ»)[1], в котором было указано, что этот номер последний. Он вышел 30 июня 1831 г. Сообщения о смерти Дибича в этом номере нет. Оно было, вероятно, помещено ранее, так как фельдмаршал И. И. Дибич умер от холеры 29 мая 1831 г. Он получил образование в Берлинском кадетском корпусе, а в 1801 г. был определен в русскую военную службу. Насмешливое «оплакивание» смерти Дибича поляками объясняется тем, что в течение семи месяцев под его руководством царские войска не могли разбить меньшую по численности армию польских повстанцев. После победы под Гроховым 13 февраля 1831 г., когда была возможность преследовать противника и занять Варшаву, Дибич упустил этот случай. См. о роли Дибича в этой войне — Д. В. Давыдов. Указ. соч., стр. 244—251.

[4] *ПС*, IX, 162—163. Марат имел звание доктора медицины и был автором ряда научных трудов. К 1773 г. относится его двухтомное сочинение по физиологии «Философский опыт о человеке». См. также выше прим. 2. Следующие за этой записи (кроме одной) не публиковались.

[5] О Софье Александровне Бобринской, рожд. Самойловой, и ее салоне, где «находились немногие, но избранные», см. в воспоминаниях Вяземского (*ПС*, VII, 223—224). Запись, вероятно, относится к первой половине 1833 г. Далее, с датой 11 июня 1833 г. рукою Вяземского полторы страницы выписок по-итальянски из «Le mie prigioni, memorie di Silvio Pellico da Saluzzo»[2], начинающихся фразой: «Io amo appasionatamente la mia patria, ma non odio alcun altra nazione»[3].

[6] В письме от 15 июня 1833 г. А. И. Тургеневу из Петербурга Вяземский сообщал: «Здесь Дмитриев проездом в чужие краи, то есть в Дерпт, Ригу и Ревель... Он очень мил, бодр и деятелен...» (*ОА*, III, 240). Князь П. В. Лопухин (см. прим. 23 к книжке пятой) был приятелем отца Вяземского и переписывался с ним. Его письмо к А. И. Вяземскому от 6 сентября 1809 г. опубликовано в «Архиве кн. Вяземского», 1881, Спб., стр. 140—141. О П. В. Лопухине см. также *ПС*, VII, 93—95.

«Jacques le fataliste et son maître»[4] — роман Дидро, опубликованный в 1796 г. после смерти автора.

Остроту Дмитриева о М. А. Салтыкове Вяземский поместил в письме к А. И. Тургеневу, процитированном выше. Рассказ Дмитриева о Грече и о его характеристиках Булгарина напечатан в *ПС*, IX, 163. Другие рассказы о Дмитриеве в *ПС*, IX не публиковались.

[7] *Граф Фикельмон* — австрийский посланник в России с 1829 по 1839 г. *Герцогиня Беррийская* — вдова сына Карла X, наследника французского престола, убитого Лувелем в 1820 г. После революции 1830 г., свергнувшей и изгнавшей Бурбонов, она продолжала отстаивать права своего сына, герцога Бордоского, последнего представителя линии Бурбонов, на королевский трон. Себя она считала регентшей, именем сына издавала прокламации и тайно вернулась во Францию. В 1832 г. была арестована как государственная преступница, но в начале 1833 г. в тюрьме объявила о своей беременности от второго мужа, итальянского князя, с которым была тайно обвенчана. После рождения дочери она была освобождена французским правительством, так как ее второй брак лишал всякого политического значения ее претензии на престол.

Далее выписка рукою Вяземского (5 строк, проза) с пометой: («Une couronne d'épines — Richard à David»)[5] и стихотворение «Myosotis» (Marceline Valmore)[6], 28 стихов.

Следующие затем выписки сделаны, вероятно, в 1849—1850 гг., когда Вяземский в связи с путешествием в Константинополь и Палестину интересовался историей

---

[1] «Польский вестник» (*фр.*).
[2] «Мои темницы. Воспоминания Сильвио Пеллико да Салуццо» (*ит.*).
[3] Я страстно люблю мою родину, но не ненавижу никакой другой народ (*ит.*).
[4] «Жак Фаталист и его хозяин» (*фр.*).
[5] Терновый венец — Ришар Давиду (*фр.*).
[6] «Незабудка» (Марселина Вальмор) (*фр.*).

Турции, ее культурой и взаимоотношениями с Россией. На 13 страницах рукою писца списано: «Apperçu conçernant la série des ambassadeurs, ministres, résidens, envoyés extraordinaires et chargés d'affaires de Russie, qui se sont succedés à Constantinople depuis le commencement des relations de cette puissance avec la Porte ottomane, jusqu'à nos jours, c'est à dire dans l'éspace de 374 ans, qui se sont ecoulés depuis 1462 jusqu'à 1836» [1].

На последней странице выписки дата: «Bujukdéré, le 1/13 mars [2] 1836».

Далее рукою писца пять страниц на русском языке — перечень русских послов в Турции с 1495 по 1762 г. Это перевод из труда Hommer. Histoire de L'Empire ottoman, т. IX, p. 319. «Liste des ambassadeurs, envoyés ministres, chargés d'affaires et autres agents de Russie près de la Porte» [3]. К перечню сделано примечание об очевидной его неполноте и желательности пополнить его пропуски и довести до последних лет.

Далее «Заметки о Турции», написанные рукою Вяземского в Пере 1/13 февраля 1850 г. Они являются изложением сведений, взятых из книги «De la littérature des Turcs par M-r l'abbé Toderini, traduit de l'italien en français par m-r l'abbé de Cournand», v. 3. Paris, 1789 [4].

Излагая сведения, взятые из книги Тодерини, Вяземский упоминает Я. И. Булгакова, известного дипломата, бывшего русским послом в Турции в годы пребывания в ней Тодерини.

Вслед за записями Вяземского находятся выписки рукою писца из реляции чрезвычайного посланника Алексея Дашкова из Константинополя, относящейся к 1719 г. (10 страниц), копия трактата о «вечном мире между Российской Империею и Портою Оттоманскою», заключенном русским посланником Дашковым в 1720 г. (38 страниц) и копия письма Дашкова к Петру I из Киева 1722 г. Наличие копий этих исторических документов в книжке Вяземского объясняется тем, что его сын Павел Петрович Вяземский служил в русском посольстве в Турции, а П. А. Вяземский в 1849—1850 гг. гостил у него в Константинополе. Записи Вяземского о его путешествии на Восток находятся в книжках, хронологически следующих за теми, которые публикуются в данном издании (см. *ПС*, IX, 232—296).

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ

(1834—1835)

[1] Размер 10×9 сантиметров, в красном кожаном переплете. 39 исписанных листов. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1114.

Эта книжка представляет собою печатный календарь-справочник, на титульном листе которого напечатано: «Памятная книжка на 1834 год», далее оглавление разделов справочника. На чистом листе перед титульным листом записи П. А. Вяземского расходов по путешествию, размена денег и приема в счет оброчной суммы 600 руб. На листе после оглавления запись: «Gazette des tribunaux» («Газет де трибюно»),

---

[1] Беглый обзор, касающийся ряда посланников, министров, резидентов, чрезвычайных посланников и поверенных в делах России, сменявших друг друга в Константинополе начиная с возникновения сношений этой державы с Оттоманской Портой до наших дней, то есть в течение 374 лет, истекших с 1462 по 1836 год (*фр.*).

[2] Буюкдере, 1/13 марта (*фр.*).

[3] Оммер. История Оттоманской империи, т. IX, стр. 319. «Список посланников, министров, поверенных в делах и других русских представителей при Порте» (*фр.*).

[4] «О турецкой литературе г-на аббата Тодерини, переведено с итальянского на французский г-ном аббатом де Курнан», т. 3, Париж, 1789 (*фр.*).

№ 10, 1833, M-r Auguste Patte»[1]. Далее следует календарь, в котором после печатного обозначения числа и названия дня имеется свободное место для записей. Кроме того, листы календаря перемежаются с совершенно чистыми листами. Календарь занимает половину книжки. Вяземский начал свои записи под датой 13 июля 1834 г. Так как все записи этой книжки связаны с путешествием за границей, то все они имеют две даты (старый и новый стиль).

Текст десятой книжки опубликован в *ПС*, IX, 164—171 с многочисленными пропусками.

[2] В июле 1834 г. Вяземский находился в Петербурге, а семья его в мае этого года уехала в Остафьево. Письмо из Москвы, очевидно, было связано с вопросом о лечении второй дочери Вяземских, восемнадцатилетней Полины (Прасковьи), болевшей туберкулезом легких. *Таицы* — царское имение в 16 верстах от Царского Села.

[3] Вяземские направились морем из Петербурга в Ганау по совету Жуковского для консультации с доктором Коппом. Лечением у него объясняется длительное пребывание в Ганау (до 18/30 октября). Оттуда по совету Коппа Вяземские направились в Рим. А. И. Тургенев писал Вяземскому 23 октября 1834 г.: «Надеюсь, что климат довершит старания Коппа; от сердца полюбил более и моего Жуковского, который его выкопал» (*ОА*, III, 259).

[4] Вяземский употребил выражение из припева народных русских песен «Эх, Дунай, мой Дунай, сын Иванович Дунай». Далее краткие записи дорожных издержек. *Мюнхен* — был столицей королевства Баварии.

[5] *Тютчева* — первая жена поэта Федора Ивановича Тютчева, бывшего в это время на службе при русском посольстве в Мюнхене, происходила из аристократической фамилии Баварии (рожд. гр. Ботмер, по первому мужу Петерсон). *М-ме де Даренберг* [Дёрнберг] — впоследствии вторая жена Ф. И. Тютчева.

[6] С 1825 по 1848 г. королем Баварии был Людовик I Карл-Август. Он окружил себя писателями, художниками, артистами и претендовал на то, чтобы создать в Мюнхене «вторые Афины». Вместе с тем он был известен своими любовными похождениями и сильным влиянием его фавориток на дела королевства. После июльской революции 1830 г. проводил реакционнейшую политику под сильным воздействием католической церкви. В 1848 г. был свергнут с престола революцией. В 1843 г. его высмеял Гейне в «Хвалебных песнях Королю Людвигу», где писал и о «платонико-созерцательном серале»:

Он любит искусство, чтоб с лучших дам
Портреты рисовали;
Как евнух искусства, гуляет он
В своем расписном серале.

Перевод Ю. Тынянова

Упоминаемая в записи Вяземского «*Крюднерша*» — баронесса Амалия Крюднер, жена первого секретаря русского посольства в Мюнхене.

[7] Во Франции в 1834 г. действовало так называемое министерство «11 октября», сформированное в 1832 г. под руководством маршала Сульта и направлявшееся входившими в него министром внутренних дел Тьером и министром народного просвещения Гизо.

[8] Далее записи дорожных расходов и перечень названий станций от Мюнхена до Триента.

[9] *Надинька* — младшая двенадцатилетняя дочь Вяземских. *Четвертинские* — семья сестры В. Ф. Вяземской, Н. Ф. Четвертинской, рожд. Гагариной. Записи за отсутствием места под соответствующей датой календаря Вяземский перенес на первые оставшиеся чистыми листы в начале календаря (январь).

---

[1] «Господин Огюст Пат».

[10] *Андреас Гофер* — руководитель партизанской борьбы тирольцев против французских оккупантов. Восстание тирольских крестьян в 1809 г. под его руководством было использовано австрийским правительством в своих целях. По словам Ф. Энгельса, А. Гофер «сражался за отеческий деспотизм Вены и Рима» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 5, стр. 16). А. Гофер был расстрелян французами в 1810 г. в Мантуе, погребен в главном городе Тироля Инсбруке. В 1834 г. ему был поставлен в городе памятник.

[11] С I в. до н. э. Верона была римской колонией. Среди античных памятников в ней сохранился амфитеатр. Вяземский сравнил, очевидно, народный итальянский театр с балаганами, которые сооружались в Москве на Новинском бульваре, где в течение пасхальной недели происходили народные гулянья.

[12] Вяземский посетил Италию в период торжества феодально-абсолютистской реакции, когда страна изнемогала под гнетом Габсбургской монархии. Подпольное национально-освободительное движение прорывалось восстаниями. Незадолго до приезда Вяземского, в 1831 г. восстание охватило ряд областей, образовавших «Объединенные провинции Италии». Восстание было подавлено в марте 1831 г. при помощи австрийских войск.

[13] Певицей Каталани Вяземский восхищался в 1819 г., когда она гастролировала в Варшаве (*ОА*, I, 363—367). *Гудсон-Лоу* — английский генерал, которому было вверено наблюдение за Наполеоном на острове Св. Елены. Обвинялся молвою в суровом обращении с сосланным императором и издал в свою защиту книгу в 1830 г. «Mémorial relatif à la captivité de Napoleon» [1], которая была известна Вяземскому. *Графиня Липона*— Каролина, третья сестра Наполеона I, жена Мюрата, бывшего короля Неаполитанского.

[14] О положении Италии см. прим. 12. Вмешательство в политическую жизнь страны и беззастенчивая ее эксплуатация иноземными захватчиками угнетали и разоряли итальянский народ, на что и намекал Вяземский.

[15] *Трамонтана* — название северного и северо-восточного ветра в средней Италии. Упоминание о кашле дочери — одно из немногих свидетельств озабоченности и мрачного настроения Вяземского, которые он тщательно скрывал и которые наложили отпечаток на все его итальянские впечатления.

[16] Этой записью заканчивается календарь на 1834 год. Далее на последнем чистом листе сделаны две выписки из названной в тексте книги Кюстина «Le monde comme il est». Par le marquis de Custine [2], v. II. Paris, 1835, p. 438. Первая выписка представляет заключительные строки всего романа. Выписки отражают переживания Вяземского, понявшего неизбежность потери дочери. Для записей 1835 г. Вяземский использовал первую часть книжки, оставшуюся до июля чистой. Так как обозначение дней недели в новом году не совпадали с напечатанными, то Вяземский рядом с последними писал новые обозначения («понедельник» — «вторник» и т. д.).

[17] Полина Вяземская умерла в Риме 11 марта 1835 г. По записи Вяземского, относящейся к февралю 1835 г., можно предположить, что в начале февраля он поехал (вероятно, один) в Неаполь, где сделал первые две записи, потом был вызван в Рим, а после погребения дочери в конце марта с женой вновь отправился на юг Италии, где пробыл две недели. 10 апреля Вяземский, оставив жену и младшую дочь в Риме, отправился один в обратный путь в Россию, но другим маршрутом. В дальнейших записях опускаем записи дорожных расходов.

[18] Вяземский упоминает книгу «Souvenirs d'une centenaire. Pages choisies des mémoires de la marquise de Créquy (1710—1803)». Lille-Gramont (s. a.) [3]

Лихтенштейн — княжеский австрийский род, владевший в эту пору землями,

---

[1] «Объяснительная записка о пленении Наполеона» (*фр.*).

[2] «Свет, как он есть». Соч. маркиза де Кюстина (*фр.*).

[3] «Воспоминания столетней. Избранные страницы мемуаров маркизы де Креки (1710—1803)». Лилль-Грамон (б. г.) (*фр.*).

составлявшими особое государство. Оно находилось под влиянием Австрии, в столице которой, Вене, обычно пребывал князь Лихтенштейн и его двор. *Эстергази* — богатый род венгерских магнатов, представители которого играли большую роль в правительственных кругах Австрии.

[19] «*Любовный напиток*» — опера Доницетти (1832); «*Норма*» — опера Беллини (1831).

[20] Вяземский имеет в виду родство русского и чешского языков и вспоминает о «корнесловии» («корешки») А. С. Шишкова, примитивно развивавшего мысль о единстве корней в языках славянских народов.

[21] Французский король Карл X, принужденный в 1830 г. июльской революцией отказаться от престола и покинуть Францию, жил последние годы и умер в 1836 г. в Австрии.

[22] Селение Кульм на дороге между Дрезденом и Прагой прославилось сражениями, происходившими 17 и 18 августа 1813 г. между союзными— русскими, австрийскими и прусскими войсками и войсками Наполеона. Сражения окончились полной победой союзников и разгромом противника.

[23] «*Семирамида*» — опера Россини (1823). *Король прусский* — Фридрих Вильгельм III.

[24] Вероятно, образное обозначение переживаемых моральных страданий. 30 июня, приехав в Петербург, Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Странное дело: в Риме я дорожил всеми впечатлениями, которые действовали прямо на рану мою, искал их; а здесь, напротив, боюсь их, или как-то сердце не лежит к ним, хотя и беспрестанно занято своим горем... Для меня все путешествие мое — как страшный сон, который лег на душу мою, или, лучше сказать, вся прочая жизнь была сон, а она, как свинцовая действительность, обложила душу отныне и до воскресения мертвых» (*ОА*, III, 267).

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ
(1835—1844)

[1] Книжка размером 11,5 × 18,5, в светло-коричневом картонном переплете, на котором напечатано: «Дневная записка. 1833». 9 исписанных листов. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1115. Книжка разграфлена и имеет печатные заголовки граф. На оборотной стороне листов: «Число», «Обед», «Вечер» и дни недели; на лицевой стороне листов: «Примечания и проч.».

На начальных листах книжки рукой неустановленного лица проставлены названия и числа месяцев (январь, февраль), отмечены неприсутственные дни. К записям Вяземского эти календарные пометы отношения не имеют. Публикуемые записи все сделаны рукою Вяземского. Опубликованы не были.

[2] Записи Вяземского начинаются с записи на французском языке предполагаемого маршрута и сроков путешествия от Висбадена через Кёльн, Бонн, Кобленц и Майнц во Франкфурт, с точным указанием времени прибытия и отбытия: с утра субботы (вероятно, 30 сентября 1835 г.) до пятницы вечера (5 октября 1835 г.), когда предполагалось прибыть во Франкфурт. Попутно Вяземский записывал названия гостиниц и предметы, необходимые для путешествия. Далее начинаются дневниковые записи, опубликованные в тексте.

[3] Причина краткого путешествия Вяземского за границу осенью 1835 г. неясна. 8 сентября он еще был в Петербурге и сообщил А. И. Тургеневу о возвращении В. Ф. Вяземской из Италии (*ОА* III, 268). 25 ноября вновь писал Тургеневу из Петербурга, не упоминая о заграничной поездке. Упоминание в записях о пребывании в Ганау позволяет думать, что целью было посещение доктора Коппа в связи со слабым здоровьем младшей дочери Надежды (см. *ОА*, III, 266).

В. И. Дубенская, бывшая фрейлина, приятельница Вяземского и А. И. Тургенева, с 1834 г. замужем за секретарем французского посольства Т. Лагрене. *И. И. Маркелов* — первый секретарь русской миссии во Франкфурте на Майне. «*Русалка*» — опера венского композитора Кауэра — «Das Donauweibchen».

[4] В следующей, двенадцатой книжке см. записи Вяземского о его пребывании с лечебными целями в Ревеле в предшествующем 1843 г. (стр. 239—242).

[5] Е. А. Баратынский скончался в Неаполе 29 июня 1844 г.

[6] Знаменитый хирург *Н. И. Пирогов* — в 1836—1841 гг. был профессором Дерптского университета, чрезвычайно популярным в Прибалтийском крае, где проводил большую работу среди местного населения.

[7] *Александра Николаевна* — младшая дочь Николая I, скончалась 29 июля 1844 г.

КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ

(1838—1843)

[1] Книжка размером 14,5 × 9 сантиметров, в красном кожаном переплете с золотым обрезом. Исписанных листов 33. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1116. Записи разбросаны по книжке без соблюдения хронологического порядка. Из книжки опубликованы в *ПС* лишь два небольших отрывка (см. прим. 7 и 9). На л. 1—3 об. деловые записи и адреса, очевидно, перед отъездом за границу в мае 1838 г. рукой П. А. и В. Ф. Вяземских. Среди них — рукой П. А. Вяземского: «Hucknall. Jorkard Church [1], где погребены Байрон, мать и девять его предков».

[2] Выехав 15 мая из Петербурга в Любек на пароходе «Николай I», Вяземский попал в катастрофу. В ночь с 18 на 19 мая на пароходе возник пожар, и пассажиры вынуждены были спасаться на лодках. Погибло пять человек и весь багаж пассажиров. Вяземский, очевидно, вскоре после высадки на берег сделал в книжке записи имен и местностей, связанных с происшедшей катастрофой. Записи первоначально были сделаны карандашом, а потом обведены чернилами. Сведения о катастрофе см. «Северная пчела», 1838, № 116 и 117.

[3] Дальнейшее путешествие Вяземского и его пребывание в Берлине, Гамбурге, Франкфурте, Киссингене, снова во Франкфурте, Париже, Лондоне не нашло отражения в данной книжке. Только один эпизод его пребывания в Англии, поездку на остров Уайт, внес он в книжку (л. 19). О пребывании в Англии осенью 1838 г. см. книжки 13 и 14, стр. 243—259 и 302—303.

[4] В конце 1838 и в 1839 г. Вяземским внесены в эту книжку многочисленные заметки для памяти, рассыпанные по разным страницам книжки. Здесь записи, когда и каким способом отправлялись письма В. Ф. Вяземской, перечни вещей, перечни расходов, долгов (среди них Жуковскому, Е. А. Карамзиной, А. И. Тургеневу), записи парижских и берлинских адресов. Среди записей писем и посылок: «Продолжение сочинений Пушкина Фарнгагену — у него 2 тома», а также о стихах В. Гюго, портрете Гизо работы Делароша, нотах Мейербера, журнале «Современник» и др.

[5] По возвращении в Петербург в 1839 г. Вяземский вносил в эту книжку отдельные записи для памяти и в 1840—1841 гг., главным образом о денежных расходах и о письмах, посланных за границу жене, оставшейся там с больной дочерью Надеждой.

[6] Далее запись расходов по дороге от Петербурга через Стрельну, Касково, Черновицы и Ополье на Мануйлово, имение Мещерских. За П. И. Мещерским с 1828 г. была замужем старшая дочь Карамзина Екатерина Николаевна.

[7] Запись о поездке в Мануйлово опубликована в *ПС*, IX, 230—231.

[8] Далее запись дорожных расходов.

[9] «Князь Курбский. Исторический роман из событий XVI века. Сочинение

---

[1] Х а к н э л л. Церковь Иоркарда (*англ.*).

Бориса Федорова». В четырех частях. Спб., 1843. Роман бездарного писаки Б. Федорова, шпиона и доносчика, соратника Булгарина, вызвал резкую рецензию Белинского, в которой он высмеял претензии Федорова видеть в своем романе «начатки русского исторического романа»: «И в чем же эти начатки? В неверном и пошлом до невероятности пересказе некоторых исторических событий, с примесью пустяков собственного изделия сочинителя», — писал Белинский («Отечественные записки», 1843, № 7, ценз. разреш. 30/VI). См. В. Г. Белинский. Собр. соч., т. VII. Изд-во АН СССР, стр. 585—595.

Запись Вяземского о романе Федорова опубликована в *ПС*, IX, 230 с неверной датой — 10 июня вместо 10 июля и поэтому помещена прежде поездки в Мануйлово.

[10] Явная описка Вяземского. Надо: 31 июля.

КНИЖКА ТРИНАДЦАТАЯ
(1838—1860)

[1] Книжка размером 22 ×18 сантиметров, в картонном переплете с зеленым кожаным корешком. Всего исписанных листов 59. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1117. Все записи рукою Вяземского, за исключением листов 21—32, на которых переписаны писцом «Выписки из записок Вигеля». На втором листе искусно сделанная пером виньетка, на обороте этого листа — рукою Вяземского: «Allegro ma non troppo»[1].

Большая часть текстов опубликована в *ПС*, IX, 172—229. как „Книжка 11-я".

[2] Вяземский, пройдя курс лечения в Киссингене, в Германии, должен был продолжать его на морском курорте. Он выехал в Англию, заехав по дороге в Париж, где пробыл 10 дней. 5 сентября 1838 г. вместе с А. И. Тургеневым он отправился через Булонь в Лондон, а оттуда в Брайтон для морских купаний. Он начал свой дневник после двухнедельного пребывания в Брайтоне, но кратко коснулся в нем и впечатлений от дороги. В Булони Вяземский слушал оперу французского композитора Обера «Черное домино» (1837).

[3] С 1837 г. королевой Великобритании была Виктория. Она вышла замуж за принца Саксен-Кобург-Готского в 1840 г. и имела девять человек детей. С 1714 г. и до занятия Викторией королевского престола Великобритания находилась в личной унии с курфюршеством Ганновер — английские короли являлись и ганноверскими курфюрстами. В 1837 г. Ганновер перешел к брату умершего английского короля Вильгельма IV Эрнсту-Августу, который, таким образом, имел права на английский престол. В Ганновере он проявил себя тотчас же врагом действовавшей с 1833 г. конституции, принятой под влиянием июльской революции 1830 г. Он распустил палаты и требовал утверждения новой конституции, защищавшей исключительно интересы дворянства. Эта реакционная его деятельность, очевидно, и вызвала высказывания попутчика Вяземского. Вяземский, со своей стороны, вспомнил из истории Англии казни королевы Шотландии Марии Стюарт в 1587 г. и короля Великобритании Карла в 1649 г., сопоставив их с казнью короля и королевы во время французской революции. Упоминание о «великой княжне» могло относиться к одной из дочерей Николая I.

[4] А. И. Тургенев, который расстался с Вяземским в Лондоне для поездки в Ирландию, писал ему 20 сентября, что хотя доехал до «моря Ирландского», но далее не поехал, «опасаясь не столько качки морской, сколько своей грусти». Он вернулся в Лондон. *Брат Тургенева* —Николай Иванович, долго жил в Англии после того как отказался вернуться в Россию по вызову Верховного суда над декабристами (*ОА*, IV, 42).

[5] *Леди Сидней Морган* — писательница, по происхождению ирландка, защищавшая в своих произведениях интересы родины от английского гнета и изображав-

---

[1] Не слишком быстро (*ит.*).

шая страдания ирландского народа (см. далее ее прозвище «Muse d'Irlande» и «леди Mordant»). Однако ее позиция лишь умеренно-либеральная. Вяземский далее (стр. 246) привел ее слова, что ирландцы в это время были якобы «очень довольны» представителями английского правительства; между тем известно, что именно на рубеже 1830—1840 гг. в Ирландии росла неудовлетворенность деятельностью либерально-буржуазной партии и возникло брожение, которое привело к организации «Молодой Ирландии», активно боровшейся с английским правительством за права Ирландии (см. прим. 12 и 15). В 1839 г. леди Морган работала над книгой в защиту прав женщин, стремясь раскрыть значение женщины в развитии человечества («The woman and her master» [1], 1840). Этим объясняется ее интерес к положению русской женщины. *Томас-Чарльз Морган* — муж леди Морган, автор нескольких книг, написанных частично в сотрудничестве с женой. Вяземский говорит, что он писал «ноты» («notes», т. е. примечания) к сочинениям жены. *Гораций Смит* — английский писатель того же поколения, как и супруги Морганы, имел успех как последователь Вальтера Скотта в области исторического романа.

[6] *Князь Пюклер-Мюскау* (Pücler-Müskau, 1785—1871) — немецкий писатель, путешественник, увлекательно излагавший свои наблюдения. Вяземский имеет в виду следующее издание: «Mémoires et voyages du prince Pücler-Müskau. Lettres posthumes sur l'Angleterre, l'Irlande, la France, la Hollande et l'Allemagne», v. 1—6. Bruxelles — Leipzig [2], 1833—1834. Описание Лондона и его окрестностей находится в I—III томах. В четырнадцатой записной книжке Вяземского находятся его выписки из книг Пюклер-Мюскау и замечания по их поводу (стр. 302—303 и 452).

[7] Выдающийся итальянский певец Рубини, с которым впоследствии Вяземский познакомился (см. *ПС*, VIII, 490). В *ПС*, IX, стр. 175 выпущено от слов: «il mio tesoro» [3] до слов: «Emiliani смычок...». Приведены слова из оперы Моцарта «Дон Жуан» и оперы Беллини «Пират». *Персиани* — итальянская певица, пользовавшаяся в эти годы большим успехом в Париже.

[8] Часть текста, начиная со слов: «В нравах, обычаях...» до слов: «не дальновидны», в *ПС*, IX отсутствует. Напечатан в «Русском архиве», 1872, кн. 1, стб. 2257—2258 (*ПС*, VIII, 99). В *ПС*, IX отсутствуют все записи Вяземского о его письмах к В. Ф. Вяземской.

[9] Тургенев, оставив Вяземского в Брайтоне, писал ему из Лондона 29 сентября о полученных здесь письмах и других новостях. Он писал ему также 3 октября, накануне своего отъезда из Лондона в Париж (*ОА*, IV, 46).

[10] *Принц-регент* — старший сын короля Георга III, который управлял страной во время болезни отца (с 1810 г.), а с 1820 г. стал королем под именем Георга IV.

[11] *Спа* — курорт в Бельгии, известный минеральными водами, пользовавшийся особенной популярностью в XVIII и начале XIX в. *Карл Поццо ди-Борго* — русский посланник в Париже, занимавший этот пост в 1820—1830-х годах.

[12] Постоянное общение Вяземского с леди Морган и ее кругом, его поиски своих ирландских родственников привлекали внимание Вяземского к событиям, связанным с борьбой ирландского народа против английских колонизаторов. Как раз в это время усилилась деятельность революционно-демократического крыла национального освободительного движения ирландцев. Однако Вяземский был окружен представителями его правого крыла, либеральной оппозиции, возглавлявшейся О'Коннелем, который вел предательскую политику по отношению к народным массам и соглашательскую по отношению к английскому правительству.

[13] Часто встречающаяся у Вяземского шутка — вместо «ангела-хранителя» его якобы опекает некий «титулярный советник», который постоянно устраивает ему

[1] «Женщина и ее господин» (*англ.*).

[2] «Мемуары и путешествия князя Пюклера-Мюскау. Посмертные письма об Англии, Ирландии, Франции, Голландии и Германии», т. 1—6. Брюссель—Лейпциг.

[3] Мое сокровище (*ит.*).

неприятности и является причиной его промахов. См., например, письмо к В. Ф. Вяземской («Лит. наследство», т. 31—32, стр. 120). См. также далее стр. 251, каламбур, построенный на созвучии «ange tutélaire» (ангел-хранитель) и «ange titulaire» (титулярный ангел).

[14] Поездка Вяземского в имение герцога Норфолькского была им совершена с Леонтьевой Любовью Николаевной — близкой приятельницей А. И. Тургенева (см. *ОА*, IV, 44, 49, 50, 52 и др.). Последние строки описания поездки, начиная от слов: «Что за прелесть английская езда» до слов: «Возвратились мы» в *ПС*, IX отсутствуют. Напечатано в *РА*, 1872, I, 2260 (*ПС*, VIII, 101). «*Именинницы отсутствующие*» — Вера Федоровна и Надежда Петровна Вяземские, «*присутствующая*» — Л. Н. Леонтьева.

[15] Племянница леди Морган пела «Тройку» — песню на слова Ф. Н. Глинки (1831), где имеются строки:

Ямщик лихой — он встал с полночи,—
Ему сгрустнулося в тиши...

Вяземский оказался в Лондоне накануне крупнейших событий, которыми ознаменовался первый этап чартистского движения. В феврале 1839 г. в Лондоне был созван чартистский Национальный конвент. Вяземский упоминает о митинге, на котором выступал О'Коннор, представитель наиболее радикального течения в чартизме, призывавший к активной борьбе, всеобщей стачке и вооруженному восстанию.

[16] «The Spectator» («Зритель») — журнал, издававшийся в Лондоне с 1711 г. Аддисоном, где помещены многие из его статей. Строки о Конарском в *ПС*, IX, 181 выпущены, вероятно, в связи с «неудобством» этой фамилии для печати: весной 1838 г. был арестован, а в 1839 г. расстрелян один из активнейших деятелей польского революционного движения Шимон Конарский.

[17] Начиная от слов: «Тут была...» и кончая: «на свой базар» в *ПС*, IX, 181 отсутствует. Запись о поездке в «городок Левис» и о встрече на ярмарке была почти точно опубликована Вяземским в *РА*, 1872, I, 2261—2262 (*ПС*, VIII, 101), с добавлением: «мужики вольные хлебопашцы, т. е. фермеры» и с таким заключением: «Эти господа могли нам дать мерку и образчик всего того, чем Англия отличается от других государств».

[18] Мать П. А. Вяземского происходила из ирландского рода Орелльи. Кн. А. И. Вяземский познакомился с ней во время путешествия за границей. Евгения Ивановна разошлась со своим первым мужем (Квин) и в 1786 г. вышла замуж за А. И. Вяземского. Умерла в 1802 г. Вяземский, особенно в период преследования со стороны правительства, выражал желание покинуть Россию. В таких случаях он вспоминал своих ирландских родственников, делая попытки найти их.

[19] Речь идет о рождении внука короля Луи-Филиппа от старшего сына, герцога Орлеанского. Ребенку было присвоено звание «графа Парижского». Николай I относился враждебно и презрительно к Орлеанской династии, занявшей престол после изгнания Бурбонов в 1830 г. О графе Парижском Вяземский писал 29 ноября 1838 г. из Парижа, не веря в прочность Орлеанской династии («Лит. наследство», т. 31—32, стр. 131).

«Жизнь за царя»—официально данное название оперы М.И.Глинки«Иван Сусанин».

[20] Озеров — вероятно, Иван Петрович, первый секретарь посольства в Берлине. Вяземский посетил Вестминстерское аббатство, где находятся гробницы великих людей Англии («*жизнь по смерти*») и Ньюгетскую тюрьму («*смерть при жизни*»). Далее Вяземский записывает о посещении Палаты лордов и Палаты общин. «*Хромой бес*» — балет, либретто которого было написано в 1830-х годах французским музыкантом А. Нурри для балерины Ф. Эльслер.

[21] *Софья Николаевна* — дочь историка Карамзина, любительница верховой езды. Леди *Пемброк* — рожд. графиня Воронцова, сестра М.С.Воронцова (см.далее прим.24).

Кривцов — вероятно, Николай Иванович, долгое время проживавший в Англии.

[22] Первая строка 9-й духовной оды (из книги Иова) Ломоносова.

[23] Запись, начиная от слов: «Есть слова и выражения...», кончая словами: «или вас не поймет», в *ПС*, IX не печаталась. Опубликована в *РА*, 1872, I, 2258 (*ПС*, VIII, 99—100).

[24] «*Талисман*» — стихотворение Пушкина (1827), связано с перстнем, подаренным ему Е. К. Воронцовой, женой М. С. Воронцова. Было положено на музыку Н. С. Титовым. Певший романс Herbert, сын леди Пемброк, приходился племянником М. С. и Е. К. Воронцовым. Вяземский дает уничтожающую характеристику М. С. Воронцову, конечно, помня о его роли в биографии Пушкина, и, следуя за эпиграммой последнего («Полуподлец, но есть надежда, Что будет полным наконец»), изображает его как «полного подлеца». Вяземский вспоминал о подаче в 1819 г. Александру I записки об освобождении крестьян, не имевшей успеха вследствие неблаговидного поведения некоторых участников обращения, очевидно, в том числе и Воронцова (*ПС*, II, 88, а также выше — стр. 148—149). Близкие отношения Е. К. Воронцовой с А. Н. Раевским были широко известны. М. С. Воронцов в 1838 г. был генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабской области. Начиная от слов: «или знаю, потому что...», кончая словами «другим гнушаюсь», в *ПС*, IX не публиковались. Опубликовано: «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 5, стр. 453—454.

[25] См. примечание 2 к книжке двенадцатой (стр. 442).

[26] Вяземский покинул Англию в половине ноября 1838 г. и проездом во Франкфурт-на-Майне, где он должен был встретиться с семьей, заехал в Париж. Здесь он пробыл около двух недель. В начале декабря он был во Франкфурте, откуда выехал 23 января 1839 г. опять в Париж. («Лит. наследство», т. 31—32, стр. 118, 130—132).

[27] Выписки частично сделаны из книги Лафайета «Mes rapports avec le premier consul» [1]. Выписки из речи Вилье, судя по дате 19 февраля 1839 г., сделаны в Париже и связаны со служебными интересами Вяземского как чиновника министерства финансов.

[28] *Сульт Николя* — французский маршал, участник многих походов и сражений эпохи Наполеона. Возглавлял министерство, образованное 11 октября 1832 г., в котором большую роль играли Гизо и Тьер. Соперничество последних способствовало падению этого министерства в 1836 г., после чего было образовано новое министерство, возглавлявшееся Тьером.

Роман Стендаля был издан в Париже в апреле 1839 г. О записях Вяземского, свидетельствующих о его знакомстве с романом Стендаля до его опубликования, см. Т. Кочеткова. Стендаль и Вяземский.— «Вопросы литературы», 1959, № 7, стр. 151. В *ПС*, IX записи не публиковались.

[29] О министерском кризисе во Франции в январе — марте 1839 г. см. письма Вяземского к родным («Лит. наследство», т. 31—32, стр. 131—148), а также письма А. И. Тургенева к Вяземскому (*ОА*, IV, 67 и далее). Тьер возглавлял в этот период в палате левый центр, а Гизо — правый. Вяземский вращался в среде политических деятелей, настроенных наиболее консервативно.

[30] «*Donna del Lago*» («Женщина с озера») — опера Россини (1819) по роману Вальтер Скотта. Голос Рубини отличался огромным диапазоном и исключительной мягкостью тембра. Вероятно, в связи с особыми свойствами его голоса публика требовала от него исполнения арии Ниобеи из оперы Россини, написанной для женского голоса. Далее Вяземский упоминает оперу французского композитора Обера «Волшебное озеро» (1839).

Ройе-Коллар — видный политический деятель при Карле X, умеренный либерал, апологет буржуазии; «*июльский престол*», т. е. июльская революция 1830 г., изгнание Бурбонов и возведение на престол герцога Орлеанского под именем Луи-Филиппа.

[31] После падения кабинета Моле и длительного министерского кризиса новый

---

[1] «Мои сношения с первым консулом» (*фр.*).

кабинет король поручил сформировать Сульту, который взял себе портфель министра иностранных дел.

[32] *Моле* — с 1836 по 1839 г. возглавлял министерство. В январе 1839 г. А. И. Тургенев через Леве-Веймара обращался к Моле с просьбой помочь П. А. Вяземскому с семьею получить визу на въезд во Францию из Франкфурта, в чем у Вяземского были затруднения (*ОА*, IV, 60—68).

[33] О круге лиц, с которыми был связан в Париже Вяземский, а также его впечатления от политической, литературной, народной и салонной жизни Парижа см. «Лит. наследство», т. 31—32, стр. 120—148 («Вяземский и Франция»), а также письма к Вяземскому А. И. Тургенева из Парижа 1838—1839 гг. (*ОА*, IV, 41—71).

[34] «*Несчастный Лунин*» — декабрист Михаил Сергеевич Лунин, находившийся в Сибири. Графиня *Е. П. Риччи* — его тетка, рожд. Лунина. В *ПС*, IX строки о Луниных опущены.

[35] О романе Абеляра и Элоизы см. прим. 24 к книжке третьей. Дюпен возглавлял в палате депутатов среднюю партию, между правым и левым центром.

[36] Запись, начиная от слов: «Третьего дня...» и кончая цитатой из Фердинанда Дюгэ: в *ПС*, IX отсутствует.

[37] Выписки Вяземского о государственных долгах разных стран, очевидно, связаны с его деятельностью как чиновника министерства финансов.

[38] Вероятно, речь идет о лучшей трагедии испанского драматурга семнадцатого века Августа Морето «Доблестный кастильский судья», героем которой был король Педро Жестокий.

Дата показывает, что эта и дальнейшие записи делались в Петербурге, куда Вяземский вернулся из-за границы весной 1839 г. После этой записи на 20 страницах, из которых четыре страницы — рукой Вяземского, а остальные — рукой писца, копии «Записок Ф. Ф. Вигеля (о службе в Московском архиве Иностранной коллегии и др., см. о них прим. 88). Далее запись об отрывке Пушкина (см. в тексте) и вслед за ней еще три страницы записок Вигеля.

[39] Отрывок Пушкина под заглавием «Записки М.» из задуманного им романа «Русский Пелам» был напечатан в посмертном собрании его сочинений, изданном в 1838—1841 гг. при участии Вяземского. Отмеченные Вяземским слова в этом издании не появились. См. А. С. Пушкин. Соч., т. XI. Спб., 1841, стр. 141 (срав. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 417). Далее Вяземский приводит также случай из своей редакторской работы по изданию сочинений Пушкина.

В «Вестнике Европы» (1813, ч. LXIX, май 1813) на стр. 188 было помещено стихотворение «На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленского» с подписью: А. Пушкин.

Упоминаемые Вяземским «три дня свободного книгопечатания при Екатерине» в действительности не существовали. Передававшиеся о них сведения являются легендой.

[40] Во время Отечественной войны А. С. Шишков писал от лица Александра I манифесты. Он был с 1812 г. государственным секретарем, с 1813 г.— президентом Российской академии, с 1824 по 1828 г.— министром народного просвещения; возглавлял «Беседу любителей русского слова» — реакционное литературное общество, с которым боролись члены общества «Арзамас» (к нему принадлежал и Вяземский), считавшие своим главою Карамзина. Шишковым написана книга «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803). Последнего абзаца в *ПС*, IX нет. Он был опубликован в «Русском архиве», 1874, кн. I, стлб. 189—190 (*ПС*, VIII, 197).

[41] Свадьба наследника Александра Николаевича с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской состоялась 19 апреля 1841 г. Вяземский вспоминал о поданной при его участии в 1819 г. Александру I записке об освобождении крестьян, не имевшей у царя успеха (см. выше прим. 24).

[42] По конвенции, подписанной 13 июля 1841 г. в Лондоне, русский флот ока-

зался запертым в Черном море, что послужило окончательному провалу дипломатии Николая I.

[43] В *ПС*., IX., 197 опубликован лишь первый абзац о Тьере. Выписки, относящиеся к интересам Вяземского как чиновника министерства финансов, не публиковались. Рассказ Бутурлина был опубликован в совершенно иной редакции и с длинным позднейшим рассуждением Вяземского в «Русском архиве», 1873, кн. II, стб. 2139 (*ПС*, VIII, 175). Изменение редакции (в публикации это крепостной секретарь Новикова, который «избаловался»,и Новиков «отдал его в солдаты») показывает, что рассказ вряд ли достоверен: вероятно., он был измышлен во враждебной Новикову среде, стремившейся его опорочить.

[44] Текст с начала записи и до слов «Обольянинов, как и все царствование...» в *ПС*, IX отсутствует. *П. X. Обольянинов* — генерал-прокурор, приближенный Павла I, имевший на него влияние.

[45] Запись, приведенная Вяземским, находится в кишиневском дневнике Пушкина и относится к 3 апреля 1821 г. Напечатана в посмертном издании сочинений Пушкина, т. XI, 1841, стр. 200 (ср. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 303).

[46] О Сальванди и Гюго и т. д. Вяземский писал А. И. Тургеневу 13 июня 1841 г. из Царского села (*ОА*., IV, 137). Слов Шепелева и М. А. Бороздина в *ПС*, IX нет. В более развернутой редакции они напечатаны в «Русском архиве», 1875, кн. I, стб. 196 (*ПС*, VIII, 298). Они же записаны в восьмой книжке (см. выше, стр. 199).

[47] «*Каталог Пушкина*» — опись его книг, составленная опекунами после его смерти (опубликована Л. Б. Модзалевским в «Лит. наследстве», т. 16—18, 1934, стр. 985—1024). Упоминаемая книга — соч. аббата Ларюдина «Мопс без ошейника и без цепи, или свободное и точное открытие таинств общества, именующегося мопсами», Спб., 1784 (см. там же, стр. 1000—1001).

«Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных. Издал Василий Рубан», 2 части. Спб. 1772—1773. В 1836 г. Вяземский задумал под тем же названием историко-литературный сборник (см. *ОА*, III, 333—338 и письма к И. И. Дмитриеву в «Старине и новизне», 1898, кн. II, стр. 191—195). Разрешения на это издание Вяземский не получил.

[48] Это письмо Жуковского А. И. Тургенев послал Вяземскому из Парижа в Петербург в своем письме от 8/20 июля 1841 г., в котором писал: «Один Жуковский мирит меня с жизнью... Письмо его ко мне прелестно. Прочитай его своим, Карамзиным, да еще немногим — и только» (*ОА*, IV, 141). Жуковский женился 21 мая 1841 г. на Елизавете Алексеевне Рейтерн, дочери художника. Следующая за письмом запись из книги Xavier Marmier «Etudes sur Goethe». Paris, 1835 [1] в *ПС*, IX не публиковалась.

[49] Вяземский проводит параллель между гибелью Пушкина и Лермонтова, которые стали жертвой светских интриг, приведших их к дуэли. В смерти Лермонтова были заинтересованы Николай I и его ближайшее окружение. На это и намекает А.Н. Голицын, сопоставляя дуэль Лермонтова с дуэлью генерал-поручика Петра Михайловича Голицына, победителя Пугачева, с П. А. Шепелевым, состоявшейся 11 ноября 1775 г. Об этой дуэли и изменническом убийстве П. М. Голицына, понравившегося Екатерине II, рассказывает в «Замечаниях о Пугачевском бунте» Пушкин (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 373—374).

«*Георгиевская дума*» — составлялась из наличных кавалеров ордена св. Георгия, основанного Екатериной в 1769 г., и предлагала достойных к награждению орденом.

Неоднократные покушения на жизнь короля Луи-Филиппа были неудачны.

[50] Кн. *А. С. Меншиков* был членом Комитета министров, *Е. Ф. Канкрин* — министр финансов (см. *ПС*, IX, 201; VIII, 245 в переработанной редакции из *РА*, 1874, кн. I, стб. 1351).

---

[1] Ксавье Мармье. Этюды о Гете. Париж, 1835.

[51] Далее в тексте — копия письма Жуковского к императрице Александре Федоровне. См. Дополнения, стр. 331—332.

[52] В *ПС*, IX, этой записи нет. Опубликовано в «Русском архиве», 1873, кн. II, стб. 2139 (*ПС*, VIII, 173) в стилистической переработке.

Биография Ф. Г. Волкова, в настоящее время изученная по историческим документам, не подтверждает предание о чтении им наизусть манифеста при воцарении Екатерины II, но установлено, что он участвовал в дворцовом перевороте 1762 г., в котором, по словам мемуариста, «действовал умом», и получил после ряд награждений («Ф. В. Волков и русский театр его времени». Сборник материалов. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 46).

[53] Шеф жандармов *Бенкендорф*, военный министр *Чернышев* и близкий Николаю I *П. А. Клейнмихель* названы здесь как олицетворение официальной самодержавной России.

[54] Запись не имеет окончания. Проект указа об обязанных крестьянах был предложен П. Д. Киселевым и предусматривал прикрепление крепостных крестьян не к личности помещика, а к имениям с обеспечением их определенным земельным участком. Проект был принят 2 апреля 1842 г. Государственным советом с ограничениями и большого значения не имел.

[55] Запись на французском языке в *ПС*, IX не публиковалась. К кому обращена она — выяснить не удалось. Возможно, что это выписка из прочитанного.

[56] Начиная со слов: «Шведский король...» в *ПС*, IX не публиковалось, очевидно, по цензурным соображениям, как критика правительства Николая I и самодержавия.

[57] После слова «указом» Вяземским оставлено свободное место, куда, очевидно, он предполагал вписать, какой указ он имел в виду.

[58] Вся запись на французском языке, начиная с записи «24 мая 1844 г.», в *ПС*, IX опущена по цензурным соображениям. Резкая критика правительства и самодержавия, противопоставление им жизнеспособной нации, понимание первенствующей роли, какую имела проблема освобождения крестьян,— все это, очевидно, устрашало цензуру даже в 1880-х годах. Нелепые подозрения в революционном умысле и заговоре, который якобы возглавлял П. Д. Киселев, бывший в 1828—1829 г. «проконсулом», т. е. правителем Молдавии и Валахии, объяснялись энергичной деятельностью Киселева в области крестьянского вопроса. Ему было поручено управление государственными крестьянами, он был инициатором указа об обязанных крестьянах (см. прим. 54), настаивал на уничтожении личной крепостной зависимости крестьян от помещиков и на государственном регулировании крестьянских наделов и повинностей, что особенно пугало крепостников.

[59] Термины «*тариф*» и «*запретительная система*» берутся Вяземским из его практики работы в министерстве финансов, ведавшем внешней торговлей и таможенными учреждениями. Из записи печатался в *ПС*, IX только первый абзац. Даваемая далее характеристика самодержавия как дикой «вещественной» силы, которая «рано или поздно» будет побеждена «силой умственной», конечно, не могла быть напечатана и в 1884 г.

[60] *Л. А. Перовский* — министр внутренних дел с 1841 г. Басня Крылова — «Крестьянин и лисица». Запись опубликована в *ПС*, IX, 205 с пропуском, начиная от слов: «то есть отъявленным...» и кончая: «налог на бордели».

[61] Запись в *ПС*, IX не публиковалась. Опубликована на русском языке в несколько измененной редакции в «Русском архиве», 1873, кн. II, стб. 1968 (*ПС*, VIII, 165). Вместо: «император Николай», напечатано: «один из могущественнейших европейских владык».

[62] Записи суждений Ф. И. Тютчева в *ПС*, IX опущены.

[63] Записи, наиболее ярко отразившие неизменно оппозиционное отношение Вяземского к правительству Николая I и к самому царю, были опубликованы в *ПС*, IX, 205—207 с небольшими, но характерными купюрами. Отсутствует определение

Уварова и Блудова как людей «пустомысленных», вместо: «он и они», т. е. Николай и его окружение, напечатано: «они».

[64] Переписав письмо Николая, написанное на другой день после восстания декабристов, и критикуя его, Вяземский вновь возвращается к теме, которой посвящены многие записи в пятой и других книжках.

В своем письме Николай упоминал о сведениях о готовившемся заговоре, полученных от И. И. Дибича 4 декабря 1825 г. и основывавшихся на доносе Шервуда. Николай выражал надежду, что Витгенштейн успел предупредить восстание, которое готовилось на юге. Но, как известно, восстание Черниговского полка началось лишь 29 декабря 1825 г. и было разгромлено 3 января 1826 г. (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр 341, 472).

[65] Запись в *ПС*, IX не публиковалась.

[66] Об «ордонансах» Карла X и его отречении от престола за себя и за сына в пользу внука см. прим. 52 и 54 к восьмой книжке (стр. 432).

[67] *И. С. Гагарин* — дипломат, секретарь русского посольства в Париже, в апреле 1842 г. перешел в католичество, а в августе 1843 г. вступил в орден иезуитов. В это время находился в новициате ордена в местечке Сент-Ашель (близ Амьена).

«*Разговор испытующего и проч.*» — «Разговор между испытующим и уверенным о православии восточной греко-российской церкви», соч. московского митрополита Филарета (Изд. I. Спб., 1815, переиздавалось позднее и переводилось на иностранные языки).

«*Правда*» — «Правда вселенской церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах», соч. А. Н. Муравьева (Спб., 1841). Опубликовано в *ПС*, IX, 208 с цензурным сокращением.

[68] *П. Д. Киселев* — с 1838 г. возглавил новое министерство государственных имуществ. В ведение этого министерства были переданы государственные крестьяне, а также государственные земли, леса и связанные с ними учреждения, ранее находившиеся в ведении министерства финансов.

[69] *Б. Ф. Брессан* — французский драматический актер, с 1838 по 1845 г. выступавший в Михайловском театре в Петербурге. «*Марион де Лорм*» — драма В. Гюго (1828).

[70] *Е. Ф. Канкрин* — министр финансов, умер 9 сентября 1845 г. Жена *Канкрина* — рожд. Муравьева, сестра декабриста Артамона Муравьева.

На место Канкрина министром финансов был назначен Ф. П. Вронченко.

Одной из особенностей трагического актера В. А. Каратыгина было его пристрастие к эффектным жестам и позам.

[71] Вяземский принимал ближайшее участие в журнале «Московский телеграф» в 1825—1827 гг. и лично знал Н. А. Полевого. Но уже в конце 1820-х годов он начал враждебно относиться к демократическим тенденциям Полевого, а в 1840-х гг. указывал на связь деятельности Белинского в «Отечественных записках» с ранней деятельностью Полевого в «Московском телеграфе». Резко отрицательное отношение Вяземского к Белинскому, о котором он много раз враждебно отзывался в печати, объясняется не только отвращением аристократа-оппозиционера к революционному демократу, не только тем, что Белинский дал правильную переоценку ряду писателей XVIII и XIX вв., которых Вяземский привык ценить преувеличенно высоко, но и тем, что Белинский не щадил в своих статьях Вяземского — поэта и критика. Последняя фраза — отзыв о Белинском — в *ПС*, IX не печаталась. В архиве Вяземского сохранилась рукопись его статьи «Полевой и Белинский».

[72] Запись является отголоском собственных переживаний Вяземского, которого Николай I определил служить по министерству финансов, в то время как Вяземский просил назначения по министерству просвещения или юстиции. Ср. далее запись от 28 октября 1846 г. (стр. 298—299). *И. Г. Сенявин* — товарищ министра внутренних дел с 1844 г., в 1846 г. произведен в сенаторы. *Е. Б. Крафстрем*— генерал от инфанте-

рии, типичный военный служака, в 1836 г. был назначен попечителем дерптского учебного округа.

[73] Статья Вяземского «Объявление о памятнике Крылову» была напечатана в ЖМНП, 1844, ч. XLV, отд. VII, стр. 19., статья Булгарина «Воспоминание об И. А. Крылове» — в «Северной пчеле», 1845, № 8. В ней Булгарин появление басни Крылова «Прихожанин» связывает со статьей Вяземского 1823 г. «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», которая якобы задела Крылова противопоставлением ему Дмитриева как баснописца.

[74] Цитируя английского поэта и публициста XVII в. Дж. Мильтона по современному французскому периодическому изданию «Сеятель», Вяземский имел в виду политику Николая I и выбирал те утверждения Мильтона, которые направлены против вмешательства церкви и государства в религиозные убеждения людей.

[75] Вяземский упоминает о насильственном слиянии греко-униатской церкви с православной, которое было проведено в течение царствования Николая I и утверждено 25 марта 1839 г. Он сопоставляет эту политическую меру русского правительства, опасавшегося влияния католичества в западных губерниях, с отменой в 1685 г. Людовиком XIV Нантского эдикта, даровавшего протестантам равные права с католиками в 1598 г. В результате отмены эдикта тысячи протестантов эмигрировали из Франции.

[76] *Фридерик-Цезарь Лагарп* — швейцарский политический деятель, убежденный республиканец и последователь просветителей, был приглашен Екатериной II для занятия с великими князьями Александром и Константином. Поэтому Лагарп до известной степени имел влияние на либеральные идеи Александра I в начале его царствования. В 1801—1802 гг. Лагарп опять посетил Россию. К 1802—1803 гг. относится начало ряда мероприятий по организации образовательных учреждений в России: создание комиссии училищ, выработка положения об устройстве учебных заведений разных типов и т. д.

[77] Барон *де Барант* — французский государственный деятель, историк и публицист. Занимал пост французского посланника в России с 1835 по 1841 г. Барант опубликовал письма Людовика XVIII, адресованные графу Сен-При, французскому дипломату, эмигрировавшему из Франции в 1790 г. и бывшему министром двора Людовика XVIII во время эмиграции последнего.

[78] Рассказ Д. П. Бутурлина в *ПС*, IX не печатался. Был опубликован в «Русском архиве», 1873, кн. I, стб. 1028—1030 (*ПС*, VIII, 122—123), в более распространенном изложении и с позднейшими рассуждениями об отношении Александра I к Кутузову. В передаче слов Александра в печати слово «нация» (которая хотела назначения Кутузова) заменено словом «публика».

[79] *Людовик XVIII* бежал из Франции в 1791 г., жил в эмиграции. В 1795 г. объявил себя королем Франции; занял королевский престол после низложения и ссылки Наполеона. *Сен-При, Франсуа* — французский государственный деятель эпохи Людовика XVI. В 1774 г. был посредником при заключении русско-турецкого мира. После французской революции 1789 г. Сен-При эмигрировал в Россию и выполнял дипломатические поручения русского двора. Сын его, Э. Ф. Сен-При, был офицером, впоследствии генералом русской армии, участником Отечественной войны.

[80] *В. А. Перовский*, будучи оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса, организовал в октябре 1839 г. экспедицию в Хиву для смещения хивинского хана. Экспедиция эта закончилась бесславно с большими потерями вследствие тяжелых условий похода. *А. С Меншиков* — контр-адмирал и начальник Морского штаба с 1828 г.

[81] «Le Peuple» («Народ»), сочинение Ж. Мишле (1848). Мелкобуржуазный историк, антиклерикал, противопоставлявший народническо-демократические воззрения буржуазным либеральным историкам, Мишле превозносил народ, но не признавал классов, пропагандировал слияние верхов и низов на основе любви и отречения от эгоизма.

[82] См. прим. 80.

[83] *В. А. Пашков* — генерал-майор, член Государственного совета, получил орден Андрея Первозванного 5 апреля 1830 г., уже будучи в отставке. Характеристика «кого-то» «капризным всемогущим», вероятно, относится к царю-самодержцу.

[84] Вяземский критикует «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук» (в 1842 г. вышли т. I и II, в 1843 г. — т. III и IV). *Баронесса де Сталь-Делонэ* — автор трехтомных «Мемуаров».

[85] Вяземский имеет в виду теорию, которая была распространена среди историков того времени, о норманском происхождении русских князей и их влиянии на создание русского государства.

[86] Вяземский уже в 40-х годах выражал свое резко отрицательное отношение к начинавшему складываться учению славянофилов и продолжал его высмеивать всю жизнь. Ненависть славянофилов к Европе Вяземский сравнивал с ненавистью Пруссии к России, которая в 1812 г. спасла Пруссию от владычества Наполеона. Назвав «руссославов» немцами, Вяземский как бы фиксировал связь теории славянофилов с немецкой идеалистической философией.

[87] Выписка из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. IX. Спб., 1818, стр. 225).

[88] Известные «Записки» Ф. Ф. Вигеля, нарисовавшего портреты множества деятелей первой половины XIX в., были впервые опубликованы только в 1864—1865 гг. в «Русском вестнике». Но в 1840-х годах Вигель неоднократно и с успехом читал их среди своих знакомых. Характеристику министра внутренних дел Козодавлева Вигель дал в III части «Записок» (см. изд. 1928, т. I, стр. 314—315).

[89] 29 января 1849 г. в честь 50-летия литературной деятельности Жуковского, находившегося в Баден-Бадене, Вяземский организовал у себя дома торжественный вечер, на котором присутствовал наследник (будущий царь Александр II). На вечере граф М. Виельгорский пел застольные куплеты соч. Вяземского («Песнь на день рождения В. А. Жуковского»), а граф Блудов прочитал стихотворение Вяземского «Приветствие В. А. Жуковскому» (см. *ПС*, IV, 329—334 и стр. X, примечания). Далее следуют записи, относящиеся к 1850—1860 гг. См. Дополнения, стр. 333—338.

КНИЖКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
(1838—1848)

[1] Книжка размером 22 × 18 сантиметров, в картонном переплете с кожаным корешком. 37 исписанных листов. Шифр: ф. 195, оп. 1, № 1118. До публикуемого текста — рукою П. А. Вяземского записи расходов, начиная с 20 (нов. ст.) сентября 1838 г., сделанных в Брайтоне. Среди них — плата за четыре урока английского языка и за билет на концерт Рубини. О пребывании Вяземского в Брайтоне см. книжки двенадцатую и тринадцатую. Эта книжка в *ПС* не публиковалась.

[2] Выписки, начинающиеся этим заголовком, находятся на шести страницах и сделаны из книги Pücler-Müskau (Пюклер Мюскау, см. прим. 6 к книжке тринадцатой). Выписки на французском языке и содержат сведения о Лондоне: гостиницы, кафе, музеи, парки, театры, известные актеры, издатели, окрестности Лондона. Выписки частично списаны точно, частично изложены сокращенно. Среди них имеются заметки Вяземского по поводу выписываемого, например: «Очень умно и справедливо», «Откуда вдруг берется скромность у Пюклера», «Это еще вопрос, требующий исследования» и др. Три замечания Вяземского печатаем в тексте.

[3] Далее рукою В. Ф. Вяземской списано письмо на французском языке по поводу свободной торговли министра финансов Канкрина из Петербурга от 12/24 января 1839 г. к барону А. К. Мейендорфу, служившему агентом во Франции от департамента мануфактур и внутренней торговли. Помета Вяземского: «Письмо гр. Канкрина

к Мейндорфу в Париж». Далее в тексте запись рукою Вяземского о демократических поэтах Франции.

[4] Вяземский перечисляет поэтов, происходивших из провинциальной, крестьянской или рабочей, среды, которые пользовались в Париже в конце 30-х годов известностью. *Жасмен* известен сборником «Papillotes» [1] (1835) и поэмой «L'aveugle de Castel Cuille» [2] (1836). О нем писали Сент-Бев и Шарль Нодье. *Лебретон* — первые его стихи, напечатанные в Руане, встретили одобрения Шатобриана, Беранже, Ламартина и Гюго. В 1837 г. в Руане вышел его первый сборник стихотворений «Heures de repos d'un ouvrier» [3], который цитирует Вяземский. *Магю* — в 1839 г. в г. Мо вышел его сборник «Poésies». *Жан Ребуль* — прославился стихотворением «L'ange et l'enfant» [4] (1828), чему способствовал Ламартин, посвятивший ему одну из своих «Гармоний» («Harmonies»). В 1836 г. Ребуль издал сборник стихотворений, а в 1839 г. приехал в Париж, где был встречен как известный поэт. *Эжезипп Моро* (псевдоним Пьера Жана Руйльо) принимал активное участие в июльской революции. Умер в 1838 г. в нищете. Он прославился своим сборником стихотворений «Myosotis» [5].

После записи о демократических поэтах на двух листах — выписки о Польше на французском языке рукою Вяземского с его примечанием: «Все это извлечено из: „Lettres particulières du Baron de Viomenil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772. Paris, 1808“ [6]». После выписок — запись о Тамбурини (в тексте).

[5] «Lucia» [7] — опера Доницетти. *Тамбурини Антонио* — знаменитый итальянский певец (basso cantante) [8], выступавший в 1830—1840-х годах во многих городах Европы.

Далее на двух страницах — выписка на французском языке рукою Вяземского о смерти импер. Елизаветы Петровны в 1761 г. Далее на десяти листах рукою В. Ф. Вяземской списано письмо Николаю I Поццо-ди-Борго, бывшего русского посла в Париже, в ответ на запрос царя о Польше. Далее списаны, первое — рукою Вяземского, второе — рукою писца, два письма графа Ф. В. Ростопчина к кн. П. И. Багратиону от 6 и 12 августа 1812 г. из Москвы. Далее в тексте — письмо Вяземского к Н. Ф. Арендту.

[6] Письмо к Н. Ф. Арендту переписано рукою В. Ф. Вяземской, надпись над ним и приписка внизу — рукою Вяземского. Это письмо с комментариями и характеристикой Арендта было опубликовано в «Русском архиве», 1874, кн. I, стб. 1347, в «Выдержках из старой записной книжки», но без раскрытия имени автора письма — он обозначен как N. N. (см. *ПС*, VIII, 241). За письмом к Арендту следуют выписки рукою Вяземского с его пометой: «Из замечательной статьи: Budjet de 1845. „La Presse“ 24 juin 1844» [9]. Далее на 10 листах рукою неустановленного лица списана статья Ф. И. Тютчева, относящаяся к апрелю 1848 г. и представленная им Николаю I. Была напечатана в Париже в 1849 г. под заглавием: «Mémoire, présenté à l'empereur Nicolas par un russe, employé supérieur au affa ires étrangères» [10]. Позднее перепечатывалось под заглавием: «La Russie et la révolution» [11]. В начале списка помета —рукою Вяземского: «Писано Тютчевым 1848, после февральской революции».

---

[1] «Папильотки» (*фр.*).

[2] «Слепой из Кастель Кюйль» (*фр.*).

[3] «Часы отдыха одного рабочего» (*фр.*).

[4] «Ангел и дитя» (*фр.*).

[5] «Незабудка» (*фр.*).

[6] «Частные письма барона де Виомениль о польских делах в 1771 и 1772 гг.». Париж, 1808 (*фр.*).

[7] «Лючиа» (*ит.*).

[8] Бассо кантанте (*ит.*).

[9] Бюджет 1845 г. «Ла Пресс» 24 июня (*фр.*).

[10] «Записка, представленная императору Николаю русским, высшим чиновником по иностранным делам» (*фр.*).

[11] «Россия и революция» (*фр.*).

ДОПОЛНЕНИЯ

[Из второй записной книжки]

(1813—1855)

[1] *ПС*, IX, 48. В конце 1855 г. Вяземский стал товарищем министра просвещения и возглавил цензуру, что дало ему доступ к делам Главного управления цензуры.

[2] Опубликовано в *ПС*, IX, 49 с пропуском имен Дрatшусовой, Львова и Маслова. Критическое отношение к высшей полиции Вяземский сохранил и на посту товарища министра. Более половины названных в списке лиц не принадлежало к славянофильскому направлению. *Аксаков Константин Сергеевич*— в списке московских славянофилов ошибочно назван Тимофеевичем. Очевидно, его спутали с отцом — Сергеем Тимофеевичем Аксаковым.

[3] *ПС*, IX, 49—50. *Вел. кн. Константин Николаевич* — второй сын Николая I, с 1855 г. управлял флотом и морским ведомством на правах министра.

П. А. Валуев — был женат на дочери Вяземского Марии. Вяземский переписал этот документ, обличающий наследие Николая I и характеризующий либеральные настроения начала нового царствования, которые находили отражение (правда, очень недолго) даже в деятельности высших сановников, в данном случае — в циркуляре, изданном братом царя.

[Из седьмой записной книжки]

(1828—1833)

[1] *ПС*, IX, 96—98. Копия письма сделана рукою В. Ф. Вяземской с небольшими исправлениями рукою П. А. Вяземского. Примечание П. А. Вяземского, которое мы печатаем после перевода текста письма, написано им на верхнем и нижнем поле первой страницы копии и относится к позднейшим годам.

Вяземский приехал в Петербург в первой половине марта 1828 г. В письме к А. И. Тургеневу от 27 апреля 1828 г. он так изложил историю своего обращения к Бенкендорфу: «... измученный советами приятелей и друзей проситься в службу, решился я в бытность здесь Киселева и по его особенному настоянию проситься к нему, то есть в главную квартиру второй армии. Пошли переговоры и затруднения. Все высокие государственные чины занялись этим делом, как государственной важностью, и куда доброжелатели мои не совались, находили везде уже приготовленную оппозицию. Говорили, что меня должно принять в службу, но не туда, куда я прошусь» (Архив братьев Тургеневых, 1921, вып. VI, 70).

[2] *ПС*, IX, 98. Копия — рукою В. Ф. Вяземской. П. А. Вяземский подчеркнул карандашом слова «содействовать в открывающейся против Оттоманской Порты войне» и поставил после них вопросительный знак в скобках. Кроме того, он подчеркнул слово «отнюдь». Позднейшее примечание Вяземского написано на нижних полях двух страниц копии. 20 апреля 1828 г. Бенкендорф прислал отказ Пушкину, аналогичный отказу Вяземскому (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 11). В отказе несомненную роль сыграл отзыв вел. кн. Константина Павловича, который писал Бенкендорфу: «Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, ввиду прежнего поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться» («Русский архив», 1884, кн. III, стб. 319).

Вяземский был чрезвычайно возмущен полученным им и Пушкиным отказом, видя в нем результат «низких побуждений блестящих кромешников». С презрением писал он о Бенкендорфе: «Что ни делайте, не берите меня за Дунай, а в каталогах, а в биографических словарях все-таки имячко мое всплывет, когда имя моего отца и благодетеля Александра Христофоровича будет забыто, ибо, вероятно, Россия не воздвигнет никогда Пантеона жандармам...» (Архив бр. Тургеневых. VI, стр. 70—72).

[3] *ПС*, IX, 99. Вяземский, получив отказ в принятии на службу, в первых числах июня 1828 г. выехал из Петербурга в Москву и потом к семье в Саратовскую губернию. Как видно из позднейшего примечания Вяземского (см. стр. 311), он был оклеветан в доносе, присланном Николаю I. По приказу последнего граф П. А. Толстой 3 июля писал московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну о воспрещении Вяземскому издавать газету и о его якобы «развратной жизни». Голицын был обязан передать Вяземскому оскорбительные обвинения, возведенные на него царем, что он сделал по возвращении Вяземского в Москву в конце сентября 1828 г. в публикуемом письме, к которому, очевидно, присоединил и оригинал письма, полученного от П. А. Толстого. Копии обоих писем внесены в записную книжку рукою В. Ф. Вяземской. Об «Утренней газете» см. указанное примечание Вяземского.

[4] Примечание Вяземского написано его позднейшим почерком на нижних полях пяти страниц, на которых переписаны письма Д. В. Голицына, П. А. Толстого и далее — письмо Вяземского Голицыну.

[5] *ПС*, IX, 100—104. Два публикуемые письма Вяземского к кн. Д. В. Голицыну должны быть отнесены к концу сентября — началу октября 1828 г. Узнав о предъявленных ему обвинениях, Вяземский просил о помощи Д. В. Голицына, который предложил ему написать полуофициальное письмо с возражениями на обвинения. Он обещал довести это письмо через Бенкендорфа до сведения царя. Препровождая такое письмо Голицыну, Вяземский имел в виду, что оно будет читаться не только шефом жандармов, но, возможно, и Николаем I. Оба письма переписаны рукою В. Ф. Вяземской. Вяземским исправлены грамматические ошибки.

[6] Здесь и далее имеется в виду письмо гр. П.А. Толстого (стр. 310—311), который на время отсутствия Николая в связи с Турецкой войной жил в Зимнем дворце, был снабжен особыми полномочиями и являлся главным лицом по внутренним делам империи (РА, 1900, I, 197).

[7] Если предшествующее письмо Вяземского к Голицыну писалось в расчете на чтение его Бенкендорфом и Николаем, то это адресовано лично Голицыну и содержит откровенные предположения Вяземского о происхождении клеветы и т. д.

[8] «Justine ou les Malheurs de la vertu» [1], 1791, роман маркиза де Сада (de Sade). В 1801 г. издания романов де Сада за их порнографический характер были конфискованы, а автор заключен в тюрьму. Слово Justine вписано и подчеркнуто Вяземским.

[9] *ПС*, IX, 105, 106. Как показывают даты и содержание этого и следующего писем, Д. В. Голицын направил адресованное ему письмо Вяземского на русском языке Бенкендорфу 1 ноября с просьбой сообщить об этом письме Николаю. Бенкендорф ответил на него 7 ноября; Голицын, получив ответ, 14-го переправил его Вяземскому со своим письмом. Оба письма—Голицына и Бенкендорфа переписаны рукою В.Ф.Вяземской. Над первым помета Вяземского: «ко мне», над вторым: «Письмо Бенкендорфа к Голицыну».

[10] Вяземский, узнав по приезде в Москву о предъявленном ему обвинении и начав ходатайствовать об оправдании через Д. В. Голицына, в то же время сообщил обо всем в Петербург Жуковскому, излил ему свое негодование и просил о помощи. Жуковский написал по поводу Вяземского письмо к гр. П. А. Толстому, прося довести

---

[1] «Жюстина, или Несчастия добродетели» (*фр.*).

его до сведения Николая, говорил с Бенкендорфом и позднее говорил и с Николаем. Вяземский писал Жуковскому почти ежедневно (14, 15 и 17 ноября). Особенно волновало его сообщение, что в руках Николая были какие-то его писания, которые и вызвали гнев царя. Жуковский советовал ему написать о себе Николаю или через Бенкендорфа, или через Толстого, но Вяземский отвечал ему, что ни тому, ни другому «рука писать не подымается», а что он хочет писать непосредственно царю. Между тем траур двора по умершей Марии Федоровне, матери Николая I, вынуждал отложить это письмо (*РА*, 1900, кн. I, стб. 194—203).

[11] Примечание — рукой П. А. Вяземского — внизу страницы, написано (судя по почерку и чернилам) частью в 1820—1830-х годах, а начиная со слов: «Нет сомнения», не ранее 1850-х годов.

[12] *ПС*, IX, 109—114. Два письма Вяземского к Д. В. Голицыну, датированные 18 апреля 1829 г., имели разное назначение. В первом вновь говорилось о том положении, в котором оказался Вяземский. Оно до некоторой степени повторяло «Исповедь» и было написано с целью довести его до сведения Николая. Вяземский, опасаясь, что уже отправленное царю письмо и «Исповедь» не обратят на себя в достаточной мере его внимание, просил Голицына (во втором письме), который предполагал поехать в Петербург, еще раз напомнить о нем Николаю.

[13] См. письма П. А. Толстого и Вяземского к Д. В. Голицыну, опубликованные на стр. 310—315.

[14] Письмо Бенкендорфа см. выше, стр. 309—310.

[15] Весной 1829 г. Николай I ездил в Варшаву для коронования. В это же время был раскрыт в Варшаве заговор польской молодежи против него, несомненно, поддерживаемый представителями оппозиции в Сенате.

[16] О выходе Вяземского в отставку в 1821 г. см. в «Исповеди» (стр. 149—152). в «Автобиографическом введении» (*ПС*, II, стр. XVII и XVIII), а также выше, стр. 343.

[17] *ПС*, IX, 114—115 (первая половина письма). *Д. Г. Бибиков* — с 1824 по 1835 г. директор департамента внешней торговли. Был непосредственным начальником Вяземского по службе в министерстве финансов. С 1832 г. Вяземский занял при Бибикове должность вице-директора. Полуофициальный, полуприятельский характер письма объясняется старинными дружескими связями Вяземского с Бибиковым. Письмо списано рукою В. Ф. Вяземской. В *ПС*, IX печаталось лишь частично.

[18] *Второй том «Истории русского народа»* Н. А. Полевого вышел из печати в 1830 г. (ценз. разреш. 28. II 1830). Похороны В. Л. Пушкина состоялись 23 августа 1830 г.

[19] *С. Н. Глинка* — уволен от цензорства за то, что пропустил в № 10 «Московского телеграфа» за 1830 г. сатирическую статейку «Утро у знатного барина, князя Беззубова», задевавшую в изображенном в ней кн. Беззубове — кн. Н. Б. Юсупова. Вяземский напоминал о роли, которую сыграл в 1812 г. руководимый С. Н. Глинкой журнал «Русский вестник», горячо боровшийся против галломании русского дворянства и призывавший к самой ожесточенной борьбе с Наполеоном. Вяземский ходатайствовал об уволенном цензоре также и в письмах к Е. М. Хитрово и Жуковскому (см. прим. 61 к книжке восьмой). Об этом эпизоде см. «Записки С. Н. Глинки». Спб., 1895, стр. 356—358.

[20] Вяземский был откомандирован в Москву в связи с организацией там промышленной выставки, которая должна была открыться в залах Дворянского собрания в конце 1830 г. Однако холера помешала устройству выставки. Она открылась лишь весной 1831 г. Ее описанию Вяземский посвятил статью «Взгляд на Московскую выставку» (*ПС*, II, 175—185).

[21] *Министр финансов* — Е. Ф. Канкрин.

[22] В *ПС* не публиковалось. Опубликовано в «Русском архиве, 1879, кн. 5, стр. 106—108 в публикации «Из писем кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову». Текст «Русского архива» имеет редакционные купюры, имя Новосильцева скрыто многото-

чием. Заключается он строкой, которая отсутствует в записной книжке: «Не забывай прислать мне польские газеты; любопытно видеть, как она будет говорить об этих происшествиях». Переписано В. Ф. Вяземской. Вызванное первыми известиями о польском восстании письмо к Булгакову (о нем см. *ОА*, I, 394—396) повторяет во многом записи, которые Вяземский занес под свежим впечатлением накануне в восьмую записную книжку (см. стр.206—207). Следующие письма к Булгакову от 10, 18, 21, 26 и 27 декабря 1830 г. и начала 1831 г., напечатанные в «Русском архиве», отражают дальнейшие размышления Вяземского о событиях в Польше.

[23] Вяземский имел в виду Бельгийскую революцию 1830 г. Восстание против голландского господства вспыхнуло под влиянием июльской революции во Франции. Была провозглашена независимость Бельгии, которая 20 декабря 1830 г. была признана Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией.

«*Бунт в Коломне*» — народные волнения, возникшие в 1830 г. в связи с эпидемией холеры и жестоко подавленные войсками Николая.

[24] *Княгиня Жанетта Антоновна Лович* — рожд. Грудзинская, с 1820 г. жена вел. кн. Константина Павловича. Женитьба на ней послужила поводом лишения Константина прав наследования императорского престола. Его ограниченная грубая политика много способствовала росту ненависти поляков к русскому самодержавию и косвенно содействовала их революционному выступлению в 1830—1831 гг.

[25] Сенаторы *А. А. Башилов* и *Л. А. Яковлев* — в 1830 г. составляли в Москве отчеты о холере и ее жертвах. *Рейс* — врач Вяземских. Окуривать разными составами рекомендовалось для предохранения от заразы холерой.

[26] Письмо А. Я. Булгакова в «Северной пчеле», № 142 от 27 ноября 1830 г. «Письмо Москвича. К приятелю в С.-Петербург о холере». Без подписи. Восхваляется организация борьбы с холерой в Москве и самоотверженность жителей.

[27] *Ф. В. Булгарин* — поляк по происхождению, состоявший на службе III отделения. В «Северной пчеле» № 144 от 4 декабря он поместил «Письмо Поляка, помещика Царства Польского из Санкт-Петербурга в Люблин к брату» с примечанием, в котором высказал полное сочувствие содержанию письма, обличавшего «гнусные поступки варшавских мятежников», и называл восстание «местным бунтом против власти». О *голландцах* см. прим. 23.

[28] Речь идет о дочери А. Я. Булгакова Екатерине, фрейлине. Она славилась красотой. Вяземский часто называл ее «ушком» (см. *ОА*, III, стр. 581).

[29] Копия «Выписки» и примечание Вяземского датируются 1833 г., но вписаны в книжку на оставшийся чистый лист тотчас после «Исповеди» (1829), ранее, чем письма к Бибикову и Булгакову. Публикуем согласно хронологии в конце книжки. *П.К.Эссен*— петербургский военный генерал-губернатор, генерал от инфантерии, был «пожалован» графом в 1833 г. Опубликовано *ПС*, IX, 108—109.

[Из тринадцатой записной книжки]

(1838—1860)

[1] *ПС*, IX, 201—203. Жуковский женился на Е. А. Рейтерн 21 мая 1841 г. О его женитьбе см. в тексте тринадцатой книжки (стр. 273) — отрывок из письма Жуковского к А. И. Тургеневу.

С 1827 по 1838 г. Жуковский был воспитателем наследника, будущего царя Александра II («цесаревича»), а в 1837 г. сопровождал его в путешествии по России. Весной 1841 г. наследник женился на принцессе Марии, которую и назвал в письмах к Жуковскому «ангелом моим Мариею». Письмо Жуковского списано рукою В. Ф. Вяземской с небольшими поправками Вяземского. Приписки в начале и в конце копии рукою Вяземского.

[2] Опубликовано на русском языке в «Русском архиве», 1873, кн. II, стб. 2139 (*ПС* VIII, 168—169). В конце рассказа в тетради помета Вяземского карандашом: «Списано».

[3] *ПС*, IX, 227—228. Запись относится, очевидно, к 1860 г. и говорит о враждебной позиции, которую занял Вяземский по отношению к лучшим русским писателям этого времени, произведения которых обличали глубокую порочность самодержавной крепостнической действительности.

[4] «*Незабвенным*» обычно в царствование Николая I называли его предшественника, Александра I. Начиная от слов: «Вот, если... и до слов: «При Павле...» в *ПС*, IX 335—336, опущено. Два абзаца (о старике Прозоровском и о войне 1812 г.) опубликованы в «Русском архиве», 1873, кн. II, стб. 2140 (*ПС*, VIII, 170) с сокращениями без ссылки на письмо Багратиона и с присоединением характеристики Ермолова, которой нет в записной книжке.

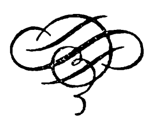
[5] Запись с резкой критикой русской дипломатии и прежде всего возглавлявшего ее кн. Горчакова в *ПС*, IX не опубликована по цензурным соображениям. Свидание в Варшаве австрийского и русского императоров состоялось 22 октября 1860 г. Говоря о том, что австрийский император дал «что-то вроде конституции» своим народам, Вяземский вспоминает о конституции, которую Александр I дал полякам и которую, после многократных ее нарушений, после Польского восстания 1830—1831 г., Николай I отнял у них.

Говоря о «*штукарях*» венского кабинета министров, Вяземский вспоминал Меттерниха, политика которого имела решающее влияние на действия Тройственного Союза после победы над Наполеоном. Высмеивая Горчакова, Вяземский вспоминает свой Noël [1], написанный в 1813—1815 гг., где есть следующий куплет о Государственном совете:

«Совет наш именитой,
И в лентах и в звездах,
Приходит с шумной свитой,
Малютку обнял страх.
«Не бойся, ничего — сиди себе в покое,
Не обижаем никого,
Мы, право, право, ничего,
Хоть нас число большое».
(Избр. стих., стр. 395)

[6] *ПС* IX, 229. Жена Николая I, Александра Федоровна, умерла 19 октября 1860 г. *В. Б. Бажанов* — духовник царской семьи. Отношение Николая I к австрийскому императору связано с предательской политикой Австрии в войне 1853—1855 гг.

[1] *Ноэль* — рождественская песенка (*фр.*).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ПС — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Издание графа С. Д. Шереметева, т. I—XII. Спб., 1878—1888; т. I — 1878 г.; т. II — 1879; т. III, IV, V — 1880; т. VI — 1881; т. VII — 1882; т. VIII — 1883; т. IX — 1884; т. X — 1886; т. XI — 1887; т. XII — 1888.

Избр. стих.— П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.— Л., 1935.

ОА, I, II, III, IV, V — Остафьевский архив князей Вяземских. Издание графа С. Д. Шереметева. Т. I — IV — под ред. и с примечаниями В. И. Саитова, Спб., 1899—1909.

ОА, I — том I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1812—1819. Спб., 1899.

ОА, II — том II. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1820—1823. Спб., 1899.

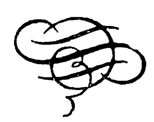
ОА, III — том III. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1824—1836. Спб., 1908 (текст — 1899, примечания — 1908).

ОА, IV — том IV. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1837—1845. Спб., 1899.

ОА, V — том V. Письма кн. П. А. Вяземского к жене, 1812—1826. Письма кн. В. Ф. Вяземской к кн. П. А. Вяземскому, 1824. Под ред. и с прим. П. Н. Шеффера. Спб., 1909.

РА — «Русский архив».

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104 и т. д.— Центральный Государственный архив литературы и искусства. Фонд 195 кн. Вяземских («Остафьевский архив»), опись 1, единица хранения 1104 и т. д.

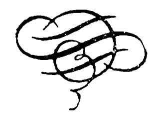

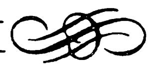
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* Указатель составлен Е. В. Козловой и Г. А. Галиным.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

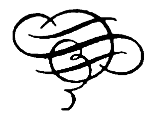

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Петр Андреевич Вяземский

Записные книжки
1813—1848 гг.

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Д. Михайлов*
Художник *Н. А. Седельников*
Технический редактор *В. В. Волкова*

РИСО АН СССР № 3-133В. Сдано в набор 14/XI 1962 г.
Подписано к печати 2/II 1963 г. Формат 70×90¹/₁₆.
Печ. л 31,75 + 4 вкл. Усл. печ. л. 37,14+4 вкл. Уч.-изд. л. 36,5(36,3+0,2 вкл.)
Тираж 10 000 экз. Изд. № 533. Тип. зак № 1390.

Цена 2 р. 36 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	9 св.	кандидат	доктор
75	4 св.	Барвер	Барьер
115	7 сн.	«Записки о Москве»	«Записка о Москве»
222	12 сн.	[русековатый]	руссковатый [?]
232	3 св.	Craslau [Краслау]	Czaslau [Чеслау]
239	5 св.	С. Ф. Гагеном	С Ф[арн] Гагеном
239	6 св.	[Поездка в Ревель. 1844]	[Поездки в Мануйлово, Ревель и Гельсингфорс. 1843]
252	5 св.	[2 сл. прзб.]	Devil's Dyke
384	4 сн.	Иван Иванович	Иван Никитич
389	12 св.	Франсуа Ламот Левайе — французский философ-скептик	Антуан Удар де Ламот — французский писатель
419	18—19 сн.	Председателем... Константин	Членом... Михаил
421	15 св.	1899	1819
434	11 сн.	Константин, который возглавлял суд	Михаил, который был членом следственной комиссии
482	27 св. прав. стлб.	1800	1850
500	11 св. прав. стлб.	1789	1785

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР